МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

(ВМѢСТО ЛИТОГРАФИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ ЛЕКЦІЙ).

В. Уляницкаго,

Засл. орд. профессора Императорскаго Томскаго Университета.

Изданіе книжнаго магазина П. И. Макушина.

БИБЛІОТЕКА
Варш. Высш. Женск. Курсовъ
№ 07716

ТОМСКЪ.

Типо-литографія Сибир. Т—ва Печатнаго Дѣла, уг. Дворянск. ул. и Ямск. пер. соб. д.

1911.

Печатано по опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Томскаго Университета. Марта 16 дня 1911 года. И. о. Декана *В. Уляницкій.*

BIBLJOTEKA
Seminarjum Prawa P[illegible]znego
UNIWERSYTETU WARS[illegible]SKIEGO
Nr. 905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опредѣленіе м. права. Источники м. права: матеріальный и формальные. М. обычай и comitas gentium. М. договоръ. Рѣшенія м. судовъ. Внутреннее законодательство и національныя судебныя рѣшенія. Наука м. права.

Фактическія основанія положительнаго м. права (стр. 10): фактъ существованія м. общества культурныхъ государствъ, вызываемый общностью ихъ интересовъ. Положительный характеръ нормъ м. права: ихъ обязательность и принудительность, основывающіяся на способѣ возникновенія и охраненія. Возраженія противъ положительнаго характера м. права.

Предѣлы распространенія м. права (стр. 19) и примѣненія его къ народамъ, стоящимъ внѣ европейской культуры.

М. общеніе и государственный суверенитетъ: объективный и субъективный принципы м. отношеній (стр. 23). Неправильность построеній м. права на одностороннемъ признаніи того или другого принципа.

М. союзъ и его органы (стр. 26).

Конгрессы и конференціи (стр. 28). Исторія. Различіе между конгрессами и конференціями. Организація ихъ.

Международныя уніи (стр. 34). Ихъ цѣли и организація (конференціи; бюро; третейскіе суды).

Субъектъ м. права (стр. 38). Національность, какъ субъектъ м. права по ученію итальянской школы. Критика этого ученія. Понятія о государствѣ въ м. правѣ.

Виды государствъ (стр. 40). Государства простыя и сложныя. Реальная унія; союзное государство; союзъ государствъ. Протекторатъ въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ (стр. 43). Институтъ вассальныхъ отношеній (полунезависимыя государства). Значеніе этихъ политическихъ государственныхъ формъ въ м. правѣ.

Возникновеніе и признаніе новыхъ государствъ (стр. 47). Способы возникновенія государствъ. Международное признаніе вновь возникшаго государства членомъ м. союза (стр. 48). Его юридическое значеніе;

случаи, въ которыхъ оно необходимо; свобода и правомѣрность (своевременность) признанія; формальное, косвенное (фактическое) и условное признаніе; юридическія послѣдствія признанія. Значеніе политическихъ перемѣнъ, происходящихъ въ государствахъ. Междоусобная война; понятіе. Признаніе революціонной партіи воюющею стороной.

Основныя права государствъ въ м. отношеніяхъ (стр. 55). Права м. правовой личности. Суверенитетъ, право-и дѣеспособность (самоопредѣленіе, самосохраненіе и развитіе) и равноправность государствъ въ м. сферѣ. Государства съ ограниченною м. дѣеспособностью (связанныя реальною уніею: федераціи и конфедераціи; подохранныя и полунезависимыя государства; государства нейтрализованныя (стр. 62). Равноправность и фактическое неравенство (стр. 67). Неприкосновенность м. личности государства и свобода ея самоопредѣленія во внутренней и внѣшней жизни. Право на самосохраненіе и на общеніе. Внутренній суверенитетъ государства,—территоріальный и личный (стр. 70).

Интервенція (стр. 70). Понятіе. Коллективное вмѣшательство. Доктрина Монроэ (стр. 75).

Международноправовыя отношенія; ихъ отличительные признаки (стран. 76).

Государственная территорія (стр. 80). Опредѣленіе. Границы государства,—естественныя и искусственныя (договорныя). Составъ государственной территоріи земельной и водной (стр. 83). Аренда; сфера вліянія; сфера интересовъ; рѣки; озера; внутреннія моря; территоріальныя воды; государственныя и коммерческія суда; береговое море. Объемъ и предѣлы территоріальной государственной власти относительно иностранныхъ кораблей. Воздушное пространство (стр. 90).

Юридическія свойства государственной территоріи (стр. 92). Она—предѣлъ власвованія государства. Недѣлимость и неотчуждаемость ея по началамъ частн. права. Ограниченія террит. власти. Ихъ двоякое юридическое основаніе. Занятіе и управленіе и аренда чужой территоріи (стр. 95). Чистичныя (договорныя) отрицательныя и положительныя ограниченія территоріальной власти государства.

Способы пріобрѣтенія территоріальнаго верховенства (стр. 99): первоначальные и производные; ихъ формы и юридическія послѣдствія. Завладѣніе вслѣдствіе естественныхъ явленій природы. Завладѣніе въ тѣсномъ смыслѣ. Различн. виды цессіи (уступки); уступка для занятія и управленія; аренда; уступка по рѣшенію трет. суда (стр. 105). Завоеваніе (стр. 109). Плебисцитъ (стр. 110).

Преемство въ междугосударственныхъ правоотношеніяхъ при измѣненіяхъ территоріи (стр. 113). Возможность его только при производныхъ способахъ пріобрѣтенія территоріи: 1) при переходѣ всей территоріи государства къ другому и 2) при переходѣ части государственной территоріи. Прекращеніе личности государства въ первомъ случаѣ и пространственное сокращеніе или расширеніе террит. власти государства во второмъ; юридическія послѣдствія этого относительно публичныхъ и частноправовыхъ правъ и обязательствъ территоріально-измѣнившагося государства. Безусловная и условная цессія (стр. 122).

Личный суверенитетъ государствъ (стр. 123). Отличіе отъ суверенитета территоріальнаго. Подданство (стр. 124). Эмиграція и ея юридич. значеніе (стр. 125). Перемѣна и утрата подданства (стр. 128). Ст. 325 Улож. о нак. Юридическія отношенія находящагося за границей подданнаго къ отечественной государственной власти (стр. 134). Защита подданныхъ государствомъ (стр. 136).

Иммиграція и натурализація (стр. 136). Невольное пріобрѣтеніе чужого подданства. Условія принятія въ подданство (стр. 144). Положеніе натурализованнаго въ новомъ отечествѣ. Натурализація по законамъ Россійской имперіи (1010—1031 ст. IX т. Св. Зак.). Конфликты, возникающіе изъ случаевъ перемѣны подданнства и рѣшеніе ихъ по принципамъ м. права (стр. 149).

Международные договоры (стр. 151). Понятіе. Юридическія основанія обязательности и предѣлы послѣдней. Субъектъ м. договора; правомѣрные органы для ихъ заключенія; sponsores и sponsiones. Условія дѣйствительности; значеніе м. принужденія (стр. 156). Policitatio; contractus de contrahendo; предположительный договоръ. Ратификація и публикація договора (стр. 157). Обязательность только для контрагентовъ. Участіе, присоединеніе и приступленіе; условіе наибольшаго благопріятствованія. Adhaessio и accessio. Объектъ м. договоровъ (стр. 162). Виды м. договоровъ (стр. 164) и ихъ внѣшняя форма. Толкованіе договоровъ (стр. 165). Обезпеченіе м. договоровъ; гарантія; отношеніе гаранта къ гарантируемому договору и къ сторонамъ договора; простая и сложная (взаимная и коллективная) гарантія; прекращеніе гарантіи (стр. 166). Основанія прекращенія, молчаливое продолженіе и возобновленіе м. договоровъ (стр. 170). Политическіе и соціальные договоры (стр. 171).

Различіе между договорами политическими и соціальными въ отношеніи субъекта, способа заключенія и срочности.

Органы м. сношеній (стр. 178). Органы, облеченные представительнымъ характеромъ. Глава государства (стр. 180). Предѣлы его представительства. Равноправность главъ государства. Ихъ юридическія (неприкосновенность и внѣземельность) и почетныя преимущества въ м. отношеніяхъ и условія пользованія ими. Ихъ неподсудность.

Посольское право (стр. 183). Понятіе. Возникновеніе на Западѣ и въ Россіи. Активное и пассивное право посольства (субъекты его). Основанія отказа въ принятіи даннаго лица въ качествѣ дипломатическаго агента. Начало дипломатической миссіи и прекращеніе ея (стр. 188). Ранги дипломатическихъ агентовъ, и въ частности—независимость, неприкосновенность (стр. 190). Неприкосновенность посольскаго дома. Второстепенныя права. Ихъ обязанности. Дипломатія.

Консулы (стр. 199). Ихъ роль въ м. общеніи. Консульскія учрежденія въ христіанскихъ цивилизованныхъ государствахъ (стр. 201). Начало и прекращеніе консульскихъ полномочій. Ранги консульскихъ чиновъ; консулы штатные и нештатные; отношеніе къ дипломатич. миссіямъ Права и функціи консуловъ (стр. 204). Права и обязанности русскихъ консуловъ (стр. 208).

Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ Востока (стр. 209). Основанія ихъ особаго положенія (политическій характеръ и судебная юрисдикція). Организація консульскихъ судовъ на Востокѣ (стр. 213). Организація русскаго консульскаго суда въ Персіи. Судебная компетенція консуловъ на Востокѣ. Смѣшанные суды въ Египтѣ.

Положеніе частныхъ лицъ въ м. оборотѣ (стр. 218). Юридич. отношенія иностранца къ чужому государству, въ которомъ онъ пребываетъ Право въѣзда и поселенія (стр. 220). Право убѣжища и выдача преступниковъ (стр. 222). Объемъ правъ предоставляемыхъ иностранцами: подсудность; судопроизводство; объемъ уравненія съ туземцами и съ подданными наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ; судебная и административная защита; промыслы и торговля и права имущественныя; мореходство; политическія права и обязанности; финансовое управленіе и полиція; политическіе эмигранты. Положеніе иностранцевъ въ Россіи (стр. 235). Права иностранцевъ на Востокѣ. Прекращеніе юридическаго отношенія иностранца къ чужому государству (стр. 240). Удаленіе иностранца добровольное и принудительное; выдача и изгнаніе.

Морское право (стр. 245). Принципъ свободы открытаго моря, его объемъ и его юридическія послѣдствія. Право осмотра, обыска и ареста судовъ въ открытомъ морѣ. Мѣры противъ негроторговли и рабовладѣ-

нія (стр. 250). Морской разбой; опредѣленіе и составъ преступленія (страница 252).

Проливы (стр. 254). Начала, опредѣляющія власть прибрежнаго государства надъ проливами; проливы, соединяющіе открытыя моря и открытыя съ закрытыми. Зундскій проливъ. Босфоръ и Дарданелы (страница 255).

Международные каналы (стр. 257). М. нейтрализація Суэцкаго канала. Панамскій каналъ.

Междун. рѣчное право (стр. 258). Его развитіе до 1815 г. Постановленія Парижск. конгресса о Дунайскомъ судоходствѣ (стр. 263). Врсудоходства по нимъ (въ частности—Рейнское судоходство). Постановленія Парижкаго конгресса о Дунайскомъ удоходствѣ (стр. 263). Временная европейская и постоянная Дунайскія коммиссіи. Особое положеніе Килійскаго рукава. Правила судоходства по Конго.

Торгово-экономическіе интересы въ м. правѣ (стр. 267). Ихъ значеніе въ исторіи м. отношеній. Три фазиса регламентаціи м. торговыхъ сношеній: 1) обезпеченіе возможности торговли; 2) ея регламентація (автономная кодификація торговыхъ обычаевъ), и 3) государственное воздѣйствіе на нее. Принципы торговой политики государствъ въ XVII и XVIII вв. (меркантилизмъ, колоніальная политика и торговые трактаты). Торговые договоры Россіи съ Англіею 1734 г. и съ Австріею 1785 г. (стр. 275). Принципы торговой политики государствъ въ XIX в. Система западно-европейскихъ торговыхъ трактатовъ. Протекціонизмъ въ концѣ XIX в. (стр. 277). Система средне-европейскихъ торговыхъ договоровъ (торговые договоры 1891 г.). Таможенный тарифъ Россіи 1891 г.; конвенція съ Франціею 1893 г.; таможенная война съ Германіею; русско-германскій трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи 1894 г. и его политическое значеніе. Торг. политика европ. госуд-въ въ XX в. Торговая политика европейскихъ государствъ въ отношеніи къ нецивилизованнымъ странамъ (колоніальная политика и сфера интересовъ) и къ государствамъ Востока.

Содержаніе торговыхъ договоровъ (стр. 284). Постановленія о свободѣ торговли; начало взаимности; таможенныя пошлины и тарифы; запрещенія касательно опредѣленныхъ видовъ товаровъ; торговля съ колоніями; транзитная торговля. Условія о наиболѣе благопріятствуемой націи (стр. 290) Принципъ взаимности. Постановленія о правахъ взаимныхъ подданныхъ относительно судоходства и пользованія путями сообщенія.

М. соглашенія относительно почтовыхъ сношеній (стр. 295). Всемірный почтовый союзъ. Возникновеніе и современная организація. Групповыя почтовыя соглашенія.

М. соглашенія относительно телеграфныхъ сношеній (стр. 297). Телеграфная унія. Возникновеніе. Современная организація. Международная охрана подводныхъ кабелей: проектъ Института м. права 1878 г. и Парижская конфер. 1884 г. (стр. 299). Радіотелеграфныя и телефонныя и воздушныя сообщенія.

М. соглашенія относительно желѣзнодорожныхъ сообщеній (стр. 300). Групповыя соглашенія. Ж.-дорожная унія 1900 г. Автомобильныя м. сообщенія (см. дополненіе).

М. соглашенія относительно общихъ единицъ мѣры и вѣса (Парижская метрическая конвенція 1875 г.) и общей монетн. системы (Латинскій и Скандинавскій монетные союзы (стр. 302).

М. союзъ для охраны промышленной собственности (стр. 302). Парижская конвенція 1883 г. и Мадритская 1900 г.

М. союзъ для охраны литературной и художественной собственности (стр. 304). Бернская конвенція 1886 г. Политика Россіи.

Конференціи по м. охранѣ труда (стр. 306).

М. союзъ по сахарному дѣлу (стр. 306). Брюссельская конвенція 1902 г.

М. охрана человѣческой личности (стр. 308).

Соглашенія относительно м. охраны здравія (стр. 308). Конвенціи относительно борьбы съ холерою и относительно борьбы съ чумою.

Интересы правосудія въ м. правѣ (стр. 310). Гаагскія конференціи и конвенціи 1896, 1902 г. и 1905 г. для кодификаціи вопросовъ частнаго м. права. Исполненіе судебныхъ порученій и непосредственныя сношенія судебныхъ установленій. Постановленія Гаагской конвенціи 1896 года и 1905 г. по процессуальному частному м. праву: относительно передачи актовъ судебныхъ и внѣсудебныхъ, судебныхъ порученій, судебныхъ издержекъ, права бѣдности и личнаго задержанія въ гражданскомъ процессѣ. Постановленія конвенцій по матеріальному частному м. праву.

Исполненіе иностр. судебныхъ рѣшеній (стр. 315). Признаніе и исполненіе судебныхъ рѣшеній гражданскихъ; основанія признанія и условія исполненія; ст. 1273—1281 уст. гр. суд. и ихъ толкованіе. Признаніе уголовныхъ судебныхъ приговоровъ; основанія и послѣдствія; ст. 10—12 Уголов. Улож.

М. уголовное право. Основныя начала (стр. 319): понятіе м. уголовнаго права; задачи м. уголовнаго права и способы ихъ рѣшенія: теорія территоріальной, личной и реальной подсудности и универсальная теорія.

Подсудность преступныхъ дѣяній (стр. 327). Подсудность территоріальная; ограниченія ея и расширеніе (наказаніе за дѣянія противъ чужого государства). Подсудность по принципу субъективной національности. Подсудность иностранцевъ, совершившихъ преступленіе на чужой территоріи противъ кого бы то ни было; случаи, когда для государства возникаетъ право наказывать иностранца за такія преступленія; практика Англіи и С. Штатовъ; континентальное законодательство; 172 ст. Улож. о нак. и ст. 9 и 10 Угол. Улож. Условія наказуемости преступленій, совершенныхъ подданнымъ за границею.

Выдача преступниковъ (стр. 334). Основанія возникновенія права и обязанности выдачи преступниковъ. Картельныя конвенціи и экстрадиціонные законы. Лица, подлежащія выдачѣ и основанія невыдачи (стр. 338). Случаи требованія выдачи лица нѣсколькими государствами одновременно (стр. 341). Преступленія, за которыя полагается или не полагается выдача: политическія, смѣшанныя, религіозныя, соціальныя (стр. 342). Порядокъ производства выдачи: требованіе, его разсмотрѣніе, осуществленіе и юридич. послѣдствія выдачи (стр. 350). Проектъ русскаго экстрадиціоннаго закона (стр. 352).

Международныя столкновенія и способы ихъ разрѣшенія. Способы мирнаго разрѣшенія м. несогласій (стр. 357). Дипломатическое соглашеніе. Содѣйствіе постороннихъ державъ: м. слѣдственныя коммиссіи; добрыя услуги; посредничество. Третейскій судъ (стр. 359): м. третейская палата; м. договоры объ обязательномъ третейскомъ судѣ; договоры Россіи.

Насильственные способы разрѣшенія м. несогласій (стр. 369). Право м. принужденія; субъектъ м. правонарушенія. Репрессаліи; понятіе; ихъ виды: реторсіи; репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ; эмбарго; блокада; военная оккупація.

Война (стр. 378). Война въ м. правѣ; эволюція историческая права и законовъ войны. Юридическій принципъ войны и ея цѣль. Кодификація законовъ войны. Моментъ возникновенія войны и послѣдствія ея; объявленіе войны; ультиматумъ. Прекращеніе войны. Театръ войны (стр. 398). Субъектъ права войны; органы.

Комбатанты, некомбатанты и мирное населеніе (стр. 399). Военно-плѣнные (стр. 402). Шпіоны (лазутчики) и развѣдчики. Незаконныя средства веденія войны (стр. 404). Бомбардированіе. Репрессаліи. Частная собственность. Больные и раненые (стр. 407); Женевская конвенція. Военное занятіе и права оккупанта (стр. 412). Реквизиціи и контрибуціи (стр. 417). Договоры между воюющими (стр. 419).

Морская война (стр. 420). Кодификація права морской войны (1856, 1899, 1906, 1907 и 1909 гг.). Театръ морской войны (стр. 422). М. мѣры обезопасенія м. территоріи (мины). Кабели. Государственный флотъ. Частная собственность. Ограниченія права захвата. Право осмотра и призовое право. Призовые суды. Проектъ м. призовой Палаты. Блокада. Бомбардированіе. Женевская конвенція въ морской войнѣ.

Нейтралитетъ (стр. 432). Понятіе и виды. Обязанности и права нейтральныхъ государствъ. Нейтральная собственность на морѣ. Нейтральная торговля. Военная контрабанда. Нарушеніе блокады. Право осмотра нейтральныхъ судовъ.

Характерный отличительный признакъ современной международной жизни— живое общеніе культурныхъ народовъ. Оно вызвано необходимостью,—широкимъ развитіемъ и осложненіемъ многообразныхъ интересовъ и потребностей современнаго культурнаго человѣчества, недостаточностью силъ и средствъ отдѣльнаго народа (госуд-ва) для ихъ удовлетворенія, и пользой и необходимостью для этого совмѣстныхъ усилій всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ народовъ. Чѣмъ культурнѣе данный народъ, чѣмъ слѣдовательно сложнѣе и многообразнѣе его интересы, тѣмъ живѣе будетъ его общеніе съ другими, такъ что степенью участія его въ м. общеніи можетъ быть апріорно опредѣлена степень его культуры. Съ другой стороны, несомнѣнно также, что чѣмъ однороднѣе культура данныхъ народовъ, чѣмъ однороднѣе ихъ интересы, тѣмъ сильнѣе и развитѣе будетъ ихъ взаимное общеніе. Но въ наше время прежнія различія въ степени культурности народовъ Европы и Америки сглаживаются все болѣе и болѣе, интересы м. культурнаго общенія все болѣе обобщаются, удовлетвореніе ихъ становится одною изъ основныхъ и серьезнѣйшихъ задачъ современнаго государства. Забота объ обезпеченіи и улучшеніи путей и объ облегченіи средствъ сообщенія, объ облегченіи м. товарнаго обмѣна, объ обезпеченіи интересовъ правосудія въ сферѣ м. оборота, о защитѣ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ интересовъ общества и отдѣльныхъ лицъ въ области м. сношеній, наконецъ, забота о возможно лучшемъ обезпеченіи м. мирнаго сожительства и о возможно большемъ смягченіи бѣдствій войны,—таковы современныя задачи культурнаго государства, какъ члена общества культурныхъ народовъ. Общность интересовъ приводитъ къ ихъ взаимному признанію, а необходимость мирнаго и обезпеченнаго ихъ осуществленія—къ м. компромиссамъ и соглашеніямъ. Такимъ образомъ развитіе культурнаго общенія содѣйствуетъ установленію прочнаго м. правопорядка. Этотъ правопорядокъ имѣетъ цѣлью регулировать м. отношенія, возникающія изъ стремленій народовъ (государствъ) къ осуществленію и развитію ихъ жизненныхъ интересовъ въ сферѣ этихъ отношеній, сообразно высшимъ интересамъ м. общенія. Основаніемъ этого правопорядка служитъ

взаимное признаніе (согласованіе и соглашеніе) народами (государствами) своихъ интересовъ на началахъ равноправія и справедливости.

Первое опредѣленіе м. права далъ Гуго Гроцій: м. право есть то, что по волѣ всѣхъ или многихъ народовъ получило обязательную силу (vim obligandi). Интернаціоналисты, признающіе естественное право, называютъ м. право совокупностью правилъ взаимныхъ отношеній народовъ, вытекающихъ изъ естественнаго права. Международники позитивисты разумѣютъ подъ м. народнымъ правомъ совокупность положительныхъ договорныхъ или законодательныхъ нормъ, касающихся международныхъ и вообще внѣшнихъ сношеній государствъ. Интернаціоналисты-юристы опредѣляютъ его какъ совокупность правовыхъ нормъ, регулирующихъ взаимныя отношенія, взаимныя права и обязанности государствъ и ихъ подданныхъ въ сферѣ организованнаго м. общенія.

Источники м. права. Подъ источникомъ права вообще слѣдуетъ разумѣть (по Регельсбергеру) ту причину (или силу), которая творитъ право, устанавливая тѣ или иныя его нормы; источникъ права—это его внутреннее разумное основаніе, причина его появленія (матеріальный источникъ). Отъ источника права слѣдуетъ отличать внѣшнія формы его проявленія, формы проявленія тѣхъ нормъ, въ какія оно отливается въ жизни (формальные источники). Эти формы тоже имѣютъ значеніе источниковъ, но не происхожденія, а лишь познаванія права.

Богословская школа XVI—XVII вв. усматривала первоисточникъ м. права въ волѣ Божіей. Школа естественнаго права признаетъ имъ нравственный законъ, принципъ справедливости, разумъ и т. п. (смѣшеніе права съ моралью). Издавна весьма распространенное, даже господствующее мнѣніе признаетъ первоисточникомъ м. права соглашеніе государствъ (consensus gentium), выражающееся въ обычаяхъ и договорахъ. Это вѣрно въ томъ отношеніи, что соглашеніе, признаніе государствами извѣстныхъ нормъ, есть необходимый завершительный моментъ въ процессѣ ихъ установленія; но нормы эти возникаютъ и создаются не соглашеніемъ и не въ немъ ихъ источникъ, ибо произвольно творить право государства не могутъ.

Правильнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе проф. Мартенса, что „основаніемъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ м. отношенія, служитъ единственно сознаніе цивилизованными государствами необходимости м. правового порядка и вытекающее отсюда согласіе ихъ на признаніе его обязательности". Въ этомъ—матеріальный источникъ м. права.

Международное правосознаніе проявляется какъ въ дѣйствіяхъ государствъ и ихъ органовъ (народное представительство), такъ и въ общественномъ мнѣніи, выразителями котораго являются наука и, отчасти, печать. Но оно становится творящею положительное право силою, другими словами—оно получаетъ несомнѣнное внѣшнераспознаваемое юридическое значеніе лишь послѣ того, какъ оно облечется въ форму внѣшняго изъявленія общей воли государствъ относительно порядка, долженствующаго примѣняться въ ихъ международныхъ отношеніяхъ. Это изъявленіе воли проявляется частью въ видѣ практическаго примѣненія, упражненія извѣстныхъ юридическихъ принциповъ, частью въ видѣ формальныхъ правоположеній, точно формулированныхъ юридическихъ нормъ. (Отсюда два главныхъ источника познаванія м. права: м. обычаи и м. договоры).

Результаты правосознанія народовъ отливаются и выражаются внѣшнимъ образомъ въ т. наз. внѣшнихъ (формальныхъ) источникахъ или формахъ м. права. Вслѣдствія смѣшенія м. права съ наукой м. права интернаціоналисты нерѣдко относятъ къ числу этихъ внѣшнихъ источниковъ положительнаго м. права вспомогательные источники познанія м. правосознанія (напр. исторію, дипломатическіе переговоры). Для опредѣленія внѣшнихъ источниковъ (формъ) положительнаго междун. права мы должны устранить все то, что относится лишь къ идеальному содержанію м. права или же къ научному толкованію существующихъ его положительныхъ нормъ,—выдѣлить тѣ только формы положительнаго м. права, въ которыхъ точно выражается м. правосознаніе въ видѣ нормъ, которыя государства признаютъ дѣйствительно обязательными для себя въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія внѣшними источниками, формами положительнаго м. права являются только м. обычаи и м. договоры.

Но съ точки зрѣнія науки м. права, научнаго изученія м. правосознанія такое ограниченіе внѣшнихъ источниковъ м. права придется признать слишкомъ формальнымъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія внѣшніе источники м. права, какъ формы проявленія м. правосознанія, а не одной формальной воли государствъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы:

1) Источники (формальные) прямые, въ которыхъ непосредственно формулируются и отливаются нормы м. права, т. е. совокупность обязательныхъ для государствъ юридическихъ нормъ. Это—международные договоры, особенно—заключенные на м. конгрессахъ, м. обычаи и рѣшенія м. судовъ,—lex lata.

и 2) источники косвенные, которые имѣютъ важное практическое значеніе преимущественно при толкованіи прямыхъ формъ и въ случаѣ ихъ неполноты, а также и важное теоретическое значеніе при научномъ изученіи м. правосознанія, какъ первоисточника для дальнѣйшаго будущаго развитія м. права. Сюда относятся: внутреннее законодательство государствъ и рѣшенія государственныхъ судовъ и общественныхъ организацій по вопросамъ м. характера и наука, какъ право юристовъ de lege ferenda.

Прямые источники. I. *Обычай*—первая и самая древняя форма проявленія м. правосознанія и м. права. Обычное м. право есть совокупность правилъ, признаваемыхъ общеобязательными вслѣдствіе взаимнаго (не односторонняго) продолжительнаго, постояннаго и однообразнаго примѣненія ихъ различными членами м. союза къ болѣе или менѣе однороднымъ случаямъ и фактическимъ отношеніямъ м. жизни. Въ основаніи м. обычая лежитъ общность или взаимность интересовъ народовъ и убѣжденіе ихъ въ необходимости извѣстнаго образа дѣйствій въ извѣстныхъ случаяхъ м. отношеній. Сознаніе ихъ обязательности для примѣняющихъ ихъ государствъ и взаимное примѣненіе ихъ даетъ имъ характеръ правовыхъ нормъ, т. е. нормъ, принудительно регулирующихъ м. жизненныя отношенія. Очень многіе институты и нормы м. права возникли путемъ обычая и продолжаютъ существовать донынѣ, благодаря безмольному признанію и соблюденію ихъ государствами. Таковы напр. морское м. право (главн. памятникъ: Consolato del mare XIV в.); посольское право (неприкосновенность посланниковъ) и консульское; право войны и частное м. право. Впрочемъ, значеніе положительнаго права обычай можетъ имѣть лишь при отсутствіи соотвѣтственной формальной договорной нормы. Главное значеніе обычая—какъ пособія при примѣненіи и толковании спорныхъ нормъ положительнаго м. права.

Рядомъ съ обычаями юридическими въ м. отношеніяхъ существуютъ и признаются извѣстныя правила, тоже установленныя обычаемъ, но относящіяся собственно лишь къ формамъ сношеній между государствами и между ихъ органами. Они относятся къ особой области т. наз. comitas gentium, м. вѣжливости, м. доброжелательства. Они имѣютъ примѣненіе главнымъ образомъ въ дипломатическомъ церемоніалѣ, въ пограничныхъ сношеніяхъ властей, въ морскомъ церемоніалѣ (салюты) и т. п. Не имѣя юридическаго характера, этого рода обычныя правила имѣютъ однако большое практическое значеніе въ м. политикѣ.

II. Договоры. Въ отличіе отъ м. обычая, гдѣ м. правосознаніе познается лишь изъ поведенія, изъ дѣйствій государствъ, членовъ м. союза, мы располагаемъ для познаванія положительнаго м. права и другою еще формою, другимъ прямымъ источникомъ—положительными, точно формулированными нормами этого права, заключающимися въ м. соглашеніяхъ, устанавливаемыхъ на м. конгрессахъ и конференціяхъ, въ м. договорахъ и въ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ м. органовъ (Дунайская коммиссія, м. трибуналы), поскольку послѣдніе дѣйствуютъ въ предѣлахъ своей компетенціи. М. договоръ является наиболѣе точною, ясною и сознательною формою какъ для формулированія правъ и обязанностей, принимаемыхъ на себя государствами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, такъ и для установленія и формулированія м. юридическихъ нормъ.

Подъ м. договоромъ, въ смыслѣ источника м. права, можно разумѣть всякаго рода формальныя обязательства, взаимно принимаемыя на себя государствами. Договоръ, признаваемый въ частномъ правѣ только источникомъ частныхъ правоотношеній (такъ какъ онъ всегда предполагаетъ существованіе объективнаго права, которому онъ обязанъ своимъ значеніемъ и которое придаетъ регулируемымъ этимъ договоромъ отношеніямъ именно характеръ юридическій), въ м. правѣ нерѣдко является источникомъ (т. е. выразителемъ) нормъ объективнаго права.

Но не всѣ м. договоры представляются равноцѣннымъ матеріаломъ для познаванія м. права. Въ этомъ смыслѣимѣютъ значеніе: 1) *Происхожденіе* договора—большее или меньшее вліяніе и отраженіе въ немъ политическаго элемента; 2) *количество контрагентовъ*, такъ какъ договоръ обязываетъ формально только договаривающіяся стороны; хотя съ другой стороны, значеніе этого признака парализуется 3) *содержаніемъ* договора: договоръ можетъ быть заключенъ немногими государствами, но по содержанію установленной въ немъ нормы указывать правосознаніе зарождающееся или даже уже существующее, но еще не облеченное въ форму положительной общей нормы (напр. договоръ 1871 г. Италіи съ С. Штатами о признаніи неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ) или же договоры, заключенные между отдѣльными государствами по тождественности содержащихся въ нихъ нормъ (напр. торговые, по соціальнымъ вопросамъ, по м. охранѣ литературной и промышленной собственности,о третейскомъ разбирательствѣ, по взаимному содѣйствію въ охранѣ правосудія) указываютъ иногда на общность интересовъ и общность правосознанія у значительнаго числа государствъ. 4) *По внутреннему значенію* договоры носятъ

характеръ м. законовъ, м. административныхъ распоряженій или же простыхъ м. контрактовъ-сдѣлокъ. Договоры-сдѣлки между двумя или нѣсколькими государствами объ индивидуальномъ ихъ интересѣ или по частному вопросу наиболе подходятъ къ договорамъ въ частномъ правѣ. Ими устанавливаются субъективныя права и обязанности контрагентовъ,— этимъ исчерпывается практическая непосредственная цѣль такихъ договоровъ. Но путемъ обобщенія, при однородномъ содержаніи ихъ, возможно заключеніе объ общей обычной нормѣ, формулированной въ такихъ частныхъ соглашеніяхъ (напр. о выдачѣ, объ эмиграціи, о судебномъ содѣйствіи и т. п.). Наибольшую юридическую цѣнность имѣютъ договоры, устанавливающія общія юридическія нормы, законы не для одного конкретнаго случая или отношенія, договоры, при заключеніи коихъ контрагенты дѣйствуютъ не только въ личномъ своемъ интересѣ, а какъ представители общихъ м. интересовъ; когда субъективный интересъ въ содержаніи договора отступаетъ передъ интересомъ общимъ, объективнымъ. Они облекаются иногда въ особую форму декларацій (Примѣры: Парижская 1856 г., Петербургская 1868 г., Гаагскія 1899 и 1907 г., Лондонская 1909 г. о правахъ нейтральныхъ во время морской войны; это „общепризнанная правила“ для руководства призовыхъ судовъ во всѣхъ будущихъ войнахъ хотя бы и между неучаствовавшими на Лондонской конференціи державами). Эти законоподобные договоры являются актами самоограниченія государствъ, подобно конституціоннымъ внутреннимъ государственнымъ законамъ, ограничивающимъ верховную государственную власть. Къ такого рода договорамъ относятся заключенные государствами на м. конгрессахъ Вестфальскомъ 1648 г., Вѣнскомъ 1815 г., Ахенскомъ 1818 г., Парижскомъ 1856 г., и на м. конференціяхъ: Женевской 1864 и 1906 г., Петербургской 1868 г., Лондонской 1871 г., Берлинской 1885 г., Брюссельской 1890 г., Гаагской 1899 и 1907 г., Лондонской 1909 г. Сюда же относится актъ вооруженнаго нейтралитета 1780 г. и всѣ договоры, коими установлены м. союзы (уніи) по вопросамъ культурно-экономическимъ и соціальнымъ (желѣзно-дорожный, почтовый, телеграфный и т. д.).

III. Рѣшенія международныхъ судовъ. Относительно ихъ, какъ источниковъ м. права, мнѣнія ученыхъ расходятся. Одни полагаютъ, что ихъ нельзя признать за источникъ м. права, такъ какъ суды лишь примѣняютъ право, а не создаютъ его; это вполнѣ справедливо, если на источникъ смотрѣть какъ на правотворящую силу. Но воззрѣніе на судебныя рѣшенія, какъ на источникъ м. права вполнѣ будетъ справедливо, если

мы подъ источникомъ права будемъ разумѣть не правотворящую силу, а внѣшнее выраженіе, форму правовыхъ нормъ, въ которой нормы изучаются; дѣло въ томъ, что судебныя рѣшенія авторитетно, обязательно для сторонъ формулируютъ существующее или нарождающееся право; въ особенности, когда на третейскій судъ возложена спорящими сторонами функція установленія права. Вообще въ м. сферѣ, вслѣдствіе неполноты м. нормъ, судебная м. практика должна развить и значительную творческую дѣятельность.

Въ числѣ междун. судовъ различаются: призовые, смѣшанныя коммиссіи, египетскіе и третейскіе. Рѣшенія всѣхъ этихъ судовъ имѣютъ не вполнѣ одинаковое значеніе для познаванія международнаго права. Наименьшее значеніе имѣли донынѣ рѣшенія *призовыхъ судовъ*, которые учреждаются во время войны для рѣшенія вопросовъ о правильности захвата непріятельской или нейтральной собственности, такъ какъ они учреждаются отдѣльными государствами и потому руководствуются національнымъ правомъ, а благодаря тому, что они возникаютъ въ военное время, суды эти нерѣдко поддаются вліянію политическихъ тенденцій и рѣшенія ихъ бываютъ односторонни. Но тѣмъ не менѣе и въ нихъ высказываются и нормы положительнаго права, въ особенности тамъ, гдѣ составъ ихъ носитъ не административный, а чисто судебный характеръ (въ Англіи и С. Штатахъ.). Гаагская конференція 1907 г. установила м. апелляціонный призовой судъ въ Гаагѣ, а Лондонская 1909 г.—и „общепризнанныя“ правила морского права войны.

Смѣшанныя коммиссіи иногда учреждаются какъ апелляціонная инстанція для призовыхъ судовъ; иногда—для разсмотрѣнія претензій частныхъ лицъ объ убыткахъ, понесенныхъ во время войны, для разрѣшенія пограничныхъ споровъ и т. п.

Египетскіе междунар. суды обязаны своимъ возникновеніемъ слѣдующему: европейскіе народы не отдаютъ своихъ подданныхъ суду восточныхъ странъ, но подчиняютъ своихъ подданныхъ на Востокѣ суду національныхъ консуловъ. Въ Египтѣ съ 1876 г. въ этомъ отношеніи произошло измѣненіе въ томъ направленіи, что здѣсь были организованы т. наз. смѣшанные международные суды, въ которыхъ засѣдаютъ въ качествѣ юристовъ-судей представители европейскихъ державъ и нѣсколько туземцевъ. Главнымъ образомъ этимъ судамъ поручается вырѣшеніе споровъ между иностранцами и туземцами; здѣсь преимущественно разбираются торговыя и гражданскія дѣла и частью уголовныя. Рѣшенія смѣшанныхъ египетскихъ судовъ даютъ богатый матеріалъ для частнаго м. права. (см. Листъ, § 18, II иIII).

Третейскіе суды занимаютъ первенствующее мѣсто; по мѣрѣ укрѣпленія сознанія въ необходимости разрѣшенія м. споровъ мирнымъ юридическимъ путемъ, они пріобрѣтаютъ все большее и большее распространеніе. Изъ третейскихъ судовъ назовемъ Женевскій 1872 г., рѣшившій споръ между Англіей и Соед. Штатами о томъ, въ какой мѣрѣ государство отвѣтственно за участіе подданныхъ въ войнѣ между посторонними державами; Вашингтонскій договоръ 1890 г. между 17 американскими государствами постановилъ обязательное обращеніе ихъ къ третейскому суду въ случаѣ взаимныхъ недоразумѣній между ними; наконецъ Гаагская конференція 1899 и 1907 г. учредила постоянный третейскій международный судъ и установила обязательное обращеніе государствъ къ третейскому суду во взаимныхъ спорахъ второстепеннаго значенія.

Косвенные источники. *I. Внутреннее законодательство и національныя судебныя рѣшенія.* Внутреннее законодательство иногда регулируетъ такія отношенія, которыя носятъ м. характеръ; таковы, напр., консульское и посольское представительство, вопросъ о правахъ и объ уголовной отвѣтственности иностранцевъ, о выдачѣ преступниковъ, объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, о примѣненіи иностр. законовъ и пр. Сюда же отосятся судебныя рѣшенія государственныхъ судовъ по вопросамъ м. права (напр. о юридическомъ положеніи иностранцевъ), а также декларації, т. е. одностороннія заявленія, исходящія отъ верховной власти государства по вопросамъ, касающимся м. сношеній государства (о нейтралитетѣ). И внутреннее законодательство, и національныя судебныя рѣшенія, и одностороннія декларації не имѣютъ значенія междун-правовыхъ нормъ, такъ какъ они устанавливаются волею одного госуд-ва и потому для другихъ государствъ не имѣютъ обязательной силы; но они могутъ имѣть важное значеніе для познанія м. правосознанія: 1) въ нихъ государство даетъ свое оффиціальное признаніе извѣстнымъ нормамъ м. права, 2) они часто предшествуютъ трактатамъ, выражая такія идеи, которыя лишь недостаточно еще назрѣли для международнаго ихъ признанія въ м. формѣ (напр. постановленіе Итальянск. гражд. уложенія 1865 г. о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ; американская полевая инструкція 1863 г. и русская декларація 1877 г. относительно правилъ войны до Гаагской конференціи); 3) во внутреннемъ законодательствѣ нормы м. права, признанныя государствомъ въ силу договора, получаютъ детальную разработку.

II. Наука. Къ косвеннымъ источникамъ познаванія м. права должна быть отнесена и наука м. права, такъ какъ задача ея—критика дѣйствующаго положительнаго права и объективное выясненіе м. правосознанія въ его прогрессирующемъ процессѣ развитія. Наука м. права и ея развитіе тѣсно связаны съ м. жизнью, съ тѣми реальными отношеніями, которыя существуютъ въ различныя эпохи между государствами и съ господствующими политическими теоріями. Первоначально, (начиная съ XIII в.) мы встрѣчаемъ отдѣльные трактаты, посвященные преимущественно вопросамъ права войны, посольскаго права, нейтралитета и частнаго м. права. Въ XVI вѣкѣ появляются попытки обоснованія м. права. Въ частности испанецъ Фр. Суарецъ формулируетъ мысль о м. общенія и о необходимости регулировать м. отношенія правовыми нормами. Итальянецъ А. Джентили также требуетъ установленія юридич. нормъ въ м. отношеніяхъ. Но самостоятельною юридическою наукою м. право становится только со времени появленія книги Гроція „De jure belli ac pacis“ (1625 г.). Сочиненіе это посвящено преимущественно вопросамъ войны, но, чтобы точнѣе выяснить эти вопросы, онъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе началъ, на которыхъ основывается право вообще и въ особенности право международное. Подобно тому, говоритъ Гроцій, какъ право отдѣльнаго государства имѣетъ цѣлью охраненіе благосостоянія его подданныхъ, такъ точно существуетъ право, опредѣляющее взаимныя отношенія государствъ. Гроцій раздѣляетъ все право на естественное—jus naturale и положительное—jus voluntarium, а это послѣднее въ свою очередь подраздѣляется на человѣческое—jus humanum и божественное—jus divinum. Человѣческое право составляетъ право гражданское—jus civile и право международное—jus gentium. Обязательная сила этого м. права опирается на согласіи воли всѣхъ или нѣсколькихъ народовъ, а предписанія м. права должны быть, по его мнѣнію, выводимы изъ обычаевъ и м. договоровъ, въ которыхъ выражается это согласіе. Книга Гроція оказала громадное вліяніе на современную ему жизнь и была родоначальницей двухъ направленій—философскаго и позитивнаго. Первоначально наука м. права была проникнута началами естественнаго права. Первымъ и замѣчательнымъ послѣдователемъ Гроція въ этомъ направленіи былъ Пуфендорфъ. Отрицая саму ювозможность существованія м. права, такъ какъ государства не признаютъ надъ собой никакой высшей власти, Пуфендорфъ отождествилъ м. право съ правомъ естественнымъ; нарушеніе же послѣдняго, особенно во время войны, нельзя считать нарушеніемъ какихъ либо юридическихъ обязанностей. Поэтому, отношенія между государствами въ дѣйствительности регулируются не правомъ, а силой. Крайности естественно-философской школы вызвали реакцію со стороны юристовъ, видѣвшихъ единственный источникъ м. права въ обычаяхъ, трактатахъ и практикѣ м. сношеній. Уже во второй половинѣ XVII вѣка позитивное направленіе имѣло значительныхъ представителей, но высшаго развитія оно достигло въ

XVIII вѣкѣ. Родоначальникъ его—англійскій юристъ Зёчъ. Въ 1650 г. онъ издалъ первый учебникъ м. права. Подъ м. правомъ Зёчъ разумѣетъ jur inter gentes, опредѣляющее отношенія народовъ и монарховъ между собою, вытекающее изъ соглашенія народовъ и основанное на м. договорахъ, тогда какъ jusgentium есть естественное, т. е. совокупность общихъ правовыхъ нормъ, основанныхъ на природѣ вещей, и поэтому встрѣчающихся у всѣхъ народовъ. Со времени Вестфальскаго конгресса правительства стали опубликовать всевозможнаго рода документы, трактаты и конвенціи. Они дали матеріалъ для построенія науки м. права на положительныхъ началахъ. Благодаря одностороннему своему направленію въ первомъ и отчасти во второмъ періодѣ, наука м. права лишилась реальной силы и даже обратилась въ прислужницу практики. Чтобы поднять ея авторитетъ, необходимо было правильное соединеніе естественно- философскаго и положительнаго направленія и правильное соотношеніе данныхъ опыта и философскаго умозрѣнія.

Родоначальникомъ новаго истинно научнаго метода изслѣдованія вопросовъ м. права былъ Георгъ Фридрихъ фонъ Мартенсъ (ум. 1821 г.). По мнѣнію этого юриста, наука м. права лишь тогда станетъ на высоту своего призванія, когда путемъ отвлеченія и критики выяснитъ, на основаніи м обычаевъ, трактатовъ и историческихъ примѣровъ, тѣ юридическія нормы, которыми государства дѣйствительно могутъ и должны опредѣлять взаимныя свои отношенія.

Въ современной наукѣ м. права можно отмѣтить три направленія: 1) у англичанъ и американцевъ преобладаетъ позитивное направленіе, у нихъ наука м. права носитъ положительный и даже національный характеръ; 2) во Франціи и Италіи отражается направленіе естественнаго права; въ особенности въ Италіи, гдѣ ученые при юридическомъ построеніи системы м. права исходятъ часто отъ положеній, не имѣющихъ юридическаго характера, а основываются на соображеніяхъ справедливости и 3) юридически-правовое направленіе Германіи, которое старается построить науку м. права на чисто юридическихъ началахъ.

Фактическія основанія положительнаго м. права. Вопросъ о юридической природѣ м. права до послѣдняго времени представлялся довольно спорнымъ въ литературѣ. Нѣкоторые ученые и теперь склонны утверждать, что оно не удовлетворяетъ понятію права. Однако внимательный анализъ убѣждаетъ насъ въ противномъ.

Прежде всего слѣдуетъ признать существованіе основного необходимаго условія всякаго права—м. общества и международныхъ общественныхъ отношеній. Общественная жизнь человѣка развивается постепенно, потребности его съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разнообразятся. Отсюда возникаетъ стремленіе человѣка къ общественности, которое удовлетворяется образованіемъ различныхъ союзовъ—семьи, рода, общины, государства. Изъ всѣхъ этихъ формъ общественной жизни государство въ наибольшей степени удовлетворяетъ общественные инстинкты человѣка. Но по мѣрѣ развитія культуры, умственные, религіозные, экономическіе и др. интересы человѣчества постепенно начинаютъ выходить за предѣлы государства. Является потребность болѣе широкаго общенія, которая и удовлетворяется образованіемъ м. союза. Международный союзъ—продуктъ новаго времени; тѣмъ не менѣе первые зачатки его были уже въ древности. Въ античномъ мірѣ нѣтъ м. общенія, или оно крайне ограничено: религіозная, національная, культурная и экономическая разрозненность народовъ античнаго міра отражалась на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Зародыши болѣе или менѣе правильныхъ м. отношеній замѣчаются лишь въ общеніи единоплеменныхъ и однокультурныхъ народовъ Греціи, но не въ отношеніи грековъ къ „варварамъ“. Отрицаніемъ м. равноправности отличаются и отношенія Рима къ другимъ народамъ. Съ распространеніемъ христіанства явился благопріятный для м. общенія христіанскихъ народовъ общій имъ всѣмъ религіозно-нравственный элементъ; но его было недостаточно; отношенія христіанскихъ народовъ къ нехристіанскимъ, а затѣмъ, послѣ церковнаго раскола, отношенія между самими христіанскими народами различныхъ вѣроисповѣданій, вслѣдствіе интенсивности религіознаго элемента въ общественной и государственной жизни средневѣковья, должны были сложиться въ неблагопріятномъ для широкаго м. общенія смыслѣ. Съ другой стороны и территоріальная дробность феодальныхъ государствъ, дробность корпоративныхъ интересовъ, мелочность ихъ, дѣлали невозможнымъ широкое развитіе м. общенія даже на почвѣ экономическихъ торговыхъ интересовъ. Отсюда неудача попытокъ папства и германскихъ императоровъ организовать всехристіанскій м. союзъ. Этой неудачѣ способствовала и коллизія притязаній папаства и имперіи въ ихъ тенденціи ко всемірному господству и протестъ національностей противъ политическаго или духовнаго закрѣпощенія ихъ во всемірно-церковной теократіи или всемірно-феодальной -монархіи. Зародыши средневѣковаго м. общенія безслѣдно погибли въ дыму и крови религіозныхъ и политическихъ войнъ.

Неясность принциповъ, которые должны лежать въ основѣ м. общенія мѣшала правильному развитію м. отношеній и въ послѣдующее время—XVI до XVIII в. включительно. Международной розни на почвѣ политической (завоевательная политика и господство династическихъ интересовъ благодаря монархическому абсолютизму) не мало содѣйствовала

борьба на почвѣ экономической подъ вліяніемъ господства ложныхъ экономическихъ теорій (меркантилизмъ) и слабое сознаніе народами взаимности ихъ культурныхъ интересовъ. Вслѣдствіе господства политическихъ интересовъ въ международной жизни стремленіе къ упорядоченію м. отношеній въ эту эпоху выразилась на почвѣ политической теоріи т. наз. *„политическаго равновѣсія“* (съ 1713 г.). При идеальномъ теоретическомъ взглядѣ на принципъ политическаго равновѣсія между государствами (въ смыслѣ равновѣсія ихъ силъ и могущества) принципъ этотъ являлся болѣе благопріятнымъ для установленія правильныхъ м. отношеній, нежели средневѣковые идеалы всехристіанской или всемірной монархіи. Теорія эта сама по себѣ была выгодна для слабыхъ государствъ, такъ какъ она направлена была противъ чрезмѣрнаго усиленія сильныхъ державъ на счетъ слабыхъ. Но въ концѣ концовъ она обратилась въ право сильнаго, такъ какъ сильныя государства во избѣжаніе взаимныхъ распрей изъ за своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, вмѣсто охраненія слабыхъ, начали прибѣгать къ т. наз. сораздѣлительной системѣ, которая привела къ гибели нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ (напр. Польша). И наряду съ этой политической борьбой ради мнимаго установленія мнимаго политическаго равновѣсія мы видимъ упорныя и ожесточенныя войны ради установленія экономическаго меркантильнаго равновѣсія. При такомъ господствѣ ложныхъ представленій объ основахъ политическаго и экономическаго преуспѣянія народовъ, при полномъ отсутствіи сознанія солидарности или, просто, общности и взаимности интересовъ у государствъ и народовъ того времени, не было, конечно, мѣста и международному общенію.

Французская революція и войны Наполеона повлекли за собою цѣлый рядъ существенныхъ политическихъ измѣненій въ Европѣ. Предѣлъ возникшимъ подъ вліяніемъ этихъ событій неурядицамъ былъ положенъ *Вѣнскимъ конгрессомъ* 1815 года, который открываетъ собою новую эпоху въ международныхъ отношеніяхъ. По иниціативѣ Александра I, возникаетъ т. наз. *священный союзъ* трехъ монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи, превратившійся вслѣдъ затѣмъ въ союзъ пяти великихъ державъ (съ присоединеніемъ Франціи и Англіи) или т. наз. пентархію (Англія, впрочемъ, отдѣлилась отъ этого союза уже съ 1821 г.). Пентархія задалась цѣлью основать спокойствіе и политическое равновѣсіе Европы на принципѣ *династическаго легитимизма* и историческаго права. Для замиренія Европы державы-союзницы на Вѣнскомъ конгрессѣ возстановили въ общемъ дореволюціонный территоріальный и

политическій строй государствъ западной Европы, а для обезпеченія этого реставрированнаго ими „законнаго“ порядка гарантировали его договоромъ Св. Союза и рѣшили силою подавлять всякую попытку его нарушенія. Отсюда цѣлый рядъ вмѣшательствъ пентархіи во внутреннюю жизнь государствъ (Италіи 1821 г., Испаніи 1822 г. и т. д.) съ цѣлью доставить прочную власть монархамъ, абсолютизмъ которыхъ колебался подъ напоромъ проникшихъ въ народное сознаніе новыхъ политическихъ идей (конституціонное движеніе въ Италіи, Испаніи,—отчасти Германіи). Такимъ образомъ, по понятіямъ руководящихъ въ Европѣ державъ того времени, главный коллективный интересъ м. общенія европейскихъ народовъ заключался въ охранѣ историческаго легитимизма, т.-е. культурные интересы народовъ отожествлялись съ политическими и династическими интересами абсолютныхъ монарховъ. Очевидно, что правильнымъ такой взглядъ на основы м. общенія признать невозможно. Устремивъ все свое вниманіе на *политическую* организацію м. союза, пентархія оказалась не на высотѣ своего призванія въ качествѣ устроительницы разумнаго м. общенія. Умственное движеніе конца XVIII и начала XIX вѣка, политическія теоріи Локка и Монтескье, экономическія Юма, Кене, Тюрго и Ад. Смита, породили въ народахъ сознаніе ихъ истинныхъ національныхъ интересовъ.

Понятно, что вскорѣ должно было обнаружиться стремленіе освободиться отъ опеки пентархіи. Стремленіе это выразилось въ движеніяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Движенія эти, какъ реакція противъ охранительной политики священнаго союза, привели къ признанію *принципа національности* въ м. отношеніяхъ европейскихъ государствъ. Въ силу этого принципа въ м. политической жизни совершается въ 1830 г. освобожденіе Греціи, а затѣмъ—отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, признаніе полунезависимости Египта (1840) и балканскихъ княжествъ (1856), закончившееся признаніемъ полной независимости послѣднихъ (1878), наконецъ,—объединеніе Италіи и Германіи (1871); а вмѣстѣ съ національнымъ освобожденіемъ и объединеніемъ европейскихъ народовъ устраненъ былъ самый жгучій мотивъ политической борьбы между ними. Съ другой стороны, въ силу этого же національнаго принципа и подъ вліяніемъ новыхъ конституціонныхъ государственныхъ формъ, открывшихъ народному представительству широкое участіе въ государственномъ управленіи, начинаютъ и въ м. отношеніяхъ преобладать дѣйствительные національные, народные интересы. Развитіе культурныхъ и экономическихъ интересовъ европейскихъ народовъ въ связи съ разви-

тіемъ и облегченіемъ м. сообщеній повели въ свою очередь къ развитію сознанія общности и взаимности народныхъ интересовъ въ м. жизни, т. е. къ сознанію истиннаго принципа м. общенія. Въ настоящее время правительство каждаго культурнаго государства заботится прежде всего объ удовлетвореніи народныхъ культурныхъ интересовъ. Но въ силу однородности культурныхъ интересовъ различныхъ народовъ у послѣднихъ является потребность къ общенію и къ регулированію возникающихъ отсюда м. отношеній въ интересахъ не одного какого либо народа, а въ общихъ взаимныхъ интересахъ, т. е. въ интересахъ всего м. союза культурныхъ государствъ. Регулированіе это выражается въ массѣ различныхъ *международныхъ договоровъ*, нормирующихъ м. интересы во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, а не только интересы политическіе. Договоры эти касаются юридическихъ, экономическихъ, торговыхъ и даже соціальныхъ вопросовъ (первая попытка соціальнаго характера—затронутый, но еще неразрѣшенный вопросъ объ урегулированіи рабочаго вопроса совмѣстнымъ законодательствомъ европейскихъ государствъ). Часто интересы государствъ и народовъ въ м. отношеніяхъ сталкиваются, вступаютъ въ коллизію между собою, которая, однако, служитъ поводомъ къ выработкѣ новыхъ м. правовыхъ нормъ для разрѣшенія ихъ мирнымъ правовымъ путемъ; право предполагаетъ столкновеніе интересовъ и цѣль его—примиреніе ихъ, потому что иначе для разрѣшенія такихъ коллизій оставалось бы одно средство—сила, война. Такъ идетъ жизнь м. союза, не вполнѣ еще организованнаго, но имѣющаго въ себѣ всѣ данныя для образованія прочной организаціи (зачатки ея въ м. уніяхъ).

Изъ представленнаго очерка можно убѣдиться въ существованіи сознанія и потребности м. общенія у современныхъ культурныхъ народовъ и въ стремленіи м. союза путемъ соглашеній, основанныхъ на согласованіи интересовъ входящихъ въ составъ этого союза независимыхъ государствъ создать нормы, которыя регулировали бы м. отношенія. Необходимость такихъ нормъ несомнѣнна, и онѣ дѣйствитлеьно существуютъ. Но можно ли признать за ними свойства нормъ положительнаго права? Обладаютъ ли онѣ обязательностью?

Современная теорія права не признаетъ внѣшнее принужденіе необходимымъ элементомъ права. Но въ м. правѣ, несомнѣнно, существуютъ нормы, признаваемыя внѣшне-обязательными въ силу того уже обстоятельства, что содержаніе ихъ санкціонируется участвующими въ ихъ установленіи государствами и что устанавливаются онѣ государствами

всегда вслѣдствіе сознаваемой необходимости этихъ нормъ для твердаго м. правопорядка. Въ м. практикѣ государства въ своей дѣятельности постояннно ссылаются на м. право и слѣдовательно признаютъ его для себя обязательнымъ. Отдѣльныя явленія торжества силы въ м. жизни сами по себѣ ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ мѣсто въ военное время; но и война часто бываетъ не нарушеніемъ, а лишь средствомъ охраненія м. права (напр., русско-турецкая война 1877—78 гг.). Грубая сила нерѣдко доставляетъ торжество праву. Изъ того обстоятельства, что нормы м. права часто нарушаются, нельзя дѣлать заключенія объ отсутствіи въ нихъ положительнаго характера. И во внутренней жизни государства правовыя нормы его постоянно нарушаются. Всякая правовая норма сама по себѣ уже предполагаетъ возможность существованія неправа, возможность ея нарушенія, но это не подрываетъ еще ея авторитета. Къ тому же нарушеніе м. договоровъ нерѣдко отождествляется съ нарушеніемъ м. права. Взглядъ совершенно ошибочный. Въ самомъ дѣлѣ, м. договоры (особенно политическіе) обыкновенно заключаются на вѣчныя времена. Между тѣмъ всѣ нормы права подлежатъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ жизни. Измѣняемость правовыхъ нормъ кроется въ самой ихъ природѣ. Поэтому черезъ тотъ или другой промежутокъ времени послѣ заключенія договора, то или иное изъ договаривающихся государствъ поставляется въ необходимость волей-неволей нарушить „вѣчный“ договоръ, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ. Въ виду этого Лондонской конференціей 1871 г. принципъ неотмѣнимости м. договоровъ признанъ нецѣлесообразнымъ. Вообще не слѣдуетъ смѣшивать права съ гарантіями права; само по себѣ право не можетъ охранить правопорядка безъ этихъ гарантій, но отсутствіе послѣднихъ не доказываетъ отсутствія права.

Иногда говорятъ, что въ м. отношеніяхъ нѣтъ законодательной власти, слѣдовательно нѣтъ и м. положительнаго права. Но право далеко не всегда создается законодателемъ; однимъ изъ главныхъ источниковъ права, помимо закона, признается также и обычай, несомнѣнно существующій въ м. общеніи. Чаще всего указываютъ на невозможность положительнаго правообразованія вообще въ м. области, т. к. надъ государствами не можетъ существовать высшей власти: государства въ силу своего суверенитета не могутъ признавать никакой высшей надъ собою воли (законодательной), а слѣдовательно и никакого ограничивающаго ихъ высшаго закона и права. Но это прежде всего исторически невѣрно: государства въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ постоянно ссылаются

на м. право, какъ на обязательную для нихъ норму, и при этомъ весьма чутко относятся ко всякому уклоненію отъ соблюденія этой нормы въ м. отношеніяхъ. Съ другой же стороны, въ данномъ случаѣ м. право признается государствами какъ самоограниченіе ихъ воли ради разумно понятаго интереса. Упрекъ, который дѣлается международному правообразованію имѣетъ источникомъ смѣшеніе принудительныхъ законовъ съ правовыми нормами и законодательной власти съ правообразующей волей. Въ вопросѣ о положительномъ характерѣ м. права можетъ быть рѣчь лишь о правообразующей волѣ, а органами таковой, при м. договорахъ, служатъ совмѣстныя собранія представителей договаривающихся государствъ (конгрессы или конференціи), постановленія которыхъ, утвержденныя (ратификованныя) законодательной властью соотвѣтствующихъ державъ, получаютъ даже силу внутренняго закона.

Положительность м. права отрицается также на томъ основаніи, что м. союзъ не имѣетъ опредѣленнаго кодекса м. законовъ. Но врядь ли кодификація всегда полезна въ области правовой нормировки жизненныхъ отношеній, такъ какъ она можетъ задержать развитіе правовыхъ нормъ. Притомъ начатки кодификаціи существуютъ и въ области м. права. Попытки кодификаціи нормъ м. права въ полномъ его объемѣ сдѣланы были еще въ половинѣ XIX в. германскимъ ученымъ Блюнчли, американцемъ—Фильдомъ и др. Но и въ м. практикѣ кодифицированы уже нѣкоторые отдѣлы м. права. Не говоря о средневѣковыхъ сборникахъ м. обычаевъ изъ области торговаго и морскаго м. права (Consolato del mare и др.), сюда могутъ быть отнесены кодификація Гаагскою мирною конфиренціею 1899 и 1907 года и Лондонскою 1909 года правилъ и законовъ войны и международнаго суда, м. постановленія о способахъ м. сообщеній (телеграфныхъ, почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ), начало м. кодификаціи м. частнаго права Гаагскими конференціями 1893, 1894, 1900 и 1904 г. и т. п.

Наконецъ, указываютъ на то, что м. право не обладаетъ *принужденіемъ*. Но принужденіе точно также возможно въ м. правѣ, какъ и во всякой другой области права и для его осуществленія имѣются тѣ же средства принужденія, которыя существуютъ и въ другихъ частяхъ права. Мало того, м. право имѣетъ еще совершенно особыя публично-правовыя средства принужденія, какъ репрессаліи, реторсіи, вмѣшательство третьихъ державъ, война. И въ государствѣ судебное признаніе субъективнаго права лица не тождественно съ возможностью осуществленія этого права или возстановленія нарушеннаго права. Не говоря уже о

томъ, что не всякое нарушеніе объективнаго права ограждается принужденіемъ,—въ извѣстныхъ случаяхъ оно влечетъ за собою и иныя послѣдствія, не основанныя на физической силѣ (напр. признаніе сдѣлки недѣйствительной),—не говоря объ этомъ, само положительное законодательство признаетъ давность, чѣмъ ясно свидѣтельствуетъ, что принудительное осуществленіе не безусловно необходимый элементъ права.

Но говорятъ, что м. право располагаетъ неудовлетворительнымъ, неправомѣрнымъ средствомъ защиты—войной: война неправомѣрна, потому что она—насиліе. Но развѣ насиліе противъ сопротивляющагося преступника не допускается? Война, говорятъ, по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ далеко преступаетъ границы возстановленія нарушеннаго права. Но развѣ наказаніе преступника по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно имѣетъ для его семьи, которая безвинно обрекается, быть можетъ, на всякія бѣдствія, не столь же несоразмѣрны иногда совершенному преступленію? Наконецъ, говорятъ, что торжество побѣдителя не гарантируетъ торжества права, такъ какъ побѣдителемъ можетъ быть нарушитель. Но вѣдь и въ гражданскомъ оборотѣ, не смотря на всевозможныя судебныя гарантіи, судебное рѣшеніе не всегда гарантируетъ дѣйствительнаго торжества права. Вообще, если въ этой области можетъ быть сдѣланъ упрекъ международному праву, то не въ недостаткѣ возможности принужденія, а лишь въ возможности несправедливаго принужденія, въ недостаткѣ гарантій противъ него.

Поэтому въ новѣйшее время вопросъ о принужденіи въ м. правѣ облекается обыкновенно въ вопросъ объ организованной защитѣ. Но и организованная защита не служитъ еще сама по себѣ гарантіею права. Такъ, внутреннее право тоже не всегда пользовалось тою защитою, которая свойственна праву современному. Нормы права были, была и организованная защита ихъ, но защитѣ этой приходилось сплошь да рядомъ считаться съ своеволіемъ отдѣльныхъ лицъ и очень часто она передъ своеволіемъ этимъ пасовала. Чтобы быть послѣдовательнымъ, отрицателямъ м. права на основаніи якобы отсутствія защиты надо было бы отрицать и все средневѣковое право. Итакъ, можно въ данномъ случаѣ говорить лишь о несовершенствѣ м. права, но не объ отсутствіи его.

Кромѣ того, говоря объ отсутствіи средствъ защиты и принужденія въ международномъ правѣ обыкновенно подразумѣваютъ принужденіе государства. Но на это можно возразить, что и помимо дѣйствительно неорганизованнаго принужденія, направленнаго на государство, какъ объектъ его, въ м. правѣ существуетъ принужденіе, направленное не на

государство и осуществляемое иногда даже не государствомъ, а м. органомъ въ предѣлахъ его компетенціи (напр. рѣчныя, санитарныя коммиссіи). Лицо, напр., снарядившее судно для торга невольниками, несетъ кару за это, испытываетъ, значитъ, принужденіе. Спрашивается, кара эта, нормируемая и отечественными законами—установлена ли въ интересахъ мѣстнаго правосудія или нѣтъ? Нѣтъ, нисколько. Какое, напр., дѣло Россіи, что гдѣ-то на золотомъ берегу ея подданный торгуетъ неграми? Эта норма, хотя и вошедшая въ русское уложеніе о наказ., тѣмъ не менѣе есть норма права международнаго. (Ср. Мартенса, Соврем. м. право, I, § 85, стр. 337). Конвенціи о выдачѣ преступниковъ, исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ, институтъ интеллектуальной и промышленной собственности, м. мѣры относительно пользованія м. путями сообщеній и сношеній, нѣкоторыя нормы права войны и многое другое имѣетъ правовую защиту. Защита эта по характерной особенности м. права, вынужденнаго считаться съ суверинитетомъ государства, сводится, правда, къ принудительной власти отдѣльнаго государства, но развѣ отъ этого она дѣлается государственной защитой? Защита эта есть межд.-правовая, отдѣльное же государство есть только представитель м. союза, исполняющій безмолвно данное ему порученіе. Итакъ указанныя нормы м. права организованной защитой обладаютъ. Что касается до принужденія государства, то оно совершается либо м. союзомъ (коллективное вмѣшательство), либо государствомъ-противникомъ.

М. право, въ противность праву внутреннему, высказываемому отдѣльнымъ государствомъ, высказывается совокупностью ихъ, —м. союзомъ. Съ момента санкціи отдѣльнымъ государствомъ нормы м. права, государство это признаетъ ее для себя обязательной, государство изъявляетъ волю себя самоограничить этой нормой. То же мы видимъ подчасъ и въ правѣ внутреннемъ. Тамъ тоже есть нормы, которыми государство ограничиваетъ себя, понятіе принужденія и въ этомъ случаѣ къ государству не примѣнимо. Но если бы государство захотѣло отъ этого самоограниченія отказаться, хотя бы для единичнаго случая, оно всегда имѣетъ возможность уничтожить неподходящую ему норму путемъ другой нормы (объявить, напр., въ законодательномъ порядкѣ для даннаго случая исключеніе изъ общаго закона, примѣненіе обратной силы и т. п.). Въ м. же правѣ такою формальною уловкою государство не распелагаетъ, и въ результатѣ возможно формальное нарушеніе (а не отсутствіе) права, хотя не всякое нарушеніе договора есть дѣйствительное попраніе объективнаго права. Но почему же никто не заявляетъ о несу-

ществованіи внутренняго права, разъ нормы его отмѣнимы государствомъ?

Предѣлы распространенія м. права. Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ положительномъ характерѣ нормъ м. права. Но какъ далеко простирается дѣйствіе нормъ этого права? Цѣль м. права—организація м. правового порядка для осуществленія всѣхъ интересовъ и потребностей, вызвавшихъ м. общеніе. Отсюда вытекаетъ его всемірное значеніе. Но м. право образовалось въ средѣ народовъ европейской культуры, интересы которыхъ сложнѣе, разнообразнѣе и своеобразнѣе сравнительно съ интересами какихъ-нибудь дикарей; оно покоится на сознаніи культурными народами солидарности ихъ интересовъ, на общности ихъ культуры, въ основаніи коей лежитъ одна общая имъ христіанская религія. Такимъ образомъ, по своимъ задачамъ м. право стремится объять весь міръ; но при существующемъ въ настоящее время значительномъ различіи въ степени культурнаго развитія и въ самомъ характерѣ культуры народовъ европейской цивилизаціи, народовъ азіатскихъ и дикарей, нѣкоторымъ ученымъ такая задача представляется неосуществимой. Поэтому смотря по тому, основываются ли они болѣе на теоретической постановкѣ ученія о задачахъ и распространеніи м. права или же на положительной сторонѣ вопроса, одни (напр., Блюнчли, гр. Камаровскій и друг.) признаютъ за м. правомъ универсальное значеніе и включаютъ въ м. союзъ всѣ народы земного шара; другіе, (напр., Дж. Ст. Милль, Листъ, Лоримеръ, проф. Мартенсъ) ограничиваютъ предѣлы примѣненія м. права только культурными народами, относительно же дикихъ и некультурныхъ народовъ находятъ возможнымъ примѣнять лишь „естественное м. право“, принципы христіанства и человѣколюбія. Напр., Дж. Ст. Милль, исходя изъ начала взаимности въ правѣ и не находя его въ практикѣ некультурныхъ народовъ относительно культурныхъ, утверждаетъ, что примѣнять м. право къ некультурнымъ народамъ невозможно. Между тѣмъ жизненный фактъ постепеннаго расширенія сношеній культурныхъ народовъ съ некультурными и, слѣд., необходимости урегулированія этихъ отношеній, необходимо требуетъ разрѣшенія вопроса—на чемъ же основать эти отношенія, если м. право къ нимъ непримѣнимо?. Проф. Мартенсъ предлагалъ примѣненіе къ нимъ нормъ „естественнаго права“, т.-е. совокупности извѣстныхъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ, присущихъ и дикарямъ, и европейцамъ началъ, вытекающихъ изъ нравственной природы и разума человѣка и не зависящихъ ни отъ времени и мѣста, ни отъ степени культуры (напр., вѣрность

договорамъ, уваженіе личности, чести и собственности, ибо тутъ не требуется солидарности интересовъ"). Но понятіе естественнаго права слишкомъ растяжимо и неопредѣленно для конструкціи на этой почвѣ положительныхъ юридическихъ отношеній даже къ дикарямъ.—Правильно намѣченное разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ у гр. Камаровскаго. Онъ находитъ, что м. право по идеѣ есть право всего человѣчества, но какъ право положительное, оно пока соединяетъ только народы Европы и Америки, и лишь частично распространяется на народы Азіи и Африки. Поэтому онъ различаетъ на землѣ три группы народовъ: европейско-американскій міръ, гдѣ м. право наиболѣе живо и дѣйствительно; народы Азіи, въ сношеніяхъ съ которыми примѣняются нормы м. права, какъ онѣ высказаны и признаны въ договорахъ съ ними, и, наконецъ,—варвары или дикія племена, на которыя м. право должно простирать свою охранительную силу. Мнѣніе это мы признаемъ правильнымъ на томъ основаніи, что неисполненіе права однимъ лицомъ не обусловливаетъ по этой причинѣ неисполненіе права другимъ лицомъ въ отношеніи перваго. Требуя соблюденія принципа взаимности (принципа болѣе политическаго, нежели юридическаго), въ отношеніи соблюденія м. права, Милль смѣшиваетъ нарушеніе м. права съ несоблюденіемъ, неисполненіемъ его некультурными народами по невѣдѣнію или по отсутствію пониманія, сознанія его. Взаимность, въ смыслѣ сознанія и признанія извѣстныхъ нормъ поведенія (взаимнаго права и правоотношенія) и въ смыслѣ сознательнаго желанія осуществлять и упражнять эти нормы, есть необходимое условіе всякаго права, ибо цѣль права—регулированіе общественной жизни ради обезпеченнаго удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Поэтому сознательное нарушеніе права одной стороной даетъ потерпѣвшему лишь субъективное право требовать возстановленія его или же эквивалентнаго вознагражденія за причиненный ущербъ, а охраняющей правопорядокъ публичной власти—право наказанія правонарушителя. Въ случаѣ же неисполненія права по невѣдѣнію или по отсутствію пониманія его правонарушителемъ возможно лишь принужденіе послѣдняго къ соблюденію правовой нормы въ интересахъ общаго блага, ради общественнаго интереса. Так. обр., можно говорить о той карѣ, которая должна примѣняться къ некультурнымъ народамъ при сознательномъ нарушеніи ими признаваемыхъ культурными народами нормъ м. права; говорить же о наказаніи ихъ за безсознательное несоблюденіе ихъ, а тѣмъ болѣе—о непримѣненіи къ нимъ этихъ (въ особенности охранительныхъ) нормъ на основаніи взаимности, невозможно

съ точки зрѣнія общей теоріи права. И дѣйствительно, современное м. право европейскихъ народовъ приноровлено къ потребностямъ именно этихъ народовъ, поэтому требовать соблюденія его и отъ некультурныхъ націй было бы даже странно, такъ какъ вслѣдствіе иной культуры, иного національнаго, экономическаго и политическаго строя онѣ не сознаютъ, а иногда и не могутъ сознавать пользы, а тѣмъ болѣе—необходимости м. права, да къ тому же и не знаютъ нормъ, созданныхъ международнымъ союзомъ. Если м. право культурныхъ народовъ не примѣняется народами некультурными, если оно даже нарушается ими, то нерѣдко причина этого лежитъ не въ злой волѣ, а въ самыхъ условіяхъ ихъ культуры, отражающихся на всемъ ихъ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ строѣ.—Но если м. право культурныхъ народовъ не существуетъ у народовъ некультурныхъ, то это еще не значитъ, что оно къ нимъ непримѣнимо. Въ настоящее время они не признаютъ его лишь по состоянію умственнаго своего развитія и культуры. Однако, одна изъ задачъ цивилизованныхъ народовъ—поднимать и развивать правосознаніе дикаря: цивилизованные народы обязаны доводить до сонанія нецивилизованныхъ принципы м. общенія, и это достигается путемъ договоровъ съ некультурными народами, приспособленныхъ къ ихъ пониманію и къ ихъ общественному и государственному строю.

Цѣль м. права—правильный порядокъ м. сношеній и отношеній безразлично, гдѣ и между какими бы народами этотъ порядокъ ни осуществлялся. Онъ необходимъ повсюду и безусловно. Поэтому прежде всего культурные народы въ правѣ требовать отъ некультурныхъ соблюденія формъ, принятыхъ и установленныхъ для этой цѣли. Но требованіе это возможно и справедливо лишь подъ условіемъ, чтобы оно основывалось на договорахъ, хотя бы и принудительно заключенныхъ и, притомъ, только въ предѣлахъ этихъ договоровъ, такъ какъ подобные договоры (опредѣляющіе прежде всего формы сношеній, посольское и консульское право, обоюдныя права и обязанности подданныхъ, торговыя сношенія) являются въ данномъ случаѣ для некультурныхъ народовъ первымъ шагомъ пріобщенія къ м. жизни и кодексомъ формальнаго и матеріальнаго м. права. Лишь нарушеніе этого *договорнаго* права некультурнымъ народомъ даетъ потерпѣвшему отъ этого культурному народу право на наказаніе, но опять-таки не въ видѣ самовластнаго, самоуправнаго воздѣйствія, а въ формахъ м. принужденія, предусмотрѣнныхъ м. правомъ. Правомѣрнымъ и здѣсь можетъ быть признано лишь примѣненіе такихъ мѣръ репрессіи, которыя признаются правомѣрными и во взаимныхъ

отношеніяхъ между культурными народами (слѣд.,—не мѣры устрашенія жестокостью наказанія, какія практикуются съ такою любовью англичанами и германцами въ ихъ колоніальной политикѣ и въ ихъ отношеніяхъ къ некультурнымъ народамъ).

Так. обр. по содержанію м. право въ отношеніяхъ между культурными и некультурными народами должно оставаться неизмѣннымъ въ своихъ нормахъ и лишь форма примѣненія ихъ должна быть приспособлена къ особымъ условіямъ возникновенія и установленія правовыхъ отношеній между этими народами.

Указанныя нами общія начала признаются въ принципѣ и практикою сношеній культурныхъ народовъ съ некультурными. Именно, примѣняя къ этимъ народамъ у себя нормы даже не договорнаго, а обычнаго м. права (признавая, напр., неприкосновенность и вообще установленныя м. правомъ нормы посольскаго права относительно ихъ дипломатическихъ агентовъ, или предоставляя ихъ подданнымъ, когда послѣдніе находятся въ предѣлахъ цивилизованныхъ государствъ, тѣ-же общія права и гарантіи, какія по обычаю предоставляются иностраннымъ подданнымъ цивилизованныхъ государствъ), въ своихъ договорахъ съ нецивилизованными народами они въ подробности регулируютъ даже общія элементарныя нормы м. сношеній и обычнаго м. права, а относительно своихъ подданныхъ, пребывающихъ въ этихъ государствахъ, довольствуются тѣмъ, что создаютъ для нихъ (въ договорахъ) особое правовое положеніе, принимая во вниманіе отсутствіе у этихъ народовъ прочнаго правопорядка, уваженія человѣческой личности, имущественной безопасности и религіозной терпимости. Такой характеръ носятъ всѣ (по крайней мѣрѣ первые) договоры европейскихъ государствъ съ государствами азіатской культуры—Турціи, Персіей, Китаемъ, Японіей, Кореей, Сіамомъ и т. п.

Очевидно, что лишь въ предѣлахъ этого договорнаго права европейскія государства и могутъ претендовать на соблюденіе м. права азіатскими государствами, и лишь нарушеніе послѣдними этого договорнаго права можетъ давать имъ право къ репрессивнымъ противъ послѣднихъ мѣрамъ. (Примѣръ: международная карательная экспедиція противъ Китая въ 1900 г.).

Религія (нехристіанская) не признается препятствіемъ къ принятію государства въ м. союзъ народовъ европейской культуры. Примѣръ—Турція съ 1856 г. и Японія съ 1899 г. Въ отношеніи къ нехристіанскимъ государствамъ христіанскія довольствуются тѣмъ, что въ трактатахъ съ ними ограждаютъ свободу вѣроисповѣданія своихъ подданныхъ и по возможности проводятъ въ этихъ договорахъ принципъ вѣротерпимости.

М. общеніе и государственный суверенитетъ. Какой юридическій принципъ отношеній между обществомъ международнымъ и его членами? Вступая въ м. отношенія, каждое государство имѣетъ свои самостоятельные интересы, правовыя понятія, нравственныя воззрѣнія и т. д. Оно входитъ въ общество государствъ со всею совокупностью тѣхъ особенностей, въ которыхъ выражается его національная жизнь. Изъ наблюденія дѣйствительности мы видимъ, что м. общеніе не уничтожаетъ этой индивидуальности народовъ; скорѣе они именно здѣсь приходятъ къ сознанію своихъ особенностей. „Находясь въ сношеніяхъ съ другими народами, они вырабатываютъ свою личность“ (Трейчке). Но по существу своему м. общеніе ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого человѣческаго общества: оно основывается на соединеніи государствомъ собственной своей цѣли съ пользой и интересомъ другихъ государствъ. М. общеніе есть фактическая необходимость для культурнаго государства. —оно необходимо въ виду цѣли государства: по своему назначенію государство должно способствовать всестороннему удовлетворенію разумныхъ потребностей своихъ подданныхъ; но ни одно государство не будетъ имѣть всѣхъ средствъ, чтобы исполнить это свое назначеніе, если оно ограничится сферою внутренней, національной своей жизни, ибо въ осуществленіи своихъ жизненныхъ задачъ государства зависятъ другъ отъ друга. Но спрашивается: въ какой степени каждое отдѣльное государство можетъ проявить свою самостоятельность и независимость въ установленіи нормъ м. права, коими оно предполагаетъ регулировать свои отношенія и отношенія своихъ подданныхъ къ другимъ государствамъ и ихъ подданнымъ?

Въ сознаніе людей въѣлось мнѣніе о государствѣ, какъ о высшей и завершительной формѣ организованнаго человѣческаго общежитія на землѣ; поэтому и въ м. правѣ главная роль отдавалась суверенитету отдѣльнаго государства, и въ наукѣ м. права долгое время держался тотъ взглядъ, что права и обязанности государствъ въ м. союзѣ, или что то же,—что само м. право зиждется исключительно на принципѣ суверенитета, т.-е. независимости государствъ; да и въ настоящее время этотъ взглядъ находитъ еще не мало сторонниковъ (особенно въ англо-американской школѣ).—Лишь въ новѣйшее время (въ XIX в.) устанавливается между народами европейской цивилизаціи культурно-правовое м. общеніе и лишь въ новѣйшее время (съ половины XIX в.) и въ наукѣ м. права возникаетъ теорія, требующая признанія наряду съ субъективнымъ принципомъ государственнаго суверенитета въ м. правѣ признанія

и объективнаго принципа м. общенія, соотвѣтственно двумъ элементамъ (свободы и порядка) всякаго права. На различныхъ комбинаціяхъ этихъ двухъ принциповъ и строится въ XIX в. наука м. права, при чемъ или доходитъ до полнаго отрицанія одного изъ нихъ или склоняется къ смѣшенію ихъ въ различныхъ пропорціяхъ. Изъ русскихъ писателей, строящихъ м. право на принципѣ суверенитета назовемъ Эйхельмана, а изъ числа строящихъ м. право на идеѣ общенія,—проф. Мартенса; большинство же русскихъ ученыхъ признаютъ оба принципа м. права.

Первый. выдвинувшій важное значеніе объективнаго принципа м. права былъ германскій писатель Кальтенборнъ. По его мнѣнію, оба принципа одинаково существенны въ правовой жизни, но объективный стоитъ выше субъективнаго. Объективный принципъ м. права заключается въ началѣ общенія членовъ м. союза, а субъективный представляется индивидуальною природою каждаго государства, входящаго въ этотъ союзъ. Такова теорія Кальтенборна, раздѣляемая съ очень небольшими измѣненіями, почти всѣми интернаціоналистами, сторонниками двойственности основныхъ принциповъ м. права.—Бульмеринкъ присоединяетъ къ этимъ двумъ принципамъ третій—„м-народно-правовой принципъ“, но едва-ли основательно, ибо принципъ м. общенія самъ по себѣ предполагаетъ существованіе въ этомъ общеніи юридическихъ отношеній, проникнутыхъ правовымъ принципомъ.

На какой же изъ этихъ трехъ теорій остановиться и чему отдать предпочтеніе: принципу ли общенія, суверенитету ли государства или комбинаціи этихъ двухъ принциповъ?

Никакое право безъ общества, какъ своего физическаго, фактическаго субстрата немыслимо; немыслимо и общество какъ таковое безъ права; общество есть физическое условіе существованія права, а право—логическое условіе существованія общества. Тамъ же, гдѣ есть общество и право, должны быть юридическія отношенія, проистекающія изъ общенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, т.-е. изъ взаимности ихъ интересовъ. Разсужденіе это относится ко всему праву и ко всякому его виду. М-народный союзъ есть общество людей, организованныхъ въ болѣе мелкіе общественные союзы—государства, связанныя взаимностью или же общностью интересовъ. Общество это, объединенное принципами м. права, не составляетъ фактическаго аггрегата государствъ на территоріи земного шара; а разъ признавъ м.-народно-правовое общество и самое право, мы должны признать существованіе юридическихъ отношеній въ этомъ обществѣ—м.-народномъ союзѣ—другими словами: неизбѣжность правового общенія между членами м.-народно-правового общества. А коль скоро м. правовое общеніе между членами м.-народ. союза существуетъ, то отрицать объективный принципъ м.-нар. права невозможно и потому неправильно ученіе интернаціоналистовъ, строющихъ м. право на одномъ суверенитетѣ.—То обстоятельство, что субъективному принципу, суверенитету государства многіе отдавали и отдаютъ исключительное господство и значеніе въ м. правѣ объясняется двумя причинами: историческими судьбами созданія человѣческаго общества и смѣшеніемъ юридическихъ отношеній съ фактическими, смѣшеніемъ факта и права: 1) Человѣкъ, постепенно переходя ступени общественнаго быта, остановился на государственной формѣ общежитія, и эта послѣдняя много тысячелѣтій и была и считалась высшею завершительной формой человѣческаго общества; поэтому отрѣшиться отъ такого воззрѣнія на государство оказывается трудно, даже послѣ того, какъ исторія принесла новый, болѣе высшій типъ человѣческаго союза—союзъ международный.—2) Съ другой стороны, въ м. отношеніяхъ и въ м. правѣ приходится считаться съ волей и суверенитетомъ отдѣльнаго государства. Этотъ суверенитетъ въ состояніи, при могуществѣ государства, парализовать любую норму м. права, но это не значитъ, что суверенитетъ государства поглотилъ право; право, какъ рядъ объективныхъ нормъ, продолжаетъ существовать, несмотря на возможныя его нарушенія. Поэтому возможность въ дѣйствительной жизни осуществленія государствомъ своего державнаго самоволія въ ущербъ общественному м. порядку и интересу не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отрицанія объективнаго принципа м. права, а слѣдовательно, и построеніе м. юридическихъ отношеній на одномъ принципѣ государственнаго суверенитета неправильно.

Всякое право имѣетъ въ виду интересы человѣка, но человѣкъ, войдя въ общежитіе и ограничивъ свой эгоизмъ и волю, принужденъ ставить интересы общества выше своихъ и субъективное право подчинять объективному. Это разсужденіе, приложимое къ праву вообще, приложимо и къ праву международному, гдѣ м. общество, субъектъ правотворящій въ м. сферѣ есть м. союзъ; единственный принципъ, который можетъ быть положенъ въ основаніе м. права есть поэтому принципъ объективный. Государства, составляющія м. союзъ, признавъ извѣстную международно-правовую норму въ принципѣ, должны ей подчиняться, этимъ самымъ подчиненіемъ ограничивая свою волю, какъ въ правѣ внутренне-государственномъ каждый человѣкъ долженъ подчиняться велѣ-

ніямъ объективнаго права. Въ предѣлахъ же этого объективнаго м. права субъекты юридическихъ отношеній могутъ свободно осуществлять свою волю въ каждомъ данномъ случаѣ, не выходя за предѣлы нормъ объективнаго права. Въ области м. отношеній отдѣльное государство, въ силу потребности общенія, необходимаго ему ради всесторонняго удовлетворенія разнообразныхъ интересовъ его народа, должно ограничивать свою свободу и подчиняться извѣстнымъ нормамъ, обезпечивающимъ м. правопорядокъ, правомѣрность м. отношеній. Нормы эти должны стоять внѣ произвола каждаго изъ отдѣльныхъ субъектовъ м. отношеній. Только при условіи сохраненія этого принципа возможны правильность, порядокъ и законность въ этихъ отношеніяхъ. Объективный принципъ м. общенія, лежащій въ основѣ м. отношеній культурныхъ народовъ, покоится на сознаніи ими общности и взаимности ихъ культурныхъ интересовъ, на сознаніи, что всестороннее и полное осуществленіе этихъ интересовъ невозможно при помощи единичныхъ силъ каждаго отдѣльнаго народа безъ взаимнаго содѣйствія, а слѣдовательно, и безъ взаимнаго признанія правъ и обязанностей.

Юридическое содержаніе м. общенія состоитъ въ томъ, что общеніе создаетъ правовой порядокъ между государствами, цѣль и задача котораго (какъ и правового порядка внутри отдѣльнаго государства) состоитъ въ обезпеченіи самостоятельности и полнаго развитія каждаго государства (т.-е. члена этого общенія) съ соблюденіемъ правъ и интересовъ другихъ государствъ, членовъ м. союза. И въ м. общеніи, какъ и во всякомъ разумно организованномъ человѣческомъ обществѣ, особая индивидуальность его членовъ не тонетъ въ общественной жизни, личность не поглащается обществомъ, потому что само общество имѣетъ задачей и цѣлью своего существованія именно охрану обезпеченнаго самостоятельнаго существованія его членовъ и восполненіе недостающихъ ему средствъ возможно полнаго и разносторонняго развитія его индивидуальныхъ силъ и интересовъ.

М е ж д у н а р о д н ы й с о ю з ъ. Развитіе и осложненіе послѣдовательныхъ формъ человѣческаго общежитія—семьи, рода, общины, государства,—находилось въ прямой зависимости и обуславливалось развитіемъ и осложненіемъ потребностей и интересовъ человѣка. Несоотвѣтствіе этихъ формъ общежитія новымъ потребностямъ жизни, новымъ осложненнымъ интересамъ и потребностямъ общества и государства вызвало возникновеніе новой, удовлетворяющей этимъ потребностямъ общественной формы,—образовался т. наз. международный союзъ,

при чемъ отдѣльныя государства (культурныя) являются его членами. Чѣмъ прочнѣе укореняется въ народахъ сознаніе общности и взаимности ихъ жизненныхъ интересовъ, чѣмъ разнообразнѣе становятся задачи и содержаніе современной цивилизаціи, тѣмъ тверже становятся устои и основанія м. союза и тѣмъ шире раздвигаются его границы.

М. союзъ не имѣетъ до настоящаго времени организаціи. Въ исторіи м. отношеній мы видѣли неудачныя попытки папства и, въ особенности, имперіи организовать этотъ союзъ на принципѣ религіознаго или феодальнаго подчиненія. Въ политической литературѣ мы до новѣйшаго времени встрѣчаемъ многоразличные проекты такой организаціи путемъ установленія въ м. союзѣ единой законодательной, судебной и исполнительной власти (вспомнимъ проекты Генриха IV и его министра Сюлли, впослѣдствіи (въ 1713 г.) вновь выдвинутые аббатомъ Сенъ-Пьеромъ, предполагавшіе учрежденіе чего то въ родѣ соед. штатовъ Европы; близкій къ нимъ характеръ носятъ и проекты Руссо, Канта, Бентама и новѣйшихъ интернаціоналистовъ—англичанина Лоримера, нѣмца—Блюнчли, русскаго—гр. Камаровскаго). Всѣ они не имѣли практическихъ послѣдствій, главнымъ образомъ, конечно, потому, что м. союзъ и не нуждается ни въ какой *политической* организаціи. Будучи продуктомъ практическихъ требованій самой жизни, онъ находитъ въ нихъ достаточную гарантію своей прочности и юридической дѣеспособности; эту гарантію даетъ лежащая въ основаніи м. союза и усиливающаяся съ развитіемъ цивилизаціи солидарность интересовъ культурныхъ народовъ и усиливающаяся въ той же мѣрѣ взаимная зависимость государствъ въ успѣшномъ преслѣдованіи ихъ многообразныхъ, постоянно осложняющихся духовныхъ и матеріальныхъ, общекультурныхъ и экономическихъ интересовъ. Но мало того, подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ м. союзъ принялъ уже въ сферѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, болѣе общихъ для его членовъ, интересовъ спеціальную организацію. Мы разумѣемъ спеціальныя т. наз. международныя уніи—почтовую, телеграфную, желѣзнодорожную и т. п. Въ лицѣ своихъ членовъ, участвующихъ въ этихъ союзахъ (а въ нихъ участвуютъ почти всѣ культурные народы), м. союзъ имѣетъ въ сферѣ этихъ спеціальныхъ интересовъ полную юридическую организацію съ законодательною, судебною и исполнительною союзною властью.

Но, будучи свободнымъ сообществомъ независимыхъ государствъ, м. союзъ долженъ имѣть общія установленія, которыми его члены могли бы пользоваться для коллективнаго обсужденія и рѣшенія всѣхъ и вся-

кихъ вопросовъ, касающихся ихъ общихъ интересовъ, т. е. интересовъ всего м. союза. Такого рода м. установленіями являются м. конгрессы и конференціи: это м. органы, главнымъ образомъ, устанавливающіе право. А сверхъ того м. союзъ обладаетъ органомъ, примѣняющемъ право при разрѣшеніи возникающихъ между его членами несогласій—постоянную палату третейскаго суда въ Гаагѣ. Наконецъ,—цѣлый рядъ исполнительныхъ и судебныхъ органовъ въ сферѣ болѣе частныхъ интересовъ: м. рѣчныя, санитарныя, финансовыя коммиссіи, консульскіе и „смѣшанные“ суды на Востокѣ, смѣшанные Египетскіе суды и бюро м. уній.

Конгрессы и конференціи. Главнымъ органомъ для выраженія воли м. союза являются конгрессы и конференціи, т. е. собранія спеціально ad hoc уполномоченныхъпредставителей различныхъ государствъ для обсужденія и разрѣшенія тѣхъ или иныхъ общихъ членамъ м. союза вопросовъ и урегулированія ихъ интересовъ. Первообразомъ такихъ собраній въ средніе вѣка были церковные соборы, въ которыхъ принимали участіе органы духовной, а отчасти и свѣтской власти всѣхъ христіанскихъ государствъ. Соборы эти занимались сначала рѣшеніемъ исключительно церковныхъ вопросовъ, но въ XIII—XV в. в. на нихъ нерѣдко подвергались обсужденію и различные свѣтскіе вопросы, касавшіеся всей католической Европы (напримѣръ на Мантуанскомъ соборѣ 1459 г. былъ поднятъ вопросъ о крестовомъ походѣ на турокъ для изгнанія ихъ изъ Европы). Чисто свѣтскія м. собранія начали созываться съ XVII в. Первымъ и самымъ важнымъ конгрессомъ этой эпохи былъ Вестфальскій (1648 г.), состоявшійся послѣ тридцатилѣтней войны. Съ теченіемъ времени такіе съѣзды все болѣе и болѣе учащаются и становятся обыкновеннымъ средствомъ м. общенія. Постановленія ихъ въ прежнія времена отличались исключительно политическимъ характеромъ; созывались они обыкновенно послѣ войнъ для урегулированія отношеній воюющихъ державъ, при чемъ обыкновенно лишь санкціонировали результаты войнъ. Другихъ вопросовъ съѣзды эти почти не касались (за исключеніемъ еще вопросовъ м. торговли). Но уже на Вѣнскомъ конгрессѣ (1815 г.), созванномъ послѣ войнъ Наполеона въ видахъ урегулированія отношеній, созданныхъ этими войнами, помимо относящихся сюда политическихъ вопросовъ, были затронуты и разрѣшены нѣкоторые общіе вопросы изъ области м. отношеній (о негроторговлѣ, о м. рѣкахъ, о дипломатическихъ агентахъ). Общеевропейскіе интересы являются основнымъ принципомъ для дѣятельности какъ Вѣнскаго, такъ и послѣдующихъ конгрессовъ; но и въ началѣ XIX в. общеевропейскій интересъ разумѣлся еще въ одностороннемъ политическомъ смыслѣ. На Вѣнскомъ конгрессѣ былъ установленъ Священный Союзъ трехъ сильнѣйшихъ державъ въ качествѣ ареопага для рѣшенія общихъ европейскихъ вопросовъ на основаніи предписаній религіи, справедливости, милосердія и мира. Вслѣдъ за тѣмъ тройстоенный Св. Союзъ преобразовался въ пентархію, разрѣшавшую всѣ общеевропейскіе вопросы. Но главное вниманіе пентархіи было обращено на рѣшеніе вопросовъ политическихъ: конгрессы Ахенскій, Тропаускій, Лайбахскій и Веронскій, непосредственно слѣдовавшіе за Вѣнскимъ (1818—1822 г.) были посвящены охранѣ спокойствія Европы на почвѣ установленнаго Св. Союзомъ на Вѣнскомъ конгрессѣ легитимнаго монархическаго неограниченнаго внутренняго строя государствъ; въ такой охранѣ пентархія усматривала основную задачу м. права и м. конгрессовъ, какъ органовъ м. союза. Поэтому послѣдніе принимали на себя роль какъ бы м. судебнаго учрежденія по вопросамъ о законности или незаконности происходящихъ въ отдѣльныхъ государствахъ внутреннихъ правительственныхъ и конституціонныхъ реформъ. Но по идеѣ конгрессы этой эпохи являлись органами м. общенія, а не отдѣльныхъ участвовавшихъ въ нихъ государствъ, именно—періодически собиравшимися м. органами частью законодательными, частью органами суда и посредничества, причемъ свои рѣшенія они приводили въ исполненіе путемъ вооруженнаго коллективнаго вмѣшательства, исполненіе коего препоручалось одной какой либо державѣ (Австріи въ Неаполѣ и Піемонтѣ 1818—20 г., Франціи въ Испаніи 1822 г.). Но своимъ узкимъ, одностороннимъ взглядомъ на международный интересъ Европы, (охрана принципа легитимизма), конгрессы именнно этой эпохи окончательно дискредитировали себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы. Съ того времени въ Европѣ было только 2 конгресса: Парижскій 1856 г. и Берлинскій 1878 г.; вмѣсто же конгрессовъ входятъ въ употребленіе конференціи. Но послѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка значительно измѣнилась и самая м. политика. Съ усиленіемъ м. общенія, съ усиленіемъ народнаго участія въ государственномъ управленіи, м. экономическаго оборота и взаимныхъ сношеній культурныхъ народовъ, въ м. отношеніяхъ на первый планъ выступаютъ интересы культуры; а соотвѣтственно этому и въ основѣ дѣятельности м. конференцій являются общекультурные интересы; подъ ихъ вліяніемъ создаются между прочимъ выработанныя на м. конференціяхъ различныя м. уніи—почтовая, телеграфная, желѣзнодорожная, союзы для охраны

литературной и промышленной собственности и т. п. При помощи м. конференцій регулируются вопросы колоніальной политики европейскихъ государствъ, устанавливаются м. правила веденія войны, учреждается м. судъ и т. д. и т. д. Другая особенность конгрессовъ и конференціи этого періода заключается въ томъ, что они являются посредниками между воюющими державами для урегулированія, сообразно общимъ интересамъ м. союза, новыхъ, возникающихъ подъ вліяніемъ войны, отношеній между ними. Такое вмѣшательство Европы въ результаты войны началось съ Парижскаго (1856 г.) и Берлинскаго (1878 г.) конгрессовъ послѣ русско-турецкихъ войнъ; съ этихъ поръ оно становится постояннымъ явленіемъ по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Востока.

Хотя по основному характеру правотворящихъ органовъ м. союза конгрессы и конференціи должны бы были быть учрежденіемъ постояннымъ, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Только спеціальныя конференціи, служащія организаціонными органами м. уній (почтовой, телеграфной, желѣзнодорожной и др.) собираются в сроки, заранѣе опредѣленные в союзномъ договорѣ и имѣютъ заранѣеопредѣленную компетенцію. Фактически **регулярность съѣздовъ** замѣчается въ случаяхъ, когда задачей ихъ является регулированіе интересовъ не временныхъ и преходящихъ, а длящихся и постоянныхъ (напр. Гаагскія конференціи).

Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ перваго, Вестфальскаго (собственно —Мюнстерскаго и Оснабрюкскаго) и кончая Берлинскимъ (1878 г.) насчитывается 25.

Въ прежнія времена конгрессы отличались отъ конференцій; конференціями назывались лишь совѣщательныя собранія представителей различныхъ государствъ [1]), тогда какъ конгрессы собирались для разрѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ международнаго характера. Но въ настоящее время принципіальнаго различія между конгрессами и конференціями собственно говоря, нѣтъ; хотя нѣкоторые ученые стараются установить его, но эти попытки нельзя назвать удачными. Такъ проф. Мартенсъ полагаетъ, что конгрессы и конференціи различаются по составу (въ конгрессахъ иногда участвуютъ главы государствъ и министры иностранныхъ дѣлъ, въ конференціяхъ никогда) и по характеру своихъ рѣшеній (на конгрессахъ обсуждаются обыкновенно болѣе важные вопросы, тогда какъ на конференціяхъ—второстепенные, интересующіе

1) Въ дипломатической практикѣ это словоупотребленіе сохранилось донынѣ Также отдѣльныя засѣданія конгресса именуются иногда конференціями (1815 1856, 1878).

только нѣкоторыя государства); но эти установленные Маренсомъ признаки различія между конгрессомъ и конференціями не вѣрны исторически и потому не могутъ служить основаніемъ для установленія различія между конгрессами и конференціями. Здѣсь возможенъ развѣ лишь отрицательный только признакъ: вопросы второстепенные не могутъ дать повода къ собранію конгресса.

Конгрессы и конференціи не имѣютъ постояннной организаціи. Инициатива созыва ихъ можетъ принадлежать всякому государству. Они обыкновенно созываются непосредственно заинтересованными государствами; участвуютъ въ нихъ державы, заинтересованныя въ подлежащихъ обсужденію вопросахъ. Если на конгрессѣ или на конференціи постановлены рѣшенія, могущія интересовать и не участвующія въ нихъ государства, то дѣлается постановленіе объ освѣдомленіи послѣднихъ и о предложеніи имъ присоединиться къ постановленіямъ конгресса. Такъ, постановленія Парижскаго конгресса 1856 г. объ урегулированіи морского военнаго права, Женевской конференціи 1864 г. объ уходѣ за ранеными и больными воинами, постановленія конференцій, организовавшихъ м. уніи (почтовую, телеграфную и др.) приняты были впослѣдствіи многими не участвовавшими въ нихъ государствами.

Въ съѣздѣ могутъ быть представлены только государства 1) получившія и принявшія приглашеніе и 2) допущенныя по соглашенію государствъ участниковъ съѣзда. Всякій участникъ съѣзда всегда имѣетъ право выйти изъ состава съѣзда. Въ составъ конгрессовъ и конференцій, въ качествѣ членовъ, входятъ обыкновенно представители заинтересованныхъ державъ. Въ 1818 г. на Ахенскомъ конгрессѣ пентархіею было постановлено, что если на какомъ либо послѣдующемъ конгрессѣ вопросъ коснется интересовъ державы, не входящей въ составъ пентархіи, то такое совѣщаніе можетъ состояться лишь подъ непремѣннымъ условіемъ приглашенія ея къ участію въ немъ. Однако, правило это не всегда соблюдается. Вопросы, касающіеся полунезависимыхъ государствъ, обыкновенно обсуждаются безъ участія представителей этихъ госуд-въ: представителемъ ихъ интересовъ на конгрессѣ является уполномоченный ихъ сюзерена. На Берлинскомъ конгрессѣ независимая Черногорія и полунезависимыя Сербія и Румынія были совсѣмъ устранены. Исключеніе дѣлается въ пользу полунезависимыхъ государствъ въ томъ случаѣ, когда конференція имѣетъ предметомъ интересъ, въ которомъ они пользуются автономіей. Напр. Сербія, Румынія, Египетъ участвовали въ почтовомъ конгрессѣ 1888 года. Далѣе, несомнѣнно справедливость

требуетъ допущенія къ участію въ конференціи съ рѣшающимъ голосомъ всякаго государства. заинтересованнаго въ предметѣ ея совѣщаній. Между тѣмъ Греція, напр., была устранена отъ такого участія въ конференціи 1868 г. и конгрессѣ 1878 г., а Румынія—въ конференціи 1883 г.Каждой державѣ, принимающей участіе въ конгрессѣ, принадлежитъ не болѣе одного голоса, хотя быона имѣла на конгрессѣ нѣсколько представителей.—Созваніе конгрессовъ и конференцій прежде было обставлено массою мелочныхъ церемоніальныхъ формальностей для обезпеченія равноправности участниковъ. Въ настоящее время формальности эти потеряли значеніе. Предсѣдательство на конгрессахъ и конференціяхъ обыкновенно присваивается представителю того государства, въ которомъ происходитъ собраніе, иногда—посреднику между державами, конфликтъ между которыми послужилъ поводомъ для созыва конгресса (Бисмаркъ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г.).

Предъ созваніемъ конгресса державой, которой принадлежитъ инициатива, вырабатывается программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса, которая сначала представляется на заключеніе заинтересованныхъ или имѣющихъ принять участіе въ конгрессѣ державъ. Конгрессы иногда выдѣляютъ изъ себя особыя комиссіи для обсужденія того или иного спеціальнаго вопроса. Постановленія конгрессовъ и конференцій принимаются не по большинству голосовъ, а непремѣнно единогласно (въ этомъ выражается сила идеи государственнаго суверенитета и принципъ непринужденнаго соглашенія. См. въ монографіи Голубева: Международные конгрессы и конференціи, стр. 210 и сл.). Всякій участникъ съѣзда имѣетъ право veto противъ всякаго отдѣльнаго его постановленія, сдѣланнаго безъ его согласія. Результаты работъ конгресса выражаются въ протоколахъ его засѣданій и въ окончательномъ актѣ или трактатѣ, формулирующемъ его постановленія. Иногда результатомъ конгресса или конференціи бываетъ не одинъ, а нѣсколько договоровъ, изъ коихъ одинъ является главнымъ, а другіе какъ бы дополненіемъ къ нему.—Постановленія съѣзда пріобрѣтаютъ обязател.ную силу для участниковъ его только т. наз. ратификаціею (утвержденіемъ) со стороны государственной верховной власти участвовавшихъ державъ и опубликованіемъ въ обычномъ законодательномъ порядкѣ. У насъ это дѣлается путемъ распубликованія въ Правительственномъ Вѣстникѣ и въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства черезъ Правительствующій Сенатъ. Для постороннихъ государствъ эти постановленія не имѣютъ силы, хотя часто принимаются ими къ исполненію путемъ формальнаго о томъ заявленія (присоединенія).

Для исполненія постановленій конгресса или конференціи иногда назначаются спеціальныя комиссіи (напр. Дунайская комиссія 1856 г.). Исполнительными органами постановленій конгрессовъ и конференцій м. уній (почтовой, телеграфной и т. д.) являются „бюро“ этихъ уній: Мѣрами. гарантирующими постановленія конгрессовъ и конференцій, являются иногда особые трактаты о гарантіи. подписываемые нѣсколькими изъ участниковъ конгресса, которые и берутъ на себя обязанность по охраненію состоявшагося договора. Исполненіе постановленій конгресса можетъ быть поручено одному изъ участниковъ конгресса (такъ было съ постановленіями Ахенскаго, Тропаускаго, Лайбахскаго и Веронскаго конгрессовъ) или же обезпеченіе исполненія ихъ можетъ принять на себя посредничающая держава (напримѣръ, при Екатеринѣ II Россія была посредницей между Австріей и Пруссіей на Тешенскомъ конгрессѣ и гарантировала исполненіе договора).

Декларацією, изданною въ Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г., участвовавшія на немъ великія державы объявили, что „на съѣздахъ (конгрессахъ) для обсужденія своихъ общихъ интересовъ или вопросовъ международныхъ и вообще въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніи къ другимъ державамъ онѣ твердо рѣшились никогда не уклоняться отъ строжайшаго соблюденія принциповъ м. права, такъ какъ только эти принципы въ состояніи дѣйствительно обезпечить независимость всякаго правительства и устойчивость м. общенія“. Несмотря на это, однако, конгрессы и конференціи прежнихъ временъ имѣли вообще очень мало юридическаго значенія и потому на нихъ иной разъ теоретики междун. права смотрѣли какъ на пустую комедію. *Въ наше время конгрессы и конференціи являются органами правосознанія культурныхъ государ въ*— въ этомъ ихъ важное значеніе, хотя по своей современной организаціи они не всегда могутъ быть признаны вполнѣ пригодыми для выполненія указанной роли , такъ какъ благодаря преимущественному участію въ нихъ дипломатовъ, рѣшеніе ихъ нерѣдко отражаетъ на себѣ больше политическихъ, чѣмъ правовыхъ моментовъ. Участниками конференцій даже въ уніяхъ являются только государства и правительственныя учрежденія (напр., почтовотелеграфныя и желѣзнодорожныя управленія); частныя общества и учрежденія допускаются иногда лишь въ видѣ исключенія съ совѣщательнымъ голосомъ.

Важнѣйшія неполитическія постановленія конгрессовъ: Вѣнскаго 1815 г. —правила судоходства по м. рѣкамъ, осужденіе негроторговли, установленіе ранга дипломатическихъ агентовъ (дополнено Ахенскимъ конгрессомъ); Парижскаго 1856 г.—запрещеніе каперства и установленіе принциповъ мор-

ской нейтральной торговли, распространеніе правилъ Вѣнскаго конгресса о м. рѣчномъ судоходствѣ на Дунай; Берлинскаго 1874 г.—учрежденіе всеобщаго почтоваго союза.

Конференцій: Женевской 1864 и 1906 г.—объ охранѣ и уходѣ за больными и ранеными воинами во время войны;—Парижской 1865 г.—учрежденіе телеграфнаго м. союза; Брюссельской 1874 г.—регулированіе правилъ веденія войны (правъ и обязанностей воюющихъ державъ); Парижской1883 г.—охрана промышленной собственности; Парижской 1882—3 г.—охрана подводныхъ телеграфныхъ кабелей; Берлинской 1885 г.—м. судоходство по Конго и Нигеру; Бернской 1886 г.—о перевозкѣ желѣзнодорожныхъ грузовъ; Бернской 1886 и 1896 гг.—охрана литературной собственности; Константинопольской 1888 г.—судоходство и нейтрализація Суэцкаго канала; Брюссельской 1890 г.—правила колонизаціи европейскими государствами Африканскаго материка и запрещеніе торга невольниками; Гаагскихъ 1893, 1894, 1900 и 1904 г.—кодификація частнаго м. права; Гаагскихъ 1899 и 1907 г.—учрежденіе м. суда и кодификація права войны; Парижской 1902 и 1906 г.—м. мѣры противъ торга женщинами въ цѣляхъ разврата; Венеціанской 1892 и 1897, Дрезденской 1893 и Парижскихъ 1894 и 1903 г.—м. санитарныя мѣры; Берлинскихъ 1903 и 1906 г.—сношенія по безпроволочному телеграфу; Бернскихъ 1905 и 1908 г.—рабочій вопросъ; Лондонскій 1909 г.—правила морской войны; Парижской 1910 г.—правилъ м. воздухоплаванія.

Международныя уніи[1]). Отдѣльныя государства для достиженія своихъ культурныхъ и соціально-экономическихъ задачъ нуждаются въ помощи и содѣйствіи другихъ государствъ. Съ развитіемъ м. общенія необходимость такой помощи дѣлается все настойчивѣе. Сознаніе этой потребности выразилось образованіемъ за послѣднее время (съ 1864 г.) цѣлаго ряда м. союзовъ (съ весьма значительнымъ количествомъ участниковъ), имѣющихъ своею цѣлью содѣйствовать успѣшному осуществленію экономическихъ и соціальныхъ задачъ общихъ всѣмъ современнымъ культурнымъ народамъ. Эти союзы, иначе называемые *уніями*, суть постоянныя соединенія незамкнутой болѣе или менѣе значительной группы госуд-въ, покоющіяся на договорномъ началѣ и на опредѣленной организаціи для совмѣстнаго преслѣдованія общихъ ихъ членамъ задачъ. Нѣкоторые ученые называютъ ихъ административными м. союзами, но такой терминъ едва ли можно признать удачнымъ, такъ какъ этимъ союзамъ не принадлежитъ административная власть надъ входящими въ ихъ составъ госуд-вами.—Въ настоящее время существуетъ 12 такихъ союзовъ. Первый изъ нихъ по времени возникновенія союзъ геодезическій, возникшій въ 1864 г. и имѣющій своею задачею научное измѣреніе земли; въ настоящее время въ составъ этого союза входятъ 28 государствъ. Послѣдніе союзы: желѣзно-дорожный для м. перевозки грузовъ образовался въ 1890 г., санитарный—1903 г. и радіографическій—1906 г. для сообщеній по безпроволочному телеграфу. Самый обширный союзъ почтовый, въ его составъ входятъ государства всего міра. кромѣ Китая.

1) Казанскій. Ученіе о м. администраціи (Уч. Зап. Новор. Унив. 1901 т. 85) и его же монографія. Всеобщіе административн. союзы государствъ.

Цѣли м. союзовъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ: одни изъ нихъ имѣютъ въ виду облегчить возможность сообщеній между различными госуд-вами (почтовый, телеграфный, желѣзнодорожный, радіографическій), другіе—содѣйствовать м. экономическому обороту (союзъ для защиты промышленной собственности, сахарный, метрическій (мѣръ и вѣсовъ) и союзъ для обнародованія таможенныхъ тарифовъ), союзъ для защиты литературной и художественной собственности и геодезическій союзъ преслѣдуютъ научную цѣль, цѣль противоневольнической уніи филантропическая и санитарной—борьба съ эпидемическими болѣзнями, заносимыми съ Востока (холера, чума). Въ своемъ строеніи м. уніи представляютъ слѣдующія общія всѣмъ имъ черты. *Всѣ онѣ основаны на договорахъ;* конституціоннымъ актомъ каждой изъ нихъ является соотвѣтствующая конвенція. Устанавливая опредѣленный постоянный порядокъ м. общенія въ области извѣстнаго общаго длящагося интереса, эти конвенціи не имѣютъ срочнаго характера. Обыкновенно черезъ опредѣленный промежутокъ времени собираются представители заключившихъ между собою союзъ госуд-въ и пересматриваютъ соотвѣтствующую конвенцію; въ случаѣ нужды и выяснившихся потребностей она измѣняется. *Число контрагентовъ* всегда болѣе или менѣе значительно, такъ какъ уніи имѣютъ своею задачею объединять въ области даннаго спеціальнаго интереса всѣ культурныя госуд-ва. Помимо соглашенія контрагентовъ въ области даннаго интереса, союзныя конвенціи устанавливаютъ и опредѣленную организацію для осуществленія преслѣдуемыхъ уніею задачъ. Имѣя своимъ основаніемъ тотъ или иной общій интересъ, уніи не представляютъ собою замкнутыхъ соединеній государствъ. Государства, вошедшія въ составъ той или другой уніи, имѣютъ право выхода изъ нея и наоборотъ: госуд-ва, не принимавшія участія въ первоначальномъ договорѣ объ уніи, могутъ присоединиться къ ней на равныхъ съ другими членами ея правахъ. Первое случается сравнительно очень рѣдко, послѣднее весьма часто. Вообще эти уніи имѣютъ несомнѣнную тенденцію къ универсальному распространенію.

Всѣ члены м. уній пользуются совершенно одинаковыми правами и несутъ одинаковыя обязанности. Особыя обязанности возлагаются только на госуд-во, въ предѣлахъ котораго находится исполнительный органъ—международное бюро уніи. Члены уніи не лишаются права заключать между собою или съ посторонними государствами особые договоры и даже болѣе тѣсные союзы по тѣмъ же вопросамъ, которыхъ касается конвенція уніи, лишь бы эти договоры не противорѣчили основнымъ положеніямъ конвенціи. Такія отдѣльныя соглашенія впослѣдствіи нерѣдко вводятся въ составъ конвенцій уніи и чрезъ то содѣйствуютъ усовершенствованію послѣднихъ. Акты уній бываютъ обыкновенно двоякаго рода: конвенціи и регламенты. Въ конвенціяхъ союзовъ обыкновенно устанавливаются основыя начала соглашенія и нормы дѣятельности союза, а въ регламентахъ регулируется техническая сторона вопроса, котораго договоръ касается.

Будучи разсчитаны на продолжительное время, вслѣдствіе длящагося интереса, лежащаго въ ихъ основаніи, уніи имѣютъ *постоянные органы*.

Органы уній троякаго рода. Главный—*конференція*—это органъ правообразующій . Конференціи составляются изъ представителей всѣхъ договаривающихся странъ. Представители государствъ на нихъ пользуются равными правами, независимо отъ политическаго могущества, представляемаго ими государства. Конференціи собираются обыкновенно періодически—черезъ 3—6 лѣтъ или по мѣрѣ надобности (къ послѣдней категоріи относятся конференціи противоневольнической уніи и уніи по обнародованію таможенныхъ тарифовъ). Эта періодичность собраній конференцій даетъ возможность дѣлать въ союзномъ договорѣ и въ союзн. организаціи измѣненія и улучшенія сообразно указаніямъ опыта. Рѣшенія на конференціяхъ постановляются или единогласно или по большинству голосовъ съ правомъ veto для каждаго участника; въ такомъ случаѣ опротестованное постановленіе утрачиваетъ для него обязательную силу. На конференціяхъ дипломатическихъ, устанавливающихъ общія начала, которыя управляютъ уніею, представители государства дипломаты, а на административныхъ или техническихъ, разрабатывающихъ общія начала уніи примѣнительно къ прктическому ихъ осуществленію, представителями госуд-въ являются чины администраціи соотвѣтствующаго вѣдомства (напр. почтовые чиновники).—Исполнительнымъ центральнымъ органомъ уніи служитъ м. *бюро* уніи. Это—постоянное учрежденіе съ бюрократической организаціей, состоящее изъ спеціалистовъ соотвѣтствующей отрасли; задача бюро—осуществленіе цѣлей союза сообразно съ постановленіями конференціи. При помощи этихъ бюро устанавливается постоянная связь между госуд-вами, заключившими союзъ. Они подготовляютъ также матеріалы для будущихъ конференцій, сообщаютъ свѣдѣнія на запросы какъ госуд-въ, такъ и частныхъ лицъ, собираютъ статистическіе матеріалы по относящимся къ ихъ дѣятельности вопросамъ, производятъ изслѣдованія, издаютъ журналы и бюллетени. Служащіе въ бюро назначаются правительствомъ того госуд-ва въ которомъ оно имѣетъ свою резиденцію; но жалованье они получаютъ отъ всего союза и считаются состоящими на службѣ не у мѣстнаго правительства, а у всего м. союза. Бюро не обладаютъ принудительной властью и не могутъ постановлять обязательныхъ для союзниковъ рѣшеній, но они являются центральнымъ органомъ для установленія связи и единства между однородными съ ними національными административными органами различныхъ странъ. По общему правилу дѣятельность ихъ находится подъ контролемъ мѣстнаго правительства. Большинство бюро (5) находится въ Бернѣ, 3 въ Брюсселѣ, 2 въ Парижѣ, 1 въ Гаагѣ и 1 въ Берлинѣ. Обыкновенно резиденціей для бюро избирается городъ нейтральнаго госуд-ва, во избѣжаніе сильнаго политическаго вліянія со стороны какого нибудь могущественнаго государства.—Третьимъ органомъ Уній являются *третейскіе суды*, имѣющіе своимъ предметомъ выясненіе недоразумѣній между госуд-вами по поводу толкованія союзной конвенціи. Третейскіе суды уній бываютъ либо учрежденіемъ постояннымъ, либо образуются при возникновеніи спорнаго дѣла, причемъ составляются изъ членовъ уніи, по выбору спорящихъ сторонъ. Иногда эту функцію выполняетъ бюро уніи (въ почтовомъ и желѣзнодорожномъ союзахъ), но спорящія стороны могутъ не согласиться съ рѣшеніемъ бюро, въ такомъ случаѣ назначается третейскій судъ. Такимъ образомъ, бюро можетъ выполнить лишь консультативно—судебную функцію по поводу возникающихъ между членами союза споровъ, такъ какъ рѣшеніе его не имѣетъ обязательной силы для сторонъ. Важность третейскихъ судовъ въ жизни м. союзовъ очевидна сама собою; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ они нашли примѣненіе какъ постоянный органъ лишь въ почтовой (и желѣзно-дорожной) уніяхъ.

Теоретики м. права склонны преувеличивать значеніе разсматриваемыхъ уній. Однако несомнѣнно, что онѣ, объединяя государства, содѣйствуютъ культурному преуспѣянію ихъ въ области тѣхъ или иныхъ спеціальныъ интересовъ. Существуютъ и частныя м. уніи; наиболѣе значительная—*м. общество краснаго креста* (бюро въ Женевѣ); она призна-

ется оффиціально м. учрежденіемъ. Не менѣе важенъ собирающійся на ежегодныя конференціи (начиная съ 1889 г.) *междупарламентскій союзъ*, имѣющій своею задачею разоруженіе государствъ и прекращеніе войнъ; членами его состоятъ депутаты парламентовъ всѣхъ конституціонныхъ государствъ.

Субъектъ м. права. Вопросъ о субъектѣ м. права является въ высшей степени спорнымъ. Но все же громадное большинство ученыхъ признаетъ субъектомъ м. права государство и только его одного. По нашему мнѣнію теорія эта, оправдываемая впрочемъ м, практикою, не можетъ быть признана научно правильною, потому что она исходитъ изъ принципа безусловнаго, неограниченнаго суверинитета государства въ м. сферѣ, тогда какъ здѣсь надъ государствомъ стоитъ м. союзъ и м. право, которые даютъ охрану правамъ и интересамъ отдѣльныхъ лицъ, общественныхъ группъ и цѣлыхъ народовъ независимо отъ принадлежности ихъ къ данному государству. Поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ субъектомъ м. права могутъ быть и отдѣльныя общества и лица, поскольку они находятся въ м. оборотѣ и пользуются защитой м. права.

Въ литературѣ м. права нерѣдко отождествляются государство и *народъ* (нація), какъ субъектъ м. права; итальянская школа (съ 1851 года, Манчини) учитъ даже, что субъектомъ м. права является не госуд-во, а именно національность. (См. Даневскаго, Системы полит. равновѣсія и легитимизма и начало національности и его же Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву.). Но это ученіе неправильно, прежде всего, исторически. Исторія показываетъ, что м. право есть созданіе м. союза, членами котораго являются государства. Почему? Потому что въ лицѣ госуд-ва мы имѣемъ высшую форму *организованнаго* человѣческаго общежитія; организація же необходима для того, чтобы извѣстное сообщество было способно на свое волеизъявленіе и для проявленія своей дѣеспособности, говоря короче,—для того, чтобы оно обладало характеромъ юридической личности. Правоспособностью можетъ обладать всякое человѣческое сообщество, но для юридической дѣеспособности его требуется извѣстная организація, дающая возможность общественнаго волеизъявленія и осуществленія этой воли, направленной на осуществленіе общественнаго интереса. Такою организаціею обладаетъ государство, а не національность. Государство въ этомъ смыслѣ можетъ совпадать съ національностью, съ народомъ въ тѣсномъ смыслѣ, но можетъ и не совпадать. Необходимо ли это совпаденіе въ такой мѣрѣ, чтобы только за національнымъ госуд-вомъ можно было признать право личности въ м. сферѣ? Нѣтъ, и именно въ виду слѣдующихъ соображеній.

Для признанія общественной, коллективной формы личностью необходимо, чтобы она обладала сознаніемъ своего органическаго единства и индивидуальности. Это условіе достигается не только естественнымъ путемъ (у національностей, и потому національность слѣдуетъ признать наиболѣе совершеннымъ органическимъ принципомъ духовнаго единства и индивидуальности человѣческихъ сообществъ), но и путемъ искусственныхъ условій: историческимъ процессомъ (С.-Штаты, Швейцарія) или механическимъ политическимъ объединеніемъ (Турція). Слѣдовательно національность не можетъ быть исключительнымъ условіемъ м. правовой личности и—наоборотъ—такимъ условіемъ неизбѣжно является организація. Поэтому субъектомъ публичнаго м. права слѣдуетъ признать сообщество, имѣющее особую м. индивидуальность и организованное политически такимъ образомъ, что оно отличается отъ другихъ политическихъ организмовъ, т. е. образуетъ изъ себя государство. Это условіе политической организаціи, какъ мы сказали, необходимо какъ факторъ, создающій международную индивидуальность (искусственный) и дающій ей осязательный характеръ юридической личности.

Признавая субъектомъ м. права не государство, а націю (національность), итальянская школа смѣшиваетъ вопросъ конституціоннаго права съ вопросомъ права международнаго: принципъ національности наиболѣе законный и совершенный для политической организаціи человѣческаго сообщества—государства; но съ точки зрѣнія м. права признаніе субъектомъ не государства, а націи, вызываетъ вопросъ: слѣдуетъ ли признавать м. личность исключительно за политическими организмами, являющимися результатомъ національныхъ элементовъ? Если рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ и признать, что нація—существенный элементъ м. личности, то нужно точно установить понятіе національности и юридическій характерный признакъ націи. Это трудно достижимо и согласія между интернаціоналистами по этому вопросу нѣтъ, быть можетъ, потому, что принципомъ національности въ приложеніи къ м. праву хотѣли воспользоваться для политическихъ цѣлей. Въ Италіи мы видимъ совпаденіе націи съ госуд-вомъ; поэтому итальянцы считаютъ признакомъ національности единоплеменность; въ другихъ же госуд-вахъ этого нѣтъ. Между тѣмъ, желая оправданія существующаго національнаго состава госуд-ва и оправданія политическихъ замысловъ въ будущемъ, публицисты другихъ народностей (Германія, С.-Штаты) стали искажать чистый принципъ естественной національности, конструируя его сообразно особымъ условіямъ своего отечества: Америка—отождествленіе „народа“ и государства,—характерный признакъ націи—единство правительства; Германія: основа націи—единство расы, культуры и сознаніе солидарности.—Въ виду такой шаткости юридическихъ признаковъ національности и въ виду того, что національности въ чистомъ, несмѣшанномъ видѣ встрѣчаются въ современныхъ госуд-вахъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, національность не можетъ быть признана исключительнымъ и единственнымъ принципомъ человѣческихъ соединеній и

право м. личности должно принадлежать не однимъ политически организованнымъ націямъ, а всякому государству.

Впрочемъ принципъ національности имѣетъ значеніе и отчасти признается на практикѣ въ м. политической жизни. Подъ вліяніемъ этого принципа совершилось объединеніе Италіи, Румыніи, Германіи, получила дуалистическое устройство Австрійская имперія (Австро-Венгрія), совершилось отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, образовались христіаскія госуд. Балканскаго полуострова; Румынія, Сербія, Болгарія, Греція. Поэтому, уже изъ совокупности этихъ фактовъ дѣйствительной жизни и изъ основного положенія, что національность является и донынѣ могучимъ факторомъ духовнаго, культурнаго и экономическаго единства людей, наука не можетъ не признать, что м. союзъ и м. право не должны препятствовать жизнеспособнымъ національностямъ въ ихъ стремленіи къ образованію государствъ.

Итакъ, м. право должно быть примѣняемо къ государствамъ, фактически существующимъ и находящимся въ общеніи между собою, независимо отъ того, какова ихъ національная конструкція. Личностью въ м. союзѣ является *всякое* государство, а подъ государствомъ въ м. правѣ разумѣется политическій организмъ, состоящій изъ: 1) общества, союза людей (государственнаго населенія), живущаго 2) на особой опредѣленной государственной территоріи и 3) имѣющаго единую, автономную верховную государственную власть, располагающую средствами для упражненія представляемой ею государственной воли какъ внутри государства, такъ и въ правомѣрномъ осуществленіи интересовъ государства въ м. сферѣ. Отсутствіе одного изъ этихъ трехъ признаковъ лишаетъ государство его м. личности.

Виды государствъ. Госуд-ва могутъ различаться между собою не только по своему внутреннему строю, но и по своей внѣшней конструкціи. Различія во внѣшней структурѣ госуд-въ имѣютъ для м. права большое значеніе, такъ какъ они оказываютъ вліяніе на констатированіе того или иного субъекта извѣстныхъ м. правъ, интересовъ и обязанностей.

Въ отношеніи къ другимъ госуд-вамъ госуд-во можетъ представлять собою или одно цѣлое, или составную часть политически-организованнаго сообщества.

1. Госуд-во, проявляющее свою публичную дѣеспособность какъ единичный политическій организмъ и имѣющее одного главу, называется *простымъ* государствомъ; въ обязательства оно вступаетъ путемъ м: договоровъ, заключаемыхъ отъ его имени главою госуд-ва.—Простое госуд-во можетъ заключать въ себѣ отдѣльныя части, имѣющія государственно-подобную организацію (автономныя провинціи, напр., Канада),

но на опредѣленіе м. личности госуд-въ это не вліяетъ.—Тоже слѣдуетъ сказать и о *личной уніи* государствъ, когда два или нѣсколько самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга госуд-въ *временно и случайно* (напр., вслѣдствіе совпаденія законовъ о престолонаслѣдіи въ двухъ госуд-вахъ) объединяются лишь въ одномъ и томъ же лицѣ главы и носителя ихъ верховной власти. Каждое изъ нихъ является самостоятельною м. личностью. Примѣръ: Бельгія и Конго 1885—97 г., Англія и Ганноверъ 1714—1838 г.).

2. Когда государство является частью политически организованнаго сообщества, тогда образуются *сложныя государства*, т.-е. либо государства, образованныя изъ нѣсколькихъ государствъ, соединенныхъ узами федераціи (союзныя государства; реальная унія) либо конфедераціи (союзы государствъ); особую группу представляютъ госуд-ва, связанныя узами протектората, феодальнаго подчиненія или колоніальной зависимости.—Сложныя госуд-ва представляютъ собою прямую противоположность простому госуд-ву. Ихъ отличительный признакъ заключается въ томъ, что части ихъ сами являются госуд-вами. Эти члены сложнаго госуд-ва обладаютъ поэтому двоякими функціями и положеніемъ: они сами государства съ своими собственными интересами и особою верховною властью и, въ то же время, они—части другого, болѣе крупнаго организма, интересамъ коего (по крайней мѣрѣ отчасти) они сами служатъ.—Возможность того, чтобы госуд-ва сами были частью другого госуд-ва является послѣдствіемъ возможности ограниченія суверенитета. Когда два или нѣсколько простыхъ госуд-въ отказываются отъ нѣкоторыхъ своихъ особыхъ интересовъ съ тѣмъ, чтобы признавать эти интересы общимъ для нихъ интересомъ и создаютъ общіе имъ органы, снабженные особою, самостоятельною госуд-венною властью для осуществленія этихъ общихъ интересовъ, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со сложнымъ госуд-вомъ. Оно является новымъ госуд-вомъ, такъ какъ у него есть своя собственная госуд-венная территорія, состоящая изъ суммы территорій всѣхъ входящихъ въ его составъ государствъ, есть свои собственные самостоятельные интересы, вытекающіе изъ самаго существованія соединеннаго госуд-ва, есть у него и собственная госуд-венная власть съ своею особою сферой дѣеспособности. Сложныя госуд-ва являются въ видѣ: реальной уніи, союзнаго государства и союза государствъ.

Реальною уніею называется *конституціонное соединеніе* двухъ или нѣсколькихъ госуд-въ на безсрочное время подъ одной верховной властью и однимъ центральнымъ правительствомъ. При такомъ единствѣ верхов-

ной политической власти, которой исключительно принадлежитъ международная юридическая дѣеспособность, т.-е. способность упражнять права и заключать обязательства отъ имени союза, очевидно и м. личность должна быть единая. Съ международно-правовой точки зрѣнія госуд-ва, соединенныя реальною уніею, представляютъ собою одинъ субъектъ. (Примѣръ: Австро-Венгрія съ 1867 г.).

Союзное государство (федерація) образуется изъ двухъ или нѣсколькихъ независимыхъ госуд-въ, которыя не утрачивая своей автономіи относительно территоріальныхъ интересовъ каждаго изъ нихъ, организуютъ центральное правительство для завѣдыванія общими (главн. образомъ—политическими) интересами союза и для охраны этого союза въ качествѣ члена общества. Это центральное правительство имѣетъ summum imperium во всемъ, что касается упражненія правъ союза въ м. обществѣ и является единственнымъ внѣшнимъ представителемъ всѣхъ общихъ интересовъ союзныхъ госуд-въ. Поэтому м. личность госуд-ва въ сферѣ этихъ общихъ интересовъ едина,—субъектомъ м. права является союзное государство, какъ таковое. Но наряду съ единствомъ высшей власти въ федеральномъ правительствѣ, отдѣльныя союзныя госуд-ва сохраняютъ суверенитетъ въ сферѣ извѣстныхъ неполитическихъ территоріальныхъ интересовъ и потому м. дѣеспособность ихъ не вполнѣ поглощается дѣеспособностью федеральнаго правительства, и въ силу союзнаго акта имъ разрѣшается, напр., заключать извѣстныя м. обязательства въ сферѣ ихъ неполитическихъ автономныхъ (въ силу конституціи союза) интересовъ (напр., юстиціи, народнаго просвѣщенія). Въ этихъ предѣлахъ ограниченнаго суверенитета и ограниченной м. дѣеспособности союзныя госуд-ва члены федераціи являются самостоятельными субъектами м.-правовыхъ отношеній. (Напримѣръ:Швейцарскіе кантоны по конституціи 1874 г.).

Союзъ государствъ (конфедерація) отличается отъ союзнаго государства тѣмъ, что онъ болѣе подходитъ по характеру къ обыкновенному договорному союзу. Онъ можетъ быть составленъ двумя или нѣсколькими госуд-вами, которые не отказываясь отъ своей личности и не сливая ее съ личностью союза, соединяются для общей имъ опредѣленной цѣли политической (защиты) или экономической (торговыхъ или таможенныхъ интересовъ). Если соединенныя такимъ образомъ госуд-ва организуютъ центральную власть для осуществленія предположенной цѣли и предоставятъ ей право совершать необходимые для охраны и защиты общихъ интересовъ междун. акты и дѣйствія (напр., право

посольства, право заключать договоры), то союзъ можетъ имѣть свою м. личность, отличную отъ личности каждаго изъ входящихъ въ него государствъ. Въ качествѣ личности такой союзъ выступаетъ во внѣшнихъ сношеніяхъ лишь въ предѣлахъ объединеннаго интереса его членовъ. (Примѣръ: Америк. Соед. Штаты до 1790 г.; Германскій союзъ 1815—66 г.). Внѣ этого общаго связующаго ихъ интереса отдѣльныя государства, члены союза не утрачиваютъ своей самостоятельности и поэтому остаются м. личностями.

Нынѣшняя Германская Имперія представляетъ собою съ точки зрѣнія м. права, нѣчто среднее между федераціею и союзомъ, такъ какъ за отдѣльными ея членами (Баварія, Виртембергъ и др.) сохранено право самостоятельнаго дипломатическаго представительства и право вступленія въ самостоятельныя м. договорныя обязательства (заключенія трактатовъ). Такъ, Россія не имѣетъ договора о выдачѣ преступниковъ съ Германской Имперіей, но имѣетъ таковые съ Пруссіей, Баваріей.

Рѣшающее значеніе для опредѣленія м. личности сложныхъ государствъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ имѣютъ ихъ договорный учредительный актъ и государственныя конституціонныя нормы.

Еще болѣе ограниченными въ своемъ суверенитетѣ м. личностями являются государства, состоящія подъ протекторатомъ и государства т. наз. полунезависимыя.

Протекторатъ есть договорное отношеніе слабаго государства съ сильнымъ, обязавшимся защищать внѣшнее его существованіе. Такая защита, конечно, не умаляетъ независимости и суверенитета, а слѣдовательно и м. личности госуд-ва подохраннаго (Іоническіе острова въ 1815 году поставлены были подъ протекторатъ Англіи съ признаніемъ ихъ независимости; независима и республика Санъ-Марино, состоящая по договору 1862 года подъ протекторатомъ Италіи). Но въ такой формѣ, гарантированной другому государству путемъ договора защиты, протекторатъ было бы правильнѣе называть международною гарантіею. Таковъ коллективный протекторатъ Англіи, Франціи и Россіи надъ Грепіею, о. Самосомъ и о. Критомъ. Такого рода коллективною гарантіею западныхъ великихъ державъ пользовалась Турція въ силу 9 ст. Парижскаго трактата 1856 г. (См. ст. Уляницкаго въ Рус: Вѣстн: 1877 № 12):

Отъ такого протектората *въ широкомъ смыслѣ* слѣдуетъ отличать *протекторатъ въ тѣсномъ спеціальномъ смыслѣ*, состоящій въ *договорномъ* обязательствѣ сильнаго государства защищать слабое *подъ условіемъ* соблюденія этимъ подохраннымъ государствомъ извѣстныхъ

соотвѣтственныхъ обязательствъ; такъ что обязанности защиты со стороны протектора соотвѣтствуетъ обязанность соблюденія подохраннымъ госуд-вамъ условій, на которыхъ она ему обѣщена. Въ числѣ такихъ условій могутъ быть различныя ограниченія внѣшняго суверенитета подохраннаго госуд-ва: ограниченіе его права на самостоятельное м. представительство и на вступленіе въ м. обязательства и договорныя отношенія, на объявленіе войны и заключеніе мира и т. п., причемъ всѣ эти функціи внѣшняго суверенитета подохраннаго государства ставятся подъ безусловный контроль протектора, а иногда и вполнѣ переходятъ въ его руки (напр., м. представительство подохраннаго, заключеніе отъ его имени м. договоровъ). Поэтому, хотя въ принципѣ и такого рода протекторатъ не уничтожаетъ м. личности подохраннаго госуд-ва, но фактически въ конкретномъ договорномъ случаѣ м. личность послѣдняго можетъ совершенно исчезнуть,—если, напр., оно лишено права самостоятельнаго м. представительства и самостоятельно вступать въ м. договорныя отношенія. Такую форму протектората представляетъ между прочимъ т. н. *колоніальный протекторатъ*. Эта форма вошла въ м. употребленіе со второй половины XIX вѣка и примѣняется европейскими госуд-вами въ ихъ отношеніяхъ къ азіатскимъ, африканскимъ и вообще некультурнымъ госуд-вамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при начальномъ установленіи протекторатныхъ отношеній, послѣднія выражаются лишь ограниченіемъ внѣшней дѣеспособности принимаемаго подъ такой протекторатъ госуд-ва (напр., договоръ о дружбѣ и сосѣдствѣ Франціи съ Тунисомъ 1881 г., договоръ Франціи съ Мадагаскаромъ 1885 г., германо-англійскій договоръ о султанатѣ Занзибарскомъ 1890 г.). При такихъ условіяхъ подобный протекторатъ не лишаетъ подохранное госуд-во его м. личности. Но если оно въ своей внѣшней дѣятельности ставится въ полную зависимость отъ протектора, то о м. личности не можетъ быть рѣчи: въ такомъ случаѣ протекторатъ получаетъ уже не международно-правовой, а государственно-правовой характеръ верховенства метрополіи надъ колоніею. Это особое политическое отношеніе, скрывающее подъ фирмой протектората замаскированную оккупацію колоніальнаго владѣнія, обозначается въ германской политической терминологіи названіемъ охраннаго верховенства (Schutzhoheit) надъ подохранной территоріей (Schutzgebiet). Въ колоніальныя владѣнія европейскихъ государствъ суждено, по всей вѣроятности, превратиться всѣмъ нынѣ существующимъ протекторатамъ этого типа. Такъ, Мадагаскаръ до 1896 г. былъ подъ протекторатомъ Франціи, а съ 1896 года

сталъ Французскою колоніей. Тунисъ былъ съ 1881 г. подъ протекторатомъ Франціи, а между тѣмъ въ 1896 г. заключена между Россіею и другими госуд-вами и Франціею конвенція, въ силу которой всѣ существующія у Россіи (и другихъ госуд-въ) съ Франціею конвенціи распространяются и на Тунисъ, и Россія (и другія госуд-ва) отказываются отъ требованія особыхъ правъ въ Тунисѣ для своихъ консуловъ, подданныхъ и учрежденій сравнительно съ тѣми, какими они пользуются во Франціи. Коль скоро Франція самостоятельно, а не отъ имени Тунисскаго бея заключаетъ м. договоръ касающійся Туниса, а державы отказались въ Тунисѣ отъ привиллегированнаго положенія, присваиваемаго цивилизованнымъ госуд-вамъ въ госуд-вахъ нехристіанскихъ (даже въ Турціи), то слѣд. фактически Тунисъ можетъ быть разсматриваемъ нынѣ какъ Французская колонія, подобная Алжиру.

Къ этому типу колоніальнаго протектората можетъ быть отнесено отношеніе Хивинскаго ханства къ Россіи: въ силу мирнаго договора 1873 года хивинскій ханъ признаетъ себя „покорнымъ слугой Императора всероссійскаго; онъ отказывается отъ всякихъ непосредственныхъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями и ханами и отъ заключенія съ ними какихъ либо торговыхъ и другихъ договоровъ безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Ср. Азіи и не предпринимаетъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ“.

Въ общемъ протекторатъ культурныхъ государствъ надъ некультурными есть замаскированная форма политическаго и экономическаго господства надъ ними. Поэтому на практикѣ онъ принимаетъ самыя разнообразныя и измѣнчивыя формы.

Подобно протекторату и институтъ т. наз. *вассальныхъ отношеній* одного госуд-ва (полунезависимаго) къ другому (сюзеренному) является продуктомъ дипломатіи и политики. Сюзеренитетъ есть верховенство, въ силу котораго сюзеренное госуд-во или его глава (сюзеренъ) воспрещаетъ или можетъ воспретить другому госуд-ву—вассальному, осуществленіе такихъ интересовъ (преимущественно—политическихъ), которые противны или несогласны съ его собственными интересами, но за то обязывается охранять всѣ остальные интересы вассала. Сюзерену принадлежитъ м. представительство вассала въ м. политическихъ сношеніяхъ и право налагать свое вето вообще въ сферѣ упражненія вассальнымъ государствомъ политическаго внѣшняго суверенитета,—дипломатическихъ сношеній, заключенія политическихъ договоровъ, распоряженія своими вооруженными силами и средствами обороны и т. п.

Сверхъ того на него обыкновенно налагается обязанность платить дань сюзерену. Так. обр. суверенитетъ полунезависимаго госуд-ва ограничивается лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, или вѣрнѣе—онъ является неразвитымъ. Поэтому, поскольку полунезависимое госуд-во, несмотря на сюзеренитетъ другого госуд-ва, суверенно, оно является м. личностью.

Отношенія сюзеренитета и полунезависимости обозначаютъ собою обыкновенно временную *переходную стадію* при возникновеніи новыхъ государствъ вслѣдствіи распаденія старыхъ, именно—переходную стадію отъ полной провинціальной зависимости къ полной государственной самостоятельности (примѣры: Сербія, Румынія, Болгарія) или наоборотъ (примѣръ: Корея съ 1905 г. подъ сюзеренитетомъ Японіи, а съ 1910 года—японская провинція). Поэтому исторія представляетъ безконечное разнообразіе формъ и оттѣнковъ ограниченій м. личности полунезависимыхъ государствъ соотвѣтственно постепенному фактическому ослабленію или усиленію верховенства государства сюзереннаго.

Въ настоящее время на положеніи полунезависимыхъ государствъ находятся: относительно Турціи—Египетъ (съ 1840 г.), Самосъ и Критъ (съ 1899 г.); относительно Россіи—Бухара (съ 1873 г.; о положеніи Бухары см. Юрид. Словарь Волкова I, 1334); относительно Франціи—Аннамъ; относительно Англіи—Афганистанъ (русско-англ. конвенція 1907 г.,—Россія отказывается отъ права непосредственныхъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ).

Не признаются государствами, но пользуются иногда правами м. личности самостоятельныя *колонизаторскія предпріятія* исходящія отъ частныхъ обществъ или отдѣльныхъ лицъ. Впрочемъ, коль скоро въ нихъ окажутся на лицо три основныхъ признака государственной организаціи, эти предпріятія фактически становятся самостоятельными государствами и этотъ фактъ получаетъ м. правовое значеніе какъ только онъ получитъ м. признаніе. Но, съ другой стороны, отнюдь не признаются м. личностями такія колонизаторскія предпріятія, которыя основаны по порученію госуд-ва или во имя его, хотя бы основавшему такое предпріятіе обществу или частному лицу этимъ госуд-вомъ предоставлено было временное осуществленіе отъ его имени верховныхъ правъ (напр., права веденія войны или заключенія договоровъ). Таковы, напр., англійскія т. наз. chartered companies въ Африкѣ; такова была германская Ново-Гвинейская компанія, пользовавшаяся на основаніи императорскихъ „охранныхъ грамотъ“ (Schutz-Brief)—1885 г. правомъ осуществленія верховныхъ госуд-венныхъ правъ (прекращено въ 1899 г.).

Въ аналогичномъ юридическомъ положеніи находятся и *автономныя колоніальныя владѣнія* европейскихъ государствъ. Хотя бы колонія (напр., Канада) и пользовалась въ силу дарованныхъ ей метрополіею правъ извѣстною внѣшнею автономіею и даже правомъ упражненія отъ имени метрополіи извѣстныхъ функцій госуд-венной власти въ м. области (напр., права веденія войны, заключенія неполитическихъ договоровъ), но м. дѣеспособность такихъ колоній основывается на делегаціи и ограничивается исключительно этою делегированною имъ сферою международно-правовой автономіи; во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ онѣ остаются составными частями метрополіи, которая является ихъ представительницею въ политическихъ м. сношеніяхъ и отношеніяхъ и de jure всегда можетъ отобрать дарованныя е юправомочія.

Не признаются госуд-вами и территоріи кочевыхъ и дикихъ племенъ; договоры съ ними государствъ имѣютъ характеръ частноправовой, а не публичный.

Возникновеніе и признаніе новыхъ государствъ. Исторія человѣчества показываетъ, что подобно человѣку госуд-во нарождается, растетъ, дряхлѣетъ и умираетъ. Процессъ возникновенія и прекращенія госуд-ва совершается въ силу естественной необходимости. Процессъ этотъ принимаетъ самыя разнообразныя формы и проявленія: государства возникаютъ путемъ войны (вооруженнаго возстанія) —напр., Греція, С. Штаты; путемъ распаденія одного государства на нѣсколько государствъ (отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи въ 1831 г., Швеціи отъ Норвегіи въ 1905 г.); путемъ объединенія нѣсколькихъ государствъ въ одно (Италія, Германія); путемъ заселенія незанятой мѣстности (Оранжевая республика и Либерія). Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ возникновеніе новаго госуд-ва является результатомъ свободнаго юридическаго акта (Негритянская республика Либерія 1821 г., государство Конго 1885 г.). Въ огромномъ большинствѣ случаевъ возникновеніе или, вѣрнѣе сказать, смѣна государствъ является естественнымъ фазисомъ въ развитіи человѣческихъ организмовъ, результатомъ одряхленія старыхъ организацій и замѣны ихъ новыми. Поэтому м. право безсильно регулировать разрушеніе старыхъ госуд-въ и возникновеніе новыхъ, оно вынуждено безучастно выжидать факта возникновенія новаго государства, какъ результата борьбы двухъ борющихся за существованіе организмовъ. Не существуетъ объективныхъ нормъ, на основаніи которыхъ м. союзъ могъ бы рѣшать вопросъ о правильности или неправильности процесса новообразованія, да м. союзъ и не компетентенъ для

суда въ такихъ вопросахъ. Попытки пентархіи вмѣшаться въ это дѣло кончились полной неудачею. Здѣсь не можетъ быть мѣста одобренію или осужденію процесса новообразованія, а возможна лишь регистрація, признаніе совершившагося факта, остановить, предупредить или предотвратить который оказалось не по силамъ „законному авторитету" прежняго государства. Наличность же факта опредѣляется появленіемъ новаго политическаго организма, обладающаго основными условіями государственной организаціи: территоріей, населеніемъ и верховною властью.

Но чтобы вновь возникшее государство пользовалось въ м. сферѣ положеніемъравноправнаго съ другими государствами, не только правоспособнаго, но и дѣеспособнаго члена м. общенія, необходимо *признаніе* его таковымъ со стороны м. союза.

Всякое фактически существующее госуд-во имѣетъ право требовать признанія его м. индивидуальности; законная м. личность его существуетъ, съ точки зрѣнія м. права, съ момента его образованія; т. е. оно является правоспособнымъ и дѣеспособнымъ субъектомъ м. права. Но м. право есть право культурныхъ народовъ по преимуществу. Оно выработано и упражняется м. союзомъ культурныхъ народовъ по преимуществу. Оно выработано и упражняется м. союзомъ культурныхъ народовъ, какъ необходимая юридическая основа ихъ общенія. Поэтому полноправнымъ членомъ этого общенія и полноправнымъ субъектомъ м. права можетъ быть лишь госуд-во, признающее установленныя нормы м. права и подчиняющееся имъ; въ противномъ случаѣ оно не можетъ претендовать на равноправное съ друг. членами м. союза положеніе въ м. общеніи. Слѣд:, чтобы пріобрѣсти точно опредѣленную международноправовую право- и дѣеспособность на положеніи члена м. союза, и чтобы пользоваться полною защитою м. права, новое государство должно быть принято въ составъ м. союза,—оно должно быть *„признано"* другими госуд-вами, членами этого союза. *Э имъ признаніемъ обусловливается не существованіе его какъ государства, а только вступленіе его въ м. общеніе.* Признаніе предполагаетъ, что госуд-во, вступающее вслѣдствіе его въ м. общеніе, способно къ соблюденію установленнаго м. общеніемъ правопорядка (поэтому, напр., Турція была принята въ составъ „европейскаго концерта" лишь съ 1856 г.); вопросъ же о способѣ, о „законности его возникновенія не подлежитъ разслѣдованію. Поэтому *признаніе не требуется,* когда государство создается въ силу м. постановленія (напр. государство Конго на Берлинской конференціи 1885 г.; Балканскія

христіанскія государства на Парижскомъ и Берлинскомъ конгрессахъ 1856 и 1878 гг.). Но *оно необходимо* при самостоятельномъ возникновеніи государства, и въ частности: 1) когда госуд-во возникаетъ впервые, т. е. на территоріи, не входившей въ составъ другого госуд-ва; 2) когда новое госуд-во образовалось путемъ выдѣленія изъ существующаго госуд-ва или путемъ объединенія нѣсколькихъ государствъ въ виду возможныхъ вслѣдствіе этого измѣненій въ установленныхъ правоотношеніяхъ къ другимъ государствамъ; также если независимое дотолѣ госуд-во обращается въ полузависимое: заинтересованныя третьи державы имѣютъ право протеста, если такой переходъ затрагиваетъ ихъ благопріобрѣтенныя въ этомъ госуд-вѣ права или если онъ нарушаетъ ихъ интересы. Такъ Германія опротестовала англо-французское соглашеніе 1904 г., признавшее за Франціею положеніе „руководящей державы" въ Марокко; результатомъ была Альхесирасская м .конференція 1907 г. (съ участіемъ Россіи. См. у Листа, изд. 2-е, стр: 42) и 3) когда раньше существовавшее госуд-во, не пользовавшееся правомъ участія въ м. общеніи признается въ силу того или иного акта равноправнымъ членомъ м. союза. Такъ въ силу Парижскаго трактата 1856 г. Турція была признана участницей въ Европейскомъ концертѣ; съ 1899 г. Японія фактически получила права члена м союза.

Нѣкоторые (напр. Мартенсъ) на основаніи м. практики считаютъ необходимымъ актъ признанія и въ томъ случаѣ, если государство измѣняетъ свою форму правленія, или если глава даннаго государства измѣняетъ свой титулъ, хотя такого рода измѣненія не вліяютъ на м. правомочія и обязательства госуд-ва.

При измѣненіи формы правленія уже существующаго госуд-ва отказъ въ признаніи возможенъ только въ томъ случаѣ, если въ новой своей формѣ госуд-во отказывается признавать общепринятыя нормы м. права въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ или соблюдать свои прежніе договоры съ другими государствами или нарушаетъ установленный порядокъ м. отношеній. При присоединеніи новой территоріи къ данному госуд-ву альтернатива признанія или непризнанія этого факта третьимъ госуд-вомъ возможна лишь, если это присоединеніе носитъ характеръ неправомѣрнаго насилія или въ случаѣ нарушенія этимъ фактомъ пріобрѣтенныхъ правъ прежняго государства. Когда монархъ существующаго государства присваиваютъ себѣ новый титулъ, то м. практика требуетъ лишь признанія этого титула другими государствами. Такъ княжества Румынія, Черногорія, Сербія и Болгарія въ 1881, 1882 и 1908 г. приняли титулъ королевствъ и царствъ.

Такъ какъ актъ признанія новаго госуд-ва равносиленъ выраженію признающимъ его госуд-вомъ согласія поддерживать съ нимъ правильныя м. отношенія, какъ съ равноправымъ членомъ м. сообщества, то никакое государство не можетъ быть принуждено къ признанію новаго госуд-ва. *Каждое государство осуществляетъ этотъ актъ самостоятельно и добровольно*, причемъ это признаніе носитъ чисто индивидуальный характеръ. Всякое фактически независимое госуд-во имѣетъ право на признаніе. Съ этой цѣлью вновь возникшія госуд-ва прибѣгаютъ къ т. наз. нотификаціи, т. е. заявленію другимъ госуд-вамъ о своемъ возникновеніи. Но признаніе можетъ послѣдовать, можетъ и не послѣдовать въ зависимости, напримѣръ, отъ степени субъективнаго убѣжденія даннаго госуд-ва въ жизненности новаго госуд-ва и въ наличности у него твердаго правительства. Критеріемъ для большей или меньшей правильности, *правомѣрности* признанія можетъ служить лишь его *своевременность*, для сужденія о которой нужно имѣть въ виду что признаніе новаго государства третьимъ госуд-вомъ равносильно отрицанію послѣднимъ авторитета и правъ прежняго государства. Поэтому своевременность акта признанія новаго госуд-ва имѣетъ практическое значеніе. Своевременнымъ актъ признанія можетъ быть признанъ только въ томъ случаѣ, если новое госуд-во фактически вполнѣ выдѣлилось въ независимое политическое тѣло съ регулярнымъ правительствомъ (не диктатура). Поэтому признаніе самостоятельнымъ еще несформировавшагося госуд-ва нельзя считать правомѣрнымъ актомъ; пока фактически борьба за независимость новаго правительства со старымъ продолжается, признаніе новаго еще не упрочившагося правительства можетъ быть разсматриваемо какъ нравственная поддержка его, слѣдовательно,—какъ актъ недружелюбія по отношенію къ прежнему правительству (признаніе Франціею независимости С.-А. Соед. Штатовъ въ 1778 г. послужило поводомъ къ войнѣ Франціи съ Англіею). Для правомѣрности признанія не требуется законность возникновенія новаго госуд-ва; не будучи выраженіемъ одобренія или неодобренія, вообще—оцѣнки факта, признаніе означаетъ лишь констатированіе совершившагося факта, независимо отъ той или иной степени его законности. Поэтому для правомѣрности признанія третьимъ государствомъ не требуется чтобы самостоятельность новаго госуд-ва была признана со стороны его прежняго правительства (—признаніе новаго госуд-ва прежнимъ, отъ котораго оно отдѣлилось, напр. Бельгіи Голландіею въ 1839 г., имѣетъ юридическое значеніе лишь для ихъ взаимныхъ отношеній, какъ выраженіе отказа прежняго правительства отъ

своихъ прежнихъ правъ). Поэтому признаніе новаго госуд-ва не налагаетъ на признавшее госуд-во никакихъ обязательствъ; признаніе не означаетъ гарантіи или обѣщанія поддержки новому госуд-ву со стороны признавшаго. Для этого требуется спеціальное соглашеніе. Такъ послѣ отдѣленія Норвегіи отъ Швеціи (въ 1905 г.) и послѣ признанія этого отдѣленія державами, подписано было въ Христіаніи въ 1907 г. соглашеніе между Россіей, Германіей, Англіей, Франціей и Норвегіей, гарантирующее независимость Норвегіи и цѣлость ея территоріи.

Признаніе можетъ быть *прямое*, формальное или *косвенное*, фактическое. И то, и другое выражается вступленіемъ государства въ правильныя международоправовыя сношенія съ новымъ госуд-вомъ, но съ тою лишь разницею, что во второмъ случаѣ—безъ предварительнаго формальнаго и болѣе или менѣе торжественнаго констатированія этого рѣшнія.

Формальное признаніе совершается особымъ актомъ (декларацією) правительственной или законодательной власти (а иногда и той, и другой) признающаго государства, заключеніемъ договора или вступленіемъ въ правильныя дипломатическія сношенія (принятіемъ или акредитованіемъ къ нему дипломатическаго предетавителя ,посланника); *косвенное*, фактическое,—путемъ установленія тѣхъ или иныхъ офиціальныхъ м. сношеній съ вновь возникшимъ госуд-вомъ, какъ самостоятельнымъ политич. организмомъ (назначеніе консульскихъ агентовъ), признаніемъ коммерческаго флага новаго государства. Напр. въ 1885 г. Россія въ обмѣненной съ м. колонизаторскимъ обществомъ Конго деклараціи объявила, что „флагъ Общества будетъ признаваться ею наравнѣ съ флагомъ дружественнаго государства“

Существуетъ еще *условная* форма признанія. Такъ, признаніе независимости Сербіи, Румыніи и Болгаріи на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. было обусловлено принятіемъ имп принципа свободы вѣроисповѣданія и религіозной равноправности гражданъ. Гольцендорфъ считаетъ нецѣлесообразнымъ ставить вопросъ о признаніи существованія госуд-ва въ зависимость отъ произвола другихъ госуд-въ. Мнѣніе его правильно, однако, лишь съ формальной стороны. Ошибочность его состоитъ въ томъ, что м. признаніе новаго госуд-ва не есть лишь констатированіе факта возникновенія послѣдняго,—такой фактъ, разъ онъ существуетъ, не требуетъ признанія; признаніе дается не факту образованія госуд-ва, а нарожденію новаго члена м. союза, это—признаніе его равноправности, т. е. признаніе убѣжденія (со стороны признающаго госуд-ва), что нововозникшее государство обладаетъ моральными условіями, требующимися

отъ полноправныхъ членовъ м. союза культурныхъ госуд-въ, и способностью нести обязанности, налагаемыя на членовъ этого союза м. правомъ. Поэтому всякій членъ м. союза въ правѣ формулировать условія, при которыхъ онъ согласенъ признавать равноправность съ собою новаго сочлена. Въ частности условія, наложенныя Берлинскимъ конгрессомъ на балканскія госуд-ва, вызваны были не только интересами правосознанія современныхъ цивилизованныхъ госуд-въ, но и интересами м. порядка и спокойствія Европы: если бы для означенныхъ госуд-въ не былъ установленъ принципъ религіозной свободы sine qua non, то несомнѣнно, первые дни существованія этихъ госуд-въ были бы омрачены неурядицами и несогласіями на религіозной почвѣ. Но, конечно, такого рода условія или, вѣрнѣе, обязательства нельзя разсматривать, какъ резолютивныя условія, неисполненіе которыхъ (напр. Румыніею) дало бы установившимъ ихъ державамъ право отмѣнить свое признаніе; неисполненіе даетъ лишь право на принужденіе, подобно всякому нарушенію договора.

Признаніе новаго госуд-ва сопровождается важными *юридическими послѣдствіями*. Какъ общее правило, м. признаніе означаетъ признаніе независимости новаго госуд-ва; въ рѣдкихъ случаяхъ оно дается полунезависимымъ государствамъ, *какъ таковымъ*, при ихъ возникновеніи (напр. на конгрессахъ 1856 и 78 г., вообще м. соглашеніемъ, напр:, объ Египтѣ 1841 г. и т. п.). Далѣе признаніе влечетъ за собою обязанность признающаго уважать независимость и территоріальную цѣлость признаннаго имъ государства. (Ср. ст. VII Парижскаго трактата 1856 г. о признаніи Турціи „участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ“ и объ обязательствѣ державъ „уважать независимость и цѣлость“ ея). Оно не только вступаетъ въ силу немедленно, но и влечетъ за собою признаніе всѣхъ правительственныхъ и законодательныхъ актовъ новаго госуд-ва (т. е. фактическаго дотолѣ правительства его) изданныхъ со времени провозглашенія его независимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу признанія отпадаетъ формальная неправомѣрность актовъ, содѣйствовавшихъ возникновенію новаго госуд-ва, хотя бы и незаконнымъ путемъ. Всякій правительственный актъ прежняго правительства относительно бывшей его территоріи или подданныхъ, изданный послѣ объявленія независимости новаго госуд-ва, становится недѣйствительнымъ для признавшаго новое госуд-во правительства. Актомъ признанія придается юридическое значеніе госуд-венному флагу, гербу, печати и т. п., признаннаго госуд-ва и за нимъ признается частно-правная личность въ качествѣ фиска. Юридическія послѣдствія признанія не

утрачиваютъ своей силы, если признанное госуд-во послѣ кратковременнаго существованія снова потеряетъ свою самостоятельность.

Мы разсмотрѣли вопросъ о м. признаніи уже окончательно возникшаго, сформировавшагося госуд-ва, какъ м. личности. Но на практикѣ не менѣе важнымъ представляется нерѣдко вопросъ о юридическомъ м. положеніи политическаго организма который еще не обладаетъ всѣми признаками государства, но который тѣмъ не менѣе представляетъ необходимыя данныя для того, чтобы усматривать въ немъ зараждающееся новое госуд-во въ процессѣ его образованія, при чемъ однако окончательный благопріятный или неблагопріятный исходъ этого процесса представляется неопредѣленнымъ. Какія юридическія отношенія возникаютъ въ отношеніи м. союза къ процессу *возможнаго* возникновенія новаго госуд-ва? Этотъ вопросъ въ частности возникаетъ при т. наз. *междоусобной войнѣ* въ госуд-вѣ. Какъ другія госуд-ва должны относиться къ дѣйствіямъ противоправительственной партіи? Должны ли они считать эти послѣднія преступными дѣяніями мятежниковъ, или же относиться къ нимъ какъ къ правомѣрнымъ дѣяніямъ воюющей стороны, т. е. госуд-ва, хотя бы только нарождающгося (ибо право войны въ м. отношеніяхъ признается только за госуд-вами)?

М. право регулируетъ отношенія, проистекающія изъ внѣшнихъ сношеній и внѣшнихъ явленій жизни госуд-въ и не касается, говоря вообще, фактовъ ихъ внутренней жизни, относящихся непосредственно къ внутреннему госуд-венному праву. Для м. права безразлична форма правленія даннаго госуд-ва, такъ какъ предполагается, что госуд-венное устройство каждагос государства есть продуктъ его исторической жизни и индивидуальныхъ культурныхъ условій, а м. право имѣетъ задачей лишь восполненіе условій, необходимыхъ госуд-ву для полнаго и всесторонняго развитія и осуществленія его индивидуальныхъ силъ и интересовъ вовнѣ путемъ м. общенія. Поэтому для м. права имѣетъ значеніе лишь, чтобы существующее въ госуд-вѣ правительство, какъ органъ внѣшнихъ отношеній госуд-ва способно было нести отвѣтственность за свои м. дѣйствія и соблюдать установленный м. правопорядокъ во внѣшнихъ отношеніяхъ госуд-ва. Также и внутреннія перемѣны въ формѣ правленія госуд-ва не вліяютъ на м. личность госуд-ва, пока въ его организмѣ не произошло существенныхъ измѣненій въ смыслѣ условій, необходимыхъ для признанія за нимъ правъ м. личности или же, пока въ этихъ условіяхъ не произошло такихъ измѣненій, вслѣдствіе которыхъ м. личность этого госуд-ва должна претерпѣть тѣ или иныя измѣненія въ смыслѣ умаленія объема ея м. правоспособности.

Революція и проистекающая отсюда временная смута въ правительственныхъ функціяхъ (анархія) не ведутъ сами по себѣ къ утратѣ госуд-вомъ его м. личности. Но если революція организована политическою партіею, располагающею достаточными организованными вооруженными силами, опираясь на которыя она въ состояніи составить во внутреннемъ управленіи госуд-ва противовѣсъ существующему правительству, такъ что обыкновенныя средства репрессивной юстиціи, хотя бы временно, оказываются противъ нея безсильными, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ. именуемымъ междоусобной войной, въ отличіе отъ мятежа. Въ этомъ случаѣ, т. е. когда революціонная политическая партія: а) получила извѣстную военную организацію, правильно организованное и дисциплинированное войско, и установила для себя хотя бы временное исправляющее функціи госуд-венной власти правительство, признаваемое населеніемъ въ предѣлахъ хотя бы извѣстной части государственной территоріи; б) ведетъ борьбу на почвѣ публичнаго права и в) соблюдаетъ сама законы и обычаи войны,—то при такомъ положеніи она располагаетъ всѣми матеріальными условіями госуд-веннаго организма,—т. е. правительствомъ, населеніемъ и территоріею,—но остается спорнымъ, оспаривается лишь существованіе этого политическаго организма, какъ м. личности, т. е. онъ не обладаетъ лишь признакомъ самостоятельнаго политическаго организма, обладающаго право-и дѣеспособностью м. личности. Поэтому при наличности указанныхъ условій м. право принимаетъ эту партію подъ свою охрану въ качествѣ воюющей стороны (т. е. госуд-во-подобнаго организма) со всѣми послѣдствіями такого къ ней отношенія. Несомнѣнно, что при указанныхъ условіяхъ политическая революціонная партія не можетъ претендовать на фактическое признаніе ея въ качествѣ госуд-ва пока она не упрочила свое самобытное существованіе образованіемъ независимаго политическаго организма и что она не можетъ быть личностью въ м. союзѣ, пока она не признана другими госуд-вами какъ членъ м. союза. Тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактическимъ состояніемъ, коимъ произведено несомнѣнное внутреннее измѣненіе личности государства, внутреннее измѣненіе въ его организмѣ, внутреннее раздвоеніе его. Дѣло въ томъ, что всякое правительство, которое фактически находится въ полномъ обладаніи правами верховной власти въ госуд-вѣ должно быть разсматриваемо, какъ дѣйствительное правительство этого госуд-ва. Съ другой стороны, наличность политической организаціи и прочнаго правительства являются существенными условіями для того, чтобы обладающее ими

сообщество *могло* пріобрѣсти права м. личности. Отсюда необходимый выводъ, что независимо отъ признанія революціонной партіи независимымъ политическимъ организмомъ и независимо отъ неизвѣстнаго окончательнаго исхода междоусобной войны, направленной къ распаденію, раздѣленію госуд-ва, невозможно отрицать фактическую личность у партіи, удовлетворяющей указаннымъ условіямъ, невозможно—слѣд.—и не разсматривать ее (хотя бы временно), какъ государствоподобный политическій организмъ. А потому и въ этомъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о признаніи новаго госуд-ва, м. фактъ (мѣстное упраздненіе революціонною партіею функцій государственной власти) вызываетъ извѣстныя юридическія послѣдствія, является фактомъ юридическимъ.—Признаніе воюющей стороны имѣетъ только временное значеніе: оно не означаетъ и даже не предрѣшаетъ признанія за воюющей стороной госуд-венной самостоятельности. Но такъ какъ фактически обладающее правами и функціями верх. госуд. власти временное революціонное правительство, получившее признаніе какъ воюющая сторона, фактически замѣняетъ собою законную госуд-венную власть, а въ области м. отношеній фактическій суверенъ является также и юридическимъ, то 1) фактъ, совершившійся въ періодъ революціи, долженъ разсматриваться какъ фактъ, совершившійся въ военное время; 2) дѣйствія и распоряженія временнаго правительства признаются какъ законныя распоряженія правительственной государственной власти; 3) въ случаѣ возстановленія прежняго порядка, временно устраненное правительство не вправѣ признать неправомѣрными тѣ дѣйствія въ области м. отношеній которыя были совершены революціоннымъ правительствомъ; на него переходятъ и м. обязательства, заключенныя послѣднимъ, если только это временное правительство не было чисто эфемернымъ (какъ въ Венгріи 1848 г., въ Польшѣ 1863 г.).

Основныя права государствъ въ м. отношеніяхъ. Государство можетъ быть субъектомъ права частнаго, госуд-веннаго или публичнаго вообще и междун-го. Сообразно особому характеру правоотношеній, регулируемыхъ каждою изъ этихъ главныхъ отраслей права, долженъ измѣняться и характеръ тѣхъ признаковъ, наличность коихъ требуется отъ госуд-ва въ качествѣ субъекта того или иного права. Въ м. правѣ госуд-во является субъектомъ въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, къ входящимъ въ ихъ составъ подчиненнымъ обществамъ и ихъ подданнымъ. М. право регулируетъ взаимныя отношенія госуд-въ въ

сферѣ м. правового общенія. Цѣль и задачи м. общества, въ составъ котораго входятъ госуд. и права, которое регулируетъ ихъ отношенія въ этомъ общеніи, заключается въ томъ, чтобы совокупленіемъ силъ облегчить осуществленіе общихъ всѣмъ культурнымъ народамъ интересовъ путемъ гармоническаго согласованія, сочетанія и соподчиненія ихъ частныхъ интересовъ при ихъ осуществленіи въ сферѣ м. оборота. Отсюда необходимость признанія за членами м. общенія—госуд-вами—извѣстныхъ правъ и соотвѣтсвенныхъ обязанностей.

Безъ существованія и сосуществованія независимыхъ и, слѣд., равноправныхъ государствъ невозможно и м. право; его возникновеніе и развитіе *обусловлено* прежде всего фактомъ сосуществованія многихъ государствъ и, затѣмъ, потребностью регулированія ихъ взаимныхъ отношеній, возникающихъ изъ необходимости м. ихъ общенія для удовлетворенія ихъ потребностей. Слѣд., м. право прежде всего должно признать независимо отъ него и ранѣе его возникновенія существовавшій и давшій основаніе его возникновенію фактъ существованія государствъ какъ субъектовъ, какъ юридическихъ личностей.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что м. союзъ госуд-въ м. общество ихъ основано на *свободномъ* (въ юрид. смыслѣ) ихъ общеніи и что м. правопорядокъ опять таки созданъ этимъ же свободнымъ общеніемъ путемъ взаимныхъ свободныхъ (въ юрид. смыслѣ) *соглашеній* между членами м. союза и въ порядкѣ *взаимопомощи*. На соглашеніяхъ покоится все м. право, а принципъ взаимности, играющій первенствующее значеніе въ м. практикѣ, какъ обусловливающій признаніе или предоставленіе однимъ госуд-вомъ другому тѣхъ или иныхъ правъ, признаніе и соблюденіе тѣхъ или иныхъ его интересовъ,—лежитъ въ основѣ всѣхъ недоговорныхъ, но тѣмъ не менѣе признаваемыхъ м. общеніемъ и соблюдаемыхъ въ м. практикѣ неписаныхъ нормъ м. правопорядка. Такое значеніе принципа соглашеній и принципа взаимности вытекаетъ изъ самыхъ основъ м. свободнаго общенія, покоющагося на свободномъ союзѣ не подчиненныхъ никакой надъ ними стоящей внѣшней власти, взаимно независимыхъ и равноправныхъ личностей-государствъ. Взаимная независимость и равноправіе (равенство) госуд-въ членовъ м. общенія является так. обр. основнымъ принципомъ м. права и правопорядка. Передъ лицомъ м. права, имѣющаго задачей регулированіе взаимныхъ отношеній между госуд-вами въ сферѣ м. оборота, всѣ госуд-ва одинаково и безразлично являются въ образѣ независимыхъ и равноправныхъ, одинаково право- и дѣеспособныхъ юридическихъ личностей. М. право лишь

принципіально *признаетъ и принимаетъ во вниманіе* спеціальныя *политическія* отношенія, независимо отъ него существующія и устанавливающіяся между госуд-вами въ силу ихъ *внутреннихъ*, хотя и *междугосуд-венныхъ* но по существу своему—*конституціонныхъ* (напр., въ федераціи) или даже *внутреннегосуд-венныхъ* (напр., сюзеренитетъ) отношеній; оно принимаетъ ихъ во вниманіе, поскольку эти междугосударственныя отношенія, являющіяся результатомъ мирнаго соглашенія или же вооруженной борьбы между госуд-вами или внутри ихъ могутъ отразиться на внѣшней м. дѣятельности госуд-въ и на ихъ положеніи въ средѣ м. общенія.—И не м. право, а право госуд-венное и междугосударственныя отношенія создаютъ тѣ различія въ объемѣ взаимной независимости, взаимнаго правового неравенства, неравенства *политической* право- и дѣеспособности, которыя возникнувъ и существуя во внутреннемъ ихъ госуд-венномъ правѣ, лишь *отражаются* затѣмъ и въ ихъ положеніи международно-правовомъ. Современное междун. право въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, даетъ свое признаніе (даже не санкцію, а именно лишь фактическое признаніе) результатамъ политической жизни и неустанной борьбы человѣческихъ обществъ и лишь приспособляетъ ихъ, т. сказ., къ требованіямъ и потребностямъ мірового м.-правового общенія культурныхъ народовъ.—Отсюда принципіальное, не требующее никакого договорнаго подтвержденія, признаніе м. правомъ независимости и равенства всѣхъ госуд-въ членовъ м. общенія, какъ субъектовъ м. права.

Съ этой нашей точки зрѣнія, собственно говоря, такъ называемое м. „признаніе“ госуд-ва даже полунезависимаго (какъ такового, напр., на конгрессѣ 1878 г.), т. е. признаніе вступленія такого полунезависимаго госуд-ва въ м. общеніе, равносильно (съ юрид. точки зрѣнія м. права) признанію его юридической независимости и равенства съ могущественнѣйшими державами, пот. что въ области *междун-хъ* отношеній и передъ лицомъ *междун-аго* права оно въ сферѣ и въ предѣлахъ признанной за нимъ внутреннегосуд-венной автономіи должно пользоваться положеніемъ совершенно равнымъ со всѣми другими членами м. общенія. (Этимъ объясняются, напр., протесты Турціи при заключеніи первыхъ торговыхъ трактатовъ „полунезависимой“ Болгаріи съ Англіею и др. госуд-вами). Допущенные къ участію на м. съѣздахъ (конгрессахъ, конференціяхъ) представители несуверенныхъ государствъ пользуются на нихъ равнымъ голосомъ съ представителями госуд-въ суверенныхъ. Какъ бы ограничена ни была автономія внутренняя или внѣшняя данна-

го государства, въ предѣлахъ этой автономіи оно, сообразно цѣлямъ и задачамъ м. права, должно пользоваться всѣми благами м. правового общенія,—не только въ своихъ интересахъ, но и въ интересахъ самого этого м. общенія и м. правопорядка. Широкое участіе мелкихъ и несуверенныхъ госуд-въ въ м.-правовой жизни можетъ быть лишь полезно для дальнѣйшаго развитія м. правопорядка и признаваемое м. правомъ право участія ихъ въ регулированіи этого правопорядка должно всегда толковаться согласно духу м. права, т.-е. распространительно.

Что же касается политическаго неравенства госуд-въ и послѣдствій политическихъ отношеній госуд-въ, то современное м. право безсильно регулировать политическія отношенія между госуд-вами, т.-е. отношенія, вытекающія изъ стремленія каждаго госуд-ва къ возможно полному использованію своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ для возможно широкаго и свободнаго самоопредѣленія, самосохраненія и развитія, потому-что м. право безсильно предотвратить въ извѣстныхъ случаяхъ насильственное разрѣшеніе борьбы госуд-въ и народовъ въ этой области. Дважды собиравшіяся въ Гаагѣ при участіи въ 1899 г.—26-ти, а въ 1907 г.—45 госуд-въ „мирныя“ конференціи пришли къ заключенію, что несогласія между государствами, затрогивающія ихъ честь, жизненные интересы и права суверенитета не могутъ подлежать обязательному третейскому м. разрѣшенію.

Принципъ взаимной независимости госуд-въ въ сферѣ м. отношеній находитъ свое практическое выраженіе между прочимъ въ принятомъ въ м. практикѣ общемъ правилѣ, что никакое госуд-во,—суверенное или несуверенное, безразлично,—не подчиняется *юрисдикціи другого государства*,— не отвѣчаетъ передъ судами другого госуд-ва. Для разрѣшенія споровъ между госуд-вами въ м. правѣ существуютъ только три способа: добровольное взаимное соглашеніе, добровольно принятый третейскій судъ и война, какъ ultima ratio. Только въ томъ случаѣ, когда споръ касается не осуществленія госуд-венной власти, и публичныхъ правъ, а интересовъ частноправового характера, когда государство выступаетъ, напр., въ качествѣ фиска или частнаго предпринимателя (желѣзнодорожнаго предпринимателя, фабриканта, арендатора недвижимости, заказчика на поставку и т. п.), признается въ извѣстныхъ случаяхъ компетенція противъ него отечественныхъ судебныхъ установленій иностраннаго истца или отвѣтчика, въ частности—когда дѣло касается вещныхъ исковъ относительно недвижимости, находящейся въ чужомъ госуд-вѣ; или если госуд-во добровольно обратилось къ чужеземной юрисдикціи предъявленіемъ иска или принятіемъ иска, предъявленнаго къ нему въ иностранн. судѣ и тѣмъ самымъ добровольно (хотя бы косвенно) признало компетенцію послѣдняго и подчинилось его рѣшенію. (Новѣйшій примѣръ 1909—10 г.—искъ, предъявленный русск. правительствомъ въ германск. судѣ къ германск. подданному Гелльфельду относительно проданнаго ему послѣднимъ парохода „Ангальтъ“, отказъ признать встрѣчный искъ Гелльфельда и признаніе неправильности ареста, наложеннаго по поводу послѣдняго германскимъ судомъ на капиталы русскаго правительства, хранящіеся въ берлинскомъ банкѣ). Со времени учрежденія постоянной м. палаты третейскаго суда въ Гаагѣ практиковавшееся и ранѣе разрѣшеніе неполитическихъ споровъ между госуд-вами при помощи третейскаго суда должно получить широкое примѣненіе.

Государство въ сферѣ м. отношеній должно обладать тѣми же свойствами, какъ и въ сферѣ внутренне-государственной; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно обладать и необходимыми свойствами всякаго правового субъекта, всякой правовой личности:—право- и дѣеспособностью.

Фактически существующее лицо—государство имѣетъ притязаніе на дальнѣйшее существованіе, причемъ оно само опредѣляетъ условія, признаваемыя имъ какъ необходимыя для его существованія и развитія. Это *притязаніе на самоопредѣленіе* коренится въ самомъ фактѣ существованія лица и неразрывно съ нимъ связано. Въ госуд-венномъ правѣ это необходимое свойство субъекта-государства носитъ форму государственнаго *суверенитета*. Всякое госуд-во имѣетъ и (какъ разумная форма человѣческаго общежитія) должно имѣть цѣлью охрану своего существованія и развитіе тѣхъ политическихъ и соціально-культурныхъ задачъ, которыя оно преслѣдуетъ. Поэтому и въ м. сферѣ каждое государство само по себѣ должно пользоваться правомъ *самоопредѣленія, самосохраненія и развитія*. Это даже не права, а свойства госуд-ва, и они являются основными и въ м. сферѣ. Необходимыя условія своего дальнѣйшаго существованія и внутренняго развитія государство формулируетъ и осуществляетъ прежде всего въ своей *внутренней* государственной жизни—въ своемъ политическомъ и соціальномъ строѣ. Такъ какъ его притязанія въ сферѣ своего внутренняго самоопредѣленія изолированы отъ аналогичныхъ притязаній другихъ госуд-въ, хотя бы и рядомъ съ нимъ существующихъ, то эта область самоопредѣленія госуд-ва не подчинена сама по себѣ воздѣйствію и регламентаціи со стороны права. Основное притязаніе лица на самоопредѣленіе и на развитіе можетъ

оказаться спорнымъ, а слѣд. и ограниченіе этого притязанія возможно лишь въ случаѣ, если оно сталкивается съ подобнымъ же притязаніемъ другихъ лицъ. При такой только коллизіи является необходимость ея устраненія путемъ размежеванія сферы обоюдныхъ притязаній. Но такая коллизія возможна лишь въ сферѣ *внѣшней* дѣятельности лица, направленной къ своему самосохраненію и развитію и направляемой лицомъ сообразно его личнымъ понятіямъ о необходимыхъ условіяхъ его существованія и развитія. Поэтому и м. право должно признавать притязанія каждаго государства на безпрепятственное существованіе и развитіе, доколѣ это его притязаніе во внѣшнемъ его проявленіи не является помѣхой осуществленію соотвѣтственнаго притязанія другихъ государствъ; въ этомъ случаѣ является необходимость согласованія и размежеванія интересовъ и соглашенія заинтересованныхъ, равноправныхъ и независимыхъ субъектовъ.

Так. обр. при перенесеніи указанныхъ основныхъ свойствъ государства, необходимыхъ условій его жизни, въ м. область, мы должны признать, что въ этой области *государство должно пользоваться право- и дѣеспособностью въ трехъ направленіяхъ: самоопредѣленія, самосохраненія и развитія*. Указанныя свойства госуд-въ, присущія имъ какъ таковымъ и признаваемыя поэтому и м. правомъ,—*независимость* (взаимная) и вытекающее отсюда (взаимное) ихъ юридическое *равенство*, ихъ право на *самоопредѣленіе, самосохраненіе и развитіе*,—эти свойства государствъ, признаваемыя за ними м. правомъ какъ за право- и дѣеспособными личностями, членами м. общенія и субъектами м. права, принято называть *основными* или *абсолютными правами* госуд-ва въ м. области въ отличіе отъ договорныхъ правъ, основанныхъ на конкретныхъ м. соглашеніяхъ. Они не требуютъ м. признанія, а предполагаются существующими у каждаго государства члена м. общенія.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что такъ какъ указанныя свойства (или права) государствъ являются существенными условіями ихъ существованія, то они *неотчуждаемы;* ограниченія же ихъ допустимы: какъ внѣшнія, извнѣ установленныя ограниченія, такъ и самоограниченія самого государства въ интересахъ м. общенія. (Сюда не подходятъ самоограниченія, вытекающія изъ взаимности обязанностей, соотвѣтствующихъ правамъ).

Взаимное признаніе государствъ, какъ субъектовъ права, и основной запретъ нарушенія международ. личности обезпечиваютъ за всякимъ отдѣльнымъ членомъ м. союза свободу осуществленія его воли въ возни-

BIBLJOTEKA
Seminarjum Prawa Publicznego
UNIWERSYTETU WARSZAWSKIEGO
№ 305.

кающихъ изъ государственныхъ сношеній жизненныхъ отношеніяхъ. Всякое осуществленіе, упражненіе этой свободы отдѣльнаго государства въ м. оборотѣ правомѣрно съ точки зрѣнія м. права, если государство при этомъ своими дѣйствіями не нарушаетъ личности другого государства. Отсюда слѣдуетъ, что ограниченія этой сферы свободы государствъ на почвѣ м. общенія могутъ имѣть свое юридическое основаніе лишь въ установленныхъ нормахъ м. права или въ конкретныхъ актахъ самоограниченія государствъ. И правовыя притязанія, и обязанности государствъ въ м. сферѣ вытекаютъ либо изъ нормъ м. права, либо основываются на индивидуальныхъ титулахъ (договорахъ, правонарушеніяхъ и т. п.).

Основнымъ свойствомъ госуд-ва, какъ управомоченной личности въ м. сферѣ, является *суверенитетъ* его, такъ какъ и въ сферѣ м. отношеній всякое госуд-во имѣетъ своею задачей проявить свою индивидуальность, а полное осуществленіе этой задачи невозможно безъ суверенитета или права на самоопредѣленіе какъ въ сферѣ внутренняго управленія и властвованія (внутренняя независимость), такъ и м. отношеній (внѣшняя самостоятельность). Только суверенное госуд-во обладаетъ *полною* м. правовою личностью, а слѣд. и полною международно-правовою правоспособностью. Въ м. сферѣ суверенитетъ госуд-ва проявляется и въ неограниченной м.-правовой дѣеспособности.

Безъ внѣшней (м.-правовой) дѣеспособности невозможно активное участіе госуд-ва въ м. отношеніяхъ. Эта дѣеспособность выражается въ правѣ самостоятельно избирать и пользоваться всѣми правомѣрными (т.-е. признаваемыми м. правомъ) способами для осуществленія своихъ интересовъ въ м. общеніи, а именно: 1) совершать соотвѣтственные акты, т.-е. путемъ юридическихъ сдѣлокъ пріобрѣтать права и принимать обязанности, неся отвѣтственность за свои дѣйствія (заключать договоры) и осуществлять эти субъективныя права и обязанности; 2) поддерживать активно и пассивно м. сношенія при посредствѣ постоянныхъ т. наз. дипломатическихъ агентовъ, (активное и пассивное право посольства); и 3) вести войну.

Такъ какъ м.-правовая дѣеспособность есть одно изъ основныхъ свойствъ госуд-ва, какъ субъекта м. права, то госуд-во, совершенно лишенное ея (напр., при строго проведенномъ строѣ реальной уніи) не можетъ считаться и м.-правовою личностью. Но эта личность не утрачивается при частичныхъ ограниченіяхъ дѣеспособности госуд-ва. Такія ограниченія возможны: 1) въ силу самой конституціи госуд-ва, въ силу особой органической связи его госуд-венной власти съ госуд-венною

властью другого госуд-ва, которой вслѣдствіе этой связи присвоивается въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ право представительства этого госуд-ва въ его внѣшней дѣеспособности, или же они возможны 2) въ силу особаго м. положенія, созданнаго конкретному госуд-ву въ интересахъ м. общенія (напр., нейтрализація) или въ силу общихъ, распространяющихся на всѣ госуд-ва м. союза ограниченій, вытекающихъ изъ особыхъ институтовъ м. права (экстерриторіальность, свобода м. рѣчного судоходства) или, наконецъ, 3) оно возможно въ силу спеціальныхъ договорныхъ обязательствъ, принятыхъ госуд-вомъ, такъ какъ самоограниченіе воли госуд-ва, самоограниченіе имъ своего суверенитета въ извѣстныхъ предѣлахъ не лишаетъ его м. личности. Государство всегда можетъ отказаться отъ такихъ ограниченій,—разумѣется, съ тѣми послѣдствіями, какія вообще влечетъ за собой отказъ госуд-ва отъ лежащаго на немъ м.-правового обязательства. Кстати, нужно замѣтить, что м.-правовая дѣеспособность не совпадаетъ съ правоспособностью. Такъ, въ періодѣ своего образованія государство уже дѣеспособно (напр., С.-А. Штаты во время войны за независимость, Венгрія въ 1848 г.), но эта дѣеспособность его retro trahitur только послѣ удачнаго окончанія образованія государства (всѣ договоры, напр., и т. п. Штатовъ послѣ признанія Англіею ихъ независимости были признаны, а Венгріи—нѣтъ).

Государства съ ограниченною м. дѣеспособностью. Такъ какъ суверенитетъ госуд-ва можетъ быть ограниченъ въ тѣхъ или иныхъ его проявленіяхъ, то соотвѣтственно этому можетъ быть ограничена и м.-правовая дѣеспособность его, съ сохраненіемъ однако его м.-правовой личности, т.-е. самостоятельности, въ предѣлахъ этой ограниченной дѣеспособности.

Такого рода ограниченія являются, напр., для государствъ, соединенныхъ узами *реальной уніи, федераціи* или *конфедераціи*. Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, м. дѣеспособность государствъ - членовъ сложнаго госуд-ва всегда точно опредѣляется договорными учредительными актами и конституціонными госуд-венными законодательными нормами такихъ союзовъ, сохраняющими за отдѣльными членами союза м.-правовую дѣеспособность.

Такъ, до 1905 г. Швеція и Норвегія были объединены конвенціею 1814 г. и государственнымъ актомъ 1815 г. и союзъ ихъ обыкновенно относится государствовѣдами къ типу реальныхъ уній; между тѣмъ Швеція и Норвегія заключали иногда м. договоры каждая за себя (напр., Россія имѣла съ ними двѣ отдѣльныя и различныя почтовыя конвенціи 1895 года, т. к. каждая изъ нихъ являлась самостоятельнымъ членомъ всемірнаго почтоваго союза; онѣ заключали и

отдѣльныя конвенціи о выдачѣ преступниковъ и даже торговыя конвенціи), хотя собственно дипломатическое представительство у нихъ было едино. Австрія и Венгрія въ силу соглашенія 1867 г. тоже не имѣютъ въ отдѣльности права дипломатич. представительства и права обязываться договорами; наоборотъ, отдѣльныя германскія госуд-ва, входящія въ составъ объединенной съ 1871 года германской имперіи, обладаютъ правомъ м. представительства (активнымъ и пассивнымъ посольскимъ правомъ) и правомъ заключать м. договоры, поскольку это не отнесено къ компетенціи имперской власти. Поэтому, хотя въ силу 11 ст. имперской конституціи императоръ представляетъ имперію въ м.-правовыхъ отношеніяхъ, объявляетъ отъ имени имперіи войну и заключаетъ миръ, вступаетъ въ союзы и другіе договоры съ иностранными государствами, аккредитуетъ и принимаетъ пословъ,—но, напр., Пруссія и Баварія имѣютъ конвенціи о выдачѣ преступниковъ съ Россіею. Въ этомъ отношеніи суверенитетъ германскихъ государствъ однако ограниченъ обязательными для нихъ общеимперскими законами; поэтому, напр., такъ какъ въ силу имперскаго угол. уложенія германскіе подданные не подлежатъ выдачѣ, то и договоръ о выдачѣ преступниковъ между отдѣльнымъ германскимъ государствомъ и иностраннымъ не могъ бы постановить выдачи подданныхъ этого государства.

По мнѣнію Фіоре во всѣхъ подобныхъ случаяхъ члены сложнаго госуд-ва не имѣютъ м. личности, а пользуются лишь автономнымъ правомъ заключать извѣстныя м. обязательства подобно тому, какъ во внутреннемъ госуд. правѣ отдѣльныя общины пользуются иногда автономіею въ сферѣ мѣстныхъ интересовъ. Однако такое мнѣніе не можетъ быть признано справедливымъ уже потому, что автономія общинъ въ госуд-вѣ есть власть делегированная въ ихъ пользу госуд-вомъ, а въ разсматриваемомъ нами случаѣ такой делегаціи не существуетъ. Поэтому правильнѣе взглядъ германскихъ юристовъ (напр., Гарейса, Листа), признающихъ ограниченный суверенитетъ (ограниченную дѣеспособность) членовъ сложныхъ государствъ и ихъ м.-правовую личность и м.-правовую дѣеспособность въ этой ограниченной сферѣ ихъ суверенитета.

Еще болѣе ограниченными въ своемъ суверенитетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ своей м.-правовой дѣеспособности являются госуд-ва, состоящія подъ протекторатомъ и госуд-ва полунезависимыя.

Въ силу междугосударственныхъ отношеній *протектората* (въ спеціальномъ смыслѣ) суверенитетъ подохраннаго госуд-ва, полнота его автономіи подвергается умаленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ умаляется и его м. дѣеспособность. Именно, подохранное государство въ силу договора и ради обезпеченія своей внѣшней безопасности ограничивается въ сферѣ такихъ (и только такихъ) интересовъ и въ свободѣ выбора такихъ средствъ осуществленія и охраны своихъ интересовъ, преслѣдованіе и примѣненіе коихъ этимъ госуд-вамъ затруднило бы для протектора ис-

полненіе принятой имъ на себя обязанности защищать взятое имъ подъ свою охрану госуд-во: послѣднее не въ правѣ осуществлять такіе интересы и прибѣгать къ такимъ средствамъ безъ согласія протектора. Отсюда возможность договорнаго умаленія суверенитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и м. дѣеспособности такого подохраннаго государства. Различныя степени такихъ ограниченій зависятъ отъ самого договора о протекторатѣ. Обыкновенно они касаются права на самостоятельное внѣшнее представительство, на самостоятельное заключеніе м. договорныхъ обязательствъ и на объявленіе войны; эти функціи госуд-веннаго суверенитета подохраннаго госуд-ва ставятся обыкновенно подъ контроль протектора, а иногда и вполнѣ переходятъ въ его руки (при колоніальномъ протекторатѣ). Протектору нерѣдко предоставляется право заключать м. договоры отъ имени подохраннаго госуд-ва (напр., въ 1896 г. Россія заключила съ англійскимъ правительствомъ, „дѣйствующимъ отъ имени Занзибарскаго султана“, соглашеніе о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Занзибаромъ); но всѣ остальные м. договоры протектора съ другими державами не распространяются на подохраннаго и не обязательны для послѣдняго. Съ другой стороны, м. договоры подохраннаго государства имѣютъ м. силу, если заключены съ согласія протектора. Какъ общее правило, контроль протектора за внѣшнею дѣятельностью подохраннаго всегда правомѣренъ. Но такъ какъ протекторатъ и связанное съ нимъ ограниченіе дѣеспособности подохраннаго устанавливаются въ интересѣ послѣдняго, то съ юрид. точки зрѣнія толкованіе этихъ ограниченій должно быть всегда въ пользу подохраннаго.

Въ отличіе отъ государствъ подохранныхъ, м. дѣеспособность коихъ ограничивается ради ихъ собственнаго политич. интереса, м. дѣеспособность *полунезависимыхъ* государствъ въ опредѣленныхъ случаяхъ ограничивается въ интересѣ сюзереннаго государства; ограниченіе это здѣсь не добровольное, а извнѣ установленное, наложенное,—предоставленіе вассалу того или иного объема правъ зависитъ отъ сюзереннаго госуд-ва. Поэтому юридически они должны бы быть толкуемы, въ случаѣ сомнѣнія, въ пользу сюзерена; но такъ какъ полунезависимость въ большинствѣ случаевъ является искусственною политическою формою, маскирующею переходъ къ полной независимости, то на практикѣ эти ограниченія обыкновенно толкуются въ смыслѣ благопріятномъ для вассала. Международная дѣеспособность полунезависимаго госуд-ва ограничивается въ сферѣ м. представительства въ политическихъ м. сношеніяхъ (ему не принадлежитъ право посольства) и вообще въ сферѣ упражне-

нія политическаго суверенитета. Въ общемъ, дѣеспособность вассальнаго госуд-ва исключается въ той мѣрѣ (и только въ той мѣрѣ), въ какой сюзеренное государство имѣетъ право представлять его въ м.-правовыхъ отношеніяхъ; наоборотъ, поскольку несмотря на сюзеренитетъ другого госуд-ва, подчиненному предоставлена внутренняя автономія, постольку оно обыкновенно пользуется и м.-правовою дѣеспособностью въ сферѣ интересовъ этой внутренней автономіи. Такъ, великія державы заключали торговые и вообще экономическіе договоры съ полунезависимыми Египтомъ, Сербіею, Румыніею, Болгаріею, такъ какъ эти страны пользовались правомъ самостоятельнаго бюджета и финансоваго управленія. Обыкновенно дипломатическое м. представительство вассальнаго госуд-ва принадлежитъ сюзерену; вассалу предоставляется право только оборонительной войны и заключеніе договоровъ только неполитическихъ. Такъ какъ сюзерену принадлежитъ представительство политическихъ интересовъ вассала, то сюзеренъ является политически отвѣтственнымъ за неправомѣрныя м. дѣйствія вассала внѣ предѣловъ его автономіи. Поэтому же и въ виду того, что сюзеренитетъ устанавливается въ интересахъ сюзереннаго госуд-ва, политическіе договоры его съ другими госуд-вами, а равно и неполитическіе, поскольку послѣдніе не нарушаютъ автономныхъ правъ и интересовъ вассала, имѣютъ силу и для послѣдняго. Такъ какъ внѣшнія политическія сношенія вассала подчинены иноземной власти сюзерена и такъ какъ вассалъ не имѣетъ самостоятельнаго м. представительства, то полунезависимыя госуд-ва лишены права самостоятельнаго голоса въ м. союзѣ и на м. политическихъ конгрессахъ (исключеніе было сдѣлано въ пользу Болгаріи на Гаагской мирной конференціи 1899 г.). Полунезависимыя госуд-ва участвуютъ во всемірномъ почтовомъ, въ желѣзнодорожномъ и телеграфномъ союзахъ и т. п. Въ общемъ, правовыя отношенія между полунезависимымъ и сюзереннымъ госуд-вомъ опредѣляются не исключительно госуд. правомъ, а международнымъ, коль скоро въ ихъ установленіи участвовалъ м. союзъ.

Кромѣ указанныхъ видовъ ограниченія м.-правовой дѣеспособности госуд-въ, имѣющихъ свое основаніе въ конкретныхъ м.-политическихъ или госуд.-правовыхъ отношеніяхъ, существующихъ между двумя или нѣсколькими (немногими) госуд-вами, возможны ограниченія дѣеспособности госуд-ва, установленныя м. союзомъ; такія ограниченія устанавливаются обыкновенно *въ интересахъ м. общенія*. Сюда относится, напр., ограниченіе м.-правовой дѣеспособности госуд-ва въ силу нале-

женнаго на него или принятаго имъ на себя (и признаннаго другими госуд-вами) обязательства постояннаго *нейтралитета*. Постоянная нейтрализація независимыхъ государствъ встрѣчается лишь съ вѣнскаго конгресса 1815 года, установившаго постоянный нейтралитетъ Швейцаріи. Затѣмъ, въ 1831 г. установленъ и гарантированъ договоромъ между великими державами нейтралитетъ Бельгіи, въ 1867 г. Люксембурга и въ 1885 г.—государства Конго. Цѣль нейтрализаціи—съ одной стороны, обезопасить, въ общихъ интересахъ, нейтрализованное госуд-во отъ захвата его смежнымъ большимъ госуд-вомъ, а съ другой—создать „буферъ" между сосѣдними съ нимъ великими державами. Поэтому она налагается обыкновенно на маленькое госуд-во соглашеніемъ съ нимъ постороннихъ державъ; но она возможна и по иниціативѣ самого нейтрализуемаго государства (Конго). Нейтрализація госуд-ва требуетъ м. соглашенія и признанія и не мож. б. установлена путемъ одностороняго заявленія. Нейтрализованное госуд-во лишается права вести войну (кромѣ оборонительной для защиты своей территоріи) и даже заключать такіе политическіе договоры (напр., союзные), которые могли бы обязать его къ веденію войны. Съ другой стороны, нейтрализація государства ставитъ его подъ коллективную охрану (гарантію) державъ, участвующихъ въ установленіи его нейтралитета. (Впрочемъ, въ 1885 году державы обязались соблюдать нейтралитетъ Конго, но не обязались охранять его). И само нейтрализованное госуд-во обязано охранять свой нейтралитетъ отъ возможныхъ его нарушеній (содержать войско, пограничныя крѣпости и т. п.). Но въ 1867 г. при нейтрализаціи Люксембурга постановлено было, что срытыя укрѣпленія Люксембурга не мог. б. возстановлены. Нарушеніе нейтрализованнымъ госуд-вомъ обязанностей нейтралитета объявленіемъ войны освобождаетъ гарантировавшія его госуд-ва отъ принятой ими на себя обязанности. Соблюденіе нейтралитета нейтрализованнаго госуд-ва обязательно и для постороннихъ державъ, не участвовавшихъ въ его установленіи, поскольку онѣ, хотя бы молчаливо, выразили свое согласіе на его установленіе; поэтому нарушеніе нейтралитета со стороны воюющихъ признается нарушеніемъ м. права. Такъ какъ нейтрализація госуд-ва устанавливается въ общемъ интересѣ м. союза, то создаваемое ею межд.-правовое отношеніе можетъ быть уничтожено или измѣнено только съ согласія всѣхъ занитересованныхъ госуд-въ. Поэтому нейтрализованное госуд-во не вправѣ отказаться отъ нейтралитета путемъ односторонняго заявленія.

Равноправность государствъ. Изъ права личности госуд-въ въ м. правѣ вытекаетъ равноправность ихъ въ м. общеніи. „М.-правовое общеніе покоится на идеѣ совмѣстнаго существованія различныхъ госуд-въ съ отграниченными другъ отъ друга сферами господства, съ взаимно признанными предѣлами власти" (Листъ, Цительманъ).

Теоретическое начало равноправности государствъ въ м. отношеніяхъ не исключаетъ ихъ фактическаго неравенства, создающагося подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Это фактическое неравенство, проявляющееся въ размѣрахъ территоріи, количествѣ населенія, природныхъ богатствъ страны, культурѣ, несомнѣнно вліяетъ на политическую роль, какую играетъ то или иное госуд-во въ м. союзѣ. Поэтому въ исторіи м. отношеній преимущественное вліяніе на эти отношенія фактически принадлежитъ такъ наз. великимъ европейскимъ державамъ (послѣ Вѣнскаго конгресса 1815 г. такихъ державъ считалось 5—пентархія; съ 1867 года—6); къ нимъ съ конца XIX в. присоединяются С. Штаты С. Амер. и Японія. Несмотря однако на фактическое неравенство, даже въ м. практикѣ выработаны принципы, въ которыхъ указывается на признаніе равноправности членовъ м. союза (сюда относятся: признаніе равноправности участниковъ м. конгрессовъ и конференцій (равенство права голоса и необходимость единогласія для постановленій); правила (съ 1815 г.) подписанія м. актовъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ участниковъ и т. п.); даже іерархія титуловъ монарховъ не имѣетъ юридическаго значенія въ сферѣ м. отношеній. Исключеніемъ изъ общаго правила о равноправности членовъ м. союза являются полунезависимыя госуд-ва; будучи ограничены въ своей дѣеспособности, они признаются равноправными членами м. союза лишь въ сферѣ своего ограниченнаго суверенитета. Но госуд-ва эти представляютъ собою, собственно говоря, ненормальное, переходное явленіе и обязаны своимъ образованіемъ не праву, а политикѣ и дипломатіи.—Само собой разумѣется также, что госуд-ва некультурныя не могутъ претендовать на званіе полноправныхъ, а слѣдовательно и равноправныхъ членовъ м. союза.

Изъ признанія личности государства въ м. правѣ и изъ равноправности госуд-въ—членовъ м. союза вытекаетъ для всякаго члена м. общенія *обязанность не оскорблять* и не нарушать личности другихъ членовъ общенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ за всякимъ госуд-вомъ признается и притязаніе относительно всякаго другого госуд-ва, чтобы оно воздерживалось отъ оскорбленія его личности и нарушенія его правъ. Поэтому м. право (и

внутреннія законодательства) воспрещаютъ всякое оскорбленіе другого государства, касается ли оно его м. представителей и органовъ [1]) (главы госуд-ва, посланниковъ, военныхъ кораблей) или же знаковъ его верховенства (герба, флага) [2]). Государство отвѣтственно не только за оскорбительныя для другого дѣйствія своихъ органовъ, но и за упущенія въ смыслѣ предупрежденія и наказанія совершенныхъ на его территоріи подобнаго рода дѣяній частныхъ лицъ. Иногда кромѣ наказанія виновныхъ требуется спеціальное удовлетвореніе (салютъ флагу, извиненія дипл. путемъ и т. п.).

Точно также воспрещается м. правомъ и всякое посягательство въ мирное время на цѣлость и безопасность и на политическій строй другого госуд-ва. Поэтому каждое госуд-во обязано заботиться, и принимать соотвѣтствующія мѣры, чтобы на территоріи, находящейся подъ его властью, ни его подданными, ни иностранцами не предпринималось и не подготовлялось подобныхъ посягательствъ [3]).

Большинство писателей относятъ къ числу основныхъ правъ государства въ м. сферѣ *право на самосохраненіе* и *право на общеніе* или на

---

1) Угол. Уложеніе. Ст. 456: Виновный въ убійствѣ главы иностраннаго государства наказывается каторгою безъ срока. Ст. 457: наказуется приготовленіе къ такому убійству. Ст. 534: Виновный въ оскорбленіи главы иностран. госуд. наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ. 535: Виновный въ оскорбленіи иностраннаго посла, посланника или повѣреннаго въ дѣлахъ наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Сему же наказанію подлежитъ виновный въ оскорбленіи иного дипломатич. агента, если такое оскорбленіе учинено съ намѣреніемъ оказать неуваженіе его правительству. 538: Обвиняемый въ опозореніи не можетъ представлять доказательствъ истинности разглашеннаго обстоятельства и не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности на основаніи ст. 537 (если докажетъ истинность разглашеннаго или—что учинилъ разглашеніе ради государственной или общественной пользы), если указанное обстоятельство: 1) относится къ главѣ иностраннаго государства, иностранному послу, посланнику, повѣренному въ дѣлахъ или иному дипломатич. агенту такого государства. Ст. 472: Виновный въ причиненіи тѣлеснаго поврежденія главѣ иностраннаго государства наказывается по ст. 471 (т. е. какъ виновный въ наиболѣе тяжкихъ формахъ этого преступленія). Ст. 476 и 478: Виновный въ учиненіи насилія надъ личностью, предусмотрѣннаго статьею 475 (умышленное нанесеніе удара или иное насильственное дѣйствіе, нарушившее тѣлесную неприкосновенность) въ отношеніи главы иностраннаго государства, иностраннаго посла, посланника или повѣреннаго въ дѣлахъ, наказывается заключеніемъ въ исправит. домѣ, крѣпости или тюрьмѣ (а не арестомъ). Сему же наказанію подлежитъ и виновный въ учиненіи означеннаго насилія надъ личностью въ отношеніи иного дипломатическаго агента, если такое насиліе учинено съ намѣреніемъ оказать неуваженіе его правительству

2) Угол. Уложеніе ст. 136: Виновный въ умышленномъ надругательствѣ надъ публично выставленнымъ государственнымъ гербомъ или инымъ державнымъ знакомъ дружественнаго Россіи государства наказывается арестомъ. Если же сіе надругательство учинено толпою, то виновный наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ.

3) Угол. Уложеніе ст. 135: Виновный въ учиненіи, въ предѣлахъ Россіи, покушенія на насильственное низверженіе правительства дружественнаго Россіи государства или на насильственное измѣненіе существующаго въ немъ образа правленія, или въ учиненіи приготовительныхъ для сихъ цѣлей дѣйствій, или въ участіи въ составившемся съ тѣми же цѣлями сообществѣ, если относительно наказуемости такихъ дѣяній существуетъ взаимность, наказывается заключеніемъ въ крѣпости.

постоянныя сношенія съ другими членами м. союза. Но право на самосохраненіе (и на самозащиту) предполагается самымъ фактомъ существованія государства.

Хотя, казалось бы, что независимость государствъ членовъ м. общенія и неприкосновенность владѣній обезпечены современнымъ международнымъ правопорядкомъ, однако именно въ новѣйшее время державами заключенъ рядъ м. политическихъ соглашеній, спеціально направленныхъ къ этой цѣли. (гарантія statu quo). Таково, подписанное въ Христіаніи въ 1907 г. соглашеніе Россіи, Германіи, Англіи и Франціи съ Норвегіею, гарантирующее независимость и территоріальную цѣлость послѣдней; Парижскій договоръ 1907 г. Англіи, Франціи и Испаніи, которымъ взаимно обезпечиваются территоріальныя владѣнія этихъ державъ на берегахъ Средиземнаго моря и Атлантич. океана; соглашеніе 10 (23) IV 1908 г. Россіи, Германіи, Швеціи и Даніи, гарантирующее материковыя и островныя владѣнія этихъ государствъ на берегахъ Балтійскаго моря (по иниціативѣ Россіи) и соглашеніе того же числа и года Германіи, Даніи, Швеціи, Франціи, Англіи и Голландіи, гарантирующее (по иниціативѣ Германіи) владѣнія этихъ державъ на берегахъ Сѣвернаго моря. Далѣе можно указать Лондонскую конвенцію 1906 г. Англіи, Франціи и Италіи, гарантирующую независимость Абиссиніи, неприкосновенность ея территоріи и начало „открытыхъ дверей"; въ силу соглашенія 1907 г., Франція и Японія взаимно гарантируютъ другъ другу цѣлость своихъ азіатскихъ владѣній, а въ силу С.-Петербургскаго соглашенія того же 1907 года, Россія и Японія „желая упрочить мирныя и добрососѣдскія отношенія „обязываются" уважать существующую территоріальную цѣлость своихъ владѣній и вытекающія изъ трактатовъ свои права, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются всѣми мирными средствами „поддерживать и защищать сохраненіе status quo", т. е. независимость и цѣлость территоріи Китайской имперіи и принципъ равноправія всѣхъ націй по отношенію къ торговлѣ въ этой странѣ.

Фактомъ существованія м. правового общенія предполагается и право всякаго госуд-ва, состоящаго членомъ м. союза, поддерживать постоянныя сношенія съ другими членами этого союза; такими отношеніями даже обусловливается принадлежность госуд-ва къ этому союзу и признаніе за госуд-вомъ выгодъ м.-правового общенія. Общеніе—необходимое условіе развитія государства; сознаніе этого настолько окрѣпло, что м. практикой допускается принужденіе къ м. сношеніямъ (напр. Китай); оно ограничено только соображеніями безопасности госуд-ва и охраны подданныхъ (право изгнанія иностранцевъ, ограниченія иммиграціи и т. п.). Разрывъ правильныхъ дипломатическихъ сношеній между госуд-вами признается актомъ недружелюбія и признакомъ наступленія ненормальныхъ отношеній между госуд-вами. Правильнѣе, поэтому, говорить не о правѣ, а объ обязанности госуд-ва не отказываться отъ правильныхъ сношеній съ другими госуд-вами—членами м. общенія, въ

видѣ ли постоянныхъ дипломатическихъ сношеній съ ними, въ видѣ ли правового, культурнаго и экономическаго общенія съ ними въ силу заключаемыхъ съ ними соотвѣтственныхъ договоровъ и иныхъ соглашеній, въ видѣ ли, наконецъ, предоставленія свободы сношеній своимъ подданнымъ и подданнымъ другихъ госуд-въ путемъ разрѣшенія доступа въ страну ихъ подданнымъ, какъ „иностранцамъ“ и признанія за послѣдними обезпеченнаго правового положенія (принципіальнаго признанія за ними равноправности съ собственными подданными). Госуд-во, не участвующее такимъ образомъ въ м. общеніи не можетъ быть ни членомъ м. союза, ни полноправнымъ субъектомъ м. права.

Таковы м.-правовыя свойства госуд-въ и госуд-венной власти въ сферѣ ихъ внѣшней самостоятельности и независимости и дѣеспособности. Что касается внутренней самостоятельности и независимости государства, *внутренняго суверенитета* госуд-венной власти, то въ м.-правовомъ отношеніи онъ ограничивается сферою внутренняго политическаго, соціальнаго и экономическаго строя госуд-ва. При этомъ въ м. отношеніяхъ самостоятельность и внутренняя независимость госуд-ва опредѣляется *предѣлами его властвованія*, а предѣлы его властвованія опредѣляются пространственно предѣлами государственной *территоріи*, а по отношенію къ лицамъ—*населеніемъ* государства. Въ прежнія времена внутренній суверенитетъ государства даже въ м. сферѣ признавался почти неограниченнымъ; въ настоящее время онъ ограничивается принципомъ м. общенія, а совершенно независимою областью жизни госуд-ва признается только область внутренняго политическаго (госуд. строй, законодательство, управленіе и судъ), и (въ меньшей степени) соціальнаго и экономическаго строя его; что же касается территоріальнаго верховенства госуд-ва (надъ населеніемъ вообще) и верховенства личнаго (надъ подданными), то они подвергаются болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ въ интересахъ м. общеній. (Примѣръ: м.-правовой институтъ внѣземельности).

Интервенція. Каждое государство, какъ субъектъ м. права, пользуется свободою самоопредѣленія въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ силу своего суверенитета госуд-во независимо и самостоятельно или же по соглашенію (полунезависим. госуд-ва) съ другими госуд-вами опредѣляетъ свой политическій строй, судъ и управленіе. Этотъ принципъ безусловно признается современной международной практикой . Установленіе республики во Франціи 1875 г., въ Бразиліи 1889 г., въ Португаліи 1910 г. весьма быстро получило международное

признаніе со стороны всѣхъ другихъ госуд-въ. Признается независимость и самостоятельность госуд-въ и въ ихъ внутреннемъ законодательствѣ, управленіи и судѣ; приспособленіе ихъ къ требованіямъ м. общенія дѣлается (иногда по принципу взаимности) обычно самими госуд-вами. Междун. право допускаетъ однако и исключенія изъ этого общаго правила, въ частности относительно госуд-въ неевропейской культуры. Такъ, въ договорахъ съ нехристіанскими госуд-вами христіанскія часто выговариваютъ право религіозной свободы не только для своихъ подданныхъ, но и для туземцевъ. (Договоры съ Турціей 1856 и 1878 г. (ст. 62), Франціи съ Китаемъ и Японіею 1858 г.). Въ новѣйшихъ трактатахъ съ Японіей (напр. Россіи 1907 г.), обоюдно выговаривается лишь религіозная свобода для обоюдныхъ подданныхъ при проживаніи ихъ на территоріяхъ договаривающихся сторонъ). Довольно часты вмѣшательства державъ въ финансовое управленіе госуд-въ въ случаѣ, когда госуд-во оказывается неисправнымъ въ своихъ платежахъ своимъ иностраннымъ кредиторамъ по внѣшнимъ и даже внутреннимъ займамъ. Сюда относятся длящіяся вмѣшательства въ видѣ установленія финансоваго контроля со стороны европейскихъ державъ напр. относительно Турціи, Египта съ 1876 г., Туниса съ 1869 г., Греціи въ 1898 г. Такія вмѣшательства оправдываются правомъ госуд-ва на охрану правомѣрныхъ интересовъ своихъ подданныхъ. Но, свобода самоопредѣленія государства является непреложною нормою м. права. Но иногда эта свобода самоопредѣленія нарушается такъ наз. интервенціей. Интервенціей въ облсти м. отношеній наз. *самовольное властное принудительное не основанное на юрид. титулѣ вмѣшательство* какого либо госуд-ва въ м. отношенія двухъ другихъ государствъ, *безъ согласія* обоихъ или одного изъ нихъ, или же во внутреннія дѣла другого государства, безъ согласія послѣдняго, *съ цѣлью осуществленія своей индивидуальной воли и своего интереса*. Оно противорѣчитъ одному изъ основныхъ принциповъ м. права—автономіи госуд-въ, какъ самостоятельныхъ и независимыхъ политическихъ организмовъ. Въ исторіи м. отношеній державы нерѣдко прибѣгали къ интервенціи для достиженія той или другой цѣли: таково вмѣшательство Европы въ дѣла Франціи во время великой революціи; особенно часто къ этому средству прибѣгала пентархія для охраны въ европейскихъ госуд-вахъ монархическаго принципа. Это обстоятельство послужило поводомъ для выхода Англіи изъ состава пентархіи. Съ того времени на интервенцію и въ наукѣ, и въ жизни установился новый взглядъ.—Подъ понятіе интервенціи не подходитъ вмѣша-

тельство въ дѣла другого госуд-ва въ силу существующаго между данными госуд-вами соглашенія. (Примѣръ: договоры С. Штатовъ съ Кубою и Панамою 1903 г.; ст. 61 Берлинскаго трактата 1878 г. объ Арменіи; ст. 21, 25, 27 и 28 Парижскаго трактата 1856 г. о Молдо-Валахіи и Сербіи). Вмѣшательство дружественное (интерцессія) можетъ быть даже полезно для предотвращенія м. осложненій. *Необходимый признакъ* интервенціи—властное принужденіе, властное требованіе, т. е. такое, въ случаѣ неисполненія котораго, государство, къ которому оно обращено, подвергается опасности насильственнаго принужденія со стороны интервеніента, хотя бы обращенное къ нему требованіе не сопровождалось прямою формальною угрозою физическаго принужденія. Гибкій дипломатическій языкъ нерѣдко облекаетъ интервенцію въ форму „дружественныхъ совѣтовъ“ (напр. протестъ Россіи, Германіи и Франціи противъ условій міра, предписанныхъ Японіею Китаю въ Симоносеки (1895 г.) и противъ уступки Китаемъ полуострова Ляотунга; вмѣшательство Англіи и Австріи въ результаты русско-турецкой войны 1877—1878 г.).

Отъ интервенціи также нужно отличать и *кооперацію*, выражающуюся въ дружественной помощи *по просьбѣ или съ согласія* нуждающагося въ такой помощи государства (случаи: вмѣшательство Англіи и Франціи въ дѣла Португаліи и Испаніи въ 1834 г.; помощь, оказанная Россіей Австріи въ 1849 г. при усмиреніи венгровъ). Необходимость такой помощи указываетъ на отсутствіе жизнеспособности у нуждающагося въ ней госуд-ва, а въ задачи м права и общенія не входитъ искусственная поддержка такихъ политически слабыхъ организмовъ.—Подъ понятіе интервенціи не подойдутъ и такіе случаи, когда вмѣшательство *вызвано правонарушающимъ дѣяніемъ* другого государства, напр., несоблюденіемъ договорнаго обязательства, (напр. обѣщанныхъ реформъ Турціею),—потерпѣвшее государство въ правѣ отразить такое нарушеніе, и въ этомъ случаѣ принужденіе съ его стороны является правомѣрнымъ способомъ защиты, между тѣмъ какъ при интервенціи нѣтъ ни правового формальнаго основанія для требованія со стороны вмѣшивающагося, ни правомѣрной формальной обязанности исполненія со стороны принуждаемаго.—Хотя интервенціи по существу относятся къ области политики, а не права, но юридически интервенція можетъ быть оправдана на основаніи своеобразной конструкціи междун. правопоряка, предоставляющаго (за недостаткомъ юридически организованнаго принужденія) государствамъ (субъектамъ м. права), право самопомощи, какъ

своеобразный международно-правовой способъ охраны ихъ интересовъ противъ возможнаго *злоупотребленія независимостью*, при упражненіи отдѣльными государствами своего суверенитета. По своему содержанію интервенція (какъ международно-правовая самопомощь) выражается въ примѣненіи властнаго принужденія съ цѣлью достигнуть соотвѣтственнаго интересамъ интервеніента поведенія другого или другихъ государствъ въ ихъ внутреннемъ или собственномъ дѣлѣ. Если самый актъ интервенціи окажется недѣйствительнымъ, то для интервеніента можетъ явиться необходимость примѣненія физическаго принужденія (репрессалій, войны), но само по себѣ матеріальное принужденіе не представляетъ собой необходимой принадлежности понятія интервенціи.

Самовольное вмѣшательство одного государства во внутреннюю или внѣшнюю жизнь другого *формально допустимо* только въ случаяхъ, когда оно опирается на юридическій титулъ, напримѣръ: 1) Въ отношеніяхъ протектора къ подохранному государству. 2) Когда оно опирается на м. договорныя отношенія (вмѣшательство Англіи и Австріи въ русско-турецкое замиреніе 1878 г.). Иногда путемъ м. соглашенія двухъ или нѣсколькихъ госуд-въ устанавливаются основныя начала государственнаго строя и м. положенія новосоздаваемаго госуд-ва (Молдо-Валахія послѣ различныхъ войнъ Россіи съ Турціей; Болгарія по трактату 1878 г.). Подобные договоры открываютъ контрагентамъ формальную возможность вмѣшательства въ дальнѣйшее развитіе созданнаго при ихъ участіи госуд-ва какъ въ его внутренней, такъ и внѣшней м. жизни. Съ другой стороны, подобныя соглашенія въ извѣстномъ формальномъ отношеніи связываютъ и новосозданное госуд-во въ его самоопредѣленіи. То-же при условномъ м. признаніи госуд-въ (ст. 5, 27, 35 и 44 Берл. тракт. 1878 г. относительно Болгаріи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи). 3) Когда одно государство *спеціальнымъ договоромъ гарантировало сохраненіе государственнаго устройства* въ другомъ государствѣ (примѣръ: гарантія польской конституціи 1773 г. Россіею, Австріею и Пруссіею). Въ такихъ договорахъ, въ существѣ дѣла, выражается признаніе страной своего безсилія самостоятельно поддерживать собственную внутреннюю независимость и правопорядокъ; такіе трактаты противны прогрессу и измѣнчивости формъ общежитія; м. право совсѣмъ не призвано гарантировать государствамъ ихъ политическій строй. 4) Въ силу необходимой самопомощи для огражденія собственной безопасности или иныхъ существенныхъ жизненныхъ интересовъ, въ случаѣ если имъ грозитъ опасность со стороны другого государства вслѣдствіе происходя-

щихъ въ немъ внутреннихъ политическихъ или соціальныхъ событій. (Сопоставить Пильницкую декларацію 1791 г. и декретъ Конвента 9 XI 1792 г. Принципъ провозглашенъ Англіею въ 1821—22 г. Примѣненъ къ событіямъ въ Китаѣ 1900 г.).

Возможна также *контръ-интервенція* т. е. вмѣшательство противъ вмѣшательства другого государства. Наилучшій способъ контръ-интервенціи—*коллективное вмѣшательство*. Вообще, если интервенція отдѣльнаго государства не можетъ быть одобрена, безъ наличности особыхъ основаній для нея, въ виду того, что ни одно госуд-во, какъ отдѣльная единица въ семьѣ народовъ, не имѣетъ права брать на себя роли глашатая требованій м.-правового общенія; то м. союзъ, въ его цѣломъ, несомнѣнно, *долженъ быть признанъ компетентнымъ* въ этомъ отношеніи. Поэтому коллективное вмѣшательство м. союза, съ точки зрѣнія принциповъ м. права, находитъ для себя болѣе защитниковъ, чѣмъ индивидуальное—союзъ при вмѣшательствѣ представляетъ болѣе гарантій противъ произвола и эгоистическихъ стремленій. Въ наукѣ оправдываютъ еще слѣдующіе случаи *коллективнаго* вмѣшательства:

1) *Въ жизнь культурныхъ народовъ:* если вмѣшательство предпринимается въ интересахъ мира (противъ чрезмѣрныхъ вооруженій, напр.) или защиты общепризнанныхъ принциповъ м. права и высшаго порядка въ случаѣ уклоненія отъ таковыхъ (послѣ войны);

2) *Въ жизнь некультурныхъ народовъ:* а) *въ цѣляхъ охраны общихъ правъ и интересовъ человѣчества или культуры*, если таковыя нарушаются, напр., въ видѣ жестокихъ гоненій и преслѣдованій, въ видѣ негроторговли, рабовладѣнія и т. п.; б) *въ цѣляхъ огражденія религіозной свободы и гражданской равноправности* или по меньшей мѣрѣ личной и имущественной безопасности (въ христіанскихъ госуд-вахъ религіозная свобода не охраняется м. союзомъ). Такое вмѣшательство иногда основывается на особыхъ трактатахъ цивилизованныхъ государствъ съ нецивилизованными (напр. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ Россіи съ Турціей 1774 г. и др. о покровительствѣ турецкимъ христіанамъ; договоры европейскихъ госуд-въ съ азіатскими).—Осуществленіе такого вмѣшательства м. союзъ можетъ поручить и отдѣльному госуда-ву, причемъ ratihabitio mandato paritur, т. е. молчаливое одобреніе м. союзомъ самостоятельнаго вмѣшательства со стороны какого нибудь отдѣльнаго госуд-ва и результатовъ этого вмѣшательства приравнивается къ порученію (т. е. формальное порученіе не требуется). (Франція въ Ливанѣ 1860 г.).

Въ послѣднее время въ м. практикѣ господствуетъ форма коллективнаго вмѣшательства. При этомъ все таки нужно замѣтить, что и такая форма вмѣшательства далеко не всегда отличается безкорыстіемъ и отсутствіемъ эгоистическихъ стремленій у интервенирующихъ: достаточно припомнить исторію вмѣшательства европейскихъ державъ въ 1900 г. въ дѣла Китая. Изъ этого примѣра можно видѣть, что осуществленная на практикѣ теорія коллективнаго вмѣшательства можетъ привести къ тому же, къ чему привела въ XVIII в. теорія политическаго равновѣсія, т. е. къ постепенному поглощенію сильными государствами слабѣйшихъ путемъ занятія и раздѣла территоріи послѣднихъ.

Но вообще слѣдуетъ признать, что вопросъ объ интервенціяхъ далеко еще не выясненъ окончательно наукою м. права. Такъ, недостаточно выясненъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ усиливающаяся съ развитіемъ м. общенія взаимная фактическая культурно-экономическая з а в и с и м о с т ь государствъ (въ особенности въ сферѣ экономической, торговой, промышленной и т. д.) совмѣстима съ юридическою м.-правовою независимостью въ ея современной теоретической конструкціи. Что же касается м. практики, то даже государства, провозглашавшія въ этомъ отношеніи какой-либо опредѣленный и постоянный принципъ своего политическаго поведенія, никогда не проводили его послѣдовательно. Такъ, принципъ невмѣшательства провозглашается съ 20-хъ годовъ XIX в. Англіею и С. Штатами, между тѣмъ и та, и другая держава на практикѣ неоднократно его нарушали. Примѣръ: интервенція С. Штатовъ въ дѣла Испаніи и Кубы въ 1898 г., вмѣшательства ихъ въ дѣла госуд-въ южной и центральной Америки, цѣлый рядъ вмѣшательствъ Англіи въ дѣла Португаліи 1826 г., Турціи, Нидерландовъ 1831 г., Персіи. Лозунгомъ „правомѣрности“, вмѣшательства или невмѣшательства поперемѣнно пользуются и м. практика, и теорія ради оправданія политическихъ цѣлей и интересовъ.

Гр. Камаровскій,—Начало невмѣшательства. — Грабарь,—Вмѣшательство (въ Юрид. Словарѣ Волкова I, 2053 сл.,—Ср. Ульяницкаго, Парижскій трактатъ (въ Рус. Вѣстн. 1877 г. № 12).

Въ связи съ вопросомъ объ интервенціи стоитъ *доктрина Монроэ*, бывшаго президента С.-А. Соединенн. Штатовъ, провозгласившаго въ 1823 г. принципъ взаимнаго невмѣшательства Европы въ дѣла Америки и Америки въ дѣла Европы („Америка для американцевъ“, европейцы не только не должны вмѣшиваться въ ея жизнь, но и имѣть или пріобрѣтать въ Америкѣ владѣнія). Практическое осуществленіе этотъ принципъ нашелъ, между прочимъ, въ 1881 и 1889 г. г. во время споровъ о судьбѣ строившагося Панамскаго канала, когда С.-А. С. Штаты заявили требованіе, чтобы этотъ каналъ находился подъ ихъ исключительнымъ контролемъ.

Кромѣ основныхъ правъ, вытекающихъ изъ сосуществованія равноправныхъ госуд-въ въ м. общеніи, и правъ и обязанностей абсолютныхъ, которыя государство имѣетъ относительно всякаго члена м. общенія, государство можетъ имѣть субъективныя *договорныя права и обязанности*, возникающія лишь изъ особыхъ соглашеній, открыто выраженныхъ или молчаливыхъ, и относительныя права и обязанности, т. е. существующія по отношенію лишь къ одному или немногимъ госуд-вамъ на основаніи частныхъ договоровъ съ отдѣльными госуд-вами, которые служатъ основаніемъ правъ и обязанностей только между контрагентами.

Международно-правовыя отношенія. Изъ опредѣленія м. права и изъ опредѣленія свойствъ госуд-ва, какъ субъекта этого права, мы можемъ вывести юридическое опредѣленіе международно-правового отношенія въ отличіе отъ государственноправового и отъ частноправового. Государство—субъектъ м. права является таковымъ въ качествѣ публично-правовой личности, упражняющей свою державную власть, свои державныя права (права госуд. суверенитета, верховной государственной власти) въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ государствамъ, такимъ же субъектамъ. Правоотношенія госуд-ва, какъ частноправого субъекта, фиска, облеченнаго лишь частноправовыми правомочіями въ качествѣ напр. владѣльца недвижимостей (госуд. имуществъ, доменовъ), предпринимателя и т. п. регулируются нормами части. права и являются по существу своему отношеніями частноправовыми. Международнопрвовыя отношенія, международныя правоотношенія возникаютъ изъ упражненія государствами своихъ взаимныхъ державныхъ правъ и соотвѣтственныхъ обязанностей во взаимныхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно общепринятое и господствовавшее раньше и въ наукѣ м. права мнѣніе,—что всѣ юрид. отношенія между госуд-вами регулируются нормами м. права правильно лишь постольку и въ той мѣрѣ, въ какой субъектами м. отношенія (субъектъ права и субъектъ обязанности) являются субъекты м. права, т. е. государства, какъ державныя, другъ отъ друга независимыя [1]) и равноправныя политическія личности, упражняющія свои державныя права.

Изъ этого безспорнаго положенія многіе современные ученые (напр., Листъ (§ 5 и 19), Шалландъ (въ Вѣстн. Права 1900 г., № 8) и др. дѣлаютъ уже рас-

1) Взаимная независимость должна быть подразумѣваема здѣсь въ ограниченной сферѣ даннаго отношенія. Напр. полунезависимое госуд-во должно признаваться независимымъ относительно своего сюзерена въ сферѣ своей м.-правовой автономіи (напр. въ торговой политикѣ).

пространительный выводъ, что м.-правовыми отношеніями являются только такія правоотношенія, въ которыхъ носителями правъ и обязанностей по отношенію другъ къ другу являются (единственные, по ихъ мнѣнію) субъекты м. права, т. е. государства. Поэтому, по ихъ—господствующему, впрочемъ, въ современной литературѣ м. права, мнѣнію, правоотношенія между подданнымъ какого либо госуд-ва и иностраннымъ госуд-вомъ не относятся къ области отношеній, регулируемыхъ м. правомъ,—это отношенія не м. правовыя. Обязанности иностраннаго подданнаго къ чужому государству, въ предѣлахъ котораго онъ пребываетъ, основываются на территоріальномъ верховенствѣ послѣдняго, а права—на м.-правовыхъ ограниченіяхъ этого верховенства, принятыхъ на себя этимъ госуд-вомъ или возложенныхъ на него въ качествѣ члена м. общенія и субъекта м.-правовыхъ междугосуд-венныхъ отношеній; обязанности у этого государства существуютъ въ этомъ случаѣ (юридически) не по отношенію къ иностранцу, а по отношенію къ государству, въ подданствѣ котораго послѣдній состоитъ, или же къ м. союзу государствъ. Поэтому, въ случаѣ отказа иностранцу въ правовой охранѣ, госуд-ву, подданнымъ котораго онъ состоитъ, принадлежитъ право вступиться за него передъ госуд-вомъ, нарушившимъ въ этомъ отношеніи свои м.-правовыя обязательства. Точно такъ-же и правоотношенія между отдѣльными подданными различныхъ госуд-въ не могутъ быть признаны отношеніями м.-правовыми. Нормы т. наз. частнаго права не суть нормы м. права; это — нормы національнаго права. Но юридическія нормы, устанавливающія принципы, сообразно которыхъ отдѣльныя государства должны опредѣлять въ своихъ національныхъ законодательствахъ границы дѣйствія своихъ національныхъ правовыхъ нормъ при ихъ коллизіи съ національными нормами другихъ государствъ,—т. наз. коллизія законовъ и статутовъ—имѣютъ м.-правовой характеръ; такія нормы, вытекаютъ ли онѣ изъ особыхъ м. соглашеній или же изъ общихъ м.-правовыхъ началъ, управомочиваютъ и обязываютъ только само государство, а не его подданныхъ. Лишь въ томъ случаѣ, если соглашеніе включено въ національное законодательство государства, изъ него возникаютъ права и обязанности для подданнаго, но только по отношенію къ своему госуд-ву.

Послѣдствіемъ того положенія, что м. правомъ регулируются отношенія между госуд-вами какъ субъектами этого права въ сферѣ упражненія ими своихъ державныхъ правъ, является положеніе, что *не всякія правоотношенія* между госуд-вами могутъ считаться отношеніями м.-правовыми, а только такія, коими устанавливаются, прекращаются или измѣняются правомочія или обязательства госуд-въ *относительно осуществленія ихъ верховныхъ державныхъ правъ*, т. е. такихъ правъ, которыя вытекаютъ изъ упражненія ими госуд-венной державной власти. То или иное юридическое отношеніе между госуд-вами получаетъ характеръ м.-правового въ зависимости отъ того, поскольку этимъ отношеніемъ обязывается или управомочивается госуд-во въ своей державной госуд-венной власти—imperium. Государство можетъ проявить себя

не только въ качествѣ полит. союза, осуществляющаго верховныя права и, слѣд., носителя власти повелѣвающей (imperium), но и въ качествѣ субъекта имущественныхъ вещныхъ правомочій—*фиска*. Не представляя собою обособленной отъ госуд-ва личности, фискъ представляетъ собою тоже госуд-во, но облегченное особыми правомочіями, качественно отличающимися отъ права власти, суверенитета. Въ роли фиска госуд-во выступаетъ тогда, когда оно подчиняетъ себя нормамъ частнаго права и, отрекаясь отъ imperium, вступаетъ въ цивильный оборотъ, хотя бы при этомъ оно дѣйствовало въ рамкахъ публичнаго права, такъ какъ извѣстныя имущественно-правовыя полномочія его могутъ носить безусловно публичный характеръ. (Напр. относительно общественныхъ дорогъ и др. вещей, изъятыхъ изъ гражданскаго оборота и не могущихъ быть объектомъ правъ для частныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не составляющихъ и частной собственности государства, такъ какъ послѣднее владѣетъ ими не по правиламъ гражд. права, а на основаніи права публичнаго). Поэтому всякое отношеніе между государствомъ-фискомъ и госуд-ствомъ-носителемъ imperii является уже отношеніемъ не равноправныхъ несоподчиненныхъ субъектовъ; а потому нормами поведенія сторонъ въ этомъ случаѣ являются уже нормы иного порядка, чѣмъ м.-правовыя, а именно—нормы и постановленія внутренняго права. Поэтому, если госуд-во пріобрѣтаетъ право собственности надъ какимъ либо участкомъ земли, лежащимъ въ чужой территоріи, то этимъ оно не расширяетъ своего территоріальнаго верховенства,—территоіальный imperium остается у территоріальнаго суверена,—а государство-пріобрѣтатель въ качествѣ фиска увеличиваетъ лишь количество своихъ имуществъ; оно выступаетъ здѣсь не въ качествѣ полит. организма, упражняющаго imperium, а въ видѣ участника въ обще-гражданскомъ оборотѣ и самая цѣль такой сдѣлки есть именно пріобрѣтеніе вещно-имущественныхъ правъ, а не расширеніе территоріальнаго верховенства. Поэтому такое пріобрѣтеніе совершается согласно нормамъ частнаго пава, господствующимъ въ госуд-вѣ rei sitae относительно купли-продажи, даренія, наслѣдства и т. п. Слѣдовательно и во всемъ томъ, что касается его вещныхъ правомочій государство-пріобрѣтатель (или владѣлецъ) должно подчиняться юрисдикціи и законамъ rei sitae. Поэтому противъ государства собственника можетъ быть вчиненъ въ мѣстныхъ судахъ искъ и въ такомъ случаѣ споръ подлежитъ обсужденію и разрѣшенію на основаніи мѣстныхъ законовъ, а не нормъ м. права. (Примѣръ: рѣш. Гр. Касс. Деп. по дѣлу Агаркова 1893 г. № 47 о подсудности иностраннаго фиска, какъ отвѣтчика по земельно-имущественнымъ отношеніямъ, мѣстнымъ судамъ rei sitae). То-же самое и въ случаѣ пріобрѣтенія иностраннымъ госуд-вомъ не права собственности, а какого либо другого вещнаго права,—владѣнія, залогового права и т. п. Что касается *юридическихъ сдѣлокъ*, совершаемыхъ иностраннымъ госуд-вомъ въ качествѣ фиска съ частными лицами, напр. сдѣланнаго имъ заказа, подряда на поставку извѣстныхъ предметовъ и т. п. и недоразумѣній между контрагентами изъ за неисполненія контракта (неисправнаго платежа иностраннымъ правительствомъ, неисполненія условій подряда и принятыхъ обязательствъ частными лицами), то въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранное государство-фискъ является истцемъ, такіе иски признаются безусловно подсудными мѣстному суду отвѣтчиковъ, причемъ этимъ судомъ примѣняется обычная въ подобныхъ случаяхъ норма lex loci contractus, lex personalis debitoris и т. п. (Примѣръ: искъ русскаго правительства къ Гельфельду по дѣлу Ангальтъ 1910 г.). Если же отвѣтчикомъ является иностранное госуд-во, то хотя въ этомъ случаѣ практика (отчасти и теорія) и признаютъ неподсудность такихъ исковъ обыкновеннымъ судамъ, признавая послѣдніе принципіально некомпетентными для разсмотрѣнія такихъ исковъ (за исключеніемъ исковъ, относящихся къ вещнымъ правоотношеніямъ), но не потому, чтобы одно госуд-во не могло въ силу своего суверенитета подчиняться юрисдикціи другого (—привлекая фискъ въ качествѣ отвѣтчика мѣстный судъ нисколько не посягаетъ на суверенитетъ госуд-ва, ибо функціи фиска по существу совершенно отличны отъ функціи госуд-ва, какъ политическаго организма—), но неподсудность эта имѣетъ, по господствующему въ литературѣ мнѣнію (напр. Листа), практическое основаніе,—фактическую невозможность исполнить рѣшеніе суда, присуждающее иностранное правительство къ уплатѣ убытковъ, возмѣщенію вреда и т. п. (Примѣръ: Кассація германскимъ Kompetenz-Gericht постановленія герм. суда по встрѣчному иску Гельфельда къ русскому правительству 1910 г. См. впрочемъ правила, рекомендуемыя Институтомъ м. права (Гамбургск. сессія 1891 г.); текстъ см. ниже). Такого рода претензіи на практикѣ удовлетворяются обыкновенно путемъ дипломатическимъ или же путемъ третейскаго суда. Но во всякомъ случаѣ подобнаго рода споры подлежатъ разрѣшенію на основаніи внутренняго права, которымъ опредѣлялось и управлялось самое отношеніе, подавшее къ нему поводъ, а не на основаніи права международнаго.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ также,что нарушеніе обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ, какъ фискомъ, не составляетъ само по себѣ

м. правового деликта; оно можетъ дать госуд-ву, подданные котораго являются потерпѣвшими отъ этого, основаніе вступиться за нихъ лишь въ силу принадлежащаго ему права ихъ защиты.

Государственная территорія. Государственная территорія и населеніе—необходимыя условія существованія госуд-ва, какъ субъекта м. права, и вопросъ о государственной территоріи имѣетъ огромное значеніе въ сферѣ м. отношеній. Важность этого вопроса обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что госуд. территорія имѣетъ большое вліяніе на направленіе политики даннаго государства. Такъ, если государство не достигло своихъ т. наз. естественныхъ границъ, то оно обыкновенно стремится къ ихъ достиженію: стратегія всегда утверждала что безопасность государства можетъ быть наилучше ограждена лишь въ томъ случаѣ, когда государство опирается на свои естественныя границы, каковыми признаются горныя цѣпи, моря, рѣки, степи. (Стремленіе Московскаго государства къ морю для безпрепятственныхъ сношеній съ Зап. Европой). Съ другой стороны предѣлами госуд-венной территоріи *опредѣляются пространственно предѣлы верховной государственной власти—территоріальной государственной власти—въ м. сферѣ.*

Подъ государственной территоріей разумѣется пространство земли, воды и воздуха, подчиненное исключительно верховной власти одного даннаго государства—его территоріальной власти. Это пространство, т. е. предѣлы госуд. территоріи и (пространственные) предѣлы государственнаго территоріальнаго властвованія опредѣляются границами государства.

Границы госуд-венной территоріи, обозначая пространственно предѣлы господства территоріальной власти и дѣйствія законовъ данной страны, указываютъ, гдѣ начинается власть одного госуд-ва и кончается—другого. Слѣдовательно уже съ точки зрѣнія внутренняго управленія желательно такое разграниченіе между госуд-вами, которое не возбуждало бы сомнѣній. Еще болѣе необходимымъ представляется оно для мирныхъ и правильныхъ сношеній между народами ибо пограничныя столкновенія, вызываемыя неопредѣленностью границъ, не только порождаютъ недоразумѣнія между госуд-вами, но и служатъ тормазомъ, препятствующимъ развитію м. пограничныхъ оборотовъ.

По своему характеру границы бываютъ: естественныя (или физическія) и договорныя (условныя, искусственныя).

А) Подъ *естественными* границами надлежитъ разумѣть такія, которыя опредѣляются топографическимъ очертаніемъ страны (горы, моря, рѣки степи, озера). Въ положительномъ м. правѣ господствуютъ слѣдующія начала, примѣняемыя къ естественнымъ границамъ: 1) относительно *морскихъ границъ* принято, какъ общее правило, что прибрежныя госуд-ва простираютъ свою власть надъ моремъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла съ берега. Это начало формулируется афоризмомъ, который еще въ XVIII в. высказанъ Бинкерсгукомъ: „terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis“ или „quousque mari a terra imperari potest“. Но такъ какъ пушечный выстрѣлъ въ виду постоянныхъ усовершенствованій въ артиллеріи является мѣрой весьма неопредѣленной, то государства въ силу соглашеній между собою устанавливаютъ обыкновенно морскую границу (береговую линію) въ 3—5 морскихъ англ. миль отъ берега (3 мили=5556 метровъ), считая отъ самаго низкаго уровня воды при отливѣ, хотя современныя орудія бьютъ съ прицѣломъ на разстояніи до 7 морскихъ миль (до 12 километр.). Впрочемъ государства иногда различно опредѣляютъ свою морскую границу въ зависимости отъ цѣлей, напр. санитарной и таможенной полиціи, исключительнаго права морскихъ промысловъ своихъ подданныхъ, юрисдикціи, военной обороны. Но предѣльною линіею остается разстояніе выстрѣловъ съ береговыхъ батарей. 2) Если границею двухъ госуд-въ служитъ *рѣка*, то за пограничную линію между ними принимается *средина тальвега, т. е. судоходнаго фарватера* рѣки съ цѣлью возможности пользованія рѣкою для обоихъ пограничныхъ государствъ. Если рѣка измѣняетъ русло, то границею считается обыкновенно средина стараго русла. Фарватеромъ опредѣляется и принадлежность прибрежнымъ госуд-вамъ *рѣчныхъ острововъ*. 3) Если госуд-ва отдѣляются другъ отъ друга *горами*, то границею считается хребтовая линія или линія водораздѣла. 4) Наконецъ, *степи* стѣсняютъ сообщенія между госуд-вами и въ этомъ отношеніи могутъ и въ наше время считаться естественными границами.

Въ пользу естественныхъ границъ говорятъ, что, достигнувъ ихъ, государства теряютъ побужденія къ дальнѣйшему расширенію. Но „естественная“ граница—понятіе субъективное и теорія естественныхъ границъ всегда служила удобнымъ **орудіемъ для завоевателей и захватовъ.** (Польша считала своей естественной границей Днѣпръ и зап. Двину; Франція—Рейнъ; необходимость „округленія“ границъ—постоянный мотивъ въ войнахъ XVII—XVIII в.). Ни рѣки, ни даже горныя цѣпи не всегда раціональныя границы; ихъ значеніе только стратегическое. Державы въ 1878 г. балканскимъ хребтомъ отдѣлили Болгарію отъ Восточной Румеліи,—дѣленіе не имѣвшее никакого политическаго смысла; съ другой стороны, Румынія и Добруджа хотя и раздѣлены Дунаемъ, но составляютъ одно національное цѣлое. Рѣки въ особенности никогда не служили естественными преградами, раздѣлявшими народы. Напротивъ, разселеніе на-

родовъ по бассейнамъ большихъ рѣкъ прямо показываетъ, что онѣ уже изстари были средствомъ сближенія между людьми; еще болѣе рельефно выступаетъ такой ихъ характеръ въ томъ фактѣ, что относительно пограничныхъ рѣкъ пограничныя государства издавна вступаютъ въ соглашенія касательно свободы судоходства по нимъ обоюдныхъ подданныхъ, а въ новѣйшее время судоходныя рѣки, протекающія въ предѣлахъ нѣсколькихъ государствъ, признаются международными, т. е. открытыми для судоходства всѣхъ народовъ.—Впрочемъ, отсутствіе естественныхъ границъ, на которыя твердо бы опирался территоріальный составъ государства, въ исторіи неоднократно проявлялось весьма невыгодными политическими послѣдствіями (отсутствіе естественныхъ границъ у Польши со стороны Германіи и Россіи; тоже у Россіи въ средней Азіи).

B) *Искуственныя*, договорныя границы, опредѣляются *путемъ соглашенія* госуд-въ въ демаркаціонныхъ актахъ. Внѣшними знаками такихъ границъ служатъ столбы, рвы, плавучія бочки и т. д. Точное опредѣленіе границы и, въ особенности, поддержаніе знаковъ, по которымъ она можетъ быть распознаваема, имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ изъ-за нея возможны споры и столкновенія между населеніемъ и пограничными властями сосѣднихъ государствъ.

Государственныя границы являются результатомъ либо полюбовнаго соглашенія государствъ, либо войны, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ воля и стратегическія соображенія побѣдителя; на практикѣ въ основаніе разграниченія и проведенія пограничной черты кладется обыкновенно теорія естественныхъ границъ (особенно—горы, рѣки и живыя урочища); въ прежнія времена политика разграниченій опиралась еще на соображенія „округленности“ границъ, на „историческія“ и „національныя“ границы; своей исторической границей Франція считала Рейнъ, Польша—Днѣпръ и зап. Двину; національныя границы столь же неопредѣленный терминъ, какъ и „нація“.

Въ виду искусственности существующей нынѣ системы госуд-венныхъ границъ были попытки теоретически установить раціональные принципы разграниченія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе теорія *Штеркегга*, чтобы при разграниченіи госуд-въ соблюдались т. наз. имъ *соціальныя границы*, опредѣляемыя экономическими условіями разграничиваемыхъ мѣстностей и духовными особенностями ихъ населенія: „Нельзя отдѣлять отъ территоріи госуд-ва какую-нибудь часть, составляющую съ нею одну хозяйственную единицу, ибо каждая область должна представлять извѣстное экономическое цѣлое съ точки зрѣнія производства и потребленія; соотвѣтственно этому должны быть установлены границы между госуд-вами. Взаимное тяготѣніе областей и ихъ населенія, обусловливаемое главнымъ образомъ экономическими и матеріальными интересами, постоянно проявляется въ исторіи.“ Подобныя теоріи исходятъ изъ сознанія необходимости разумныхъ началъ въ политикѣ государства, а не случайностей, какія неизбѣжны даже при соблюденіи принципа такъ называемыхъ естественныхъ границъ.—Въ теоріи соціальныхъ границъ правильна и справедлива лежащая въ ней основная мысль, но ее портитъ односторонность экономическаго матеріальнаго основанія. Въ вопросѣ о разграниченіи госуд-въ и народовъ должны имѣть не меньшую цѣну и культурныя, историческія и политическія условія, являющіяся факторами въ процессѣ объединенія разрозненныхъ національностей или же въ ихъ смѣшанной группировкѣ въ отдѣльныхъ политическихъ организмахъ (Швейцарія).

Составъ госуд-венной территоріи. Къ госуд-венной *земельной* территоріи принадлежитъ прежде всего часть земной, сухопутной и водной поверхности, заключенная въ границахъ госуд-ва, и всѣ вообще владѣнія госуд-ва, кот. состоятъ подъ его державнымъ террит. верховенствомъ, хотя бы они были окружены другими государствами (enclaves), а слѣдовательно и колоніи, и подохранныя колоніальныя владѣнія. Къ ней принадлежатъ также: пространство земли подъ земною поверхностью, заключенною въ государственныя границы (слѣд. подземныя сооруженія—рудники, тоннели и т. п. подчинены территоріальной власти) и воздушное пространство надъ сухопутной и водяной территоріей госуд-ва. Къ ней *приравниваются* государственныя и отчасти коммерческія суда.

Къ государственной территоріи не *принадлежатъ владѣнія* государства, въ которыхъ оно имѣетъ не право территоріальнаго верховенства, а только право упражненія такой власти. Таковы территоріи, состоящія въ м.-правовомъ *арендномъ* пользованіи госуд-ва (см. стр. 95). Таковы далѣе, территоріи, входящія въ т. наз. *„сферу вліянія“* госуд-ва, т. е. такія части территоріи другого государства, въ предѣлахъ которыхъ государство обезпечиваетъ себѣ (путемъ договора) исключительное политическое или экономическое вліяніе и право хозяйственной эксплуатаціи. Таковы, наконецъ, территоріи, прилегающія къ колоніальнымъ владѣніямъ государствъ и лежащія за ними, углубляясь внутрь материка (т. наз. Hinterland, заднія земли). Таковы территоріи, входящія въ *„сферу интересовъ“* государства, владѣющаго колоніей.

Съ цѣлью мирнаго раздѣла Африканскаго материка, державами, имѣющими тамъ колоніальныя владѣнія, заключены многочисленные договоры, въ силу которыхъ они подѣлили весь внутренній африканскій материкъ на части, предоставивъ себѣ каждая исключительное *право на завладѣніе* соотвѣтственною частью въ будущемъ, а до фактическаго осуществленія этого завладѣнія—не допускать завладѣнія ими со стороны

постороннихъ госуд-въ, равно какъ и упражненія въ нихъ посторонними государствами какихъ бы то ни было функцій территоріальной власти. Это разграниченіе уполномачиваетъ и обязываетъ непосредственно лишь контрагентовъ такихъ договоровъ, но отграниченіе „сферы интересовъ“ является въ дѣйствительности ступенью на пути къ образованію госуд-венной территоріи путемъ присоединенія входящихъ въ эту сферу земель къ территоріи колоніальной или подохранной

Къ государственной территоріи принадлежатъ и *водныя пространства,* подчиненныя территоріальному верховенству государства. Таковы *собственныя (національныя)* воды госуд-ва, т. е. *рѣки,* истоки, теченіе и устья которыхъ находятся въ предѣлахъ одного госуд-ва, *каналы,* искусственные водные пути, при тѣхъ же условіяхъ, *внутреннія моря и озера,* со всѣхъ сторонъ окруженныя территоріею одного госуд-ва и не находящіяся въ судоходномъ соединеніи съ открытымъ моремъ. Въ силу территоріальнаго верховенства госуд-во вправѣ воспретить иностранцамъ или разрѣшить имъ только подъ извѣстными условіями какъ судоходство въ своихъ внутреннихъ водахъ, такъ и хозяйственную ихъ эксплуатацію (рыболовство) и пользуется правомъ юрисдикціи надъ иностранными торговыми судами въ нихъ. *Рѣки,* которыя, не будучи судоходны до самаго моря, протекаютъ черезъ нѣсколько государствъ, и каналы при такихъ же условіяхъ, находятся въ раздѣльномъ господствѣ ихъ. Рѣки, которыя протекаютъ черезъ нѣсколько государствъ и съ моря доступны для судоходства, признаются международными и изъяты изъ подъ территоріальнаго верховенства прибрежныхъ государствъ. Внутренніе *каналы* подчиняются верховной власти прибрежнаго государства даже въ случаѣ, если они соединяютъ два открытыхъ моря (напр. Кильскій германскій каналъ, соединяющій Сѣверное море съ Балтійскимъ). *Озера,* омывающія берега нѣсколькихъ государствъ, находятся въ ихъ раздѣльномъ господствѣ; Поэтому та часть Боденскаго озера, которая принадлежитъ Швейцаріи, признается нейтрализованною. Къ озерамъ приравнивается и юридическое положеніе внутреннихъ морей. *Закрытыми или внутренними морями* считаются тѣ, которыя сполна окружены территоріей одного государства, не имѣютъ сообщенія съ открытымъ моремъ, но по своему составу представляютъ собою моря, а не озера или же соединяются съ открытымъ моремъ проливомъ менѣе 6 миль. Таковы Мертвое море въ Азіи, принадлежащее Турціи, Аральское и Азовское море, принадлежащее Россіи, и Каспійское море. Хотя послѣднее омываетъ и русскія и персидскія владѣнія, но пользованіе этимъ моремъ

принадлежитъ обоюднымъ подданнымъ только для торговаго судоходства. Что же касается военнаго, то по Гюлистанскому договору 1813 г. и Туркеменчайскому 1828 г. постановлено, что „какъ издревле одни военныя суда подъ россійск. военнымъ флагомъ могли имѣть плаваніе въ этомъ морѣ, то по сей причинѣ предоставляется и подтверждается имъ и нынѣ прежнее сіе исключительное право, съ тѣмъ, что кромѣ Россіи никакая другая держава не можетъ имѣть на Каспійскомъ морѣ судовъ военныхъ“.

Въ составъ водной территоріи госуд-ва входятъ и т. наз. *территоріальныя воды* или *территоріальное море.* Территоріальнымъ моремъ называются заливы, рейды, бухты и вообще морскія воды, окруженныя территоріей какого либо госуд-ва и расположенныя внутри его береговой линіи[1]). (См. рѣшеніе Угол. Касс. Деп. Сен. по дѣлу объ убійствѣ въ Керченской гавани на греч. суднѣ матросомъ Сваэлосомъ другого греч. матроса, 72 г. 1329). Ихъ внутренняя часть, надъ которой возможно полное господство съ береговъ (примѣнительно къ 3-хъ мильной нормѣ) составляетъ какъ-бы внутреннія воды и потому находится подъ неограниченнымъ территоріальнымъ верховенствомъ прибрежнаго госуд-ва[2]). Но необходимо, чтобы заливы, бухты, рейды были дѣйствительно окружены владѣніями одной державы. Поэтому, если даже входъ въ заливъ находится подъ властью одного государства (т. е. оба берега его принадлежатъ одному государству и онъ не шире двухъ пушечныхъ выстрѣловъ или 6 миль), а надъ остальнымъ побережьемъ господствуетъ другая держава, то господствующее надъ входомъ государство не имѣетъ права господства надъ всѣмъ заливомъ. На этомъ основаніи къ территоріальнымъ морямъ можно причислять: Рижскій заливъ (Россія), Зюдерзе (Голландія), море между Англіей и островомъ Уайтомъ. Во время вла-

---

1) У насъ отличаютъ отъ территоріальнаго моря береговое мере, т. е. часть открытаго моря, омывающую берега даннаго государства на протяженіи отъ берега до морской границы. Англійскій юридическій языкъ имѣетъ для того и другого одинъ терминъ—территоріальныхъ водъ, а французскій называетъ территоріальнымъ береговое море. (См. Юрид. Словарь Волкова, ст. Шалланда „Береговое или территоріальное море“ и „Береговое судоходство“; ср. ст. Овчинникова „Территоріальное море“ въ Морск. Сборникѣ 1899 № 1).

2) Граница этой внутренней части заливовъ и бухтъ обыкновенно опредѣляется такимъ образомъ, что проводится мысленно прямая линія отъ одного берега до другого на такой ширинѣ залива, чтобы середина этой линіи находилась еще подъ выстрѣлами съ баттарей, поставленныхъ на обоихъ берегахъ. Отъ этой линіи въ сторону материка булетъ закрытая бухта; за этой линіей, въ сторону открытаго моря будутъ береговыя воды (береговое море), которыя переходятъ затѣмъ въ открытое море.—Возможны и иныя опредѣленія; Англія (и С. Штаты) заявляютъ притязаніе на полное господство надъ заливами, бухтами и вообще всѣмъ водянымъ пространствомъ, расположеннымъ между наиболѣе выступающими въ море мысами (т. наз. королевскія камеры, kings chambers).

дычества Швеціи надъ Финляндіей Ботническій заливъ былъ территоріальнымъ моремъ этой державы. Проф. Мартенсъ причисляетъ къ территоріальнымъ морямъ и Финскій заливъ, хотя нѣкоторые писатели не безъ основанія не признаютъ его территоріальнымъ въ виду, главнымъ образомъ, его размѣровъ.

Наконецъ, къ госуд. территоріи въ смыслѣ полнаго подчиненія исключительно только національной территоріальной власти приравниваются въ м. правѣ національныя военныя и вообще *государственныя суда*, которыя даже въ иностранныхъ водахъ не подлежатъ юрисдикціи иностраннаго госуд-ва, а также и *торговыя суда въ открытомъ морѣ*. Они признаются отторгнутыми плавающими частями территоріи отечественнаго государства. Поэтому юридическія сдѣлки и преступныя дѣянія, совершенныя на кораблѣ *въ открытомъ морѣ* подчиняются исключительно законамъ госуд-ва, которому принадлежитъ судно; ребенокъ, родившійся на суднѣ, считается родившимся на территоріи госуд-ва, которому судно принадлежитъ; если преступникъ спасется на судно, то относительно выдачи его примѣняются тѣ же правила, какъ еслибы онъ находился въ территоріи госуд-ва; невольникъ, попавшій на судно европейскаго госуд-ва, признается свободнымъ и т д. Государственными судами признаются военные корабли и всѣ вообще суда, состоящія на постоянной и исключительной службѣ государства (напр. таможенныя, санитарныя). Къ нимъ приравниваются иногда почтовые пакетъ-боты (въ силу особыхъ соглашеній), а также коммерческія суда, на которыхъ находится глава или посланникъ иностраннаго госуд-ва, если эти суда предоставлены въ ихъ исключительное распоряженіе. Къ военнымъ судамъ приравниваются и суда добровольнаго флота, т. е. частныя суда, зачисленныя во время войны въ военный флотъ госуд-ва. *Національность* коммерческаго судна опредѣляется законами госуд-ва, которому принадлежитъ судно, причемъ законодательства придаютъ обыкновенно главное значеніе національному составу экипажа. По законамъ Франціи требуется, чтобы судно на половину принадлежало подданнымъ и чтобы три четверти экипажа судна были подданные; въ Германіи, чтобы судовладѣльцы были германск. подданные; по нашимъ законамъ—чтобы судохозяинъ, капитанъ и три четверти экипажа были русскіе. (Выс. утв. мнѣніе Гос. Сов. 6 VI 904). Внѣшнимъ образомъ національность судна выражается національнымъ флагомъ,—военнымъ или торговымъ—я подтверждается корабельными бумагами, въ которыхъ значится національность и размѣръ судна, составъ его экипажа, время и мѣсто его отправленія и назначенія, характеръ груза. Пользованіе чужимъ національнымъ флагомъ допускается только съ особаго разрѣшенія чужаго государства (у насъ—съ разрѣшенія Императора).

Береговое море. Подъ береговымъ моремъ или береговыми водами разумѣется та часть открытаго моря, которая омываетъ владѣнія прибрежнаго государства и надъ которою оно можетъ господствовать съ берега. Понятно само собой, что насколько свобода открытаго моря составляетъ *общій* интересъ всѣхъ государствъ, настолько же *отдѣльныя* государства заинтересованы въ возможно большемъ пространственномъ расширеніи границъ „своего“ береговаго моря,—1) ради интересовъ государственной безопасности, 2) ради требованій необходимаго таможеннаго, полицейскаго и санитарнаго надзора надъ судами, пребывающими въ береговыхъ водахъ 3) наконецъ, въ интересахъ подданныхъ жителей морского берега,—господство прибрежнаго госуд-ва надъ береговыми водами даетъ ему возможность претендовать на исключительное хозяйственное пользованіе ими. По общему правилу, признанному и договоромъ 1882 г. государствъ прибрежныхъ къ Нѣмецкому морю о полицейской регламентаціи рыболовства въ этомъ морѣ, рыболовство въ предѣлахъ береговаго моря признается исключительною привиллегіею подданныхъ прибрежнаго государства. Поэтому и до настоящаго времени нѣкоторыя государства стараются подвести подъ понятіе береговыхъ водъ такія пространства, которыя въ дѣйствительности переходятъ уже въ открытое море, и тѣмъ стѣсняютъ его свободу. Предѣлы береговыхъ водъ опредѣляются морскою границею государства, т. е.— по господствующему правилу—3 англійскими милями (¼ геогр. мили). Такъ наши „Правила о морскихъ призахъ и репризахъ“ 1869 г. подводятъ подъ это понятіе „воды, находящіяся подъ пушечными выстрѣлами береговыхъ баттарей *или* отстоящія отъ берега на разстояніи трехъ морскихъ миль“ (то же въ Св. Зак. VI Уст. Тамож. ст. 283); но въ Положеніи о морскихъ призахъ 1895 г. это опредѣленіе не попало и вопросъ остается открытымъ. Но эта граница можетъ быть измѣняема государствомъ (въ силу его внутренняго законодательства) примѣнительно къ потребностямъ и характеру упражняемыхъ имъ въ береговыхъ водахъ верховныхъ правъ (напр. оно можетъ отодвинуть ихъ далѣе для таможенной и санитарной полиціи, чѣмъ для юрисдикціи) лишь бы оно не преступало предѣльной линіи границы, опредѣляемой дѣйствительнымъ разстояніемъ выстрѣловъ съ береговыхъ баттарей (12 миль или 22 километра, Англія). Въ силу договоровъ Россіи съ Англіею 1893 г. и С. Штатами 1894 г.

ловля котиковъ воспрещается англичанамъ и американцамъ на пространствѣ 30 миль вокругъ Командорскихъ и Тюленьихъ острововъ.

Власть прибрежнаго государства надъ береговымъ моремъ не должна быть понимаема въ смыслѣ исключенія этихъ водъ изъ числа естественныхъ артерій м. оборотовъ. Поэтому, несмотря на господство прибрежнаго госуд-ва надъ береговыми водами, его территоріальное верховенство надъ ними не безусловно. Такъ, оно не вправѣ запрещать или отягощать требованіемъ проѣздной пошлины безостановочный проходъ черезъ свои береговыя воды иностранныхъ госуд-венныхъ или коммерческихъ судовъ и даже коммерческія суда не всегда и не безусловно подчиняются его юрисдикціи. Только англійское законодательство (1878 г.) ставитъ безусловнымъ принципомъ, что всѣ коммерческія суда, *находящіяся въ предѣлахъ* территоріальныхъ водъ Англіи (3 мили отъ берега) подчиняются суду и законамъ Англіи. Что же касается другихъ государствъ, то они признаютъ, что если какое либо купеческое судно *только проходитъ* черезъ ихъ береговое море, то не становится еще черезъ это подсуднымъ прибрежнымъ властямъ; для такой подсудности необходимо, чтобы судно продлило здѣсь свое пребываніе, бросило якорь или приступило къ разгрузкѣ товаровъ, или совершило запрещенное дѣяніе (рыболовство и т. п.).

Въ частности территоріальная власть прибрежнаго государства распространяется на *иностранцевъ*, пребывающихъ въ его терриоріальныхъ или береговыхъ водахъ въ той же мѣрѣ, какъ на пребывающихъ въ предѣлахъ его сухопутной территоріи, и ему подсудны правонарушенія и юрид. сдѣлки, совершенныя въ предѣлахъ его территоріальныхъ водъ, если они совершены не на иностранномъ суднѣ или когда иностранцы находятся *не на отечественномъ суднѣ*. Что же касается иностранныхъ *кораблей*, то прибрежное государство имѣетъ въ своихъ береговыхъ и территоріальныхъ водахъ: 1) *безусловное* право морской администраціи и полиціи—полиціи безопасности, судоходства, таможенной и санитарной—т. е. право устанавливать правила допущенія иностранныхъ судовъ въ свои порты, право требовать соблюденія иностранными кораблями и ихъ экипажемъ своихъ административныхъ и полицейскихъ, таможенныхъ, санитарныхъ и др. мѣръ и распоряженій и налагать на нихъ наказанія за ихъ нарушеніе; поэтому его судебной власти подсудны и происшедшія въ предѣлахъ его берегов. водъ несчастія на морѣ (напр. отъ столкновенія судовъ, хотя бы оба были иностранной національности),—т. е. его судебныя власти производятъ слѣдствіе и устанавливаютъ на

основаніи мѣстнаго права виновность шкиперовъ и гражданскія и уголовныя послѣдствія ея (такъ по англійскому закону 1878 г., германскому 1877 г. и у насъ); и 2) оно имѣетъ *ограниченную* судебно-уголовную власть относительно иностранныхъ кораблей и ихъ экипажа, какъ проходящихъ его береговыми водами, такъ и стоящихъ на якорѣ; по общему правилу эта власть его распространяется на нихъ по отношенію къ уголовнымъ деликтамъ, совершеннымъ на суднѣ, если преступленію причастны лица, не принадлежащія къ экипажу, или если вслѣдствіе совершеннаго преступленія нарушены спокойствіе и безопасность въ портѣ или же нарушены или подвержены опасности интересы кого-либо изъ мѣстныхъ подданныхъ, не находящихся на иностранномъ суднѣ (Рѣш. Уг. Касс. Деп. по дѣлу Сваэлоса 72 г. № 1329) или если капитанъ или потерпѣвшій обратится къ защитѣ мѣстной власти. Англійское законодательство признаетъ подсудными англ. судамъ всѣ деликты, за исключеніемъ дисциплинарныхъ проступковъ экипажа иностр. судовъ.

На основаніи консульскихъ конвенцій и трактатовъ о торговлѣ и мореплаваніи обыкновенно охраненіе внутренняго порядка и дисциплинарная власть надъ экипажемъ купеческаго судна предоставляется капитанамъ и шкиперамъ и ихъ національнымъ консуламъ относительно проступковъ, совершенныхъ на самомъ суднѣ. Консуламъ предоставляется и разрѣшенія тяжбъ между шкиперами, офицерами и другими лицами экипажа судна по поводу условій найма, договорной платы и т. п. (но не между пассажирами). Проф. Мартенсъ справедливо замѣчаетъ однако, что такія постановленія должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, если стороной въ спорѣ является мѣстный подданный или лицо, не внесенное въ судовую роль (списокъ экипажа), то компетентны власти прибрежнаго государства. Такія дѣйствія, которыми нарушается безопасность и порядокъ порта, или въ которыхъ замѣшаны мѣстные подданные, всегда могутъ быть преслѣдуемы со стороны мѣстныхъ властей. (Впрочемъ при исполненіи своихъсудебныхъ или административныхъ обязанностей относительно иностраннаго судна, мѣстныя власти обязаны по общепринятому обычаю увѣдомить объ этомъ консула того государства, флагъ котораго носитъ судно). Исключеніе изъ подсудности мѣстной территоріальной власти составляютъ *военные корабли*. На основаніи обычая, коренящагося какъ въ уваженіи къ независимости ихъ госуд-въ, такъ и въ соображеніи, что военная дисциплина даетъ достаточныя гарантіи уваженія ими мѣстныхъ законовъ и соблюденія ими порядка, они освобождаются отъ мѣстной полицейской и су-

дебной власти[1]). Всѣ преступленія и проступки, совершенные на иностр. военн. суднѣ подвѣдомственны судамъ державы, подъ флагомъ которой плаваетъ корабль, хотя бы виновный и не входилъ въ составъ экипажа и даже былъ бы мѣстнымъ подданнымъ. Такое же исключеніе дѣлается для кораблей монарховъ и пословъ и, на основаніи спеціальныхъ трактатовъ, для почтовыхъ пароходовъ (пакетъ-боты) и для судовъ, исполняющихъ правительственныя порученія (напр. транспортъ ссыльныхъ на корабляхъ нашего добровольнаго флота). Для военныхъ кораблей существуетъ правило, что они могутъ входить въ иностранный портъ только съ разрѣшенія мѣстн. правительства. Въ наши порты допускается не болѣе 3-хъ военныхъ кораблей одного государства. Для входа военнаго корабля въ коммерческій портъ особаго разрѣшенія не требуется: командиръ лишь сообщаетъ мѣстному начальству о предположенномъ срокѣ пребыванія въ портѣ и о числѣ команды. Входъ и пребываніе въ береговой полосѣ можетъ быть вполнѣ запрещенъ военнымъ судамъ воюющихъ государствъ. Въ предѣлахъ береговаго моря нейтральнаго государства воспрещаются, какъ и въ предѣлахъ его сухопутной территоріи, всякія военныя операціи воюющихъ державъ. Нейтральное госуд-во можетъ установить особыя условія, гарантирующія нейтралитетъ и безопасность его территоріальныхъ водъ для мирнаго оборота. Для предупрежденія возможности столкновеній между экипажемъ корабля и мѣстными жителями принято за правило чтобы лица команды отпускались на берегъ безъ оружія, или чтобы за исключеніемъ офицеровъ никто на берегъ не отпускался. Относительно преступленій, совершенныхъ лицами экипажа внѣ военнаго корабля или на берегу, принято различать, *находится ли лицо на берегу по служебной надобности*,—тогда дѣйствуютъ тѣ правила, которыя основываются на принципѣ экстерриторіальности (въ силу дипломатическихъ соглашеній); *если же лицо отправилось на берегъ по своимъ частнымъ дѣламъ*, то оно подвергается отвѣтственности передъ мѣстнымъ судомъ. Это признаніе за военными кораблями территоріальнаго характера простирается до такой степени, что за ними признается право убѣжища для преступниковъ, въ особенности политическихъ (но и съ правомъ выдачи для командира).

Воздушное пространство. Съ успѣхами аэронавтики и безпроволочныхъ воздушныхъ телеграфныхъ сообщеній получаетъ практическое значеніе вопросъ о правахъ государства на территоріальное воздушное простран-

1) Уст. Тамож. изд. 1892 г. ст. 285 примѣч: военные иностранные корабли освобождаются отъ таможеннаго осмотра.

ство, т. е. на то пространство воздуха, которое находится надъ сухопутною и водною его территоріею. Принципіально, какъ и относительно открытаго моря, можетъ быть установлено правило, что воздушное пространство свободно, поскольку на него не можетъ простираться власть государства, т. е. въ частяхъ недосягаемыхъ для его сухопутныхъ или воздушныхъ вооруженныхъ силъ, и наоборотъ. И здѣсь, слѣдовательно, какъ и въ вопросѣ, напр., о пространствѣ берегового моря, многое будетъ зависѣть отъ успѣховъ аэронавтики и артиллеріи (относительно обстрѣла воздушныхъ пространствъ): поскольку государство можетъ господствовать надъ „своимъ" воздухомъ, постольку оно будетъ охранять свои территоріальные интересы и свою безопасность отъ нарушеній ихъ со стороны поднебесья.—Несомнѣнно м. правомъ въ вопросахъ м. аэронавтики будетъ признанъ воздушный суверенитетъ государствъ, ограниченный въ интересахъ м. воздушныхъ сообщеній и за государствами будутъ признаны права обороны, самозащиты отъ возможныхъ враждебныхъ воздушныхъ покушеній на ихъ безопасность и на охраняемые м. правомъ интересы (напр., мѣры предупрежденія шпіонства, вооруженнаго нападенія, нарушенія санитарной безопасности, таможенной полиціи и т. д.), такъ какъ успѣхи аэронавтики заставляютъ ожидать установленія въ недалекомъ будущемъ не только пассажирскихъ, но и товарныхъ воздушныхъ сообщеній. Придется опредѣлить зону воздушной безопасности отъ шпіонства и въ предупрежденіе нападенія. Въ настоящее время признается достаточнымъ установить разстояніе въ 1500 метровъ для огражденія отъ шпіонства, такъ какъ это максимальное разстояніе, на которомъ (при нынѣшнемъ состояніи фотографіи) возможно фотографированіе снимковъ, пригодныхъ для пользованія ими въ военныхъ цѣляхъ. Эта зона можетъ быть уменьшена для таможеннаго и санитарнаго надзора и т. д. Придется регулировать юридич. положеніе государственныхъ и частныхъ аэростатовъ, установить правила полиціи безопасности воздушныхъ сообщеній, правила спуска на землю (особенно—небольшаго, вынужденнаго), и т. д. и т. д. Во многихъ случаяхъ, конечно, возможно будетъ примѣнить аналогію съ положеніемъ кораблей въ береговыхъ и территоріальныхъ водахъ. Особая регламентація потребуется для воздушныхъ сообщеній во время войны чрезъ нейтральныя воздушныя пространства.—Что касается воздушныхъ безпроволочныхъ телеграфныхъ сообщеній, то здѣсь является вопросъ о правѣ государства препятствовать прохожденію воздушнотелеграфныхъ токовъ черезъ его воздушную территорію. Институтъ м. права въ Гентской сессіи 1906 г. выработалъ регламентъ, въ которомъ провозгласилъ, что „воздухъ свободенъ и государства имѣютъ на него права лишь необходимыя для ихъ безопасности". Онъ призналъ также, что принятыя правила телеграфныхъ сообщеній (въ частности ст. 2, 5, 7 и 8 Петербургской конвенціи 1895 г.) примѣнимы и къ сообщеніямъ безпроволочнымъ, и что всякое госуд-во въ мѣрѣ необходимой для своей безопасности можетъ воспрепятствовать прохожденію токовъ надъ своею территоріею, но должно довести объ этомъ до свѣдѣнія другихъ государствъ. Въ 1903 г. въ Берлинѣ собралась первая радіотелеграфическая конференція 7 государствъ, а на второй Берлинской конференціи 1906 г., участвовавшія на ней 26 государствъ (въ томъ числѣ Россія) подписали кон-

венцію о безпроволочныхъ сообщеніяхъ между сушей и моремъ и между судами въ морѣ, и учредили м. радіотелеграфическое бюро. Въ маѣ 1910 г. въ Парижѣ собралась м. конференція по вопросамъ воздухоплаванія.

Юридич. свойства государственной территоріи[1]). Государственная территорія представляетъ собою матеріальную, вещественную основу государства. Народъ, населеніе, является, съ другой стороны, личнымъ субстратомъ государства. Наконецъ верховная госуд. власть является волевымъ органомъ государства. Всѣ эти три основные элемента государства нераздѣлимы. Отсюда: госуд. территорія есть опредѣленная отграниченная извѣстными предѣлами часть земного шара (земли, воды и воздуха), исключительно подчиненная верховной госуд. власти даннаго госуд-ва во всѣхъ проявленіяхъ этой власти. Поэтому госуд. территорія можетъ быть подчинена только одной госуд. власти и никакая другая госуд. власть не въ правѣ функціонировать въ ея предѣлахъ (—это отрицат. значеніе территоріи), а съ другой стороны все, что находится въ предѣлахъ территоріи, подчинено мѣстной госуд. территоріальн. власти (это положительное значеніе госуд. территоріи) при чемъ подъ территоріальною властью (территоріальн. верховенствомъ) государства разумѣется не dominium, не вещное право государства на землю, а imperium, т. е. публично-правовое господство. Понятіе территоріальнаго суверенитета государства въ м. области является формулою отрицательной стороны госуд. господства надъ территоріею: въ силу этого суверенитета госуд-во въ правѣ отвергать не только всякое проявленіе иноземной госуд. власти на своей территоріи, поскольку такое проявленіе ея не является результатомъ взаимнаго соглашенія или самоограниченія. Но путемъ спеціальнаго договорнаго соглашенія возможно установленіе совмѣстнаго господства coimperium) нѣсколькихъ государствъ на одной территоріи (иногда въ формѣ совмѣстнаго колоніальнаго протектората). Извнѣ госуд. территоріальная власть можетъ быть ограничена лишь объективными нормами м. права или въ силу спеціальнаго постановленія м. союза государствъ.

Въ отличіе отъ частной собственности, госуд. территорія *недѣлима* и *не отчуждаема* по началамъ частнаго права. Этотъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости служитъ однимъ изъ характерныхъ свойствъ новаго взгляда на государство, смѣнившаго средневѣковой, отождествлявшій территоріальную госуд. власть и право собственности монарха на госуд территорію. Вмѣстѣ съ этимъ патримоніальнымъ (вотчиннымъ)

1) Ср. Шалландъ, Юридич. природа территоріальнаго верховенства.

взглядомъ на госуд. территорію отвергнуты и частноправовые способы пріобрѣтенія и отчужденія ея (по завѣщанію, даренію, наслѣдованію и т. д.). Такимъ образомъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости является однимъ изъ спутниковъ признанія національнаго единства государства, ибо территорія, подобно населенію, есть главная матеріальная основа государства. Тѣсная связь между госуд-вомъ и территоріей проявляется и въ томъ, что составъ территоріи—компактность, сплоченность или же раздробленность ея—нисколько не вліяетъ на самый принципъ единства территоріальной власти: всѣ территоріальныя владѣнія госуд-ва, гдѣ бы они не находились, разсматриваются какъ одно цѣлое, ибо подчинены одной общей имъ государственной власти. Принципъ недѣлимости и неотчуждаемости территоріи и государственнаго суверенитета впервые высказанъ категорически въ французскихъ конституціяхъ 1791 и 1793 гг. и перешелъ впослѣдствіи въ публичное право всѣхъ прочихъ западно-европейскихъ державъ (кромѣ Англіи). Формулировка этого принципа различна въ различныхъ конституціяхъ, но онъ сводится на практикѣ къ признанію, что отчужденіе госуд-вомъ части его территоріи (и даже всякое измѣненіе ея вообще) возможно лишь въ силу особаго закона или постановленія народнаго представительства, т.-е. черезъ посредство спеціально направленной на то воли госуд-ва, а не въ силу самовольнаго распоряженія главы госуд-ва.

Ограниченія территоріальной власти. Въ интересахъ *правильнаго международнаго общенія*, для осуществленія общихъ культурныхъ задачъ или особенныхъ цѣлей, территоріальное верховенство госуд-ва можетъ *подвергаться ограниченіямъ* въ пользу другихъ государствъ; такія ограниченія (въ силу особыхъ договоровъ) въ старой теоріи м. права именуются международными сервитутами (servitutes juris gentium). Названіе это возникло вслѣдствіе стремленія публицистовъ подводить нормы м. права подъ нормы гражданскаго права (хотя эти ограниченія верховной территоріальной власти государства нисколько не подходятъ подъ понятіе сервитутовъ частнаго права) и вслѣдствіе частноправового взгляда на государственную территорію, какъ на объектъ вещнаго права государства. Частноправовое понятіе сервитутовъ примѣнимо лишь къ госуд. доменамъ, госуд. имуществамъ, относительно которыхъ государство является частноправовымъ землевладѣльцемъ.

Ограниченія территоріальной власти имѣютъ двоякое основаніе: *одни вытекаютъ изъ физическаго сосуществованія и ближайшаго сосѣдства государствъ, другія устанавливаются трактатами ради*

особенныхъ цѣлей общенія. Тѣ и другія коренятся въ необходимости ограничить безусловную верховную территоріальную власть государства *для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ м. общеніемъ*. Иногда ограниченія устанавливаются и въ силу другихъ основаній, болѣе случайнаго характера,—стратегическихъ, политическихъ и т. п. соображеній. Но они вслѣдствіе этого обыкновенно оказываются непрочны, ибо подвергнутое имъ госуд-во всегда стремится къ устраненію такихъ ограниченій, не имѣющихъ опоры въ требованіяхъ м. общенія. Къ ограниченіямъ, обусловливаемымъ физическимъ сосуществованіемъ государствъ, можно отнести, напр., обязанность госуд-ва не измѣнять естественнаго теченія пограничной судоходной рѣки, не загромождать ея фарватеръ постройками, мѣшающими судоходству. Этого рода ограниченія, хотя и имѣющія свои основанія въ самомъ физическомъ сосуществованіи государствъ, не подразумѣваются однако, а должны быть обоснованы м. соглашеніями для своей обязательности.

Территоріальное верховенство госуд-ва (какъ и госуд-венная власть вообще) *можетъ быть ограничено:* 1) путемъ *самоограниченія* государства вслѣдствіе добровольно (или вынуждено), по соглашенію съ другимъ госуд-вомъ принятыхъ имъ въ этомъ отношеніи обязательствъ; 2) *общими международноправовыми нормами* въ интересахъ м. общенія (экстерриторіальность или внѣземельность, свобода судоходства по м. рѣкамъ); 3) путемъ *извнѣ наложенныхъ* на государство *обязательствъ* въ интересахъ м. союза (напр., нейтрализація) или въ интересахъ нѣкоторыхъ постороннихъ государствъ. Давность, даже незапамятная, не можетъ служить юрид. титуломъ для такихъ ограниченій, такъ какъ она вообще не имѣетъ признанія въ м. правѣ.

Ограниченія террит. власти могутъ быть: 1) *отрицательныя*, когда госуд-во отказывается отъ полнаго упражненія своей террит. власти, или 2) *положительныя*, когда госуд-во допускаетъ другое къ отправленію тѣхъ или другихъ функцій террит. власти на своей территоріи. Объектомъ ограниченій террит. власти служатъ тѣ или иныя *функціи ея* или вообще упражненіе территоріальной *власти*, отъ котораго госуд-во отказывается съ обязательствомъ воздерживаться отъ него или предоставить его другому государству. Такъ какъ *ограниченія верховной государственной власти* возможны въ примѣненіи ко всѣмъ проявленіямъ этой власти, то они могутъ быть болѣе или менѣе обширны, причемъ госуд. власть иногда ограничивается до такой степени, что ея существованіе въ предѣлахъ извѣстной территоріи становится чисто теоретическимъ.

Таковы встрѣчающіеся иногда въ м. практикѣ случаи отдачи однимъ государствомъ другому части своей территоріи для *„занятія и управленія“*, т. е. съ предоставленіемъ ему въ большемъ или меньшемъ объемѣ упражненія функцій территоріальной власти. Такъ, по конвенціи, заключенной Турціей и Англіей передъ самымъ съѣздомъ Берлинскаго конгресса (1878 г.), Турція уступила Англіи *Кипръ* въ полное ея административное управленіе, но за Турціей остался суверенитетъ по отношенію къ острову. *Боснія и Герцеговина* отданы были въ силу Берлинскаго трактата 1878 г. въ управленіе Австро-Венгріи; суверенитетъ султана выражался только въ томъ, что онъ признанъ въ постановленіяхъ Берлинскаго конгресса, фактическое же осуществленіе суверенитета принадлежало Австріи: въ силу договора съ Турціею 1879 г. Австрія ввела тамъ свою администрацію, вѣдала экономическое и финансовое управленіе, а закономъ 1881 г. тамъ введена была Австріею и воинская повинность для населенія, что было уже совершенно несовмѣстимо съ суверенными правами султана. Нѣсколько болѣе ограничены были права Австро-Венгріи относительно Ново-Базарскаго санджака (на югѣ Герцеговины), именно: Австрія получила отъ Турціи только право введенія туда своего гарнизона и право пользованія путями сообщенія. Въ 1908 г. Австрія заявила о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ австровенгерской монархіи и это присоединеніе санкціонировано заинтересованными державами.

Сюда же слѣдуетъ отнести и особый видъ ограниченій территоріальной власти государства, появившійся въ м. практикѣ лишь за послѣднее время (впервые Англія—Конго 1894 г.) и облеченный ею въ частноправовую форму *аренды*. Такъ, въ силу состоявшагося въ Пекинѣ 1898 г. соглашенія, Китайское правительство уступило Россіи „въ пользованіе“ на 25-лѣтній срокъ (который по обоюдному соглашенію можетъ быть затѣмъ продолженъ) портъ Артуръ и Талянванъ (Дальній) съ соотвѣтствующими территоріей и воднымъ пространствомъ; равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ великою Сибирскою магистралью. Одновременно съ этимъ аналогичныя уступки сдѣланы были Китаемъ Германіи (заливъ Кіао-Чеу), Франціи (бухта Куанъ-Уанъ), а затѣмъ и Англіи (Вей-хай-Вей). По договору съ Германіей Кіао-Чеу уступается ей въ видѣ аренды предварительно на 99 лѣтъ, причемъ китайское правительство обязуется въ теченіе этого срока не упражнять въ арендуемой области верховныхъ правъ, а предоставляетъ осуществленіе таковыхъ Германіи; Германія обязуется ни-

когда не переуступать Кіао-Чеу другой державѣ на арендномъ правѣ; мѣстное китайское населеніе должно пользоваться покровительствомъ Германіи и если бы принадлежащія туземцамъ земли почему либо понадобились германскому правительству, то владѣльцы ихъ должны быть вознаграждены. Такое же содержаніе договоровъ съ Франціею и Англіею. Признать въ этомъ случаѣ скрытую уступку территоріи юридически невозможно, какъ и въ вопросѣ о положеніи Босніи и Герцеговины и Кипра, хотя бы фактически или дипломатически это и имѣлось бы въ виду. Такъ, населеніе арендуемыхъ территорій остается въ китайскомъ подданствѣ; Германія пріобрѣла только право упражненія верховныхъ правъ въ Кіао-Чеу, а Россія и Франція прямо признали сохраненіе надъ своими областями верховныхъ правъ Китая и силу для нихъ заключенныхъ Китаемъ трактатовъ; въ портахъ Артурѣ и Дальнемъ поднятъ былъ русскій флагъ совмѣстно съ китайскимъ; китайское населеніе Квантунской области подсудно (Положеніе объ управленіи Квантунск. областью см. въ Собр. Узак. 1899 г. № 104, ст. 1524) уголовной юрисдикціи мѣстныхъ народныхъ судовъ или виновные препровождаются для суда и наказанія къ китайскимъ властямъ. Наконецъ, въ Портсмутскомъ договорѣ 1905 г. Россія уступила свои арендныя права Японіи, но обѣ державы признали необходимымъ получить на это „согласіе“ Китая (ст. 5 и 6).

Помимо такой формы ограниченій госуд. суверенитета, приближающейся къ фактической уступкѣ суверенитета отъ одного госуд-ва другому, мы встрѣчаемъ въ м. практикѣ еще различныя формы болѣе *частичныхъ ограниченій*. Къ числу *отрицательныхъ* ограниченій, выражающихся формулой in non faciendo, относятся:

Ограниченія свободы госуд-ва въ упражненіи имъ извѣстныхъ отдѣльныхъ *функцій* своей державной власти. Напр., госуд-во можетъ обязаться не отчуждать свою территорію, т. е. не уступать своего верховенства надъ извѣстною частью своей территоріи никакому другому госуд-ву (Франція и Конго) или не разрѣшать другимъ госуд-вамъ хозяйственной эксплоатаціи извѣстныхъ частей своей территоріи, въ которыхъ контрагентъ выговорилъ это право для себя (Китай и „сферы интересовъ“ европейскихъ державъ въ Китаѣ). Китай отказался отъ права увеличивать численность своихъ войскъ въ Манчжуріи безъ оповѣщенія о томъ русскаго правительства или строить желѣзныя дороги въ южной Манчжуріи безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей. Но не слѣдуетъ смѣшивать съ ограниченіями территоріальной власти госуд-ва права, льготы и преимущества, представляемыя имъ, хотя бы и въ силу м. договора въ пользу частныхъ лицъ (иностранцевъ) или компаній *).

Проявляются эти ограниченія различно, примѣнительно къ ограничиваемой функціи. Такъ, сюда относятся: *Ограниченія военныхъ силъ государства*, напр., числа войска, запрещеніе сооруженія крѣпостей, содержанія военныхъ судовъ и т. п. Примѣры: нейтрализованныя государства; договоръ Россіи съ Англіею и Франціею объ Аландскихъ островахъ 1856 г. По 9 ст. Портсмутскаго договора 1905 г. Россія и Японія взаимно обязались не возводить никакихъ военныхъ сооруженій на *Сахалинѣ*. Въ силу Парижскаго трактата 1856 г. Россія лишена была права держать военный флотъ въ Черномъ морѣ, возводить на немъ крѣпости и т. п. (отмѣнено въ 1871 г.), а въ силу Берлинскаго трактата 1878 г. Россія обязывалась держать въ Батумѣ порто-франко и не обращать эту гавань въ военный портъ (отъ этого обязательства Россія отказалась въ 1886 г.). По Берлинскому же трактату Болгарское княжество должно было срыть старыя крѣпости по Дунаю и не сооружать новыхъ; Черногорія не должна укрѣплять портъ Антивари, воздвигать укрѣпленій на р. Баянѣ и содержать военныхъ судовъ въ Адріатическомъ морѣ, (отъ этихъ ограниченій Черногорія отказалась въ 1908 г. послѣ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи). Въ силу 7 ст. Портсмутскаго трактата 1905 г. Россія и Японія обязуются эксплуатировать принадлежащія имъ въ Манджуріи желѣзныя дороги исключительно въ цѣляхъ комерческихъ и промышленныхъ, но никоимъ образомъ не въ цѣляхъ стратегическихъ.

Далѣе, ограниченія *регальныхъ правъ* государства. Напр., по Берлинскому трактату Болгарія, Румынія и Сербія лишены были права взимать транзитныя пошлины съ товаровъ. Подобныя ограниченія установлены для государства Конго Актомъ Берлинской конференціи 1885 г. Они существуютъ для государствъ прибрежныхъ къ м. рѣкамъ.

---

1) На основаніи Утрехтскаго трактата 1713 г. Франція уступила Англіи о. Ньюфаундленцъ, при чемъ выговорила въ пользу французскихъ подданныхъ право ловить въ Ньюфаундлендскихъ водахъ и сушить рыбу и возводить для этого постройки въ опредѣленныхъ частяхъ побережья острова (т. наз. French shore—французское поморье), на англійскихъ же подданныхъ это право не смотря на уступку острова распространено не было. Соглашеніемъ съ Англіею 1904 г. Франція отказалась отъ этого права. Въ этомъ случаѣ не было ограниченія ни державныхъ правъ Англіи вообще, ни ея территоріальнаго верховенства надъ Ньюфаундлендскими водами, пот. что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ добровольно (по договору) принятымъ на себя Англіею обязательствомъ предоставить французамъ извѣстную льготу,—монополію рыбной ловли въ извѣстной части ея владѣній. Ст. 11 Портсмутскаго договора съ Японіей 1905 г. Россія обязалась предоставить яцонскимъ подданнымъ права по рыбной ловлѣ въ русскихъ водахъ дальняго Востока.

Ограниченія *судебной власти* государства въ отношеніи лицъ экстерриторіальныхъ и иностранцевъ. Въ силу договоровъ европейскихъ государствъ съ восточными (т. наз. капитуляцій) подданные европейскихъ державъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ и др. подлежатъ суду своихъ консуловъ.

Нѣкоторые ученые (Блюнчли, пр. Мартенсъ) относятъ сюда же и т. наз. *законъ о гарантіяхъ* 1871 г., изданный итальянскимъ правительствомъ. Завоевавъ и присоединивъ къ итальянскому королевству Римъ, итальянское правительство добровольно согласилось на существенныя ограниченія своихъ верховныхъ правъ въ области суда и полиціи относительно Ватикана (резенденція папы) въ видахъ огражденія независимости папы, какъ главы католической церкви. Въ силу этого закона папа признается какъ бы сувереномъ, пользующимся всѣми почестями государей: дворецъ его и всѣ зданія, которыя занимаютъ лица, служащія при папскомъ дворѣ, пользуются правомъ внѣземельности; никакое должостное лицо итальянскаго правительства не можетъ войти въ Ватиканъ безъ особаго разрѣшенія папы; въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ папа пользуется полною самостоятельностью и неприкосновенностью; онъ акредитуетъ при иностранныхъ дворахъ своихъ представителей (нунціевъ) и при немъ состоятъ особые дипломатическіе представители державъ (въ томъ числѣ и Россіи).

Къ числу ограниченій *положительныхъ*, выражающихся in patiendo, относятся права упражненія государствомъ функцій террит. власти на территоріи другого госуд-ва Напр., 1) *право предпринимать на территоріи другого государства извѣстныя правительственныя дѣйствія* ради *политическихъ* цѣлей, напр., *проводить войска* черезъ чужую территорію. Сюда должно быть отнесено и право пользованія путями сообщенія въ другомъ государствѣ, право на занятіе при извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ въ трактатѣ обстоятельствахъ, чужой территоріи или отдѣльныхъ пунктовъ (крѣпостей).

2) Право предпринимать на чужой территоріи извѣстныя правительственныя дѣйствія ради общихъ *культурныхъ интересовъ*. Напр., право распространять свою *судебную, полицейскую или финансовую власть* на территоріи другого государства, право *преслѣдованія дезертировъ* на чужой территоріи (Россія—Австрія 1867), право установленія почтовой и телеграфной регаліи или учрежденій, полезныхъ для торговли (примѣръ—договоры Россіи съ Хивою и съ Бухарой 1873 г.).

3) Право пользованія чужою территоріею въ интересахъ неполитическихъ; напр., право устройства угольной станціи и т. п. (см. Wahl, Die Kohlenstation. 1906).

Очень часто европейскія государства по взаимному между собою соглашенію отмежевываютъ себѣ территоріальныя сферы вліянія въ полуцивилизованныхъ государствахъ, даже безъ участія послѣднихъ (напр., Франція и Англія договоромъ 1896 г. установили свои сферы вліянія въ Сіамѣ; Россія и Англія въ 1907 г.—въ Персіи) или же вообще опредѣляютъ взаимнымъ договоромъ извѣстные предѣлы и ограниченія своимъ будущимъ притязаніямъ къ такому госуд-ву, напр., относительно особыхъ привиллегій для своей торговли, для промышленныхъ предпріятій своихъ подданныхъ и т. п. (напр., Россія и Англія въ Персіи, Россія и Японія въ Портсмутскомъ трактатѣ 1905 г. и въ конвенціи 1907 г. относительно Китая). Юридически такого рода соглашенія обязываютъ только контрагентовъ и нисколько поэтому не ограничиваютъ суверенитета полуцивилизованнаго государства, относительно котораго они заключены. Это признается и самими контрагентами такихъ соглашеній (напр., Франція и Англія въ указ. договорѣ 1896 г. взаимно гарантируютъ независимость Сіамской имперіи; на независимость Китая неоднократно ссылаются указ. договоры Россіи съ Японіею). И здѣсь имѣетъ силу основной принципъ м. права, что юрид. силу имѣютъ лишь такія ограниченія терр. власти государства, которыя добровольно или вынужденно, но все-таки формально признаны и приняты заинтересованнымъ государствомъ.

Способы пріобрѣтенія территоріальнаго верховенства. Въ виду сказаннаго о юридич. характерѣ и значеніи госуд. территоріи очевидно, что пріобрѣтеніе и утрата госуд. территоріи означаетъ не имущественное пріобрѣтеніе, не пріобрѣтеніе новаго вещнаго права (dominium'a) государствомъ, а означаетъ пространственное расширеніе или сокращеніе госуд. власти *(imperium'a)*, территоріальнаго верховенства государства. Поэтому способы пріобрѣтенія и утраты территоріи не могутъ совпадать съ титулами пріобрѣтенія частной собственности, а должны основываться на публичномъ правѣ. Поэтому-же только госуд-во можетъ пріобрѣтать и отчуждать территоріальное верховенство, или—другими словами—пріобрѣтеніе и уступка гос. территоріи можетъ состояться только путемъ изъявленія воли госуд. власти. Въ частности пріобрѣтеніе возможно поэтому по порученію госуд-ва или съ послѣдующею его ратификаціею.

Всѣ вообще способы пространственнаго расширенія или сокращенія государственной власти (для краткости мы будемъ употреблять не вполнѣ точный юридически терминъ—пріобрѣтенія и утраты территоріи) могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни—ихъ можно назвать *первоначальными*—когда госуд-во пріобрѣтаетъ территорію безъ отня-

тія ея у другого государства; всѣ ихъ можно подвести подъ одно общее понятіе *завладѣнія*. Другіе—способы *производные*—когда увеличеніе территоріи одного госуд-ва сопровождается умаленіемъ другого. Общее для тѣхъ и другихъ способовъ пріобрѣтенія и утраты условіе—точное *волеизъявленіе не только заинтересованнаго* государства (его государственной власти), но (для вторыхъ въ частности)—*волеизъявленіе всѣхъ прикосновенныхъ* сторонъ, выражающееся въ договорѣ или же въ признаніи. Это теоретическое различеніе важно въ томъ отношеніи, что при первоначальныхъ пріобрѣтеніяхъ нѣтъ мѣста вопросу о какомъ либо правопреемствѣ.

Къ числу первоначальныхъ способовъ должны быть отнесены прежде всего пріобрѣтеніе и утрата территоріи какъ послѣдствіе естественныхъ фактовъ, *явленій природы*, каковы, напр., затопленіе, наносъ (alluvio), высыханіе озера, измѣненіе теченія рѣки, образованіе новаго острова и т. п. Если подобныя измѣненія происходятъ въ пограничныхъ между двумя государствами мѣстностяхъ, то старая граница отъ нихъ не измѣняется: территорія этихъ государствъ лишь видоизмѣняется въ ея внѣшней формѣ, а не въ самомъ ея составѣ. Увеличеніе территоріи государства, его земельной площади, вслѣдствіе естественныхъ причинъ возможно, собственно говоря, лишь со стороны моря. При этомъ во всякомъ случаѣ съ измѣненіемъ береговой линіи госуд-ва измѣняется и предѣлъ береговыхъ его водъ. Несомнѣнно, что всякое увеличеніе территоріи госуд-ва въ этомъ направленіи, вслѣдствіе ли пониженія уровня моря, или наноса (намыва) земли, или техническихъ работъ (въ Голландіи), сопровождается фактическою оккупаціей со стороны госуд-ва. Но въ случаѣ возникновенія новаго острова въ предѣлахъ береговыхъ водъ государства, (такой случай былъ въ устьѣ р. Миссисипи), между моментомъ появленія его и завладѣніемъ можетъ пройти извѣстный промежутокъ времени. Слѣдуетъ ли тѣмъ не менѣе считать такой островъ съ самаго начала „приращеніемъ“ и принадлежностью территоріи прибрежнаго государства? Старая школа теоріи м. права въ этомъ случаѣ примѣняла гражданско-правовой принципъ, что res accesoria sequitur suam principalem. Этого положенія считалось достаточнымъ для „пріобрѣтенія новой собственности“ госуд-вомъ, причемъ не требовалось ни проявленія госуд-венной воли въ этомъ смыслѣ, ни фактическаго завладѣнія. Съ точки зрѣнія современной науки, титулъ пріобрѣтенія такого острова, т. е. распространенія на него территоріальной власти прибрежнаго государства, лежитъ въ томъ, что такой островъ возникъ въ

предѣлахъ береговыхъ водъ государства, слѣд., въ предѣлахъ, на которые уже простиралось его территоріальное верховенство. Но наряду съ этимъ, сообразно основнымъ нормамъ, установленнымъ для м. практики относительно завладѣнія, требуется и фактическое завладѣніе островомъ со стороны государства; кромѣ того, въ силу основныхъ принциповъ современнаго государственнаго права (относительно недѣлимости и неотчуждаемости госуд. территоріи), измѣненіе госуд. территоріи возможно лишь чрезъ посредство спеціально направленной на то, и точно выраженной воли государства (въ формѣ закона, законодательнаго волеизъявленія), ибо всякое террит. измѣненіе есть измѣненіе государства въ пространственномъ отношеніи: всякое территоріальное увеличеніе влечетъ за собой расширеніе госуд-ва, его властвованія въ пространственномъ отношеніи, а всякая утрата территоріи—сокращеніе его. Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ государствахъ для пріобрѣтенія или уступки владѣній требуется согласіе палатъ или спеціальный законъ. Поэтому, для безспорнаго, вполнѣ правомѣрнаго распространенія своей террит. власти на такой островъ, госуд-во должно фактически завладѣть имъ и выразить свою въ этомъ отношеніи волю въ соотвѣтственной формѣ. Слѣд., правомѣрное увеличеніе территоріи госуд-ва, расширеніе пространственныхъ предѣловъ его imperium'а благодаря дѣйствію только естественныхъ силъ, безъ спеціально направленной на такое расширеніе и ясно выраженной воли госуд-ва, невозможно за отсутствіемъ юридическаго титула.

Вторымъ видомъ непосредственнаго или первоначальнаго пріобрѣтенія территоріи является завладѣніе въ тѣсномъ смыслѣ.

Завладѣніе (occupatio) есть распространеніе власти государства на такое пространство суши, которое не находится подъ суверенитетомъ другого государства и вовсе не заселено или же заселено низшими расами. Будучи первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія, завладѣніе предполагаетъ, что пріобрѣтенная территорія раньше не подчинялась никакой госуд. власти, не входила въ составъ какого-либо госуд-ва, т.-е. дѣеспособнаго субъекта м. права. Поэтому и территоріи, находящіяся подъ господствомъ госуд-ва, стоящаго внѣ м. союза, все-таки не подлежатъ завладѣнію; пріобрѣтеніе, основанное на соглашеніи съ такимъ государствомъ, есть пріобрѣтеніе производное, а не первоначальное. Но договоръ, заключенный оккупирующимъ гос-вомъ, напр., съ негритянскими племенами относительно ихъ территоріи, не можетъ считаться титуломъ производнаго пріобрѣтенія, такъ какъ за этими племенами не

признается м. личности и м.-правовой дѣеспособности. Это взглядъ изстари, съ XV в., установленный практикою христіанскихъ государствъ и публицистами относительно вообще народовъ нехристіанскихъ (Генрихъ VII англійскій и папы въ XV в., испанскіе завоеватели Америки XVI в.). Противъ него испанскій публицистъ Vittoria въ сочиненіи **1557 г.:** De Indis sive de titulis legitimis vel non legitimis, quibus barbari potuerunt venire in ditionem Hispanorum. (См. объ этомъ вопросѣ Bonfils, Manuel § 537 сл. 545 сл.).

Завладѣніе обыкновенно превращаетъ занятую госуд-вомъ территорію въ его *колоніальное владѣніе* (колонію) или же въ т. наз. *подохранную колоніальную территорію* (германскія Schutzgebiet). Тѣ и другія входятъ въ составъ госуд. территоріи завладѣвшаго ими госуд-ва.

Особенное значеніе этотъ способъ завладѣнія получаетъ съ XV и XVI вѣка, когда совершались самыя замѣчательныя открытія новыхъ земель. Съ 1878 г. колонизаторскія стремленія европейскихъ народовъ возродились съ новою силою и выразились въ образованіи европейцами огромнаго государства въ Африкѣ—Конго, въ знаменитомъ спорѣ Германіи съ Испаніей изъ-за Каролинскихъ острововъ, въ занятіи Германіей нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, и, наконецъ, въ размежеваніи между зап. европейскими державами огромныхъ пространствъ центр. Африки. (За время съ 1884 до 1896 г. Англія увеличила свои колоніальныя владѣнія на 2599 т., Франція на 2522 т., Германія на 1023 т., Бельгія на 1000 т. и Италія на 500 т. англ. кв. миль).

Наукою и актами *Берлинской* (т. наз. африканской) *конференціи* 1885 г. (о Конго) *и Брюссельской*—1891 г. (противоневольнической) выработаны слѣдующія главныя условія завладѣнія, какъ способа пріобрѣтенія новыхъ территоріальныхъ владѣній:

1) во-первыхъ, *объектомъ* завладѣнія могутъ быть только земли не *населенныя и не занятыя*, или же *населенныя дикими, варварскими племенами*, т. е. такія, которыя хотя бы и обладали политическимъ устройствомъ въ широкомъ смыслѣ, но не получили еще характера государственныхъ территорій. Поэтому завладѣніе не примѣняется къ землямъ Европы, Америки и къ тѣмъ частямъ Азіи, гдѣ народы уже живутъ государственной жизнью. При занятіи занятыя земли предполагаются находящимися во владѣніи населенія на правахъ частной собственности. Присвоеніе совершается иногда съ вознагражденіемъ населенія; правительство С. Штатовъ, напр., пріобрѣтаетъ территорію индѣйцевъ покупкою. Пріобрѣтенія Франціи и Германіи въ Африкѣ въ концѣ XIX в. совершены путемъ договоровъ съ туземными владѣтелями о ихъ подчиненіи или же объ уступкѣ ими извѣстныхъ правъ (напр. протекторатъ Франціи надъ Мадагаскаромъ).

2) Во-вторыхъ, завладѣніе *дѣйствительно* только тогда, когда занятіе данной территоріи исходитъ отъ *должностного лица* или *военной экспедиціи государства*, желающаго присоединить себѣ данную территорію. Если же занятіе совершается не оффиціальнымъ путемъ, а совершаетъ его частное лицо или компанія въ пользу какого-либо госуд-ва, то для юридической силы такого занятія необходимо утвержденіе его со стороны правительства этого государства. Государственная власть можетъ или непосредственно поручить совершеніе акта пріобрѣтенія отъ своего имени своимъ органамъ (напр., командиру военнаго судна, главѣ научной экспедиціи, т. наз. привиллегированной компаніи), или же послѣдующимъ одобреніемъ дать государственную санкцію и так. обр. превратить въ актъ государственной власти пріобрѣтеніе, совершенное первоначально безъ ея порученія; въ послѣднемъ случаѣ, до полученія такого одобренія, пріобрѣтеніе, совершенное частными лицами, будетъ имѣть характеръ лишь частноправового владѣнія, такъ какъ *пріобрѣтеніе* или установленіе территоріальнаго верховенства (какъ одной изъ функцій госуд. власти) возможно только государствомъ. Колонизаціонная оккупація частными лицами и компаніями можетъ, впрочемъ, служить основаніемъ *возникновенію новыхъ государствъ*. Такимъ образомъ, напр., возникла основанная американскимъ филантропическимъ обществомъ республика Либерія въ 1821—1847 гг.; въ новѣйшее время (1885 г.) Конгское государство основано м. ассоціаціею для колонизаціи и коммерческой эксплуатаціи центральной Африки по р. Конго. Въ такомъ случаѣ требуется однако м. признаніе новаго государства; до полученія такого признанія имѣется на лицо лишь частноправовое владѣніе, не пользующееся м.-правовою охраною.

3) Въ третьихъ, завладѣніе становится *юридическимъ актомъ*, когда есть corpus и animus possidendi, т. е. когда государство фактиче-ски выразитъ свое намѣреніе подчинить своей власти данную территорію и пользоваться ею. Внѣшнимъ выраженіемъ такого намѣренія служитъ водруженіе государственнаго флага или герба, *фактическое занятіе* территоріи и установленіе на ней извѣстнаго порядка и управленія (это условіе формулировано уже въ XVIII в. Бинкерсгукомъ, выразившимъ его въ формулѣ cura et cultura agri).

4) *Предѣлы завладѣнія* опредѣляются *предѣлами фактическаго распространенія власти* государства на занятой имъ территоріи и фактической возможностью для госуд-ва поддерживать въ ней свой авторитетъ, т. е. защищать ее отъ внѣшнихъ нападеній и поддерживать въ

ней внутренній порядокъ. Только дѣйствительное завладѣніе создаетъ для госуд-ва извѣстныя права и налагаетъ на другія госуд-ва соотвѣтственныя обязанности. Этимъ оно отличается отъ разграниченія „сферъ интересовъ“ или „заднихъ земель“, которымъ устанавливается лишь право на завладѣніе, имѣющее осуществиться въ будущемъ, причемъ осуществленіе этого права происходитъ путемъ постепеннаго введенія въ этихъ земляхъ управленія и суда *), т. е. необходимыхъ и достаточныхъ мѣръ для охраны такой территоріи отъ внѣшнихъ нападеній и для обезпеченія в ъней внутренняго спокойствія и порядка (въ частности—для охраны торговли и транзита). (Ср. 35 ст. Акта о Конго). Поэтому неправильно мнѣніе нѣкоторыхъ старыхъ ученыхъ, что оккупантъ въ правѣ считать своими владѣніями не только дѣйствительно занятые имъ пункты, но и всѣ земли, которыя вмѣстѣ съ этими пунктами „по самой природѣ своей“ составляютъ одно органическое цѣлое (напр., бассейнъ рѣки, устье которой занято извѣстнымъ госуд-вомъ). Въ виду признаваемой современнымъ м. правомъ необходимости, чтобы завладѣніе было дѣйствительное, очевидно, также, что для утвержденія террит. верховенства недостаточно одного *открытія* неизвѣстной дотолѣ территоріи или символическаго вступленія во владѣніе ею,—напр., чрезъ водруженіе флага, какъ это признавалось въ прежнія времена. Такая оккупація, за которой не послѣдовало дѣйствительнаго занятія, не можетъ быть признана дѣйствительною, сколько бы времени ни прошло съ момента открытія или со времени водруженія флага. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ вопросахъ о распространеніи территоріальной власти госуд-ва внѣ его собственной территоріи, *давность* не имѣетъ значенія правообразующаго факта и титулъ *давности* самъ по себѣ никакихъ правъ не даетъ, а безспорное долговременное дѣйствительное владѣніе можетъ служить лишь основаніемъ для *предположенія* м. признанія дѣйствительно существующаго факта. (Споръ Германіи съ Испаніею о Каролинскихъ островахъ, разрѣшенный третейскимъ судомъ папы Льва XIII и договоромъ 1899 г.).

5) Держава, занявшая извѣстную область съ цѣлью завладѣнія, (или устанавливающая свой колоніальный протекторатъ), обязана со-

*) Поэтому едва ли можно признать юридически правильнымъ постановленіе договора Германіи съ Нидерландами 1897 г., по которому Германія съ одной стороны обязалась выдавать преступниковъ, бѣжавшихъ въ германскую сферу интересовъ, а съ другой—сдѣлала изъятіе въ пользу туземцевъ этихъ областей, которые наравнѣ съ германскими подданными выдачѣ не подлежатъ. Если первое оправдывается интересаи м. правосудія, то второе необъяснимо, ибо „сфера интересовъ“ не можетъ быть приравнена къ территоріи государства, пока она фактически къ ней не присоединена. (Листъ).

общить это дипломатическимъ путемъ другимъ государствамъ. Въ этомъ дипломатическомъ извѣщеніи (acte de notification) должны быть приблизительно означены границы завладѣваемой области. Цѣль такой нотификаціи—заявить волю завладѣвающаго госуд-ва (animus possidendi) и дать возможность заинтересованнымъ державамъ заявить въ случаѣ надобности свои требованія или оградить свои интересы. (Ср. ст. 34 Акта о Конго).

Указанныя правила правомѣрнаго занятія территоріи можно признать вошедшими въ кодексъ современнаго полож. м. права. Они далеко не достаточны, какъ показала практика новѣйшаго времени, для устраненія всякихъ м. споровъ при осуществленіи такого рода завладѣній. И при всемъ томъ имѣется возможность обойти на практикѣ даже ихъ соблюденіе. Именно, ни одно изъ указанныхъ условій, за исключеніемъ нотификаціи, не требуется при установленіи государствомъ к о л о н і а л ь н а г о п р о т е к т о р а т а, т. е. протектората надъ варварскимъ народомъ. Правда, въ отступленіе отъ коренного взгляда, усвоеннаго христ. государствами въ вопросѣ о завладѣніи территоріями дикихъ племенъ, здѣсь принципіально признается существованіе дикаго „государства“, пот. что протекторатъ означаетъ ограниченіе с у в е р е н и т е т а подохраннаго г о с у д а р с т в а. Но какъ бы то ни было, для установленія колоніальнаго протектората на практикѣ достаточно назначенія христіанскимъ протекторомъ своего консула или иного агента при варварскомъ „правителѣ“ и заключенія съ послѣднимъ договора, для того, чтобы верховенство протектора въ подохранной территоріи было признано международно-правомѣрнымъ. Между тѣмъ фактически этого рода протектораты являются лишь замаскированными формами завладѣнія или по меньшей мѣрѣ первыми шагами къ завладѣнію.

Къ *производнымъ* способамъ пріобрѣтенія территоріи относятся тѣ, посредствомъ которыхъ одно госуд-во расширяетъ свою госуд. территорію и свою террит. власть *на счетъ другого субъекта м. права*, пріобрѣтая отъ него часть его территоріи, свободно или принужденно, ради государственныхъ цѣлей имъ *уступаемую вмѣстѣ съ верховными правами на нее*. Очевидно, что въ этомъ случаѣ пространственное расширеніе госуд. власти возможно лишь при условіи согласія территоріальнаго владѣльца, на счетъ котораго оно происходитъ и что слѣд., сокращеніе одного госуд. и расширеніе другого на его счетъ возможно лишь на основаніи соглашенія (явнаго или молчаливаго), или такъ называемой *цессіи или уступки*. Юридически цессія складывается изъ двухъ элементовъ: изъ уступки, то есть отказа со стороны цедента отъ своихъ державныхъ правъ и изъ одновременнаго расширенія пространственной компетенціи цессіонарія.

Цессія, имѣющая объектомъ державныя права, возможна только между государствами. Поэтому, частное колонизаторское общество, уступающее госуд-ву

занятую имъ территорію, совершаетъ не м.-правовую цессію, а частно-правовую уступку своихъ частновладѣльческихъ правъ; государство же, распространяя на это владѣніе свою террит. власть и включая его въ составъ своей территоріи, совершаетъ актъ первоначальнаго завладѣнія въ м.-правовомъ смыслѣ. Точно такъ же не признается цессіею договоръ европ. государствъ, напр., съ негритянскимъ племенемъ или договоры, заключаемые С. Штатами съ индійскими племенами относительно пріобрѣтенія ихъ территорій для занятія; поэтому и такія пріобрѣтенія относятся къ категоріи первоначальныхъ.

Возможны, впрочемъ, и такіе случаи, когда одно государство, совершенно уничтоживъ госуд. власть въ завоеванной территоріи и разрушивъ суверенитетъ другого надъ этою территоріею *), само становится на его мѣсто. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *завоеваніемъ*. Къ этимъ только двумъ видамъ сводятся м.-правовые титулы производнаго расширенія государствъ и пріобрѣтенія территоріальнаго верховенства. (Такъ какъ при завоеваніи прежняя госуд. власть совершенно уничтожается, нѣтъ наслѣдованія правъ и обязательствъ у завоевателя отъ завоеваннаго, нѣтъ и договора между ними, то Листъ относитъ завоеваніе къ первоначальнымъ способамъ).

Соглашеніе, служащее основаніемъ цессіи, обыкновенно выражается въ формѣ договора, регулирующаго условія уступки. Но возможно и молчаливое (предполагаемое) соглашеніе, напр., если государство, занявшее часть территоріи во время войны, остается ея полнымъ хозяиномъ и послѣ фактическаго прекращенія военныхъ дѣйствій, безъ мирнаго договора.

Добровольныя уступки территоріи широко практиковались въ средніе вѣка и даже до XVIII ст., когда вслѣдствіе смѣшенія частноправовыхъ и государственныхъ понятій монархи смотрѣли на госуд. владѣнія, какъ на свою вотчину. Отдача территорій в ѣдаръ, обмѣнъ ихъ на другія владѣнія, продажа или назначеніе въ приданое были тогда самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. „Счастливые“ австрійскіе браки вошли даже въ пословицу. Въ современныхъ госуд-вахъ государственная территорія не признается болѣе собственностью монарха; она есть нераздѣльная собственность всего народа и можетъ быть отчуждаема не иначе, какъ на основанія закона. Въ госуд-вахъ съ представительнымъ образомъ правленія для уступки владѣнія необходимо согласіе палатъ. Общій признакъ всѣхъ производныхъ способовъ пріобрѣтенія заключается во взаимномъ

1) Это выражается фактическимъ прекращеніемъ авторитета верховной власти въ данной территоріи и прекращеніемъ съ ея стороны военнаго сопротивленія.

соглашеніи, *въ договорѣ* между государствами пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ извѣстную территорію.

Въ отличіе отъ частноправовой цессіи, цессія международноправовая не требуетъ непремѣнно формальной передачи, традиціи ея объекта. Въ договорѣ Россіи съ С. Штатами 1867 г. мы читаемъ: „Уступка съ правомъ немедленнаго вступленія во владѣніе, должна считаться полною и безусловною со времени обмѣна ратификацій договора, не дожидаясь формальной передачи“.

Форма, въ которую облекается соглашеніе о цессіи, можетъ быть весьма различна. Въ прежнія времена при господствѣ патримоніальнаго взгляда на государство, пріобрѣтеніе и уступка территорій государственныхъ совершалась, какъ мы уже замѣтили, въ формѣ частноправовыхъ сдѣлокъ между монархами—хозяевами территоріи: мѣны, купли-продажи, даренія, наслѣдства, отдачи въ приданое и т. п. Послѣдніе три вида пріобрѣтенія и уступки не практиковались уже и въ XIX в. Но уступки территорій, имѣвшія *внѣшніе признаки* мѣны и купли-продажи встрѣчаются даже въ XIX в. Такъ, Россія продала С. Штатамъ въ 1848 г. колонію Россъ, а въ 1867 г.—свои владѣнія въ С. Америкѣ; Данія въ 1868 г. продала имъ острова св. Ѳомы и Іоанна; Швеція продала въ 1877 г. Франціи о. св. Варѳоломея, а Испанія продала Германіи въ 1899 г. острова Каролинскіе, Палао и часть Маріанскихъ острововъ. Что-же касается мѣны, то не говоря уже о частыхъ, сравнительно, случаяхъ обмѣна незначительныхъ пограничныхъ частей территоріи для „исправленія“ границъ, въ 1875 г. Россія обмѣнялась съ Японіею Курильскими островами за Сахалинъ, а въ 1890 г. Англія уступила Германіи о. Гельголандъ взамѣнъ нѣкоторыхъ германскихъ владѣній въ Африкѣ. Однако во всѣхъ этихъ случаяхъ, несмотря на сходство внѣшнихъ формъ, мы не имѣемъ дѣла съ дѣйствительными частноправовыми актами купли-продажи и мѣны прежде всего потому, что къ нимъ неприложимы признаки, характеризующіе специфическое свойство такихъ частноправовыхъ сдѣлокъ *) и они въ дѣйствительности не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, какія гражд. право ставитъ для юридической конструкціи и дѣйствительности такихъ сдѣлокъ. Это и понятно, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о пріобрѣтеніи и уступкѣ не вещныхъ правъ, а о распространеніи или сокращеніи соотвѣтственнаго территоріальнаго верховенства государствъ. Въ дѣйствительности же въ основѣ всѣхъ та-

1) Напр. зависимость отъ отсутствія laesio enormis, justum praetium.

кихъ сдѣлокъ даже прежнимъ временъ лежáло договорное начало. И въ договорахъ, напр., Россіи съ С. Штатами 1867 г. говорится лишь объ уступкѣ территоріи, а не о куплѣ-продажѣ [1]), и не о цѣнѣ [2]). Невозможно также признать завѣщаніемъ актъ 1889 года, въ силу котораго бельгійскій король, бывшій въ то-же время сувереномъ государства Конго, „завѣщалъ“ это государство (т. е. свои верховныя права надъ нимъ) въ пользу Бельгіи. Это такая же м.-правовая цессія, какъ и всякая иная. И это „завѣщаніе“, будучи въ дѣйствительности цессіей, не могло вступать въ силу иначе, какъ послѣ соотвѣтственнаго волеизъявленія (согласія) со стороны бельгійскаго государства. Рѣшающимъ моментомъ при юридической оцѣнкѣ всѣхъ подобнаго рода актовъ является содержаніе сдѣлки, которое имѣли въ виду контрагенты, а не та или иная ея форма, —во всѣхъ указанныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ госуд. договорами, которые подъ формой частноправовой сдѣлки скрываютъ соглашеніе относительно верховныхъ правъ, а такое соглашеніе относится только къ сферѣ м. права, а не частнаго.

Примѣрами добровольной (мирной) цессіи въ новѣйшее время могутъ служить: отказъ Англіи отъ протектората надъ Іоническими островами въ пользу Греціи въ 1863 г., уступка Сардинскимъ королевствомъ Ниццы и Савои въ пользу Франціи въ силу Туринской конвенціи 1860 г.; изъ старыхъ временъ—пріобрѣтеніе Россіею Курляндскаго герцогства въ 1795 г.

Къ числу производныхъ способовъ пріобрѣтенія Листъ относитъ принятіе территоріи „для занятія и управленія“, усматривая здѣсь скрытую форму пріобрѣтенія, такъ какъ прежняя госуд. власть продолжаетъ существовать лишь номинально, а рѣшающимъ моментомъ въ пользу суверенитета госуд. власти пріобрѣтающей является неограниченное и отъ собственнаго имени совершающееся осуществленіе верховныхъ правъ. Но такой взглядъ не оправдывается съ юридич. точки зрѣнія. Самъ Листъ признаетъ, что хотя Австрія осуществляла неограниченное террит. верховенство въ Босніи Герцоговинѣ, но „въ силу Берлинскаго трактата она лишена была (юрид.) возможности собственною властью включить занятыя области въ составъ своихъ кореннихъ земель или уступить ихъ третьей державѣ“. Помимо этого теоріи м. права не подобаетъ относиться такъ легко къ формальнымъ м. договорамъ и обязательствамъ, хотя бы они и наруша-

1) „Императоръ Всероссійскій обязуется уступить... территорію съ верховнымъ на оную правомъ“, а С. Штаты „на основаніи вышеустановленной уступки обязываются заплатить 7200000 долларовъ“.

2) На основаніи трактата 1875 г. „Императоръ японскій уступаетъ часть территоріи о. Сахалина, которою онъ владѣетъ, со всѣми верховными правами истекающими изъ этого владѣнія“, а „взамѣнъ уступки Россіи правъ на о. Сахалинъ, Императоръ Всероссійскій уступаетъ Императору японскому группу острововъ, именуемыхъ Курильскими“.

лись и хотя бы ихъ буквальное содержаніе не соотвѣтствовало практическому ихъ осуществленію. Нельзя признать правильнымъ и отнесеніе Листомъ къ замаскированнымъ производнымъ пріобрѣтеніямъ и долговременную м.-правовую „аренду“, сопряженную съ „перенесеніемъ верховныхъ правъ“; здѣсь даже неправильная терминологія—переносится не верховное право, не суверенитетъ, (тогда не не было бы и спора), а лишь упражненіе функцій террит. власти. Международное право въ своихъ конструкціяхъ не должно опережать и предвосхищать результатовъ эволюціи м. политическихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что она всегда чревата неожиданностями. Живой примѣръ—судьбы Манджуріи и Ляодунскаго полуострова. Междун. право, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ всегда дѣло лишь съ фактами, съ результатами политич. отношеній между государствами въ данный опредѣленный моментъ, и оно лишь считается съ ними, но не исправляетъ ихъ распространительнымъ или ограничительнымъ ихъ толкованіемъ, а тѣмъ болѣе не регламентируетъ ихъ при помощи такихъ толкованій. Это—дѣло и сфера политики, а не права: Если Выс. указъ 27 IV 1898 г. объявляетъ, что территорія Кяо-Чоу „перешла въ германское владѣніе“, то это не болѣе, какъ политическая дружеская услуга дружественной державѣ, быть, можетъ разсчитанная на взаимность.

Къ числу производныхъ способовъ пріобрѣтенія нѣкоторые писатели относятъ и *рѣшенія третейскихъ м. судовъ* о передачѣ извѣстной спорной территоріи отъ одного госуд-ва другому. Такъ окончился, напр., знаменитый споръ между Испаніею и Германіею о Каролинскихъ островахъ, разрѣшенный въ 1886 г. папою (въ качествѣ избраннаго сторонами третейскаго судьи) въ пользу Германіи. Но въ этомъ случаѣ судъ, устанавливая право, въ сущности лишь констатируетъ, на которой изъ спорящихъ сторонъ находится право, а не предоставляетъ территоріальнаго верховенства той или другой сторонѣ; при этомъ онъ дѣйствуетъ на основаніи уполномочія сторонъ, соглашающихся подчиниться его рѣшенію, которое является, слѣд., не титуломъ пріобрѣтенія террит. верховенства, а лишь разрѣшеніемъ вопроса о томъ, на чьей сторонѣ находится право на спорную территорію въ силу нормъ м. права.

Завоеваніе возможно въ двухъ видахъ: 1) если одно госуд-во отвоевываетъ у другого часть его территоріи; въ такомъ случаѣ необходима уступка, цессія ея со стороны побѣжденнаго госуд-ва, а слѣд. здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ однимъ изъ видовъ цессіи; или 2) госуд-во, находясь въ состояніи войны съ другимъ госуд-вомъ, овладѣваетъ всей территоріей послѣдняго; предположеніемъ такого присоединенія является полное разрушеніе политической личности противника и фактическое занятіе территоріи; съ моментомъ полнаго завоеванія совпадаетъ моментъ полнаго уничтоженія личности противника, а потому особаго со-

глашенія объ уступкѣ въ этомъ случаѣ и не требуется, и быть не можетъ.

Завоеваніе (debellatio) есть древнѣйшій и до нынѣ наиболѣе часто примѣняемый способъ пріобрѣтенія; осужденный впервые французской революціей въ конституціи 1791 г., категорически высказавшейся противъ правомѣрности всякихъ завоеваній, онъ съ постепеннымъ развитіемъ принципа національности встрѣчаетъ все болѣе противниковъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ господствомъ надъ территоріею пріобрѣтается или утрачивается также господство надъ подданнымъ населеніемъ, живущимъ (т. е. имѣющимъ постоянное мѣстожительство) на этой территоріи въ моментъ ея пріобрѣтенія, и такъ какъ переходъ въ подданство другого, иногда враждебнаго дотолѣ, госуд-ва нерѣдко представляется крайне тягостнымъ для населенія, то теоретики м. права изыскиваютъ способы къ устраненію несправедливостей и неудобствъ, возникающихъ изъ права завоеванія и одинъ изъ такихъ способовъ видятъ въ требованіи формальнаго согласія населенія отчуждаемой территоріи, выраженнаго въ формѣ *плебисцита*, т. е. всеобщей подачи голосовъ всѣмъ правоспособнымъ населеніемъ по вопросу о завоеваніи. За необходимость плебисцита приводятъ слѣдующіе доводы: это есть одно изъ требованій европейской цивилизаціи и прогресса м. отношеній. При настоящемъ уровнѣ европейской культуры немыслимо, чтобы населеніе какой-либо территоріи разсматривалось какъ стадо, которое можно уступить другому государству вмѣстѣ съ землею помимо его воли и согласія. Поэтому необходимо предоставить самому населенію отчуждаемой области высказаться,—желаетъ ли оно присоединенія къ чужому государству? Если большинство голосовъ отвѣтитъ отрицательно, то такое присоединеніе не должно имѣть мѣста. Однако эти доводы, несмотря на ихъ очевидную убѣдительность, встрѣчаютъ и возраженія (особенно у германскихъ ученыхъ и публицистовъ. Нашъ проф. Мартенсъ говоритъ, что для признанія законности пріобрѣтенія территоріи завоеваніемъ нужны лишь: 1) точно и опредѣленно выраженное въ мирномъ договорѣ согласіе госуд-ва на уступку; 2) фактическая покорность населенія, живущаго въ передаваемой территоріи; 3) фактическое завладѣніе пріобрѣтаемой территоріей, которое доказывается занятіемъ ея и подчиненіемъ ея управленію пріобрѣтающаго госуд-ва. На основаніи фактовъ изъ новѣйшей практики можно думать, что и правительства раздѣляли эти соображенія. Новѣйшіе трактаты—Франкфуртскій договоръ 1871 г., Берлинскій трактатъ 1878 г. и друг. не требовали плебисцита: плебисцитъ

не былъ примѣненъ ни въ отношеніи Эльзаса и Лотарингіи, ни при присоединеніи Бессарабіи къ Россіи. Плебисцитъ примѣнялся въ 1860 г. при передачѣ Ниццы и Савои Франціи, въ 1863 г. при передачѣ Англіею Іоническихъ острововъ Греціи, въ 1870 г. при присоединеніи Рима къ Италіи, въ 1866 г. при присоединеніи Венеціи къ Италіи; 5 ст. Пражскаго договора 1866 г. Австріи съ Пруссіею, отмѣненная въ 1878 г., требовала плебисцита для присоединенія сѣв. части Шлезвига къ Пруссіи. (См. Лодыженскаго, О плебисцитѣ).

Противъ необходимости плебисцита проф. Мартенсъ приводитъ слѣдующіе доводы: 1) обращеніе къ плебисциту есть не болѣе, какъ комедія, ибо госуд-ва обращались къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда въ его благопріятномъ результатѣ не было никакого сомнѣнія или когда они вынуждались къ тому обстоятельствами, а это доказываетъ, что государства еще не сознаютъ необходимости положить плебисцитъ въ основу своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Но противъ этого можно возразить, что разъ обращеніе къ плебисциту будетъ возведено въ норму м. права, то за правильнымъ примѣненіемъ его на практикѣ можно установить международный контроль. 2) „Нѣтъ, по мнѣнію проф. Мартенса (и Листа), и юридическаго основанія для установленія правила о необходимости обращаться въ такихъ случаяхъ къ плебисциту, ибо всякій трактатъ, заключенный компетентною властью, въ томъ числѣ и трактатъ объ уступкѣ территоріи, обязателенъ для всего госуд-ва и часть госуд-ва не можетъ противъ этого протестовать; это основной принципъ современнаго публичнаго права и онъ не терпитъ никакихъ исключеній. Поэтому населеніе уступаемой территоріи должно подчиниться своей судьбѣ и не вправѣ противопоставлять свою волю рѣшенію госуд. власти и компрометировать судьбу всего государства“. Но это соображеніе основано на принципѣ цѣлесообразности, а не на принципахъ права и справедливости. „Наконецъ, воюющая съ успѣхомъ сторона можетъ заставить населеніе дать благопріятный ей отвѣтъ, для чего будетъ вести военныя дѣйствія не только противъ войскъ, но и противъ мирнаго населенія“. На это мы можемъ замѣтить, что обязательность трактатовъ для всего населенія есть основаніе во всякомъ случаѣ формальное, а не юридическое, и что по существу оно противно современному органическому взгляду на госуд-во, а возможность примѣненія насилія завоевателемъ никакъ не можетъ считаться юридическимъ доводомъ противъ плебисцита. Переходъ населенной части одного цивилизованнаго государства къ другому, чтобы быть процессомъ юридическимъ, долженъ

происходитъ изнутри этой части, напр.,—путемъ національнаго движенія и т. п., а не извнѣ. Возможны и завоеванія, но они должны имѣть юридическое оправданіе. Вообще, право завоеванія имѣло основаніе въ періодъ формаціи государствъ, при господствѣ идей военной славы и могущества; тутъ имѣли основаніе и мотивы самозащиты. Теперь же теорія права завоеванія является не болѣе, какъ возведеніемъ на степень теоріи фактовъ конкретной дѣйствительности: случаевъ самозащиты (нерѣдко даже фиктивной), вознагражденій за нарушенное право и убытки и стратегической обороны и предупрежденія нападенія и т. д., между тѣмъ какъ въ наше время территоріальный составъ государствъ постепенно получаетъ не случайный, а юридически разумный національный характеръ. Что же касается стратегическихъ мотивовъ завоеванія, которыми такъ дорожатъ защитники этой теоріи, то противъ нихъ нѣкоторые публицисты (Selosse) справедливо замѣчаютъ, что т аже цѣль достижима и безъ завоеванія: разоруженіемъ и срытіемъ крѣпостей, воспрещеніемъ возводить новыя, ограниченіемъ числа войскъ, временно-военною оккупаціею и т. п. Всѣ вышеприведенныя соображенія должны убѣдить насъ въ безусловной необходимости плебисцита. Въ пользу этого говоритъ юридическое сознаніе нашего времени объ органической связи между территоріею и ея населеніемъ, сознаніе о необходимости признанія за населеніемъ правъ самостоятельности въ отношеніи къ государству, составнымъ элементомъ котораго оно является. Государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано истѣчникомъ и носителемъ всѣхъ правъ народа,—оно не творитъ ихъ, а лишь охраняетъ эти права. Правда, признавъ плебисцитъ, волю населенія необходимымъ элементомъ уступки территоріи другому государству, пришлось бы признать волю населенія части государства (напримѣръ провинціи) рѣшающимъ элементомъ въ случаѣ самопроизвольно выраженнаго этимъ населеніемъ желанія отторгнуться отъ государства и присоединиться къ другому или образовать независимое государство. Но для государства, органически сплоченнаго плебисцитъ не опасенъ, а въ разрозненномъ государствѣ отпаденіе его отдѣльныхъ частей совершается не вслѣдствіе плебисцита, а вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Плебисцитъ есть существенная поправка къ такъ называемому праву завоеванія. Невозможно принимать въ разсчетъ случаи примѣненія плебисцита, какъ политической искусственной уловки,—(такъ, напр., при уступкѣ Ниццы и Савои, симпатіи которыхъ были на сторонѣ Италіи, заранѣе приняты были нужныя мѣры, чтобы исходъ голосованія не оказался противнымъ присоединенію ихъ къ Франціи),—такіе случаи, какъ искаженіе правильнаго принципа, ничего не доказываютъ; подобныя искаженія вездѣ возможны, какъ возможны и мѣры для ихъ предупрежденія.

Не допуская плебисцита, м. практика и теорія вынуждены были однако дать косвенное признаніе правамъ населенія, предоставленіемъ

ему индивидуальнаго, (а не коллективаго, какъ при плебисцитѣ), *права избранія подданства* (optio). Населенію предоставляется остаться подъ властью или того госуд-ва, къ которому отходитъ территорія, или того, отъ котораго она отходитъ, но это право выбора подданства присвояется *индивидуально* каждому совершеннолѣтнему правоспособному гражданину уступаемой территоріи: каждый вотируетъ лишь за себя (и за свою семью). Уже въ XVIII в. встрѣчаются примѣры предоставленія такого права выбора, а въ новѣйшее время оно уже считается общепризнаннымъ. Во всякомъ мирномъ трактатѣ мы находимъ оговорку, что лица, живущія на территоріи, уступаемой однимъ государствомъ другому, *въ моментъ уступки*, и желающія остаться въ прежнемъ подданствѣ, могутъ въ продолженіи опредѣленнаго срока заявить подлежащимъ властямъ о такомъ своемъ желаніи; такое заявленіе сопряжено обыкновенно съ обязанностью выселиться по истеченіи этого срока, впрочемъ съ сохраненіемъ правъ на недвижимыя имущества, находящіяся въ уступленной территоріи. Иногда заявленіе требуется и отъ лицъ, хотя и не живущихъ на уступаемой территоріи, но уроженцевъ ея. (Примѣръ: дополн. конвенція 11 XII 71 г. Франціи съ Германіею; Цюрихская Австр.—Франц. 1859). Льготный срокъ длится обыкновенно отъ 1 до 3 лѣтъ и считается всегда со дня ратификаціи трактата.

Во франко-итальянскомъ Цюрихскомъ трактатѣ 1860 г. право выселенія было предоставлено не только совершеннолѣтнимъ и правоспособнымъ, но также и всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, которые могли воспользоваться этимъ правомъ въ теченіе года по достиженіи ими совершенолѣтія. Во Франкфуртскомъ договорѣ 1871 г. между Франціей и Германіей, предоставлялось это право жителямъ Эльзаса и Лотарингіи только до 1-го октября 1871 г., а Константинопольскій трактатъ 1879 г. предоставилъ жителямъ турецкихъ областей, отошедшихъ къ Россіи на основаніи Берлинскаго трактата (1878 г.) трехгодичный срокъ, въ теченіи котораго они могли свободно удаляться изъ этихъ областей, но подъ условіемъ отчужденія ихъ недвижимой собственности. (По поводу толкованія этой статьи ср. рѣш. Гр. Касс. Деп. Сената 1895 № 27 и рѣш. общ. собр. 1 и Касс. Деп-товъ Сената 1902 № 11). Ст. 10 Портсмутскаго мирнаго трактата Россіи съ Японіею предоставляетъ русскимъ подданнымъ, жителямъ уступленной Японіи территоріи, продавать свои недвижимости и удаляться въ Россію, или же остаться въ предѣлахъ уступленной территоріи при условіи подчиненія японскимъ законамъ; Японіи предоставляется лишать этого права пребыванія всѣхъ жителей, не обладающихъ политической или административной правоспособности (т. е. благонадежностью), или же выселить ихъ.

Преемство въ международныхъ правоотношеніяхъ при измѣненіяхъ территоріи. *При перво-*

начальныхъ способахъ пріобрѣтенія территоріи территоріальное государственное верховенство въ предѣлахъ этой территоріи устанавливается *впервые*,—на нее *распространяется* съ момента оккупаціи территоріальное верховенство пріобрѣтающаго госуд-ва. Поэтому, такъ какъ въ предѣлахъ этой территоріи до этого момента могли существовать только частноправовыя отношенія, то для оккупанта можетъ лишь явиться вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ для него обязательно уваженіе къ существующимъ въ пріобрѣтенной имъ территоріи т. наз. пріобрѣтеннымъ правамъ и признаніе существовавшихъ въ ней частноправовыхъ отношеній. Это одинаково относится какъ къ правоотношеніямъ существующимъ внутри территоріи (напр., рабовладѣніе, система частноправового пользованія землею и т. п.), такъ и къ частноправовымъ отношеніямъ, въ какія могло до момента занятія вступить съ населеніемъ этой территоріи или даже съ ея прежнею верховною властью (напр., съ вождями дикихъ племенъ) постороннее госуд-во. Такимъ образомъ, *при первоначальныхъ способахъ пріобрѣтенія, о правовомъ преемствѣ въ междугосударственныхъ правоотношеніяхъ не можетъ быть и рѣчи.*

Къ первоначальнымъ способамъ пріобрѣтенія территоріи слѣдуетъ стнести въ данномъ случаѣ и отдѣленіе части госуд-ва и образованіе ею самостоятельнаго государства. Здѣсь нѣтъ мѣста цессіи, такъ какъ отдѣлившаяся провинція не есть госуд-во, она не можетъ быть субъектомъ м.-правовыхъ отношеній пока она не получила м. признанія. Новое государство не распространило свою власть на территорію другого госуд-ва (отъ котораго оно отдѣлилось), а впервые пріобрѣло эту власть, т. е. впервые установило свою власть на занимаемой имъ территоріи, которая фактически ушла изъ подъ власти прежняго госуд-ва. Поэтому такое нововозникшее государство не управомочивается и не обязывается договорами, которые были заключены госуд-вомъ, отъ котораго оно отдѣлилось. Для него обязательны лишь общепризнаваемыя м. союзомъ общія нормы м. права, а правовое положеніе его относительно другихъ государствъ членовъ м. союза опредѣлится путемъ особыхъ соглашеній, въ какія оно вступитъ съ ними на правахъ новаго суверениаго члена этого союза, если оно ими будетъ признано какъ таковой. При этомъ, въ видѣ условій признанія новаго госуд-ва на него могутъ быть, конечно, перенесены извнѣ, со стороны признающихъ госуд-въ тѣ или иныя обязательства прежняго госуд-ва. (Примѣръ: постановленія Берлинскаго конгресса 1878 г. относительно Румыніи, Сербіи, Болгаріи).

Нѣсколько болѣе осложняется вопросъ при территоріальныхъ измѣненіяхъ госуд-въ производными способами. Здѣсь нужно различать два случая: 1) когда территорія одного госуд-ва цѣликомъ переходитъ къ другому, или 2) когда переходитъ лишь часть территоріи.

Относительно правопреемства въ первомъ случаѣ въ литературѣ м. права существуютъ два діаметрально противоположныхъ взгляда: одни интернаціоналисты утверждаютъ, что, въ принципѣ, всѣ м. права и обязанности, бывшія за „умершимъ“ госуд-вомъ, переходятъ къ „наслѣднику“; другіе стремятся доказать, что смерть госуд-ва уничтожаетъ всѣ связывавшіе его трактаты и что послѣдніе поэтому къ госуд-ву-наслѣднику не переходятъ. Сверхъ того есть еще среднее мнѣніе, по которому политическіе трактаты „умершаго“ госуд-ва прекращаются, а неполитическіе переходятъ на „наслѣдника“. Также, представители указанныхъ нами двухъ главныхъ направленій сходятся обыкновенно въ мнѣніи, что тѣ договоры, которые, при частичной уступкѣ территоріи, касаются спеціально уступаемой части ея и, такъ сказать, связаны съ нею, продолжаютъ оставаться въ силѣ (переходятъ на цессіонарія), пот. что ими устанавливается какъ бы вещное право на территорію (сервитутъ). Относительно правопреемства при частичныхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ государствъ мнѣніе ученыхъ еще болѣе расходятся и разнообразятся.

Для юридически-правильнаго рѣшенія разсматриваемаго вопроса необходимо имѣть въ виду: 1) юридическое значеніе территоріи и территоріальнаго верховенства государствъ, 2) юридическій характеръ конкретныхъ междугосударственныхъ отношеній, затрогиваемыхъ въ томъ или иномъ случаѣ территоріальныхъ измѣненій государствъ, и 3) отчасти—объемъ территоріальныхъ измѣненій, коимъ подвергается государство.

Такъ какъ территорія есть необходимый элементъ госуд-ва, то съ переходомъ всей территоріи одного госуд-ва къ другому, прежде существовавшее госуд-во исчезаетъ, исчезаетъ съ этимъ и его м. личность, исчезаетъ одинъ изъ м.-правовыхъ субъектовъ м. общенія (такіе случаи возможны при завоеваніи, при сліяніи или полномъ объединеніи двухъ государствъ). Съ другой стороны, въ лицѣ этого госуд-ва исчезаетъ контрагентъ, одна изъ сторонъ всѣхъ тѣхъ договоровъ и м. соглашеній, въ какихъ участвовало это госуд-во. Отсюда очевидно, что вмѣстѣ съ такою утратою госуд-вомъ его территоріи и его м.-правовой личности должны по необходимости прекратиться и всѣ тѣ правоотношенія, въ кото-

рыхъ оно находилось къ другимъ госуд-вамъ и всѣ заключенные имъ договоры. Это основное положеніе примѣнимо и въ томъ даже случаѣ, когда произошло полное сліяніе, органическое объединеніе нѣсколькихъ государствъ, бывшихъ до этого самостоятельными,—ихъ раздѣльная м. личность уничтожилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и всѣ заключенные ими м. договоры.

Съ другой стороны и новое государство, возникающее на мѣсто старыхъ (при сліяніи ихъ) или распространившее свою территоріальную власть на всю территорію другого (погибшаго) государства, *не пріобрѣло* отъ прежнихъ никакихъ правъ, потому что оно не является продолжателемъ личности другого государства (какъ въ частномъ правѣ, да и здѣсь наслѣдникъ является преемникомъ лишь имущественно-правовой личности умершаго), потому что такимъ продолжателемъ чужой государственной личности госуд-во быть не можетъ: какъ самостоятельный равноправный съ другими субъектъ въ м. общеніи, оно обладаетъ своею личностью съ своими субъективными задачами и цѣлями существованія и съ правомъ на самостоятельное ихъ осуществленіе. Присоединивъ Ганноверъ, Нассау, Франкфуртъ и др., Пруссія осталась все тою-же Пруссіей, а не продолжительницею этихъ госуд-въ; она при этомъ присоединеніи лишь распространила пространственно свою территоріальную власть на ихъ бывшія владѣнія. Въ этомъ случаѣ никакого международно-правового правопреемства (въ частноправовомъ смыслѣ) быть, слѣдовательно, не можетъ, а для третьихъ госуд-въ, права коихъ могли-бы оказаться нарушенными или подвергнутыми опасности вслѣдствіе прекращенія ихъ договоровъ съ прежнимъ госуд-вомъ, остается одинъ лишь путь для ихъ огражденія или возстановленія—заявленіе протеста противъ совершившагося измѣненія въ субъектѣ ихъ договорнаго права или вступленіе въ соотвѣтственное новое соглашеніе съ замѣнившимъ его госуд-вомъ. Само собой разумѣется, что съ исчезновеніемъ прежняго госуд-ва, для третьихъ государствъ прекращаются и ихъ м.-правовыя обязательства, существовавшія относительно этого госуд-ва. За то, съ другой стороны, въ виду пространственнаго распространенія, расширенія личности новаго госуд-ва, м.-правовыя отношенія его,—не только права, но и договорныя обязательства его,—распространяются на новую его территорію, а соотвѣтственно этому расширяется пространственно и область пользованія третьихъ госуд-въ, контрагентовъ новаго госуд-ва, тѣми правами, которыя установлены были ранѣе въ ихъ прежнихъ договорахъ съ этимъ госуд-вомъ.

Это общее положеніе измѣняется лишь въ отношеніи къ ограниченіямъ территоріальной власти даннаго государства, *установленнымъ м. союзомъ*. Такія ограниченія, хотя-бы они были установлены въ интересахъ не всего м. общенія, а въ спеціальномъ интересѣ какого-либо конкретнаго госуд-ва, не подлежатъ отмѣнѣ по волѣ отдѣльнаго госуд-ва. Поэтому государство, вступившее въ права такого, ограниченнаго постановленіемъ м. союза, госуд-ва не вправѣ односторонне отказаться отъ такого ограниченія, хотя бы даже это ограниченіе было возложено на прежнее госуд-во именно въ интересахъ его преемника. Ограниченіе объективной нормой остается въ силѣ независимо отъ мотивовъ ея возникновенія до ея отмѣны въ установленномъ м.-правовомъ порядкѣ.

Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется дѣло при частичныхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ государствъ (путемъ цессіи), хотя и здѣсь приведенныя нами основныя юридическія положенія остаются въ силѣ. Отличіе представляется прежде всего въ томъ обстоятельствѣ, что при цессіи оба субъекта права продолжаютъ существовать; а такъ какъ госуд. личность и госуд. власть недѣлима, недробима, а съ другой стороны, и субъекты договорныхъ отношеній продолжаютъ существовать, то слѣд. и при такихъ измѣненіяхъ территорій, при которыхъ оба государства продолжаютъ свое существованіе, существующія м.-правовыя правомочія и обязательства, въ принципѣ и по существу, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ; измѣняется лишь ихъ пространственное дѣйствіе, въ томъ отношеніи, что договоры, имѣющіеся у пріобрѣтающаго госуд-ва, распространяются и на вновь пріобрѣтенныя имъ территоріи; договоры же уменьшившагося госуд-ва продолжаютъ оставаться въ силѣ, несмотря на умаленіе его территоріи (это т. наз. принципъ подвижности договорныхъ границъ).

Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ современнаго ученія публичнаго права о госуд-вѣ, въ основѣ конструкціи самаго понятія госуд-ва лежитъ принципъ единства. Понятіе государства складывается изъ трехъ основныхъ элементовъ, при чемъ отсутствіе одного изъ нихъ лишаетъ данный общественный союзъ существеннаго признака и превращаетъ его въ общеніе другого порядка, чѣмъ государство. Такимъ образомъ признаніе за территоріей значенія существеннаго признака, элемента госуд. организма является логическимъ и необходимымъ послѣдствіемъ современнаго пониманія госуд-ва. Но съ другой стороны, по справедливому мнѣнію Гирке, „даже существеннѣйшія измѣненія въ юридической личности не измѣняютъ ея собственнаго я: подобно отдѣльному индивиду, и коллективная личность остается идентичною себѣ самой, доколѣ она существуетъ. Поэтому даже при существеннѣйшихъ измѣненіяхъ своего состоянія, территоріи или политическаго строя, госуд-во остается тѣмъ же правовымъ субъектомъ, какимъ оно было ранѣе,

и въ качествѣ какового оно пріобрѣло права или приняло на себя обязанности". Словомъ, какія бы измѣненія ни постигли его отдѣльные элементы, сколько бы ни уменьшилась его территорія и какъ бы ни видоизмѣнился его строй, личность госуд-ва продлжаетъ существовать, а слѣд. по отношенію ко всѣмъ другимъ субъектамъ, съ которыми оно приходитъ въ соприкосновеніе, оно сохраняетъ всѣ свои права и обязанности. Оно не умерло и не возродилось, а слѣд. и правопреемству въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста. Измѣняется лишь составъ госуд-ва и пространственные предѣлы его компетенціи. Не пріобрѣтая н о в о й власти при расширеніи своей территоріи, оно лишь расширяетъ с в о ю власть, ея пространственные предѣлы, внося ее въ новопріобрѣтенную территорію. Оно не вступаетъ въ наслѣдство власти и личности своего предшественника, а его юридическая личность распространяется на новую область. А съ другой стороны, и уменьшившееся въ своемъ территоріальномъ составѣ госуд-во ничего не у с т у п и л о цессіонарію, а лишь сократило пространственный объемъ своей территоріальной власти.

Цедентъ не *передаетъ* свое территоріальное верховенство, а лишь отказывается отъ него надъ уступаемой территоріей, а цессіонарій не *пріобрѣтаетъ* верховенства отъ чужаго государства—цедента, а *распространяетъ свое* верховенство на новую территорію. Слѣдовательно и здѣсь никакого перенесенія правъ или обязанностей отъ цендента къ цессіонарію быть не можетъ. Поэтому, очевидно, если даже террит. верховенство цедента, хотя бы даже въ предѣлахъ уступаемой имъ территоріи, было ограничено въ пользу третьей державы, то послѣдняя, въ силу одного только перехода этой территоріи къ цессіонарію, не имѣетъ еще права претендовать на соотвѣтственное ограниченіе верховенства послѣдняго въ свою пользу. Для того, чтобы сохранить за собою эти свои прежнія права, третье госуд-во должно заявить свои притязанія при самомъ совершеніи акта уступка между цедентомъ и цессіонаріемъ, т. е. немедленно по полученіи свѣдѣнія о немъ [1]). Для огражденія своихъ существующихъ пріобрѣтенныхъ правъ разсматриваемой категоріи въ предѣлахъ переходящей территоріи, третье госуд-во, права котораго нарушены или находятся въ опасности, можетъ либо заявить протестъ противъ территоріальной перемѣны, или вступить въ новое, спеціальное соглашеніе по этому предмету съ цессіонаріемъ. Молчаніе же его, осо-

1) Что именно такой взглядъ на дѣло усвоенъ даже новѣйшею м. практикою, это доказывается хотя бы напр. декларацією, обмѣненною между Россіею и государствомъ Конго 1885 г., въ которой постановлено, что „Въ случаѣ уступки земель нынѣшней или будущей территоріи Конго или части этой территоріи, заключенныя съ Россіею обязательства будутъ возложены на новаго владѣльца; эти обязательства, а также права, представленныя Росс. Имп. Правительству и его подданнымъ, сохраняютъ свою силу послѣ каждой уступки, въ отношеніи ко всякому новому пріобрѣтателю". Тождественное постановленіе въ договорѣ Конго съ Германіею 1884 г. Очевидно, что *переходъ* такихъ правъ при уступкахъ территорій *не предполагается самъ собой*.

бенно при состоявшемся извѣщеніи (нотификаціи) ему, должно считаться согласіемъ и равносильно отреченію отъ своихъ правъ.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ такія договорныя или иныя м.-правовыя правоотношенія госуд-ва, которыя *спеціально пріурочены* къ данной *части* его территоріи, когда дѣйствіе извѣстнаго м.-правоваго отношенія государства, т. е. вытекающія изъ него правомочія и обязательства связаны именно съ опредѣленной территоріей, когда дѣйствіе ихъ локализовано на территоріи государства (напр. обязательства относительно содержанія путей сообщенія сухопутныхъ, желѣзнодорожныхъ или водныхъ). Также и установленное извѣстнымъ кругомъ державъ (путемъ коллективнаго соглашенія) и гарантированное ими ограниченіе территоріальнаго верховенства относительно какой либо части территоріи для обладающаго ею госуд-ва (напр. нейтрализація ея или обязательство свободы торговли или судоходства въ ея предѣлахъ), во всякомъ случаѣ слѣдуетъ судьбѣ этой территоріи, т. е. это ограниченіе сохраняетъ силу, какія бы ни произошли измѣненія въ территоріальной власти, господствующей надъ этой территоріей, къ какому бы госуд-ву она ни переходила, *пока эти переходы совершаются въ кругу государствъ, принимавшихъ участіе* въ этомъ соглашеніи, ибо этимъ соглашеніемъ установлено связывающее всѣхъ участниковъ обязательственное договорное отношеніе. Въ силу 51 ст. Берлинск. договора 1878 г. „во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода" относительно поддержанія судоходности устьевъ Дуная Румынія вступила въ права и обязанности, лежавшія на Турціи въ предѣлахъ уступленной ей территоріи.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что при *расчлененіи* госуд-ва, бывшаго дотолѣ единымъ, договоры, заключенные съ прежнимъ единымъ государствомъ, остаются въ силѣ для частей госуд-ва, ставшихъ затѣмъ самостоятельными. (Такъ, договоры, заключенные австрійскою монархіей до 1867 г., остались въ силѣ для обѣихъ половинъ монархіи; договоры, заключенные Нидерландами до отдѣленія Бельгіи въ 1830 г. остались въ силѣ и для Бельгіи на основаніи трактата 1839 года; послѣ отдѣленіи отъ Швеціи в ъ1905 г. Норвегія признала сохранившими силу обязательства, принятыя ею въ договорахъ, заключенныхъ до 1905 г. Швеціею при ея участіи и поскольку они касаются именно Норвегіи). Теоретически это оправдывается тѣмъ, что государство-субъектъ, государство-контрагентъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не исчезло, а только его личность раздвоилась. Но бывш. испанскія колоніи въ южн. Америкѣ при

провозглашеніи своей независимости отказались признать для себя обязательными договоры, заключенные Испаніею безъ ихъ участія, и это можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ здѣсь имѣется на лицо возникновеніе совершенно новаго госуд-ва. Впрочемъ нужно признать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ имѣется фактически на лицо столь существенное измѣненіе политическаго и экономическаго положенія новообразовавшихся госуд-въ, что о какъ для нихъ, такъ и для ихъ прежнихъ контрагентовъ является возможность правомѣрно требовать пересмотра договоровъ, заключенныхъ ранѣе въ предположеніи rebus sic stantibus, которое затѣмъ существенно измѣнилось.

Также при объединеніи нѣсколькихъ государствъ въ федерацію или въ союзъ госуд-въ, договоры, ранѣе заключенные этими госуд-вами сохраняютъ силу поскольку союзныя госуд-ва сохранили свою автономію. Напротивъ при полномъ объединеніи госуд-въ (напр. Италія въ 1860 г.) прежнія отдѣльныя государства утрачиваютъ свою м.-правовую личность.

Отъ ограниченій территоріальнаго верховенства госуд-ва слѣдуетъ отличать *частно-правовыя сдѣлки*, заключаемыя иногда госуд-вомъ въ качествѣ фиска. Такъ, въ качествѣ фиска государство можетъ продать иностранному правительству участокъ земли или разрѣшить ему право рыболовства въ своихъ водахъ или устройство угольной станціи, постройку желѣзной дороги или телегралной линіи черезъ принадлежащую ему территорію. Такія сдѣлки, носящія чисто вещный, имущественный характеръ и нисколько, въ сущности, не ограничивающія территоріальнаго верховенства уступающаго госуд-ва, равно какъ и не сообщающія функцій территоріальной власти госуд-ву пріобрѣтающему, устанавливаютъ вещный частно-правовой сервитутъ въ пользу иностраннаго госуд-ва. Возникающія отсюда правоотношенія между госуд-вами, субъектами сдѣлки, должны, по принципу lex rei sitae, подчиняться дѣйствію внутренняго права той страны, въ предѣлахъ которой находится объектъ сдѣлки. Поэтому въ случаѣ перехода территоріи, отягощенной подобнаго рода правомочіемъ къ другому госуд-ву, отчуждающее ее госуд-во очевидно обязано вознаградить госуд-во, пользовавшееся этимъ правомочіемъ, если пріобрѣтатель не согласится на его продолженіе или если praedium dominans (госуд-во, пользовавшееся этимъ правомочіемъ) не отказалось отъ свего права открыто или молчаливо тѣмъ, что безъ оговорокъ согласилось на переходъ территоріальной власти къ другому государству. (Ср. ст. 38 Берлинск. трактата 1878 г., также ст. 33). Это несомнѣнно уже потому, что подобнаго рода „пріобрѣтенія“ госуд-ва (даже при покупкѣ земельнаго участка или недвижимости въ другомъ госуд-вѣ) не увеличиваютъ его территоріи, а увеличиваютъ лишь количествопринадлежащихъ ему матеріальныхъ благъ. Такъ зданіе для посольства, купленное однимъ госуд-вомъ у другого, является лишь имущественною собственностью государства-собственника; хотя въ пространственномъ смыслѣ это зданіе изъемлется изъ подъ территоріальной власти мѣстнаго госуд-ва (вслѣдствіе принципа внѣземельности посольскихъ зданій), но не какъ вещь, не какъ зданіе; такъ напр. существующія въ госуда-вѣ полицейскія правила относительно постройки и содержанія строеній, имѣющія цѣлью огражденіе общественной безопасности въ пожарномъ отношеніи, полицейскія правила относительно способа построекъ (строит. уставъ) обязательны и для посольскихъ зданій.

Итакъ 1) Уменьшеніе территоріи не вліяетъ на личность госуд-ва въ международной сферѣ, какъ бы значительно оно ни было (Саксонія послѣ 1815 г., Франція 1871, Турція 1878). Не переставая быть въ принципѣ прежнимъ субъектомъ права, старое госуд-во и послѣ потери провинцій продолжаетъ пользоваться въ м. отношеніяхъ всѣми прежними правами и несетъ на себя всѣ прежнія обязательства, кромѣ чисто мѣстныхъ, спеціально лежавшихъ на отдѣлившейся провинціи, ибо они должны перейти на вновь образовавшееся госуд-во или же къ тому госуд-ву, которое присоединило къ себѣ эти отторгнутыя провинціи. Такъ напр., долги по займамъ, заключеннымъ Австрійскимъ правительствомъ спеціально для Венеціанской области, перешли къ Италіи вмѣстѣ съ этой областью (1866). Въ частности государство-цессіонарій наслѣдуетъ всѣ права и обязательства, вытекающія изъ контрактовъ, заключенныхъ уступающимъ правительствомъ въ цѣляхъ публичнаго интереса уступленной территоріи (а не всего госуд-ва въ цѣломъ его составѣ). Таковы контракты о поставкахъ, о публичныхъ работахъ, объ отчужденіи ради общественной пользы и т. п. Если они заключены въ интересахъ всего госуд-ва (поставки на армію, контракты на сооруженіе крѣпостей), хотя бы исполненіе ихъ было ограничено предѣлами уступаемой территоріи, то исполненіе обязательства (уплата по контракту) не переходитъ на цессіонарія; обязанность эта остается на уступающемъ госуд-вѣ. Впрочемъ подобнаго рода вопросы обыкновенно разрѣшаются на практикѣ въ самомъ трактатѣ объ уступкѣ территоріи. Междун. практика выдвинула правило, что госуд. долги распредѣляются (всегда путемъ соглашенія) между госуд-вомъ и отдѣлившеюся его частью *пропорціонально величинѣ* территоріи, образовавшей новое госуд-во, или же отошедшей къ

другому, уже существовавшему раньше. (Правильнѣе было бы—пропорціонально суммѣ налоговъ, уплачиваемыхъ ея населеніемъ).

2) При полной утратѣ госуд. территоріи утрачивается одинъ изъ основныхъ элементовъ гос-ва, слѣд. и его личность въ м. союзѣ. Она происходитъ путемъ инкорпораціи (Италія, Германія) или раздѣла (Польша). Къ новому госуд-ву переходятъ не только все публичное достояніе и казенная собственность прежняго госуд-ва, но и всѣ его частноправовыя обязательства (долги), хотя бы пассивъ превышалъ активъ. (Такъ Пруссія относительно присоединенныхъ въ 1866 г. Ганновера, Гессена, Нассау и Франкфурта; такъ Англія относительно присоединенныхъ въ 1902 г. Трансваля и Оранжевой республики).

Присоединеніе госуд-вомъ территорій можетъ быть безусловное или *условное;* въ послѣднемъ случаѣ условія присоединенія или отдѣленія территоріи опредѣляются соглашеніемъ заинтересованныхъ госуд-въ. Такъ, въ Берлинскомъ Трактатѣ 1878 г. подробно опредѣлены были условія, на которыхъ признаны территоріальныя пріобрѣтенія Сербіи, Черногоріи и Румыніи (переходъ части оттоманскаго госуд. долга, безпошлинный транзитъ товаровъ, ограниченіе террит. правъ Черногоріи относительно присоединеннаго къ ней порта Антивари; по ст. 51 во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румынія на всей уступленной ей территоріи заступаетъ мѣсто Бл. Порты въ ея правахъ и обязанностяхъ). Въ Ништадскомъ трактатѣ 1721 г. и Фридрихсгамскомъ 1809 г. опредѣлены были извѣстныя права и льготы въ пользу населенія уступленныхъ Россіи по этимъ трактатамъ Прибалтійскаго края и Финляндіи.

При безусловномъ переходѣ территоріи отъ одного госуд-ва къ другому, пріобрѣтающее госуд-во вступаетъ относительно ея во всѣ права территоріальнаго надъ нею суверенитета. Поэтому, права, принадлежащія населенію пріобрѣтенной области (относительно вѣроисповѣданія, политическихъ правъ, правъ иностранцевъ, пребывающихъ въ этой области) сохраняютъ свою силу подъ властью новаго государства лишь насколько они признаются послѣднимъ. Такъ какъ цессія означаетъ соотвѣтственное пространственное расширеніе и сокращеніе власти цедента и цессіонарія, то слѣд. никакого преемства правъ при цессіи быть не можетъ, такъ какъ цедентъ ничего не уступаетъ, а лишь его власть сокращается въ пространственномъ отношеніи; поэтому съ внутренне-государственой точки зрѣнія, какихъ либо правъ, присущихъ уступленной области по отношенію къ цессіонарію быть не можетъ, если, конечно,

таковыя спеціально не выговорены договоромъ объ уступкѣ; но и въ этомъ случаѣ истиннымъ субъектомъ ихъ явится цедентъ.

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о времени, въ теченіи котораго условія, поставленныя при переходѣ территоріи отъ одного госуд-ва къ другому, обязательны для пріобрѣтающаго госуд-ва и о послѣдствіяхъ ихъ нарушенія. Слѣдуетъ ли напр. признавать ненарушимыми отжившія феодальныя привиллегіи остезейскаго дворянства и соціальные порядки тамошняго края на основаніи постановленій Ништатскаго трактата? По справедливому замѣчанію Мартенса, вѣчной обязательности подобныхъ условій противостоитъ естественный законъ развитія и прогресса соціальной и государственной жизни, которому подчиняются всѣ народы. Но съ другой стороны, конечно, нивеллирующая сила общей политической жизни и политическаго механизма государства не можетъ быть признана достаточно разумнымъ и юридическимъ основаніемъ для подавленія самобытныхъ культурныхъ условій пріобрѣтенной госуд-вомъ территоріи, если они не угрожаютъ самосохраненію государства и благу цѣлаго.

Такъ какъ увеличенію или уменьшенію госуд. территоріи соотвѣтствуетъ распространеніе или сокращеніе территоріальной власти и такъ какъ территорія и живущее на ней коренное населеніе являются одинаково основными элементами госуд-ва, то вмѣстѣ съ господствомъ надъ территоріею пріобрѣтается (или теряется) также и господство надъ подданными госуд-ва, теряющаго территорію, живущими на ней въ моментъ ея пріобрѣтенія, т.-е. имѣющими тамъ постоянное мѣстожительство. Но госуд. власть пріобрѣтающаго госуд-ва не распространяется на тѣхъ подданныхъ, которые пребываютъ тамъ временно или которые еще до момента пріобрѣтенія вышли изъ подданства, или же перемѣнивъ свое мѣстожительство, отказались отъ принадлежности къ данной территоріи. Впрочемъ, по Франкфуртскому миру 1871 г. Германія предоставила право избранія подданства „франц. подданнымъ *уроженцамъ* уступленныхъ (Франціею) территорій, имѣющимъ тамъ мѣстожительство“; а дополнительная конвенція (того же года) потребовала его отъ всѣхъ уроженцевъ края.

Личный суверенитетъ государствъ. Каждое государство пользуется относительно своего коренного населенія личнымъ верховенствомъ. Личнымъ верховенствомъ наз. вообще государственная власть въ ея отношеніи къ *подданнымъ* госуд-ва; она распространяется

на нихъ не только во время ихъ пребыванія въ отечествѣ, но и внѣ предѣловъ отечественной территоріи. Государство имѣетъ право самостоятельно регулировать свои отношенія ко всѣмъ вообще лицамъ, живущимъ въ предѣлахъ его территоріи, будутъ ли то подданные или иностранцы—безразлично. Но это его право основано не на личномъ, а на территоріальномъ суверенитетѣ его; это территоріальное верховенство относительно иностранцевъ, живущихъ на его территоріи, смягчается требованіями межд-наго общенія и сверхъ того иностранцы не могутъ быть поставлены подъ личный суверенитетъ чужого госуд-ва, въ которомъ они пребываютъ, доколѣ они остаются въ подданствѣ другого госуд-ва, которому этотъ суверенитетъ принадлежитъ по праву и который распространяется на нихъ, какъ его подданныхъ, и во время ихъ пребыванія внѣ отечества. Подданные подчиняются госуд. власти своего отечественнаго госуд-ва не въ силу территоріальнаго верховенства этого госуд-ва, а въ силу болѣе внутренней связи, проистекающей изъ принадлежности къ госуд-ву, какъ политическому организму; подданство предполагаетъ особыя политическія, юридическія и нравственныя связи государства съ лицомъ—подданнымъ. Поэтому, хотя госуд-во не вправѣ вторгаться въ территоріальное верховенство другого госуд-ва, но оно вправѣ охранять своихъ подданныхъ и во время пребыванія ихъ въ чужомъ госуд-вѣ, а подданный—съ своей стороны—остается подчиненнымъ госуд-венной власти, личному верховенству своего отечества, и внѣ предѣловъ послѣдняго, хотя въ то-же время онъ подчиняется и территоріальному верховенству того чужого госуд-ва, въ которомъ онъ хотя бы временно пребываетъ.

Подданство возможно de jure только одному госуд-ву. Поэтому переходъ въ подданство другого госуд-ва (натурализація, укорененіе), по общему правилу, влечетъ потерю прежняго. Вопросъ о пріобрѣтеніи и объ утратѣ подданства относится къ госуд. праву, такъ какъ госуд-во суверенно опредѣляетъ ихъ условія; но вопросъ этотъ относится вмѣстѣ съ тѣмъ и къ области м. права, поскольку опредѣленное подданство лица и перемѣна его или утрата связаны съ измѣненіями юридическаго полоэженія лица въ м. сферѣ.

Отношеніе подданства лица къ извѣстному госуд-ву обусловливается не однимъ только пребываніемъ этого лица въ предѣлахъ территоріи даннаго госуд-ва,—подданные и заграницею пользуются защитою отечества и его заграничныхъ органовъ (консуловъ, дипломат. агентовъ) и въ извѣстныхъ отношеніяхъ подлежатъ дѣйствію отечественныхъ законовъ. Отношеніе это основано на извѣстныхъ *юридическихъ связяхъ* между подданнымъ и госуд-вомъ, выражающихся цѣлымъ рядомъ специфическихъ взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ. Въ виду признаваемой правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ необходимости м. общенія, выражающагося и въ признаніи за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ права на свободу передвиженія, *значеніе физической, территоріальной связи подданнаго съ госуд-вомъ необходимо должно было умалиться въ наше время, а юридическій моментъ этой связи наоборотъ—усилиться* вмѣстѣ съ развитіемъ значенія личности гражданина, какъ дѣятельнаго фактора въ жизни государства.

Эмиграція есть выселеніе подданнаго изъ отечества *безъ намѣренія возвратиться* въ него (sine animo revertendi) или даже *съ намѣреніемъ не возвращаться* (cum animo non revertendi). Признакомъ эмиграціи подданнаго нѣкоторыя законодательства признаютъ пребываніе подданнаго внѣ отечества далѣе разрѣшеннаго закономъ срока (когда онъ установленъ) или невозвращеніе въ отечество по вызову правительства (ср. ст. 326 и 327 Улож. о нак.). Разсматривая эмиграцію въ жизни различныхъ народовъ съ исторической точки зрѣнія, можно констатировать фактъ, что какъ самая эмиграція, такъ и ограничительныя, вообще говоря, мѣры, принимавшіяся обыкновенно до самаго послѣдняго времени госуд-вами въ видахъ противодѣйствія ей, вызывались и служили всегда *выраженіемъ внутреннихъ экономическихъ и политическихъ* условій и порядковъ госуд-венной жизни. Экономическія условія, условія соціальнаго (религіознаго и культурнаго) и политическаго строя во всѣ времена вызывали въ тѣхъ или другихъ личностяхъ стремленіе искать лучшихъ, болѣе легкихъ или симпатичныхъ условій внѣ отечества; съ другой стороны, подъ вліяніемъ господствующихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, лежавшихъ въ основѣ всего госуд. строя средневѣковыхъ госуд-въ и монархій дореволюціоннаго періода, какъ-то: фискальнаго взгляда на подданныхъ, значенія, которое придавалось количеству населенія, наконецъ,—прикрѣпленію населенія къ землѣ,—выработалась цѣлая система госуд. мѣръ относительно эмиграціи, направленныхъ къ принудительному закрѣпленію существующихъ между госуд-вомъ и подданными отношеній въ формѣ ли совершеннаго воспрещенія выселеній, или же въ видѣ установленія крайне стѣснительныхъ для выселенцевъ условій (денежныхъ вычетовъ, какъ бы въ возмѣщеніе госуд-ву убытковъ отъ переселенія, gabella emigrationis, detractus personalis).

Новые взгляды на отношеніе гражданина къ госуд-ву (въ особенности договорная теорія возникновенія госуд-въ) и на права человѣка, провозглашенные публицистикой и философіей XVIII в. и новыя экономическія теоріи (особенно Ад. Смита) разрушили старыя понятія, господствовавшія въ дореволюціонный періодъ. Какъ и во многихъ другихъ

вопросахъ, законодательство первой французской революціи и здѣсь прокладываетъ путь новымъ взглядамъ въ практическую жизнь. Французская конституція 1791 г. провозглашаетъ принципъ свободы переселеній. Враждебная Франціи дѣятельность эмигрантовъ временно парализуетъ примѣненіе этого принципа и даже вызываетъ опять поворотъ къ старымъ порядкамъ. Но въ новѣйшее время, когда правительственныя сферы и народное сознаніе вполнѣ освоилось съ болѣе правильнымъ взглядомъ на задачи госуд-ва и отношеніе его къ подданнымъ, измѣнились и получили раціональную постановку и взгляды законодательства на эмиграцію. За исключеніемъ Россіи, всѣ современныя цивилизованныя госуд-ва признаютъ, что *право переселенія есть неотъемлемое право каждаго гражданина* и что *каждый гражданинъ свободенъ выйти изъ подданства*. Имѣющіяся въ нѣкоторыхъ законодательствахъ постановленія о срокѣ „дозволенной" отлучки изъ отечества (сопровождаемое иногда угрозою невыгодныхъ послѣдствій ихъ нарушенія, до угрозы лишеніемъ правъ подданства включительно) слѣдуетъ разсматривать не столько какъ архаизмъ, сколько какъ мѣру,—впрочемъ неудачную,—для выясненія въ случаяхъ продолжительнаго отсутствія подданнаго изъ отечества, вопроса о его подданническихъ отношеніяхъ, въ частности—о желаніи или нежеланіи его оставаться въ прежнемъ подданствѣ. Это—какъ бы мѣра періодической провѣрки и контроля наличнаго состава подданныхъ госуд-ва, находящихся за границею.

Впрочемъ, и эмиграція съ обоюднаго соглашенія, такъ сказать, госуд-ва и подданнаго обставляется и въ наше время *извѣстными условіями, коренящимися въ ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ:* госуд-во требуетъ отъ выселенца предварительнаго исполненія имъ лежащихъ на немъ относительно госуд-ва въ моментъ эмиграціи обязанностей. Такъ, большинствомъ европейскихъ законодательствъ запрещается эмиграція гражданина, не отбывшаго свою воинскую повинность; съдругой стороны, несоблюденіе выселяющимся постановленныхъ въ законѣ для свободнаго выселенія условій признается дѣяніемъ преступнымъ. Но даже *неразрѣшенная эмиграція* еще не влечетъ за собою неизбѣжно измѣненія подданническаго положенія эмигранта; она можетъ вызывать извѣстныя невыгодныя для него послѣдствія (лишеніе извѣстныхъ правъ въ видѣ наказанія), *но не влечетъ сама по себѣ измѣненія подданической связи*. Совершена ли она прямо *съ намѣреніемъ не возвращаться* въ отечество (cum animo non revertendi), или же *безъ опредѣленнаго намѣренія вернуться* (sine animo revertendi),во всякомъ случаѣ по общему правилу, самый *актъ* эмиграціи ,до формальнаго *перехода* эмигранта въ другое подданство, производитъ лишь временную *фактическую* пріоста-

новку нормальныхъ подданическихъ отношеній и связей эмигранта съ его отечествомъ (такъ какъ чужое госуд-во до перехода такого эмигранта въ другое подданство всетаки будетъ признавать въ немъ иностранца, а безподданство не допускается и не признается), и *возстановленіе* ихъ всегда возможно для эмигранта, такъ какъ въ силу общепринятой практики всякое госуд-во *обязано* принимать обратно своихъ подданныхъ. Таково соглашеніе Россіи съ Германіею 1894 г. и съ Австріею 1886 г. По германскому закону 1870 года, 10-лѣтнее отсутствіе за границей влечетъ за собою утрату германскаго подданства отсутствующимъ, но если онъ не перешелъ въ это время въ чужое подданство, его подданническія отношенія *могутъ быть* возстановлены *даже безъ возвращенія* его на родину, въ силу простого заявленія его о желаніи остаться въ германск. подданствѣ, а въ случаѣ его *возвращенія*, ему *не можетъ быть отказано* въ этомъ возстановленіи подданства. Так. обр. десятилѣтнее отсутствіе создаетъ въ сущности лишь *предположеніе* утраты подданства германскимъ подданнымъ. Тоже въ Швеціи, Норвегіи, Голландіи, Венгріи.

Въ законодательной практикѣ отдѣльныхъ госуд-въ возможны, конечно, отступленія. Такъ, Россія не признаетъ своими подданными лицъ выселившихся sine animo reverendi и безъ разрѣшенія (въ частности—евреевъ). Тоже Швеція, Данія и Австрія.

Итакъ, *эмиграція, фактическій перерывъ нормальныхъ подданническихъ отношеній, сама по себѣ не признается вообще достаточнымъ основаніемъ для прекращенія юридическихъ поддакическихъ отношеній*.

Кромѣ указанныхъ выше основаній, здѣсь имѣютъ мѣсто и соображенія практической политики: въ м. отношеніяхъ, говоритъ проф. Мартенсъ, не должно быть состоянія безподданства. Каждое лицо должно знать, какіе законы опредѣляютъ его правосостояніе и какое правительство обязано, при надобности, оказать ему помощь и покровительство. Съ другой стороны, необходимо устранить возможность пользоваться выгодами государственной жизни, не неся никакихъ обязанностей ни относительно страны, въ которой лицо живетъ, ни по отношенію къ своей родинѣ. Обязанности, возлагаемыя госуд-вомъ на лицо вслѣдствіе подданическихъ отношеній во многихъ случаяхъ бываютъ такого рода, что исключаютъ всякую возможность служенія двумъ госуд-вамъ.—напр., обязанности по отбыванію воинской повинности. Впрочемъ, нѣкоторыя законодательства допускаютъ возможность двойного подданства.—Точно также недопустимо съ точки зрѣнія права и б е з п о д д а н с т в о (apolid). При установившемся въ современномъ госуд-вѣ принципѣ гражданской равноправности подданныхъ и иностранцевъ, безподанные, эти международные бродяги (vagabonds internationaux), по мѣткому опредѣленію Лорана, пользующіеся правами и свободные отъ обязанностей, налагаемыхъ подданствомъ, являлись бы какимъ то особымъ привиллегированнымъ сословіемъ въ государствѣ. Сверхъ того, въ настоящее

время, когда во многихъ госуд-вахъ (Франція, Италія, Бельгія, Голландія, Швеція и др.) личный статутъ иностранца, т.-е. его дѣеспособность, семейное и наслѣдственное право, опредѣляется въ м. сферѣ его національнымъ закономъ, а не мѣстожительствомъ (domicil), явленіе безподданства или двуподданства особенно нежелательно въ интересахъ правового порядка.

Фактъ эмиграціи получаетъ юридическое значеніе въ м. сферѣ *лишь въ связи* съ госуд-венными постановленіями *объ утратѣ* правъ подданства, *объ исключеніи* изъ него или *отказѣ* отъ него. Подъ извѣстными, отечественнымъ законодательствомъ эмигранта предписанными условіями (паспортными, записки въ консульскія *матрикулы*, т. е. списки подданныхъ) онъ можетъ всю жизнь остаться подданнымъ своего отечества, даже не бывая въ немъ, но за то, съ другой стороны, утрата подданства вслѣдствіе *отказа* отъ него *и въ связи съ переходомъ* эмигранта въ чужое подданство, имѣетъ своимъ *необходимымъ* юридическимъ *послѣдствіемъ удаленіе* изъ предѣловъ прежняго отечественнаго государства. Утрата подданства или отказъ отъ него *необходимо сопровождается* предшествующимъ или послѣдующимъ выселеніемъ такого лица изъ предѣловъ отечественнаго государства. Такъ, германское законодательство, во избѣжаніе фиктивнаго увольненія изъ подданства, предписываетъ, чтобы получившій увольненіе отъ германскаго подданства гражданинъ обязательно выселился изъ Германіи въ 6-ти мѣсячный срокъ. У насъ въѣздъ въ Россію вышедшему изъ русск. подданства разрѣшается не ранѣе какъ по истеченіи 5 лѣтъ. *Выходъ изъ подданства безъ эмиграціи, но съ натурализаціею* въ подданствѣ другого госуд-ва возможенъ лишь (для женъ и дѣтей) въ случаѣ установленія подданства или измѣненія его въ связи съ брачнымъ и семейнымъ положеніемъ, или же при перемѣнѣ территоріальной власти вслѣдствіе перехода территоріи къ другому госуд-ву.

Подданство[1]). Итакъ, внѣшняя, физическая, территоріальная связь лица съ госуд-вомъ не имѣетъ существеннаго значенія при опредѣленіи личнаго верховенства госуд-ва относительно этого лица. Это верховенство исключительно опредѣляется подданствомъ лица. Условія пріобрѣтенія и утраты подданства опредѣляются внутреннимъ законодательствомъ госуд-ва и вопросъ о подданствѣ относится поэтому къ государственному праву; къ м. же праву онъ имѣетъ отношеніе лишь по-

1) Гессенъ, Подданство; его же статья въ Жур. Юр. Общ. Спб. 1896, окт. и нояб. и рѣчь передъ диспутомъ въ Правѣ 1909 декабрь; Коркунова ст. въ Ж. М. Юст. 1895 № 10 (тоже въ Сборн. статей). Ср. также Неоруссы въ Оттом. имперіи въ Правѣ 1901, стр. 833 и 878; Александренко, О подданствѣ и натурализаціи.

скольку отношеніемъ подданства опредѣляется положеніе лица въ м. оборотѣ. Такъ, во Франціи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи личный статутъ иностранца—дѣеспособность, семейное, наслѣдственное право его опредѣляется отечественнымъ закономъ его. Съ другой стороны, такъ какъ субъектами м. права признаются только государства, входящія въ составъ м. общенія, такъ какъ только они являются членами этого общенія, то вслѣдствіе этого только лица, состоящія въ подданствѣ госуд-ву, входящему въ составъ этого общенія, пользуются правами, обезпечиваемыми м. правомъ, т. е. охраняемыми защитою госуд-ва (отечественнаго) въ случаѣ ихъ нарушенія. Не являясь сами по себѣ субъектами м. права, лица-подданные пользуются этими правами благодаря своей принадлежности къ государству.

Въ германской литературѣ м. права это м.-правовое положеніе лицъ, подданныхъ государствъ, которыя входятъ въ составъ м.-правового общенія, обозначается особымъ терминомъ „м.-правового индигената“ (Штёркъ, Листъ), ибо каждый такой подданный является какъ бы „туземцемъ“ на всемъ пространствѣ земли, занятомъ этими государствами.

Лица, вовсе не имѣющія подданства или состоящія въ подданствѣ такого госуд-ва, которое не входитъ въ составъ м. общенія, дикари, кочевники и т. п. не имѣютъ опредѣленнаго правового положенія въ м. оборотѣ. Политическимъ основаніемъ м. права и правильныхъ м. отношеній является *принципъ взаимности*. Только подъ условіемъ взаимнаго соглашенія по принципу do ut des фактическія м. сношенія обращаются въ правильныя юридическія отношенія. Эта взаимность имѣетъ мѣсто и въ отношеніяхъ госуд-въ и ихъ подданныхъ въ м. сферѣ. Въ настоящее время, по общему правилу, иностранцы пользуются тѣми же гражд. правами, какія предоставляются собственнымъ подданнымъ государства. Иностранцу предоставляется госуд-вомъ широкое пользованіе гражданскими правами *для того*, чтобы—по принципу взаимности—его подданнымъ предоставлено было пользованіе такими же правами въ отечествѣ этого иностранца, такъ какъ въ противномъ случаѣ не имѣло бы никакого разумнаго основанія уравненіе иностранцевъ, которые не несутъ никакихъ обязанностей по отношенію къ госуд-ву, въ которомъ они пребываютъ, которые пользуются всѣми благами госуд-венной жизни и однако свободны отъ многихъ тягостей ея (напр. отъ несенія воинской повинности), съ подданными, которые ради госуд. охраны ихъ безопасности, гражданскихъ правъ и интересовъ, несутъ различныя обязанности и жертвы относительно отечественнаго госуд-ва. Въ области м. правового об-

щенія *юридическое положеніе лица обусловливается*, такимъ образомъ, юридическою *принадлежностью его къ извѣстному государству или правахъ подданства* ему.

Національность (подданство) лица можетъ быть природная или пріобрѣтенная. *Природная* опредѣляется обычно подданствомъ родителей—отца, а за неизвѣстностью его—матери (Германія), или же мѣстомъ рожденія (такъ наз. jus soli, Англія и всѣ американскія государства). Нѣкоторыя законодательства (Франція, Россія) принимаютъ смѣшанную систему. Національность *пріобрѣтенная* опредѣляется добровольнымъ *переходомъ* лица въ другое подданство (*натурализацію*) или *невольнымъ* вслѣдствіе *семейнаго положенія* По общему правилу (у насъ Св. Зак. IX, ст. 1028) жена при бракѣ переходитъ въ подданство госуд-ва, которому принадлежитъ ея мужъ; въ южноамериканскихъ госуд-вахъ принято и обратное—иностранецъ, женившійся на туземкѣ становится мѣстнымъ подданнымъ; во Франціи облегчается натурализація иностранцу, женатому на француженкѣ. Но русская подданная, сочетавшаяся за границею гражданскимъ (не церковнымъ) бракомъ съ иностранцмъ, остается въ русскомъ подданствѣ, такъ какъ въ Россіи гражданскій бракъ признается недѣйтвительнымъ. Малолѣтнія дѣти слѣдуютъ подданству отца. По нашимъ законамъ (Св. Зак. IX, ст. 1015) натурализація не распространяется на дѣтей, рожденныхъ до натурализаціи отца или матери-вдовы. Вопросы натурализаціи будутъ разсмотрѣны ниже.

По общему правилу подданство возможно только одному госуд-ву. Но подданство лица можетъ измѣняться; измѣненіе ег овозможно вслѣдствіе добровольнаго или невольнаго *перехода* лица изъ подданства одному государству въ подданство другого или же вслѣдствіе *утраты* (недобровольной) его. А такъ какъ вообще условія пріобрѣтенія и утраты подданства опредѣляются внутреннимъ законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ, которыя въ этомъ вопросѣ держатся весьма различныхъ принциповъ, то вслѣдствіе этого въ дѣйствительной жизни возможны явленія какъ *двуподданства* (sujets mixtes), такъ и *безподданства* (apolis). Первый случай возможенъ, когда лицо, пріобрѣтя подданство въ другомъ госуд-вѣ, не утратило подданства въ своемъ отечествѣ, а второй—когда лицо утратило подданство въ своемъ отечествѣ, не пріобрѣтя подданства въ другомъ госуд-вѣ; то и другое явленіе возможны именно вслѣдствіе различія принциповъ, лежащихъ въ основаніи національныхъ законодательныхъ нормъ касательно условій утраты и пріобрѣтенія подданства (Ср. Ж. М. Юст. 1897 г. № 1, стр. 114 сл.).

Кромѣ *отказа* (добровольнаго) отъ подданства госуд-ву, возможна *утрата* его (невольная). *Невольная утрата подданства* наступаетъ, *въ силу закона*, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) какъ послѣдствіе *семейнаго положенія* (см. выше). 2) *Переходъ государственной территоріи* подъ власть другого государства, вслѣдствіе завоеванія или уступки, для оставшагося въ предѣлахъ ея населенія влечетъ утрату прежняго подданства. Такой утратѣ не подвергаются лица, которыя воспользуются правомъ оптированія (j. optionis) въ пользу сохраненія подданства отечественному госуд-ву. Однако, въ такомъ случаѣ, эти лица должны выселиться изъ перешедшей во власть другого госуд-ва области. 3) Въ видѣ наказанія: при поступленія лица на иностранную госуд-венную (особенно военную) *службу* безъ согласія отечественнаго правительства (Германія, Италія, Франція, Венгрія и др.). Юридическая связь между подданнымъ и госуд-вомъ выражается въ извѣстныхъ обоюдныхъ обязанностяхъ (главная со стороны подданнаго—защита отечества) ,а поступленіе на службу другого государства будетъ нарушеніемъ упомянутыхъ обязанностей; впрочемъ, нужно замѣтить, что поступленіе на иностранную госуд. службу обыкновенно *обусловливается* натурализаціей, а въ Германіи напр. ipso facto влечетъ ее за собой. 4) Вслѣдствіе *эмиграціи* sans esprit de retour (Франція до 1889 г., Австрія, Швеція, Данія) или *пребыванія внѣ отечества въ теченіи свыше указаннаго отечественнымъ законодательствомъ срока* (обыкновенно 10 лѣтъ) лицо также иногда утрачиваетъ подданство (Германія[1]), Венгрія); по австрійскому закону доказательствомъ эмиграціи признается переходъ въ другое подданство. Признаніе указанныхъ условій выѣзда изъ отечества условіемъ утраты подданства, *независимо* отъ пріобрѣтенія новаго, неизбѣжно должно вести къ случаямъ безподанства, къ неопредѣленности правъ и обязанностей лица въ м. оборотѣ. Относительно 3 и 4-го условій нужно однако замѣтить, что въ новѣйшихъ законодательствахъ о подданствѣ замѣчается похвальная тенденція къ сокращенію числа условій, влекущихъ за собою утрату подданства безъ пріобрѣтенія новаго. Такъ французскій законъ 1889 г. въ видахъ предупрежденія безподданства отмѣнилъ одно изъ условій прекращенія подданства,—выселеніеsans esprit de retour. 5) Тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ случаѣ *принятія лицомъ чужаго подданства*. Совмѣщеніе подданства двумъ государствамъ de

1) Какъ мы уже замѣтили выше, германскій законъ 1870 г. установляетъ въ этомъ случаѣ собственно не безповоротную потерю подданства, а только предположеніе объ ней, которое всегда можетъ быть устранено опровергающимъ его заявленіемъ заинтересованнаго лица.

jure невозможно. Какъ выходъ изъ подданства, такъ и *утрата* (невольная) подданства не должны быть признаваемы до перехода лица въ другое подданство. По справедливому замѣчанію Коркунова, не должно быть собственно *выхода* изъ подданства, а непремѣнно *переходъ;* нельзя допускать *утраты* или *оставленія* подданства, а только *перемѣну*. Вмѣсто увольненія изъ подданства слѣдовало бы установить только дозволеніе на переходъ въ иностранное подданство и прекращеніе подданства связать съ укорененіемъ въ иностранномъ государствѣ. Современное м. право ставитъ необходимымъ условіемъ правомѣрнаго добровольнаго выхода изъ подданства переходъ въ новое подданство: добровольная и полная натурализація дѣеспособнаго (по законамъ его отечества) лица въ иностр. госуд-вѣ, eo ipso влечетъ за собою утрату его прежняго подданства, а первоначальное подданство ни въ какомъ случаѣ *не утрачивается до* пріобрѣтенія новаго. Принципъ этотъ провозглашенъ былъ впервые французскою конституціею 1791 г. и усвоенъ былъ затѣмъ большинствомъ законодательствъ (онъ не принятъ въ Германіи и Россіи). Только при этомъ условіи возможно предупрежденіе появленія двуподданства. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя законодательства (Германское, Австрійское, С.-Штатовъ) сохраняютъ подданство за гражданами, натурализовавшимися въ другомъ госуд-вѣ и такимъ образомъ открываютъ возможность совмѣщенія различныхъ подданствъ. Условія натурализаціи, влекущей за собою утрату французскаго подданства по французск. законодательству: чтобы она была полная, добровольная, чтобы лицо было юридически дѣеспособнымъ и чтобы натурализація не была совершена in fraudem legis, напримѣръ для уклоненія отъ воинской повинности [1]), для полученія развода заграницей и т. п. Въ новѣйшее время заключено значительное число международныхъ трактатовъ (между прочимъ въ 1894 г. конвенція между Россіей и Германіей), коими договаривающіяся стороны обязуются принимать къ себѣ тѣхъ изъ бывшихъ своихъ подданныхъ, которые, утративъ свое первоначальное подданство ,не пріобрѣли новаго [2]).

---

1) Уклоненіе отъ воинской повинности признается преступленіемъ, наказуемымъ уголовнымъ закономъ. Наказанію за него можетъ быть подвергнуто въ случаѣ возвращенія на родину и лицо, вышедшее съ этой цѣлью изъ подданства. По итальянскому закону утрата подданства не освобождаетъ отъ обязанности военной службы. По французскому закону натурализація заграницей француза, подлежащаго воинской повинности, влечетъ за собой утрату французскаго подданства въ томъ только случаѣ, если она была разрѣшена французскимъ правительствомъ.

2) По германскому военному закону 1874 г. даже *уволенный* изъ германскаго подданства, но не пріобрѣвшій новаго, по возвращеніи въ отечество разсматривается какъ германскій подданный.

Русское законодательство. Ст. 325 Улож. о наказ. гласитъ: „кто отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства, или вступитъ въ подданство иностранной державы, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподаннического долга и присяги подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ отечества изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію,— ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе". Вслѣдствіе неудачной редакціи этой статьи, казалось бы, что наше законодательство не допускаетъ выхода изъ русскаго подданства и признаетъ безусловно преступнымъ вступленіе въ чужое подданство. Въ дѣйствительности однако это не совсѣмъ такъ. Если принять во вниманіе, что 325 ст. помѣщена въ IV раздѣлѣ въ главѣ VII, озаглавенной: „*о недозволенномъ* оставленіи отечества", то изъ этого ясно, что всѣ статьи этой главы устанавливаютъ наказуемость предусматриваемыхъ ими дѣяній лишь подъ условіемъ совершенія ихъ *безъ дозволенія*. Въ этомъ же смыслѣ разъяснена эта статья и Кас. Деп. Правит. Сената. Такимъ образомъ, ст. 325 Улож. о нака. устанавливаетъ наказуемость только *недозволеннаго* выхода изъ русскаго подданства, а уже въ Учрежденіи Комитета министровъ (ст. 32, прим. 2) намѣченъ былъ и самый порядокъ испрошенія дозволенія на выходъ изъ подданства. По изд. 1886 г. прошеніе о томъ подается министру внутр. дѣлъ, который представляетъ его черезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее разрѣшеніе, а по изд. 1892 г. „Министру внутреннихъ дѣлъ, при представленіяхъ въ Комитетъ министровъ объ увольненіи изъ подданства Россіи, предоставлено присовокуплять удостовѣреніе, что испрашиваемому увольненію не встрѣчается препятствій по уставу о воинской повинности [1]). На основаніи послѣдней редакціи можно бы было предположить, что рѣшеніе вопроса зависѣло отъ Комитета Министровъ, но такъ какъ по ст. 59 Учр. Ком. Мин. ,,никакое заключеніе Комитета не приводится въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока оно не разсмотрѣно Государемъ Императоромъ и не удостоено Высочайшаго утвержденія", то въ сущности выходъ изъ подданства возможенъ былъ лишь съ Высочайшаго разрѣшенія. Тотъ же порядокъ, лишь съ замѣною упраздненнаго Комитета Министровъ Совѣтомъ Министровъ сохраняется понынѣ. Лицамъ, оставившимъ подданство Россіи и выѣхавшимъ изъ ея предѣловъ, воспрещается обратный пріѣздъ въ качествѣ иностранныхъ подданныхъ до

---

1) Въ силу ст. 3 уст. о воинск. пов., увольненіе лицъ мужского пола имѣющихъ отъ роду болѣе 15 лѣтъ допускается „лишь по совершенномъ отбытіи ими воинской повинности или же по вынутіи жеребья, освобождающаго ихъ отъ военной службы".

истеченія пятилѣтняго срока со дня выѣзда ихъ заграницу.—Вопросъ о вліяніи увольненія изъ русскаго подданства на семью уволеннаго совершенно не затронутъ нашимъ законодательствомъ [2]). Сверхъ того наше законодательство объ утратѣ подданства неудовлетворяетъ основного требованія современнаго права, что опредѣляя порядокъ оставленія подданства, госуд-во и въ своихъ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ м. союза должно стремиться къ тому, чтобы его подданные, эмигрирующіе изъ отечества, не оказались въ положеніи двуподданныхъ или безподданныхъ.

Юридическія отношенія находящагося загрницею подданнаго къ отечественной государственной власти. Права и обязанности госуд-ва относительно подданныхъ опредѣляются государствомъ суверенно, поскольку они и вытекающія изъ нихъ правоотношенія осуществляются внутри госуд-ва, потому что они вытекаютъ изъ его личнаго и террит. суверенитета; это, слѣд., вопросъ внутренняго госуд. права. Иначе стоитъ дѣло, когда подданый находится внѣ своего отечества и, слѣд., когда личный суверенитетъ отечественнаго государства надъ подданнымъ сталкивается съ территоріальнымъ суверенитетомъ чужого госуд-ва надъ иностранцемъ. Здѣсь госуд-во не можетъ активно осуществлять право своего личнаго суверенитета въ предѣлахъ чужого госуд-ва и у него остаются лишь средства косвеннаго воздѣйствія на подданнаго въ случаѣ нарушенія послѣднимъ своихъ обязанностей къ отечеству (напр. лишеніе его права на защиту, угроза наказанія при возвращеніи въ отечество, лишеніе права подданства). Мы уже замѣтили. что физическое удаленіе подданнаго изъ отечественныхъ предѣловъ не измѣняетъ само по себѣ юридическаго его положенія какъ подданнаго,—*юридическая связь* между подданнымъ и отечественнымъ государствомъ прекращается лишь съ установленіемъ новой юридической связи подданнаго съ другимъ государствомъ. Поэтому и по удаленіи изъ предѣловъ отечества, подданный остается подчиненнымъ отечественной государственной власти, личному верховенству ея,—взаимныя ихъ права и обязанности въ существѣ своемъ не измѣняются. Между прочимъ подданный подчиняется всѣмъ законамъ и распоряженіямъ отечественнаго государства въ особенности въ сферѣ личныхъ его правъ. Но такъ какъ положеніе лица, находящагося въ международномъ оборотѣ, опредѣляется не только отечественными его законами, но и принципами м. общенія, то *повиновеніе отечественному праву* имѣетъ здѣсь мѣсто по стольку, *по скольку оно фактически возможно и совмѣстимо* съ существующими въ мѣстѣ его пребыванія и обязательными для иностранцевъ законами.

[2]) Иностранныя законодательства въ статьѣ Гессена въ Ж. Юр. Общ. 1896 г. № 9 и въ его монографіи.

Обязанность повиновенія отечественному государству подданныхъ, пребывающихъ внѣ отечества, признана и м. правомъ и санкціонирована цѣлымъ рядомъ конвенцій, въ частности—консульскихъ. Такъ изъ м. признанія обязатльности правильнаго отбыванія отечественной воинской повинности подданными возникъ рядъ м. конвенцій и картелей *о выдачѣ дезертировъ*. Впрочемъ, по общему правилу, иностранное госуд-во не вмѣшивается въ отношеніе госуд-ва къ его подданнымъ и потому не обязано содѣйствовать принужденію къ исполненію послѣдними ихъ обязанностей относительно отечественнаго (Напр. въ случаѣ вызова иностранца отечественнымъ государствомъ для отбыванія воинской повинности и т. п.), если нѣтъ особаго соглашенія.

Подданный госуд-ва имѣетъ несомнѣнное, вытекающее изъ самаго понятія подданства право пребывать въ своемъ отечествѣ, слѣдоват., и вернуться въ него послѣ выѣзда заграницу, ибо—какъ мы видѣли—по общему правилу подданн-скія отношенія лица не ограничены пространственно предѣлами госуд. территоріи, точно такъ же, какъ ими не ограничивается личный суверенитетъ госуд-ва надъ подданнымъ. Поэтому и госуд-во обязано, по общему правилу, не препятствовать возвращенію своихъ подданныхъ на родину. Вопросъ нѣсколько осложняется въ тѣхъ случаяхъ, когда подданный неразрѣшеннымъ ему выѣздомъ заграницу нарушаетъ тѣмъ самымъ одну изъ своихъ основныхъ обязанностей относительно своего отечества—повиновеніе отечественнымъ законамъ, и тѣмъ самымъ, если не порвалъ окончательно. то во всякомъ случаѣ подорвалъ свои подданническія отношенія, давъ возможность предположенію о намѣреніи окончательно ихъ порвать. Но и въ этомъ случаѣ, при послѣдующемъ желаніи подданнаго вернуться въ отечество, госуд-во не въ правѣ отказать ему въ своемъ на это разрѣшеніи,—главнымъ образомъ, послѣдствіе мотивовъ лежащихъ въ междун. отношеніяхъ. А именно, устанавливающіе условія утраты подданства національные законы и распоряженія, для того, чтобы быть дѣйствительными, должны быть осуществимы въ м. сферѣ; безусловную силу они имѣютъ лишь въ томъ случаѣ, когда не затрогиваютъ свободы воли другого государства. Поэтому, а также въ виду указанныхъ уже соображеній,—1) что въ м. жизни всякое лицо предполагается находящимся въ подданствѣ извѣстному госуд-ву, 2) что утрата подданства получаетъ въ м. сферѣ дѣйствитель-

ное значеніе лишь въ моментъ принятія лицомъ новаго подданства, 3) что никакое госуд-во не обязано принимать у себя, а тѣмъ болѣе—принимать въ свое подданство, подданныхъ чужого госуд-ва,—въ виду этихъ соображеній, *обязанность государства обратно принимать своихъ подданныхъ, не получившихъ натурализаціи въ другомъ государствѣ, должна быть признана безусловною въ м. сферѣ*, а съ другой стороны, юридическая сила экспатріаціи обусловливается принятіемъ исключеннаго изъ подданства лица въ число гражданъ другого государства. Хотя нѣкоторыя государства и признаютъ возможность для своихъ гражданъ утраты ими подданства или исключенія изъ него, однако нельзя навязывать другому госуд-ву обязанности принимать у себя такихъ, лишенныхъ правъ отечественнаго гражданства, лицъ. (Поэтому же всѣ, почти, современныя цивилизованныя госуд-ва отказались отъ практиковавшагося въ старыя времена *изгнанія* своихъ подданныхъ, какъ политической карательной мѣры. Исключеніе—Болгарія и Португалія).

Россія всегда (въXIX в.) дѣлала и нынѣ дѣлаетъ затрудненія къ принятію обратно своихъ эмигрантовъ. Такъ, въ 1877 г. она отказала принять эмигрировавшихъ въ Бразилію, а потомъ пожелавшихъ вернуться въ Россію саратовскихъ колонистовъ,—на возвратномъ пути они не были пропущены изъ Германіи въ Россію и лишь по настоянію Германіи, пропускъ былъ данъ въ 1878 г. Но въ 1886 г. было заключено соглашеніе (путемъ обмѣна нотъ) Россіею съ Австріею, а въ 1894 г. и съ Германіею (конвенція приложенная къ торгов. договору) въ силу котораго эти госуд-ва обязываются принимать не только своихъ дѣйствительныхъ подданныхъ, но и тѣхъ изъ своихъ бывшихъ подданныхъ, которые утративъ свое подданство вслѣдствіе проживанія за границею, или вслѣдствіе выхода изъ подданства или же по какой иной причинѣ, не пріобрѣли подданства другого госуд-ва.

Обязанности повиновенія подданныхъ, пребывающихъ заграницею, отечественному госуд-ву соотвѣтствуетъ обязанность отечественнаго госуд-ва *оказывать имъ защиту* и *принять ихъ обратно* въ случаѣ желанія подданныхъ вернуться въ отечество. Та и другая обязанность госуд-ва служитъ выраженіемъ и является послѣдствіемъ существующей между нимъ и подданнымъ юридической связи. Государства отказываютъ въ своей защитѣ лишь такимъ своимъ подданнымъ, которые своимъ поведеніемъ оказались бы недостойными его или, вслѣдствіе правонарушенія, утеряли бы право на него.

Право подданныхъ на защиту отечественнымъ государствомъ за границею оговорено въ 3 ст. Германской конституціи. Обязанность ихъ защиты формулирована обычно въ консульскихъ уставахъ (нашъ Уст. Конс. ст. 47) и въ консульскихъ конвенціяхъ. Къ подданнымъ приравниваются туземцы подохранныхъ колоніальныхъ владѣній госуд-ва. Но сверхъ того госуд-во оказываетъ свою защиту и лицамъ, вообще принятымъ имъ подъ свою охрану (напр. лицамъ, находящимся на службѣ у дипломатич. и консульскихъ агентовъ его—переводчикамъ, тѣлохранителямъ и даже прислугѣ, хотя бы они были мѣстными подданными; но это только въ госуд. не европейской культуры,—напр., въ Турціи, Китаѣ. Ср. ст. Доливо-Добровольскаго въ Ж. М. Юст. 1902, № 2).—Свое право и обязанность защиты подданныхъ госуд-во препоручаетъ иногда другому, дружественному госуд-ву. Между прочимъ, въ случаѣ разрыва дипломатическихъ сношеній или войны съ другимъ госуд-вомъ, госуд-во поручаетъ обыкновенно охрану своихъ подданныхъ въ этомъ госуд-вѣ какой-либо посторонней дружественной державѣ. По договору Германіи съ Австріею 1891 г. (подтвержд. въ 1905 г.) германскіе консулы обязаны оказывать защиту австрійскимъ подданнымъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ австрійскаго консула, а австрійскіе консулы оказыгаютъ такую же защиту германскимъ подданнымъ при отсутствіи германскаго консула.

И постороннее госуд-во можетъ оказать свою защиту чужому подданному (иностранцу) въ чужомъ государствѣ (не только въ видѣ предоставленія убѣжища въ посольствѣ или на военномъ суднѣ). Но это бываетъ на практикѣ лишь въ случаяхъ явной опасности для жизни или при явномъ нарушеніи безопасности такихъ иностранцевъ (напр., во время смутъ) и, преимущественно въ странахъ неевропейской культуры, и притомъ, когда защита иностранцу почему-либо не можетъ быть оказана его отечественнымъ госуд-вомъ. Но ни въ какомъ случаѣ госуд-во не въ правѣ присваивать себѣ п р и н ц и п і а л ь н о право защиты въ чужомъ госуд-вѣ чужихъ подданныхъ; это было бы вторженіемъ въ права личнаго суверенитета чужого государства. Германія вполнѣ основательно отклоняла неоднократно притязанія Франціи на право защиты всѣхъ католиковъ на Востокѣ (въ Турціи) безъ различія ихъ подданства, хотя Франція и опиралась на постановленіе 62 ст. Берлинскаго трактата 1878 г., „строго“ сохранившаго за нею права, предоставленныя ей въ прежнія времена. Право защиты и, притомъ не только собственныхъ подданныхъ, вообще практикуется культурными государствами очень широко и съ значительными нерѣдко злоупотребленіями въ государствахъ Востока.

Обязанность защиты государствомъ своихъ подданныхъ, находящихся заграницею можетъ наступить въ двухъ случаяхъ:

1) если *само чужое госуд-во нарушило* по отношенію къ нимъ *правила м. права:* напр., обращаетъ иностранцевъ въ рабство, принуждаетъ къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, нарушаетъ основанныя на трактатахъ права иностранцевъ и т. п.

и 2) если это госуд-во *не защитило ихъ отъ оскорбленій или нарушенія ихъ правъ со стороны частныхъ лицъ.*

Никакое госуд-во не обязано безусловно принять иностранца, но разъ допустивши его на свою территорію, оно *обязано уважать въ его лицѣ члена другого государства*. Уже въ XVIII в. извѣстный публицистъ Ваттель формулировалъ признанный уже тогда м. практикою принципъ, основанный на юридическомъ равенствѣ всѣхъ цивилизованныхъ, стоящихъ въ м. общеніи госуд-въ, что какъ скоро госуд-во принимаетъ иностранца, оно тѣмъ самымъ обязывается защищать его наравнѣ со своими собственными подданными и предоставлять ему полную, на сколько это зависитъ отъ него, безопасность. Поэтому въ обоихъ указанныхъ случаяхъ, отечество оскорбленнаго въ правѣ требовать отъ чужого государства прекращенія несправедливостей, удовлетворенія и вознагражденія обиженнымъ и, если нужно, то гарантій противъ подобныхъ злоупотребленій на будущее время.

Но государство отвѣчаетъ непосредственно лишь за такія правонарушенія, которыя совершены его агентами или органами (судебными или административными) или же вслѣдствіе дефектовъ въ его организаціи (напр., отсутствіе законодательной, или судебной охраны правъ частныхъ лицъ). Въ подобныхъ случаяхъ имѣется на лицо нарушеніе м. обязанностей госуд-ва, какъ члена м. общенія культурныхъ народовъ. Поэтому госуд-во непосредственно отвѣчаетъ, напр., за угнетеніе иностранцевъ, за нарушеніе правъ, признанныхъ за ними въ силу договоровъ, за намѣренное неогражденіе или за попустительство къ нарушенію ихъ безопасности и личной свободы, напр., за непосредственныя дѣйствія и распоряженія своихъ органовъ и агентовъ, коими нарушаются права иностранцевъ, за бездѣйствіе ихъ относительно защиты иностранцевъ отъ посягательства, которое они могли отвратить (со стороны толпы), за отказъ правительственными установленіями въ правосудіи или въ удовлетвореніи потерпѣвшихъ иностранцевъ по м ѣ с т н ы м ъ законамъ и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда иностранецъ въ качествѣ такового терпитъ ущербъ по сознательной волѣ и винѣ органовъ чужого государства, проявляемой по отношенію къ нему именно какъ иностранцу, отечественное государство пріобрѣтаетъ законное (съ точки зрѣнія м. права) право осуществить свою обязанность защиты своего потерпѣвшаго подданнаго. Но даже въ этомъ случаѣ государство правомѣрно вступается въ дѣло лишь тогда, если послѣ совершеннаго относительно его подданнаго правонарушенія послѣднему отказано было мѣстнымъ правительствомъ и его компетентными органами въ защитѣ или въ возстановленіи его нарушенныхъ правъ или въ правосудіи согласно мѣстнымъ законамъ, такъ какъ иностранецъ въ качествѣ чужеземца не можетъ претендовать на большую защиту и на какія-либо преимущественныя права сравнительно съ туземными подданными. Во второмъ случаѣ,—если иностранецъ потерпѣлъ отъ дѣйствій частныхъ лицъ подданныхъ государства, въ которомъ онъ пребываетъ (напр., отъ разбойниковъ), то принципіально и непосредственно государство за такія правонарушенія, совершенныя относительно иностранцевъ на его территоріи, не отвѣчаетъ; въ подобныхъ случаяхъ компетентнымъ органомъ для возстановленія нарушеннаго права являются или административныя власти, или мѣстный судъ, дѣйствующіе на основаніи и сообразно мѣстнымъ законамъ. Лишь въ случаѣ отказа въ правосудіи или недостаточности или неудовлетворительности судебной или административной организаціи чужого государства, если правонарушеніе совершено или не было исправлено какъ бы по винѣ самого госуд-ва, госуд-во, которому принадлежитъ потерпѣвшій въ правѣ вступиться въ дѣло послѣ того, какъ будутъ исчерпаны всѣ существующіе въ томъ госуд-вѣ для мѣстныхъ подданныхъ способы защиты ихъ правъ и достиженія правосудія. Всякому государству принадлежитъ исключительная юрисдикція на своей территоріи; поэтому иностранецъ, потерпѣвшій правонарушеніе долженъ обратиться за защитою прежде всего къ компетентнымъ органамъ государства, въ которомъ онъ живетъ, при чемъ не въ правѣ претендовать на привиллегированное сравнительно съ мѣстными подданными положеніе. Только въ случаѣ, если ему будетъ отказано въ защитѣ, а не ранѣе, вступаетъ въ силу право его отечественнаго государства на вмѣшательство для защиты его правъ.

Поэтому, по общему правилу, дипломатическіе представители государства не вступаются по поводу правовыхъ претензій или жалобъ частныхъ лицъ въ такія дѣла, которыя подлежатъ вѣдѣнію мѣстнаго гражд. или уголовн. правосудія или разрѣшенію административнымъ порядкомъ, если нѣтъ на лицо отказа въ правѣ или въ правосудіи, или же противозаконной судебной волокиты или неисполненія законнаго приговора. Право защиты государствомъ подданнаго наступаетъ и въ томъ случаѣ, если послѣ того, какъ предусмотрѣнныя мѣстнымъ законодательствомъ мѣры для возстановленія его нарушенныхъ правъ исчерпаны, будетъ все-таки на лицо нарушеніе существующихъ договоровъ или общепризнанныхъ нормъ м. права.

Въ новѣйшее время было нѣсколько случаевъ бойкота мѣстнымъ населеніемъ иностранныхъ купцовъ подданныхъ государства, съ которымъ данное госуд-во вступало въ конфликтъ (примѣръ—турки противъ австрійцевъ въ 1909 г.). Здѣсь нѣтъ мѣста вмѣшательству иностранн. госуд-ва въ защиту интересовъ подданныхъ поскольку туземное государство и его органы не оказываютъ активной поддержки бойкоту.—Въ случаяхъ, когда иностранцы являются пострадавшими отъ внутреннихъ смутъ въ государствѣ м. практика установила принципъ, что они не въ правѣ требовать для себя какихъ-либо преимуществъ сравнительно съ туземцами. Но бываютъ и отступленія отъ этого принципа: въ 1902 г. напр., Англія, Германія и Италія потребовали отъ Венецуэлы вознагражденія своихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ во время революціи и послѣ отказа въ немъ поддержали свое требованіе блокадой и даже бомбардировкой побережій республики. Въ договорахъ южно-американскихъ государствъ между собой и съ государствами европейскими они обычно вносятъ оговорку о неотвѣтственности за ущербъ, причиненный иностранцамъ во время внутреннихъ смутъ, очень частыхъ въ этихъ государствахъ. Государства иногда добровольно вознаграждаютъ въ подобныхъ случаяхъ пострадавшихъ иностранцевъ (Франція въ 1871 г. послѣ Коммуны), но они къ этому не обязаны юридически. (Ср. постановленія

Невшательской сессіи Института м. права 1900 г. въ Ж. М. Ю. 1901 г. № 3). Часто вызывали защиту государства коммерческія и финансовыя предпріятія его подданныхъ и въ особенности случаи несостоятельности какого-либо государства въ уплатѣ процентовъ и погашеніи долга по заключеннымъ имъ внѣшнимъ займамъ (такіе случаи были съ Турціей, Египтомъ). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы бумагъ, выпущенныхъ иностраннымъ государствомъ, не рѣдко настаивали передъ своими правительствами о вмѣшательствѣ въ ихъ пользу не только дипломатическимъ путемъ, но даже мѣрами принужденія. По одному изъ такихъ требованій англійское правительство въ 1848 г. высказало мнѣніе, что отдавая свои капиталы иностранному правительству съ цѣлью финансовой спекуляціи, заинтересованныя лица должны имѣть въ виду рискъ, присущій всякой финансовой спекуляціи независимо отъ контрагентовъ. Такой же взглядъ высказывало и французское правительство; ни Англія, ни Франція не считаетъ себя о б я з а н н ы м и заступаться за своихъ подданныхъ, которые ввѣрили свои капиталы чужому государству и потерпѣли отъ его банкротства. Такъ, напр.— фирма Берингъ въ 1890 г. потерпѣла банкротство оттого, что потеряла свои капиталы въ банкротство Аргентинской республики; Англія, однако, отказалась защищать Беринга. Но бывали и случаи отступленія на практикѣ отъ этого принципа даже въ видѣ учрежденія междун. финансовыхъ коммиссій для контроля финансоваго управленія, напр. въ Турціи, Египтѣ, Греціи. Гаагская конференція 1907 г. постановила обращеніе въ подобныхъ случаяхъ къ третейскому суду. Также въ случаѣ коммерческихъ предпріятій, устраиваемыхъ подданными въ чужомъ государствѣ (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, постройка заводовъ) они вызываютъ дѣятельное заступничество своего правительства только въ томъ случаѣ, если интересы подданныхъ будутъ нарушены вопреки законамъ той страны.

Что касается обычныхъ *способовъ защиты подданныхъ* въ чужомъ госуд-вѣ, то сюда относятся въ постепенной градаціи: дипломатическіе запросы, предстатленія, репрессаліи, реторсіи, военныя экзекуціи, наконецъ—въ крайнихъ случаяхъ—война, причемъ госуд-венными агентами для этихъ мѣръ (кромѣ войны) являются консулы и дипломатич. агенты. Отказъ въ правосудіи (deni de justice) признавался законнымъ поводомъ къ войнѣ публицистами XVI и XVII в. Актъ о натурализаціи 1868 г. С.-А. С. Штатовъ угрожаетъ реторсіями за оскорбленіе американскихъ гражданъ (Китай и междунар. карат. экспедиція 1900 г.; Турція и Франція 1901 г.).

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное о взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ подданнаго, находящагося внѣ отечества, и его отечественнаго госуд-ва, мы можемъ сказать, что *обязанностью повиновенія* подданнаго отечественному законодательству и государственной власти и *обязанностью* послѣднихъ *охранять права* подданныхъ за границею ограничиваются эти взаимныя отношенія. Госуд-во не имѣетъ непосредственной юрисдикціи надъ своими подданными, находящимися въ другомъ госуд-вѣ, если только послѣднее не предоставляетъ ему, въ видѣ исключенія, этого права; напр., договорами европейскихъ госуд-въ съ мусульманскими и другими полуцивилизованными госуд-вами установлено право юрисдикціи въ пользу консуловъ и дипломатич. агентовъ европейскихъ державъ.

И м м и г р а ц і я и н а т у р а л и з а ц і я. Эмиграціи и выходу изъ подданства соотвѣтствуетъ въ обратномъ порядкѣ иммиграція и принятіе подданства (натурализація). Подобно тому, какъ эмиграція не соотвѣтствуетъ простому выбытію изъ отеч-ва, а предполагаетъ намѣреніе не возвращаться въ него, такъ и понятіе иммиграціи не тождественно съ временнымъ пребываніемъ въ предѣлахъ неотечественнаго государства. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, моментомъ, опредѣляющимъ юридическій характеръ пребыванія лица въ чужомъ государствѣ, является прежде всего личная воля, *намѣреніе* лица (его animus): иммиграція предполагаетъ со стороны иностранца переселеніе въ чужое государство съ намѣреніемъ длящагося поселенія и хозяйственнаго обзаведенія и съ послѣдующею натурализаціею въ немъ. Лицо вступаетъ въ государство либо *фактически*, становясь вслѣдствіе этого въ подчиненіе лишь территоріальному верховенству государства на положеніи иностранца, либо, принимая его подданство, оно вступаетъ въ *органическую связь* съ нимъ всѣмъ своимъ юридическимъ существомъ, становится органическимъ членомъ государства и подчиняется въ своемъ правовомъ положеніи всему политическому и юридическому строю и порядку этого госуд-ва и его личному суверенитету.

Въ исторіи случаи иммиграціи мы видимъ съ давнихъ временъ: государства подъ вліяніемъ меркантильной политики обычно препятствовали эмиграціи своихъ подданныхъ и, наоборотъ, поощряли иммиграцію иностранцевъ, особенно охотно принимали богатыхъ иммигрантовъ или такихъ, которые могли оказать пользу государственной промышленности, а государства военныя—людей, способныхъ къ военной службѣ (служилые иноземцы Московскаго государства). Иммигрантъ сливался съ массой столь же безправнаго, какъ и онъ, населенія и так. обр. по существу юридическія послѣдствія иммиграціи и натурализаціи сливались. Даже особаго юридическаго акта принятія иммигранта въ составъ госуд-ва не требовалось: вслѣдствіе господства феодальнаго принципа территоріальной власти (jus soli), верховныя права территоріальнаго господина распространялись безраздѣльно и на территорію, и на ея населеніе, какъ туземное, такъ и пришлое (подъ условіемъ лишь разрѣшенія на поселеніе). По мѣрѣ усиленія государственнаго монархическаго принципа и образованія сплоченныхъ государственныхъ организ-

мовъ, мы видимъ зародыши юридическаго опредѣленія отношеній иммигранта къ главѣ государства (а, слѣдовательно, и къ государству). Таковы старыя французскія lettres de naturalité или lettres de déclaration de naturalité: въ общемъ натурализація обязывала натурализованнаго службой принявшему его госуд-ву. Въ Россіи, пріѣзжавшіе по вызову правительства переселенцы должны были приносить присягу въ подданствѣ, но за то получали особыя привиллегіи въ видѣ льготъ отъ податей и разнаго рода повинностей и т. д. Но и здѣсь еще нельзя признать актовъ правильнаго, юридическаго организованнаго въ государственномъ и международномъ смыслѣ *перехода* отдѣльныхъ лицъ изъ одного подданства въ другое въ м. сферѣ. Для того, чтобы натурализація могла получить указанный нами смыслъ и характеръ необходимо было, чтобы общія понятія правъ гражданства и подданства, т. е. не только фактической, но и юридической принадлежности извѣстнаго лица къ извѣстному госуд-ву, вполнѣ выработались въ жизни и сознаніи всѣхъ государствъ м. союза; это было необходимо уже въ виду указанной нами тѣсной внутренней связи между институтомъ натурализаціи и вопросомъ о подданствѣ. Дѣйствительно лишь по мѣрѣ вымиранія феодальныхъ и вотчинныхъ принциповъ территоріальной власти, коммунальнаго и провинціальнаго строя общественной и государственной организаціи, идея гражданства и подданства постепенно развивается и переходитъ отъ узкой идеи территоріально-вотчиннаго подчиненія, общиннаго или провинціальнаго гражданства, къ высшему типу, основы которому положены французской революціей,—къ типу, отвѣчающему взглядамъ и потребностямъ современной государственной и международной жизни. Со второй половины прошлаго вѣка мы уже находимъ въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ цѣлый рядъ законоположеній, на основаніи которыхъ въ большинствѣ государствъ м. союза регулируется *юридическій переходъ* изъ одного подданства въ другое.

Вопросъ натурализаціи, какъ и подданства, есть вопросъ преимущественно внутренняго государственнаго и административнаго права; международнаго же права онъ касается по столько, по сколько вліяетъ на юридическое положеніе лица въ м. сферѣ. Натурализація иностранцевъ допускается (подъ извѣстными, конечно, условіями), всѣми современными госуд-вами. Такъ какъ натурализація есть актъ верховной госуд. власти, коимъ госуд-во принимаетъ иностранца въ свое подданство и такъ какъ отношеніе подданства сопряжено съ извѣстными взаимными правами и обязанностями государства и его подданнаго, то отсюда очевидно, что *для установленія* такого отношенія необходимымъ условіемъ является *взаимное соглашеніе сторонъ*. Подобно тому, какъ госуд-во не имѣетъ права принуждать пребывающаго на его территоріи иностранца ко вступленію въ подданническія къ себѣ отношенія, точно также ино-

странецъ не имѣетъ права требовать отъ госуд-ва, въ которомъ онъ пребываетъ, чтобы оно приняло его въ число своихъ подданныхъ. Можно указать лишь весьма немного случаевъ, когда, въ силу принятой законодательной практики, пріобрѣтеніе подданства происходитъ *помимо непосредственной воли сторонъ*, преимущественно въ силу общепринятыхъ принциповъ семейнаго права. Такъ, женщина, при *вступленіи въ бракъ*, переходитъ въ подданство государству, которому принадлежитъ мужъ. (Но вступленіе русской подданной въ бракъ съ иностранцемъ только по гражданскому обряду не измѣняетъ ея подданства. Также измѣненіе подданства мужемъ послѣ брака не вліяетъ необходимо на подданство жены). Несовершеннолѣтнія *дѣти* слѣдуютъ подданству родителей: рожденныя въ законномъ бракѣ—подданству отца, внѣбрачныя—подданству матери. Но внѣбрачныя дѣти русской подданной, рожденныя за границей не признаются русскими подданными). Тоже правило распространяется на усыновленныхъ. Впрочемъ, какъ бы въ видѣ поправки, нѣкоторыя законодательства допускаютъ возвращеніе въ прежнее подданство, напримѣръ, вдовы, утратившей его вслѣдствіе брака съ иностранцемъ, въ случаѣ возвращенія ея на родину. Такое правило имѣетъ мѣсто въ законодательствѣ Россіи, Франціи, Голландіи. Допускается также возвращеніе въ прежнее подданство достигшихъ совершеннолѣтія дѣтей лица, перемѣнившаго подданство во время ихъ малолѣтства (Франція) и т. п.

Какъ уже было замѣчено, госуд-во не можетъ быть обязано принять въ составъ своихъ подданныхъ иностранца вслѣдствіе лишь заявленнаго послѣднимъ желанія вступить въ подданство ему,—такъ какъ съ переходомъ въ подданство иностранецъ пріобрѣтаетъ *право* на *пребываніе* въ госуд-вѣ и на его *защиту*, то госуд-во вольно принять его или отказать въ пріемѣ. Тѣмъ не менѣе возможны и ограниченія этого права госуд-ва, прежде всего въ силу его же собственнаго законодательства или *самоограниченія воли*. Такъ, во французскомъ, англійскомъ и южноамериканскихъ законодательствахъ до нынѣ признается принципъ jus soli въ томъ смыслѣ, что за всякимъ ребенкомъ, рожденнымъ на французской или англійской территоріи (или кораблѣ) признается *право* на французское или англійское подданство по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Или ребенку, отецъ котораго перемѣнилъ подданство, предоставляется, иногда, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, возвратиться въ подданство отечественнаго госуд-ва. Французское законодательство облегчаетъ натурализацію иностранца, женатаго на францу-

женкѣ. Далѣе, на основаніи субъективнаго права, иностранецъ можетъ требовать принятія въ подданство государства вслѣдствіе порученной *ему должности на государственной* или военной *службѣ*, какъ это узаконено во Франціи и Германіи, или на основаніи долговременнаго (въ теченіе указаннаго закономъ срока) пребыванія въ госуд-вѣ. Это послѣднее условіе субъективнаго права на натурализацію, впрочемъ, выходитъ изъ употребленія въ новѣйшихъ европейскихъ законодательствахъ. Наконецъ, госуд-во обязано признавать подданнымъ себѣ *населеніе пріобрѣтенной* имъ мирнымъ путемъ *территоріи*, т. е. всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по мѣстожительству въ этой территоріи, въ моментъ перехода ея къ пріобрѣтателю, находились до присоединенія ея въ подданническихъ отношеніяхъ къ уступившему ее госуд-ву. Съ другой стороны и населеніе такой территоріи переходитъ de jure въ подданство пріобрѣтающаго госуд-ва, за исключеніемъ лицъ, воспользовавшихся правомъ выбора подданства (option) для сохраненія своего стараго подданства.

Если въ указанныхъ случаяхъ натурализація, въ смыслѣ принятія иностранца въ составъ госуд-венныхъ подданныхъ, является какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго юридическаго положенія иностранца, за то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оно обставляется различными, опредѣленными законодательствомъ принимающаго госуд-ва, условіями. Большинство европейскихъ законодательствъ ставятъ пріемъ иностранца въ подданство госуд-ва *въ зависимость отъ слѣдующихъ условій:*

1) отъ *личнаго* юридическаго, соціальнаго и экономическаго *положенія* иностранца: отъ его возраста и юридической дѣеспособности, отъ его трудовой или экономической самостоятельности (т. е. возможности содержать себя на собственныя средства своимъ трудомъ), отъ его юридической нравственной безупречности (судебной неопороченности, но не по политическимъ дѣламъ) и т. п. (объ Англіи см. Ж. М. Ю. 1905, № 6 стр. 273).

2) отъ предварительнаго *пребыванія или поселенія* или же *хозяйственнаго обзаведенія* (établissement) въ предѣлахъ принимающаго госуд-ва въ теченіе извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго, законами его опредѣленнаго времени. Это условіе встрѣчается въ большинствѣ законодательствъ (Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи, Россіи), различающихся лишь сроками. Иногда самое поселеніе съ цѣлью послѣдующей натурализаціи обусловливается предварительнымъ разрѣшеніемъ властей (въ Россіи и Франціи),—въ такомъ случаѣ теченіе назначеннаго для натурализаціи срока поселенія исчисляется лишь со времени оффиціальнаго разрѣшен. такого поселенія. Эти сроки по общепринятой практикѣ могутъ быть сокращаемы въ уважительныхъ случаяхъ. Германія и Австрія не опредѣляютъ срока обязательнаго поселенія натурализуемаго.

3) Пріемъ иностранца въ подданство ставится въ зависимость отъ государственныхъ *отношеній къ его отечественному госуд-ву*. Это условіе встрѣчается сравнительно рѣже въ законодательной практикѣ. Лишь немногія законодательства (напр. Швейцарское и Венгерское) и немногіе м. трактаты требуютъ, для разрѣшенія иностранцу натурализаціи, документальнаго свидѣтельства объувольненіи его изъ подданства отечественному государству или объ отбытіи имъ воинской повинности въ своемъ отечествѣ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи это условіе не требуется. Германія хотя и выдаетъ увольнительныя свидѣтельства своимъ эмигрирующимъ подданнымъ, но отъ иммигрирующихъ иностранцевъ требуетъ ихъ, подобно Австріи, въ томъ только случаѣ, когда имѣетъ съ ихъ отечествомъ картель о дезертирахъ (т. е. договоръ о непринимании дезертировъ). Между Австріей и Германіей существуетъ за то взаимное соглашеніе о непріемѣ въ подданство обоюдныхъ неуволенныхъ подданныхъ. Наконецъ, Англія, Швеція, Испанія не признаютъ свою натурализацію дѣйствительной по отношенію къ прежнему отечеству натурализованнаго, если по его законамъ она не признается дѣйствительной; напр. русскій подданный, натурализованный въ Англіи безъ разрѣшенія со стороны Россіи на такую натурализацію, не пользуется защитой англійскихъ законовъ, если онъ возвратится на жительство въ Россію.

4) Наконецъ, принятіе въ подданство зависитъ отъ соблюденія со стороны натурализуемаго извѣстныхъ *формальностей, символически закрѣпляющихъ юридическое отношеніе* новаго подданства: принесенія присяги на подданство (въ Россіи, Италіи, Франціи, Англіи), или принятія документа о натурализаціи (въ Германіи и Бельгіи), или отреченія отъ прежняго подданства (въ С. Штатахъ) и т. п.

Лишь въ случаѣ удовлетворенія иммигрантомъ требуемыхъ законодательствомъ принимающаго государства условій, онъ формально принимается въ подданство *компетентными государственными органами*. Въ этомъ отношеніи въ государственной практикѣ существуютъ *три системы:* а) производство по вопросамъ о принятіи въ подданство предоставляется исключительной *компентенціи исполнительной власти;* въ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи; б) или натурализація

совершается *законодательнымъ порядкомъ* для каждаго отдѣльнаго лица,—въ Бельгіи, Голландіи, Румыніи; в) или, наконецъ, право натурализаціи принадлежитъ *законодательной и исполнительной власти сообща*. Въ пользу второй и третьей системы приводится то соображеніе, что вступленіе иностранца въ число членовъ государства возможно лишь съ согласія организованнаго представительства этого государства, т. е. народнаго представительства.

Обращаясь къ *юридическимъ послѣдствіямъ натурализаціи* и къ установляемымъ ею юридическимъ отношеніямъ между натурализованнымъ и принявшимъ его государствомъ, нужно замѣтить, что натурализація не всегда имѣетъ *непосредственнымъ послѣдствіемъ* уравненіе натурализованнаго съ природными гражданами государства, т. е. гражданами, пользующимися всѣми политическими и гражданскими правами, установленными для нихъ отечественнымъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ мы видимъ *три системы:*

1) Вслѣдствіе натурализаціи натурализованный пріобрѣтаетъ *ipso jure полную равноправность* съ природными гражданами госуд-ва (въ Германіи, Австріи, Франціи, Россіи).—Или 2) Вступленіе натурализованнаго *въ гражданскую полноправность совершается постепенно*, въ зависимости отъ особыхъ условій. Напр. въ С. Штатахъ натурализованный пріобрѣтаетъ политическія права только по истеченіи извѣстнаго времени, въ продолженіе котораго лицо пребываетъ въ званіи гражданина; но никогда натурализованный не можетъ быть избранъ въ президенты.—Или 3) *Сама натурализація совершается постепенно*, въ видѣ цѣлаго ряда актовъ, постепенно расширяющихъ правоспособность натурализованнаго и завершающихся предоставленіемъ ему гражданскаго полноправія и равноправности съ природными гражданами. Такая постепенность натурализаціи практикуется въ Англіи, Бельгіи, Италіи, С.-А. С. Штатахъ (2 степени), Даніи (2степени), Испаніи (4 степени). Въ Англіи различается натурализація въ силу особаго парламентскаго акта, при которой натурализованный получаетъ всю полноту политической правоспособности : право избранія въ парламентъ, въ тайный совѣтъ, въ высшія придворныя должности,—отъ натурализаціи административнымъ путемъ, на основаніи закона о натурализаціи 1870 г. (Сверхъ того особое положеніе, среднее между положеніемъ иностранца и натурализованнаго, даетъ денизація (denization); она не сообщаетъ политическихъ правъ и не обусловливается выходомъ изъ отечественнаго под-ства). Въ Бельгіи и Италіи различается полная (большая) и малая (ординарная) натурализація; только первая сообщаетъ натурализованному всѣ политическія и гражданскія права природнаго подданнаго. Она дается за особыя заслуги.

Наше законодательство объ условіяхъ пріобрѣтенія русск. подданства до изданія закона 1864 г. руководствовалось господствовавшимъ въ прежнія времена взглядомъ на всякое увеличеніе количества населенія, какъ на безусловную выгоду для государства. Поэтому, для пріобрѣтенія иностранцемъ русскаго подданства законъ не ставилъ никакихъ ограничительныхъ условій: не требовалось ни матеріальной обезпеченности и судебной неопороченности, ни опредѣленной продолжительности пребыванія въ Россіи. Вступленіе въ подданство совершалось принятіемъ присяги, къ которой иностранцы приводились властью губернскаго правленія. Распространеніе или нераспространеніе натурализаціи на дѣтей зависѣло отъ усмотрѣнія натурализуемаго. Сверхъ того натурализуемые пользовались особыми преимуществами сравнительно съ коренными подданными: имъ однимъ предоставлялось право свободнаго выхода изъ русскаго подданства, а Уставъ о податяхъ предоставлялъ имъ свободу отъ платежа подушной въ теченіе двухъ лѣтъ. Законъ 10 февр. 1864 г. составляетъ первый шагъ къ нѣкоторому ограниченію свободы доступа въ Русское подданство. Ограниченіе это явилось логическимъ слѣдствіемъ реформъ того времени: освобожденіе крестьянъ, судебная и земская реформы доставили всѣмъ русскимъ гражданамъ извѣстныя публичныя права, а вслѣдствіе этого явилась необходимость болѣе разборчиваго отношенія къ натурализуемымъ въ Россіи иностранцамъ. Въ 1895 г. проектировался новый законъ о натурализаціи. (Критику его см. въ статьѣ проф. Коркунова въ Журн. Мин. Юст. 1895 г. №10 и Гессена въ Журн. Петерб. Юр. Общ. 1896 г. № 9).

Натурализація (укорененіе) *въ Россіи* опредѣлена *закономъ* 1864 года. (Св. Зак. IX, 1010—1031), значительно затруднившимъ натурализацію иностранцевъ въ Россіи. Натурализація имѣетъ личный характеръ (какъ во Франціи, Бельгіи) съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что она распространяется сама собою и на жену натурализуемаго: дѣти же его, рожденныя до натурализаціи, могутъ быть приняты въ русск. подданство только по собственному ихъ желанію по достиженіи ими совершеннолѣтія. Главное условіе для натурализаціи въ русск. подданствѣ—*предварительное пятилѣтнее водвореніе* въ Россіи съ вѣдома и разрѣшенія губернатора, при чемъ срокъ водворенія считается только со времени полученія водворительнаго свидѣтельства. Самое продолжительное пребываніе въ Россіи, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, безъ полученія водворительнаго свидѣтельства отъ мѣстнаго губернатора, не даетъ права на укорененіе. Безусловно недопускается натурализація замужнихъ женщинъ отдѣльно отъ мужей. По истеченіи

пятилѣтняго срока водворенія, иностранцу предоставляется право подать министру внутр. дѣлъ просьбу о натурализаціи, при чемъ онъ долженъ представить удостовѣреніе о поселеніи и свидѣтельство объ образѣ жизни. Въ просьбѣ можетъ быть отказано безъ объясненія причинъ. Пятилѣтній *срокъ пребыванія сокращается или* совершенно *не требуется* въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для лицъ, въ какомъ-либо отношеніи полезныхъ или оказавшихъ Россіи особенныя заслуги; 2) для совершеннолѣтнихъ дѣтей натурализующихся въ Россіи иностранцевъ и для иностранцевъ, родившихся и воспитанныхъ въ Россіи или хотя и родившихся заграницей, но получившихъ образованіе въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; они имѣютъ право быть допущенными губернскимъ правленіемъ къ принесенію присяги на подданство въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія, слѣд., по минованіи призывнаго возраста; 3) всегда могутъ быть приняты въ русск. подданство иностранцы, состоящіе на русск. государственной службѣ, и 4) русскія подданныя, бывшія въ замужествѣ за иностранцами (и ихъ дѣти по достиженіи совершеннолѣтія) могутъ, по расторженіи брака, или овдовѣвъ, вернуться въ русское подданство; онѣ обязательно принимаются безъ всякихъ формальностей и условій, установленныхъ для натурализаціи иностранцевъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ присяга составляетъ необходимое условіе для дѣйствительности натурализаціи. Натурализованный въ Россіи иностранецъ получаетъ всѣ гражданскія и политическія права и обязанности природнаго русскаго подданнаго. Закономъ 1864 г. прекращено право, предоставлявшееся прежде натурализованнымъ оставлять русское подданство. (Св. Зак. XIV, уст. насл. 486). О прекращеніи прежняго подданства нашъ законъ ничего не говоритъ. Если иностранецъ, испрашивающій натурализацію, подданный государства, съ которымъ Россія имѣетъ конвенцію объ исполненіи взаимными подданными воинской повинности, то онъ обязанъ представить удостовѣреніе отъ надлежащаго начальства, что повинность эта имъ отбыта или, что онъ отъ нея свободенъ. Иностранцы, не пользующіеся правами привиллегированныхъ сословій (дворянства, почетнаго гражданства, купечества), по укорененіи обязаны приписаться къ сельскому или городскому обществу *).

1) Наше законодательство опредѣляетъ только порядокъ вступленіе въ подданство иностранцевъ и вовсе не касается условій возможнаго установленія подданства рожденіемъ и узаконеніемъ. Между тѣмъ съ изданіемъ закона 1891 г. о правѣ узаконенія дѣтей, прижитыхъ до брака ихъ родителей, вопросъ о возможномъ (вслѣдствіе опредѣленія подданства дѣтей по подданству родителей) вліяніи узаконенія на измѣненіе подданства узаконенныхъ дѣтей можетъ, по справедливому замѣчанію

Разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ изъ перемѣны гражданиномъ подданническихъ отношеній къ своему отечеству не рѣдко осложняется и затрудняется на практикѣ различіемъ, а иногда и прямымъ противорѣчіемъ принциповъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи различными законодательствами, такъ какъ всякій casus перемѣны подданства необходимо распадается на двѣ части (выходъ и вступленіе), изъ коихъ каждая подчиняется въ дѣйствительности, т.-е. на практикѣ, законодательству другого самостоятельнаго государства. Неизбѣжныя при существующемъ нынѣ разногласіи законодательствъ, въ случаѣ строгаго ихъ примѣненія, коллизіи эти устраняются въ наше время въ большинствѣ случаевъ при помощи м. конвенцій и соглашеній, иногда значительно отступающихъ отъ принятыхъ внутренними законодательствами договаривающихся сторонъ принциповъ. Въ виду невыгоднаго вліянія *коллизіи законодательствъ* на юридическое положеніе лица, наука м. права пытается принципіально разрѣшить эти возможныя противорѣчія путемъ разрѣшенія вопроса о томъ, какое законодательство должно быть принимаемо въ м. сферѣ за критерій правомѣрности акта, измѣняющаго подданническія отношенія лица. Вопросъ этотъ разрѣшается нѣкоторыми писателями такимъ образомъ, что они отдаютъ преимущество одной которой-нибудь сторонѣ акта. *Чаще всего преимущество они отдаютъ натурализаціи*, а выходу изъ подданства придаютъ второстепенное значеніе, ссылаясь на принципъ свободы эмиграціи.

Въ случаѣ конфликта между условіями, какія ставитъ отечественное законодательство эмигранта для выхода изъ подданства и правами, созданными для него законодательствомъ новаго отечества, служащій объектомъ этого конфликта фактъ перемѣны подданства можетъ разсматриваться съ троякой точки зрѣнія и соотвѣтственно этому создать для заинтересованнаго лица троякое, мѣстными условіями опредѣляемое юридическое положеніе.

1) Если выселившееся вопреки (съ нарушеніемъ) условіямъ и ограниченіямъ отечественнаго законодательства и слѣдовательно *не вышедшее правомѣрнымъ путемъ* (rite) изъ подданства лицо остается безвы-

Коркунова, вызвать не мало затрудненій. Такъ какъ въ законѣ 1891 г. нѣтъ никакихъ оговорокъ относительно мѣста рожденія узаконяемыхъ и относительно добрачной національности ихъ матери, то слѣдуетъ признать за русскими подданными право узаконить своихъ дѣтей, прижитыхъ до брака съ ихъ матерью хотя бы внѣ Россіи и хотя бы отъ иностранной подданной. А если такъ, то узаконеніе оказывается однимъ изъ способовъ сообщенія русскаго подданства иностранцамъ.—Но кромѣ того является и еще болѣе затруднительный вопросъ: могутъ ли, основываясь на законѣ 1891 г. иностранцы узаконить своихъ прижитыхъ въ Россіи и отъ русской подданной дѣтей, и тѣмъ самымъ переводить ихъ въ иностранное подданство. Этотъ вопросъ возникъ уже въ нашей судебной практикѣ и московскимъ окружнымъ судомъ и судебною палатою рѣшенъ былъ отрицательно но рѣшеніе это сенатъ признамъ неправильнымъ, ссылаясь на то, что по 995 ст. IX т. иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ, а слѣд. и законъ 1891 г. распространяется и на иностранцевъ. (Критику этого рѣшенія Сената см. въ ст. Коркунова въ Ж. Мин. Юст. 1895 г. № 10 стр. 82 сл.).

ѣздно въ предѣлахъ новаго своего отечества и если перемѣна подданства окончательно совершена вступленіемъ такого лица *въ полное подданство* новому государству, то м. характеръ института натурализаціи ничѣмъ не отражается на его новомъ подданническомъ юридическомъ положеніи.

2) Если у натурализованнаго лица имѣются и затѣмъ еще *извѣстныя юридическія отношенія къ отечественному государству* (обязанности по отбыванію воинской повинности, семейныя отношенія, отношенія по опекунству или попечительству и т. п.), то совершенная *съ нарушеніемъ отечественнаго законодательства* натурализація въ чужомъ госуд-вѣ не оказываетъ никакого вліянія *на личныя права и обязанности* натурализованнаго *въ его отечественномъ государствѣ:* натурализація съ точки зрѣнія послѣдняго считается какъ бы не существующею. Лицо остается въ этихъ отношеніяхъ попрежнему подчиненнымъ *личному суверните*ту отечественнаго госуд-ва, законодательство послѣдняго остается господствующимъ критеріемъ его гражданскаго положенія и, *въ случаѣ возвращенія* его въ прежнее отечество, первоначальныя юридическія отношенія между нимъ и отечественнымъ государствомъ возстановляются со всѣми ихъ временно пріостановленными послѣдствіями.

3) Наконецъ, если такое лицо, находящееся въ сомнительномъ подданствѣ, вступитъ *въ предѣлы третьяго государства* и его правовой сферы, то вопросъ о его подданствѣ будетъ зависѣть исключительно отъ юридическихъ взглядовъ, принятыхъ этимъ государствомъ. Это государство рѣшаетъ вопросъ о томъ, признаетъ ли оно такое эмигрировавшее изъ отечества лицо окончательно утратившимъ свое первоначальное подданство и правильно натурализованнымъ въ другомъ государствѣ, или же нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ имѣть для заинтересованнаго лица весьма важное значеніе по отношенію къ его семейнымъ и имущественнымъ правамъ, въ примѣненіи къ нему торговыхъ или таможенныхъ правъ, въ вопросѣ о выдачѣ, выселеніи изъ предѣловъ государства и т. п.

Въ виду коллизій въ вопросахъ о подданствѣ, которыя весьма нерѣдко возникаютъ на практикѣ, какъ слѣдствіе различія законодательныхъ постановленій различныхъ государствъ относительно условій пріобрѣтенія и утраты подданства, нѣкоторыя государства договорнымъ путемъ установили взаимно одинаковыя начала для пріобрѣтенія и утраты ихъ подданства. Но такихъ примѣровъ донынѣ можно указать только два, именно—договоры, заключенные Франціею въ 1879 г. съ Швейцаріею и въ 1891 г. съ Бельгіею.

Къ числу договоровъ, регулирующихъ спеціально послѣдствія натурализаціи подданнаго одного изъ договаривающихся государствъ въ другомъ договаривающемся государствѣ, слѣдуетъ отнести такъ наз. *Банкрофтовы договоры*, заключенные въ 1868 г. сѣверо-германскимъ со-

юзомъ, а также южно-германскими государствами съ С.-А. С. Штатами черезъ американскаго посланника въ Берлинѣ—Банкрофта. Въ силу этихъ договоровъ подданные одного изъ договаривающихся госуд-въ, перешедшіе въ подданство другого и прожившіе на его территоріи безъ перерыва пять лѣтъ, признаются подданными послѣдняго. Въ случаѣ возвращенія на родину, они могутъ привлекаться къ отвѣтственности только за такія преступныя дѣянія, которыя совершены ими до переселенія, а не за тѣ, которыя совершены самымъ фактомъ эмиграціи (напр., нарушеніе обязанности по отбыванію воинской повинности). Послѣдующее возвращеніе и поселеніе на родинѣ, безъ намѣренія возвратиться въ страну, въ которой послѣдовала натурализація, считается отказомъ отъ послѣдней; при этомъ отказъ отъ возвращенія полагается на лицо, если натурализованный пребываетъ на территоріи своего прежняго отечества долѣе двухъ лѣтъ.

Между Германіею и Гондурасомъ существуетъ условіе, по которому дѣти германца, родившіяся въ Гондурасѣ отъ законнаго брака должны считаться германскими подданными, а дѣти гондурасца, родившіяся въ Германіи—гондурасцами. Объясняется это тѣмъ, что законодательства южно-американскихъ странъ признаютъ всѣхъ лицъ, родившихся на ихъ территоріи, туземными подданными, независимо отъ подданства родителей, между тѣмъ какъ германское законодательство, подобно русскому, признаетъ за дѣтьми подданство родителей, гдѣ бы они ни родились; поэтому всякій ребенокъ иностранца, родившійся въ южной Америкѣ, вслѣдствіе самаго уже этого факта, неизбѣжно оказывается въ положеніи двуподданства и указанный договоръ и имѣетъ цѣлью устраненіе этого неудобства во взаимныхъ отношеніяхъ Германіи и Гондураса.

По *германскому законодательству* вопросъ о юридическомъ положеніи *безподданныхъ* разрѣшается слѣд. образомъ: „Если какое-нибудь лицо не принадлежитъ ни къ какому госуд-ву, то его правовыя отношенія, поскольку къ нимъ должны быть примѣнены законы его отечественнаго государства, разсматриваются по законамъ того госуд-ва, подданнымъ котораго данное лицо было въ послѣдній разъ; если же это лицо и прежде не принадлежало ни къ какому госуд-ву, то указанныя правовыя отношенія его разсматриваются по законамъ того госуд-ва, въ которомъ оно имѣетъ мѣстожительство или въ свое время имѣло его, а въ случаѣ отсутствія постояннаго мѣстожительства—по законамъ госуд-ва, гдѣ оно пребываетъ или въ свое время пребывало".

Международные договоры. *М. договоромъ называется соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ относительно государственныхъ верховныхъ правъ*, съ цѣлью установленія, опредѣленія, измѣненія или прекращенія политическаго или юридическаго между

ними отношенія. Поэтому не подходятъ подъ понятіе договора въ техническомъ смыслѣ (и со всѣми вытекающими отсюда юридическими послѣдствіями) т. наз. „соглашенія“ (entente), т.-е. формально и даже въ письменной формѣ (путемъ обмѣна „нотъ“, т.-е. памятныхъ записокъ) установленное согласіе между правительствами двухъ или нѣсколькихъ государствъ относительно преслѣдуемой ими политики. Соглашеніе относительно интересовъ, регулируемыхъ частнымъ правомъ, будетъ не м.-правовымъ договоромъ, а частноправовымъ междугосударственнымъ контрактомъ. Изъ понятія м.-правового договора и изъ основного принципа м. права, что всѣ м.-правовыя отношенія основываются на свободномъ соглашеніи заинтересованныхъ госуд-въ, само собою вытекаетъ необходимое послѣдствіе, что права и обязанности, вытекающія для контрагентовъ изъ договора, не переносимы на неучаствовавшее въ заключеніи договора государство и вообще не отчуждаемы и не передаваемы.

М. договоры служатъ главнымъ источникомъ м. юридическихъ отношеній. Въ нихъ договаривающіяся государства опредѣляютъ свои взаимныя права и обязанности. Формула гражданскаго права относительно договора: duorum pluriumve in idem placitum consensus и общія начала частнаго права относительно договорныхъ обязательствъ примѣнимы къ м. договорамъ лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, соотвѣтственно особой природѣ публичнаго м. права и самихъ контрагентовъ. Издревле всѣми народами признавался (даже въ военное время) принципъ ненарушимости заключеннаго договора (pacta servanda sunt). Въ частномъ правѣ договоръ находитъ себѣ санкцію въ законѣ того или другого государства. Въ этой санкціи заключается его обязательная сила. Откуда же получаетъ свою обязательную силу международный договоръ, заключаемый суверенными государствами, не имѣющими надъ собой верховной власти? Въ наукѣ этотъ вопросъ разрѣшается различно. Основаніе и источникъ обязательности м. договоровъ пытались подыскать въ принципѣ пользы, необходимости, разума (Кантъ), религіи и нравственности (въ древности), въ правосознаніи человѣчества (Блюнчли), въ признаніи взаимной правоспособности госуд-въ (Мартенсъ), въ законахъ общежитія и т. д. Но всѣ эти основанія не отличаются юридическимъ характеромъ. Въ настоящее время въ основу обязательности м. договоровъ кладутъ добровольное соглашеніе контрагентовъ. Пока существуетъ совпаденіе воль, до тѣхъ поръ и договоръ обязателенъ для сторонъ. Это вытекаетъ изъ самаго характера междун. отношеній. Надъ государствами нѣтъ верховнаго авторитета. Слѣдовательно, единственный способъ для осуществле-

нія этихъ отношеній лежитъ въ добровольномъ соглашеніи, самоограниченіи воли (Іеллинекъ) договаривающихся госуд-въ ради практическихъ цѣлей и моральныхъ требованій. Такое *самоограниченіе* воли госуд—въ контрагентовъ, основанное на соображеніяхъ пользы и необходимости прочнаго м. правопорядка (*м. право* основано на *соглашеніяхъ*) является *юридическимъ* моментомъ обязательности договора. Оно же указываетъ и нормальные предѣлы этой обязательности. Являясь выраженіемъ потребностей даннаго времени, договоръ можетъ быть обязателенъ только rebus sic stantibus. Степень не формальной, а *внутренней* обязательности м. трактатовъ опредѣляется степенью ихъ соотвѣтствія интересамъ контрагентовъ. Разъ такого соотвѣтствія нѣтъ, они теряютъ свою внутреннюю обязательную силу. Нѣкоторые договоры (напр. мирные) заключаются донынѣ государствами обыкновенно на вѣчныя времена, но такой порядокъ нужно признать противнымъ природѣ вещей. Никакими договорами госуд-ва не могутъ сковать свою жизнь, постоянно измѣняющуюся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій. Происшедшія въ жизни государства измѣненія влекутъ за собою и измѣненіе или нарушеніе договора, если дальнѣйшее исполненіе его должно вредно отразиться на жизнь госуд-ва. Цѣль всякаго трактата заключается въ томъ, чтобы регулировать м. отношенія ради мирнаго преуспѣянія госуд-ва, а не въ томъ, чтобы задерживать его естественное развитіе. Поэтому, съ точки зрѣнія принциповъ м. права, нарушеніе при такихъ условіяхъ м. договора невозможно разсматривать какъ правонарушеніе; но формулировать случаи, когда, rebus mutatis, договоръ можетъ быть измѣненъ или нарушенъ, конечно трудно (ср. ниже). Лондонскою конференціею 1871 г. признано какъ норма м. права, что государство (контрагентъ) не въ правѣ односторонне отказаться отъ соблюденія договора, заключеннаго имъ съ другимъ государствомъ, и что для всякаго правомѣрнаго измѣненія договора требуется взаимное соглашеніе контрагентовъ. Съ другой стороны Лондонская конференція 1831 года (19 протоколъ 19 II) постановила какъ „принципъ высшаго порядка, что трактаты не утрачиваютъ своей силы, какія бы измѣненія ни произошли во внутреннемъ строѣ народовъ“ (т. е. въ политическомъ строѣ государствъ). Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить принципіальную недопустимость ссылки на измѣненіе обстоятельствъ (rebus mutatis) для нарушенія договоровъ, заключенныхъ на срокъ. Во всякомъ случаѣ подобная ссылка допустима лишь въ случаѣ наступленія такихъ непредвидѣнныхъ контрагентами при заключеніи договора обстоятельствъ и условій въ жизни госуд-ва, вслѣдствіе кото-

рыхъ и въ непосредственной съ ними связи и зависимости дальнѣйшее соблюденіе госуд-вомъ возложенныхъ на него договоромъ обязательствъ оказалось бы для него крайне отяготительнымъ или даже невозможнымъ, или если договоръ заключенъ именно въ предположеніи существованія извѣстнаго опредѣленнаго правового положенія и когда это правовое положеніе существенно измѣняется. (Напр. государство, цѣлость владѣній котораго гарантирована другимъ государствомъ, значительно расширило свои территоріальныя владѣнія и вслѣдствіе этого обязательства государства-гаранта существенно повысились).

Субъектомъ м. договора признаются субъекты м. права, т. е. госуд-ва, какъ суверенныя, такъ и полусуверенныя,—послѣднія лишь въ предѣлахъ предоставленной имъ автономіи. Египетъ въ силу фирмана 1879 г. имѣетъ право заключать всякіе договоры о торговлѣ, таможенныхъ пошлинахъ и положеніи иностранцевъ въ Египтѣ, (т. е. отношеній иностранцевъ къ правительству и туземному населенію) и о полиціи надъ иностранцами; но эти договоры не должны противорѣчить политич. договорамъ Турціи и нарушать ея верховныхъ правъ надъ Египтомъ. Болгарія (еще до признанія ея независимости), Египетъ и Тунисъ участвуютъ во всемірномъ почтовомъ союзѣ. Въ союзныхъ госуд-вахъ такимъ субъектомъ является обыкновенно органъ союзной власти, а въ союзахъ государствъ—какъ общій органъ союза, такъ и отдѣльныя, составляющія его государства. (Въ Швейцаріи и Германской имперіи право кантоновъ и отдѣльныхъ союзныхъ государствъ на заключеніе договоровъ ограничены). Государство, находящееся подъ протекторатомъ, можетъ вступать въ м. договоръ только съ согласія своего протектора.

Договоръ обязываетъ государство, какъ единое цѣлое, на всемъ его протяженіи, т. е. онъ дѣйствителенъ и для его колоній, если внемъ не сдѣлано на этотъ счетъ какихъ либо особыхъ оговорокъ, вызываемыхъ особыми внутреннегосудвенными отношеніями. Такъ, подобнаго рода оговорки встрѣчаются иногда въ договорахъ, заключенныхъ государствами, имѣющими колоніи (напр. Канада); въ договорахъ (неполитическихъ) Россія дѣлаетъ иногда оговорки относительно нѣкоторыхъ спеціальныхъ законовъ Финляндіи. Оговорки эти и соотвѣтственныя ограниченія пространственнаго, территоріальнаго, дѣйствія договоровъ находятся въ прямой зависимости отъ содержанія и объема автономныхъ правъ, предоставленныхъ госуд-вомъ той или иной своей колоніи или иной составной части.

Заключеніе государственнаго договора можетъ послѣдовать только при посредствѣ такого *органа*, которому на основаніи внутренняго госуд. права даннаго госуд-ва принадлежитъ право его м.-правового представительства. Кто именно и при какихъ условіяхъ является такими представителями въ силу конституціи даннаго государства,—для м. права безразлично; это вопросъ внутренняго госуд. права. Но трактатъ, недѣйствительный въ этомъ отношеніи по началамъ конституціоннаго права, не дѣйствителенъ и въ м. сферѣ, потому что м. договоръ заключаетъ въ себѣ изъявленіе воли госуд-ва, а условія, необходимыя для того, чтобы признать наличность воли госуд-ва, опредѣляются внутреннимъ госуд. правомъ, конституціею государства.

Такъ, если въ силу государственнаго права о с у щ е с т в л е н і е права представительства главы госуд-ва поставлено въ зависимость отъ предварительнаго согласія законодательныхъ факторовъ, то актъ, совершенный главою госуд-ва безъ такого согласія будетъ юридически недѣйствителенъ и по госуд-венному, и по междун. праву. Иногда конституція требуетъ согласія законодательныхъ факторовъ не для осуществленія главою госуд-ва его права м. представительства госуд-ва, а для того, чтобы заключенный имъ актъ получилъ внутреннегосуд-венную обязательность для гражданъ и для правительственныхъ и для судебныхъ учрежденій. Неисполненіе такого требованія внутренняго національнаго права не лишаетъ договоръ его м. силы, обязывающей госуд-во относительно друго контрагента, и такъ какъ неисполненіе это можетъ лишить договоръ его дѣйствія и возможности практическаго осуществленія, то контрагентъ въ правѣ настоять на осуществленіе неисправною стороною требуемыхъ ея національнымъ госуд. правомъ условій внутреннегосударственной дѣйствительности заключаемыхъ ею м. договоровъ (ср. ниже, стр. 158 ст. 16 конвенціи съ Нидерландами 1893 г.).

Государь, лишенный своего трона, не можетъ заключать никакихъ договоровъ, но фактическое правительство, хотя бы и узурпировавшее (съ точки зрѣнія госуд. права) власть, не лишено этого права, поскольку оно дѣйствительно обладаетъ необходимою для того властью. Только договоры, имѣющіе чисто административный характеръ, заключаются иногда не главами госуд-въ контрагентовъ, а ихъ „правительствами" (напр., русско-германская конвенція 1894 г. о порядкѣ высылки и водворенія взаимныхъ подданныхъ). Иногда отъ имени государства договоры заключаются не уполномоченными на то лицами. Такіе договоры называются sponsiones. Они не обязательны для того госуд-ва, отъ имени котораго заключены и могутъ получить силу только съ утвержденія подлежащаго государства (ratihabitio).

М. трактатъ можетъ содержать постановленія, несогласныя съ внутренн. законодат-ствомъ контр-та; въ м. сферѣ такіе договоры считаются обязательными; поэтому госуд-во, заключившее его, должно ввести соотвѣтствующія измѣненія и во внутреннемъ своемъ правѣ. Практика американскихъ судовъ въ этомъ отношеніи идетъ еще дальше: она установила принципъ, по которому м. трактаты, несогласные съ внутренними законами государства, eo ipso отмѣняютъ эти послѣдніе.

Для дѣйствительности договора необходимо, чтобы лицо, заключающее его, дѣйствовало свободно, безъ обмана и физическаго принужденія; въ противномъ случаѣ онъ eo ipso ничтоженъ. Само собою возникаетъ вопросъ о дѣйствительности договора, вынужденно заключеннаго побѣжденнымъ въ войнѣ госуд-вомъ съ побѣдителемъ: можно ли признать за нимъ обязательную силу? На практикѣ фактъ побѣды, т. е. насилія, совершеннаго надъ госуд-вомъ (а не надъ его уполномоченнымъ физическимъ лицомъ) не считается обстоятельствомъ, вліяющ. на формальную дѣйствительность договора (quamvis coactus voluit, attamen voluit); въ противномъ случаѣ въ такихъ договорахъ никогда не было бы надлежащей прочности: они всегда подлежали бы оспариванію. Можно привести и юридическое основаніе для признанія этихъ договоровъ формально обязательными. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія м. права война считается правомѣрнымъ способомъ разрѣшенія возникающихъ между госуд-вами недоразумѣній; слѣд., она не можетъ быть признана такой формой насилія, которая дѣлаетъ договоръ ничтожнымъ. Но это лишь теоретическая конструкція, не устраняющая того общаго положенія, что договоръ, не соотвѣтствующій требованіямъ общежитія, не можетъ обладать прочностью и претендовать на внутреннюю обязательность.

Всякій м. договоръ *обязателенъ только для контрагентовъ*. Для обязательности м. договора также, какъ и частнаго гражданскаго, необходимо взаимное изъявленіе воль обоихъ контрагентовъ. Одностороннее обѣщаніе (policitatio), хотя бы и офиціально заявленное, не обязательно. Для дѣйствительности его необходимо формальное принятіе другою стороною.—Заключенію договора можетъ предшествовать предварительное соглашеніе (contractus de contrahendo). Такое соглашеніе связываетъ стороны лишь относительно содержанія ихъ будущаго договора, но само по себѣ не устанавливаетъ между ними никакихъ иныхъ юридическихъ обязательствъ и отношеній. Еще менѣе обязателенъ преположительный договоръ, когда одна изъ сторонъ дѣйствуетъ въ томъ предположеніи, что принятый и соблюдаемый ею относительно другой стороны юридическій принципъ будетъ принятъ также и другою стороною. Вполнѣ обязателенъ только договоръ, содержащій ясное и формальное выраженіе воли обѣихъ договаривающихся сторонъ. Поэтому заключеніе м. договора должно считаться *совершившимся*, коль скоро совершено соотвѣтственное обоюдное изъявленіе воли со стороны органовъ, облеченныхъ надлежащими на то правомочіями, въ формѣ *подписанія* заключеннаго ими соглашенія. Но въ дѣйствительности м. договоръ *получаетъ м.-правовую силу* и вступаетъ

въ дѣйствіе не съ момента его заключенія, т. е. подписанія уполномоченными отъ договаривающихся государствъ лицами (какъ въ частномъ правѣ), а лишь съ момента *утвержденія* его верховной властью договаривающихся госуд-въ, т. е. для того, чтобы заключеніе договора было признано дѣйствительнымъ, необходимо еще *непосредственное*, сдѣланное въ особой формѣ, изъявленіе согласной воли со стороны главы госуд-ва, какъ органа, непосредственно облеченнаго м. представительствомъ госуд-ва. Это утвержденіе носитъ въ м. правѣ названіе *ратификаціи*. Поэтому въ договорѣ обыкновенно устанавливается срокъ, въ теченіе котораго должна послѣдовать его ратификація. Ратификація является заключительнымъ актомъ въ установленіи соглашенія между контрагентами,—она удостовѣряетъ соотвѣтствіе дѣйствій уполномоченныхъ госуд-ва съ волею госуд-ва. Ст. 17 консульской конвенціи съ Франціею 1874 г. гласитъ: Президентъ франц. республики обязывается немедленно по подписаніи настоящей конвенціи испросить у національнаго собранія надлежащее разрѣшеніе для ея ратификаціи и приведенія въ дѣйствіе. Нужно впрочемъ замѣтить, что при послѣдовавшей ратификаціи дѣйствительность (не дѣйствіе) договора, въ смыслѣ момента, времени его заключенія, считается со дня его подписанія; напр. въ договорахъ, заключаемыхъ на срокъ, этотъ срокъ долженъ исчисляться со дня подписанія, а не со дня ратификаціи.—Нѣкоторые прежніе писатели (Г. Гроцій) высказывали мнѣніе, что государь обязанъ утвердить договоръ, заключенный его уполномоченными согласно даннымъ имъ инструкціямъ. Но мнѣніе это отвергается м. практикою и большинствомъ новѣйшихъ писателей. Ратификація также необходима для силы договора, какъ санкціи для силы закона. Случаи дѣйствительности договоровъ безъ ратификаціи исключительны. Такъ напр. во время войны глава госуд-ва иногда даетъ право главнокомандующимъ войсками заключать договоры объ обмѣнѣ плѣнными, о перемиріи, прелиминарные договоры и т. п. Такіе договоры признаются дѣйствительными съ момента ихъ заключенія. Сюда же относится даваемое иногда правителямъ отдаленныхъ окраинъ государства право заключать договоры съ сосѣдними госуд-вами безъ соотвѣтствующей ратификаціи (такимъ правомъ обладаетъ вице-король Англійской Индіи; оно присвоивается иногда генералъ-губернаторамъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній). Ратификація не требуется также въ томъ случаѣ, если монархъ или уполномоченный по конституціи на заключеніе договоровъ органъ самъ лично заключаетъ договоръ; напр. Виллафранкскій мирн. договоръ былъ заключенъ лично Наполеономъ III съ

Францемъ Іосифомъ.—Отъ ратификаціи заключеннаго уполномоченными договора глава госуд-ва можетъ *отказаться* только въ извѣстныхъ случаяхъ, именно: 1) когда уполномоченный превысилъ предѣлы своего полномочія (прим. Китайскій императоръ отказалъ въ ратификаціи договора съ Россіею, подписаннаго 20. IX 1879 г.); 2) когда онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ насилія, заблужденія или обмана; 3) въ случаѣ отказа въ ратификаціи со стороны другого контрагента, хотя такой отказъ отнюдь не можетъ считаться самъ по себѣ выраженіемъ недружелюбія; 4) когда въ жизни госуд-ва произошли существенныя измѣненія (напр. если монархъ, давшій полномочія представителю госуд-ва, лишился престола) и, наконецъ, 5) когда договоръ не получитъ согласія со стороны соотвѣтствующаго компетентнаго въ силу конституціи учрежденія (напр. для силы торговаго договора въ конституціонныхъ госуд-вахъ, по общему правилу, необходимо утвержденіе его народнымъ представительствомъ). Въ 1878 г. французская палата депутатовъ отказала въ ратификаціи торговаго договора съ Италіею, подписаннаго въ Парижѣ 6. VII. 77 г.; въ 1899 г.—договора, подписаннаго съ Греціею въ XII 88 г.; въ 1891 г.—генеральнаго акта Брюссельской африканской конференціи 1890 г., а впослѣдствіе разрѣшила ратификацію его за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, касавшихся права осмотра кораблей въ открытомъ морѣ. Итакъ, м. трактатъ вступаетъ въ силу съ момента его ратификаціи, которая иногда дѣйствуетъ какъ ratihabitio по отношенію къ совершившимся уже, въ силу договора, дѣйствіямъ. Въ этомъ смыслѣ въ договорѣ обыкновенно дѣлается спеціальная оговорка. Если ея нѣтъ, то, по общему правилу, признается, что обязательная сила договора должна наступить съ момента ратификаціи. Иногда впрочемъ вступленіе договора въ силу пріурочивается по соглашенію контрагентовъ не къ моменту ратификаціи его, а къ иному сроку. Такъ, ст. 16 конвенціи Россіи съ Нидерландами 1893 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ постановляютъ вступленіе въ силу лишь съ двадцатаго дня по ихъ обнародованіи порядкомъ, установленнымъ законами обоихъ госуд-въ. (Тоже въ ст. 9 конвенціи съ Германіею 1894 г. о водвореніи лицъ, подлежащихъ высылкѣ). Но здѣсь слѣдуетъ разумѣть вступленіе въ силу не въ смыслѣ наступленія обязательности, дѣйствительности конвенціи для контрагентовъ, а въ смыслѣ наступленія момента ея дѣйствія, т. е. осуществленія на практикѣ.

Въ большинствѣ случаевъ окончательное заключеніе договора происходитъ путемъ *взаимнаго обмѣна* актовъ ратификаціи. Односторонне

данная госуд-вомъ ратификація безусловно обязываетъ его, однако, если въ этомъ смыслѣ сдѣлано соотвѣтственное постановленіе въ договорѣ. Напр. въ актѣ Берлинской конференціи о Конго 8 XI 1884 г. постановлено было, что „для каждой державы (участвовавшей въ конференціи) онъ вступаетъ въ силу, начиная со дня его ратификаціи". (См. Грабаря ст. „Ратификація" въ Энц. Словарѣ).

Для м.-правовой обязательности договора не требуется его *опубликованіе;* относительно политическихъ договоровъ донынѣ нерѣдко сохраняется дипломатическая тайна. Опубликованіе необходимо лишь для того, чтобы дать договору внутригосуд-венную силу закона. Въ конституціонныхъ государствахъ оно совершается не раньше утвержденія договора палатами; у насъ договоры публикуются черезъ Правительствующій Сенатъ [1]).

М. договоръ создаетъ права и обязанности только для его контрагентовъ; даже въ томъ случаѣ, когда онъ прямо или косвенно касается третьихъ государствъ, въ немъ не участвовавшихъ, онъ не создаетъ для нихъ никакихъ обязанностей. Для нихъ онъ остается res inter alios acta, пока они не допущены къ прямому участію въ договорѣ путемъ приступленія къ нему (ср. протоколъ и декларацію Ахенскаго конгресса 1818 г.). а *право* приступленія можетъ быть пріобрѣтено третьимъ государствомъ только съ согласія контрагентовъ, заранѣе формулированнаго въ ихъ договорѣ и лишь на установленныхъ ими условіяхъ.

Такъ, 5 ст. Пражскаго договора 1866 г. австрійскій императоръ уступилъ прусскому королю свои права на Шлезвингъ и Гольштинію съ оговоркою, что если населеніе сѣв. части Шлезвига путемъ свободнаго плебисцита выразитъ желаніе присоединиться къ Даніи, то прусскій король долженъ будетъ уступить ее послѣдней. Пруссія въ 1878 г. отказалась отъ исполненія этого условія, и Данія не могла юридически воспротивиться этому, такъ какъ обязательство было принято Пруссіею только относительно Австріи, а Австрія не протестовала противъ его нарушенія. Точно также изъ договора, въ которомъ данное государство не участвовало, не вытекаетъ никакихъ п р а въ для послѣдняго даже въ томъ случаѣ, если-бы контрагенты договора обязались держаться относительно третьихъ

---

1) Прежніе договоры, заключенные Россіей съ иностранными госуд-вами, напечатаны въ Полн. Собр. Законовъ, гдѣ ихъ печатаніе продолжается и въ настоящее время, послѣ предварительнаго опубликованія ихъ (тотчасъ послѣ ратификаціи) въ Правит. Вѣстникѣ и въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства. Дѣйствующіе договоры можно найти въ издаваемомъ нашимъ Министерствомъ иностр. дѣлъ „Собраніе дѣйствующихъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностран. державами по вопросамъ частнаго междун. права" и въ Ежегодникѣ Министерства иностр. дѣлъ Ср. также Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею, изд. Мартенса (съ историч. комментаріями; издано 14 томовъ; напечатаны договоры съ Австріею, Германіею, Англіею и Франціею).

государствъ извѣстныхъ правилъ поведенія (напр., относительно нейтральныхъ въ случаѣ войны). Напр., Китай не можетъ требовать отъ Англіи и Японіи, чтобы они осуществили принятое ими между собою въ союзномъ договорѣ 1905 г. обязательство охранять террит. неприкосновенность Китая. Или, напр. нѣсколько госуд-въ заключили договоръ, нормирующій право войны или нейтралитета. Въ случаѣ войны между контрагентомъ такого трактата и неучаствовавшимъ въ послѣднемъ госуд-вомъ, соблюденіе постановленій договора о правилахъ войны не обязательно для подписавшаго его. Мало того, онъ не обязанъ даже соблюдать договоръ о правилахъ нейтралитета относительно нейтральныхъ контрагентовъ, если его противникъ въ этомъ договорѣ не участвовалъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ одна изъ воюющихъ сторонъ оказалась бы болѣе стѣсненной въ своихъ отношеніяхъ къ нейтральнымъ, нежели другая. Вообще всѣ конвенціи, касающіяся права войны и нейтралитета, подписанныя на Гаагской конференціи 1907 г., признаны имѣющими примѣненіе только въ томъ случаѣ, когда воюющіе всѣ участвуютъ въ конвенціи. (См. конв. IV ст. 2, V ст. 20, VI ст. 6, VII ст. 7, VIII ст. 7, IX ст. 8, X ст. 18 XI ст. 9, XIII ст. 28). Декларація (XIV) о воспрещеніи метанія разрывныхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ содержитъ даже оговорку, что она утрачиваетъ обязательную силу, какъ только во время войны между договаривающимися державами къ одной изъ воюющихъ сторонъ присоединится держава, не участвующая въ этомъ соглашеніи. Единственное исключеніе сдѣлано конференціею 1907 г. въ конв. (III) объ открытіи военныхъ дѣйствій; она постановляетъ, что объявленіе войны предварительно открытія военныхъ дѣйствій обязательно только въ случаѣ войны между договаривающимися государствами; оповѣщеніе же объ этомъ **нейтральныхъ** державъ подписавшихъ конвенцію, обязательно для воюющей, тоже подписавшей ее, державы, даже въ томъ случаѣ, если другая воюющая держава въ конвенціи не участвовала.

М. договоръ имѣетъ силу лишь для заключившихъ его госуд-въ и не управомочиваетъ и не обязываетъ, слѣд., третьихъ госуд-въ; но иногда возможно *участіе* въ немъ *третьихъ государствъ*. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всякій м. трактатъ затрогиваетъ интересы и постороннихъ госуд-въ. Чѣмъ м. общеніе тѣснѣе, тѣмъ ближе возможность такого участія. Участіе третьихъ госуд-въ въ договорѣ между контрагентами можетъ выражаться прежде всего: 1) въ той или иной формѣ *содѣйствія заключенію* договора. Такое участіе само по себѣ не создаетъ никакихъ юридическихъ отношеній между контрагентами и третьимъ госуд-вомъ. 2) Но возможно и *непосредственное участіе* третьихъ госуд-въ въ договорѣ, заключенномъ данными контрагентами. Существуетъ двѣ формы такого участія: 1) *Присоединеніе* (adhaesio), когда третье госуд-во формально заявляетъ свое согласіе съ тѣми или другими принципами трактата и принимаетъ на себя *нравственную* обязанность соблюденія ихъ, и 2) формальное *приступленіе* (accessio), посредствомъ

особаго акта, когда третье госуд-во входитъ въ договорное отношеніе на правахъ участника договора. Приступленіе возможно только съ согласія главныхъ контрагентовъ. Оно обыкновенно практикуется по отношенію къ тѣмъ трактатамъ, которые имѣютъ общій характеръ (напр. почтовая конвенція, Женевская объ уходѣ за больными и ранеными во время войны и др. были постепенно приняты государствами, не принимавшими участія въ первоначальномъ договорѣ); въ договорахъ этого рода обыкновенно даже предусматривается возможность приступленія къ нимъ третьихъ госуд-въ, при чемъ иногда предустанавливаются условія его (примѣръ: ст. 59 и 60 I Гаагской конвенціи 1899 г. о мирн. рѣшеніи м. столкновеній и ст. 93 и 94 соотвѣтственной конвенціи 1907 г.), иногда же право приступленія третьихъ госуд-въ признается совершенно свободнымъ и безусловнымъ (напр. всѣ договоры м. уній).

Изъ основнаго принципа, что м. договоръ обязываетъ и управомочиваетъ только непосредственныхъ его контрагентовъ очевидно, что управомоченное на основаніи договора госуд-во не въ правѣ переуступить эти свои договорныя правомочія третьему госуд-ву безъ согласія своего контрагента. Такъ, въ силу ст. 5 и 6 Портсмутскаго мирн. договора съ Японіею 1905 г. Россія уступаетъ Японіи „ съ согласія Китайскаге правительства“ аренду Портъ-Артура, Таліена и прилегающихъ территорій, а также всѣ права, связанные съ этою арендою, и обязуется уступить „съ согласія Китайскаго правительства“ желѣзную дорогу на Ляодунскомъ полуостровѣ со всѣми ея правами; при этомъ „объ высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемаго въ приведенныхъ постановленіяхъ согласія Китайскаго правительства“.

Договоръ, заключенный между двумя госуд-вами можетъ затрогивать интересы третьихъ госуд-въ, не участвовавшихъ въ заключеніи его; при нынѣшнемъ развитіи м. общенія и осложненіи взаимныхъ сношеній и связей между культурными госуд-вами трудно даже представить себѣ м. договоръ, хотя бы только двухъ госуд-въ, который не затрогивалъ бы въ большей или меньшей степени интересы какого-либо третьяго госуд-ва. Между тѣмъ, въ м. практикѣ еще не установлено обычая для контрагентовъ сообщать другимъ госуд-вамъ о всякомъ заключенномъ договорѣ. Политическіе договоры иногда даже нарочито содержатся въ тайнѣ. Въ такомъ случаѣ, конечно, договоръ какъ бы не существуетъ для третьяго госуд-ва. Если же договоръ оффиціально сообщенъ третьему госуд-ву, то такая нотификація, хотя бы сдѣланная только „для свѣдѣнія“, обязываетъ это госуд-во въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если оно усмотритъ въ договорѣ что-либо противное или нежелательное для своихъ интересовъ, то оно должно заявить объ этомъ контрагентамъ въ формѣ протеста. (Примѣръ: протестъ Германіи противъ англофранцузскаго соглашенія 1904 г. относительно Марокко). Простое

принятіе къ свѣдѣнію равнозначительно признанію третьимъ госуд-вомъ, что его интересы договоромъ не нарушаются. Въ м. практикѣ можно указать также примѣры вмѣшательства постороннихъ, но тоже заинтересованныхъ въ дѣлѣ державъ, съ цѣлью измѣненія договорнаго соглашенія, заключеннаго между двумя государствами (примѣръ: С. Стефанскій мирн. договоръ Россіи съ Турціею 1877 г. и вмѣшательство Англіи, Австріи, Германіи, Италіи и Франціи; Симоносекскій мирн. договоръ Японіи съ Китаемъ 1895 г. и вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи).

Наконецъ, третье государство можетъ достигнуть распространенія на его подданныхъ извѣстныхъ правъ и льготъ, предоставленныхъ другимъ госуд-вомъ въ пользу подданыхъ того или иного изъ госуд-въ, съ коими послѣднее имѣетъ договоры, выговоривъ для себя у этого госуд-ва т. наз. положеніе одинаковое съ „*наиболѣе благопріятствуемыми народами*“. Условіе это чаще всего касается торговыхъ сношеній и вообще „правъ иностранцевъ“ (подданныхъ одного контрагента въ предѣлахъ другого контрагента), но встрѣчается иногда и въ друг. договорахъ, кромѣ торговыхъ, напр., относительно правового положенія дипломат.агентовъ и консуловъ. Въ силу условія о наибольшемъ благопріятствованіи договаривающіяся стороны предоставляютъ другъ другу въ дѣлахъ торговли, судоходства, правъ взаимныхъ подданныхъ и консульскихъ агентовъ такія же права, привилегіи и льготы, какія уже предоставлены ими или же могутъ быть предоставлены ими въ будущемъ въ пользу наиболѣе благопріятствуемаго ими народа; причемъ, подъ привилегіями, льготами, правами и т. д. „наиболѣе благопріятствуемой націи“ понимаются тѣ привиллегіи, льготы, права и т. д., которыя уже предоставлены или будутъ предоставлены другому народу по какому бы то ни было договору, какое бы названіе этотъ договоръ ни носилъ, каковы бы ни были тѣ уступки, которыя были сдѣланы однюю или обѣими договаривающимися сторонами съ цѣлью достиженія этихъ договорныхъ уступокъ. Иногда это право дается условно съ огогорками, но основной результатъ такого рода условія,—что третье госуд-во становится какъ бы причастнымъ къ договору, существующему между двумя другими госудвами и что оно пріобрѣтаетъ этимъ право требовать для себя такихъ льготъ, которыя заключаются въ этомъ договорѣ, въ заключеніи коего оно не участвовало.

Объектомъ м. договора служитъ все то, что относится къ области м. правовыхъ отношеній. Съ развитіемъ культуры объекты м. договоровъ все болѣе и болѣе разнообразятся. Нѣкоторые писатели по отношенію къ объектамъ м. договоровъ устанавливаютъ рядъ ограничительныхъ условій, при наличности которыхъ договоръ нельзя признать дѣйствительнымъ (нельзя договариваться о томъ, что противно принципамъ нравственности, нормамъ м. права, основнымъ правамъ госуд-въ, условіямъ развитія госуд-ва и т. д.); но значеніе этихъ условій весьма относительно: всегда возможно ихъ нарушеніе безъ соотвѣтствующихъ послѣдствій для обязательности договоровъ. Юридически недѣйствительны постановленія договора, непосредственно возлагающія какія либо обязанности на третье, неучаствовавшее въ его заключеніи госуд-во. На этомъ основаніи Румынія отказалась признать постановленія Лондонской конференціи 1883 г. о судоходств по Дунаю. (Впрочемъ установленное еще Ахенскимъ конгрессомъ 1818 г. правило, что великія державы не должны дѣлать постановленій, касающихся третьихъ государствъ безъ участія послѣднихъ, неоднократно нарушалось даже въ новѣйшее время въ отношеніи къ мелкимъ государствамъ). Нейтрализованное государство (напр. Бельгія, Люксембургъ) не вправѣ заключать договоры, могущіе имѣть своимъ послѣдствіемъ нарушеніе ихъ нейтралитета (напр. политическіе союзы).

Содержаніе договоровъ. Договоръ можетъ содержать въ себѣ соглашеніе контрагентовъ не только по одному какому-либо вопросу, но и по цѣлому ряду интересовъ самаго разнообразнаго содержанія. Таковы обычно, напр., мирные договоры. Война возникаетъ обыкновенно при накопленіи въ отношеніяхъ двухъ государствъ цѣлаго ряда условій, препятствующихъ дальнѣйшему мирному ихъ сожительству и не могущихъ почему-либо получить мирнаго полюбовнаго разрѣшенія. Всѣ они получаютъ разрѣшеніе послѣ войны, въ зависимости отъ успѣховъ оружія того или другого изъ противниковъ и это ихъ разрѣшен. формулируется въ соотвѣтственно разнообразныхъ по своему содержанію постановленіяхъ мирнаго договора. Тѣмъ не менѣе однако договоръ, какъ бы разнородно ни было содержаніе его постановленій представляетъ собою юридически одно цѣлое,—онъ, какъ договоръ, *юридически недѣлимъ*. Поэтому всякое нарушеніе хотя бы одной части, отдѣльнаго постановленія договора, совершенное контрагентомъ, юридически и фактически равнозначительно нарушенію всего договора. Поэтому на практикѣ частичное нарушеніе договора однимъ контрагентомъ даетъ другому контрагенту право отказаться отъ договора во всемъ его объемѣ.

Но на практикѣ иногда допускается расчлененіе договорныхъ постановленій (только въ договорахъ б е з с р о ч н ы х ъ, напр., мирныхъ) въ смыслѣ признанія возможности измѣненія или отмѣны того или иного ихъ постановленія по мотиву rebus mutatis конкретно въ отношеніи къ этому отдѣльному постановленію, если оно не находится въ необходимой непосредственной связи съ други-

ми его постановленіями. На этомъ основаніи, напр., въ 1886 г. взято было Россіею обратно внесенное въ ст. 59 Берлинскаго трактата 1878 г. „заявленіе“ русскаго императора, что „Его намѣреніе—сдѣлать Батумъ портъ-франко по преимуществу коммерческимъ“. Въ 1870 г., отказываясь отъ ограниченій, наложенныхъ на Россію Парижскимъ трактатомъ 1856 г., русское правительство ссылалось на нарушеніе передъ тѣмъ цѣлаго ряда другихъ постановленій этого трактата (особенно—относительно Молдавіи и Валахіи; хотя эти измѣненія были сдѣланы по соглашенію или съ молчаливаго согласія другихъ контрагентовъ этого трактата). Оба эти договора потерпѣли въ общемъ цѣлый рядъ нарушеній и измѣненій, но въ остальныхъ своихъ частяхъ продолжаютъ оставаться въ силѣ до настоящаго времени.

Виды договоровъ. М. договоры носятъ на практикѣ различныя названія. Названіемъ *трактатовъ* обозначаются договоры съ болѣе широкимъ содержаніемъ и имѣющіе первостепенное, въ особенности, политическое, значеніе, (напр., мирные договоры, торговые). Названіе *конвенцій* носятъ обыкновенно договоры, касающіеся какого либо спеціальнаго интереса или вопроса (напр., консульскія, почтовыя). *Декларації*—это коллективныя, взаимно обязывающія ихъ, заявленія нѣсколькихъ государствъ относительно признаваемыхъ ими нормъ м. права или относительно состоявшагося между ними соглашенія по какому-либо вопросу (напр., Парижская морская декларація 1856 г.). Этимъ же названіемъ обозначаются впрочемъ и односторонніе заявленія какого-либо отдѣльнаго госуд-ва по вопросамъ м. политики или м. права. Названіемъ *картелей* обозначаются спеціально м. договоры о выдачѣ преступниковъ и дезертировъ, а также спеціальныя соглашенія, заключаемыя по особому уполномочію военноначальниками во время войны относительно размѣна плѣнныхъ, уборки раненыхъ или по вопросамъ административнаго характера. Договоры государствъ съ Папскою куріею по вопросамъ (католическаго) церковнаго управленія носятъ названіе *конкордатовъ*, но къ области м. договоровъ не относятся. Въ наукѣ не установлено твердой классификаціи договоровъ. Гроцій дѣлитъ ихъ на договоры, вытекающіе изъ принциповъ естественнаго права, и договоры, основанные на свободномъ соглашеніи сторонъ. Нѣкоторые дѣлятъ ихъ по степени важности на трактаты, конвенціи и декларації. Наиболѣе удовлетворительна классификація договоровъ по содержанію на политическіе, соціальные и юридическіе.

Внѣшняя форма. Въ прежнее время международные договоры обыкновенно начинались религіозной формулой („Во имя Св. Троицы“—для договоровъ между христіанскими государствами и „Во имя Бога Всемогущаго“—для договоровъ съ мусульманами). Теперь они чаще начинаются изложеніемъ мотивовъ заключенія договора. Въ началѣ указываются титулы монарховъ или главъ государствъ—контрагентовъ, заключающихъ договоръ, и имена и титулы ихъ уполномоченныхъ, затѣмъ излагается самое содержаніе договора (раздѣленное на статьи), въ заключеніе указаніе срока для ратификаціи договора и подписи уполномоченныхъ. Въ каждомъ инструментѣ (экземплярѣ) трактата на первомъ мѣстѣ ставится титулъ (безъ имени) того монарха (и его уполномоченнаго), для котораго этотъ инструментъ предназначается.

Со времени Вѣнскаго конгресса 1815 г. принято пользоваться французскимъ языкомъ для переговоровъ и рѣшеній на м. конгрессахъ. Также и договоры чаще всего составляются на французскомъ языкѣ, иногда на языкѣ обоихъ контрагентовъ. Ст. 15 Портсмутскаго мирнаго договора 1905 г. Россіи съ Японіею: „Настоящій договоръ будетъ подписанъ въ двухъ экземплярахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ; оба текста совершенно сходны, но въ случаѣ разногласія въ толкованіи, французскій текстъ будетъ обязательнымъ“. Ст. 20 договора съ Китаемъ 1881 г.: „уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали два экземпляра настоящаго договора на русскомъ, китайскомъ и французскомъ языкахъ; изъ трехъ текстовъ, между собою согласныхъ, руководствующимъ при толкованіи договора будетъ служить французскій текстъ“.

Толкованіе договоровъ. Въ случаѣ сомнѣній или споровъ относительно точнаго смысла договорныхъ постановленій, только госуд-вамъ—контрагентамъ принадлежитъ право разъясненія его. Для устраненія сомнѣній или разногласій при толкованіи договора между самими контрагентами, иногда присоединяется къ договору дополнительное разъясненіе, подписываемое тѣми же уполномоченными, которые подписали договоръ (примѣръ: меморандумъ, присоединенный къ декларації 1908 года Россіи, Германіи, Даніи и Швеціи о взаимной гарантіи ихъ прибалтійскихъ владѣній; тоже ноты, коими обмѣнялись уполномоченные Россіи и Японіи при подписаніи торг. договора 1907 г. и т. п.). Въ случаѣ возникновенія разногласія или сомнѣній между контрагентами относительно толкованія договора вопросъ разрѣшается дипломат. путемъ и результаты облекаются въ форму особаго дополнительнаго къ трактату соглашенія (примѣръ: ноты обмѣненныя между Франціей и Англіей въ 1870 г. относительно толкованія договора о гарантіи нейтралитета Бельгіи; декларація 1873 г. Франціи и Италіи о точномъ смыслѣ ст. 1 договора о выдачѣ преступниковъ 1870 г.). Иногда въ самомъ договорѣ указывается путь для разрѣшенія возможныхъ несогласій относительно тол-

коганія договорныхъ постановленій (напр., въ конвенціи всемірн. почтоваго союза). Въ предупрежденіе возможныхъ обостреній отношеній между государствами изъ-за разногласій между ними относительно толкованія договоровъ, Гаагскія мирныя конференціи 1899 и 1907 гг. признали желательнымъ примѣненіе третейскаго м. суда для разрѣшенія такого рода несогласій; тоже въ заключенныхъ между многими госуд-вами (Россія съ Даніею, Бельгіею, Италіею), конвенціяхъ объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ. Что касается компетентной власти для толкованія заключеннаго госуд. договора внутри госуд-ва, то этотъ вопросъ разрѣшается національнымъ правомъ. Во Франціи толкованіе актовъ правительства принадлежитъ административной (не судебной) власти (именно—госуд. совѣту); толкованіе, данное м. договору судебною властью при разборѣ судебнаго дѣла имѣетъ обязательную силу только внутри отечественнаго суду государства и можетъ быть оспорено правительствомъ другого государства—контрагента,—конечно, дипломатическимъ путемъ.

На основаніи рѣшенія Гр. Касс. Деп-та 1904 г. № 42 подлиннымъ текстомъ конвенціи о наслѣдствахъ, заключенной съ Франціею въ 1874 г. (П. С. З. № 53870) слѣдуетъ признать французское его изложеніе, напечатанное въ Собраніи Узаконеній, такъ какъ единственно оно удостоено Высоч. утвержденія, русскій же текстъ является переводомъ.—Въ силу 10 ст. конвенціи наслѣдованіе (въ русскомъ переводѣ „порядокъ наслѣдованія“) послѣ франц. гражданъ въ недвижимостяхъ, находящихся въ Россіи, опредѣляется по русскимъ законамъ. Относится ли это опредѣленіе къ наслѣдованію по завѣщанію или по закону или къ тому и другому? Подъ выраженіемъ succession невозможно понимать форму завѣщанія. Французскій законъ примѣняетъ этотъ терминъ только къ наслѣдованію по закону; также и по терминологіи 1 ч. X т. выраженіе „порядокъ наслѣдованія“ встрѣчается только въ примѣненіи къ наслѣдованію по закону. Если-бы этотъ терминъ могъ быть употребленъ также и относительно наслѣдованія по завѣщанію, то только въ вопросахъ о томъ, кто и въ какой долѣ является наслѣдникомъ, но отнюдь не для опредѣленія внѣшней формы завѣщанія и способа его храненія,—объ этомъ въ конвенціи вовсе не упомянуто, такъ какъ относительно формы завѣщаній въ частн. м. правѣ принято начало locus regit actum, которое выражено и въ У. Гр. Суд. ст. 467 и 707. (Ср. рѣшеніе Общ. собранія I и кассац. деп-товъ Сената 29 IV 1902 г. по вопросу о разъясненіи истиннаго смысла 7-й ст. Константинопольскаго трактата 1879 года).

Обезпеченіе. м. трактатовъ. Прежде существовавшія заимствованныя изъ частнаго права формы обезпеченія: заложники (даже въ XVIII вѣкѣ), присяга монарховъ (послѣдній случай тоже въ XVIII в.), закладъ или залогъ (примѣнительно къ практикѣ частнаго права; эта форма

обезпеченія договоровъ теперь не практикуется, но слѣды ея сохранились въ видѣ оккупированія войсками побѣдителя территоріи побѣжденнаго государства въ обезпеченіе уплаты побѣжденнымъ военныхъ издержекъ, при чемъ управленіе остается въ рукахъ мѣстной власти; такой оккупаціей закончилась послѣдняя война Пруссіи съ Франціей 1871 года и Японіи съ Китаемъ 1895 г.). Теперь наиболѣе распространеннымъ способомъ обезпеченія договоровъ служитъ *гарантія*, когда одно или нѣсколько госуд-въ берутъ на себя обязанность оказывать помощь одному изъ контрагентовъ или даже обоимъ въ случаѣ нарушенія кѣмъ либо (однимъ изъ контрагентовъ или третьимъ государствомъ) этого гарантированнаго договора. Такая гарантія ягляется дополнительнымъ договоромъ къ договору гарантируемому и основывается на солидарности интересовъ гаранта и того госуд-ва, которому она дается. Отсюда вытекаетъ шаткость этого способа обезпеченія: гарантъ обыкновенно исполняетъ свое обязательство, пока это соотвѣтствуетъ его интересамъ. Возможна гарантія и въ качествѣ самостоятельнаго договора, когда она вызвана не частными интересами отдѣльнаго госуд-ва, а общими—междун. общенія, независимо отъ заинтересованности госуд-ва, въ пользу котораго она установлена, когда нѣсколько госуд-въ берутъ на себя обязанность охранять извѣстный status (напр., нейтралитетъ того или иного госуд-ва). Часто союзные договоры сопровождаются взаимною гарантіею контрагентами неприкосновенности ихъ владѣній (напр., Англояпонскій союзн. договоръ 1905 г.).—По своему содержанію гарантія можетъ касаться всякаго рода м. отношеній (гарантія территоріальной неприкосновенности (см. выше стр. 69), гарантія займа, уплаты долга и процентовъ и т. д.); независимость Греціи гарантирована Россіей, Франціею и Англіею (1832 г.); въ первой половинѣ XIX в. пентархія брала на себя гарантію существующаго внутренняго строя абсолютн. монархич. государствъ (см. выше стр. 13). Въ 1856 г. державы, участвовавшія въ заключеніи Парижскаго трактата (30. III), гарантировали (ст. 7) независимость и цѣлость Турціи, а Англія, Австрія и Франція *сверхъ того* заключили договоръ (15. IV) съ Турціею, которымъ взаимно обязались разсматривать какъ casus belli всякое нарушеніе Парижскаго трактата. Гарантія принятаго на себя госуд-вомъ денежнаго займа сама по себѣ не служитъ непремѣнно основаніемъ м.-правового обязательства. Но договоръ о гарантіи получаетъ значеніе м. договора какъ только госуд-во, заемъ котораго былъ гарантированъ другими, приметъ на себя обязательства, ограничивающія его финансовое управленіе. Соглашеніемъ 1885 г. между

Россіей, Германіей, Австро-Венгріей, Франціей, Англіей, Италіей и Турціей о гарантіи египетскаго госуд. займа, договаривающіяся державы обязываются „сообща и солидарно“ гарантировать правильную уплату годовой суммы въ 315000 ф. ст. Гарантію греческихъ займовъ 1883 и 1898 гг. приняли на себя Россія, Англія и Франція.

При опредѣленіи взаимныхъ отношеній гаранта къ гарантируемому нужно имѣть въ виду, что гарантія (въ отличіе отъ протектората, съ которымъ она въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляетъ сходство) не должна парализовать самостоятельности и свободы послѣдняго (напр. относительно заключенія договоровъ съ другими государствами). Поэтому гарантъ договора не вправѣ помѣшать контрагентамъ измѣнить или даже совершенно уничтожить ихъ гарантированный имъ договоръ; этимъ, конечно, прекращаются и его обязательства. Гарантируемый можетъ также добровольно отказаться отъ своего гарантированнаго права или отказаться отъ помощи гаранта и предпочесть собственными силами защищать свое право. Какъ гарантъ, такъ и гарантируемый свободны въ отношеніи толкованія гарантированнаго договора. Самъ по себѣ гарантъ не имѣетъ права вмѣшательства на основаніи данной имъ гарантіи, а также онъ не можетъ принуждать стороны къ исполненію договора, въ случаѣ ихъ бездѣйствія, если не затронуты непосредственно его собственныя права или права всего м. союза. Гарантъ, вообще, можетъ дѣйствовать въ пользу гарантируемаго лишь по приглашенію послѣдняго, и въ случаѣ неуспѣшности своего вмѣшательства не обязанъ къ вознагражденію заинтересованной стороны. Объемъ содѣйствія и мѣры, принимаемыя гарантомъ для выполненія своего обязательства,—чисто вопросъ факта; они рѣдко и опредѣляются; обыкновенно гарантъ обѣщаетъ свое содѣйствіе всѣми своими силами. Во всякомъ случаѣ соотвѣтственно вспомогательному характеру гарантіи—гарантируемый обязанъ прежде всего дѣйствовать собственными силами.

Гарантія можетъ быть принята на себя однимъ государствомъ или нѣсколькими, независимо другъ отъ друга; въ такомъ случаѣ между послѣдними не устанавливается никакой юридической связи,—это гарантія простая, а не коллективная. *Коллективная* гарантія имѣется налицо въ томъ случаѣ, когда гарантію принимаютъ на себя солидарно нѣсколько госуд-въ на основаніи особаго между собою (и гарантируемымъ) договора или соглашенія сообща оказывать гарантію. Въ этомъ случаѣ договоръ о гарантіи создаетъ особыя юридическія отношенія не только между гарантами и гарантируемымъ, но и между самими гарантами. Коллективная гарантія *предполагаетъ* совмѣстное исполненіе обязанностей поручительства всѣми участниками ея по общему ихъ *соглашенію*; но гарантированный въ правѣ потребовать осуществленіе гарантіи и отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Въ случаѣ разногласія между согарантами относительно настоящаго казуса гарантіи или на счетъ способа общихъ дѣйствій каждый изъ согарантовъ въ правѣ осуществить свои обязательства отдѣльно и такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ. При началѣ франкопрусской войны 1870 г. одна Англія изъ числа гарантировавшихъ въ 1831 и 1839 г. нейтрализацію Бельгіи державъ активно выступила на защиту нейтралитета Бельгіи, заключивъ съ Пруссіей и съ Франціею тождественные союзные договоры противъ возможнаго нарушителя этого нейтралитета. Въ силу ст. 7 Парижскаго трактата 30 III 1856 г. участвовавшія въ немъ державы обязались каждая въ отдѣльности „уважать независимость и цѣлость Турціи и обезпечиваютъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства“. (О значеніи этого обязательства см. мою статью въ Рус. Вѣстн. 1877, № 12).

Обязательство гарантіи прекращается: по соглашенію между гарантами при коллективной гарантіи; вслѣдствіе отказа отъ нея государства гарантированнаго; истеченіемъ срока гарантированнаго договора или уничтоженіемъ объекта гарантіи.—Польза гарантій больше кажущаяся, нежели дѣйствительная, такъ какъ имѣетъ источникомъ интересы гаранта и всегда является актомъ добровольнымъ. Мало того, она можетъ быть вредна, открывая возможность вмѣшательства гаранта во внѣшнія отношенія и даже во внутреннія дѣла гарантированнаго.

Прекращеніе м. договоровъ. Rebus mutatis въ нѣкоторыхъ случаяхъ падаетъ внутренне разумное основаніе м договора. Договоръ прекращается: 1) исполненіемъ дѣйствій, къ которымъ онъ обязывалъ, если онъ не обязывалъ къ как.-либо постояннымъ длящимся дѣйствіямъ; 2) наступленіемъ резолютивнаго условія; 3) истеченіемъ срока. Такой договоръ можетъ быть продолженъ или возобновленъ. Сторона, не желающая возобновленія или продолженія, обязана предувѣдомить о томъ другую сторону заранѣе (обыкновенно срокъ такого предувѣдомленія устанавливается въ самомъ трактатѣ; обычно одинъ годъ); въ противномъ случаѣ договоръ считается молчаливо продолженнымъ на годъ или на иной условленный срокъ. Въ случаѣ молчаливаго продолженія срока договора, каждая сторона можетъ потомъ отказаться отъ него во всякое время. 4) Взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ или отказомъ одной стороны, если возможность его предусмотрѣна трактатомъ; 5) нарушеніе договора од-

ной стороной не отмѣняетъ договора, но даетъ другой сторонѣ право отступиться отъ него, такъ какъ лежащее въ основѣ всякаго договора соглашеніе сторонъ отпало. Такъ какъ въ трактатахъ часто сопоставляются различные отдѣльные предметы безъ необходимой внутренней между ними связи, то при измѣненіи или нарушеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей договора, остальныя не теряютъ силы (примѣръ: Берлинскій трактатъ 1878 г.). 6) Гибелью одного изъ контрагентовъ (см. выше) или объекта договора. 7) Война между контрагентами уничтожаетъ политическіе и прекращаетъ дѣйствіе другихъ договоровъ между ними; такъ какъ послѣдствіемъ войны можетъ оказаться существенное измѣненіе во взаимномъ положеніи воевавшихъ государствъ, вслѣдствіе котораго условія, послужившія основаніемъ и предположеніемъ (rebus sic stantibus) при заключеніи дѣйствовавшихъ до войны трактатовъ, могутъ оказаться несотвѣтствующими дальнѣйшему дѣйствію этихъ трактатовъ, то въ м. практикѣ принято признавать, что война прекращаетъ договоры, существовавшіе между воюющими, за исключеніемъ такихъ, которые заключены именно на случай войны, равно какъ и отдѣльныхъ договорныхъ постановленій, касающихся военнаго времени или сдѣланныхъ на случай войны.

По окончаніи греко-турецкой войны 1897 г. договоры, существовавшіе между Турціей и Греціей до ея объявленія, были признаны прекратившимися. Ст. 11 Франкфуртскаго мирнаго трактата 1871 г. начинается такъ: „такъ какъ торговые договоры Франціи съ различными германскими госуд-вами упразднены войной, то въ основаніе взаимныхъ торговыхъ отношеній Франціи съ Германіею будетъ положено начало наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ". Ст. 18 того же трактата подтверждаетъ и возстановляетъ нѣкоторые другіе прежніе договоры Франціи съ Германіею. Такое подтвержденіе и возстановленіе прежнихъ договоровъ находится обычно въ мирныхъ трактатахъ. Ст. 12 Портсмутскаго мирнаго трактата съ Японіею 1905 г. аналогична статьѣ 11 Франкфуртскаго трактата.

Нѣтъ никакихъ ни юридическихъ, ни логическихъ основаній для прекращенія войною или во время войны дѣйствія договоровъ по вопросамъ частнаго права (напр. о наслѣдствахъ, о промышленной и литературной собственности и т. п.), такъ какъ по м. праву частныя лица подданные воюющихъ государствъ не признаются непріятелями; мирныя дѣловыя отношенія между ними войною не расторгаются и въ временно непріятельской странѣ иностранцы не могутъ быть лишены гарантированныхъ имъ правъ, поскольку пользованіе послѣдними совмѣстимо съ требованіями государственной безопасности.

Договоръ м. б. заключенъ безсрочно или же на опредѣленный срокъ. Относительно безсрочнаго договора можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ возникнуть сомнѣніе—остается ли онъ еще въ силѣ? Сомнѣніе можетъ возникнуть и въ случаѣ какого-либо глубокаго переворота въ жизни одного изъ контрагентовъ. Въ подобныхъ случаяхъ, если стороны продолжаютъ признавать его силу, практикуется формальное *„подтвержденіе"*, конфирмація договора. Такъ, 63 ст. Берлинскаго трактата 1878 г. постановляетъ: „Парижскій трактатъ 1856 г. и Лондонскій договоръ 1871 г. сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не видоизмѣнены настоящимъ трактатомъ".—Срочный договоръ можетъ быть, по истеченіи его срока, *продолженъ* или же *возобновленъ*. Продолженіе, *пророгація* договора состоитъ въ простомъ продленіи его дѣйствія на новый, условливаемый контрагентами срокъ безъ какого-либо измѣненія его содержанія. *Возобновленіе* договора, разумѣется въ томъ случаѣ, когда въ существующій договоръ вносятся сторонами какія-либо измѣненія. Такъ, по прекращеніи дѣйствія торговаго трактата Россіи съ Франціею 1874 года, между ними заключена была конвенція о торговлѣ 1905 г., большая часть постановленій которой содержитъ лишь указанія на измѣненія и дополненія, вносимыя сторонами въ трактатъ 1874 года, при чемъ въ остальныхъ частяхъ послѣдній сохраняетъ свою силу. Договоръ можетъ быть *возстановленъ*—въ случаяхъ прекращенія или пріостановленія его дѣйствія,—напр., послѣ войны. Наконецъ, срочный трактатъ можетъ сохранить силу, несмотря на истеченіе срока, если въ немъ предусмотрѣна такая пророгація его и при указанныхъ на этотъ счетъ условіяхъ. Примѣръ: ст. 20 договора съ Франціею 1874 г.—„Настоящій трактатъ будетъ оставаться въ силѣ по 10. VIII. 1877 г. Въ случаѣ, если ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не заявитъ, за 12 мѣсяцевъ до означеннаго срока, желанія прекратить дѣйствіе онаго, онъ будетъ сохранять обязательную силу до истеченія одного года съ того дня, когда тою или другою изъ в. дог. сторонъ будетъ сдѣлано заявленіе о прекращеніи его дѣйствія". Конвенціи, подписанныя на Гаагской конференціи 1907 г. предоставляютъ контрагентамъ право отказа отъ нихъ съ оговоркою, что отказъ этотъ будетъ дѣйствителенъ лишь годъ спустя послѣ того, какъ оповѣщеніе объ этомъ было получено Нидерландскимъ правительствомъ (которое немедленно извѣщаетъ объ этомъ другихъ контрагентовъ).

Политическіе и соціальные договоры. По своему содержанію м. договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: на договоры *политическіе* и договоры *соціальные* (по Мартенсу) или же политическіе и административные (по Іеллинеку). Можно прибавить еще третью груп-

пу—договоры *юридическіе* (судебные). Къ договорамъ политическимъ Мартенсъ относитъ всѣ трактаты, касающіеся интересовъ и правъ *государствъ*, какъ напр. договоры о территоріальныхъ владѣніяхъ госуд-въ, мирные трактаты, о правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи судоходства въ открытомъ морѣ и др. Договоры же соціальные имѣютъ въ виду удовлетвореніе соціальныхъ интересовъ и культурныхъ потребностей какъ цѣлыхъ *народовъ*, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и лицъ (въ м. оборотѣ). Къ нимъ должны быть отнесены конвенціи о литер. и худож. собственности, о выдачѣ преступниковъ, въ особенности же торговые договоры, о судоходствѣ и мореплаваніи. Опредѣленіе Мартенса должно быть формулировано нѣсколько точнѣе. Торговые договоры несомнѣнно точно также касаются интересовъ госуд-въ, какъ и политическіе договоры, но послѣдніе имѣютъ въ виду именно политическіе интересы, права и взаимныя отношенія госуд-въ въ сферѣ госуд-веннаго суверенитета, *какъ представителей политическаго могущества народа;* они имѣютъ цѣлью м. регулированіе и обезпеченіе госуд-ву его политической личности и его основныхъ правъ въ м. общеніи, безъ коихъ невозможна защита госуд-вомъ интересовъ и правъ его подданныхъ въ м. оборотѣ. Такіе, кромѣ указанныхъ Мартенсомъ, мирные трактаты, союзные договоры, договоры о нейтралитетѣ, о гарантіи, о протекторатѣ и т. п. Договоры же соціальные касаются главнымъ образомъ регулированія и охраны госуд-вами правъ и взаимныхъ отношеній *подданныхъ* (договаривающихся сторонъ) въ предѣлахъ территоріи контрагента, и содѣйствія и охраны *общественныхъ* интересовъ ихъ народовъ во взаимныхъ отношеніяхъ госуд-въ, *какъ соціальнополитическихъ организмовъ*. Сюда относятся, кромѣ торговыхъ договоровъ, консульскія конвенціи, желѣзнодорожныя, санитарныя, о взаимномъ содѣйствіи госуд-въ въ сферѣ судебной и т. д. Между тѣмъ какъ въ прежнія времена политическіе договоры преобладали, въ настоящее время соціальноэкономическіе получаютъ рѣшительное господство въ м. жизни и „въ виду значенія и вліянія соціальныхъ (и экономическихъ) интересовъ на м. отношенія, увеличеніе числа соціальныхъ и сокращеніе числа трактатовъ съ политическимъ содержаніемъ является лучшимъ доказательствомъ развитія мирныхъ м. сношеній и оборотовъ“ (Мартенсъ). (Съ 1645 по 1800 г. Франція заключила съ Австріей болѣе 70 договоровъ, изъ нихъ только 2 неполитическихъ, Франція съ Пруссіей болѣе 20—одинъ торговый, съ Германіей болѣе 40—всѣ политическіе, съ Англіей болѣе 30—нѣсколько торговыхъ).

Договоры соціальные и, въ частности, торговые, отличаются отъ политическихъ не только по своему общему характеру. Ихъ назначеніе—служить удовлетворенію преимущественно духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ и потребностей народа въ м. общеніи. Отсюда прежде всего болѣе непосредственное участіе самаго народа въ ихъ заключеніи.

„Первое существенное субъективное условіе для дѣйствительности м. договора,—говоритъ проф. Мартенсъ,— заключается въ томъ, чтобы онъ былъ совершенъ между госуд-вами вполнѣ независимыми“. Точно также и большинство публицистовъ признаютъ лишь политически независимыя, суверенныя госуд-ва субъектами договорнаго права. „Полунезависимыя госуд-ва,—говоритъ Мартенсъ,—не обладаютъ правоспособностью къ заключенію договоровъ и если въ дѣйствительности обязывались или обязываются ими, то благодаря своему ненормальному, съ точки зрѣнія м. права, положенію“. Такое объясненіе не совсѣмъ справедливо и во всякомъ случаѣ требуетъ нѣкотораго поясненія, которое мы находимъ въ дѣйствительной природѣ госуд-ва, какъ *политическаго* и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ *соціально-экономическаго* организма. Политически госуд-во можетъ быть ограничено въ свободѣ осуществленія своихъ суверенныхъ правъ. Ограниченія эти могутъ быть наложены на него извнѣ или же оно само можетъ ограничить свою свободу. Но такая политическая неполноправность госуд-ва отнюдь не можетъ служить критеріемъ для опредѣленія его м. дѣеспособности, а въ особенности его правъ и обязанностей какъ соціально-экономическаго организма. Существеннымъ различіемъ между политическими и соціально-экономическими интересами въ м. жизни создана на практикѣ *двойственная внѣшняя дѣеспособность* госуд-въ, при чемъ возможно, что извѣстное госуд-во, будучи субъектомъ м. права, пользуется дѣеспособностью въ одномъ отношеніи и не пользуется ею въ другомъ. Такъ, пользующееся политическимъ суверенитетомъ вел. герцогство Люксембургское, въ тороговополитеческомъ отношеніи входитъ въ составъ таможенной сферы германской имперіи со времени договора 1865 года, въ силу котораго Люксембургъ уступилъ свою торговополитическую дѣеспособность Пруссіи. Въ такомъ же положеніи находится суверенное княжество Лихтенштейнъ относительно Австро-Венгріи. Точно также допустимо и обратное явленіе возможности извѣстной м.-правовой дѣеспособности въ спеціально экономической сферѣ при отсутствіи у госуд-ва политическаго суверенитета. Мало того, на основаніи нѣкоторыхъ явленій м. жизни новѣйшаго времени мы склонны думать, что въ современныхъ госуд-вахъ начинаетъ укрѣпляться

сознаніе невозможности (т. е. несправедливости) подчиненія требованіямъ соціально-экономической жизни и развитія одного народа или одного политическаго организма условій соціальной или экономической жизни и развитія другого народа или другого политическаго организма, хотя бы даже они въ государственномъ отношеніи были тѣсно связаны между собою. Такъ, въ новѣйшихъ (начиная съ 1880 г.) торговыхъ трактатахъ, заключаемыхъ Англіею, мы находимъ оговорку, что автономнымъ британскимъ колоніямъ [1]) предоставляется на свободный выборъ—присоединиться къ торговому трактату, заключенному метрополіею, или нѣтъ. Такъ, коммерческій трактатъ Англіи съ Парагваемъ не былъ принятъ большинствомъ британскихъ колоній, а нѣкоторыя изъ нихъ приняли его лишь отчасти (т. е. не всѣ постановленія его), путемъ особаго соглашенія. Коль скоро современнымъ правосознаніемъ признается справедливость (при извѣстныхъ условіяхъ) торгово-политическаго обособленія составныхъ частей европейскихъ цивилизованныхъ госуд-въ, то тѣмъ болѣе основаній имѣется для такого обособленія въ пользу т. наз. полунезависимыхъ государствъ (Турція), отъ которыхъ невозможно и ожидать здоровой политики по соціально-экономическимъ вопросамъ. Какъ бы то ни было, но конкретныя потребности жизни опередили въ данномъ случаѣ теорію, и въ настоящее время можно признать вполнѣ установленнымъ правило о право-и дѣеспособности полунезависимыхъ государствъ (въ предѣлахъ ихъ автономіи) въ вопросахъ соціально-экономическихъ въ сферѣ ихъ м. общенія. Въ 1879 г. полунезависимый Египетъ получилъ отъ Порты фирманъ, разрѣшившій египетскому правительству заключать самостоятельные договоры съ иностранными госуд-вами касательно торговли, таможенныхъ пошлинъ, земледѣлія, полиціи надъ иностранцами и т. п., т.-е. по всѣмъ вопросамъ внутренней автономіи, но не по вопросамъ политическимъ. Точно также въ 1874 г. Россія, Австрія и Германія коллективною нотою Портѣ заявили, что въ виду экономической автономіи Дунайскихъ княжествъ, послѣднія должны имѣть право на заключеніе торговыхъ договоровъ съ иностранными госуд-вами. При этомъ Австрія ссылалась на Парижскій трактатъ 1856 г. и конвенцію 1858 г., гарантировавшіе Сербіи, Молдавіи и Валахіи независимость въ вопросахъ торговли и судоходства. Замѣтимъ, что уже ранѣе княжества заключили съ нѣкоторыми державами телеграфныя, желѣзнодорожныя и почтовыя конвенціи, о выдачѣ преступниковъ и т. п. Наконецъ, Болгарія въ 1884 г. заявила подобное же притязаніе, которое фактически было признано заключеніемъ торговыхъ соглашеній съ нею Англіи, Австро-Венгріи и др. [1]).

Отличіе соціально-экономическихъ договоровъ отъ политическихъ выражается въ *способѣ ихъ заключенія*. Какъ мы уже замѣтили выше (стр. 154) заключеніе и утвержденіе м. договоровъ отъ имени госуд-га въ огромномъ большинствѣ конституціонныхъ государствъ предоставляется представителю верховной власти, но для договоровъ неполитическихъ *требуется обыкновенно участіе народнаго представительства*.

Такъ, по конституціи германской имперіи, императору предоставляется заключеніе союзовъ и договоровъ съ иностранными державами; но если эти договоры касаются предметовъ, относящихся по конституціи (§ 4) къ области имперскаго законодательства, то для ихъ заключенія необходимо согласіе союзнаго совѣта, а для дѣйствительности—согласіе рейхстага. Статья же 4 конституціи относитъ сюда таможенное и торговое законодательство, охрану германской торговли и флага, регулированіе вопросовъ о подданствѣ, полицію надъ иностранцами, охрану духовной собственности, законодательство по торговому, вексельному, уголовному и процессуальному праву. По итал. конституціи король заключаетъ всякіе трактаты, даже торговые, кромѣ налагающихъ финансов. тягости на госуд-во или устанавливающихъ территоріаль. измѣненія. По французской конституціи 1875 г. мирные и торговые договоры и договоры, налагающіе финансовыя обязательства и касающіеся правъ французскихъ подданныхъ за границей или устанавливающіе территріальныя измѣненія, требуютъ согласія обѣихъ палатъ. Почти тоже въ Бельгіи, Пруссіи и др. Въ Англіи коронѣ принадлежитъ прерогатива заключенія всякихъ договоровъ. Но если договоромъ измѣняется существующій внутренній законъ или налагаются финансовыя обязательства на страну, то въ парламентъ долженъ быть внесенъ соотвѣтственный законопроектъ, безъ утвержденія котораго договорное обязательство не можетъ войти въ дѣйствіе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе содержанія торговыхъ договоровъ, такое косвенное участіе парламента окажется неизбѣжнымъ. Въ С. Штатахъ договоръ можетъ быть зачлюченъ президентомъ безъ участія палаты представителей, если на заключеніе договора изъявили согласіе двѣ трети членовъ сената. Но требуется согласіе палаты представителей, если договоръ касается пріобрѣтенія новой территоріи. Въ 1890 г. конгрессъ уполномочилъ президента на заключеніе торговыхъ договоровъ (1894 г.) съ

1) Автономное правительство (парламенты) и право автономнаго таможеннаго законодательства имѣютъ Канада, Ньюфаундлендъ, австралійскія британскія колоніи (Викторія, Нов. южн. Уэльсъ, Тасманія и др.), Капская земля и Наталь; въ нѣкоторыхъ договорахъ сюда причисляется и Индія. Онѣ имѣютъ самостоятельную тарифную политику. Такъ наз. коронныя колоніи не имѣютъ права на тарифную политику и ихъ таможенная система имѣетъ только финансовыя цѣли. Нужно замѣтить, что англійскія колоніи (особенно Канада), въ отличіе отъ метрополіи, держатся вообще покровительственной таможенной системы. Канада пользуется правомъ заключать самостоятельные таможенные договоры по конституціи 1867 г.

1) См. Staatsarchiv т. XXIX, 1876 №№ 5482 сл. и 5502.

европейскимъ государствами. (Ср. бар. Нольде, Законодательная санкція м. договоровъ, въ П р а в ѣ 1906, ст. 3561; Лазаревскаго, М. договоры и народное представительство, въ П р а вѣ 1907, ст. 3207).

Вообще инціатива заключенія торговыхъ договоровъ принадлежитъ главѣ исполнительной власти въ госуд-вѣ. Равно и переговоры ведутся назначенными этимъ главою уполномоченными на основаніи имъ же данныхъ инструкцій. Затѣмъ парламентъ не можетъ измѣнять подписаннаго договора, а только принять или отвергнуть въ цѣломъ. По утвержденіи парламентомъ, онъ окончательно утверждается ратификаціею верховной власти.

Наконецъ, въ отличіе отъ трактатовъ политическихъ, соціально-экономическіе договоры заключаются всегда на *опредѣленный срокъ*. Срочность этихъ договоровъ необходима потому, что госуд-ву невозможно связывать себя на слишкомъ продолжительные сроки, напр., въ своей торгово-промышленной и таможенной политикѣ, зависящей отъ измѣняющихся условій внутреннихъ и иностранныхъ рынковъ и вообще отъ экономическихъ условій даннаго времени: Пользуясь по принципу неограниченнымъ суверенитетомъ въ этомъ отношеніи, госуд-го при заключеніи торговаго договора ограничиваетъ эту свободу ради извѣстныхъ выгодъ, которыя оно получаетъ отъ контрагента. Но эквивалентность взаимныхъ уступокъ контрагентовъ можетъ со временемъ исчезнуть, измѣненія въ условіяхъ, какъ внутренняго производства и потребленія, отечественной торговли, промышленности и экономическаго положенія, такъ и иностранныхъ торговыхъ рынковъ и промышленности, могутъ одинаково потребовать измѣненія условій, установленныхъ договорами для взаимныхъ отношеній контрагентовъ въ этой области. Поэтому торговые договоры всегда заключаются на опредѣленный срокъ. По истеченіи этого срока договоръ либо утрачиваетъ силу, либо дѣйствіе его продолжается неопредѣленно до тѣхъ поръ, пока та или другая сторона не заявить о своемъ отказѣ отъ договора. Такое заявленіе дѣлается обыкновенно за годъ до желаемаго прекращенія дѣйствія договора. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ лишь торговые договоры съ некультурными народами, вслѣдствіе трудностей въ заключеніи съ ними такихъ договоровъ. Впрочемъ въ нихъ оговаривается иногда возможность ихъ „пересмотра“. Другое исключеніе представляетъ собою франкфуртскій мирный договоръ Германіи съ Франціею 1871 г., 11-я статья коего представляетъ собою торговый договоръ обѣихъ державъ на принципѣ наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ, но безъ оговорки относительно

возможности отказа или пересмотра; такимъ образомъ это торгово-политическое соглашеніе подобно самому мирному трактату, въ который оно включено, должно считаться какъ бы заключеннымъ на вѣчныя времена.

Изъ *политическихъ* договоровъ наибольшее значеніе имѣютъ договоры мирные, союзные, о гарантіи, о нейтрализаціи. Сюда же слѣдуетъ отнести договоры, имѣющіе предметомъ урегулированіе права войны и нейтралитета. Цѣль *союзныхъ* договоровъ—взаимная военная помощь контрагентовъ въ случаѣ войны (оборонительной или же наступательной) одного изъ нихъ съ третьимъ государствомъ. Такой договоръ обязываетъ союзниковъ не только къ взаимной военной помощи, но и вообще къ общимъ и совмѣстнымъ дѣйствіямъ ради общей имъ, опредѣленной въ договорѣ политической цѣли напр. сохраненія, или, наоборотъ, измѣненія существующихъ правоотношеній, въ сохраненіи или измѣненіи которыхъ они сообща заинтересованы, или же ради вообще взаимной обороны противъ третьихъ государствъ. Контрагенты обыкновенно обязываются *взаимною* помощью всѣми своими силами; но возможно и одностороннее обязательство помощи со стороны одного контрагента (напр. Англія въ пользу Португаліи въ союзныхъ договорахъ съ 1612 до 1815 года) безъ взаимности (напр. въ 1855 г. Швеція обязалась относительно Англіи и Франціи не дѣлать территоріальныхъ уступокъ Россіи, а Англія и Франція гарантировали ей неприкосновенность ея владѣній съ обязательствомъ снабдить ее морскими и сухопутными военными силами для противодѣйствія возможнымъ требованіямъ Россіи). Договоръ можетъ быть ограниченъ срокомъ или резолютивнымъ условіемъ (напр. на время опредѣленной войны или до достиженія цѣли союза) или пространствомъ (напр., Англояпонскій союзъ 1905 г.—защитой обоюдныхъ интересовъ въ Кореѣ, Китаѣ и Индіи съ прилегающими странами). Вмѣсто военной помощи мож. б. условлена помощь финансовая. Casus belli контрагента, соотвѣтствующій условіямъ договора (casus foederis) приводитъ послѣдній въ дѣйствіе. Но толкованіе принадлежитъ каждомуизъ союзниковъ самостоятельно (напримѣръ, въ 1814 году Англія обязалась защищать Персію отъ внѣшнихъ нападеній, но въ 1825 г. отказала ей въ исполненіи этого обязательства на томъ основаніи, что Россія заняла незаселенную часть персидской территоріи). Если союзъ привелъ къ совмѣстной войнѣ союзниковъ, то по достиженіи цѣли союза, союзники не въ правѣ препятствовать другъ другу въ заключеніи мира съ общимъ непріятелемъ; но миръ долженъ быть заключенъ по обоюдному соглашенію и сообща, а не отдѣльно. (Но въ 1855 г. Франція и Австрія открыли мирные переговоры съ Россіей безъ участія Англіи). Важнѣйшіе, новѣйшіе, нынѣ дѣйствующіе союзы: тройственный 1879 г. (съ трехлѣтними сроками возобновленія, Германіи, Австріи и Италіи), франкорусскій 1891 и англояпонскій 1905 г.

Органы м. сношеній. Для своихъ взаимныхъ сношеній госуд-ва пользуются опредѣленными органами: одни изъ нихъ облечены *представительнымъ характеромъ* въ томъ смыслѣ, что ихъ дѣйствія и волеизъявленія имѣютъ значеніе дѣйствій и волеизъявленій самаго госуд-ва, какъ субъекта м. права въ м.-правовыхъ сношеніяхъ; органы госуд-венной власти, облеченные такимъ представительнымъ характеромъ могутъ обязывать и управомочивать госуд-во тѣми дѣйствіями и м.-правовыми сдѣлками, какія они совершаютъ или въ какія они вступаютъ отъ имени своего госуд-ва; другіе же органы госуд-ва, не будучи облечены представит. характеромъ, являются лишь агентами, облеченными извѣстнымъ кругомъ функцій, входящихъ въ компетенцію госуд. власти и необходимыхъ примѣнительно къ задачамъ и цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ госуд-во въ м. общеніи. Опредѣленіе тѣхъ или иныхъ органовъ госуд-ва для его м. сношеній, а также объема ихъ правомочій, зависитъ отъ внутренняго законодательства (основныхъ законовъ) его. Помимо этихъ органовъ никакія дѣйствія или волеизъявленія, исходящія отъ другихъ лицъ или учрежденій, хотя бы и официальныхъ, не имѣютъ въ м. сношеніяхъ и отношеніяхъ никакого обязывающаго ихъ госуд-во значенія, поскольку они не совершены по спеціальному уполномочію или не получили послѣдующаго одобренія со стороны ихъ госуд. власти.

Обыкновенно высшимъ органомъ, облеченнымъ представительнымъ характеромъ, является *глава государства:* онъ заключаетъ договоры, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, посылаетъ и принимаетъ пословъ. Ему вообще принадлежитъ высшее м.-правовое представительство государства въ границахъ, установленныхъ основными законами госуд-ва.

Это представительство главы госуд-ва выражается напр., тѣмъ, что м. договоры заключаются не отъ имени государствъ, а отъ имени главы госуд-въ. Напр., Е. В. Императоръ Всероссійскій и Президентъ Французской Республики, въ виду такихъ то цѣлей постановили заключить трактатъ о томъ то и назначили на сей конецъ своими уполномоченными такихъ-то (это — формула торгов. трактата 1874 года). При этмъ имя монарха или главы госуд-ва не обозначается, такъ какъ договоръ заключается не даннымъ лицомъ, а императоромъ или инымъ главою госуд-ва, въ качествѣ именно главы госуд-ва, т. е. органа, облеченнаго правомъ м.-правового представительства госуд-ва; между тѣмъ лица, спеціально уполномоченныя главою госуд-ва для заключенія, т. е. веденія переговоровъ и подписанія договора отъ имени главы госуд-ва поименовываются въ договорѣ, такъ какъ они выступаютъ здѣсь лишь какъ агенты представительнаго органа госуд-ва, дѣйствующими за него.

Управленіе иностранными дѣлами госуд-ва, т. е. сношеніями госуд-ва съ другими госуд-вами и дѣлами, касающимися отношеній госуд-ва къ другимъ госуд-вамъ (и ихъ подданнымъ) находится обыкновенно и фактически въ рукахъ особаго вѣдомства—министерства иностранныхъ дѣлъ и стоящаго во главѣ его лица, канцлера, министра, статсъ-секретаря, которое въ силу этого признается органомъ, непосредственно *уполномоченнымъ отъ главы государства*, а слѣд., представителемъ государственной власти во внѣшнихъ сношеніяхъ государства. Въ качествѣ такого органа министръ иностр. дѣлъ, подобно главѣ госуд-а сносится непосредственно съ иностранными правительствами и ихъ представителями, аккредитованными въ его гос-вѣ, и, въ качествѣ непосредственнаго исполнителя и выразителя воли верховнаго представительнаго м. органа госуд-ва, руководитъ дѣятельностью заграничныхъ представительныхъ органовъ и другихъ агентовъ госуд-ва.

Наконецъ, *заграничными* органами государства для непосредственныхъ отъ имени госуд-ва сношеній съ иностранными правительствами и для представительства интересовъ его являются постоянные или же временные агенты, уполномоченные на это со стороны верховной госуд-венной власти, которую они представляютъ на мѣстѣ своего акредитованія. *Постоянными* агентами госуд-ва въ этомъ смыслѣ являются: a) *дипломатическіе агенты* (посланники), которые представляютъ въ предѣлахъ своихъ полномочій суверенную м. личность пославшаго госуд-га во всѣхъ его м.-правовыхъ сношеніяхъ, и потому облеченные т. наз. дипломатическимъ характеромъ, и b) *консулы*, которые по общему правилу представляютъ государство только въ его торговополитическихъ, экономическихъ и общекультурныхъ интересахъ въ сношеніяхъ съ государствомъ, куда они назначены и потому не имѣющіе дипломатическаго характера. Сюда же можно отнести агентовъ недипломатическихъ, назначаемыхъ съ спеціальнымъ порученіемъ въ чужомъ госуд-вѣ и состоящихъ обыкновенно при посольствѣ или при миссіи, каковы военные агенты и спеціальные агенты отъ министерства финансовъ или торговли. *Временные* агенты государства являются представителями государства въ особыхъ опредѣленныхъ случаяхъ и для извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей. Они также мог. б. облечены дипл. характеромъ, когда представляютъ суверенную личность государства, напр., спеціальные уполномоченные на м. конгрессы или для заключенія м. договоровъ. Временные недипломатическіе агенты, иногда обозначаемые названіемъ комиссаровъ, назначаются со спеціальными порученіями и для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ м. характера, напр. для проведенія или регулированія границы, для заключенія госуд. займа, парламентеры. Въ ка-

чествѣ органовъ государственной власти и агентовъ, облеченныхъ спеціальными правомочіями для осуществленія тѣхъ или иныхъ задачъ госуд-ва въ его м. сношеніяхъ и отношеніяхъ, такія лица стоятъ подъ особою охраною м. права въ смыслѣ личной свободы и неприкосновенности. Степень этой охраны различна въ зависимости отъ цѣли ихъ назначенія и свойства полномочій, коими они облечены. По общему правилу всѣ они во время служебнаго пребыванія въ госуд-вѣ, куда назначены, пользуются преимуществами, необходимыми для безпрепятственнаго выполненія возложенныхъ на нихъ порученій (неприкосновенность личности и служебныхъ бумагъ), а агенты, облеченные диплом. характеромъ (представляющіе суверенную м. личность госуд-ва въ его м. сношеніяхъ съ госуд-вомъ, при которомъ агентъ аккредитованъ) пользуются спеціальными, чрезвычайными преимуществами не только неприкосновенности, но и т. наз. внѣземельности, т. е. неподчиненности мѣстной судебной и правительственной власти.

Глава государства. По общему правилу глава госуд-ва является, какъ въ монархическихъ, такъ и республиканскихъ госуд-ахъ, представителемъ своего госуд-ва во всѣхъ м.-правовыхъ сношеніяхъ послѣдняго, хотя и въ предѣлахъ, установленныхъ законодательствомъ страны [1]); эти государственноправовыя ограниченія права представительства главы госуд-ва въ м. сношеніяхъ имѣютъ силу и въ м. правѣ, и потому м.-правовыя дѣйствія главы государства, совершенныя имъ съ превышеніемъ его конституціонныхъ правомочій, не могутъ обязывать госуд. въ его м. отношеніяхъ. Такъ, напр., если для заключенія м. догов. требуется на основаніи внутренняго госуд. права даннаго госуд., кромѣ посредства главы госуд-ва, какъ органа, которому принадлежитъ право представительства госуд-ва, еще участіе (согласіе) законодательной власти госуд-ва (напр. парламента), то договоръ, заключенный съ нарушеніемъ этого условія однимъ главою госуд-ва, будетъ недѣйствителенъ не только съ точки зрѣнія госуд. права этого госуд-ва, но и съ точки зрѣнія права международнаго, ибо конституціей госуд-ва опредѣ-

1) Что касается республикъ, то во Франціи право м.-правового представительства принадлежитъ президенту республики, въ Швейцаріи же оно принадлежитъ не президенту, а Союзному Совѣту. По французской конституціи президентъ республики, а по итальянской король заключаетъ и утверждаетъ отъ имени госуд-ва м. договоры и сообщаетъ ихъ палатамъ, какъ только интересъ и безопасность госуд-ва это позволятъ (слѣд. можетъ и не сообщать, напр. политическіе). Въ С. А. С. Штатахъ право объявленія войны принадлежитъ не президенту республики, а конгрессу. (Ср. также выше стр. 154 и 175).

ляется организація государственной власти не только для самого госуд-ва, но и для всѣхъ его отношеній къ другимъ госуд-вамъ и конституціею опредѣляются, слѣд., всѣ формальныя условія, необходимыя для того, чтобы признать наличность правомѣрнаго изъявленія воли государства. (См. Котляревскаго, Правовое госуд-во и внѣшняя политика).

Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, право представительства принадлежитъ фактическому главѣ госуд-ва независимо отъ государственноправовой законности (правомѣрности) его власти (напр. вслѣдствіе увѣнчавшагося фактическимъ успѣхомъ государственнаго переворота).

Но даже въ новѣйшее время „законность“ или „незаконность“ вступленія во власть главы госуд-ва, отражается иногда на отношеніяхъ къ госуд-ву другихъ госуд-въ. Напр. Баварія сначала отказала въ признаніи Виктора Эммануила королемъ послѣ объединенія Италіи; король Петръ сербскій, избранный на сербскій престолъ послѣ убійства короля Александра въ 1903 г. долгое время не получалъ признанія со стороны Англіи и др. госуд-въ. Часто государственный переворотъ съ перемѣною въ госуд-вѣ формы правленія вноситъ временное нарушеніе правильныхъ сношеній съ нимъ другихъ правительствъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ м. практика требуетъ признанія новаго главы госуд-ва, выражающагося вступленіемъ иностраннаго госуд-ва въ правильныя дипломатическія сношенія съ нимъ. (Ср. выше стр. 48 сл.). Но отсутствіемъ такого признанія м. представительство такого „фактическаго“ главы госуд-ва въ смыслѣ его дѣйствій и волеизъявленій отъ имени государства не умаляется, поскольку его власть и правомочія въ этомъ отношеніи находятъ фактическое признаніе и опору въ самомъ государствѣ и въ его дѣйствующей конституціи.

Всѣ государства члены м. союза въ принципѣ признаются равноправными; поэтому въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они пользуются одинаковыми правами, и почетомъ (ср. выше стр. 67 сл.). Принципъ равноправности госуд-въ переносится въ настоящее время и на ихъ представителей (т.-е. на монарховъ и президентовъ), и на ихъ дипломатич. агентовъ. Поэтому при своихъ взаимныхъ отношеніяхъ главы госуд-въ признаются равноправными. Всѣ они пользуются одинаковыми правами въ юридическомъ смыслѣ этого слова; допускается только различіе въ отношеніи почестей и этикета: монархи пользуются обыкновенно большимъ почетомъ въ сравненіи съ представителями республикъ въ виду того, что послѣдніе являются лишь представителями правительственной власти госуд-ва.—На особыя права и преимущества въ м. сношеніяхъ главы госуд-ъ могутъ претендовать только въ томъ случаѣ, если они пользуются дѣйствительной властью въ госуд-вѣ: монархъ, лишенный престола или бывшій президентъ республики не имѣютъ права на эти

преимущества. Вопросъ о томъ, кто признается главою госуд-ва въ м. сношеніяхъ, рѣшается фактическимъ положеніемъ дѣла.

Особыя преимущества главъ госуд-въ въ м. сношеніяхъ распадаются на *почетныя* и *юридическія*. Почетныя преимущества сводятся къ установленію особыхъ формъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и титулованіи, особаго церемоніала при встрѣчѣ главы иностраннаго госуд-ва, къ назначенію ему особаго почетнаго караула и т. п. Все это не имѣетъ никакого отношенія къ праву въ истинномъ смыслѣ этого слова; тѣмъ не менѣе въ жизни нарушеніе установленныхъ на этотъ предметъ обычаевъ принимается за оскорбленіе представителя госуд-ва, а въ его лицѣ и самаго госуд-ва, такъ какъ въ этихъ установленныхъ м. обычаемъ правилахъ вѣжливости (этикета) выражается принципъ взаимнаго равноправія госуд-въ и ихъ м.-правовой личности.—Иногда главы госуд-въ сами отказываются отъ этихъ почетныхъ преимуществъ при своихъ путешествіяхъ, а именно—если они путешествуютъ *инкогнито*. Но юридическія преимущества и въ этомъ случаѣ остаются за ними.—Къ юридическимъ преимуществамъ главъ госуд-въ въ м. сношеніяхъ относятся—*неприкосновенность* и *экстерриторіальность* (внѣземельность). Глава госуд-ва пользуется высшей личной неприкосновенностью и безопасностью въ иностранномъ госуд-вѣ *) и, въ качествѣ представителя суверенной госуд-венной власти, не можетъ быть подчиненъ никакой иностранной госуд. власти, въ частности—его судебной власти. Внѣземельностью пользуются также (по обычаю) сопровождающіе его за границей члены его семьи и свита; право внѣземельности признается на практикѣ и за отдѣльно путешествующею супругою монарха.—Одинаковыми съ главою госуд-ва правами пользуется и регентъ, заступающій главу госуд-ва.

Глава госуд-ва не подчиняется территоріальному верховенству чужого госуд-ва, гдѣ онъ пребываетъ. Поэтому онъ не подчиняется мѣстной гражданской и, въ особенности, уголовной юрисдикц. (косвенно, слѣдовательно,—мѣстнымъ гражд. и угол. законамъ), и освобождается отъ личныхъ налоговъ и пошлинъ и отъ подчиненія исполнительной власти госуд-ва, въ которомъ пребываетъ. Мало того, въ качествѣ представителя суверенной госуд. власти, глава госуд-ва не можетъ быть подчиненъ

1) (Ср. выше стр. 68). Для него обязательно однако соблюденіе постановленій, ограждающихъ госуд-венную и общественную безопасность. Онъ не подвергается налогамъ и пошлинамъ, но только личнаго характера (почтовые, телеграфные, всякаго рода косвенные налоги обязательны и для него, а также налоги, основанные на владѣніи недвижимостью въ чужомъ госуд-вѣ).

никакой посторонней государственной власти, гдѣ бы онъ ни находился: глава госуд-ва вообще не можетъ быть привлеченъ къ суду другого государства, если только дѣло не касается вещныхъ исковъ относительно недвижимаго имущества, находящагося въ чужомъ госуд-вѣ, или если глава госуд-ва самъ добровольно не подчинится этой юрисдикціи, хотя бы косвенно, напр., предъявленіемъ иска въ иностранномъ судѣ; или, если искъ противъ него вытекаетъ не изъ дѣйствій его, какъ частнаго лица, а какъ главы государства и представителя госуд. власти.

Неприкосновенностью и внѣземельностью пользуются и квартира иностраннаго главы государства и всѣ принадлежащіе ему предметы (движимость), а также и вообще помѣщеніе, въ которомъ онъ находится (вагонъ, корабль). Поэтому не подлежатъ секвестру движимыя вещи, въ томъ числѣ лошади, экипажи, вагоны, суда, принадлежащіе иностранному государю или правителю. Однако должникъ, въ пользу котораго иностранное госуд-во, или государь прямо отдалъ подъ залогъ (ипотеку) какое-либо принадлежащее ему имущество, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, удержать это имущество, или наложить на него запрещеніе. Неприкосновенностью пользуется и его переписка и лица, перевозящіе ее (фельдъегеря, курьеры).

Иски, допускаемые противъ иностраннаго государства, суть только слѣдующіе: 1) реальные, въ томъ числѣ и поссессорные, когда дѣло идетъ о недвижимости, находящейся на данной территоріи; 2) иски, предъявляемые противъ иностраннаго главы государства, когда онъ является наслѣдникомъ, или легатаріемъ мѣстнаго подданнаго или когда для него возникаютъ вообще какія-либо права изъ наслѣдства, открывшагося въ чужомъ государствѣ; 3) иски, возникающіе изъ владѣнія имъ на иностранной территоріи торговымъ или промышленнымъ заведеніемъ или предпріятіемъ; 4) иски, по которымъ онъ прямо допустилъ компетенцію мѣстнаго суда, напр., если онъ самъ вчинилъ искъ предъ такимъ судомъ, онъ тѣмъ самымъ призналъ его компетентнымъ для разсмотрѣнія вопросовъ о судебныхъ издержкахъ, къ которымъ можетъ быть присужденъ, или о встрѣчныхъ искахъ, могущихъ возникнуть изъ этого дѣла. Также иностранный глава государства, который, отвѣчая на предъявленный предъ мѣстнымъ судомъ противъ него искъ, не сдѣлаетъ возраженія относительно подсудности ему, считается признавшимъ въ данномъ случаѣ, компетенцію этого суда. Недопустимы иски, возникшіе изъ правительственныхъ дѣйствій (actes de souveraineté) иностранныхъ главъ государства. Впрочемъ, дѣла, возникающія изъ обязательствъ, заключенныхъ государями до ихъ вступленія на престолъ, подлежатъ общимъ началамъ подсудности.

Посольское право. Органами взаимныхъ сношеній госуд. являются въ м. сферѣ дипломатическіе агенты. *Дипломатическимъ аген-*

томъ называется оффиціальное облеченное особыми правомочіями лицо, уполномоченное отъ имени своего правительства правомъ представительства государства и его интересовъ въ его м.-правовыхъ сношеніяхъ съ правительствомъ государства, при которомъ онъ акредитованъ (т. е. управомоченъ). Задача дипл. агента—охранять вытекающіе изъ основныхъ и договорныхъ правъ *политическіе и другіе интересы* отечественнаго государства и его подданныхъ, поддерживать непосредственныя сношенія съ иностран. правительствомъ по вопросамъ, касающимся этихъ интересовъ и содѣйствовать мирному разрѣшенію возникающихъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ спорныхъ вопросовъ. Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности дипломатическихъ агентовъ, какъ представителей государствъ въ м. общеніи, образуетъ такъ наз. *посольское право*.

Институтъ постоянныхъ посольствъ и посольскаго права неизвѣстенъ древности, не сознававшей необходимости постояннаго правильнаго м. общенія. При господствовавшей принципіальной враждебности въ м. отношеніяхъ древняго міра, вооруженныя столкновенія и интересы торговли являлись, можно сказать, единственными случайными поводами для отправленія временныхъ взаимныхъ посольствъ съ временными порученіями ради извѣстной, строго опредѣленной временной цѣли (напр., объявленія войны, заключенія мира или союза или договора), а общій взаимный интересъ успѣшнаго и безпрепятственнаго осуществленія посланными возложеннаго на нихъ порученія являлся основаніемъ для установленія и м. признанія принципа личной неприкосновенности посланника; съ этою цѣлью онъ, при отсутствіи м. права и м. общенія, ставился подъ единственную международно признававшуюся охрану религіозную. Но эти сношенія и эти посольства носили, повторяемъ, случайный характеръ и не могли быть поэтому построены построены на прочныхъ правовыхъ началахъ (римское jus feciale—совокупность правилъ и обядностей, а не юридическихъ нормъ). Возникновеніе института дипломатич. агентовъ въ качествѣ п о с т о я н н а г о организованнаго учрежденія относится лишь къ XV в. Родина его—Венеція. Процессъ объединенія европейскихъ государствъ, развитіе монархич. абсолютизма съ его завоевательною динатическою политикою и учрежденіе постоянныхъ армій значительно способствовали развитію и укрѣпленію института постояннаго дипломатич. представительства госуд-въ: дипломатич. агенты нужны были правительствамъ прежде всего какъ „политическіе шпіоны“, чтобы слѣдить за вооруженіями, политическими замыслами и т. п. другъ друга. Къ XVII вѣку институтъ постоянныхъ посольствъ окончательно вошелъ въ общее употребленіе у всѣхъ европейскихъ госуд-въ, за исключеніемъ одной только Россіи, а развитіе культурнаго и экономическаго общенія между европейскими цивилизованными народами постепенно повліяло и на измѣненіе первоначальнаго характера дипломатическихъ агентовъ. Такъ какъ народы нецивилизованные до послѣдняго времени не сознавали потребности въ постоянномъ общеніи съ народами цивилизованными, то послѣдніе иногда даже силою добивались (напр., относительно Китая) разрѣшенія на учрежденіе своихъ постоянныхъ дипломатич. агентовъ въ государствахъ нецивилизованныхъ.—Культурная и религіозная обособленность Московскаго государства въ XV—XVII столѣтіяхъ, его недовѣріе и принципіальная враждебность къ иностранцамъ объясняютъ, почему оно нетолько не назначало, но даже не соглашалось принимать постоянныхъ дипломатическихъ представителей,—всѣ русскія посольства и западныя посольства въ Московскомъ государствѣ носили временный, случайный характеръ. Первыя русскія постоянныя посольства при западно-европейскихъ государствахъ и въ Турціи учреждены были Петромъ В., а въ другихъ азіатскихъ государствахъ (Персіи, Китаѣ, Японіи)—лишь въ XIX вѣкѣ. (Ср. Александренко, Русск. дипл. агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ).

Право посольства дѣлится на активное и пассивное. *Активнымъ* правомъ посольства называется право госуд-ва, какъ члена м. общенія, *назначать* своихъ представителей при другихъ государствахъ *съ правами и преимуществами*, признаваемыми цивилизованными госуд-вами за дипломатическими агентами. *Пассивное* право посольства есть право государства *принимать* къ себѣ представителей иностранныхъ державъ *съ обязанностью признавать за ними* установленныя м. практикою права и преимущества.

Нѣкоторые писатели (напр. Геффтеръ) утверждаютъ, что принятіе посольства не есть обязанность госуд-ва, а лишь вопросъ пользы. Противъ этого справедливо возражаютъ (Мартенсъ, Даневскій), что такой взглядъ основанъ на *преувеличеніи идеи суверенитета и независимости государствъ. Если же стать на точку зрѣнія начала правового общенія между народами*, обязывающаго ихъ, какъ членовъ высшаго порядка, сознательно стремящихся при его посредствѣ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, къ поддержанію постоянныхъ правильныхъ взаимныхъ отношеній, органами которыхъ являются дипломатич. агенты, *то объ отказѣ принимать и посылать ихъ не можетъ быть и рѣчи*. Поэтому прекращеніе (разрывъ) дипломат. сношеній между госуд-вами считается за признакъ натянутыхъ отношеній. Активное право посольства принадлежитъ stricto jure только государствамъ независимымъ, пользующимся полнымъ суверенитетомъ. Поэтому назначеніе дипломат. агента напр. къ возставшей провинціи равнозначительно признанію ея независимости. Право посольства принадлежитъ также папскому престолу,—державы имѣютъ особыхъ представителей при Ватиканѣ и особыхъ при итальянскомъ королѣ. Осуществленіе активнаго права посольства принадлежитъ *представителю верховной власти* госуд-ва: монарху, президенту республики, по личному ихъ усмотрѣнію или подъ контролемъ, или съ

согласія народнаго представительства; напр., въ С.-А. Соед. Штатахъ—президенту съ согласія сената; въ Швейцаріи—союзному совѣту. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ національнаго законодательства страны и отъ ея конституціи. Иногда, въ виду мѣстныхъ условій, начальникамъ отдаленныхъ провинцій или колоній предоставляется госуд-гомъ активное право посольства. Такъ, въ Англіи вице-король Индіи, въ Россіи Туркестанскій ген.-губернаторъ (до 1905 г. намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ) пользуются правомъ самостоятельныхъ дипломатич. сношеній съ средне-азіатскими владѣтелями, но, конечно, подъ личною отвѣтственностью передъ своими правительствами. Въ личной уніи каждое изъ соединившихся госуд-въ имѣетъ право посольства; въ реальной—это право принадлежитъ только союзу, какъ таковому. Въ союзѣ госуд-въ оно принадлежитъ и отдѣльнымъ союзнымъ госуд-вамъ, и союзу какъ таковому; въ союзномъ госуд-вѣ, наоборотъ, оно принадлежитъ союзу, но можетъ быть предоставлено и отдѣльнымъ его членамъ (напр., Баварія, Вюртембергъ [1]). При *междоусобной войнѣ* ни одна партія не обладаетъ этимъ правомъ, пока она фактически не захватила въ свои руки верховной власти въ странѣ. Съ другой стороны, монархъ лишившійся престола не можетъ претендовать ни на активное, ни на пассивное право посольства. Пассивное посольское право, т.-е. право принимать дипломатическихъ агентовъ, принадлежитъ въ принципѣ всякому госуд-ву, обладающему активнымъ посольскимъ правомъ.

Полунезависимыя государства не имѣютъ ни активнаго, ни пассивнаго права посольства. Представительство ихъ политическихъ интересовъ въ м. сферѣ присвоивается ихъ сюзереннымъ державамъ, но для м. сношеній по вопросамъ, не выходящимъ изъ предѣловъ ихъ автономіи, они назначаютъ иногда къ другимъ госуд-вамъ своихъ агентовъ, которые однако не имѣютъ дипломатическаго характера. Также и великія державы ради своихъ политическихъ интересовъ назначаютъ обыкновенно къ полунезависимымъ государствамъ (напр., въ Болгарію) генеральныхъ консуловъ съ спеціальнымъ званіемъ *дипломатическихъ агентовъ;* de jure однако и такіе агенты не пользуются особыми противъ генеральныхъ консуловъ правами. Государства, состоящія подъ протекторатомъ, не имѣютъ, ни активнаго, ни пассивнаго права посольства (см., напр., ст. 1 русско-англійской конвенціи 1907 г. объ Афганистанѣ).

---

1) Въ такомъ случаѣ дипл. агентъ отдѣльнаго госуд-ва, члена союза, является представителемъ этого госуд-ва только въ тѣхъ его интересахъ, которыя входятъ въ составъ его автономіи.

Изъ обязанности принимать пословъ вообще не слѣдуетъ еще обязанность принимать всякое назначенное въ качествѣ посланника лицо. Цѣль дипломатич. агентуры—охраненіе интересовъ общенія посредствомъ поддержанія добрыхъ отношеній между госуд-вами посылающимъ и принимающимъ посла. Поэтому установился обычай предварительно освѣдомляться у правительства, при которомъ долженъ состоять агентъ, желаетъ ли оно принять такое то лицо въ качествѣ агента, и оно можетъ отклонить назначеніе непріятнаго ему лица, даже безъ указанія причинъ. Обычно отказъ въ принятіи даннаго лица въ качествѣ посла допускается относительно 1) *подданнаго страны, къ которой аккредитуется дипломатич. агентъ;* особыя права и привиллегіи посольскаго званія легко могутъ оказаться несовмѣстными съ правами государства относительно своего подданнаго (напр., относительно судебной его отвѣтственности); 2) лица, *опозореннаго* судомъ, или 3) лица, завѣдомо *враждебно* относящагося къ правительству, къ которому его желаютъ послать, или занимающаго такое общественное положеніе, которое дѣлаетъ принятіе его неудобнымъ для мѣстной власти. Напр., въ 40-хъ годахъ русское правительство отказало въ согласіи принять посломъ отъ Англіи лорда Пальмерстона. На томъ же основаніи Италія не приняла въ 1885 г. въ качествѣ посланника С. Штатовъ Кейлея, а Австрія не приняла его на томъ основаніи, что онъ состоялъ въ гражданскомъ бракѣ съ еврейкою. Папа отказалъ въ 1875 г. принять въ качествѣ германскаго посла кардинала кн. Гогенлоэ, такъ какъ кардиналы подчинены папѣ.

Каждое госуд-во можетъ назначить къ другому пословъ въ количествѣ, которое сочтетъ нужнымъ. Въ прежнія времена госуд-ва иногда пользовались правомъ посылать коллективныя посольства, но въ настоящее время посылаютъ всегда одного посла, за исключеніемъ конгрессовъ и конференцій,—что объясняется сложностью задачъ, подлежащихъ разрѣшенію этихъ м. собраній. Въ 1822 г. въ Вѣнѣ состоялъ посломъ гр. Головкинъ, но туда же былъ посланъ Татищевъ, чтобы тайно отъ перваго вести переговоры о восточномъ вопросѣ.—Иногда державы назначаютъ одного уполномоченнаго къ нѣсколькимъ госуд-вамъ; напр., Франція аккредитуетъ одного къ 3 республикамъ центральной Америки; Россія—одного же къ нѣсколькимъ мелкимъ германскимъ госуд-вамъ; Китай акредитуетъ къ нѣсколькимъ великимъ державамъ одного посла, избирающаго себѣ мѣсто пребыванія въ одной изъ нихъ. Случается также, хотя рѣже, что одно лицо—посолъ отъ нѣсколькихъ госуд-въ (всегда незначительныхъ и имѣющихъ общіе м. интересы).

Начало дипломатич. миссіи. Моментъ, съ котораго данное лицо должно быть разсматриваемо въ качествѣ дипломатич. агента, слагается stricto jure изъ моментовъ назначенія и признанія правительствомъ, къ которому оно аккредитовано. Но назначеніе посланника государствомъ есть актъ чисто внутренне-государственный. Признаніе же его выражается врученіемъ посланникомъ въ торжественной аудіенціи главѣ иностраннаго госуд-ва вѣрительной или *кредитивной грамоты* (lettre de créance), полученной посланникомъ отъ его главы госуд-ва. Только съ момента представленія кредитивной грамоты (содержащей указанія на имя, рангъ и предметъ полномочій аккредитуемаго лица) дипл. агентъ de jure поступаетъ во всѣ свои права и преимущества. Но *практика* относитъ этотъ моментъ ко времени сообщенія правительству, къ которому аккредитуется посланникъ, о назначеніи даннаго лица и о его выѣздѣ за границу, при чемъ права его на личную неприкосновенность по обычаю признаются и другими госуд-вами. Самыя церемоніи пріема (торжественной аудіенціи) дипломатич. агентовъ различны по обычаямъ даннаго госуд-ва и отчасти по рангу агента. Кромѣ кредитивной грамоты всякій посланникъ имѣетъ обыкновенно *инструкціи* (всегда тайныя); въ случаѣ спеціальнаго порученія, ему дается еще такъ называемое *уполномочіе* (plein pouvoir) на извѣстныя спеціальныя дѣйствія (напр., заключить миръ или трактатъ) (Но тѣмъ не менѣе всѣ совершенныя д. агентомъ на основаніи его полномочій дѣйствія получаютъ обязательную юридич. силу только по утвержденіи (ратификаціи) или одобреніи его правительствомъ). Для посланниковъ, назначаемыхъ на конгрессъ, полномочіе замѣняетъ кредитивную грамоту. Д. агенту дается еще паспортъ и, въ военное время, проѣздной охранный листъ (sauf-conduit) для проѣзда чрезъ территорію воюющаго госуд-ва.

Оканчивается дипломатич. миссія фактически—смертью посланника, или юридически. Нормальные юридическіе способы прекращенія миссіи: исполненіе спеціальнаго порученія (напр. заключеніе трактата, поздравленіе съ возшествіемъ на престолъ государя), истеченіе срока полномочія (въ случаѣ срочной миссіи), отозваніе посланника; ненормальные (особенные): отказъ мѣстнаго правительства продолжать съ нимъ дипломатич. сношенія, разрывъ дипломатич. сношеній или война между госуд-вами пославшимъ и принявшимъ дипломатич. агента, а также смерть, отреченіе отъ престола или изгнаніе главы госуд-ва въ госуд-вѣ, пославшемъ или принявшемъ посла (въ этомъ случаѣ необходимо новое уполномочіе).—По принятому обычаю, въ случаѣ нормальнаго прекращенія миссіи, посланникъ получаетъ отъ главы госуд-ва прощальную аудіенцію, въ которой вручаетъ свою *отзывную грамоту* и получаетъ отъ главы госуд-ва рекредитивъ, но пользуется всѣми правами дипломатич. агента до выѣзда изъ государства; онъ остается подъ охраной м. права и при ненормальномъ прекращеніи его миссіи.

Ранги дипломатич. агентовъ. Для прекращенія частыхъ въ прежнія времена споровъ между госуд-вами о правѣ первенства или предсѣданія ихъ дипломатич. агентовъ, Вѣнскій конгрессъ 1815 г. издалъ регламентъ о рангахъ дипломатич. агентовъ. Онъ установилъ для нихъ три класса: 1) „чрезвычайные и полномоченные *послы* (ambassadeurs) и папскіе легаты и нунціи; 2) „чрезвычайные *посланники* и полномочные министры“ (envoyés et ministres); 3) *повѣренные въ дѣлахъ*. Протоколъ Ахенскаго конгресса 1818 г. дополнилъ эти разряды внесеніемъ еще 4-го—*министровъ резидентовъ*, поставленныхъ ниже 2-го и выше 3-го класса. Но юридическаго различія между диплом. агентами разныхъ классовъ въ настоящее время нѣтъ. Юридически *всѣ они равны*, обладаютъ безусловно одними правами, привиллегіями и функціями, и вся разница между ними въ ихъ почетныхъ церемоніальныхъ правахъ. Титулъ „чрезвычайный“ дается одинаково посламъ и посланникамъ и не имѣетъ юридич. значенія. На основаніи Вѣнскаго регламента, „только послы и папскіе представители почитаются представителями своихъ государей“, т.-е. *личности* монарха, а не только государства. Они назначаются обыкновенно только между первоклассными, т. наз. великими державами. Они пользуются *правомъ* непосредственныхъ сношеній съ главою госуд-ва, при которомъ аккредитованы. Остальные должны испрашивать аудіенцію. Несмотря на свой второстепенный рангъ, „посланники“ являются въ настоящее время наиболѣе употребительнымъ классомъ дипл. агентовъ между госуд-вами. За исключеніемъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, дипл. агенты всѣхъ остальныхъ классовъ аккредитуются отъ главы госуд-ва къ главѣ госуд-ва, а повѣренные въ дѣлахъ—министромъ иностр. дѣлъ къ министру иностр. дѣлъ. Каждое госуд-во само опредѣляетъ классъ своего представителя; обыкновенно при этомъ слѣдуютъ началу равенства или взаимности.—*Первенство* (старшинство) дипл. агентовъ каждаго класса *между собою* опредѣляется по времени *официальнаго извѣщенія* ими о своемъ прибытіи правительству, при коемъ они аккредитованы.

Права постоянныхъ диплом. агентовъ присвоиваются и диплом. агентамъ, посылаемымъ госуд-вами съ временными политическими или це-

ремоніальными порученіями, напр., для представительства на конгрессахъ, для возвѣщенія о вступленіи на престолъ новаго государя и т. п.

Дипломат. агентство, во главѣ котораго стоитъ посолъ, наз. *посольствомъ*, а во главѣ котораго посланникъ—*миссіею*.

Иностранные дипломатич. агенты, состоящіе при одномъ правительствѣ, образуютъ *дипломатич. корпусъ;* во главѣ его стоитъ въ качествѣ декана (doyen) старшій по рангу и времени назначенія посолъ. Не будучи корпораціей или юридическимъ лицомъ, дипломатическій корпусъ выступаетъ однако иногда коллективно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается интересовъ всего м. союза и когда державы желаютъ подчеркнуть свою солидарность по какому либо вопросу. Такія коллективныя выступленія дипломатич. корпуса имѣютъ тѣмъ большее нравственное и даже юридическое значеніе, что дипломат. корпусъ по своему составу долженъ служить органомъ, выражающимъ солидарность интересовъ, тенденцій и понятій, связывающихъ цивилизованныя госуд-ва въ одно цѣлое.

Права и привиллегіи дипл. агентовъ дѣлятся обыкновенно на *основныя права*, необходимыя для полнаго и безпрепятственнаго осуществленія посланникомъ своихъ функцій, и на *второстепенныя почетныя права и привиллегіи*. Съ давнихъ временъ дипломат. агенты пользуются значительными правами и привиллегіями и находятся подъ особою охраною м. права. Въ періодъ династической политики, такъ какъ посланникъ былъ представителемъ личности своего монарха, эти права и привиллегіи являлись источникомъ нескончаемыхъ пререканій не только между самими посланниками, но даже между государствами. Въ настоящее время основныя права дипломат. агентовъ сводятся къ (издревле, впрочемъ, признаваемой) ихъ *независимости* и вытекающей изъ нея *неприкосновенности;* въ связи съ послѣднею стоитъ *внѣземельность*, экстерриторіальность, т. е. *неподсудность* уголовнымъ и гражданскимъ судамъ страны мѣста ихъ пребыванія [1]), неприкосновенность ихъ жилища и переписки и неподчиненность мѣстной государственной власти. Гуго

1) По справедливому мнѣнію Листа и большинства современныхъ интернаціоналистовъ, изъятіемъ изъ подъ угол. и гражд. юрисдикціи чужого государства обусловливается и изъятіе изъ подчиненія его матеріальному, частному и уголовному, праву. (Противнаго мнѣнія Биндингъ, Белингъ, Меркель, Франкъ, Ольсгаузенъ, признающіе только изъятіе изъ подъ юрисдикціи). Въ самомъ дѣлѣ, невозможно судебное преслѣдованіе посланника по законамъ и передъ судами принявшаго его государства *послѣ* оставленія имъ своего поста за дѣйствія, совершенныя до этого оставленія, ибо такое преслѣдованіе предполагало бы, что посланникъ, *во время* нахожденія въ должности, подчиненъ одновременно какъ нормамъ государства, пославшаго его, такъ и нормамъ государства, принявшаго его. Между тѣмъ дипл. агентъ всегда остается подсуднымъ отечественному суду и его законамъ.

Гроцій впервые сдѣлалъ попытку юридической конструкціи правъ дипл. агента, при чемъ построилъ „священныя права“ посланниковъ на юридической фикціи внѣземельности, по которой дипломатическій агентъ (и государь), пребывая въ чужой странѣ, разсматриваются какъ бы продолжающимъ пребываніе на отечественной территоріи, а слѣдовательно признается изъятымъ изъ-подъ дѣйствія законовъ и властей мѣста его пребыванія. Въ настоящее время въ такой фикціи нѣтъ никакой надобности (она и невѣрна: дипломатическіе агенты обязаны соблюдать мѣстные законы и полицейскія правила); принципъ внѣземельности посланника непосредственно вытекаетъ изъ суверенитета той госуд. власти, которую онъ представляетъ въ госуд-вѣ, куда онъ назначенъ, а съ другой стороны,—какъ правильно указалъ уже въ XVIII в. Бейнкершукъ, Монтескье, Ватель и др.—для цивилизованныхъ госуд-въ неприкосновенность дипл. агентовъ вытекаетъ изъ требованій самаго м. общенія, которое должно гарантировать органамъ ихъ постоянныхъ сношеній (диплом. агентамъ) положеніе, могущее создать имъ *физическую, духовную и юридическую возможность полнаго и безпрепятственнаго осуществленія ихъ предназначенія*. Этою цѣлью привиллегированнаго положенія дипл. агента опредѣляется и объемъ его привиллегій. Въ этихъ цѣляхъ необходимо признать за дипл. агентами независимость, а послѣдняя ведетъ къ ихъ неприкосновенности.

Неприкосновенность посланниковъ признавалась даже въ древности, какъ необходимое условіе свободнаго, безпрепятственнаго исполненія посланникомъ возложенной на него миссіи. Но тамъ она не носила юрид. характера. Въ современныхъ цивилизованныхъ госуд-вахъ она является безусловнымъ общепризнаннымъ началомъ м. права, какъ для мирнаго [1]), такъ и военнаго времени, и пользуется усиленною охраною въ законодательствахъ всѣхъ народовъ. По Улож. о нак. (ст. 261) явное и публичное оскорбленіе иностраннаго посла, посланника или иного дипломатическаго агента съ намѣреніемъ оказать неуваженіе къ его правительству, наказуется заключеніемъ въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ [2]). Неприкосновенность распространяется не только на личность посланника, но и на его жилище, эки-

1) Съ момента въѣзда посланника въ предѣлы государства, въ которомъ онъ акредитованъ, если на принятіе его послѣдовало согласіе правительства, къ которому онъ назначенъ, если оно увѣдомлено о его отправленіи и если онъ заявилъ свой посольскій характеръ.

2) Французская судебная практика не допускаетъ даже доказательства приписываемыхъ дипломат. агенту обвиняемымъ предосудительныхъ дѣяній. Тоже Угол. Уложеніе.

пажъ, служебную переписку [1]) и архивъ посольства. Но возможны и исключенія изъ общаго правила о неприкосновенности дипл. агента, а именно; 1) въ случаѣ необходимой самообороны отъ насильственныхъ агрессивныхъ дѣйствій дипл. агента и 2) если посланникъ дозволяетъ себѣ вмѣшательство во внутреннія дѣла госуд-ва, въ которомъ онъ пребываетъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ какихъ-либо враждебныхъ его выступленій противъ этого госуд-ва или противъ его правительства, и вообще въ случаѣ преступленія его противъ государственнаго порядка (напр. участіе въ заговорѣ, въ политической агитаціи противъ мѣстнаго правительства). Но даже въ этихъ случаяхъ провинившійся дипл. агентъ не подлежитъ мѣстному суду, а лишь можетъ быть удаленъ изъ государства. Такъ Петръ I арестовалъ голландскаго резидента Дебіе, а затѣмъ потребовалъ отъ Голл. Штат. его отозванія по обвиненію его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ русскими подданными и во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи. Въ 1744 г. былъ высланъ изъ Петербурга французскій посланникъ маркизъ Шетарди по обвиненію въ подстрекательствѣ народа къ бунту. Въ 1871 правительство С. Штатовъ потребовало отозванія русскаго посланника въ Вашингтонѣ Катакази по обвиненію его во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла С. Штатовъ. Подобные случаи не рѣдки и въ новѣйшей м. практикѣ.

Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ столкновеніе двухъ правъ: права государства и правительства на самосохраненіе и охрану существующаго порядка, и права диплом. агентовъ на неприкосновенность, требуемаго интересами высшаго порядка. Эта коллизія правъ и разрѣшается въ случаяхъ менѣе важныхъ, напр., совершенія посломъ обыкновеннаго преступленія, требованіемъ объ его отозваніи и пріостановкою съ нимъ дипл. сношеній; въ случаяхъ чрезвычайныхъ напр., при участіи въ возстаніи или заговорѣ,—препровожденіемъ его за границу, не причиняя ему однако иныхъ насилій и не касаясь его архива и оффиціальной переписки. Въ этомъ случаѣ, по выраженію Гроція, госуд-во поступаетъ non per modum poenae, sed naturalis defensionis.

Уголовная неподсудность диплом. агентовъ мѣстнымъ судамъ за общія преступленія противъ частныхъ лицъ, признана и теоріей, и м. практикой, какъ послѣдствіе ихъ неприкосновенности: они отвѣтственны только передъ своимъ правительствомъ и судами своего государства Въ нашемъ законодательствѣ принципъ этотъ выраженъ въ 229 ст. Уст. угол. суд. и 171 ст. Улож. о нак.: въ случаѣ преступленій содѣянныхъ въ Россіи лицами, принадлежащими къ обыкновеннымъ или чрезвычайнымъ посольствамъ и миссіямъ иностранныхъ державъ, о семъ производится надлежащее дипломат. сношеніе съ ихъ правительствомъ; дѣла по такимъ преступленіямъ возбуждаются не иначе, какъ по дипломатическомъ сношеніи съ начальствомъ обвиняемаго. Ср. Угол. улож. ст. 5 п. 4.

Гражданская неподсудность диплом. агентовъ мѣстнымъ судамъ также вытекаетъ изъ начала неприкосновенности и необходимой свободы дѣйствій посланника, но должна быть истолковываема въ болѣе ограничительномъ смыслѣ, чѣмъ неподсудность уголовная, такъ какъ подчиненіе гражданскимъ судамъ и ихъ рѣшеніямъ принципіально мало затрогиваетъ личную свободу и независимость лица. Принципъ гражданск. неподсудности диплом. агентовъ, оспариваемый нѣкоторыми юристами, признается и судебною практикою европейскихъ госуд-въ. По 225 ст. Уст. гр. суд. иски, предъявляемые къ лицамъ, принадлежащимъ къ иностраннымъ посольствамъ или миссіямъ, не подлежатъ вѣдомству русскихъ судебныхъ установленій; денежныя требованія русскихъ подданныхъ къ такимъ лицамъ должны быть обращаемы въ министерство иностранныхъ дѣлъ,—„которое обязано имѣть настояніе объ удовлетвореніи оныхъ“ [1]). Впрочемъ, практика допускаетъ слѣдующія *изъятія* изъ принципа гражданской неподсудности: 1) если дипл. агентъ мѣстный подданный [2]), 2) если онъ дѣйствуетъ какъ частное лицо, напр. въ качествѣ душеприказчика, опекуна и т. п.; 3) если онъ принимаетъ участіе въ коммерческомъ или промышленномъ предпріятіи (тогда взысканія падаютъ на него, какъ на купца); 4) если онъ владѣетъ недвижимою собственностью въ странѣ мѣста своего пребыванія (тогда онъ отвѣчаетъ по всѣмъ вещнымъ искамъ, падающимъ на его недвижимое имущество).—Предъявленіе иска должно, однако, и въ этихъ случаяхъ идти диплом. путемъ (т. е. черезъ мѣстное минист-ство иностр. дѣлъ).—Принудительное исполненіе суд. рѣшенія не можетъ имѣть мѣста, поскольку это несовмѣстимо съ личною неприкосновенностью посланника и его жи-

1) Сводъ Учр и Уст. Тамож. ст. 880 прим.: „Курьеры присланные отъ иностранныхъ дворовъ (къ ихъ дипл. агентамъ) подвергаются таможенному досмотру лишь собственнаго багажа“. Ст. 948: Привозимые иностранными кабинетъ-курьерами пакеты, посылки, тюки и проч., кои будутъ адресованы на имя пребывающаго въ Россіи иностраннаго посла, посланника, министра, повѣреннаго въ дѣлахъ или просто на адресъ иностранной миссіи, и кои сверхъ того, будутъ снабжены оффиціальною печатью и внесены въ курьерскій списокъ, пропускаются безъ всякаго досмотра въ таможняхъ“.

1) Въ Австріи существуетъ для разбирательства предъявляемыхъ къ дипл. агентамъ претензій особое присутственное мѣсто. Obersthofmarschallamt.

2) Впрочемъ Парижскій судъ въ 1875 г. объявилъ подобное дѣло себѣ неподсуднымъ на томъ основаніи, что французскій подданный признанъ былъ правительствомъ въ качествѣ посланника иностраннаго государства.

лица; что же касается недвижимаго имущества, которымъ владѣетъ посланникъ въ госуд-вѣ, куда онъ назначенъ, а равно и движимаго имущества, находящагося внѣ его жилища (напр. цѣнныхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ банкѣ), то по отношенію къ нимъ принудительное исполненіе также возможно, какъ и по отношенію къ имуществу посланника, находящемуся въ его отечествѣ.

Дипл. агентъ не имѣетъ права самоюльно, безъ особаго разрѣшенія своего правительства, отказаться отъ этой привиллегіи неподсудности, въ особенности уголовной, потому что она представляетъ не его субъективное право, норму, установленную не въ личномъ интересѣ, а въ интересѣ международномъ; она присваивается не лицу, а званію. Поэтому, въ силу принятой практики, судъ не имѣетъ права принять къ своему разсмотрѣнію гражданскаго иска, вчиненнаго посланникомъ безъ спеціальнаго на то разрѣшеніе его правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ диплом. агентъ обязанъ бы былъ и отвѣчать по встрѣчному иску противной стороны и нести всѣ послѣдствія такого косвеннаго признанія имъ своей подсудности мѣстному суду.

Уголовная и гражданская неподсудность распространяются и на *членовъ оффиціальнаго персонала* посольствъ. совѣтниковъ и атташе (прикомандированныхъ военныхъ и гражданскихъ агентовъ), на служебный персоналъ (gens d'uniforme)—секретарей, правителя канцеляріи, переводчиковъ, курьеровъ, священника и врача, если они подданные иностраннаго госуд-ва, а не мѣстные подданные (а также на живущихъ при немъ членовъ его семьи)[1]).

Но неприкосновенность и неподсудность дипл. агента мѣстнымъ судамъ госуд-ва, куда онъ назначенъ, не тождественна съ безнаказанностью. Съ одной стороны, госуд-во, принявшее посланника, отказывается отъ уголовной юрисдикціи надъ нимъ лишь въ предположеніи, что онъ не злоупотребитъ своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, и что въ случаѣ противнаго, его отечественное государство привлечетъ его къ отвѣтственности; это не только право, но и обязанность отечесственнаго

1) Въ силу прим. къ 225 ст Уст. Гр. Суд. „лица находящіяся въ услуженіи у иностранныхъ пословъ, посланниковъ и др. дипл. агентовъ, подлежатъ вѣдомству судебныхъ установленій (русскихъ) по общимъ законамъ о подсудности, но вызовъ ихъ къ суду, если мѣстожительство ихъ извѣстно, дѣлается чрезъ посредство Министерства иностр. дѣлъ". Въ силу 230 ст. Уст. Уг. Суд. „дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, находящихся въ услуженіи пословъ, посланниковъ и др. дипл. агентовъ подлежатъ уголовному суду на общемъ основаніи, если въ отношеніи къ нимъ не сдѣлано никакихъ изъятій въ трактатахъ съ иностранными державами; но вызовъ ихъ къ слѣдствію и суду дѣлается чрезъ Министерство иностр. дѣлъ".

агенту государства. И дѣйствительно, на основаніи дѣйствующихъ законодательствъ всѣхъ культурныхъ госуд-въ, посланникъ, несмотря на пребываніе свое въ чужомъ госуд-вѣ, отвѣчаетъ по всѣмъ учиненнымъ имъ деликтамъ по законамъ своего отечества и мѣстомъ его подсудности считается столица его отечественнаго госуд-ва. Такъ по ст. 6 Угол. Уложенія: „дѣйствіе сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ иностранныхъ госуд-вахъ россійскими подданными, пользующимися въ этихъ госуд-вахъ правомъ внѣземельности". (Тоже по ст. 58 Проекта новой редакціи Уст. Угол. Судопр.). Съ другой же стороны, онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности передъ судами своего отечества и по всѣмъ частноправовымъ обязательствамъ, въ которыя онъ вступилъ. Такъ, французская судебная практика и германское законодательство держатся принципа подсудности посланниковъ и вообще находящихся на службѣ за границею чиновниковъ отечественному суду, признавая ихъ domicil въ отечествѣ, а пребываніе ихъ заграницею—временною служебною командировкою. Вообще, изъятіе, которымъ пользуется дипл. агентъ, не есть изъятіе изъ подъ господства закона вообще, а только изъятіе изъ подъ законовъ того госуд-ва, куда онъ назначенъ, съ сохраненіемъ подчиненія его законамъ его отечественнаго госуд-ва.

Руководящіе въ этомъ отношеніи принципы: уголовная подсудность дипл агента по его domicil'у т. е. подсудность отечественному суду, согласно толкованію, данному еще Бейнкерсгукомъ (De foro legatorum) въ 1721 г.: „legatus... peregrinus est qui apud nos moratur ut agat rem principis sui"; гражданская же подсудность его въ искахъ личнаго характера опредѣляется по domicil'у, а въ искахъ вещныхъ о недвижимости—по началу rei sitae. Наконецъ, даже при отказѣ дипл. агента (съ разрѣшенія его правительства) отъ привиллегіи неподсудности, все таки остается въ силѣ принципъ о недопустимости никакихъ ограниченій личн. свободы дипл. агента и никакого исполнительнаго производства (экзекуціи) относительно необходимаго ему имущества (опись и продажа съ торговъ мебели, экипажей и т. п.). Въ доктринѣ, впрочемъ, вопросъ о внѣземельности дипл. агентовъ и, въ частности, объ ея объемѣ и предѣлахъ, служитъ предметомъ значительныхъ разногласій.

Неприкосновенность посольскаго дома. Право неприкосновенности дипл. агента распространяется и на его жилище, въ смыслѣ неприкосновенности для мѣстной власти всѣхъ предметовъ, находящихся въ оградѣ посольскаго дома и вообще изъятія его изъ подъ юрисдикціи мѣстной территор. власти. *насколько это изъятіе не противорѣчитъ обще-*

ственной и государственной безопасности страны, въ которой посланникъ аккредитованъ (напр. противопожарныя, санитарныя правила).

Въ прежнія времена, въ силу фикціи экстерриторіальности, право это понималось въ самомъ широкомъ смыслѣ безусловнаго изъятія изъ подъ мѣстной юрисдикціи; мало того, фикція внѣземельности распространялась (до конца XVII в.) не только на домъ, но на цѣлый кварталъ, гдѣ жилъ посланникъ (сохранилось въ Китаѣ относительно европейскихъ кварталовъ—settlements—въ китайскихъ городахъ, напр. въ Шанхаѣ). Изъ этой же фикціи возникло и дальнѣйшее послѣдствіе—*право убѣжища* (droit d'asile), т. е. изъятіе изъ подъ мѣстной юрисдикціи и всякаго лица, даже мѣстнаго подданнаго, укрывшагося отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей и закона въ зданіи иностраннаго посольства или въ экипажѣ посланника. Неизбѣжныя злоупотребленія правомъ убѣжища, противорѣчащимъ и праву территор. верховенства государствъ, и общественной безопасности, привели постепенно къ отмѣнѣ этого права. Оно признается и остается въ силѣ только для политическихъ преступниковъ и лицъ, ищущихъ убѣжища въ случаѣ внутреннихъ смутъ, что же касается обыкновенныхъ преступниковъ, то въ силу новѣйшей практики посланникъ обязанъ по требованію мѣстныхъ властей выдать такого преступника, скрывшагося въ посольствѣ, въ противномъ же случаѣ мѣстныя власти могутъ насильно осуществить свое право, но, конечно, съ соблюденіемъ личной неприкосновенности посланника. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ жилище дипломатич. агента признается закрытымъ для доступа мѣстныхъ властей безъ особаго разрѣшенія агента. Такъ, по нашимъ законамъ (Прилож. VI къ ст. 1400 Уст. Гр. Суд. ст. 47): „должникъ не можетъ быть подвергнутъ личному задержанію... 3) во дворцахъ и квартирахъ, занимаемыхъ послами, посланниками, иностранными министрами и др. диплом. агентами". Въ случаѣ совершенія преступленія въ зданіи посольства посторонникъ персоналу посольства лицомъ, виновный судится мѣстнымъ судомъ и по мѣстнымъ законамъ. (Дѣло Никитченко и Балыпа 1867 г. у Мартенса II, 48).

Осенью 1895 г. китайское посольство въ Лондонѣ заманило въ зданіе посольства одного проживавшаго въ Лондонѣ китайца (Сунъ-Ятъ-Сенъ), обвинявшагося въ государственномъ преступленіи противъ китайскаго правительства. Посольство намѣревалось тайкомъ отправить его въ Китай для совершенія надъ нимъ казни. Но китайцу удалось дать знать одному знакомому о своемъ заключеніи; объ немъ сообщено было англійскому правительству и послѣднее потребовало отъ посольства немедленнаго освобожденія заключеннаго подъ угрозой примѣненія принудительныхъ въ случаѣ отказа мѣръ.

Второстепенныя права и преимущества дипл. агентовъ. Къ числу этихъ правъ, не имѣющихъ прямого значенія для отправленія дипл. агентомъ своихъ функцій и предоставляемыхъ агентамъ болѣе изъ уваженія къ ихъ положенію, а иногда даже подъ условіемъ взаимности, относятся между прочимъ: 1) имѣвшее значеніе въ прежнія времена *право* имѣть при посольствѣ *свою домовую церковь и совершать въ ней богослуженіе* по обрядамъ своего вѣроисповѣданія, при чемъ право посѣщенія церкви свободно для всѣхъ. Въ настоящее время, съ повсемѣстнымъ признаніемъ вѣротерпимости въ цивилизованныхъ госуд-вахъ, это право имѣетъ значеніе лишь на Востокѣ. Состоящіе при посольской церкви священнослужители пользуются на основаніи практики привилегированнымъ положеніемъ. 2) Принципъ независимости и неприкосновенности дипл. агентовъ не требуетъ освобожденія ихъ *отъ платежа податей*, повинностей и таможенныхъ пошлинъ: они должны быть безусловно свободны только отъ тѣхъ податей и налоговъ, платежъ которыхъ предполагаетъ подданническія отношенія облагаемаго лица къ государству. Таковы, именно, прямые личные налоги. Между прочимъ дома и квартиры дипл. агентовъ и посольскаго персонала освобождаются обыкновенно (но подъ условіемъ взаимности) отъ воинскаго постоя (у насъ ст. 475 Уст. о Зем. пов. не дѣлаетъ этого изъятія, очевидно, по недосмотру); они освобождаются отъ военно-конской повинности и вообще отъ всякихъ натуральныхъ поставокъ для войска [1]), а также отъ квартирнаго [2]) и подоходнаго налога, но не отъ платежа косвенныхъ налоговъ, налоговъ съ владѣнія недвижимостью и съ промышленныхъ или торговыхъ учрежденій и предпріятій, если они владѣютъ таковыми. Таможенныя пошлины, какъ падающія на вещи, а не на лицо, въ принципѣ должны уплачиваться дипл. агентами; но въ силу обычая и *взаимности*, госуд-ва допускаютъ въ этомъ отношеніи значительныя льготы въ пользу посланниковъ, разрѣшая имъ свободу отъ пошлинъ съ вещей, которыя они привозятъ съ собою *при своемъ назначеніи*, и облагая получаемые ими послѣ того заграничные предметы по принципу взаимности съ назначившими ихъ госуд-вами [3]). 3) Въ прежнія времена дипл. агентамъ

---

[1]) По п. 2 ст. 746 Уст. о Зем. Пов. поставкѣ въ войска не подлежатъ лошади „принадлежащія иностраннымъ посольствамъ и миссіямъ, а также подданнымъ тѣхъ иностранныхъ государствъ съ которыми заключены особыя конвенціи объ освобожденіи ихъ подданныхъ отъ воинскихъ повинностей и реквизицій". Тождественное постановленіе въ ст. 823 относительно поставки въ войска повозокъ и упряжи

[2]) По п. 2 ст. 5 Полож. о Гос. Кварт. Нал. отъ платежа его освобождаются „иностранные дипломатическіе представители, аккредитованные при Высоч. дворѣ и прочія лица, входящія въ составъ посольствъ и миссій".

[3]) См. Выс. утв. 26 V. 903 г. мнѣнія Гос. Сов. правила о пропускѣ вещей для прибывающихъ изъ-за границы лицъ, пользующихся въ таможенн. отношеніи преимуществами

предоставлялось праю *суда и наказанія* надъ подчиненнымъ персоналомъ посольства; но въ современныхъ госуд-вахъ они не пользуются ни гражданскою, ни, тѣмъ болѣе, уголовною юрисдикціею,—имъ принадлежитъ лишь дисциплинарная власть надъ подчиненнымъ имъ персоналомъ.

Дипломатическому агенту предоставляется осуществленіе правъ т. наз. добровольной безспорной юрисдикціи (охранительнаго производства) и нотаріата: право свидѣтельствованія документовъ и совершеніе актовъ о гражданскомъ состояніи, въ примѣненіи къ подданнымъ его отечественнаго госуд-ва и въ предѣлахъ, признаваемыхъ какъ его отечественнымъ законодательствомъ, такъ и госуд-вомъ, при которомъ онъ аккредитованъ. Дѣйствія, совершенныя агентомъ въ этихъ предѣлахъ, имѣютъ, конечно, законную силу и для госуд-ва, при которомъ онъ состоитъ.

Всѣ указанныя права и преимущества дипл. агентовъ санкціонированы м. обычаемъ и не требуютъ, въ сущности, ни законодательнаго, ни договорнаго опредѣленія. Въ договорахъ съ полуцивилизованными государствами они опредѣляются обыкновенно какъ „права и преимущества, предоставленныя имъ м. правомъ".

Обязанности дипл. агента состоятъ во всесторонней охранѣ интересовъ своего отечества и его подданныхъ, въ поддержаніи мирныхъ отношеній госуд-ва, при которомъ онъ аккредитованъ, къ отечественному госуд-ву, въ предупрежденіи всякихъ между ними несогласій и въ содѣйствіи мирному разрѣшенію послѣднихъ въ случаѣ ихъ возникновенія. При возможности въ настоящее время весьма быстрыхъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сношеній, личная инціатива и сообразительность дипл. агентовъ утратила важное значеніе, какое она имѣла въ прежнія времена: они являются обыкновенно лишь исполнителями полученныхъ ими предписаній своего правительства; поэтому ихъ главная задача—лишь давать своему правительству точныя свѣдѣнія о политическомъ и экономическомъ положеніи госуд-ва, въ которомъ они пребываютъ, о политическомъ настроеніи правительства, при которомъ аккредитованы и вообще, освѣдомлять его обо всемъ, что можетъ имѣть значеніе для отношеній между обоими госуд-вами. (Образцомъ посольскихъ донесеній такого рода въ старыя времена являются донесенія (реляціи) венеціанскихъ пословъ XV—XVI в.). Дипломатическій агентъ обязанъ также оказывать защиту своимъ соотечественникамъ въ случаѣ нарушенія гарантированныхъ имъ договорами правъ, но не иначе, какъ черезъ посредство мѣстнаго министерства иностранныхъ дѣлъ и, притомъ, только въ случаѣ дѣйствительнаго злоупотребленія мѣстныхъ властей или явной несправедливости, сопряженной съ нарушеніемъ законныхъ правъ соотечественника (напр., отказа въ правосудіи). (Объ этомъ см. ниже).

На дипл. агента могутъ быть возложены и консульскія функціи; такъ Франція съ 1890 г. не содержитъ консуловъ въ тѣхъ иностранныхъ столицахъ, гдѣ у нея есть посланники.

Относительно правительства и госуд-ва, при которомъ онъ аккредитованъ, дипл. агентъ обязанъ строгимъ невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла послѣдняго. Въ случаѣ нарушенія этой обязанности, можетъ быть потребовано его отозваніе, а въ случаѣ активныхъ дѣйствій его въ этомъ направленіи, онъ можетъ быть высланъ. Въ виду этого общаго правила отнюдь не можетъ быть признано правильнымъ поведеніе русскихъ дипл. агентовъ въ Болгаріи въ 80-хъ годахъ, а въ особенности бар. Каульбарса въ 1886 году.

Права дипл. агента относительно третьихъ государствъ. Такъ какъ свобода безпрепятственныхъ сношеній при посредствѣ дипл. агентовъ представляетъ собою общій интересъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, то по принятому на практикѣ обычаю, дипл. агентъ пользуется м. охраною и при проѣздѣ его (но не при продолжительномъ пребываніи) черезъ третье государство. Во время войны они подчиняются условіямъ военнаго времени (Парижъ 1870 г.).

Дипломатія. Въ связи съ посольскимъ правомъ находится дипломатія. Терминъ этотъ появляется впервые въ XVIII в. и обозначаетъ, съ одной стороны, особую дисциплину, стоящую въ связи съ наукою м. права, съ другой—искусство. Какъ искусство, дипломатія означаетъ искусство управленія иностр. дѣлами госуд-ва, веденія м. переговоровъ и, вообще, практику внѣшнихъ сношеній госуд-ва. Какъ научная дисциплина, она является ученіемъ объ условіяхъ, формахъ и нормахъ дѣятельности дипл. агентовъ, о м.-правовыхъ и политическихъ сношеніяхъ между государствами, объ ихъ политическихъ интересахъ и отношеніяхъ и о существующихъ между ними договорахъ и соглашеніяхъ. Отношеніе ея къ м. праву такое-же какъ политики къ госуд. праву; *ея задача—цѣлесообразное примѣненіе принциповъ права для осуществленія интересовъ и цѣли государства въ м. отношеніяхъ.*

Консулы. Наряду съ дипломат. агентами, являющимися въ м. сферѣ оберегателями преимущественно политическихъ интересовъ наро-

довъ и органами непосредственныхъ сношеній между госуд-вами, какъ суверенными политическими личностями, госуд-ва пользуются въ м. общеніи еще другими постоянными агентами, называемыми *консулами*. Эти агенты служатъ главнымъ образомъ оберегателями и представителями преимущественно торгово-политическихъ, а вообще—экономическихъ, коммерческихъ, соціальныхъ и обще-культурныхъ интересовъ своего отечества и его подданныхъ въ госуд-вѣ, гдѣ эти агенты имѣютъ свое пребываніе. Государства пользуются ими главнымъ образомъ *для охраны интересовъ и защиты личныхъ правъ своихъ подданныхъ* въ м. общеніи и на ихъ обязанности лежитъ содѣйствіе всестороннему развитію торгово-политическихъ и экономическихъ интересовъ своего народа. Само собой разумѣется, что по мѣрѣ расширенія и развѣтвленія этого общенія возрастаетъ и значеніе консульскихъ агентовъ.

Возникновеніе консульскаго института относится къ временамъ крестовыхъ походовъ. Подъ вліяніемъ м. торговыхъ оборотовъ и выработавшейся въ южно-европейскихъ торговыхъ центрахъ особой однообразной системы торговыхъ обычаевъ и разбирательства торговыхъ дѣлъ, въ купеческомъ сословіи торговыхъ городовъ Италіи, Франціи, Испаніи установился обычай выбирать изъ своей среды особыхъ судей, консуловъ (consuls des marchands) для разбирательства торговыхъ дѣлъ. Это учрежденіе перенесено было европейскими купцами и въ устоенныя ими подъ охраной крестоносцевъ факторіи въ Сиріи, М. Азіи и Египтѣ. Но здѣсь объемъ юрисдикціи этихъ выборныхъ консуловъ быстро расширился. Подъ вліяніемъ коренного различія въ культурѣ европейскихъ и мусульманскихъ народовъ, консулы изъ купеческихъ судей вскорѣ сдѣлались судьями по всѣмъ гражданскимъ и частью даже уголовнымъ дѣламъ, возникавшимъ между членами факторій, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили и власть административно-полицейскую въ факторіяхъ и характеръ защитниковъ своихъ соотечественниковъ передъ властями мусульманскими. Это выработавшееся практикою новое положеніе консуловъ было санкціонировано и капитуляціями (жалованными грамотами) мусульманскихъ правителей въ пользу подданныхъ того или иного европейскаго госуд-ва, регулировавшими торговыя права и привиллегіи европейцевъ на востокѣ. Въ этой формѣ консульскій институтъ былъ затѣмъ перенесенъ въ XIV и XV в. въ Зап. Европу. И здѣсь консулы явились выборными судьями по гражданскимъ и, частью, уголовнымъ дѣламъ между своими соотечественниками. Но по мѣрѣ укрѣпленія монархич. власти, по мѣрѣ вытѣсненія средневѣковой системы личныхъ правъ территоріальнымъ принципомъ, судебныя права консуловъ должны были все болѣе ограничиваться, а съ развитіемъ м. торговли и проникновеніемъ принциповъ меркантилизма въ госуд. политику, консулы постепенно превращаются въ государственныхъ, правительственныхъ агентовъ. Съ XVI в. назначеніе консуловъ переходитъ всецѣло въ руки правительства и консулы въ это время являются въ роли оффиціальныхъ постоянныхъ представителей торговополи-

тическихъ интересовъ государствъ за границею, облеченныхъ и нѣкоторой властью по отношенію къ пребывающимъ въ странѣ ихъ назначенія соотечественникамъ. Почти одновременнымъ съ этимъ введеніемъ въ м. обиходъ постоянныхъ дипломатич. агентуръ (посольствъ), пріостановлено было дальнѣйшее развитіе м. представительнаго характера консульскаго института, а усиленіе монархическаго и территоріальнаго принципа госуд власти, какъ мы уже замѣтили, должно было отразиться и на постепенномъ ограниченіи судебныхъ правъ консуловъ; къ концу XVIII в. эти права ихъ совершенно исчезаютъ, и за консулами остается лишь характеръ торговыхъ правительственныхъ агентовъ и защитниковъ торговыхъ по преимуществу интересовъ своихъ соотечественниковъ заграницею. На Востокѣ, напротивъ, ихъ функціи не только не умалились, но они пользуются тамъ одинаковыми правами и преимуществами съ дипломатич. агентами и ихъ право юрисдикціи по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между ихъ соотечественниками тверде охраняется договорами европейскихъ госуд-въ съ восточными. Лишь въ спорахъ европейцевъ съ туземцами или для преступленій, совершенныхъ европейцами противъ туземцевъ принята система смѣшанной юрисдикціи консуловъ и мѣстныхъ властей,—и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускается юрисдикція одной мѣстной власти. См. Уляницкаго, Русскія консульства въ XVIII в.). Первыя русскія консульства заграницею учреждены были Петромъ В.; при немъ и его ближайшихъ преемникахъ русскіе консулы имѣли характеръ правительственныхъ коммиссіонеровъ для торговыхъ операцій казны, для продажи заграницею казенныхъ товаровъ и для содѣйствія заграничной торговлѣ русскихъ купцовъ, поручавшихъ имъ свои товары; коллегія иностр. дѣлъ снабжала ихъ инструкціями по политической части; правильную организацію русскія консульства получили въ концѣ XVIII в. (См. Ульяницкаго). Права и обязанности русскихъ консуловъ опредѣляются Уставомъ для Росс. консуловъ 1858 г. и существующими у Россіи съ другими госуд-вами договорами. Вообще же права консуловъ опредѣляются частью національными регламентами, частью обычаемъ, частью договорами (торговыми и консульскими конвенціями).

Консульскія учрежденія въ христіанскихъ цивилизованныхъ государствахъ. Консулъ представляетъ свое госуд-во не какъ политическую м. личность, но какъ *общественный организмъ* съ присущими ему экономическими и соціально-культурными интересами и задачами. Соотвѣтственно этому, консулы назначаются обыкновенно не непосредственно верховною властью, а подлежащимъ министерствомъ (у насъ и въ большинствѣ др. государствъ—иностранныхъ дѣлъ, а въ другихъ—министерствомъ земледѣлія и торговли) съ утвержденіемъ (въ Россіи, въ Германіи) верховною властью или же безъ него. Не будучи облечены дипломатическимъ представительствомъ державной м. личности своего госуд-ва и его политическихъ интересовъ, консулы—въ отличіе отъ дипломатич. агентовъ—аккредитуются не къ главѣ иностраннаго госуд-ва, а къ его правительству; поэтому же они не пользуются правомъ непо-

средственныхъ сношеній съ центральною властью иностраннаго государства, а сносятся съ нею чрезъ посредство аккредитованнаго въ государствѣ отечественнаго дипломатич. представителя, которому они и вообще подчинены. Имъ принадлежитъ впрочемъ право непосредственныхъ сношеній съ мѣстными правит. органами и установленіями.—Для назначенія консула въ другое государство необходимо *согласіе* со стороны этого госуд-ва, при чемъ послѣднему предоставляется право опредѣлить и тѣ мѣстности, куда оно согласно допустить иностранныхъ консуловъ. (См. напр. ст. 15 русско-японск. торг. договора 1907 г.). Обыкновенно не допускаются иностранные консулы въ опредѣленныя мѣстности лишь въ исключительныхъ случаяхъ изъ соображеній политическихъ. Такъ, Россія отказывала въ допущеніи англійскаго консула въ Ташкентъ въ предупрежденіе интригъ англійскаго правительства противъ русскаго вліянія въ Средн. Азіи. Австрія до 1910 г. не разрѣшала учрежденія русскаго консульства въ Чехіи. По договору съ Китаемъ 1881 г. Россіи предоставлено право назначать консуловъ въ Монголіи по соглашенію съ китайскимъ правительствомъ; отказъ кит. правительства въ согласіи на учрежденіе консульствъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ вызвалъ протестъ Россіи, формулированный въ ультиматумѣ 3. II. 1911 г. Подобнаго рода отказы не должны носить исключительнаго характера и должны распространяться на назначеніе консуловъ и другими державами. (См. напр. ст. 15 русско-японск. торг. договора 1907 г.).—*Назначеніе* консула выражается формально врученіемъ ему *патента* (lettre de provision) его правительствомъ, а согласіе иностр. правительства на допущеніе его къ отправленію консульской дѣятельности—оффиціальнымъ объявленіемъ объ этомъ (т. наз. exequatur, placet), въ Россіи,—съ Высочайшаго соизволенія. Служебная дѣятельность консула *прекращается* вслѣдствіе его отозванія, увольненія отъ службы или смерти, равно какъ и вслѣдствіе отнятія exequatur'a мѣстнымъ правительствомъ (въ случаѣ вмѣшательства во внутреннія его дѣла, политическихъ интригъ и т. п.) и, обыкновенно, въ случаѣ войны между обоими государствами.

При назначеніи консула ему опредѣляется обыкновенно извѣстный *округъ*, въ предѣлахъ котораго онъ считается компетентнымъ какъ относительно своихъ соотечественниковъ, такъ и мѣстныхъ властей. Округа эти обыкновенно бываютъ болѣе или менѣе обширны, смотря по рангу консула. Въ этомъ отношеніи консулы дѣлятся на: 1) *генеральныхъ консуловъ*, дѣятельность которыхъ распространяется на болѣе обширный территоріальный районъ и которымъ подчиняются: 2) *консулы*, 3) *вице-консулы* и 4) *консульскіе агенты*. Консулы завѣдуютъ частями округа—городомъ, портомъ. Вице-консулами называются ихъ помощники, а консульскіе агенты назначаются генер. консулами и консулами подъ ихъ отвѣтственностью для исправленія въ извѣстной мѣстности консульскихъ обязанностей. С. А. С. Штаты назначаются вмѣсто „консульскихъ агентовъ", „коммерческихъ агентовъ", но они не пользуются консульскими правами.—Консулы всѣхъ ранговъ всегда стоятъ въ подчиненіи дипломатич. миссіямъ своего госуд-ва, имѣющимъ надъ ними верховный надзоръ и направляющимъ ихъ дѣятельность. Консулы дѣлятся сверхъ того еще на *штатныхъ*, т. е. подданныхъ назначающаго госуд-ва, состоящихъ на дѣйствительной службѣ и на жалованіи своего правительства и спеціально къ этой должности подготовленныхъ, и на *нештатныхъ*, или выборныхъ, назначаемыхъ изъ числа подданныхъ (обыкновенно—коммерсантовъ), живущихъ за границею или даже изъ иностранцевъ; они не состоятъ на дѣйствительной госуд. службѣ и пользуются лишь правомъ консульскаго званія и мундира. Нештатные консулы назначаются обыкновенно въ мѣстности, гдѣ назначающее государство не имѣетъ значительныхъ интересовъ, но гдѣ существуютъ второстепенные интересы, дѣлающіе пребываніе тамъ консула полезнымъ (напр., въ мѣстахъ посѣщаемыхъ въ значит. количествѣ подданными назначающаго государства). На практикѣ и въ силу конвенцій права и преимущества нештатныхъ консуловъ значительно ограничены сравнительно съ консулами штатными. Само собою разумѣется, что въ смыслѣ пользы для госуд-ва отъ его консульскаго института желательно возможное сокращеніе нештатныхъ консуловъ: зависимые отъ мѣстной власти, и, наоборотъ, совершенно независимые отъ госуд-ва, назначившаго ихъ, рѣдко знакомые съ нимъ и его интересами, оберегать и содѣйствовать которымъ они призваны, нештатные консулы являются весьма неудовлетворительными органами м. общенія государствъ. Франція и Германія назначаютъ только штатныхъ консуловъ и вице-консуловъ.

Иногда консуламъ (генеральнымъ) поручается и политическое (дипломатическое) представительство назначающаго государства; это въ особенности практикуется державами относительно полунезависимыхъ госуд-въ, а также относительно республикъ центральной и южной Америки. Такимъ консуламъ присвоивается обыкновенно званіе *„генеральныхъ консуловъ повѣренныхъ въ дѣлахъ"*, и имъ присвоиваются нѣкоторыя преимущества дипломатическихъ агентовъ.

Права и обязанности консуловъ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, даже новѣйшихъ писателей, консулъ не есть дипломатическій (политическій) представитель своего государства и потому не пользуется правами, присвоенными дипл. агентамъ. Но, будучи облеченъ полномочіями своего правительства, консулъ въ качествѣ правительственнаго должностнаго лица имѣетъ оффиціальный характеръ, выдѣляющій его изъ общаго разряда „иностранцевъ“ въ государствѣ его пребыванія; въ качествѣ таковаго, онъ пользуется опредѣленными правами и преимуществами, поскольку то необходимо для безпрепятственнаго выполненія возложенныхъ на него задачъ. Эти *права* признаются повсемѣстно въ силу конвенцій за *штатными* консулами, а нѣкоторыя *привиллегіи* предоставляются и *нештатнымъ*. Англія не признаетъ никакихъ особыхъ правъ за иностранными консулами, но для своихъ консуловъ въ другихъ госуд-вахъ требуетъ правъ, предоставляемыхъ этими госуд-вами консуламъ наиболѣе благопріятствуемыхъ ими націй. Впрочемъ, нужно замѣтить, что вопросъ о правахъ и преимуществахъ консуловъ въ доктринѣ донынѣ остается весьма спорнымъ. Вопреки требованіямъ нѣкоторыхъ писателей, они безусловно не пользуются правомъ внѣземельности,—*они подсудны* и гражданскимъ, и уголовнымъ законамъ и судамъ мѣстнаго государства [1]), но штатные консулы не могутъ быть подвергаемы ни слѣдственному аресту, ни тюремному заключенію кромѣ какъ за такія дѣянія, которыя по мѣстнымъ законамъ квалифицируются какъ преступленія и подлежатъ вѣдѣнію суда съ присяжными засѣдателями или уголовному наказанію. Если они занимаются торговлею, то могутъ быть подвергаемы личному задержанію только по дѣламъ торговымъ, но не по гражданскимъ искамъ. Въ силу общепринятой практики, штатные консулы освобождаются отъ воинскаго постоя и *воинскихъ повинностей* [2]) отъ *налоговъ* прямыхъ и личныхъ, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ.

Но консулы не освобождаются отъ платежа пошлинъ, налоговъ на потребленіе, отъ мѣстныхъ податей и налоговъ съ недвижимаго имущества, принадлежащаго имъ въ той странѣ, гдѣ находится мѣсто ихъ

1) Германскій законъ о судоустройствѣ постановляетъ, что „консулы (иностранные), назначенные въ Германскую имперію, подчинены мѣстной юрисдикціи, если въ договорахъ Германской имперіи съ другими державами не состоялось соглашенія объ освобожденіи консуловъ отъ мѣстной юрисдикціи“.

2) Въ Уст. о земск. повинностяхъ, отбываемыхъ для потребностей войска (Св. Зак. IV кн. 2 разд. V) не сдѣлано никакихъ изъятій въ пользу консуловъ (напр. въ ст. 475 и 476 объ освобожденіи отъ постоя и отъ поставки лошадей).

службы [1]). Вообще, по гладѣнію недвижимостями и по торговлѣ и промысламъ они вполнѣ приравниваются къ другимъ иностранцамъ. На этомъ основаніи штатнымъ консуламъ обыкновенно запрещаются ихъ правительствами занятія торговлею. Консулы не пользуются никакими особыми преимуществами относительно платежа таможенныхъ пошлинъ [2]). Всякій консулъ пользуется правомъ выставлять на своемъ домѣ флагъ и гербъ своего государства, но эта привиллегія не изъемлетъ его жилища изъ подъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, и безусловною *неприкосновенностью пользуется только архивъ* (и служебное помѣщеніе консульства [3]), который не можетъ быть подвергнутъ ни судебной описи, ни обыску мѣстныхъ властей подъ условіемъ однако, чтобы архивъ былъ совершенно отдѣленъ отъ частныхъ или торговыхъ бумагъ консула.

Служебный персоналъ консульства не пользуется никакими преимуществами (исключеніе—на Востокѣ).

Функціи консуловъ имѣютъ цѣлью развитіе преимущественно торгово-экономическихъ м. сношеній; вслѣдствіе этого онѣ чрезвычайно сложны и разнообразны и съ развитіемъ м. сношеній все болѣе осложняются и развѣтвляются. Главная обязанность консула заключается въ охранѣ экономическихъ, въ частности—коммерческихъ интересовъ своего госуд-ва и въ охранѣ правъ и интересовъ соотечественниковъ за границею. Поэтому онъ наблюдаетъ, чтобы торговые договоры его отечества съ мѣстнымъ госуд-вомъ въ точности исполнялись, а также, чтобы его соотечественникамъ предоставлялись всѣ права, присвоенныя имъ какъ въ силу договоровъ отечественнаго госуд-ва, (торговыхъ, объ охранѣ фабричныхъ клеймъ и промышленной и литературной собственности, объ охранѣ наслѣдствъ и т. п.), такъ и на основаніи принципа наиболѣе благопріятствуемой націи, (т. е. признаваемыя за иностранцами на основаніи другихъ торговыхъ договоровъ государства). Далѣе, онъ обязанъ доставлять своему правительству и соотечественникамъ свѣдѣнія объ экономическомъ и торговомъ положеніи мѣста своей резиденціи и о наиболѣе, по его мнѣнію, удобныхъ способахъ развитія съ нимъ торго-

1) Въ силу ст. 5 полож. о госуд. кварт. налогѣ отъ платежа этого налога освобождаются „генер. консулы, консулы, вице-консулы и консульскіе агенты, состоящіе подданными того государства, отъ котораго они назначены, если съ сими государствами заключена Россіею относительно консульскихъ правъ конвенція, или если въ немъ подобная льгота предоставлена русскимъ консуламъ“.

2) У насъ штатные консулы освобождаются отъ уплаты таможен. пошлинъ при въѣздѣ въ Россію, а затѣмъ безпошлинно пропускаются предметы, необходимые для ихъ служебн. надобностей.

3) Англія не признаетъ этого правила.

гыхъ сношеній своего отечества. Но само собою разумѣется, что было бы совершенно неосновательно требовать отъ консуловъ, чтобы они были своего рода торговыми агентами или коммиссіонерами отечественныхъ коммерсантовъ. Все, чего можно отъ нихъ требовать, это—чтобы они въ своихъ донесеніяхъ по торговой части выясняли имѣющія значеніе для отечественной торговли условія мѣстныхъ рынковъ, торговые обычаи, особенности мѣстныхъ *способовъ производства* торговли и торговыхъ операцій, условія, препятствующія или, наоборотъ, могущія способствовать прочному установленію и развитію отечественной торговли съ данною мѣстностью. Съ своей стороны онъ обязанъ устранять, по возможности, условія неблагопріятныя для этого, поскольку они кроются въ способахъ дѣйствія и торговыхъ пріемахъ его соотечественниковъ (напр., недобросовѣстность или неаккуратность въ исполненіи заказовъ, недоброкачественность привозимыхъ товаровъ, несоблюденіе мѣстныхъ законовъ). Съ этою цѣлью на консула возлагаются соотвѣтственныя права власти относительно соотечественниковъ, поскольку они не противорѣчатъ террит. суверенитету мѣстнаго госуд-ва и поскольку они находятъ признаніе со стороны послѣдняго въ силу существующихъ договоровъ, обычая или взаимности. Въ связи съ этимъ консулы въ портовыхъ городахъ имѣютъ наблюденіе за торговымъ судоходствомъ, за правомъ пользованія національнымъ флагомъ, за правильностью корабельныхъ бумагъ и судовыхъ списковъ экипажа, и за соблюденіемъ соотечественниками мѣстныхъ законовъ о портовой полиціи, о торговлѣ и мореплаваніи при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ и товаровъ и грузовъ. Консулъ свидѣтельствуетъ заключаемые бодмерейные займы, акты о продажѣ судовъ и понесенныя ими аваріи. Въ случаѣ кораблекрушенія, онъ заботится о спасеніи людей и груза и принимаетъ спасенный грузъ подъ свою охрану. Отечественнымъ *военнымъ кораблямъ* консулъ содѣйствуетъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и въ ихъ нуждахъ во время пребыванія въ иностранныхъ водахъ. Въ виду особеннаго положенія корабля въ береговыхъ водахъ иностраннаго госуд-ва, консулы портовыхъ городовъ облечены *полицейскими правами* въ отношеніи экипажа отечественныхъ *коммерческихъ* судовъ. Имъ предоставляется исключительное наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ на судахъ ихъ націи. Они сами разрѣшаютъ всѣ споры между шкиперами и матросами или пассажирами (мѣстныя власти обычно вступаются только въ случаяхъ, когда возникшіе на иностр. суднѣ безпорядки сопряжены съ нарушеніемъ общаго спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ, или же, когда въ нихъ будетъ

замѣшанъ туземецъ или лицо, не принадлежащее къ экипажу судна); консулы имѣютъ право налагать *дисциплинарныя* взысканія на лицъ экипажа и даже требовать отъ мѣстныхъ властей содѣйствія къ арестованію и содержанію подъ арестомъ за проступки всякаго значащагося въ корабельномъ спискѣ лица на непродолжительный срокъ. У насъ для этого требуется письменное заявленіе консула съ указаніемъ вины подлежащаго аресту и такой арестъ налагается на срокъ не больше трехъ сутокъ.

Мѣстныя власти обязаны содѣйствовать консулу въ розыскѣ и арестѣ бѣглыхъ матросовъ (если они не подданные той страны, гдѣ учиненъ побѣгъ). Наконецъ, въ портахъ, гдѣ пребываетъ консулъ, мѣстные чины судебнаго вѣдомства, а равно таможенные чиновники и агенты не могутъ производить обыски и осмотры (кромѣ обыкновенныхъ таможенныхъ досмотровъ) на торговыхъ судахъ безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ консула, дабы онъ могъ присутствовать при осмотрѣ. Къ *полицейско-административнымъ* функціямъ консуловъ относятся далѣе: имматрикуляція, т. е. веденіе списковъ и визированіе (свидѣтельствованіе) паспортовъ своихъ соотечественниковъ, содѣйствіе имъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями, обнародованіе или сообщеніе соотечественникамъ касающихся ихъ распоряженій отечественнаго правительства, попеченіе о неимущихъ, больныхъ, малолѣтнихъ сиротахъ (учрежденіе опеки и попечительства по отечествен. законамъ), и т. п. *Судебныхъ* функцій, какъ сказано, консулы въ настоящее время не имѣютъ. Но имъ не возбраняется право быть третейскими судьями между соотечественниками съ согласія сторонъ. Имъ предоставляется также право принимать мѣры по *охранительному судопроизводству*, а именно функціи судебнаго пристава по описи и охранѣ имущества и попеченіе о семьяхъ соотечественниковъ въ случаѣ ихъ смерти, безвѣстнаго отсутствія и т. п. Если существуетъ договоръ о взаимной выдачѣ наслѣдствъ, то на консулѣ лежитъ обязанность охраны и передачи наслѣдства законнымъ наслѣдникамъ. Наконецъ, на консулахъ лежатъ обязанности по веденію метрикъ о рожденіи и смерти соотечественниковъ, по храненію (иногда—и составленію) завѣщаній и, вообще, по *нотаріату:* въ силу консульскихъ конвенцій имъ разрѣшается удостовѣреніе и совершеніе (явочнымъ или и крѣпостнымъ порядкомъ) разнаго рода нотаріальныхъ юридическихъ сдѣлокъ и актовъ, какъ между соотечественниками (по отечественнымъ законамъ), такъ и между ними и иностранцами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже между иностранцами, если испол-

неніе сдѣлки или акта должно послѣдовать въ странѣ, назначившей консула; при составленіи такихъ актовъ, консулъ обязанъ сообразоваться съ отечественными законами. При совершеніи актовъ на недвижимыя имѣнія, находящіяся въ странѣ, гдѣ консулъ имѣетъ пребываніе, онъ обязанъ сообразоваться съ мѣстными законами и порядками. Въ Россіи по указу 1782 г. запрещалось иностраннымъ консуламъ принимать и записывать у себя обязательства между иностранными и русскими подданными. Консуламъ представляется также право заключать брачные контракты между соотечественниками.

Права иностранныхъ консуловъ *въ Россіи* и признаваемыя иностранными государствами права русскихъ консуловъ въ ихъ предѣлахъ опредѣляются консульскими конвенціями съ Германіею и съ Франціею 1874 г., Италіею 1875 г. и Испаніею 1876 г., и въ торговыхъ договорахъ съ различными государствами. Ст. 15 торг. трактата съ Японіею 1907 года постановляетъ: „ген. консулы, консулы, вице-консулы и консульскіе агенты будутъ имѣть возможность, при условіи взаимства, исполнять всѣ свои обязанности и пользоваться всѣми привиллегіями, льготами и правами, которыя предоставлены или будутъ предоставлены консульскимъ чинамъ наиболѣе благопріятствуемой націи". На основаніи этого постановленія, русскіе консулы въ Японіи пользуются тѣми правами, предоставленными германскимъ консуламъ въ германско-японской консульской конвенціи 1896 г. Вообще осуществленіе консуломъ правъ и обязанностей, возлагаемыхъ на него національнымъ закономъ возможно лишь поскольку они не будутъ несогласны съ договорными постановленіями.

О б я з а н н о с т и р у с с к и х ъ к о н с у л о в ъ за границею опредѣлены въ Уставѣ Консульскомъ 1858 г. (изд. 1893 г. въ Св. Зак. т. XI, ч. 2, прилож. къ Уставу Торговому). Главная обязанность русскихъ консуловъ—заботиться о выгодахъ росс. торговли и мореплаванія. Консулъ по своему званію есть посредникъ въ тяжбахъ и спорахъ, возникающихъ въ его округѣ по дѣламъ торговымъ между росс. подданными торговаго званія. Онъ разбираетъ, въ качествѣ третейскаго судьи, всѣ неудовольствія росс. подданныхъ между собою, если спорящіе, по взаимному согласію, прибѣгнутъ къ его суду. Онъ по долгу службы есть, по крайней мѣрѣ временно, опекунъ и попечитель малолѣтнихъ дѣтей и вдовъ росс. подданныхъ, умершихъ въ его округѣ, и заступаетъ мѣсто повѣреннаго ихъ отсутствующихъ наслѣдниковъ. Онъ удостовѣряетъ законность всѣхъ актовъ, совершенныхъ росс. подданными въ его округѣ. Консулъ утверждаетъ своею скрѣпою и печатью консульства документы, которые будутъ совершаемы въ его округѣ или ему предъявляемы и которые должны получить законную силу въ Россіи, какъ-то: свидѣтельства, вѣрющія письма, завѣщанія и пр. Въ портовыхъ городахъ консулу присвоиваются спеціальныя обязанности относительно отечественнаго судоходства: онъ долженъ „наблюдать за сохраненіемъ въ неприкосновенности всѣхъ правъ, присвоенныхъ существующими трактатами росс. флагу и торговлѣ" и не допускать никакихъ злоупотребленій росс. флагомъ. Военнымъ судамъ консулъ обязанъ оказывать всякое содѣйствіе, въ особенности по доставкѣ припасовъ или починкѣ судна и въ сношеніяхъ съ мѣстными властями; онъ долженъ заботиться о задержаніи и возвращеніи бѣжавшихъ съ военнаго судна матросовъ, о леченіи заболѣвшихъ, погребеніи умершихъ и т. п. По отношенію къ торговымъ судамъ консулъ является начальникомъ во все время пребыванія ихъ въ портѣ. Капитаны и шкипера обязаны по прибытіи въ портъ явиться въ консульство, представить корабельныя бумаги и исполнять затѣмъ всѣ распоряженія консула. Консулъ разбираетъ всѣ споры между матросами и шкиперомъ или пассажирами, и можетъ налагать на экипажъ судна дисциплинарныя взысканія. Консулъ участвуетъ въ опредѣленіи аваріи и принимаетъ совмѣстно съ мѣстными властями мѣры для спасенія груза при кораблекрушеніяхъ, заботится о потерпѣвшихъ крушеніе матросахъ, даетъ разрѣшеніе на заключеніе бодмерейныхъ займовъ, надзираетъ за продажею и покупкою судовъ соотечественниками; онъ заботится о возвращеніи бѣжавшихъ съ торговаго судна матросовъ. Консулы обязаны сообщать правительству обо всемъ, что можетъ отразиться на отечественной торговлѣ и мореплаваніи: объ изданіи новыхъ законовъ относительно торговли, о заключеніи новыхъ договоровъ, объ измѣненіи тарифовъ, о цѣнахъ на товары и продукты, о вексельномъ курсѣ и т. д. Кромѣ того консулы обязаны періодически доставлять отчеты правительству о своей дѣятельности. Въ годичныхъ отчетахъ консулъ даетъ очеркъ промышленнаго, торговаго и финансоваго положенія консульскаго округа и они сопровождаются соображеніями консула относительно мѣръ, могущихъ способствовать развитію отечественной торговли и мореплаванія въ данной странѣ. (Нѣкоторыя болѣе интересныя консульскія донесенія печатаются въ изд. Министерствомъ иностр. дѣлъ „Сборникѣ консульскихъ донесеній". Полныя свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ русскихъ консуловъ и о русской консульской практикѣ у Горяинова,—Руководство для консуловъ, и моя рецензія въ Изв. Акад. Наукъ 1906 г. О нотаріальныхъ функціяхъ русск. консуловъ ст. Башмакова въ Журн. Мин. Юст. 1902 г. № 10).

Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ Востока. (См. Мартенса, О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ.—Ястржембскаго, О капитуляціяхъ въ Оттоманской имперіи.—Грабаря, Консульская юрисдикція, въ Энц. Словарѣ). Какъ уже сказано выше, консулы на Востокѣ пользуются значительно большими правами, чѣмъ въ христіанскихъ культурныхъ госуд-вахъ. Объясняется это главнымъ образомъ коренными различіями религіознаго, соціальнаго и политическаго строя восточныхъ госуд-въ и госуд-въ христіанскихъ. Вслѣдствіе религіознаго и соціально-политическаго строя мусульманскихъ госуд-въ, христіане не пользуются въ нихъ обезпеченностью ни религіозныхъ, ни гражданскихъ правъ, признаваемыхъ за иностранцами во всякомъ культурномъ госуд-вѣ. Поэтому, вступая съ ними въ сношенія, европейскія

государства должны были и теперь должны озабочиваться ограждениемъ жизни, матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ своихъ подданныхъ отъ возможныхъ проявленій религіозной нетерпимости и неустройствъ, особенно административнаго, судебнаго и политическаго строя этихъ государствъ. Главнымъ средствомъ для этого было и остается изъятіе европейцевъ, пребывающихъ въ госуд-вахъ Востока, отъ мѣстной юрисдикціи и подчиненіе ихъ отечественнымъ законамъ и суду *); а такъ какъ консулы являются прямыми органами европейскихъ госуд-въ не только для охраны и содѣйствія ихъ торгово-экономическимъ интересамъ, но и для охраны интересовъ и правъ ихъ подданныхъ, то въ виду указанныхъ особенностей Востока, ихъ неподсудность и неприкосновенность тамъ является уже прямо необходимымъ условіемъ успѣшнаго исполненія ими предназначенныхъ имъ функцій. Мало того, въ силу историческихъ условій политическихъ отношеній европейскихъ госуд-въ къ нехристіанскимъ вообще и мусульманскимъ въ частности, всякое христіанское госуд-во отмежевало себѣ извѣстную сферу политическаго и экономическаго вліянія въ этихъ полуцивилизованныхъ госуд-вахъ и для охраны этого вліянія недостаточно обыкновенныхъ дипломатич. представителей, содержимыхъ европейскими госуд-вами въ столицахъ азіатскихъ госуд-въ. Поэтому на Востокѣ европейскія госуд-ва имѣютъ консуловъ нерѣдко и въ такихъ мѣстностяхъ, съ которыми у нихъ вовсе не имѣется торговыхъ сношеній, а съ другой стороны, въ этихъ странахъ консуламъ присваивается непринадлежащій имъ въ культурныхъ государствахъ дипломатическій характеръ.

Такимъ образомъ коренное различіе правъ, присвоиваемыхъ консуламъ въ нехристіанскихъ госуд-вахъ и въ христіанскихъ состоитъ въ томъ, что въ нецивилизованныхъ госуд-вахъ Востока они:

1) носятъ „дипломатическій" характеръ и соотвѣтственно этому имъ присвоиваются *права и привиллегіи дипломатич. агентовъ* и, въ частности, право внѣземельности не только личной и для членовъ семьи, но даже для всего служебнаго персонала консульства, хотя бы даже въ составъ его входили туземцы (въ качествѣ переводчиковъ, кавасовъ, т. е. стражниковъ); внѣземельность распространяется также на квартиру и экипажъ консула, и помѣщеніе консульства можетъ служить убѣжищемъ;

2) имъ предоставляется иногда исключительная *полицейская* (административная и уголовная) власть надъ подданными назначившаго ихъ

*) Кромѣ неподсудности мѣстнымъ судамъ, подданные христіанскихъ государствъ пользуются въ нехристіанскихъ государствахъ неприкосновенностью жилища: послѣднее не можетъ быть подвергнуто обыску безъ согласія на это со стороны хозяина или безъ разрѣшенія консула и не въ присутствіи консула или его замѣстителя, хотя бы даже для этого существовали достаточныя общія основанія.

государства и—въ частности—право высылки виновнаго изъ своего округа (Франція), и

3) имъ принадлежитъ *судебная* (гражданская и уголовная) юрисдикція по всѣхъ процессахъ, въ которыхъ обѣ стороны являются ихъ соотечественниками, а также и въ процессахъ между соотечественниками и подданными другихъ христіанскихъ государствъ или туземцами. А именно, судебная юрисдикція принадлежитъ исключительно консулу въ процессахъ между соотечественниками; (ст. 176 Уст. Конс. Запрещаетъ русскимъ подданнымъ въ Персіи въ случаѣ взаимныхъ споровъ обращаться къ персидскимъ судамъ); процессы между подданными различныхъ христіанскихъ государствъ разрѣшаются консуломъ отвѣтчика (actor sequitur forum rei), а въ процессахъ съ туземцами консулу предоставляется болѣе или менѣе значительное участіе въ видахъ огражденія интересовъ замѣшаннаго въ дѣло соотечественника.

Неподсудность консуловъ мѣстнымъ властямъ на Востокѣ, ихъ внѣземельность и право юрисдикціи основываются частью на трактатахъ, частью на обычаѣ, который еще болѣе расширилъ права, гарантированныя имъ договорами.

Что же касается въ частности права консуловъ на судебную юрисдикцію надъ соотечественниками, то оно обусловливается, какъ мы уже замѣтили, неудовлетворительностью судебной организаціи государствъ Востока, съ одной стороны, и кореннымъ отличіемъ ихъ соціально-политическаго строя, не обезпечивающаго правъ иностранцевъ-христіанъ, отъ соціально-политическаго строя цивилизованныхъ государствъ—съ другой. Несомнѣнно, что съ развитіемъ культуры и юридическаго порядка въ этихъ государствахъ, эта привиллегія европейскихъ консуловъ можетъ упразднится, какъ упразднилась она въ Японіи (съ 1899 г.).

Право консульской юрисдикціи надъ европейцами по гражданскимъ, уголовнымъ и торговымъ дѣламъ издавна признается восточными государствами. Судъ надъ соотечественниками производился всегда по отечественнымъ законамъ, а по дѣламъ между подданными различныхъ государствъ—по обычаю. Но дѣла смѣшанныя, въ которыхъ замѣшанъ былъ мѣстный подданный или мусульманинъ, разсматривались мѣстными властями въ присутствіи консула или его уполномоченнаго. Этотъ порядокъ, установившійся со времена крестовыхъ походовъ, сохранился и въ Турецкой имперіи и санкціонированъ капитуляціями и договорами Порты съ Франціею и Англіею начиная съ XVI в., съ Россіею (*торговые договоры 1783 и 1861 гг.*) и др. государствами. Въ силу договора 1783 г. Россія получила право назначать консуловъ во всѣ мѣста Оттом.

имперіи, гдѣ признаетъ это нужнымъ; консуламъ обезпечена полная неприкосновенность и неподсудность мѣстнымъ властямъ; русскіе подданные, пребывающіе въ Турціи, въ спорахъ между собою судятся отечественнымъ консуломъ, а въ смѣшанныхъ съ подданными другихъ европейскихъ государствъ—по своему выбору; въ случаѣ преступленія противъ мѣстнаго подданнаго, дѣло разсматривается мѣстною властью, при участіи консула; мѣстнымъ властямъ воспрещается входъ въ домъ русскаго подданнаго безъ предварительнаго увѣдомленія консула. Эти же права предоставлены и другимъ европейскимъ консуламъ и подданнымъ въ Турціи.

Консульская юрисдикція въ Турціи нѣсколько ограничена: торговые споры между европейцами и туземцами цѣнею не свыше 1000 піастровъ (85 р.) рѣшаются турецкими торговыми палатами, при участіи двухъ засѣдателей изъ подданныхъ того государства, къ которому принадлежитъ истецъ или отвѣтчикъ—европеецъ; а по всѣмъ вещнымъ и личнымъ искамъ, касающимся земельной собственности, владѣющій ею иностранецъ обязуется обращаться къ турецкимъ судамъ. Въ Сербіи и Румыніи консульская юрисдикція отмѣнена со времени признанія ихъ независимости; въ Болгаріи съ 1905—6 г., въ Босніи и Герцеговинѣ съ 1880 г. и на Кипрѣ съ 1879 г.; и значительно ограничена въ Египтѣ введеніемъ тамъ съ 1876 года смѣшанныхъ судовъ. Изъ числа мусульманскихъ государствъ она существуетъ донынѣ въ Марокко и отмѣнена въ Аннамѣ, Тонкинѣ и Мадагаскарѣ (со времени перехода ихъ подъ протекторатъ Франціи) и въ Суданѣ (послѣ завоеванія его Англіею).

Тѣ же права консульской юрисдикціи перенесены были съ теченіемъ времени на основаніи договоровъ и въ другія восточныя государства: въ *Персію, Китай, Сіамъ, Корею* и *Японію*. Право юрисдикціи за своими консулами Россія обезпечила въ договорахъ съ Персіею еще въ началѣ XVIII в. Оно подтверждено дополнительнымъ къ *Туркменчайскому договору* 1828 г. особымъ Актомъ, съ добавленіемъ, что преступленія русскихъ противъ туземцевъ разбираются въ присутствіи консула персидскимъ судомъ, но для наказанія виновные передаются русск. посланнику или консулу. Подобнаго же содержанія постановленія договоровъ Россіи съ *Китаемъ:* Тянзинскаго 1858 г., Пекинскаго дополнительнаго 1860 г. и Петербургскаго 1881 г. (ст. 11), и (до 1910 г.) съ *Кореею:* договора 1884 г. и правилъ для сухопутной торговли 1888 г. Постановленія договора съ Японіею 1858 г. о юрисдикціи русскихъ консуловъ нынѣ отмѣнены (съ 1899 г.). По договору съ Хивой 1873 г. жалобы и претензіи хивинцевъ на русскихъ подданныхъ, въ томъ даже случаѣ, если послѣдніе находятся внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе. Въ Бухарѣ русскіе подданные и иностранцы подчинены юрисдикціи русскихъ судей. По проекту новой редакціи Уст. уг. суд., ст. 1591: „Всѣ дѣла по преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ въ предѣлахъ Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ русскими подданными или иностранцами христіанами, а равно

и дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ туземцами относительно русскихъ или иностранцевъ христіанъ, вѣдаются на общемъ основаніи, въ предѣлахъ подсудности, участковыми судьями Бухарскаго ханства или Аму-Дарьинскаго отдѣла и Самаркандскимъ окружнымъ судомъ". (Ср. также ст. 8 Уг. Улож.).

Проф. Мартенсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „*праву* консульской юрисдикціи должна соотвѣтствовать *обязанность* организовать консульскіе суды согласно согласно требованіямъ цивилизованнаго юридическаго порядка, но это безспорное положеніе далеко не оправдывается практикой консульскихъ судовъ". Наименьшее, въ чемъ ихъ можно упрекнуть вообще и по существу, это—въ отсутствіи безпристрастія. Что касается ихъ организаціи, то вопросы о подсудности вызываютъ безконечные споры и пререканія коль скоро въ дѣлѣ являются замѣшанными лица разныхъ національностей (напр., въ качествѣ соучастниковъ преступленія) или когда самое подданство лица оказывается неизвѣстнымъ или сомнительнымъ, и т. д.

Организація консульскихъ судовъ на Востокѣ опредѣляется національными законами госуд-въ, обладающихъ правомъ консульской юрисдикціи въ восточн. госуд-вѣ. По своей организаціи консульскіе суды представляютъ *три типа:* французскій, англійскій и русскій. *Французская система* построена на принципахъ морского Ордонанса 1681 г., установившаго для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ между французами, пребывающими на Востокѣ, судъ консула съ участіемъ выборныхъ засѣдателей изъ среды мѣстныхъ французскихъ подданныхъ. Въ настоящее время въ каждомъ консульскомъ округѣ для гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ дѣйствуетъ консульскій судъ, въ составѣ *консула и двухъ засѣдателей,* по его приглашенію (въ Константинополѣ единоличный судъ консула). *Апелляціонная инстанція—Эксскій судъ* (въ южной Франціи) для мусульманскихъ владѣній Средиземнаго побережья *и судъ въ Сайгунѣ* для азіатскихъ государствъ. *Кассаціонная* инстанція—*Парижскій кассаціонный судъ*. По дѣламъ *уголовнымъ* консулъ единолично и окончательно рѣшаетъ дѣла по *полицейскимъ правонарушеніямъ*, и при участіи двухъ засѣдателей—*о проступкахъ;* относительно *преступленій* консулъ исполняетъ лишь обязанности судебнаго слѣдователя, и дѣла объ нихъ разбираются французскимъ судомъ. По образцу французскихъ организованы консульскіе суды германскій, итальянскій, бельгійскій и др.—*Англійская система:* первая инстанція для дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ въ каждомъ округѣ—*провинціальный или*

окружной судъ консула при двухъ засѣдателяхъ; для дѣлъ уголовныхъ—тотъ же судъ съ участіемъ пяти присяжныхъ засѣдателей. *Апелляціонная* инстанція—*верховные консульскіе суды въ* Константинополѣ и въ Шанхаѣ. Предсѣдатель и члены этихъ судовъ спеціально назначаются англійскимъ правительствомъ.

Русскимъ законодательствомъ (Уст. Конс. ст. 147—170) консульскій судъ организованъ *только для Персіи*. Первая инстанція этого суда *консульскій судъ* для дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ между русскими подданными, живущими въ консульскихъ округахъ, *и судъ при Миссіи* въ Тегеранѣ для лицъ, производящихъ торговлю въ Персіи, но живущихъ внѣ консульскихъ округовъ. Консульскій судъ состоитъ изъ консула и двухъ выборныхъ засѣдателей изъ мѣстнаго русск. купечества; судъ при Миссіи—изъ драгомана миссіи и тоже двухъ засѣдателей. Иски на сумму до 30 руб. консулъ разбираетъ единолично и окончательно. *Судъ второй инстанціи тоже при Миссіи*, но въ иномъ составѣ: предсѣдатель его—старшій секретарь Миссіи,—который вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій генеральн. консулъ въ Персіи, а два засѣдателя назначаются посланникомъ изъ числа почетнѣйшихъ русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Тегеранѣ. Суды эти руководствуются мѣстными обыкновеніями и русскими законами. Судъ первой инстанціи съ участіемъ засѣдателей рѣшаетъ окончательно дѣла отъ 30 до 150 р., а второй—до 600 р. По рѣшеніямъ на болѣе значительныя суммы приносится апелляція въ судъ второй инстанціи или въ 4-й департаментъ Прав. Сената по принадлежности. Русскимъ подданнымъ запрещается во взаимныхъ спорахъ обращаться въ мѣстные суды. Дѣла русскихъ подданныхъ съ персіанами рѣшаются персидскими судами, а съ иностранцами—по правилу actor sequitur forum rei.—Что касается русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Левантѣ, то для суда по ихъ спорамъ должны учреждаться (ст. 179—180 Конс. Уст.) константинопольскимъ посольствомъ *комиссіи*, дѣйствующія подъ надзоромъ посла; апелляціонная инстанція по дѣламъ на сумму свыше 1000 піастровъ (85 р.)—2-й департаментъ Прав. Сената. Въ дѣйствительности, однако, такихъ комиссій не существуетъ, а существуютъ, какъ въ Турціи, такъ и въ Китаѣ консульскіе суды по образцу дѣйствующихъ въ Персіи. (См. Мандельштама, Русская консульская юрисдикція въ Турціи и ея реформа, въ Вѣстникѣ права 1906, кн. 3 и 4).

Консульскіе суды по общему правилу вѣдаютъ дѣла между иностранцами одной національности на основаніи отечественныхъ законовъ. Дѣла смѣшанныя, иностранцевъ съ туземцами рѣшаются въ Турціи и Персіи

мѣстнымъ судомъ при участіи консула или драгомана (переводчика) консульства. А именно:

Гражданскія и торговыя дѣла иностранцевъ съ туземцами въ *Турціи* разбираются судомъ отвѣтчика, но иски иностранцевъ къ туземцамъ разсматриваются не иначе, какъ въ присутствіи консула или драгомана (переводчика) консульства; иски на сумму свыше 4000 піастровъ (340 руб.) подсудны только Дивану, а не низшимъ судамъ. Въ *Персіи* гражд. и торговыя дѣла между русскими и персидскими подданными „должны быть рѣшаемы персидскими властями въ присутствіи драгомана миссіи или консульства; рѣшенія ихъ не подлежатъ апелляціи въ Россіи“ (Уст. Конс. ст. 171). „Всѣ дѣла, возникающія между росс. и *китайск.* подданными, въ китайскихъ предѣлахъ, по поводу торговыхъ и другого рода сдѣлокъ, разбираются россійскими консулами и китайскими властями по взаимному соглашенію“. (Уст. Конс. ст. 191).

Въ нотѣ, врученной китайскому правительству 3 февр. 1911 г. русское правительство слѣд. образ. формулируетъ постановленія русско-китайскаго торговаго трактата 1881 г. ...„2) Русскіе подданные на всей территоріи Китайской имперіи пользуются правами административно-судебной внѣземельности, потому въ административномъ и судебномъ отношеніи подлежатъ исключительно юрисдикціи россійскихъ властей. Сообразно этому всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ тяжущимися сторонами являются русскіе и китайскіе подданные, разбираются смѣшанными судами русскихъ и китайскихъ судей. ...4) Кромѣ уже имѣющихся консуловъ россійское правительство имѣетъ право назначать своихъ консуловъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ. Хотя осуществленіе этого права зависитъ отъ соглашенія съ китайскимъ правительствомъ, но возникновеніе ряда тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими торговцами въ округахъ названныхъ городовъ должно служить достаточнымъ доказательствомъ невозможности откладывать осуществленіе этого права. 5) Россійскіе консула должны быть признаваемы въ своемъ оффиціальномъ качествѣ въ предѣлахъ своего консульскаго округа китайскими властями, которыя не могутъ отказываться отъ совмѣстнаго съ ними разбора тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими подданными“.

Съ 1869 г. въ Шанхаѣ учрежденъ смѣшанный гражданскій судъ (китайскій судья и консулъ истца). Объ немъ см. ст. Корфа въ Ж. М. Ю. 1903, декабрь. Особый порядокъ смѣшаннаго судопроизводства установленъ въ Манджуріи, въ полосѣ отчужденія жел. дороги. (См. ст. Корфа въ Правѣ 1903 г., ст. 2021, 2056 и ст. Мирова въ Правѣ 1907 г., стр. 904).

Суду консула подлежатъ не только гражданскія, но и уголовныя дѣла между русскими подданными въ предѣлахъ подсудности мировыхъ судей, (т. е. такія, по которымъ наказаніе не строже заключенія въ тюрьму); по преступленіямъ консулъ производитъ лишь слѣдствіе, а

затѣмъ дѣло и обвиненяемый препровождаются для суда въ Россію. (Улож. о нак. ст. 175).

Ср. проектъ новой редакціи Уст. уг. суд. ст. 54: Въ случаѣ совершенія русск. подданнымъ преступнаго дѣянія въ Турціи, Персіи, Китаѣ разслѣдованіе дѣла производится русскимъ консуломъ или другимъ должностнымъ лицомъ, надлежащимъ образомъ на то уполномоченнымъ, при чемъ, въ случаѣ необходимости, означенныя должностныя лица могутъ прибѣгнуть и къ содѣйствію мѣстныхъ властей. Если дѣло по важности своей не подлежитъ разрѣшенію консула, то все производство съ его заключеніемъ и засвидѣтельствованными переводами на русскій языкъ актовъ и документовъ дѣла, препровождается вмѣстѣ съ обвиняемымъ въ подлежащій судъ Имперіи. 55. При производствѣ упомянутаго въ предшедшей статьѣ разслѣдованія, а также при разборѣ дѣла консулъ или другое должностное лицо, надлежащимъ образомъ на то уполномоченное, руководствуется, насколько возможно, правилами сего устава. 56: Въ тѣхъ случаяхъ, когда сіе установлено договорами, къ участію въ разрѣшеніи дѣла приглашаются и мѣстныя власти, но приговоръ относительно русск. подданныхъ постановляется консуломъ или другимъ на то уполномоченнымъ лицомъ. 57: Приговоръ, коимъ русскій подданный по дѣламъ, указаннымъ въ ст. 54 приговоренъ къ аресту или тюрьмѣ, отбывается или въ особо устроенныхъ при русск. консульствахъ или посольствахъ помѣщеніяхъ, или по соглашенію съ мѣстными властями, въ ихъ тюрьмахъ. Прим.: Если назначенное за дѣяніе наказаніе не превышаетъ тюрьмы, то оно подлежитъ суду мѣстн. консула или иного надлежащимъ образомъ на то уполномоченнаго лица, а въ прочихъ случаяхъ обвиняемый, по производствѣ надлежащаго разслѣдованія, отсылается въ ближайшее судебное мѣсто Имперіи.

Консулу предоставляется и исполненіе туземнаго судебнаго рѣшенія, если осужденный не отсылается для отбыванія наказанія въ Россію. Вообще по дѣламъ уголовнымъ въ *Турціи и Персіи* компетентенъ судъ обвиняемаго (ст. 175 улож. о нак.). Въ 1830 г. Турція предоставила С. Штатамъ, а въ 1838 г.—Бельгіи право юрисдикціи въ пользу ихъ консуловъ по уголовнымъ дѣламъ даже въ смѣшанныхъ процессахъ, хотя бы потерпѣвшими были турецкіе подданные; это право принадлежитъ всѣмъ тѣмъ государствамъ, которыя находятся по отношенію къ Турціи въ положеніи наиболѣе благопріятствуемыхъ державъ. Въ *Китаѣ* „разбирательство всякаго дѣла между русскими и китайскими подданными въ мѣстахъ, открытыхъ для торговли, не иначе должно производиться китайскимъ начальствомъ, какъ *сообща* съ русскимъ консуломъ или лицомъ, представляющимъ власть россійскаго правительства въ томъ мѣстѣ; въ случаѣ обвиненія русскихъ въ какомъ либо проступкѣ или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ". (Улож. о нак. ст. 175 прим. 2).

Смѣшанные суды въ Египтѣ. Неудовлетворительные результаты института консульской юрисдикціи, пристрастіе консульскихъ судовъ въ пользу соотечественниковъ, неблагопріятное гліяніе, какое оказывало такое положеніе дѣла на взаимныя отношенія европейцевъ и туземцевъ подали поводъ къ возникновенію вопроса о замѣнѣ консульской юрисдикціи такою судебною организаціею, при которой возможно бы было *сочетаніе и примиреніе* принципа независимости и судебной юрисдикціи восточныхъ правительствъ съ требованіями спеціальной охраны интересовъ и правъ христіанъ-иностранцевъ, которые пока не могутъ быть предоставлены мѣстнымъ судамъ народовъ низшей культуры и произволу ихъ властей. Сочетаніе этихъ двухъ требованій и имѣлось въ виду при организаціи по мысли египетскаго министра Нубара-Паши, т. наз. смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ. Проектъ, представленный Нубаромъ, былъ переработанъ особою европейскою м. комиссіею, утвержденъ въ 1875 г. и въ 1876 г. вступилъ въ дѣйствіе. Онъ принятъ 14 европейскими госуд-вами (въ томъ числѣ Россіею) и С.-А. С. Штатами. Въ 1900 г. онъ былъ пересмотрѣнъ и компетенція судовъ нѣсколько расширена. Организація смѣшанныхъ судовъ слѣдующая. *Три суда первой инстанціи* (въ Каирѣ Александріи и Мансурѣ); каждый изъ нихъ распадается на два отдѣленія (палаты)—гражданское и торговое, состоящія каждое изъ пяти судей (3 иностранца+2 туземца). Эти же суды являются судами второй инстанціи по дѣламъ исправительной уголовной юстиціи въ составѣ трехъ судей (2 иностр.+1 туземецъ) и четырехъ засѣдателей-иностранцевъ, изъ коихъ двое должны быть соотечественники обвиняемаго. *Апелляціонный судъ* въ Александріи—*изъ 16 судей* (10 иностр.+6 туземцевъ). При немъ судебное отдѣленіе съ присяжными засѣдателями. Всѣ судьи избираются и утверждаются правительствомъ хедива, но иностранные—съ согласія ихъ правительствъ. Компетенція смѣшанныхъ судовъ—1) *гражданскія и торговыя дѣла между туземцами* (не исключая и мѣстнаго правительства и самаго хедива) *и иностранцами*, и 2) *гражданскія, торговыя и конкурсныя о несостоятельности между иностранцами разныхъ подданствъ;* 3) *дѣла о недвижимыхъ имуществахъ* даже между иностранцами одной національности и 4) *иски къ иностраннымъ консуламъ. Уголовкая юрисдикція* вѣдается: 1) единоличнымъ судомъ одного изъ иностранныхъ членовъ гражданскаго суда первой инстанціи, 2) исправительнымъ и окружнымъ судомъ, состоящими каждый изъ 3 судей (2 иностранца) и иностранныхъ засѣдателей и 3) ассизною палатою изъ 3 судей (2 иностранца) при 12 присяжныхъ изъ иностранцевъ. Имъ подлѣдомственны всѣ полицейскія нарушенія, дѣла о банкротствахъ, проступки и преступленія противъ лицъ судебнаго вѣдомства, противъ исполненія судебныхъ приговоровъ смѣшанныхъ судовъ, всѣ простушки и преступленія самихъ лицъ судебнаго вѣдомства и присяжныхъ по службѣ или по злоупотребленію властью и, наконецъ, дѣла о банкротствахъ. Изъяты изъ уголовной компетенціи

судовъ консулы и служебный персоналъ консульствъ. Дѣла между европейскими подданными одной національности остаются въ вѣдѣніи консульскихъ судовъ. Въ своей дѣятельности смѣшанные суды руководствуются особыми т. наз. *смѣшанными кодексами*, принимая го вниманіе и естественное право и справедливость.

Положеніе частныхъ лицъ въ м. оборотѣ. *Юридическія отношенія къ иностранцу чужого государства, въ предѣлахъ котораго онъ пребываетъ*, опредѣляются степенью м. общенія этого госуд-ва, а такъ какъ м. общеніе развивалось исторически, то чѣмъ далѣе пойдемъ въ глубь временъ, тѣмъ рѣзче различіе въ положеніи иностранцевъ сравнительно съ подданными государства.

1) Враждебность, политическая, культурная и религіозная исключительность и замкнутость, характеризующія м. отношенія особенно древняго міра, влекли за собою совершенное закрытіе иностранцамъ доступа въ предѣлы госуд-ва: вслѣдствіе религіозной нетерпимости или изъ политическихъ опасеній, заставлявшихъ смотрѣть на иностранца какъ на человѣка вреднаго, опаснаго, нѣкоторыя древнія теократіи, Китай и другія государства дальняго Востока запрещали доступъ къ себѣ.

2) Вторую стадію м. отношеній представляютъ фактическія, неразвитыя и не регулированныя сношенія. Въ этой стадіи иностранцы допускаются въ чужое госуд-во, но занимаютъ въ немъ исключительное положеніе. Либо ограничено ихъ полноправіе, либо они ставятся въ обособленное положеніе, либо, напротивъ, имъ предоставляются исключительныя льготы для привлеченія ихъ къ общенію или даже къ переселенію. Во всякомъ случаѣ въ силу безусловнаго господства территоріальнаго принципа опредѣленіе юридическ. положенія иностранца вполнѣ зависитъ отъ мѣстной власти. Въ случаяхъ, когда они пользуются лишь терпимостью, мы видимъ крайнее ограниченіе ихъ правъ; для нихъ необходима охрана боговъ или церкви (какъ въ средніе вѣка), потому что самъ по себѣ иностранецъ не пользуется признаніемъ своей личности. Обособленіе иностранцевъ ведетъ къ признанію личной системы правъ, примѣнявшейся особенно въ средніе вѣка. Наконецъ, исключительное льготное положеніе обусловливается вліяніемъ тѣхъ или другихъ особенностей госуд-ва, вызванныхъ историческими, географическими, экономическими и духовными условіями жизни народа или политическими соображеніями. Такъ, подъ вліяніемъ сознанія обусловленной историческими условіями культурной отсталости Московскаго государства и его безсилія собственными средствами наверстать потерянное, русское правительство въ эпоху преобразованій призываетъ иностранцевъ , привлекаетъ ихъ къ переселенію въ Россію обѣщаніемъ и предоставленіемъ различныхъ льготъ и привиллегій. Изъ желанія увеличить населеніе имперіи и усилить экономическія средства страны (культурой пустопорожнихъ земель) и въ XVIII в. Екатерина II привлекала въ Россію колонистовъ, предоставляя имъ селиться въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Россіи и притомъ пользоваться еще нѣкоторыми льготами по отбыванію воинской повинности, по платежу налоговъ, религіозной свободой и даже самоуправленіемъ.

Дальнѣйшее развитіе м. сношеній и укрѣпленіе сознанія ихъ необходимости и пользы вызываетъ ихъ регулированіе: являются м. соглашенія объ охранѣ иностранцевъ прежде всего, въ той сферѣ, въ которой необходимость и польза общенія всего сильнѣе чувствуется,—въ сферѣ торговыхъ сношеній (договоры о безопасности и свободѣ торговли даже на случай войны). Это уже переходная ступень къ третьему періоду м. отношеній—къ м. общенію, къ третьему фазису въ развитіи правъ иностранцевъ—къ м. признанію правъ личности иностранца даже независимо отъ государства, которому онъ принадлежитъ (уничтоженіе droit d'aubaine et de detraction, т. е. права госуд-ва на извѣстную часть наслѣдства, остающагося по смерти иностранца или на извѣстную часть его имущества при выѣздѣ его изъ госуд-ва, со временъ французской революціи 1790 г., а въ Россіи съ 1821 г.) и къ уравненію ихъ правъ съ правами туземцевъ подъ вліяніемъ признанія „естественныхъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка“.

Съ точки зрѣнія современнаго политическаго правосознанія очевидно что какъ совершенное недопущеніе иностранцевъ на государственную территорію и ихъ безправіе, такъ и предоставленіе имъ особыхъ льготъ, особо привиллегированнаго даже сравнительно съ подданными, положенія, представляютъ собою два явленія, одинаково ненормальныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ при извѣстныхъ условіяхъ считаться лишь цѣлесообразными, какъ политическое средство, какъ временная политическая мѣра, не имѣющая ничего общаго съ правомъ. Наука м. права можетъ считаться лишь съ принятою въ наше время у культурныхъ государствъ практикою положительнаго госуд-веннаго и м. права, т. е. установленною внутренними законодательствами и трактатами (въ особенности о торговлѣ и мореплаваніи). Основные общепринятые принципы этой практики выработались на основаніи двухъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались всѣ вообще институты м. права: началъ государственаго суверенитета и м. общенія (взаимность).

Съ точки зрѣнія современной госуд. практики, чисто физическое вступленіе иностранца въ предѣлы чужого госуд-ва, въ предѣлы сферы его террит оріальной власти, безусловно *подчиняетъ его этой территоріальной власти*. Этотъ стародавній принципъ внутренняго госуд- права выраженъ между прочимъ въ германско-швейцарскомъ „договорѣ о поселеніи“ (Niederlassungsvertrag) 1890 г., по которому взаимнымъ подданнымъ разрѣшается свобода въѣзда и поселенія подъ условіемъ подчиненія законамъ и полиц. распоряженіямъ страны ихъ пребыванія. Объясняется это тѣмъ, что въ силу современнаго политич. правосознанія цивилизованныхъ народовъ госуд-во, существованіе госуд-веннаго организма предполагаетъ наличность извѣстныхъ *общественныхъ* отношеній, лежащихъ въ основѣ этого политическаго организма. Поэтому вступленіе

лица въ это *политически организованное общество* естественно предполагаетъ извѣстныя условія. Подъ вліяніемъ все болѣе развивающагося сознанія необходимости и пользы м. общенія значительно облегченъ нынѣ доступъ иностранцамъ въчужое госуд-во, но основной принципъ отъ этого не измѣняется,—иностранецъ все таки не входитъ органически въ общественно-политическій организмъ чужого госуд-ва, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ членъ этого госуд-га, и остается въ немъ на положеніи *гостя*. Отсюда, прежде всего, то необходимое различіе между подданнымъ и иностранцемъ, что первый имѣетъ *естественное право пребывать* въ предѣлахъ своего госуд-ва *и возвращаться* въ него, а госуд-во (отечественное) *обязано принять его*, между тѣмъ какъ допущеніе иностранца въ предѣлы госуд-ва въ качествѣ гостя зависитъ отъ воли и усмотрѣнія госуд-венной власти. Въ прежнія времена право госуд-ва на недопущеніе иностранцевъ признавалось безусловно: въ новѣйшее время доктрина безусловно отрицаетъ право на абсолютное *общее* запрещеніе доступа иностранцамъ, но и она признаетъ, однако, право госуд-ва свободно опредѣлять условія доступа иностранцевъ на свою территорію и пребыванія на ней, и право на мотивированное запрещеніе доступа *отдѣльнымъ* лицамъ или категоріямъ, даже по политическимъ соображеніямъ (Листъ, Блюнчли). Такимъ образомъ, основной принципъ госуд. суверенитета въ этомъ отношеніи остается въ полной силѣ и въ настоящее время, но подъ вліяніемъ признанія всѣми цивилизованными государствами необходимости м. общенія, принципъ этотъ практикою и м. соглашеніями (торговыми и др. трактами) настолько *ограниченъ*, что безусловное недопущеніе иностранцевъ цивилизованнымъ госуд-омъ представляется совершенно немыслимымъ и невозможнымъ. Относительно нѣкоторыхъ государствъ Востока (напр. Китая) европейскія госуд-ва силою добились открытія доступа въ эти страны для своихъ гражданъ, но подчинились ограниченіямъ относительно условій пребыванія ихъ тамъ.

Впрочемъ, въ разсматриваемомъ нами вопросѣ слѣдуетъ различать: 1) *свободу въѣзда* въ извѣстное госуд-во и 2) *свободу поселенія* въ немъ. Всѣ м. трактаты признаютъ общій принципъ свободы въѣзда, поселенія и выѣзда иностранцевъ. Но на практикѣ эта свобода нѣсколько съуживается.

Условія на которыхъ госуд-во разрѣшаетъ въѣздъ и поселеніе у себя иностранцевъ и правовое положеніе ихъ опредѣляются автономно его внутреннимъ законодательствомъ, иногда спеціальными законами. Такъ, англійскій законъ объ

иностранцахъ (Aliens bill 1905 г. см. въ Ж. М. Ю. 1904 г., № 6, стр. 237 и № 8, стр. 245) постановляетъ, что лица, осужденныя за преступленія, по которымъ допускается выдача (т. е. неполитическія), лица нетрудоспособныя, больныя хроническими заразительными болѣзнями, умалишенные не допускаются въ Англію и т. п. Многочисленные законы С.-А. С. Штатовъ и Австраліи объ иммиграціи содержатъ значительныя ограниченія относительно права въѣзда и поселенія въ С. Штатахъ китайскихъ рабочихъ-кули. Для выясненія условій, на которыхъ государство соглашается допускать у себя поселеніе и хозяйственное обзаведеніе иностранцевъ и особыхъ отношеній, въ какія становятся такіе иммигранты (напр. относительно участія въ правахъ изъ страхованія рабочихъ, права бѣдности, правъ на призрѣніе, вообще полиціи иностранцевъ, условій репатріаціи и т. п.) государства иногда заключаютъ между собою спеціальные договоры, т. наз. „о поселеніи и водвореніи“ (напр., Германія—Швейцарія 1890 г.).

Право въѣзда или доступа иностранца въ цивилизованное государство подвергается обыкновенно ограниченіямъ лишь для отдѣльныхъ лицъ изъ соображеній политическихъ, полицейскихъ, санитарныхъ (напр., для нищихъ, неспособныхъ къ труду, страдающихъ заразными болѣзнями, или ѣдущихъ изъ зараженной мѣстности, для преступниковъ, анархистовъ и т. п.). Государство можетъ и вообще установить надзоръ за пограничн. сношеніями, напр. требовать удостовѣренія личности (паспорты) отъ допускаемыхъ имъ иностранцевъ. (Примѣръ: Германскій законъ 1888 г. о паспортахъ для въѣзда въ Эльзасъ и Лотарингію). Болѣе значительнымъ ограниченіямъ подчиняется право иностранца на поселеніе въ чужомъ госуд-вѣ (особенно—для занятія торговлей или промысломъ) и на участіе, так. обр., въ его культурной и экономической жизни; такъ какъ въ этомъ случаѣ иностранецъ становится въ извѣстныя общественныя, юридическія и даже политическія отношенія къ госуд-ву и его подданнымъ, такъ какъ онъ вступаетъ, по крайней мѣрѣ частью, въ органическую связь съ госуд-вомъ и его населеніемъ, то въ этомъ случаѣ невозможно отрицать право госуд-ва на опредѣленіе этихъ отношеній къ чуждому ему въ другихъ отношеніяхъ лицу—иностранцу. Обыкновенно условіями допущенія иностранца къ поселенію ставятся: экономическая самостоятельность, нравственная (судебная) неопороченность и т. п., предъявленіе удостовѣренія отечественныхъ властей (legitimationspapier), санитарнаго паспорта и т. п. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ госуд-вахъ сверхъ этого требуется еще спеціальное правительственное разрѣшеніе на поселеніе (autorisation à établir le domicile во Франціи, Баваріи, Бельгіи). По русскому законодательству, иностранцы всѣхъ вообще націй имѣютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, а равно и выѣзда изъ оной, на основаніи правилъ, установленныхъ въ уставѣ о паспортахъ. (Св. Зак. IX ст. 991), но иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ россійское подданство (ст. 992).

Принципъ допускаемыхъ м. правомъ стѣсненій въ этомъ отношеніи таковъ: равенство въ отношеніи государства ко всѣмъ чужимъ народамъ съ исключеніемъ національныхъ индивидуальныхъ преимуществъ.

По мнѣнію Листа (§ 25, I), иммиграція подданныхъ такихъ государствъ, которыя не принадлежатъ къ м. общенію, можетъ быть каждымъ государствомъ ограничена или запрещена, если только этому не препятствуютъ особые договоры. Очевидно Листъ основываетъ такое сужденіе на практикѣ,—на законодательствѣ С.-А. С. Штатовъ, Австраліи и нѣкоторыхъ южно-американскихъ госуд-въ относительно китайскихъ рабочихъ (кули); но мотивомъ этихъ ограниченій является не непринадлежность Китая къ м. общенію, а невыгодная для американскихъ рабочихъ конкурренція китайцевъ, или—другими словами—охрана интересовъ отечественнаго трудового населенія,—соображеніе, примѣнимое въ аналогичномъ случаѣ и между государствами, принадлежащими къ м. общенію.

Мы замѣтили выше, что пока юридическая связь подданства между гражданиномъ и госуд-вомъ не порвана, гражданинъ обязанъ повиновеніемъ отечественному государству, а послѣднее въ свою очередь обязано оказывать ему защиту, и что эти отношенія между гражданиномъ и его отечественнымъ госуд-вомъ исключаютъ всякое вмѣшательство посторонняго госуд-ва. Но м. право допускаетъ исключеніе изъ этого нормальнаго положенія; именно, оно допускаетъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ защиты чужимъ государствомъ подданнаго противъ его отечественнаго госуд-ва,—въ силу признаваемаго м. правомъ *права убѣжища для политическихъ преступниковъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ преступникъ, имѣя умыселъ ниспровергнуть или измѣнить существующій госуд. строй, пользуется для достиженія этой цѣли чисто политическими средствами, хотя и недозволенными законодательствомъ страны, но *не составляющими преступленій противъ общаго права*. Такъ какъ м. союзъ госуд-въ одинаково признаетъ всякія формы госуд-веннаго устройства; такъ какъ самыя эти формы въ отдѣльныхъ госуд-вахъ подвергаются измѣненіямъ и потому не могутъ претендовать на абсолютную ихъ м. охрану; такъ какъ, поэтому, лицо, признаваемое преступникомъ въ данномъ госуд-вѣ вслѣдствіе установленнаго въ этомъ госуд-вѣ политич. строя, не можетъ считаться таковымъ въ госуд-вѣ, которое само пользуется или стремится къ осуществленію политическихъ идеаловъ, вызвавшихъ преслѣдованіе противъ этого лица въ его отечествѣ; такъ какъ, такимъ образомъ, дѣяніе политическаго преступника представляетъ опасность лишь для *мѣстнаго* правопорядка его отечественнаго госуд-ва, а не для общаго правопорядка, подобно преступленіямъ противъ общаго права, которыя абсолютно опасны при *всякомъ* юридическомъ и политическомъ строѣ, то въ виду всѣхъ этихъ соображеній принципъ невыдачи чисто политическихъ преступниковъ сохраняется въ полной неприкосновенности и современнымъ м. положительнымъ правомъ.

Юридическое положеніе иностранца въ чужомъ государствѣ. Въ силу м. договоровъ иностранецъ либо *уравнивается въ правахъ съ подданными* госуд-ва, либо иностраннымъ подданнымъ предоставляются права, признаваемыя госуд-вомъ за „*наиболѣе благопріятствуемыми народами*“ (nation la plus favorisée—обычное мѣрило правъ иностранныхъ подданныхъ въ трактатахъ). Подъ уравненіемъ иностранцевъ съ подданными подразумѣвается лишь уравненіе въ общихъ гражданскихъ правахъ, но не *публичныхъ* и не всегда—въ частнопубличныхъ, т. е. предоставляемыхъ подданымъ только подъ контролемъ государства. (Напр. въ Англіи иностранецъ послѣ 10-лѣтняго пребыванія пріобрѣтаетъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ). Ограниченіе это не требуетъ особаго поясненія—оно вытекаетъ изъ самаго понятія госуд. союза, какъ особаго національно-политическаго организма, предполагающаго особыя юридическія, историческія и политическія связи между подданными и госуд-вомъ, не существующія и невозможныя внѣ подданническихъ отношеній. Между тѣмъ такъ называемыя общегражданскія права коренятся *въ личности человѣка*, признаваемой всѣми цивилизованными народами независимо отъ принадлежности лица къ тому или другому госуд-венному союзу. Въ отличіе отъ политической правоспособности, степень гражданской правоспособности подданныхъ находится обыкновенно въ зависимости не столько отъ индивидуальнаго политическаго строя госуд-ва, сколько отъ степени его культурнаго развитія, отъ степени близости его къ типу современнаго цивилизованнаго госуд-ва, а этотъ типъ все болѣе обобщается, все болѣе приближаются къ нему и уравниваются между собою современныя госуд-ва. Поэтому съ точки зрѣнія современнаго м. права личность человѣка и присущія ей основныя, такъ сказать, права пользуются охраною госуд-ва независимо отъ того, будетъ ли лицо природный подданный его или иностранецъ. Поэтому за иностранцами признается право совершать всякаго рода юридическія сдѣлки, дозволяемыя и природнымъ подданнымъ,—вступать въ бракъ, владѣть движимымъ (и недвижимымъ) имуществомъ, пріобрѣтать и отчуждать его всѣми законами дозволяемыми способами, заниматься торговлею и промышленностью, и т. п. При этомъ иностранецъ наравнѣ съ подданными госуд-ва пользуется, конечно, охраною своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ передъ мѣстными судами и властями, а отсюда, изъ этой защиты, оказываемой государствомъ иностранцу, возникаютъ извѣстныя обязательства послѣдняго по отношенію къ этому государству.

Укажемъ нѣкоторыя частности.

Относительно *уголовной юрисдикціи* государства иностранецъ, пребывающій на его территоріи, вполнѣ приравнивается къ подданному. Въ области уголовнаго права дѣйствуетъ территоріальный принципъ,—иностранецъ судится по законамъ и судебнымъ порядкамъ мѣста его пребыванія.

Въ области *частнаго права и гражданскаго судопроизводства* до новѣйшихъ временъ права иностранцевъ значительно ограничивались и лишь за послѣднее время путемъ м. договоровъ—торговыхъ, о брачномъ правѣ, о наслѣдствахъ, о судебной помощи, объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, о правѣ бѣдности и т. п.—цивилизованныя госуд-ва стремятся сгладить существующія еще къ невыгодѣ иностранцевъ отличія въ ихъ положеніи отъ положенія туземцевъ и уравнять права всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ государства. Примѣръ: отмѣна cautio judicatum solvi (обезпеченіе иска залогомъ) въ видѣ условія, обязательнаго только для иностранцевъ[1]). Французскія судебныя установленія не принимаютъ къ своему разсмотрѣнію дѣла, въ которыхъ обѣ стороны иностранцы (исключеніе въ силу договоровъ съ Бельгіею, Испаніею, Сербіею). Иногда признается компетентнымъ національный судъ отвѣтчика. Дѣла, касающіяся права на недвижимости всегда подсудны мѣстному суду независимо отъ національности сторонъ.

Въ принципѣ иностранцы уравниваются въ современныхъ культурныхъ госуд-вахъ въ частноправовой сферѣ съ туземными подданными. Это уравненіе устанавливается либо 1) въ силу договореой взаимности, т. е. въ силу взаимныхъ обязательствъ, принимаемыхъ отдѣльными госуд-вами въ заключаемыхъ ими договорахъ (о торговлѣ и мореплаваніи, о поселеніи, о судебномъ содѣйствіи и т. п.); либо 2) въ силу взаимности законодательной, когда уравненіе или извѣстныя права предоставляются иностранцу фактически по закону подъ условіемъ соотвѣтственной взаимности относительно туземныхъ подданныхъ со стороны другого госуд-ва по принципу *do ut des* (принципъ Code Napoleon); либо 3) уравненіе признается внутреннимъ законодательствомъ страны безусловно (Италія съ 1866 г., Испанія) или съ нѣкоторыми ограниченіями и изъятіями. Германія держится смѣшанной системы, такъ какъ канцлеру предоставлено право реторсіи (возмездія) относительно подданныхъ государствъ,

1) Во Франціи cautio jud. solvi въ началѣ 1895 г. возстановлена, но дѣйствіе этого отвода устраняется по началу взаимности; то же въ Германіи; въ Австріи, Англіи и Швейцаріи такой отводъ существуетъ, но въ видѣ общей мѣры, а не направленной исключительно противъ иностранцевъ.

законодательство коихъ допускаетъ изъятія въ ущербъ германскихъ подданныхъ.

Казалось бы, что уравненіе иностранцевъ съ туземцами должно бы было представлять собою наивысшій предѣлъ привиллегій, какими только можетъ государство надѣлить иностранныхъ подданныхъ. Между тѣмъ въ торговыхъ договорахъ мы встрѣчаемъ обыкновенно наряду съ признаніемъ равноправности подданныхъ контрагента съ туземцами, еще и обоюдное признаніе за ними правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа. Такъ ст. 1 договора съ Германіей 1894 г. и съ Болгаріей 1905 г. гласитъ: „Уроженцы одной изъ договаривающихся сторонъ, постоянно или временно *проживающіе въ предѣлахъ другой стороны*, будутъ пользоваться *равноправностью съ туземцами* по производству *торговли и промысловъ* и не будутъ облагаться иными или болѣе тяжелыми сборами, нежели туземцы. Они будутъ пользоваться *во всѣхъ отношеніяхъ на территоріи* другой стороны тѣми же правами, преимуществами, льготами и изъятіями, какія дарованы подданнымъ *наиболѣе благопріятствуемой державы*". Въ иныхъ трактатахъ точно указываются и различаются случаи примѣненія къ подданнымъ контрагента правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа или же уравненія ихъ съ туземцами, при чемъ выясняется и смыслъ указанной, странной на первый взглядъ, двойственной мѣрки, прикладываемой къ опредѣленію юридическаго положенія подданныхъ контрагента, а именно: къ подданнымъ наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ, а не къ туземцамъ, подданные контрагента приравниваются, съ одной стороны въ отношеніи налагаемыхъ иногда трактатами *ограниченій* въ предоставляемыхъ имъ правахъ (напр. по владѣнію недвижимостями или относительно производства торговли или платежа пошлинъ), такія ограниченія должны одинаково распространяться на *всѣхъ* иностранцевъ, а съ другой—въ отношеніи исключительно *льготъ*, коими обычно пользуются иностранцы въ современныхъ цивилизованныхъ госуд-вахъ въ виду ихъ *подданства* другому госуд-ву, по необходимости освобождающаго ихъ отъ несенія извѣстныхъ обязанностей относительно чуждаго имъ государства, въ предѣлахъ котораго они лишь временно пребываютъ, или же относительно иныхъ льготъ, предоставленныхъ по договору въ отступленіе отъ существующихъ въ госуд-вѣ общихъ ограничительныхъ относительно иностранцевъ постановленій (напр. разрѣшеніе промысла, предоставленнаго по закону только подданнымъ).

Впрочемъ возможна и такая аномалія, что иностранцы пользуются въ государствѣ большими льготами и привиллегированнымъ положеніемъ сравнительно съ мѣстными подданными. Такое явленіе можно было нерѣдко встрѣтить въ прежнія времена. Въ Россіи ,напр., иностранные купцы и являющіеся по вызову правительства иностранные колонисты пользовались нѣкоторыми преимуществами, недоступными для русскихъ подданныхъ. Въ современныхъ цивилизованныхъ госуд-вахъ такое явленіе уже невозможно. Но за то оно встрѣчается еще и до нынѣ въ полуцивилизованныхъ азіатскихъ госуд-вахъ, такъ какъ вслѣдствіе недостаточной обезпеченности личныхъ и имущественныхъ правъ иностранцевъ въ этихъ госуд-вахъ, европейскія державы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съумѣли выговорить тамъ для своихъ подданныхъ особыя гарантіи, привиллегіи и преимущества. Поэтому приравненіе къ туземцамъ можетъ быть даже нежелательно для европейцевъ въ полуцивилизованныхъ госуд-вахъ. Особенностями соціально-политическаго строя Турціи объясняется между прочимъ и постановленіе въ нѣкоторыхъ трактатахъ европейскихъ государствъ съ Портою (напр. Франціи 1861 г., Россіи 1862 г.), что права ихъ подданныхъ относительно производства торговли и промысловъ въ Турціи приравниваются къ правамъ „наиболѣе благопріятствуемыхъ оттоманскихъ подданныхъ“ , т. е. мусульманъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что уравненіе подданныхъ контрагента въ правахъ съ туземцами не лишаетъ госуд-во права дѣлать и нѣкоторое различіе между своими подданными и иностранцами. Такъ напр., по русско-германскому договору обоюдные подданные должны пользоваться равнопрагностью по производству торговли и промысловъ и гарантированы отъ обложенія ихъ иными или болѣе тяжелыми сборами, нежели туземцевъ. Но къ этому постановленію сдѣлана оговорка, что имъ „не отмѣняется дѣйствіе законовъ и особыхъ постановленій относительно торговли, промысловъ и полиціи, дѣйствующихъ въ Германіи и Россіи и примѣняемыхъ *ко всѣмъ иностранцамъ* вообще“. Такое же точно постановленіе мы находимъ и въ договорахъ Россіи съ Франціею 1874 г., съ Австріею 1860 г., съ Румыніею 1886 г. и др. Смыслъ этой оговорки тотъ, что германцы въ Россіи и русскіе въ Германіи въ отношеніи производства торговли и промысловъ могутъ быть подвергнуты въ силу мѣстныхъ законовъ или особыхъ постановленій ограниченіямъ, коимъ не подлежатъ туземцы, если только эти законы и постановленія одинаково распространяются *на всѣхъ иностранцевъ*. Такъ, напр., иногда иностранцы принципіально не допускаются къ занятію нѣкоторыхъ должностей или

къ извѣстнымъ промысламъ изъ политич. соображеній (напр. въ Австріи, во Франціи не допускаются на желѣзнодорожную службу, во Франціи—къ подрядамъ для военнаго министерства и т. п.).

Само собою разумѣется, что существующія иногда особыя постановленія законодательства контрагента относительно цѣлыхъ категорій его подданныхъ (напр. евреевъ) распространяются и на иностранныхъ подданныхъ той же категоріи. Поэтому совершенно излишнею, въ сущности, является оговорка, сдѣланная въ договорѣ Россіи съ Австріею 1860 года, что „ограниченія, установленныя относительно евреевъ въ государствѣ одной изъ договаривающихся сторонъ, будутъ равнымъ образомъ примѣняться и къ подданнымъ другой стороны, принадлежащимъ къ тому же вѣроисповѣданію“.

Права, предоставляемыя торговыми договорами современныхъ цивилизованныхъ государствъ ихъ взаимнымъ подданнымъ выражаются въ слѣдующихъ рубрикахъ:

1) *Свобода въѣзда. пребыванія и выѣзда* обоюдныхъ подданныхъ на территоріяхъ договаривающихся сторонъ, а также и тѣсно связанное съ этимъ право ихъ на *судебную и административную защиту* ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ наравнѣ съ *мѣстными* подданными; въ нѣкоторыхъ трактатахъ спеціально оговаривается право пользованія мѣстными судебными установленіями „со всѣми правами и преимуществами мѣстныхъ подданныхъ“. Эта оговорка имѣетъ особенное значеніе въ государствахъ, законодательство коихъ допускаетъ требованіе отвѣтчикомъ-туземцемъ отъ иностранца-истца предварительнаго обезпеченія иска (cautio judicatum solvi). Такую оговорку мы находимъ, между прочимъ, въ Русско-германскомъ договорѣ 1894 г. Эта же оговорка имѣетъ значеніе и въ томъ случаѣ, когда законодательство одного изъ контрагентовъ не признаетъ за иностранцами т. наз. права бѣдности.

2) Право заключать *юридическія сдѣлки не противныя мѣстнымъ законамъ* и заниматься *дозволенными промыслами и торговлей* въ предѣлахъ, указанныхъ мѣстными законами. Имъ предоставляется между прочимъ право *владѣнія и распоряженія собственностью:* нанимать и покупать дома, лавки. Что же касается земельныхъ владѣній, то имъ предоставляются иногда лишь права наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ, а не уравненіе съ мѣстными подданными. По русско-германскому договору „подданнымъ договаривающихся сторонъ предоставляется въ государствѣ другой стороны право пріобрѣтать всякаго рода собственность, движимую, или недвижимую, и владѣть ею насколько пріобрѣте-

ніе таковой собственности и владѣніе оною дозволено или впредь будетъ дозволено законами страны иностранцамъ какой-либо иной національности".

Иностранцамъ разрѣшается безпрепятственный вывозъ своей собственности за границу, не подвергаясь за этотъ вывозъ особымъ вычетамъ или сборамъ большимъ, чѣмъ туземные подданные; они имѣютъ право распоряженія своимъ имуществомъ на случай смерти и право наслѣдованія съ соблюденіемъ мѣстныхъ законовъ и м. соглашеній. Относительно выдачи наслѣдствъ между государствами заключаются иногда спеціальныя конвенціи. Въ Россіи существовавшіе въ прежнее время у всѣхъ госуд-въ вычеты съ наслѣдствъ иностранцевъ, вывозимыхъ заграницу (droit d'aubaine) отмѣнены указомъ 1823 г. съ условіемъ взаимности относительно всѣхъ тѣхъ государствъ, гдѣ эти сборы тоже отмѣнены или которыя тоже отказались бы отъ примѣненія этихъ сборовъ къ наслѣдствамъ русскихъ гражданъ.

Нѣкоторыя государства ограничиваютъ право иностранцевъ на пріобрѣтеніе и владѣніе земельною собственностью (даже по завѣщанію),—изъ соображеній земельной п о л и т и к и. Такъ, пріобрѣтеніе земельной собственности иностранцами воспрещается въ Румыніи, въ нѣкоторыхъ С.-А. С. Штатовъ, въ Японіи, въ нѣкоторыхъ германскихъ госуд-вахъ и швейцарскихъ кантонахъ, въ Швеціи и въ Норвегіи допускается только съ разрѣшенія мѣстныхъ властей.

Уравненіе иностранцевъ съ подданными въ смыслѣ охраны ихъ литературной и промышленной собственности осуществляется только при наличности особаго, спеціальнаго на этотъ счетъ соглашенія между госуд-вами. (Напр., ст. 16 договора съ Японіею 1907 г. и ст. 19 торг. дог. съ Франціею 1874 г.—Ст. 7 торг. конвенціи съ Франціею 1905 г. предусматриваетъ заключеніе между Россіей и Франціей соглашенія о взаимной защитѣ авторскихъ правъ, ст. 8—о защитѣ фабричныхъ знаковъ и промышленныхъ рисунковъ и моделей, и ст. 9—привиллегій на изобрѣтенія. Тоже ст. 16 договора съ Японіей 1907 г.

Наконецъ, иностранныя акціонерныя, торговыя и иныя компаніи и общества (юридическія лица) уравниваются иногда съ туземными въ отношеніи ихъ правоспособности вообще и процессуальной въ частности, но только въ силу спеціальныхъ соглашеній между госуд-вами. Обыкновенно они ограничиваются въ правѣ пріобрѣтать недвижимости, финансовыя ихъ операціи ставятся подъ контроль госуд-ва, а процессуальная ихъ правоспособность нуждается въ особомъ признаніи путемъ ли госуд-веннаго закона или м. договора (примѣръ: конвенція Россіи съ Германіей. См. Шалландъ, Юрид. положеніе иностр. акціон. обществъ въ Россіи, въ Правѣ 1902 г., № 1 и 5, стр. 26 и 219 (ср. отзывъ въ Ж. М. Ю. 1902 г., № 3); Pergamainte; ср. ст. Мыша въ Ж. Уг. и Гр. права 1883, X).

Наибольшее значеніе для иностранцевъ, пребывающихъ въ чужомъ государствѣ, представляетъ обыкновенно *право торговли и промысловъ*.

Это право поэтому регулируется обыкновенно м. договорами о торговлѣ и судоходствѣ, не исключающими впрочемъ возможности особыхъ административныхъ распоряженій территоріальной власти. По общему правилу, относительно права торговли и промысловъ иностранцы уравниваются съ подданными, т. е. не облагаются никакими особыми сборами. Исключеніе дѣлается обыкновенно лишь относительно двухъ промысловъ: каботажнаго судоходства и рыбной ловли. *Каботажъ*, т. е. судоходство побережное изъ порта въ портъ одного государства и въ предѣлахъ одного моря, предоставляется обыкновенно исключительно подданнымъ (Англія, Бельгія, Болгарія, Румынія разрѣшаютъ его всѣмъ), хотя, въ видѣ взаимности, нѣкоторыя государства (напр. Германія) разрѣшаютъ его подданнымъ тѣхъ государствъ, которыя въ свою очередь разрѣшаютъ его ихъ подданнымъ. *Рыболовство* въ территоріальныхъ и внутреннихъ водахъ также разрѣшается обыкновенно лишь подданнымъ.

Основной принципъ постановленій торговыхъ трактатовъ *о мореплаваніи*—уравненіе правъ взаимныхъ подданныхъ договаривающихся сторонъ. Купеческія суда обоихъ контрагентовъ пользуются правомъ *свободнаго входа* въ купеческіе порты контрагента, а во взаимныхъ портахъ пользуются *равноправностью* съ національными судами и ихъ грузомъ относительно платежа судоходныхъ пошлинъ (лоцманскихъ, маячныхъ, портовыхъ и т. п.) и всякихъ сборовъ. Притомъ въ интересахъ облегченія судоходства и торговли, эти сборы обыкновенно формируются такимъ образомъ, чтобы они служили исключительно на покрытіе необходимыхъ расходовъ по содержанію портовыхъ и судоходныхъ сооруженій. Практиковавшіеся въ прежнія времена ради особаго покровительства отечественному судоходству спеціальные сборы (surtaxe de pavilon) съ иностранныхъ судовъ современными коммерческими трактатами отмѣнены. Суда договаривающихся сторонъ не подлежатъ особымъ сборамъ и за входъ въ портъ вслѣдствіе бури или для починки, а при кораблекрушеніи вознагражденіе за содѣйствіе мѣстныхъ властей и подданныхъ при спасаніи судна и его груза полагается одинаковое, какъ еслибы судно и грузъ были туземные. При входѣ, размѣщеніи въ портѣ, выгрузкѣ и нагрузкѣ иностранныя суда вполнѣ приравниваются къ національнымъ, а во всемъ касающемся полиціи судоходства подчиняются мѣстнымъ законамъ, властямъ и правиламъ. Туземныя суда не пользуются въ этомъ отношеніи никакими особыми преимуществами. (См. напр. договоръ Россіи съ Японіею 1907 г. ст. 9 и 11).

Единственное въ сущности исключеніе изъ общаго правила объ уравненіи туземцевъ съ иностранцами въ отношеніи права судоходства и торговли съ различными портами государства составляетъ (за исключеніемъ Англіи, Бельгіи, Болгаріи, Румыніи) т. наз. *каботажная торговля и судоходство*, т. е. морскія торговыя сношенія между различными портами государства, лежащими въ бассейнѣ одного моря. Нужно однако замѣтить, что каботажнымъ судоходствомъ называются лишь *постоянные рейсы* между портами одного государства, при чемъ товары, нагруженные въ одномъ портѣ, выгружаются въ другомъ портѣ того же государства; *попутная* же частичная нагрузка и выгрузка иностраннаго судна въ портахъ одного государства (т. наз. Staffelfahrt) не подходитъ подъ понятіе каботажа (см. 13 ст. Русско-германскаго трактата 1894 г., тоже ст. 10 договора съ Японіею 1907 г., ст. 10 съ Франціей 1874 г.). Нѣкоторыя государства разрѣшаютъ каботажъ иностранцамъ подъ условіемъ взаимности. Такъ, Германія разрѣшаетъ его всѣмъ, почти, европейскимъ государствамъ, за исключеніемъ Франціи и Россіи, такъ какъ послѣднія предоставляютъ это судоходство лишь своимъ подданнымъ.

Часто въ торговыхъ трактатахъ помѣщается особое условіе о взаимной выдачѣ дезертировъ-матросовъ, бѣжавшихъ съ судна и даже о содѣйствіи ихъ поимкѣ. Впрочемъ выдачѣ обыкновенно не подлежатъ дезертиры изъ подданныхъ страны, въ портѣ которой совершенъ побѣгъ и дезертиры, совершившіе тамъ преступленіе. (Договоръ Россіи съ Японіею 1907 г. ст. 13).

Въ русско-германскомъ договорѣ 1894 г. постановлено (ст. 13), что „германскія суда и ихъ грузы въ Россіи и русскія суда и ихъ грузы въ Германіи будутъ пользоваться полною равноправностью съ туземными судами и ихъ грузами, независимо отъ страны, откуда суда эти прибыли или куда направляются, а также и независимо отъ происхожденія или назначенія ихъ груза", за исключеніемъ только особыхъ правилъ о льготахъ для туземнаго торговаго флота, о каботажѣ и рыболовствѣ.

Исключенія изъ общаго правила о свободѣ для всякаго торговаго судна входа во всякій коммерческій портъ другого государства мы встрѣчаемъ въ настоящее время лишь у нѣкоторыхъ полуцивилизованныхъ азіатскихъ государствъ (Китай, Аннамъ). На основаніи трактатовъ съ ними доступъ европейскимъ кораблямъ разрѣшается лишь въ нѣкоторые порты, въ остальные же онъ запрещенъ, за исключеніемъ, конечно, случаевъ крайней необходимости (бури и опасности крушенія и т. п.). Въ силу договора Германіи съ Китаемъ 1861 г. германскимъ военнымъ судамъ, крейсирующимъ для охраны торговли или для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ, разрѣшенъ доступъ во всѣ китайскіе порты. Иногда такое восточное госуд-во принимаетъ на себя обязательство содержать въ открытыхъ для европейскихъ кораблей портахъ необходимыя для безопасности

судоходства сооруженія, какъ-то: маяки, морскіе сигналы, буи и т. п. Кромѣ того въ договорахъ съ азіатскими государствами дѣлаются спеціальныя постановленія относительно содѣйствія мѣстныхъ властей къ спасенію судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе и ихъ грузовъ, а также и къ охранѣ этихъ грузовъ отъ разграбленія.

Какъ и въ отношеніи мореплаванія, постановленія торговыхъ договоровъ о пользованіи обоюдныхъ подданныхъ внутренними *сухопутными и рѣчными* путями сообщенія имѣютъ *основнымъ принципомъ уравненіе правъ* подданныхъ контрагентовъ въ пользованіи этими путями сообщенія, а также учрежденіями для безопасности и удобства передвиженія по нимъ и имѣютъ главною *цѣлью облегченіе* взаимныхъ торговыхъ сношеній въ смыслѣ безпрепятственнаго передвиженія пассажировъ и грузовъ, таможеннаго досмотра товаровъ, желѣзнодорожныхъ тарифовъ и т. п. (Германія—Австрія 1881 г., Италія—Швейцарія 1883 г.). Помимо облегченія взаимныхъ торговыхъ сношеній, такого рода договорныя постановленія имѣютъ важное значеніе и въ смыслѣ торгово-политическомъ. Дѣло въ томъ, что таможенныя тарифныя льготы, дарованныя контрагенту только для ввоза его товаровъ въ страну, могутъ быть значительно ослаблены или даже парализованы затрудненіями въ провозѣ его товаровъ по внутреннимъ сухопутнымъ, желѣзнодорожнымъ и водянымъ, рѣчнымъ путямъ сообщенія другого контрагента (напр. установленіемъ дифференціальныхъ, въ пользу туземцевъ, желѣзнодорожныхъ тарифовъ); поэтому весьма полезно, когда въ торговомъ договорѣ приняты мѣры для огражденія отъ возможности подобныхъ торгово-политическихъ уловокъ [1]).

Впрочемъ по всѣмъ вопросамъ разсматриваемой нами группы, въ торговыхъ договорахъ устанавливаются обыкновенно лишь общіе основные

---

1) По русско-германскому торговому договору 1894 г. стороны, сохраняя за собою право устанавливать по своему усмотрѣнію провозные тарифы на своихъ желѣзныхъ дорогахъ, согласились (ст. 19), что 1) „въ примѣненіи провозныхъ платъ, а равно сроковъ и способовъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ не будетъ допускаемо различія между гражданами обоихъ договаривающихся государствъ"; 2) „въ особенности съ товаровъ, отправляемыхъ изъ Россіи на какую нибудь германскую станцію или транзитомъ черезъ Германію, не будетъ взиматься на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ провозныхъ платъ въ размѣрѣ превышающемъ платы, примѣняемыя въ томъ же направленіи и между тѣми же германскими желѣзнодорожными станціями, къ однороднымъ товарамъ германскимъ или иностраннымъ. Тоже правило будетъ примѣняться и къ русскимъ жел. дорогамъ по отношенію къ товарамъ, отправляемымъ изъ Германіи на какую либо русскую станцію или же транзитомъ черезъ Россію".—Съ другой стороны ст. 18-я того же договора гласитъ: „Граждане договаривающихся сторонъ будутъ обоюдно пользоваться, при одинаковыхъ съ туземными подданными условіяхъ и платежѣ тѣхъ же сборовъ, шоссированными и простыми дорогами, каналами, шлюзами, перевозами, мостами, портами и пристанями, фарватерами, лоцманскими услугами, подъемными кранами, вѣсами, складочными мѣстами, приспособленіями для спасанія на водахъ и для храненія судовыхъ грузовъ, а также другими приспособленіями сего рода, если только они предназначены для общественной потребности и для надобностей торговли вообще; при чемъ безразлично, находятся ли они въ казенномъ завѣдываніи или поручены казною завѣдыванію частныхъ лицъ. Помянутые сборы, за исключеніемъ маячныхъ и лоцманскихъ, взимаются лишь за дѣйствительное пользованіе приспособленіями".

принципы; детальную ихъ разработку мы находимъ въ спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ (напр. Россія—Пруссія 1873 и 1892 г., —и Австрія 1893 г.) и конвенціяхъ о судоходствѣ. Болѣе детальной, тщательной и точной формулировки они требуютъ въ договорахъ европейскихъ государствъ съ азіятскими.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ торговые договоры обезпечиваютъ за иностранцами привиллегированное сравнительно съ туземцами положеніе, а именно относительно обязанностей, обусловленныхъ подданствомъ. Такъ, 3 ст. русско-германскаго договора 1894 г. гласитъ: „Граждане одной изъ договаривающихся сторонъ не будутъ привлекаться въ предѣлахъ территоріи другой стороны къ отбыванію какой бы то ни было офиціальной обязательной службы судебной, административной или общественной, за исключеніемъ обязанностей по опекѣ; они будутъ освобождены отъ личной военной службы въ сухопутныхъ войскахъ и флотѣ, въ ихъ запасахъ или въ ополченіи, а также отъ всякихъ повинностей, принудительныхъ займовъ, военныхъ реквизицій и повинностей всякаго рода, вызываемыхъ войною или исключительными обстоятельствами, за исключеніемъ, впрочемъ, поземельныхъ повинностей, сопряженныхъ съ владѣніемъ на какомъ либо основаніи недвижимымъ имѣніемъ и за исключеніемъ постоя и другихъ военныхъ повинностей, коимъ подлежатъ мѣстные подданные и подданные наиболѣе благопріятствуемой державы въ качествѣ владѣльцевъ, арендаторовъ или нанимателей недвижимаго имущества". Тождественныя постановленія мы находимъ и въ договорахъ Россіи съ другими державами (напр. съ Франціею 1874 г. ст. 4) и въ договорахъ между иностранными державами, напр. въ договорѣ Германіи съ Испаніею 1883 г.[1]).

Точно такъ же отношеніями подданства объясняется часто встрѣчаемое въ прежнихъ торговыхъ договорахъ постановленіе, что въ случаѣ войны между однимъ изъ контрагентовъ и третьимъ госуд-вомъ, подданнымъ другого контрагента разрѣшается продолженіе ихъ торговли и судоходства съ этимъ воюющимъ государствомъ, за исключеніемъ торговли военною контрабандой и сношеній съ блокированными мѣстами и осажденными городами. Въ новѣйшихъ трактатахъ

[1]) Относительно этого рода льготъ проф. Мартенсъ дѣлаетъ оговорку, что онѣ не безусловны. „Если государство находится, напр., въ крайней опасности отъ внѣшняго врага, то такія повинности, какъ военно-конская или постойная, равно какъ и военныя реквизиціи могутъ быть распространены на иностранцевъ Или въ случаѣ какого либо общественнаго бѣдствія, напр. наводненія, или при внутреннихъ замѣшательствахъ (мятежѣ, бунтѣ), иностранцы не могутъ отказываться отъ участія, по требованію властей, наравнѣ съ мѣстными подданными, въ поддержаніи общественнаго порядка и безопасности, въ особенности если мѣстныя военныя или полицейскія силы оказываются недостаточными. Въ такомъ смыслѣ истолковываетъ привиллегіи иностранцевъ англійское правительство, какъ по отношенію къ чужимъ подданнымъ, находящимся на его территоріи, такъ и своимъ, пребывающимъ за границею".

мы почти не встрѣчаемъ подобныхъ постановленій, такъ какъ они стали излишни вслѣдствіе общепризнанности въ своевременной м. практикѣ выраженныхъ въ нихъ принциповъ. Тѣмъ не менѣе это упущеніе можетъ имѣть и невыгодныя послѣдствія, такъ какъ оно даетъ возможность воюющему принимать такія мѣры, которыя, не нарушая договора, могутъ нанести существенный ущербъ торговлѣ его контрагента.

Относительно *политич.* правъ: права политическихъ союзовъ и собраній, иностранцы изъ политич. соображеній обыкновенно ограничиваются сравнительно съ туземцами, а тѣмъ болѣе имъ никогда не предоставляются политическія права, дающія подданному участіе въ управленіи (напр., избирательное право) и даже въ мѣстномъ самоуправленіи. По этому поводу нужно замѣтить, что всякое активное вмѣшательство иностранца въ политическую жизнь госуд-ва, хотя бы въ видѣ активныхъ выступленій его въ политическихъ собраніяхъ и даже въ печати всегда можетъ явиться основаніемъ для воспрещенія ему дальнѣйшаго пребыванія въ странѣ.—*Свобода вѣроисповѣданія* и богослуженія иностранцевъ признается всѣми культурными госуд-вами и въ настоящее время оговаривается особо въ договорахъ только съ государствами нехристіанскими (напр., ст. 1 торгов. дог. съ Японіею 1907 г.).

Въ области *финансовой* иностранцы уравниваются съ подданными: пользуясь юридической защитой и другими выгодами госуд-венной охраны своей личности и имущества, они должны участвовать наравнѣ съ подданными и въ матеріальныхъ жертвахъ на госуд-венную администрацію. т. е. относительно платежа установленныхъ податей и налоговъ за исключеніемъ личныхъ. Но какъ иностранцы освобождаются отъ воинской повинности госуд-ву, такъ нѣтъ основаній подвергать ихъ и налогамъ и сборамъ, связаннымъ съ этою повинностью и вообще носящимъ политическій характеръ.

Наконецъ, въ области *административнаго* (полицейскаго) права, обязательныя для подданныхъ распоряженія террит. власти въ видахъ народнаго благосостоянія, полиціи безопасности и народнаго здравія, призрѣнія бѣдныхъ и т. д. обязательны и для иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ госуд-ва, если имъ не предоставлены въ этомъ отношеніи особыя привиллегіи. За то на иностранцевъ распространяются и выгоды, устанавливаемыя въ пользу населенія этими распоряженіями (напр. германское законодательство признаетъ обязательное для государства вспомоществованіе недостаточнымъ иностранцамъ).

Во всѣхъ вопросахъ признаваемой госуд-гомъ правоспособности иностранцевъ и государственной охраны ихъ, господствующій, общеприз-

нанный принципъ, это—равноправность *всѣхъ* иностранцевъ въ государствѣ независимо отъ принадлежности къ той или другой національности, признаніе за ними наивысшей мѣры правъ, допускаемой государствомъ для иностранныхъ подданныхъ (nation la plus favorisée).

Исключительное положеніе занимаютъ въ силу м. практики и права иностранцы, за которыми признается *право внѣземельности* или экстерриторіальности. Право это установлено, какъ мы видѣли, для главъ государствъ (и ихъ семействъ), для диплом. агентовъ, аккредитованныхъ къ тому госуд-ву, въ которомъ они пребываютъ, и для военныхъ кораблей и войскъ въ чужихъ водахъ и на чужой территоріи.

Особое положеніе и особыя отношенія устанавливаются также между госуд-вомъ и пребывающими на его территоріи иностранцами въ томъ случаѣ, когда послѣдніе нашли въ этомъ государствѣ *убѣжище* въ качествѣ *политическихъ эмигрантовъ* изъ своего отечества. Въ силу господствующей м. практики всякое государство имѣетъ право давать у себя убѣжище такимъ иностранцамъ, насколько оно не обязано противнымъ въ силу особыхъ договоровъ, такъ называемыхъ *договоровъ о выдачѣ*. Но, оказывая политич. эмигранту убѣжище и защиту, государство принимаетъ на себя нѣкоторую нравственную обязанность по отношенію къ отечеству эмигранта. Именно, оно не должно допускать, чтобы иностранцы-эмигранты пользовались этимъ убѣжищемъ и безопасностью своею отъ преслѣдованія отечественной госуд. власти для совершенія непріязненныхъ дѣйствій противъ своего отечественнаго госуд-ва, съ которымъ пріютившее ихъ государство находится въ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ; оно не должно, напр., допускать на своей территоріи составленія иностранцами заговора противъ отечественнаго правительства, дѣятельной агитаціи съ цѣлью нарушенія въ ихъ отечествѣ существующаго госуд. строя и т. п. Поэтому, особенно въ случаяхъ политическихъ неурядицъ въ сосѣднемъ государствѣ, и въ случаѣ, если государство дало у себя убѣжище полит. эмигрантамъ изъ этого государства, принявшее ихъ государство обязано принять мѣры къ пресѣченію ихъ враждебной противъ отечества дѣятельности. Съ этой цѣлью госуд-во въ подобныхъ случаяхъ требуетъ удаленія ихъ внутрь страны отъ границъ того госуд-ва, которому иностранцы угрожаютъ, или даже прямо интернируетъ ихъ, назначаетъ имъ опредѣленныя мѣста для ихъ пребыванія. Если же эта мѣра оказывается почему-либо недостаточною (напр., изъ интереса самосохраненія госуд-ва, сохраненія мирныхъ отношеній съ сосѣднимъ госуд-вомъ), то госуд-во можетъ прибѣгнуть даже

къ изгнанію подобныхъ иностранцевъ изъ предѣловъ своей территоріи (объ немъ см. ниже). Въ этомъ случаѣ госуд-во поступаетъ согласно тому же принципу, на основаніи котораго нейтральное госуд-во не пропускаетъ черезъ свою территорію войскъ воюющихъ державъ, а въ случаѣ вступленія ихъ на его территорію, обезоруживаетъ ихъ.

Въ силу дѣйствующаго русскаго законодательства положеніе иностранцевъ въ Россіи опредѣляется слѣдующимъ образомъ. (См. Мышъ „Объ иностранцахъ въ Россіи").

1) Иностранцы имѣютъ свободный *пріѣздъ въ Россію*, если они для пропуска въ Имперію снабжены паспортами отъ росс. посольствъ, миссій или консульствъ, при инотранныхъ державахъ находящихся. Паспорты на въѣздъ въ Россію не выдаются: a) лицамъ, коимъ поименно воспрещенъ правительствомъ въѣздъ въ наши предѣлы; b) лицамъ, коихъ, по собственнымъ свѣдѣніямъ посольствъ, миссій и консульствъ, они имѣютъ основательную причину признавать неблагонадежными, и c) цыганамъ, шарманщикамъ, мелкимъ разносчикамъ и вообще людямъ праздношатающимся. Кромѣ того, воспрещенъ въѣздъ въ предѣлы Россіи евреямъ, не имѣющимъ средствъ существованія. Духовные выходцы изъ Турціи, кромѣ паспорта отъ пребывающаго въ Константинополѣ русскаго посла, должны имѣть дозволеніе на жительство и переѣзды въ Имперіи отъ Св. Синода. Иностранецъ, прибывшій безъ паспорта, высылается обратно (Уст. пасп. изд. 1903 г. ст. 286).

2) *Пребываніе* иностранцевъ въ Россіи не ограничено ни мѣстомъ, ни срокомъ (ст. 818 т. IX). Исключеніе изъ сего установлено только для выходцевъ изъ Кореи, Китая и для евреевъ. Первымъ воспрещено селиться въ пограничныхъ съ Кореею и Китаемъ мѣстностяхъ (изъ соображеній политическихъ—безопасности нашей азіатской границы). Пребываніе же иностранцевъ-евреевъ ограничено общей чертой осѣдлости евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ иностранцевъ-евреевъ, которые получили установленное разрѣшеніе на производство въ Россіи торговли, а равно иностранныхъ банкировъ и главъ значительныхъ торговыхъ домовъ.

3) Въ Россійской имперіи *имѣютъ дѣйствіе только русскіе законы*. Иностранные законы примѣняются лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: a) при опредѣленіи гражданскаго состоянія иностранца, b) когда актъ совершенъ въ иностранномъ госуд-вѣ по существующимъ тамъ законамъ и не сходно съ обрядами совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, и c) къ наслѣдованію въ движимыхъ имуществахъ послѣ подданныхъ тѣхъ государствъ, съ которыми заключены конвенціи о наслѣдствахъ (заклю-

чены: съ Германіею, Испаніею, Италіею, Швеціею, Франціею, Даніею, Нидерландами).

4) *Судебныя рѣшенія* иностранныхъ судовъ не имѣютъ исполнительной силы въ Россіи при отсутствіи по сему предмету трактата съ правительствомъ той державы, гдѣ рѣшеніе постановлено.

5) Находясь въ Россіи, иностранцы лично и по имуществу подлежатъ дѣйствію росс. законовъ и пользуются общею ихъ защитою и покровительствомъ. Они поэтому пользуются свободою вѣры, могутъ вступать во всякіе договоры и обязательства, завѣщать свое имущество иностранцамъ или русскимъ подданнымъ, пріобрѣтать наслѣдство по закону и завѣщанію на основаніи общихъ правилъ, для коренныхъ подданныхъ дѣйствующихъ, усыновлять подкидышей, непомнящихъ родства и своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, получать отъ русскаго правительства привиллегіи на изобрѣтенія и открытія и пр. Впрочемъ, право на пріобрѣтеніе въ собственность, владѣніе или пользованіе покупкою, или по найму недвижимыхъ имуществъ въ губерніяхъ, перечисленныхъ Высоч. указомъ 14 марта 1887 г., именно—въ губерніяхъ западной полосы Россіи внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній, воспрещено (по политическимъ соображеніямъ), а право пріобрѣтенія недвижимостей по наслѣдству ограничено особыми условіями. Также воспрещено пріобрѣтеніе иностранцами (европейцами) недвижимыхъ имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ (съ 1886 г.) и ограничено право пріобрѣтенія ими земельной собственности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крымскаго полуострова и Кавказа (съ 1898 г.). Иностранцамъ воспрещено также завѣдываніе недвижимыми имуществами въ качествѣ управляющихъ или повѣренныхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

6) Въ отношеніи права на производство *торговли и промысловъ*, аренды и устройства фабрикъ и заводовъ, иностранцы, кромѣ евреевъ, сравнены съ природными подданными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, предоставленныхъ исключительно русскимъ подданнымъ. Сюда относятся: a) производство золотого и вообще горнаго промысла на материкѣ Приморской области и принадлежащихъ къ ней островахъ и на о.. Сахалинѣ; b) судоходство по Каспійскому морю; c) каботажное судоходство; d) должность шкиперовъ.

7) Иностранцы пользуются правомъ *судебной защиты*, въ качествѣ истца или отвѣтчика, наравнѣ съ русскими подданными. Но привлеченный иностранцемъ къ суду отвѣтчикъ можетъ предъявить противъ истца-иностранца, не состоящаго въ русской службѣ и не владѣющаго

въ Россіи недвижимотью, отводъ объ обезпеченіи судебныхъ издержекъ (cautio judicatum solvi) на случай отказа въ искѣ. Означенный отводъ не можетъ быть предъявляемъ противъ подданныхъ тѣхъ госуд-въ, въ которыхъ по закону или на основаніи заключенныхъ съ Россіею трактатовъ или конвенцій, русскіе подданные освобождены отъ представленія обезпеченія издержекъ по дѣлу и тѣхъ убытковъ, которые можетъ понести отвѣтчикъ (Уст. Гр. Суд. ст. 571, 577 и 1634).

По торговому договору Россіи съ Швейцаріею 1872 г., съ Германіею 1894 г., съ Даніею 1895 г., съ Японіею 1907 г. обоюдные подданные должны имѣть свободный доступъ къ судамъ и пользоваться въ судебныхъ дѣлахъ тѣми же правами и преимуществами, какъ и туземные подданные. Франція заключила съ Россіею въ 1896 г. соглашеніе о взаимномъ освобожденіи русскихъ и французскихъ истцевъ отъ обязанности cautio judicatum solvi. См. Энгельмана, Отводъ по необезпеченію истцомъ иностранцемъ издержекъ по дѣлу и убытковъ отвѣтчика (въ Ж. Мин. Юст. 1896 г. № 10). Впрочемъ, требованіе обезпеченія иска (cautio j. solvi) отмѣнено Гаагскою конвенціею 1896 г. для подписавшихъ ее 14 государствъ, въ томъ числѣ Россіи.

Относительно иностранныхъ акціонерныхъ обществъ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената разъяснилъ, что они, въ качествѣ истцовъ, не могутъ пользоваться у насъ правомъ судебной защиты, если по этому предмету не заключено конвенціи между Россіею и правительствомъ того государства, гдѣ акціонерное общество учреждено. (Такія конвенціи заключены: съ Франціею, Австріею, Германіею, Греціею, Бельгіею, Италіею, Англіею. Ср. Шалланда, Юрид. положеніе иностр. акціонерн. обществъ въ Россіи, въ Правѣ 1902 г., №1 и 5 и Ж. М. Ю. 1902 г., № 3).

По ст. 4 торг. дог. съ Болгаріей 1905 г. акціонерныя общества и товарищества торговыя, промышленныя и финансовыя, имѣющія мѣстопребываніе въ одномъ изъ договаривающихся госуд-въ и правильно, согласно съ мѣстными законами тамъ учрежденныя, будутъ признаваться имѣющими законное существованіе въ другомъ госуд-вѣ, а именно—имъ будетъ предоставлено право обращаться въ судебныя учрежденія, какъ для вчиненія исковъ, такъ и для отвѣта по искамъ. Но этимъ не предрѣшается вопросъ, будетъ ли подобному обществу, учрежденному въ одномъ государствѣ, предоставлено разрѣшеніе производить свои операціи въ предѣлахъ другого госуд-ва, каковое разрѣшеніе всегда зависитъ отъ мѣстнаго законодательства по этому вопросу.

Что касается правъ иностранныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ на защиту ихъ торговыхъ и фабричныхъ *клеймъ*, рисунковъ, патентовъ въ Россіи, то это право регулируется частью въ торговыхъ трактатахъ съ другими госуд-вами (напр., ст. 8 и 9 договора съ Франціею 1905 г., ст. 16 договора съ Японіею 1907 г.), частью въ спеціальныхъ

конвенціяхъ или декларацiяхъ (напр. съ Австріей, Англіей, Бельгіей, Германіей, Голландіей, Греціей, С.-А. С. Штатами).

8) Согласно принятому повсемѣстно правилу и нашъ законъ запрещаетъ принимать иностранцевъ, не вступившихъ въ русское подданство, на *государственную службу*. Впрочемъ изъ этого правила допущены исключенія; такъ, иностранцы могутъ быть принимаемы въ службу ученую и учебную, а также по искуственной части вѣдомствъ горнаго, монетнаго и солянаго (механиковъ, мастеровъ, художниковъ). Недоступны иностранцамъ и должности по выборамъ,—городскимъ, земскимъ и т. п. за нѣкоторыми немногими исключеніями.

9) Въ отношеніи *уголовной отвѣтственности*. иностранцы. находясь въ Россіи подлежатъ общеустановленнымъ законамъ. Но для нихъ существуетъ и особенное послѣдствіе судебнаго наказанія—высылка за границу. Иностранцы могутъ быть подвергнуты высылкѣ за границу и въ административномъ порядкѣ, если поведеніе ихъ неодобрительно. Въ томъ и другомъ случаѣ высылка производится по распоряженію министерства внутрен. дѣлъ.

Въ силу ст. 75 Ул. о нак. иностранецъ, отбывшій заключеніе въ тюрьмѣ, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, высылался за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію. Эта статья отмѣнена закономъ 10. VI. 1900 г. Ст. 35 Угол. Ул. постановляетъ: „для иностранцевъ ограниченіе въ правѣ избранія мѣста жительства (какъ послѣдствіе наказанія—заключенія въ исправит. домѣ) м о ж е т ъ б ы т ь замѣнено высылкою за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію". (Ср. также ст. 177). Также отдача подъ надзоръ полиціи мож. б. замѣнена для иностранца, по усмотрѣнію министра вн. д., высылкою за границу (ст. 58^3 Ул. о нак. и ст. 971^1 Уст. Уг. Суд. Ср. также: Угол. Уложеніе. Отзывы вѣдомствъ. Спб. 1897, стр. 138, и мотивы, а также Угол. Улож. изд. Таганцева 1904 г. прим. 11—13 къ ст. 35).—На основаніи правилъ объ удаленіи иностранцевъ изъ предѣловъ Россіи 26. V. 1903 г., удаленіе за границу пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ съ воспрещеніемъ возвращаться, производится по усмотрѣнію и распоряженію министра вн. дѣлъ, или генер.-губернатора. Иностранцы, приговоренные къ каторжнымъ работамъ или къ ссылкѣ на поселеніе, удаленію за границу не подлежатъ; приговоренные же къ другимъ видамъ лишенія свободы подлежатъ удаленію за границу не ранѣе отбытія назначенныхъ имъ сроковъ такого лишенія. Самовольное возвращеніе высланныхъ наказуется (ст. 314 Ул. о нак.). Относительно принятія удаляемаго дѣлается сношеніе съ подлежащимъ иностраннымъ правительствомъ. Въ случаѣ отказа послѣдняго въ его принятіи, такой иностранецъ мож. б. принудительно водворенъ на жительство въ Россіи, подъ надзоромъ полиціи, какъ и иностранецъ, возвратившійся послѣ двукратнаго его удаленія. Такой водворенный иностранецъ можетъ по истеченіи 5 лѣтъ со времени водворенія быть принятымъ въ русское подданство. (Ср. Александренко, въ Ж. М. Ю. 1905 г., № 5).

Въ торговыхъ договорахъ прежнихъ временъ дѣлалась обыкновенно оговорка относительно безопасности пребыванія или выѣзда, а также относительно личной и имущественной безопасности обоюдныхъ подданныхъ к онтрагентогъ на случай войны между самими контрагентами. Въ новѣйшихъ трактатахъ такого постановленія мы не находимъ, такъ какъ все это считается теперь уже общепризнаннымъ правиломъ современнаго м. права, хотя еще въ 1870 г. въ началѣ франко-прусской войны, изъ Франціи изгнаны были всѣ прусскіе подданные.

Относительно правъ иностранцевъ, выговоренныхъ въ договорахъ между цивилизованными государствами можно сказать, что въ настоящее время, когда уравненіе, или по крайней мѣрѣ, сближеніе правъ и гражданскаго юридическаго положенія иностранныхъ съ мѣстными подданными являются однимъ изъ общепризнанныхъ принциповъ госуд. права цивилизованныхъ народовъ, эти договорныя постановленія уже въ значительной степени утратили свое принципіальное, теоретическое и практическое значеніе. За то они существенно важны и не утратили донынѣ своего значенія въ договорахъ съ азіатскими и вообще полуцивилизованными государствами, которыя донынѣ держатся принципа замкнутости противъ сношеній съ европейцами вообще и безправія иностранцевъ въ отношеніи мѣстныхъ подданныхъ. Въ открытыхъ для иностранцевъ азіатскихъ портахъ и городахъ европейцамъ въ силу договоровъ разрѣшается обыкновенно свобода проживанія и торговли, право найма и покупки домовъ, магазиновъ и найма земельныхъ участковъ [1]) и свобода вѣроисповѣданія. Жилища ихъ неприкосновенны для мѣстныхъ властей, т. е. мѣстныя власти не въ правѣ войти въ квартиру европейца безъ разрѣшенія хозяина или консула. Споры и процессы между ними изъемлются изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ и разбираются ихъ консулами. Споры съ туземцами подлежатъ компетенціи туземныхъ или смѣшанныхъ судовъ обыкновенно по принципу actor sequitur forum rei, при чемъ гарантируется по договору скорый и справедливый судъ. Къ числу спеціальныхъ привиллегій, встрѣчаемыхъ только въ договорахъ съ восточными государствами можно отнести постановленіе Туркманчайскаго до-

---

1) Строить собственныя дома, лавки, амбары и др. зданія на пріобрѣтенныхъ покупкою участкахъ русскіе подданные въ Китаѣ имѣютъ по договору 1881 г. право только въ городахъ, гдѣ существуютъ русскія консульства. Пріобрѣтеніе земельной собственности иностранцамъ въ Китаѣ и Японіи не разрѣшается (рус.-япон. договоръ 1907 г. ст. 1 и 2). Въ полуцивилизованныхъ государствахъ, ограничивающихъ доступъ иностранцевъ, послѣднимъ обыкновенно отводятся опредѣленныя территоріи для поселенія (settlements, concessions)—напр. въ Тянзинѣ, Ханькоу—которыя пользуются внѣземельностью и самоуправленіемъ.

говора Россіи съ Персіею (1828 г.) въ силу котораго въ случаѣ банкротства персидскаго подданнаго, долговыя требованія русскихъ кредиторовъ должны быть удовлетворены раньше остальныхъ. Обыкновенно этого рода постановленія дополняются еще условіемъ о наибольшемъ благопріятствованіи, вслѣдствіе котораго иностранцамъ разныхъ національностей обезпечивается равенство ихъ правового положенія въ странѣ [1]). Изъ числа азіятскихъ государствъ наиболѣе цивилизованными и предоставляющими наиболѣе правъ европейцамъ должны быть признаны въ настоящее время Турція и Японія [2]). Далѣе слѣдуетъ Персія, Китай, Аннамъ. Среднее положеніе между цивилизованными и полуцивилизованными государствами занимаютъ средне-и южноамерикаскія госуд-ва. Въ договорахъ съ ними европейскихъ госуд-въ мы находимъ спеціальныя характерныя для соціально-политическаго строя и жизни американскихъгосуд-въ постановленія касательно охраны иностранцевъ во время революціонныхъ движеній. Мексика не обязывается охранять иностранцевъ отъ мѣстныхъ дикихъ племенъ. Нѣкоторыя изъ этихъ госуд-въ ограничиваютъ число своихъ портовъ открытыхъ для иностранцевъ.

Юридическое отношеніе иностранца къ чужому госуд-ву естественно прекращается съ прекращеніемъ основныхъ элементовъ этого отношенія: 1) *съ прекращеніемъ пребыванія* иностранца въ предѣлахъ территоріальной власти чужого госуд-ва, или же 2) *съ прекращеніемъ согласія чужого государства* на продолженіе этого отношенія. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, физическое удаленіе иностранца является, впрочемъ, необходимымъ условіемъ прекращенія правоотношенія. Въ первомъ случаѣ оно будетъ добровольное, во второмъ—принудительное.

Право добровольнаго безпрепятственнаго удаленія иностранца изъ чужого госуд-ва не можетъ быть оспариваемо, и въ настоящее время оно признается всѣми законодательствами. Но подобно тому, какъ госуд-во имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ при удаленіи ихъ изъ отечества очищенія себя отъ всякихъ лежащихъ на нихъ повинностей,

---

1) Такъ въ силу 12 статьи Тьенъ-Цзинскаго договора 1858 г. съ Китаемъ—„всѣ права и премущества политическія, торговыя и другого рода, какія впослѣдствіи могутъ пріобрѣсть государства наиболѣе благопріятствуемыя китайскимъ правительствомъ, распространяются въ то же время и на Россію, безъ дальнѣйшихъ съ ея стороны по симъ предметамъ договоровъ". Эта статья подтверждена 14-ю статьею Пекинскаго договора 1860 года и 19-ою Петербургскаго 1881 г.

2) Въ силу договора Россіи съ Японіею 1907 г. русскіе подданные въ Японіи въ правахъ и преимуществахъ частью приравниваются къ японцамъ, частью къ иностранцамъ пользующимся правомъ наибольшаго благопріятствованія.

точно такое же право принадлежитъ ему и относительно удаляющихся изъ его предѣловъ иностранцевъ.

Принудительное удаленіе иностранца возможно въ двухъ видахъ: 1) *выдачи* и 2) *изгнанія*. (См. Александренко, Высылка иностранцевъ, въ Ж. М. Ю. 1905, № 5. Ср. ст. гр. Каморовскаго въ Юр. Вѣстн. 1889, № 12). Различіе между этими двумя видами удаленія то, что при выдачѣ всегда имѣются въ виду интересы юридическаго строя другого госуд-ва, и потому она предполагаетъ *непремѣнно взаимное соглашеніе* двухъгосуд-въ въ области ихъ государственно-правового строя или же м. правового порядка (выдача политическихъ или обыкновенныхъ преступниковъ), между тѣмъ какъ изгнаніе обусловливается лишь *индивидуальными соображеніями*, потребностями и мотивами изгоняющаго госуд-ва. Потому выдача иностранца (отечественному госуд-ву) совершается лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ м. практикою случаяхъ и только по требованію заинтересованнаго госуд-ва. Высылка носитъ характеръ административный, а не судебный; выдача же является актомъ какъ бы судебной помощи. *Право и обязанность выдачи* иностранца опредѣляется и внутренними законодательствами, и м. договорами госуд-ва. *Право изгнанія*, напротивъ, опредѣляется *лишь внутренними законодательствами госуд-въ*, при чемъ правительство изгонаяющаго госуд-ва предполагается дѣйствующимъ по собственной иниціативѣ; международной обязанности изгнанія не существуетъ и трудно представить себѣ ея возможность*). Госуд-во которому принадлежитъ лицо, высланное изъ другого госуд-ва, de jure обязано принять его обратно, хотя бы даже такое лицо за это время утратило свое прежнее подданство, не пріобрѣтая новаго. (Росс.—Герм. 1894, Росс.—Австр. 1886)[1].

Съ юридической точки зрѣнія принципіальная основа права изгнанія таже, что и права госуд-ва на недопущеніе иностранца въ свои предѣлы. Точно также какъ иностранецъ не можетъ претендовать на безусловное право допущенія его въ чужое госуд-во, онъ не можетъ претендовать и на безусловное право пребыванія въ этомъ госуд-вѣ. „Пребываніе его въ предѣлахъ чужого госуд-ва всегда остается только фактомъ и никогда не составляетъ для него права: Госуд-во не обязано терпѣть его на своей территоріи" (Коркуновъ). Въ этомъ отношеніи формальное право госуд-ва безусловно. Отечественному госуд-ву иностранца можетъ въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго, по его мнѣ-

---

1) Споръ Германіи съ Швейцаріею относительно Ausweisungspflicht и Ausweisungsrecht на основаніи германо-швейцарскаго Niederlassungsvertrag въ 1889 году.

нію, примѣненія этого права другимъ госуд-вомъ принадлежать лишь право на репрессивныя или реторсіонныя мѣры. Несмотря на это, однако, съ точки зрѣнія современнаго правосознанія, ни одно цивилизованное госуд-во не можетъ считать себя въ правѣ принципіально не допускать иностранцевъ въ свои предѣлы или произвольно ихъ изгонять. Отказъ въ пріемѣ цѣлой категоріи иностранцевъ всегда долженъ имѣть какое-нибудь законное основаніе, равно какъ и высылкѣ подлежатъ лишь отдѣльныя лица, оказывающіяся почему-либо опасными для госуд-ва. О массовомъ изгнаніи, а въ особенности произвольномъ, (примѣры: 1703 года некатоликовъ изъ Испаніи, 1793 г. французовъ изъ Россіи) въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію Института м. права (Женевск. сессія 1892 г.)—законнымъ мотивомъ какъ для высылки, такъ и для отказа въ пріемѣ иностранца можетъ служить лишь наличность извѣстной опасности отъ его пребыванія въ странѣ. Лишь въ томъ случаѣ, когда присутствіе въ госуд-вѣ даннаго лица угрожаетъ общественной тишинѣ и спокойствію или по той или иной причинѣ способно принести особый вредъ приходящему съ нимъ въ соприкосновеніе населенію, правительство въ правѣ прибѣгнуть къ выселенію; удаленіе же изъ предѣловъ госуд-ва цѣлой группы лицъ допустимо только при исключительныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ, правомочія государства въ этомъ отношеніи не абсолютны.

Въ случаѣ примѣненія права изгнанія къ иностранцамъ въ значительныхъ размѣрахъ и не смотря на существующіе у госуд-ва съ ихъ отечествомъ договоры, регулирующіе юридическое положеніе и взаимное общеніе ихъ взаимныхъ подданныхъ, отечественное изгнанныхъ госуд-во можетъ, конечно, потребовать объясненія мотивовъ такого мѣропріятія со стороны изгнавшаго госуд-ва.

Право госуд-ва на высылку (изгнаніе) даже допущенныхъ къ пребыванію въ странѣ иностранцевъ признается практикою, а отчасти и доктриною м. права, по мотивамъ „госуд-веннаго интереса“. Подъ это неопредѣленное само по себѣ понятіе подводятся напр., случаи, когда иностранцы (политическіе эмигранты), пребывая въ чужомъ госуд-вѣ совершаютъ или организуютъ какія-либо враждебныя дѣйствія противъ своего отечественнаго госуд-ва, состоящаго въ дружественныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ, въ которомъ они пребываютъ; чтобы не портить своихъ отношеній съ ихъ отечествомъ, госуд-во, давшее имъ пріютъ, можетъ въ крайнемъ случаѣ подвергнуть ихъ высылкѣ, такъ какъ по общему правилу всякое госуд-во отвѣтственно за невоспрепятствованіе совершенію враждебныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ другого госуд-ва лицами, живущими на его территоріи, даже подданными (примѣръ: обязанности нейтральнаго государства во время войны). Съ другой стороны, госуд-во въ правѣ устранять

иностранцевъ отъ активнаго участія въ своей политической жизни и въ правѣ требовать, чтобы допущенные имъ на свою территорію, т.-е. въ сферу своей территор. верховной власти иностранцы воздерживались отъ активнаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся его внутренняго политическаго, соціальнаго или хозяйственнаго строя (напр., отъ политической или соціальной агитаціи). Согласно основному принципу внутренняго суверенитета, независимости и права на самоопредѣленіе, госуд-во имѣетъ безусловное право на невмѣшательство въ его дѣла, какъ относительно другихъ госуд-въ, такъ, тѣмъ болѣе—относительно пребывающихъ на его территоріи иностранцевъ. Далѣе, всякое госуд-во въ правѣ регулировать отношенія допускаемыхъ имъ на свою территорію (подчиняющихся его террит. власти и верховенству) иностранцевъ къ мѣстному подданному населенію въ области т. наз. полиціи благосостоянія, промысловъ и безопасности, въ смыслѣ охраны интересовъ своихъ подданныхъ. Коль скоро оно въ правѣ, напр., совершенно устранять иностранцевъ отъ участія въ тѣхъ или иныхъ отрасляхъ промышленнаго или торговаго труда и заработка, ради покровительства и обезпеченія трудового заработка своихъ подданныхъ, то тѣмъ болѣе и по тѣмъ же мотивамъ защиты интересовъ своего трудового населенія оно въ правѣ не только не допускать къ себѣ, но въ случаѣ необходимости, удалять такихъ иностранцевъ, которые конкурренціею своего болѣе дешеваго труда могутъ повліять на рабочій рынокъ въ неблагопріятномъ для мѣстнаго трудового населенія смыслѣ. Наконецъ, всякое госуд-во имѣетъ несомнѣнное право удалять изъ своихъ предѣловъ для возвращенія въ ихъ отечество иностранцевъ впавшихъ въ нищету, утратившихъ трудоспособность, бродягъ, преступниковъ, являющихся въ тягость туземной благотворительности. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, указанныхъ категорій, за культурнымъ госуд-вомъ признается право высылки изъ своихъ предѣловъ такого рода „тягостныхъ“, (lästige—по германской терминологіи) для него иностранцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это право госуд-ва регулируется даже м. договорами, напр., „о поселеніи“, „о взаимной высылкѣ нищихъ, бродягъ, безпаспортныхъ“ (напр., Россія съ Швеціею и Норвегіею 1860 года, съ Пруссіею 1872 г., съ Австріею 1886 г., съ Германіею 1894 г.). Впрочемъ, постановленія внутреннихъ законодательствъ по вопросу объ изгнаніи иностранцевъ чрезвычайно разнообразны и, въ общемъ, неудовлетворительны по неопредѣленности въ формулировкѣ „законныхъ основаній“ для высылки, хотя—съ другой стороны—законъ всегда предпочтителенъ безграничному „усмотрѣнію“.—Изъ м. практики новѣйшаго времени можно указать въ особенности частыя коллективныя (не единичныя, а въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ лицъ) высылки русскихъ подданныхъ изъ Пруссіи. Такъ, весной 1906 г. изъ Берлина выслано было много русскихъ по обвиненію въ активномъ участіи въ политическихъ собраніяхъ и въ агитаціи соц.-демократовъ; часто изгоняются изъ восточн. Пруссіи русскіе сельскохозяйственные сезонные рабочіе. Въ данномъ на запросъ по этому поводу въ ландтагѣ отвѣтѣ въ январѣ 1911 г. министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что правительство руководится національной точкой зрѣнія: необходимо всячески препятствовать тому, чтобы великой волной, движущейся съ востока на западъ, были славянизированы прусскія земли; вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ напомнилъ о массовыхъ высылкахъ въ 1886 г., въ эпоху Бисмарка, предпринятыхъ съ цѣлью удержать движеніе славянскихъ элементовъ съ востока на западъ. Въ 1910 г. было изгнано нѣсколько десятковъ русскихъ изъ Австріи по подозрѣнію ихъ въ преступной дѣятельности на основаніи участившихся въ районѣ ихъ поселенія преступленій. По этому поводу внесенъ былъ въ Г. Думу и единогласно принятъ ею залросъ министру иностран. дѣлъ.

Высылка иностранца можетъ быть послѣдствіемъ судебнаго рѣшенія; это наиболѣе правомѣрный видъ примѣненія права изгнанія. (Въ Голландіи, Франціи, Австріи, Италіи, Германіи, частью—въ Россіи, высылка иностранца является необходимымъ *слѣдствіемъ* обвинительнаго противъ него судебнаго приговора по уголовному дѣлу). Но право высылки присвоивается обыкновенно высшей административной властя госуд-ва,—дискреціонно или же на установленныхъ въ законѣ условіяхъ. Наконецъ, въ видѣ реторсіи или репрессаліи она можетъ быть постановлена только высшею правительственною госуд. властью.

У насъ высылка иностранцевъ регулируется закономъ 26. V. 1903 г. („Правила объ удаленіи иностранцевъ изъ предѣловъ Россіи", см. въ Собр. Узак. и расп. правит. 1903 г. № 84 ст. 964). Руководящіе основные принципы его заимствованы изъ французскаго закона 1849 года. Удаленіе за границу пребывающаго въ Россіи иностранца, съ воспрещеніемъ возвращенія въ ея предѣлы производится „по усмотрѣнію и распоряженію" министра внутр. дѣлъ (или военнаго министра), а въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ ген.-губернаторамъ—сими послѣдними. Сверхъ того, право высылки иностранцевъ мож. б. предоставлено и губернаторамъ пограничныхъ губерній и областей, но лишь съ высоч. разрѣшенія, испрошеннаго черезъ Совѣтъ министровъ. Въ обычномъ же порядкѣ, если такого разрѣшенія не испрошено, губернаторы предварительно доносятъ министру вн. дѣлъ или подлежащему ген.-губернатору, по принадлежности, о тѣхъ иностранцахъ, кои „по дурному поведенію, сомнительности или другимъ какимъ-либо причинамъ не могутъ быть терпимы въ предѣлахъ госуд-ва". Нашъ законъ не перечисляетъ основаній къ высылкѣ, не устанавливаетъ (какъ въ Бельгіи) категорій лицъ, ей не подлежащихъ (за исключеніемъ приговоренныхъ къ угол. наказанію, до отбытія его), а признаетъ ее, согласно французской практикѣ, зависящею всецѣло отъ усмотрѣнія администраціи; поэтому не требуется также, чтобы высылка иностранца изъ Россіи была мотивирована.—Иностранцы высылаются двоякимъ порядкомъ: они о с т а в л я ю т ъ предѣлы Россіи или вслѣдствіе предъявленнаго имъ о томъ требованіи, т. е. предписанія черезъ полицію, въ срокъ, въ немъ указанный, или же в ы с ы л а ю т с я этапнымъ порядкомъ къ границѣ; при чемъ въ послѣднемъ случаѣ (а также въ случаѣ отказа пограничныхъ иностранныхъ властей принять высылаемаго), если министръ вн. дѣлъ признаетъ то необходимымъ, дѣлается черезъ посредство министерства иностр. дѣлъ сношеніе съ подлежащимъ иностраннымъ правительствомъ относительно принятія удаляемаго. Если иностранное правительство въ теченіи годичнаго срока не даетъ согласія на принятіе такого иностранца, то послѣдній, по распоряженію министра вн. дѣлъ, мож. б. принудительно водворенъ на жительство въ одной изъ мѣстностей, указываемыхъ для водворенія иностранцевъ на каждое трехлѣтіе высоч. утвержденнымъ положеніемъ Совѣта министровъ. Также можетъ быть принудительно водворенъ (въ Россіи) иностранецъ, самовольно возвратившійся послѣ двукратнаго удаленія за границу. Эти иностранцы приписываются къ волости или къ мѣщанскому обществу съ ограниченіемъ правъ по занятію торговлей или промыслами, и состоятъ подъ надзоромъ полиціи. По прошествіи пяти лѣтъ со времени водворенія, они могутъ ходатайствовать о принятіи въ русское подданство.—Послѣдствія, грозящія высланному иностранцу за самовольное возвращеніе въ Россію болѣе суровы, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. Такіе иностранцы удаляются снова изъ Россіи лишь этапнымъ порядкомъ и, притомъ, по отбытіи положеннаго въ законахъ наказанія. По ст. 314 Ул. о нак. изд. 1903 г. высланный иностранецъ за самовольное возвращеніе въ Россію подвергается заключенію въ тюрьмѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и вторичной высылкѣ заграницу. А по ст. 954 иностранцы, которые послѣ двукратной заграницу высылки, будутъ снова задержаны въ Россіи, признаются бродягами и съ ними поступается какъ съ таковыми.

Законъ ничего не говоритъ—подлежитъ ли распоряженіе министра вн. дѣлъ о высылкѣ обжалованію, или же оно безапелляціонно. Во всякомъ случаѣ иностранецъ мож. б. дѣйствительно высланъ за границу только подъ условіемъ согласія пограничныхъ властей на его принятіе (ст. 7, 9 п. в., 13).

Необходимое условіе праза высылки иностранца—чтобы онъ не былъ приравненъ къ подданнымъ относительно права пребыванія въ госуд-вѣ, въ противномъ случаѣ,—если это право гарантировано ему мѣстнымъ законодательствомъ—право госуд-ва на изгнаніе иностранца естественно ограничивается (напр., въ Бельгіи: относительно иностранца, которому разрѣшено пребываніе, или если онъ женатъ на бельгійкѣ и имѣетъ дѣтей отъ нея, рожденныхъ въ Бельгіи; тоже относительно иностранца, рожденнаго въ Бельгіи и имѣющаго право просить о принятіи въ бельгійское подданство и т. п. Это послѣднее ограниченіе имѣетъ мѣсто и во Франціи, Италіи, Голландіи. Въ силу 7 ст. русско-шведской конвенціи 1860 г. о высылкѣ нищихъ, бродягъ и преступниковъ, постановленія ея не примѣнимы къ лицамъ, женившимся на мѣстной подданной).

Болѣе частое примѣненіе изгнанія въ наше время является послѣдствіемъ болѣе широкой свободы доступа иностранцамъ въ чужое государство.

М о р с к о е п р а в о. Мы видѣли, что *въ интересахъ м.* общенія исключительное территоріальное верховенство госуд-ва подвергается иногда болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Въ этихъ же интересахъ изъемлются, въ силу современнаго м. права изъ подъ исклю-

чительной власти отдѣльныхъ госуд-въ, окружающія сушу водныя пространства океановъ, морей и нѣкоторыхъ ихъ частей. Эти водныя пространства составляютъ въ полномъ смыслѣ слова *международную территорію*, состоящую въ общемъ пользованіи подданныхъ всѣхъ государствъ.

Принципъ свободы океана и открытаго моря, т. е. частей океана, находящихся съ нимъ въ непосредственной связи, установился лишь съ XVIII вѣка. Хотя уже римское право причисляло море къ числу res omnium communia, однако въ средніе вѣка не было приморской державы, которая не предъявляла бы притязаній на исключительное господство на прилегающихъ къ ея владѣніямъ моряхъ и частяхъ океана, а иногда даже на неприлегающихъ, но относительно которыхъ госуд-во въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній считало себя въ правѣ предъявлять притязанія на исключительное право пользованія. Такъ, Венеція предъявляла притязанія на исключительное пользованіе Адріатическимъ моремъ, Швеція на Балтійское море, Турція на Черное и Мраморное, Испанія и Португалія на Атлантическій и Индѣйскій океаны, С. Штаты на Берингово море.— Объявивъ свое господство на томъ или другомъ морѣ, госуд-ва либо совершенно запрещали иностраннымъ судамъ доступъ въ него, либо требовали подчиненія ихъ своей юрисдикціи и подвергали ихъ произвольнымъ стѣсненіямъ. Особенно усилились эти притязанія морскихъ державъ въ XVI—XVII в., когда послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію явилась для нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ на морѣ державъ возможность извлекать огромные барыши отъ исключительной эксплуатаціи своихъ заморскихъ колоній. На присвоеніе себѣ и своимъ подданнымъ исключительнаго права колоніальнаго судоходства и торговли съ устраненіемъ конкурренціи другихъ народовъ направлены были всѣ усилія морскихъ державъ. Въ наиболѣе жесткой формѣ это стремленіе проявлялось въ морской политикѣ Англіи, вызвавшей этимъ энергическій отпоръ со стороны Голландіи и ея ученыхъ публицистовъ. Въ появившемся въ 1609 г. сочиненіи Гуго Гроція „Mare liberum“ впервые сгруппированы были въ стройную систему всѣ общепризнанные нынѣ доводы въ пользу свободы моря, какъ наиболѣе удобнаго пути для м. сношеній. Противъ Гроція выступилъ въ 1635 году англичанинъ Сельденъ въ своемъ сочиненіи „Mare clausum“, гдѣ онъ доказывалъ, что море можетъ быть разграничено географическими и математическими линіями, а потому и подлежатъ освоенію. Но теорія Сельдена, опиравшаяся на притязанія англійскаго правительства на господство надъ окружающими Англію морями, не встрѣтила поддержки со стороны публицистовъ другихъ госуд-въ, заинтересованныхъ въ свободѣ морскихъ сношеній, и съ конца XVIII вѣка благодаря отчасти блестящей защитѣ принципа свободы морей, представленной голландцемъ Бинкерсгукомъ въ сочиненіи его: De dominio maris (1702 года) принципъ этотъ получаетъ всеобщее признаніе. Въ настоящее время, по справедливому замѣчанію Блюнчли: „современное м. право не допускаетъ закрытія для всемірнаго оборота такихъ морей, которыя естественно соединены съ океаномъ, хотя бы всѣ берега этихъ морей составляли собственность одного государства“. Открытое море общедоступно и не подчинено ничьей отдѣльной государственной власти, хотя бы она фактически и имѣла возможность предписывать здѣсь законъ другимъ государствамъ („океанъ-море Божья дорога“ по опредѣленію нашихъ дипломатовъ Московскаго періода).

Открытымъ моремъ общедоступнымъ для народныхъ сношеній признается *океанъ и всякое море, непосредственно съ нимъ соединенное*. На этомъ основаніи признаются открытыми моря: Балтійское, Мраморное, Черное. По мнѣнію проф. Мартенса и Листа, Азовское море „скорѣе“ закрытое, въ виду отдаленной связи его съ океаномъ, его размѣровъ и принадлежности его береговъ и входа въ него—Россіи. Карское море открытое, такъ какъ непосредственно связано съ Сѣвернымъ океаномъ. Рѣшеніемъ м. третейскаго суда 1893 г. Берингово море, вопреки притязаніямъ С. Штатовъ, признано открытымъ моремъ.

Главнымъ юридическимъ основаніемъ признанія свободы открытаго моря служитъ сознанная цивилизованными госуд-вами необходимость ея для развитія м. оборотовъ: принципъ свободы открытаго моря вытекаетъ изъ общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ. Въ силу современнаго м. права, открытое море не можетъ состоять ни въ собственности, ни во владѣніи, ни подъ длящимся государственнымъ господствомъ какой-либо державы; поэтому всякое госуд-во въ правѣ свободно пользоваться имъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время для своего военнаго и частнаго, торговаго судоходства; въ свободномъ пользованіи всѣхъ народовъ признается и эксплуатація въ открытомъ морѣ его богатствъ (рыболовство, жемчугъ), подъ условіемъ лишь соблюденія необходимыхъ въ общемъ интересѣ м. правилъ морской полиціи. Единственное ограниченіе принципа свободы открытаго моря, это—возможность *нейтрализаціи* извѣстныхъ частей его въ силу м. соглашенія; нейтрализованныя части его становятся недоступными, т. е. закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ народовъ. (Примѣръ: Черное море въ 1856 г., Іоническое въ 1863 г., Черногорскія воды въ 1878 г.). Въ 1780 и 1800 гг. въ силу союза „вооруженнаго нейтралитета“ Россія, Швеція и Данія взаимно обязались ограждать Балтійское море отъ всякихъ военныхъ дѣйствій воюющихъ госуд-въ и охранять въ немъ мирную торговлю всѣхъ народовъ; къ договору присоединилась и Пруссія. Въ 1905 г. Германія выступила съ предложеніемъ закрыть Балтійское море для военныхъ судовъ неприбрежныхъ госуд-въ, но это предложеніе не встрѣтило сочувствія.

Изъ принципа свободы открытаго моря вытекаютъ слѣдующія юридическія послѣдствія:

1) Какъ въ мирное, такъ и въ военное время открытыя моря *свободны для м. сообщеній и эксплоатаціи* всѣхъ народовъ на основаніи полнаго равенства между ними; Поэтому всякое госуд-во имѣетъ право: a) свободы судоходства военнаго и частнаго въ открытомъ морѣ въ мирное и военное время; b) свободы установленія всякаго рода иныхъ способовъ сношеній съ другими госуд-вами чрезъ международную морскую территорію, напр., закладкою морскихъ подводныхъ кабелей; c) свободной эксплоатаціи морскихъ богатствъ—рыболовства, ловли котиковъ, добычи коралловъ, жемчуга въ открытомъ морѣ. Въ отношеніи права судоходства въ открытомъ морѣ всѣ флаги равны (это равноправіе державъ выражается въ м. правилахъ морского церемоніала при встрѣчѣ судовъ въ открытомъ морѣ). Море есть res communis omnium.

2) Суда, плавающія въ открытомъ морѣ, подлежатъ юрисдикціи государственной и судебной власти и законамъ той страны, къ которой принадлежатъ,—они считаются какъ бы отторгнутыми *частями своего отечества*. Но прибрежное государство имѣетъ право преслѣдованія въ открытомъ морѣ чужого судна, которое во время пребыванія въ водахъ, состоящихъ подъ его территоріальнымъ верховенствомъ совершило правонарушеніе, подлежащее его юрисдикціи; въ противномъ случаѣ открытое море служило бы убѣжищемъ для правонарушителей. Это право преслѣдованія прекращается, впрочемъ, коль скоро преслѣдуемое судно вступило въ береговыя воды, т. е. въ сферу террит. власти какого-либо другого госуд-ва.

3) Поэтому въ открытомъ морѣ *нѣтъ мѣста государственному управленію*, государственой *судебной власти*, государственной *полиціи отдѣлькаго* госуд-ва относительно пользованія моремъ подданныхъ другого госуд-ва. Поэтому ни одна держава не имѣетъ права остановки, *обыска* (т. е. освидѣтельствованія груза) или *осмотра* (т. е. освидѣтельствованія корабельныхъ бумагъ) въ открытомъ морѣ иностранныхъ судовъ и права взимать *сборы или пошлины* за судоходство въ открытомъ морѣ. Госуд-во не въ правѣ требовать платежей (если это не было условлено договоромъ) даже за сооруженія, сдѣланныя имъ для пользы судоходства.

4) Отсюда дальнѣйшіе два принципа: a) всякое госуд-во *отвѣтственно за дѣйствія своихъ подданныхъ* въ открытомъ морѣ, и b) госуд-ва *обязаны заботиться*, чтобы морскія сношенія, рыболовство и другіе промыслы ,производимые ихъ подданными въ открытомъ морѣ, совершались правильно и безобидно для другихъ народовъ.

Свобода моря не означаетъ однако, что открытое море находится внѣ права и юридической охраны, но по самому своему свойству эта охрана не мож. б. присвоена отдѣльному госуд-ву: такъ какъ свобода и безопасность морскихъ сношеній представляетъ интересъ всѣхъ государствъ, то морское судоходство *подчиняется общему надзору м. союза*, выражающемуся въ м. соглашеніяхъ касательно порядка пользованія моремъ и охраны свободы и безопасности судоходства въ немъ. Такъ, по взаимному соглашенію государствъ установлены правила о мѣрахъ противъ морского разбоя и морской перевозки невольниковъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ работорговля, о предупрежденіи столкновеній между рыболовами въ открытомъ морѣ, о взаимной помощи при кораблекрушеніяхъ и въ случаѣ опасности, о предупрежденіи столкновеній судовъ въ морѣ, объ устройствѣ и содержаніи морскихъ знаковъ—напр., маяковъ и т. п. Эти правила устанавлиаются частью обычаемъ, частью согласованными между собой національными законодательствами госуд-въ, (напр., м. кодексъ сигналовъ, правила для предупрежденія столкновеній на морѣ) частью, наконецъ, м. договорами, (напр., конвенція 1882 г. въ Гаагѣ между Англіею, Германіею, Франціею, Даніею, Голландіею и Бельгіею о рыболовствѣ въ Сѣверномъ морѣ и добавочная 1887 г. о запрещеніи плавучихъ кабаковъ въ этомъ морѣ; договоръ 1884 г. объ охранѣ подводныхъ кабелей; соглашенія между С. Штатами и Англіею (1893 года), Россіею (1894) и Италіею (1894) и договоръ С. Штатовъ съ Россіею и Японіею (1897 г.) о регулированіи лова котиковъ въ Беринговомъ морѣ). Ради интересовъ морской полиціи, въ силу спеціальныхъ м. соглашеній допускаются и отступленія отъ принципа неприкосновенности судовъ въ открыт. морѣ, т.-е. запрещенія осмотра и обыска кораблей чужого гос-ва, напр., относительно судовъ, подозрѣваем. въ производствѣ запрещеннаго промысла (рыболовнаго, котиковаго, торговли спиртными напитками) или въ морскомъ разбоѣ или въ торговлѣ невольниками. А именно, на основаніи указанныхъ м. соглашеній, ради морской полиціи, *военныя* (или особыя *государственныя* суда, напр., рыболовные крейсеры) имѣютъ въ открытомъ морѣ по отношенію къ подозрительнымъ судамъ право остановки ихъ для *осмотра*, т. е. для разсмотрѣнія ихъ корабельныхъ бумагъ и провѣрки правильности пользованія флагомъ, или же—если этимъ осмотромъ подозрѣнія подтвердятся—для *обыска* трюма и, наконецъ, право налагать *арестъ* на судно, оказавшееся виновнымъ въ правонарушеніи. Также и во время войны: вслѣдствіе свободы для м. военнаго судоходства и вслѣдствіе принципа сво-

боды открытаго моря, оно можетъ служить театромъ военныхъ дѣйствій между воюющими госуд-вами, а отсюда вытекаютъ и извѣстныя послѣдствія относительно правъ воюющихъ по отношенію къ морскому судоходству непріятеля и нейтральныхъ(право задержки, а при извѣстныхъ условіяхъ и осмотра, обыска, ареста, захвата) не только судовъ противника, но и нейтральныхъ держанъ.

Еще съ начала XIX столѣтія Европейскія державы выступили въ защиту *правъ негровъ*.

До этого времени негроторговля практиковалась свободно и даже при участіи въ ней самихъ правительствъ, заинтересованныхъ въ доставкѣ дешевыхъ рабочихъ рукъ для ихъ американскихъ колоній. Такъ, въ XVI—XVIII вв. негроторговля была правительственною монополіею въ Испаніи, Португаліи, Франціи. И въ Англіи еще при Стюартахъ правительство жаловало концессіонныя хартіи частнымъ компаніямъ на привиллегію монопольной торговли неграми съ ея колоніями. Въ Утрехтскомъ мирн. трактатѣ 1713 г. Англіи съ Испаніею, англійскій король и англійск. компанія получали на 30 лѣтъ исключительное право (assiento de negros) ввоза негровъ въ испанскія колоніи. Съ установленіемъ своего владычества въ Индіи и признаніемъ независимости С. Штатовъ Америки, Англія утратила интересъ въ негроторговлѣ для своихъ американскихъ колоній; съ другой же стороны, ей было выгодно добиться м. запрещенія негроторговли, такъ какъ на трудѣ негровъ базировалась прибыльность американскихъ колоній Франціи, Испаніи, Португаліи, Голландіи—словомъ, всѣхъ государствъ, соперничавшихъ съ Англіею на м. торговомъ рынкѣ. Съ другой стороны, м. воспрещеніе негроторговли и приравненіе ея къ морскому разбою, какъ того желала Англія, должно было сопровождаться учрежденіемъ м. контроля за мореходствомъ въ лицѣ всѣхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи, а это давало возможность ея громадному флоту въ мирное время тормозить и затруднять торговое судоходство другихъ государствъ осуществленіемъ права остановки и осмотра (и хотя бы неправильныхъ, задержаній) ихъ судовъ подъ предлогомъ контроля за негроторговлею. Всѣмъ этимъ объясняется, что съ начала XIX в. Англія становится ярою противницею негроторговли. Но воспрещеніе послѣдней установлено было впервые датскимъ закономъ 1792 г. для датскихъ колоній; съ 1794 г. воспрещена была негроторговля гражданамъ С. Штатовъ, а съ 1819 г. конгрессъ воспретилъ подъ страхомъ смертной казни ввозъ негровъ. Затѣмъ, помимо декларацій Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ (1815 и 1822 гг.), платонически осуждавшихъ, по иниціативѣ Англіи, негроторговлю, какъ „зло, долго опустошавшее Африку, унижавшее Европу и печалившее человѣчество“, съ этого времени нѣкоторыя госуд-ва (Франція 1817 и 1818 гг.) издаютъ законы, воспрещающіе негроторговлю ихъ гражданамъ и параллельно съ этимъ вступаютъ въ м. договоры для совмѣстнаго противодѣйствія негроторговлѣ (напр., Франція и Англія 1831 и 1833 гг.). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, однако, главное вниманіе обращалось на строгую локализацію примѣненія обоюднаго контроля и на предупрежденіе стѣсненій мореходства правомъ осмотра. Къ 1841 г. почти всѣ

госуд-ва Европы (16) и Америки (10) договорнымъ путемъ признали принципъ запрещенія негроторговли.

Въ 1841 г. въ Лондонѣ подписанъ былъ во исполненіе декларацій 1815 и 1822 гг. договоръ между Англіею, Россіею, Австріею, Пруссіею и Франціею (которая, впрочемъ, отказала въ его ратификаціи послѣдствіе установленнаго договоромъ взаимнаго права осмотра судовъ), устанавливавшій мѣры, которыя должны быть приняты, по мнѣнію контрагентовъ „для дальнѣйшаго искорененія“ и „совершеннаго уничтоженія“ негроторговли. Въ 1848 г. къ нему приступила Бельгія.

Онѣ сводятся къ слѣдующему: 1) Россія, Австрія и Пруссія (не имѣвшія колоній) отдѣльно обязуются воспретить всякій торгъ неграми, производимый ихъ подданными или подъ ихъ флагомъ и объявляютъ таковой торгъ морскимъ разбойничествомъ, а всякое судно, которое покусилось бы производить торгъ неграми, симъ самымъ покушеніемъ лишается всякаго права на покровительство ихъ флага; но задержанное судно отводится для суда въ его отечественный портъ; 2) военнымъ особо для того назначеннымъ и уполномоченнымъ договаривающимися державами крейсерамъ дозволяется въ „подозрительномъ поясѣ“, обнимающемъ Атлантическій океанъ между Африкой и Америкой, и зап. часть Индійскаго океана останавливать и подвергать осмотру подозрѣваемыя въ негроторговлѣ суда; 3) судно, задержанное съ неграми, должно быть отведено въ портъ того госуд-ва, подъ флагомъ котораго оно плавало и здѣсь негроторговецъ подвергается опредѣленному судомъ наказанію, а судно конфискуется и изъ стоимости его выплачивается опредѣленное вознагражденіе захватившему его крейсеру. Притязаніе Англіи, которая не удовлетворялась правомъ осмотра, а требовала себѣ права обыска, вызвало протестъ Франціи и С. Штатовъ и послѣдующіе договоры о противодѣйствіи негроторговлѣ устанавливаютъ (до 1862 г.) лишь право осмотра бумагъ, признавая только неправильность ихъ основаніемъ для обыска и захвата судна.

Несмотря, однако, на эти мѣры, негроторговля и торгъ невольниками вообще продолжаетъ существовать въ Африкѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. Поэтому на *Берлинской конференціи* 1885 г. о Конго уполномоченные 16 госуд-въ снова обсуждали вопросъ о болѣе дѣйствительныхъ способахъ борьбы съ рабо- и негроторговлею; тогда было указано на необходимость сосредоточить усилія на уничтоженіе самаго *источника зла—рабовладѣнія*. Поэтому съ 1885 г. усилія англійскаго, германскаго и другихъ правительствъ въ Африкѣ направлены были къ тому, чтобы трактатами и военными мѣрами не только пресѣчь эту торговлю, но побудить туземныхъ владѣтелей къ отказу отъ рабовладѣнія. Вскорѣ однако выяснилась потребность въ новомъ м. собраніи съ цѣлью обсужденія дальнѣйшихъ общихъ мѣръ къ борьбѣ съ рабовладѣніемъ. Въ 1889 г. состоялась *Брюссельская* (т. наз. противувневольническая) *конференція*.

Актъ, принятый 18 державами, участвовавшими на этой конференціи (1890 г.), запрещаетъ безусловно ввозъ оружія во всѣ области Африки, гдѣ производится охота на невольниковъ. Кромѣ того, государства должны принять въ своихъ колоніяхъ слѣдующія мѣры: устройство военныхъ станцій, надзоръ за путями сообщенія и за портами и пристанями и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, помогающихъ правильному управленію колоніальными владѣніями Африки. *Для надзора же за берегами Африки* установлено право осмотра и, при извѣстныхъ условіяхъ, обыска и ареста мелкихъ судовъ крейсерами въ „подозрительномъ поясѣ", т. е. въ зап. части Индійскаго океана съ Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ включительно; судебное разсмотрѣніе присвоено судамъ обвиняемаго. Въ нашемъ законодательствѣ негроторговля и работорговля караются каторгою, при чемъ продажа въ рабство ограничена продажею „иноплеменными русскаго и одданнаго" (ст. 1410 Ул. о нак.). Къ продажѣ въ рабство приравнивается продажа женщинъ въ Турцію въ дома терпимости. Торгъ неграми по Ул. о нак. приравнивается наказаніямъ, опредѣленнымъ за разбой на моряхъ. По Угол. Ул. ст. 501 работорговля, продажа женщинъ въ гаремы и негроторговля караются каторгою. Мотивомъ для наказуемости этихъ преступленій послужили постановленія трактатовъ, подписанныхъ Россіею въ 1841 г. (Лондонскаго), въ 1879 г. (по которому участницею въ трактатѣ 1841 г. признана на мѣсто Пруссіи Германская имперія) и Актъ 1890 г.

Мы замѣтили выше, что негро- и работорговля приравнивается въ силу м. соглашеній *морскому разбою* (пиратству).

Понятіе, т. е. опредѣленіе состава преступленія морского разбоя въ доктринѣ очень спорно въ виду неопредѣленности его и въ законодательствахъ. Несомнѣнно, это понятіе примѣнимо только къ *неправомѣрнымъ* насильственнымъ дѣйствіямъ, совершеннымъ въ *открытомъ морѣ;* совершенныя въ территоріальныхъ водахъ они будутъ простымъ разбоемъ, грабежомъ и т. п., если только они не совершены пиратомъ (см. напр., ст. 19 договора Германіи съ Никарагуа 1896 г.). Пиратскимъ (разбойничьимъ) судномъ можетъ быть и *государственное судно,* коль скоро оно фактически не состоитъ подъ командою законно назначеннаго правительствомъ начальства (напр., госуд. судно, на которомъ власть захвачена мятежнымъ экипажемъ; примѣръ—„Потемкинъ" въ 1904 г.), но не будетъ пиратскимъ всякое иное госуд. судно или частное судно, снабженное госуд-веннымъ разрѣшеніемъ, напр., каперъ, хотя бы государство, давшее частному судну разрѣшеніе на каперство нарушило этимъ обязательное для себя м. постановленіе Парижской декларації 1856 г., пот. что за дѣйствія судовъ военнаго флота и судовъ причисленныхъ къ нему и вообще принятыхъ на службу для госуд-венныхъ надобностей отвѣчаетъ въ м.-правовомъ порядкѣ госуд-во, а начальство этихъ судовъ отвѣчаетъ лишь въ дисциплинарномъ порядкѣ передъ своимъ правительствомъ. За то *частное судно,* совершающее предусмотрѣнныя м. практикою насильственныя дѣянія въ откр. морѣ несомнѣнно подходитъ подъ м.-правовое понятіе пирата. Суда, снаряженныя мятежниками, не могутъ претендовать на признаніе ихъ госуд-венными судами, доколѣ мятежники не получили м. признанія въ качествѣ „воюющей стороны"; поэтому всякое насильственное дѣйствіе такого судна относительно иностранныхъ судовъ подойдетъ подъ понятіе морского разбоя, а не дѣянія, оправдываемаго правомъ войны въ отношеніяхъ воюющаго къ нейтральнымъ. Такое судно и вообще окажется безправнымъ въ м. сферѣ, какъ не принадлежащее ни къ какому госуд-ву, не подлежащее въ откр. морѣ юрисдикціи никакого госуд-ва (не представляющее собою „оторванную часть территоріи" опредѣленнаго госуд-ва), а слѣд. безотвѣтственное, и не имѣющее права флага. Впрочемъ, правильность или неправильность пользованія судна тѣмъ или инымъ національнымъ флагомъ вообще не имѣетъ значенія ни для м. правовой квалификаціи м.-правового дѣянія, именуемаго морскимъ разбоемъ, ни, какъ мы увидимъ, для рѣшенія вопроса о подсудности пирата. Что касается, наконецъ, дѣяній, входящихъ въ понятіе морского разбоя, то здѣсь въ доктринѣ не установлено твердаго рѣшенія.

Германскій юристъ Цорнъ, напр., вообще отрицаетъ самостоятельное м.-правовое понятіе морского разбоя. Нѣкоторые подводятъ подъ него только предпріятія, направленныя на совершеніе, въ видѣ промысла, разбойническихъ нападеній въ морѣ и, притомъ, принципіально на суда всѣхъ націй безразлично. По мнѣнію Листа, „м.-правовое понятіе морского разбоя не покрывается уголовноправовымъ понятіемъ разбоя въ открытомъ морѣ; оно шире послѣдняго по существу: въ м.-правовомъ смыслѣ морскимъ разбоемъ является всякое насиліе, совершенное въ открытомъ морѣ, слѣд., и умерщвленіе людей или нанесеніе имъ ранъ, даже не сопровождаемое отнятіемъ чужой собственности; равнымъ образомъ, поврежденіе или уничтоженіе чужой собственности, присвоеніе ея, а также лишеніе свободы и всякія насильственныя дѣйствія". Такое опредѣленіе слишкомъ широко и неопредѣленно. Напр., невозможно признать пиратство въ одномъ только фактѣ возмущенія экипажа (военнаго или частнаго) противъ начальства судна, или насильственныя дѣйствія, совершаемыя судномъ, попавшимъ въ руки инсургентовъ, только противъ правительственныхъ отечественныхъ судовъ. Такіе факты насилія и ихъ репрессія относятся къ внутренн. госуд-венному, а не междун. праву. При опредѣленіи состава преступленія морского разбоя, какъ м.-правового деликта, имѣетъ значеніе и цѣль: неправомѣрное и преступное насиліе и насильственное присвоеніе, вызванное не случайными причинами, а являющееся цѣлью и задачею снаряженія и дѣятельности судна.

Морской разбой можно опредѣлить (съ м.-правовой точки зрѣнія), какъ *снаряженіе судна* съ цѣлью совершенія въ морѣ *насильственныхъ неправомѣрныхъ* дѣйствій противъ другихъ судовъ и находящихся на нихъ лицъ и имущества, и *всякое* проистекающее отсюда и совершенное такимъ судномъ, т. е. командою, *насиліе*, совершенное въ открытомъ морѣ надъ другимъ судномъ или надъ находящимися на немъ людьми, равно какъ всякое поврежденіе, уничтоженіе или присвоеніе находящагося на немъ чужого имущества. Пиратъ не находится подъ охраной никакого госуд-ва,—онъ стоитъ внѣ защиты законовъ; поэтому всякое военное судно любого госуд-ва уполномочивается задерживать виновныя въ разбоѣ въ открытомъ морѣ или подозрѣваемыя въ этомъ суда, обыскивать ихъ и, въ случаѣ справедливости подозрѣнія, приводить въ портъ своего отечества. Такое судно конфискуется, найденные на немъ похищенные предметы должны быть возвращены, за вознагражденіе, собственникамъ, если послѣдніе извѣстны, а экипажъ предается суду по законамъ захватившаго его государства, какова бы ни была національность его экипажа. Въ ст. 1630 Ул. о нак. наказуется каторгою, какъ квалифицированный разбой, разбой въ открытомъ морѣ или въ пристани, на озерѣ, на рѣкахъ, каналахъ (ср. также ст. 1632 сл.). Слѣдоват. признакомъ его признается совершеніе разбойнаго дѣянія на водѣ вообще. Въ ст. 589 п. 3 Угол. Улож. морской разбой опредѣляется правильнѣе, какъ разбой въ открытомъ морѣ. Разсматривается онъ здѣсь, какъ одинъ изъ видовъ разбоя, т. е. насильственнаго похищенія движимаго имущества съ цѣлью присвоенія и наказуется въ качествѣ квалифицированнаго разбоя.

Проливы. Въ видахъ безпрепятственнаго пользованія проливами, государства издавна и много разъ вступали между собою въ соглашенія, въ особенности относительно проливовъ, *соединяющихъ открытыя моря*. Въ современной теоріи и практикѣ установились слѣдующія начала, опредѣляющія власть прибрежнаго госуд-ва надъ проливомъ. Если проливъ находится подъ пушечными выстрѣлами одного и того же государства, то онъ разсматривается, какъ его территоріальное владѣніе. На этомъ основаніи Мессинскій проливъ принадлежитъ Италіи, а проливъ Керченскій—Россіи. Если проливъ раздѣляетъ два госуд-ва, но имѣетъ не болѣе 6-ти англ. миль ширины, то граница между ними опредѣляется линіей, проводимой чрезъ средину пролива. Но надо различать проливы, соединяющіе открытыя моря и открытыя съ закрытымъ. Проливъ, которымъ *соединяются открытыя моря*, долженъ быть свободенъ для коммерческихъ судовъ всѣхъ госуд-въ, независимо отъ того, окружаютъ ли его владѣнія одного госуд-ва или нѣсколькихъ. Только военнымъ судамъ можетъ быть запрещенъ проходъ, если того требуетъ безопасность госуд-ва, владѣющаго проливомъ. Напротивъ проливъ, *ведущій въ закрытое море*, подчиняется неограниченной власти прибрежнаго госуд-ва. (Англія считаетъ проливы св. Георгія и Сѣверный каналъ и Ирландское море своими территоріальными водами). Это различіе является естественнымъ послѣдствіемъ свободы открытыхъ морей.—Въ теченіе долгаго времени Данія заявляла притязанія на *Зундскій проливъ* и взимала высокія пошлины со всѣхъ проходящихъ черезъ него кораблей; такъ какъ эти пошлины стѣсняли свободу судоходства между открытыми морями, то по почину С.-А. С. Штатовъ европейскія державы по Копенгагенскому трактату 1857 г. выкупили Зундскую пошлину за 30 милл. датск. марокъ, а Данія обязалась за это содержать маяки и другія учрежденія, необходимыя для безопасности судоходства черезъ проливъ.

Относительно *Босфора и Дарданеллъ* (окруженныхъ сполна турецкими территоріями) надо замѣтить, что еще съ XVIII вѣка европейскія государства стараются добиться права свободнаго плаванія по этимъ проливамъ. Особенно важно было добиться разрѣшенія судоходства черезъ проливы для Россіи, послѣ того, какъ въ концѣ XVIII в. ей удалось утвердиться на Черномъ морѣ. Россія и не замедлила достигнуть свободы торговаго судоходства черезъ нихъ, какъ для себя (договоры 1774, 1779 и 1783 гг.), такъ и для другихъ державъ (съ 1829 г.). Но въ виду принадлежности обоихъ проливовъ Турціи и въ виду того, что на Босфорѣ стоитъ самая столица турецкой имперіи, Порта рѣшительно отказывала въ разрѣшеніи военнаго иностраннаго судоходства черезъ нихъ. Противъ этого запрещенія западныя державы никогда не возражали и, между прочимъ, это право Порты закрывать проливы для военныхъ кораблей признано было въ договорѣ Турціи съ Англіею 1809 г. Однако въ 30-хъ годахъ вопросъ о проливахъ былъ вновь поднятъ. По поводу возмущенія египетскаго паши Мегмета-Али противъ Турціи, Порта заключила съ Россіею союзъ (Ункіаръ-Скелесскій договоръ 1833 г.), въ силу котораго Россія обязывалась къ военной помощи Турціи, а Турція открывала проливы для русскихъ военныхъ судовъ, оставляя въ силѣ запрещеніе доступа въ нихъ для судовъ другихъ державъ „подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“. Это возбудило опасенія и недовольство западныхъ державъ и въ силу *Лондонской конвенціи* 1841 г. Англія, Фран-

ція, Пруссія, Турція и Россія обязались соблюдать „издавна установленное Портою правило“, что Босфоръ и Дарданеллы должны быть въ мирное время закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ государствъ безъ различія: султанъ удерживалъ за собою право лишь разрѣшать проходъ черезъ проливы легкимъ военнымъ судамъ (станціонерамъ) состоящимъ въ распряженіи посольствъ въ Константинополѣ. Это постановленіе 41 года повторяется затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Россія и европейскихъ государствъ съ Портою, между прочимъ въ специальной конвенціи о проливахъ 1856 г., въ которой притомъ оговорено свободный, съ разрѣшенія султана, проходъ кромѣ посольскихъ станціонеровъ, еще станціонеровъ, отправляемыхъ державами (по два) къ устьямъ Дуная для охраны свободы судоходства въ немъ.—Лондонская конференція 1871 г., отмѣнившая нейтрализацію Чернаго моря подтвердила конвенцію 1841 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ, отступая отъ ея основнаго положенія, признала за султаномъ право открывать и въ мирное время проливы для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ, если Порта сочтетъ это нужнымъ, чтобы обезпечить соблюденіе Парижскаго трактата 1856 года. Берлинскимъ трактатомъ 1878 г. подтверждены (ст. 68) договоры 1856 и 1871 г. Съ 1897 г. державы добились права содержать при своихъ посольствахъ въ Константинополѣ по два станціонера. Замѣтимъ, что право этоприсвоено только державамъ, подписавшимъ конвенціи 1841, 1856 и 1871 г., т е. шести. Так. обр. проливы признаются какъ бы состоящими подъ властью Турціи, но послѣдняя не въ правѣ запрещать проходъ черезъ нихъ коммерческимъ судамъ иностранныхъ державъ. Въ девятидесятыхъ годахъ возникъ вопросъ о свободномъ пропускѣ черезъ Дарданеллы и Босфоръ пароходовъ „Добровольнаго флота“. Дѣло въ томъ, что цѣль этого флота смѣшанная: въ военное время—онъ военный, въ мирное же—торговый. Правительственныя порученія суда добровольнаго флота исполняли при перевозкѣ преступниковъ на Сахалинъ, при чемъ въ такихъ случаяхъ на пароходъ бывалъ небольшой военный отрядъ; это то послѣднее обстоятельство и смущало Турцію и другія державы. Однако съ 1891 г. Турція согласилась признавать такіе пароходы въ мирное время частными и имъ дается безпрепятственный проходъ, какъ пароходамъ торговымъ. Въ 1902 г. Порта разрѣшила проходъ чрезъ проливы русскихъ миноносцевъ безъ вооруженія и безъ военнаго экипажа; этотъ пропускъ былъ опротестованъ Англіею. (См. Уляницкаго, Босфоръ и Дарданеллы; Муравьева, Русскіе на Босфорѣ; Горяинова, Босфоръ и Дарданеллы).

Международные каналы, Панама и Суэцъ. Въ виду огромнаго значенія открытаго въ 1869 г. Суэцкаго канала для м. судоходства, 17 (29) октября 1888 г. *въ Константинополѣ* былъ подписанъ великими державами, Испаніею, Нидерландами и Турціею договоръ, къ которому впослѣдствіи приступили и другія державы (между прочимъ Китай и Японія), и которымъ опредѣляется юридическое положеніе канала, какъ мірового нейтрализованнаго и открытаго для судоходства всѣхъ народовъ пути сообщенія. Въ этомъ договорѣ, съ общаго согласія, приняты слѣдующія начала: морской Суэцкій каналъ, *въ военное и мирное время*, долженъ быть *всегда свободнымъ* и открытымъ для всѣхъ торговыхъ и военныхъ судовъ, безъ различія флаговъ. Договаривающіяся державы обязуются, ни въ военное, ни въ мирное время, не вредить свободному пользованію каналомъ. Каналъ ни при какихъ обстоятельствахъ не будетъ подвергаться блокадѣ. Державы обязуются охранять и не наносить вреда матеріальной части канала, учрежденіямъ, постройкамъ, работамъ на каналахъ морской и прѣсной воды. Такъ какъ морской каналъ долженъ остагаться открытымъ и въ военное время, какъ свободный проходъ также и для судовъ воюющихъ сторонъ, то въ немъ и входныхъ къ нему портахъ, равно какъ и на пространствѣ трехъ морскихъ миль отъ этихъ гаваней, *не должно дѣйствовать военное право*, не должны производиться никакія непріязненныя дѣйствія, особенно же не должны имѣть мѣста никакія дѣйствія, имѣющія цѣлью нарушеніе свободнаго судоходства. Никакія военныя суда державъ не должны *останавливаться* въ каналѣ; это дозволяется имъ только въ гаваняхъ Портъ-Саидъ и Суэцъ, но не больше, какъ по два отъ каждой державы и не долѣе 24 часовъ. Военныя суда воюющихъ имѣютъ право оставаться въ каналѣ и его входныхъ гаваняхъ не болѣе того времени, какое безусловно необходимо для того, чтобы запастись жизненными припасами или другими нужными предметами. Между отходомъ изъ входной гавани военнаго судна одной воюющей державы и отходомъ военнаго судна враждебной державы долженъ пройти промежутокъ въ 24 часа. Предложеніе Россіи, распространить постановленія договора на все Красное море, дабы обезпечить свободный доступъ къ каналу съ юга, не было принято. Признаніе Англіею (въ договорѣ съ Франціею 1904г.) обязательной для нея силы договора 1888 г. не лишено практическаго значенія, такъ какъ Египетъ находится въ ея управленіи. (См. гр. Камаровскаго, О свободѣ плаванія по Суэцкому каналу, въ Русск. Мысли, 1889 г.).

Что касается *Панамскаго* канала, то С. Штаты и Англія (наиболѣе заинтересованные) заключили въ 1850 г. конвенцію (Бульверъ-Клейтонскую), въ которой обѣ державы заранѣе отказываются отъ всякихъ „особыхъ правъ“ на Панамскій каналъ и отъ попытокъ создать себѣ на немъ „привиллегированное положеніе“, объявляютъ каналъ путемъ морскихъ сообщеній „для блага всего человѣчества“ и на „правахъ полнаго равенства для всѣхъ“, а потому нейтрализованнымъ на случай войны между ними; оба государства обязуются „сообща защищать его безопасность и нейтралитетъ“. Но въ 80-хъ годахъ С. Штаты измѣнили свой взглядъ и потребовали для себя исключительнаго права надзора за каналомъ. Въ силу новаго договора 1900 г. (Гай-Паунсфотскаго) каналъ признавался нейтрализованнымъ, но военный надзоръ и могущая понадобиться военная охрана канала поручилась С. Штатамъ. Однако, этотъ договоръ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны общественнаго мнѣнія въ С. Штатахъ и онъ былъ ратификованъ въ 1901 году лишь съ измѣненіями, еще болѣе усиливавшими права С. Штатовъ: постройка канала можетъ быть произведена С. Штатами и послѣднія „будутъ пользоваться всѣми проистекающими отсюда послѣдствіями, равно какъ исключительнымъ правомъ установить регламенты судоходства по каналу и управленія имъ“. Каналъ признается, впрочемъ, нейтрализованнымъ примѣнительно къ постановленіямъ 1888 г. о Суэцкомъ каналѣ. Въ силу договора 1903 г. С. Штатовъ съ Панамскою республикой, черезъ территорію которой каналъ проходитъ, республика уступаетъ С. Штатамъ на вѣчныя времена пользованіе и суверенитетъ надъ необходимою для канала зоною, а также право пользоваться своими полицейскими и военными силами, равно какъ возводить укрѣпленія для охраны канала и судоходства въ немъ. Договоромъ этимъ подтверждаются также постановленія договора съ Англіею 1901 г. о нейтрализаціи и свободѣ судоходства черезъ каналъ.

Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ Коринѳскій каналъ и каналъ императора Вильгельма (между Килемъ и устьями Эльбы) состоятъ въ полномъ владѣніи Греціи и Германіи.

М е ж д у н. р ѣ ч н о е п р а в о. (См. Казанскаго, Договорныя рѣки). Въ древнія времена и въ средніе вѣка рѣки разсматривались какъ исключительная собственность тѣхъ госуд-въ, по территоріи которыхъ они протекали, а такъ какъ рѣки служили путями торговыхъ сношеній, то госуд-ва пользовались ими съ фискальными цѣлями; рѣчное судоходство отягощалось разнообразными пошлинами, которыя особенно многочисленны были во время феодализма, когда каждый прибрежный феодальный владѣлецъ старался использовать для себя всѣ возможныя выгоды въ этомъ отношеніи, вынуждая судоходцевъ къ принудительнымъ остановкамъ, къ платежу пошлинъ за пропускъ и т. д. По мѣрѣ усиленія въ народахъ и правительствахъ сознанія необходимости свободнаго м. общенія, усиливается вмѣстѣ съ тѣмъ и представленіе о рѣкѣ, какъ о необходимомъ пути свободнаго м. общенія,—сначала для прибрежныхъ къ ней государствъ, затѣмъ—и для всѣхъ народовъ.

Изрѣдка попадаются въ XVII—XVIII в. м. договоры о свободѣ рѣчнаго судоходства, но это отдѣльныя госуд-ва, *прибрежныя* къ извѣстной рѣкѣ, вступали лишь въ соглашенія *между собою* относительно свободы судоходства (т. е. отказа отъ взиманія сборовъ за пропускъ) для *своихъ подданныхъ* по пограничной рѣкѣ. Таковъ былъ, между прочимъ, договоръ (актъ о разграниченіи) Россіи со Швеціею 1810 г. въ Торнео, въ силу котораго судоходство по пограничнымъ между этими госуд-вами рѣкамъ и озерамъ признавалось свободнымъ отъ всякихъ платежей за самое *право* судоходства. Защитницею свободы рѣчнаго судоходства *для госуд-въ, черезъ владѣнія которыхъ* протекаетъ судоходная рѣка, явилась Франція, провозгласившая этотъ принципъ въ примѣненіи къ судоходству по Шельдѣ (декретъ Конвента 1792 г.) и проводившая его въ своихъ договорахъ. Затѣмъ, *общій принципъ свободы м. рѣчнаго судох-ства* установленъ былъ впервые въ *Парижскомъ трактатѣ* 30. V. 1814 г. между Франціей и союзными противъ нея державами и на общеевропейскомъ *Вѣнскомъ конгрессѣ* 1815 г.—Именно, было опредѣлено, что впадающія въ море судоходныя рѣки, *протекающія черезъ территорію* нѣсколькихъ госуд-въ *или раздѣляющія ихъ* (служащія имъ границею) должны считаться *международными* рѣками и торговое судоходство на нихъ отъ того пункта, гдѣ такая рѣка становится судоходною и до ея устья должно быть для торговли свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій. Самый *фактъ* судоходства по м. рѣкамъ не долженъ служить основаніемъ для взиманія пошлинъ. Относительно порядка судоходства по такимъ рѣкамъ должны быть выработаны прибрежными госуд-вами обязательныя, *на всемъ пространствѣ рѣки однообразныя* и сколь возможно благопріятныя для торговли всѣхъ народовъ *правила* и установленъ однообразный неизмѣнный и независимый отъ свойства товаровъ *тарифъ*. Затѣмъ предлагались правила о содержаніи бичевниковъ и о поддержаніи (помощью рѣчной техники) судоходности рѣки. Требовалось далѣе, чтобы устранены были всѣ *пошлины*, взимавшіяся отдѣльными прибрежными государствами *въ свою пользу* за перегрузку и принудительныя

остановки въ пути. Всѣ эти пошлины, надо замѣтить, съ большихъ размѣрахъ практиковались до Вѣнскаго конгресса на Рейнѣ, гдѣ существовалъ даже родъ застав, у которыхъ происходило „принудительное причаливаніе“ судовъ съ цѣлью взиманія пошлинъ въ пользу прибрежнаго госуд-ва. Вѣнскій конгрессъ постановилъ, что эти обязательныя остановки должны быть устранены, а прибрежныя государства имѣютъ право взимать извѣстные поборы *только на покрытіе расходовъ* по содержанію и улучшенію судоходности рѣки. Эти постановленія Вѣнскаго конгресса представляютъ собою точку отправленія всего позднѣйшаго м. рѣчного права.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что приведенныя нами основныя положенія утвержденнаго конгрессомъ общаго (нормальнаго, такъ сказать, образцоваго) регламента для рѣчного судоходства (24. III. 1815) и ст. 108—116 заключительнаго акта конгресса (9. VI. 1815) фактически устанавливаютъ лишь обязательный принципъ свободы судоходства по м. рѣкамъ для прибрежныхъ къ нимъ госуд-въ, которыя вырабатываютъ и соотвѣтственные этимъ правиламъ судоходные общіе регламенты для судоходства своихъ подданныхъ по всему протяженію рѣки; для нихъ и ихъ подданныхъ это судоходство должно быть свободно въ томъ смыслѣ, что не можетъ облагаться сборомъ въ пользу какого-либо одного изъ прибрежныхъ госуд-въ самый проходъ судна чрезъ его рѣчную территорію. По существу, слѣд., мы видимъ здѣсь лишь узаконеніе и расширеніе того положенія, какое ранѣе 1815 года создавалось на такихъ рѣкахъ путемъ добровольнаго соглашенія между прибрежными госуд-вами (напр., указанн. трактатъ Россіи съ Швеціею 1810 г.). Обязательность же распространенія этой свободы судоходства по м. рѣкамъ для всѣхъ вообще народовъ этими постановленіями не установлена. Въ этомъ смыслѣ эти постановленія разъяснены въ протоколѣ конгресса 8. II. 1815 года, въ депешѣ прусск. правительства 26. VIII. 1857 г. и прусскимъ представителемъ Гюбнеромъ на Парижской конференціи 1858 г. И дѣйствительно, даже относительно судоходства по Рейну лишь Мангеймская конвенція прибрежныхъ госуд-въ 1868 г. признала (провозгласила) принципъ свободы судоходства по Рейну для всѣхъ народовъ, но фактически (въ виду постановленій ст. 15 и 22) пользоваться свободой судоходства на немъ могутъ только прибрежные народы (см. Блюнчли, Современн. м. право, ст. 314). Точно такъ-же одновременно подписанные Вѣнскіе трактаты Россіи съ Пруссіею и Австріею 1815 г. (относительно Польши) и Дополнительные Акты относит. торговли въ польскихъ провинціяхъ Россіи съ Пруссіею и Австріею 1818 г. устанавливаютъ свободу судоходства по русско-австрійскимъ и русско-прусскимъ рѣкамъ, впадающимъ въ море только для подданныхъ контрагентовъ. И, наоборотъ, „Условія“ (постановленія) касательно судоходства по р. Пруту, подписанныя въ Бухарестѣ въ 1866 г. между Россіею, Австріею и Румыніею, постановляютъ, что судоходство по всему протяженію, на какомъ Прутъ протекаетъ чрезъ владѣнія этихъ державъ, или ихъ раздѣляетъ, будетъ совершенно свободно и не можетъ въ отношеніи торговли быть воспрещено никакому флагу. Во всякомъ случаѣ, свобода судоходства на м. рѣкахъ устанавливается фактически лишь въ силу формальныхъ по этому поводу договорныхъ соглашеній между прибрежными государствами.

Установивъ основныя положенія свободы м. рѣкъ и порядка судоходства по нимъ, Вѣнскій конгрессъ разрѣшилъ это дѣло только съ принципіальной стороны. Союзъ великихъ державъ установилъ только общіе принципы, которые онъ считалъ необходимыми для свободы м. рѣчнаго судоходства и обязательными для государствъ, по территоріи которыхъ рѣка протекаетъ. Ближайшая же детальная регламентація этого дѣла была предоставлена самимъ этимъ государствамъ. Устранить прибрежныя государства отъ вліянія на протекающую по нимъ часть рѣки невозможно, и м. союзъ призналъ потому за ними право судебной и полицейской юрисдикціи на часть м. рѣки, протекающую по ихъ территоріи, ограничивъ лишь ихъ права на эксплуатацію рѣки. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь ограниченіе верховнаго права госуд-ва въ интересахъ м. общенія. Въ этомъ необходимомъ согласованіи правъ прибрежнаго госуд-ва съ интересами м. общенія и заключается вся суть м. рѣчнаго права.

Правила, выработанныя особою комиссіею Вѣнскаго конгресса относительно свободы м. судоходства по Рейну должны были на основаніи постановленія Парижскаго мира 1814 г. примѣняться не только къ м. его части, т.-е. отъ Страсбурга до голландской границы, но „до впаденія рѣки въ море“— jusqu'à la mer. Основываясь на буквальномъ смыслѣ этого постановленія, голландское правительство объявило, что такъ какъ Рейнъ не впадаетъ въ море, а наиболѣе судоходный рукавъ его находится въ предѣлахъ одной Голландіи, то оно сохраняетъ право установлять какіе угодно порядки и денежные сборы для судовъ, проходящихъ въ море (dans la mer) по Ваалу. Другія державы протестовали противъ такого толкованія, но споръ окончился лишь въ 1831 г., когда вслѣдствіе Майнцской конвенціи съ прирейнскими государствами Голландія согласилась признать обязательность свободнаго м. судоходства по Рейну и для судоходства по Ваалу, а рукава Рейна—Лекъ и Ваалъ—признаны его продолженіями.

Какъ организуется администрація, вѣдающая наблюденіе за м. судоходствомъ?

Для приведенія въ дѣйствіе тѣхъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы при судоходствѣ по Рейну, была составлена такъ наз. *Центральная комиссія* изъ представителей *прибрежныхъ* къ Рейну госуд-въ. Она обсуждаетъ и наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для судоходства по Рейну, вѣдаетъ верховный контроль надъ низшими органами и служитъ апелляціонной инстанціей на рѣшенія „судовъ Рейнскаго судоходства“. Центральная комиссія создана была согласно правиламъ 1815 г., какъ *коллегіальное* учрежденіе, дѣйствующее само-

стоятельно, но являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ *коллективнымъ органомъ* тѣхъ госуд-въ, которыя имѣютъ въ ней своихъ представителей. Она является связующимъ звеномъ между этими госуд-вами по вопросамъ судоходства. Предсѣдатель избирается самою Комиссіею изъ ея среды безъ особыхъ правъ. Кромѣ этой комиссіи были учреждены, далѣе, *инспектора*, для *полицейскаго* надзора за рѣчнымъ судоходствомъ. Въ отличіе отъ Комиссіи, контролю которой они подлежали, инспектора назначаются отъ отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ и съ 1868 г. ихъ *компетенція* простирается лишь на часть рѣки, протекающую черезъ территорію *назначившаго ихъ государства*. Такимъ образомъ, предполагалось въ лицѣ этихъ инспекторовъ сочетать интересы, которые каждое отдѣльное прибрежное госуд-во имѣетъ въ отношеніи судоходства по Рейну, съ интересами, которые общи имъ всѣмъ. Сюда, конечно, принадлежало право полицейскаго надзора за рѣкою. Этотъ надзоръ былъ установленъ по началу, общему для всего теченія рѣки. Цѣль его съ одной стороны—охраненіе безопасности, съ другой—охраненіе судоходности и свободы движенія по рѣкѣ (незасореніе, правильность движенія судовъ, сигналы и т. п.). На первыхъ мѣрахъ преимущественно отражается вліяніе прибрежныхъ госуд-въ. Вторыя же мѣры входятъ въ область коллективныхъ интересовъ.

На первыхъ порахъ постановленія Вѣнскаго конгресса были примѣнены къ *Рейну* и его притокамъ (Неккару, Майну, Мозелю, Маасу и Шельдѣ), къ *Нѣману, Вислѣ, Вартѣ, Днѣстру* [1]), а вслѣдъ за тѣмъ постепенно на Эльбу, Везеръ, Одеръ, По (осталась международною и послѣ объединенія Италіи), Дуэро, Тахо и Дунай. Дополнительныя къ Вѣнскому акту постановленія объ Рейнѣ были установлены прибрежными государствами въ конвенціяхъ 1831 и 1868 годовъ, причемъ въ 1831 г. въ силу *Майнцкой* конвенціи и утвержденнаго ею регламента правила о судоходствѣ распространены были на устья Рейна и на рукава его, а въ силу *Мангеймской* конвенціи 1868 года и утвержденнаго ею Акта отмѣнено было взиманіе пошлинъ прибрежными государствами на содержаніе учрежденій, полезныхъ для судоходства; съ 1868 года пошлины эти взимаются въ *общую кассу*, которая служитъ для расходовъ по рѣчному судоходству.

[1]) Договоры Россіи съ Австріею и Пруссіею 1815 г. о судоходствѣ по Вислѣ, Нѣману, Днѣстру и другимъ рѣкамъ бывшаго царства Польскаго приложены были къ заключительному акту конгресса подъ № 1 и 2, и санкціонированы въ ст. 14 акта конгресса, а постановленія относительно Рейна и его притоковъ составляютъ приложеніе № 16 къ акту.

Въ силу *правилъ о свободѣ всеобщаго плаванія* по м. рѣкамъ, прибрежныя государства обязаны содержать дороги для бичевниковъ, очищать рѣку для предупрежденія препятствій судоходству, не взимать пошлинъ за складку товаровъ, за пристань или вынужденное причаливаніе, а только имѣютъ право взимать извѣстную пошлину съ судна *на покрытіе расходовъ по облегченію и улучшенію судоходства*. Точно также и въ (весьма немногочисленныхъ, впрочемъ) м. соглашеніяхъ относительно рыболовства на м. рѣкахъ постановляется, чтобы рыболовные снаряды и тѣ учрежденія и зданія, которыя устраиваются съ этой цѣлью по берегамъ м. рѣкъ, не мѣшали бы свободѣ плаванія.

Постановленія Вѣнскаго конгресса были *распространены Парижскимъ конгрессомъ 1856 г. и на судоходство по Дунаю*. (См. Форштетеръ, Дунай, какъ междун. рѣка). До того времени относительно судоходства по Дунаю было только соглашеніе между Россіей и Австріей—договоръ 1840 г. о свободѣ судоходства по этой рѣкѣ на основаніи принциповъ, выраженныхъ въ Вѣнскомъ трактатѣ. Затѣмъ, Парижскій конгрессъ внесъ въ вопросъ о судоходствѣ по *Нижнему Дунаю* новый принципъ. Онъ поставилъ Дунай подъ *коллективный контроль* европейскихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, причемъ державы приняли на себя и гарантію свободы судоходства на немъ. Учреждена была такъ наз. *европейская Дунайская комиссія* изъ делегатовъ всѣхъ державъ, *подписавшихъ трактатъ* (въ томъ числѣ и Россіи). Эта Дунайская комиссія была учреждена на *двухлѣтній* срокъ спеціально для надзора и руководства *техническими работами* относительно углубленія фарватера Дуная въ устьяхъ его (отъ Исакчи до Чернаго моря) и въ особенности по углубленію и расчисткѣ Сулинскаго гирла, которое въ то время изъ всѣхъ дунайскихъ рукавовъ признавалось наиболѣе удобнымъ для судоходства. Расходы на эти работы должны были быть покрываемы изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ судовъ, входящихъ изъ моря въ Дунай; размѣръ ихъ устанавливался комиссіей. Эта комиссія учреждена была *на 2 года*, т. е. на срокъ, предположенный конгрессомъ для окончанія работъ по расчисткѣ устьевъ Дуная. По истеченіи этого срока, временная европейская комиссія должна была быть закрыта и на ея мѣсто вступить, въ качествѣ *постоянной*,—комиссія *прибрежныхъ* государствъ.

Эта „постоянная“ комиссія составлена была изъ делегатовъ *прибрежныхъ государствъ*—Австріи, Баваріи, Турціи и Вюртемберга и изъ комиссаровъ отъ трехъ придунайскихъ княжествъ. Эта комиссія должна была выработать и составить *правила рѣчного судоходства и полиціи*

для всего Дуная. Европейская комиссія спеціально завѣдывала *устьями* Дуная и судоходствомъ въ этихъ устьяхъ. „Постоянная“ же комиссія должна была выработать правила для судоходства по *всему* Дунаю и устранять препятствія, которыя встрѣчало бы примѣненіе постановленій Вѣнскаго акта для судоходства по всему Дунаю, исполнить нужныя по теченію всего Дуная работы и, по упраздненію Европейской комиссіи, наблюдать за содержаніемъ въ исправности Дунайскихъ гирлъ и за соблюденіемъ установленныхъ для судоходства по нимъ правилъ (т. е. работъ и сооруженій, произведенныхъ Европейскою комиссіей). Но въ дѣйствительности дѣйствія этой комиссіи ограничились изданіемъ (въ 1857 году) акта о дунайскомъ судоходствѣ, который однако вслѣдствіе разногласія между державами не былъ ими ратификованъ, послѣ чего комиссія эта de facto упразднилась. (Актъ или регламентъ 1857 г. принятъ только Австріею, Вюртембергомъ и Баваріею и примѣняется къ судоходству на верхнемъ Дунаѣ).

Что же касается Европейской комиссіи, то закрытіе ея въ силу м. конвенцій все отсрочивалось. Выработанный ею для судоходства и полиціи на Нижнемъ Дунаѣ временный *уставъ* (1860 г.) утвержденъ былъ подписаннымъ державами въ Галацѣ въ 1865 г. м. актомъ, подробно опредѣлившимъ условія этого судоходства и организацію м. полиціи *на Нижнемъ Дунаѣ*, поставившимъ персоналъ комиссіи и ея работы и учрежденія на Дунаѣ—плотины, бакены, маяки, спасательныя учрежденія и пр.—*подъ охрану м. права* и признавшимъ ихъ *нейтрализованными*, т. е. неприкосновенными въ военное время [1]). Затѣмъ, по мѣрѣ возобновленія полномочій Европейской комиссіи, предѣлы юрисдикціи ея все болѣе расширялись: первоначально юрисдикція ея простиралась отъ Чернаго моря до Исакчи; Берлинскій трактатъ (1878 г.) распространялъ ее до Галаца, а Лондонская конвенція 1883 г.—*до Браилова* (слѣд.—на среднее теченіе Дуная). На Лондонской конференціи 1883 г., продолжившей полномочія этой комиссіи на 21 годъ (до 1904 г.), постановлено вмѣстѣ съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, она еще будетъ продолжать свое существованіе трехлѣтними сроками до тѣхъ поръ, пока какая либо держава не заявитъ, что она имѣетъ возраженія противъ дальнѣйшаго существованія комиссіи и требуетъ какихъ нибудь измѣненій относительно ея юрисдикціи, и тогда должна быть созвана м. конференція для обсужденія этого новаго вопроса. Берлинскимъ трактатомъ Европейская Дунайская комиссія была *объявлена совершенно независимой отъ территоріальной власти прибрежныхъ государствъ;* всѣ крѣпости и укрѣпленія, находящіяся на рѣкѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до ея устьевъ должны быть срыты и новыя не должны быть возводимы; военнымъ судамъ воспрещается плаваніе по Дунаю. Въ настоящее время Европейская комиссія состоитъ изъ делегатовъ шести великихъ державъ, Турціи и Румыніи (безъ участія Сербіи и Болгаріи).

[1]) Актъ о судоходствѣ 1865 г. нѣсколько видоизмѣненъ дополнительнымъ актомъ 1881 г., выработаннымъ Дунайскою комиссіею; вмѣстѣ съ тѣмъ выработанъ ею и новый уставъ судоходства на Нижнемъ Дунаѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно—на практикѣ даже болѣе, чѣмъ это необходимо въ интересахъ свободы м. судоходства,—ограничивались и права верховенства прибрежныхъ государствъ. Такъ, по акту судоходства 1881 г. комиссія сама назначаетъ инспектора судоходства на Нижнемъ Дунаѣ, капитана Сулинскаго порта и весь подвѣдомственный имъ персоналъ. Инспекторъ и капитанъ порта составляютъ первую судебную инстанцію при всѣхъ нарушеніяхъ постановленій о полиціи судоходства; ихъ приговоры постановляются отъ имени комиссіи, а комиссія является для этихъ дѣлъ высшей судебной инстанціей. Имъ присвоено не только право суда, но и право наказанія. Поэтому въ 1883 г. по настоянію Россіи и Румыніи, права Европейской комиссіи были ограничены относительно *Килійскаго рукава*. Такъ какъ берега его принадлежатъ отчасти Россіи, отчасти Россіи и Румыніи, то Россія и Румынія настояли на томъ, чтобы Килійскій рукавъ былъ изъятъ изъ-подъ фактическаго контроля Европейской комиссіи и чтобы въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ протекаетъ одновременно по русской и румынской территоріи, уставы, дѣйствующіе на Сулинскомъ рукавѣ (находящемся въ завѣдываніи Европейской комиссіи) приводились въ исполненіе и примѣнялись подъ наблюденіемъ русскаго и румынскаго делегатовъ. Затѣмъ, Россія и Румынія въ предѣлахъ Килійскаго рукава имѣютъ право устанавливать денежные сборы, устраивать пристани и всякія рѣчныя учрежденія, подъ однимъ только условіемъ, сообщать планы этихъ построекъ и другихъ сооруженій къ свѣдѣнію Европейской комиссіи для удостовѣренія того, что эти учрежденія не будутъ ничѣмъ препятствовать свободѣ судоходства.

На Лондонской конференціи 1883 г. сдѣлана была попытка возрожденія п о с т о я н н о й Дунайской комиссіи подъ новымъ названіемъ С м ѣ ш а н н о й Д у н а й с к о й к о м и с с і и, изъ делегатовъ Австріи и придунайскихъ княжествъ —Болгаріи, Румыніи и Сербіи; предсѣдательство въ этой комиссіи предполагалось предоставить австрійскому делегату и сверхъ того для работъ въ комиссіи привлекались бы на шестимѣсячные сроки по одному члену отъ трехъ державъ, которыя не имѣютъ своихъ представителей въ Смѣшанной Комиссіи. Основаніе, на

коемъ для Австріи предоставлялось предсѣдательство въ комиссіи по судоходству въ части Дуная, которая вовсе не омываетъ австрійскихъ владѣній, такъ какъ компетенція Смѣшанной Комиссіи должна была простираться только отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова—основаніе это чисто политическое, такъ какъ Австрія стремится по возможности держать Дунай подъ своимъ контролемъ. Противъ этого постановленія Лондонской конференціи о правѣ Австріи на предсѣдательство протестовала Румынія, и поэтому постановленія конференціи о смѣшанной прибрежной комиссіи до нынѣ не приведены въ исполненіе, и средній Дунай отъ Браилова до венгерской границы остается подъ полицейскимъ контролемъ Румыніи, Болгаріи и Сербіи въ предѣлахъ ихъ территоріальныхъ границъ. Интересныя политическія подробности этого вопроса см. у Форштеттера. (Судоходство въ верхн. Дунаѣ регулировано актомъ 1857 г., принятымъ Австріею, Баваріею и Вюртембергомъ).

Особая организація надзора за свободою м. судоходства по нижнему Дунаю,—учрежденіе Европейской комиссіи,—объясняется общимъ направленіемъ Парижскаго трактата 1856 г., который имѣлъ въ виду одну главную цѣль: поставить балканскія дѣла подъ контроль Европы въ предупрежденіе усиленія на Балканскомъ полуостровѣ вліянія Россіи и возможности политическаго преобладанія Россіи на Дунаѣ. Но въ основаніи этихъ постановленій все-таки лежитъ идея преобладанія интересовъ м. союза надъ правами территоріальнаго верховенства отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ,—идея вполнѣ соотвѣтствующая развитію въ новѣйшія времена началъ м. общенія.

Регламентъ судоходства по Пруту во многомъ заимствованъ изъ регламента нижнедунайскаго; для производства гидротехническихъ работъ на Прутѣ и для надзора за судоходствомъ учреждена смѣшанная комиссія изъ делегатовъ прибрежныхъ державъ.

Въ новѣйшее время признаны м. рѣками р. *Св. Лаврентія* въ сѣверной, *Парана*, *Урагвай* и *Парагвай* и всѣ рѣки въ Перу въ южной Америкѣ; въ Азіи—*Карунъ* (въ Персіи) и въ Африкѣ—*Конго* и *Нигеръ*. Сверхъ того бразильскимъ закономъ 1886 г. рѣка *Амазонка* (національная) объявлена открытою для судоходства всѣхъ народовъ. Такимъ образомъ, Бразилія какъ бы намѣтила путь для дальнѣйшаго развитія междун. рѣчнаго права,—для признанія междун. характера за рѣками, хотя и національными, но имѣющими міровое значеніе.

Въ заключеніе намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о *Берлинской конференціи* 1885 г., установившей правила судоходства по рѣкамъ *Конго и Нигеру*. Конференція эта провозгласила и гарантировала свободу торговли и судоходства не только на рѣкахъ Конго и Нигерѣ, но во всемъ бассейнѣ этихъ рѣкъ, распространивъ этотъ бассейнъ далеко за

географическіе его предѣлы (на весь такъ назыв. экономическій бассейнъ Конго) для всѣхъ европейцевъ и туземцевъ на началахъ полнаго равенства; пошлины допускаются только взимаемыя на пользу самаго судоходства. Свобода судоходства распространяется и на военныя суда и на время войны (за исключеніемъ военной контрабанды). Для огражденія этихъ началъ и для постояннаго надзора за ихъ исполненіемъ, а равно для поддержанія судоходности рѣки предположена была организація особой „*международной комиссіи* судоходства по Конго“ (по примѣру Дунайской комиссіи). Всѣ сооруженія и учрежденія, служащія для судоходства по Конго, признаются нейтрализованными. По отношенію къ Нигеру надзоръ предоставленъ прибрежнымъ государствамъ.

Экономическіе интересы въ м. отношеніяхъ. Экономическіе, матеріальные интересы издавна играли значительную роль въ м. отношеніяхъ. Къ удовлетворенію, главнымъ образомъ, матеріальныхъ интересовъ (путемъ добровольнаго соглашенія на почвѣ торговаго обмѣна или путемъ силы, войны) направлены были первоначальныя сношенія государствъ. Невозможность удовлетворенія этихъ, развивающихся съ культурою народа, потребностей, при изолированномъ существованіи его, была однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ установленію прочныхъ и регулированныхъ отношеній между государствами.—Въ ряду матеріальныхъ интересовъ народа въ м. общеніи первенствующее мѣсто занимаетъ несомнѣнно *торговля*. Географическія условія страны и культурныя потребности народа вызываютъ необходимость торговаго обмѣна съ другими народами, а развитіе торговыхъ сношеній въ свою очередь создавало цѣлый рядъ правильныхъ культурныхъ и юридическихъ *отношеній* между народами, имѣющихъ капитальное значеніе въ исторіи человѣчества и въ развитіи м. права. Объясняется это тѣмъ, что торговыя отношенія, вслѣдствіе ихъ необходимости и матеріальной выгоды для каждаго народа, *вызываютъ цѣлый рядъ элементовъ культурнаго и духовнаго общенія:* торговыя связи вызываютъ у торгующаго народа *интересъ охраны купцовъ-иноземцевъ, интересъ охраны ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ—религіозной свободы, праваго суда, личныхъ и имущественныхъ правъ* и т. п.,—а эта охрана приводитъ въ концѣ концовъ къ уравненію сначала этихъ купечествующихъ иностранцевъ, а затѣмъ и всѣхъ уже иностранцевъ вообще, въ правахъ съ туземцами. Общность и взаимность этого рода интересовъ у всѣхъ народовъ, состоящихъ въ торговомъ общеніи, вызываетъ м. угожденіе къ этимъ интересамъ, *признаніе ихъ въ качествѣ основныхъ элемектовъ культуры и м. права*. Цѣлый рядъ основныхъ нормъ и принциповъ, которыми гордится современное м. право (признаніе свободы моря, свободы м. рѣчнаго судоходства, свободы торговли, признаніе правъ личности въ

м. сферѣ независимо отъ ея національности и т. д.) имѣетъ своимъ источникомъ торговлю и вообще экономическіе интересы народовъ въ м. общеніи.

Такимъ образомъ значеніе экономическихъ и торговыхъ интересовъ въ м. правѣ сводится къ слѣдующимъ элементамъ: 1) *они являются стимуломъ къ м. сношеніямъ;* 2) *они ведутъ къ м. признанію и охранѣ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ интересовъ личности въ м. сферѣ,* а слѣд. *къ обобщенію интересовъ* (культурныхъ и экономическихъ) *народовъ въ ихъ м. общеніи.* Подтвержденіе этихъ основныхъ положеній даетъ исторія м. торговли и торговыхъ трактатовъ.

М. сознаніе пользы торговыхъ сношеній выразилось въ трехъ фазисахъ, какіе можно замѣтить въ м. регламентаціи ихъ. На первыхъ порахъ жизни культурныхъ народовъ обезпечивается лишь право, т.-е. возможность торговыхъ сношеній (право въѣзда, пребыванія и торговли для иностранныхъ купцовъ и ихъ безопасность); иногда это право выражается даже въ видѣ особой привиллегіи или монополіи, а съ другой стороны—оно всегда почти сопровождается и особыми привиллегіями суда и внутренняго автономнаго управленія иностранныхъ торговыхъ колоній въ государствѣ. Затѣмъ является свобода торговыхъ сношеній, но съ извѣстными ограниченіями ея въ смыслѣ точнаго опредѣленія дозволенныхъ къ ввозу и вывозу товаровъ, путей слѣдованія ихъ, торговыхъ пунктовъ, платежа пошлинъ, особыхъ привиллегій въ пользу того или другого народа. Наконецъ, полная свобода торговыхъ сношеній съ соблюденіемъ лишь фискальныхъ интересовъ государства и взаимности въ предоставленіи иноземной торговлѣ тѣхъ или другихъ выгодъ.

Значеніе торговли какъ фактора сближающаго народы и содѣйствующаго установленію между ними правильныхъ отношеній, основанныхъ на однообразныхъ правовыхъ началахъ, вытекающихъ изъ общности ихъ интересовъ, проявляется прежде всего въ установленіи болѣе или менѣе однообразныхъ торговыхъ обычаевъ и въ ихъ автономной кодификаціи и договорной регламентаціи.

Вслѣдствіе общности интересовъ у торговаго сословія всѣхъ народовъ постепенно выработались и установились уже въ средніе вѣка однообразные торговые обычаи о торговыхъ компаніяхъ, кредитѣ, страхованіи, вексельномъ правѣ и т. п. Эти обычаи носили космополитическій, междун-ный характеръ. Авторитетъ коммерческихъ обычаевъ основанъ былъ на корпоративномъ строѣ средневѣковой жизни и на матеріальныхъ силахъ коммуны и вліяніи корпораціи въ общинномъ управленіи. Обобщенію коммерческаго обычая главнымъ образомъ содѣйствовали ярмарки, служившія главнымъ центромъ средневѣковой м. торговли, и спеціальные коммерческіе суды и консульства. Спеціальные интересы торговли создали (уже въ XI в.) спеціальную административно-судебную юрисдикцію по коммерч. дѣламъ, органами коей были консулы, альдермены. Консулы (на югѣ) и альдермены (на сѣверѣ) являются органами судебно-административной власти въ средѣ отечественной колоніи на чужбинѣ. Сообразно господству въ средніе вѣка личныхъ, а не территоріальныхъ правъ, они являлись представителями и носителями отечественнаго права и справедливости для соотечественниковъ въ чужомъ госуд-вѣ; ихъ компетенція касалась главнымъ образомъ полиціи и суда надъ отечественною колоніей; въ приморскихъ городахъ въ XIV в. (по Consolato del mare) компетенція ихъ касалась и вопросовъ объ аваріи, объ условіяхъ найма матросовъ, объ отвѣтственности корабельщика относительно груза, о фрахтахъ и вообще о всякаго рода сдѣлкахъ по морской торговлѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ обязанности лежало и разбирательство споровъ ихъ соотечественниковъ съ туземцами,—по коммерческимъ преимущественно дѣламъ,—а эта дѣятельность консуловъ, въ особенности, когда она направлялась къ примиренію спорящихъ сторонъ, естественно должна была вести къ сближенію и обобщенію правовыхъ нормъ обоихъ народовъ. Поэтому на ряду съ общностью интересовъ торговаго сословія, главнымъ образомъ дѣятельность консуловъ способствовала установленію однообразія въ нормахъ торговаго права при коллизіи національныхъ правъ и эта роль ихъ ослабѣла лишь въ новое время, съ установленіемъ террит. принципа правъ и примѣненія законовъ и съ централизаціею госуд-венной юрисдикціи и госуд-венной охраны иностранцевъ.

Тѣмъ же автономнымъ путемъ выработалось и м. морское право. Хотя нѣкоторое участіе здѣсь имѣло и госуд-во, проводникомъ котораго былъ институтъ т. наз. адмиралтействъ (съ конца XIII в. во Франціи, Англіи, Испаніи, Португаліи) для гражданской и уголовной юрисдикціи на морѣ, но не располагая достаточнымъ авторитетомъ даже для законодательства на сушѣ, средневѣковые монархи тѣмъ менѣе могли помышлять о законодательствѣ на морѣ; приходилось поэтому примѣнять автономный обычай, а обычай устанавливался тѣмъ легче, однообразнѣе и сильнѣе, чѣмъ тождественнѣе были интересы мореходцевъ и купцовъ; институтъ адмиралтействъ лишь консолидировалъ, т. сказ., принципы, установленные обычаемъ для регулированія отношеній экипажа къ арматорамъ, грузовладѣльцамъ и шкиперамъ.

Можно указать 4 группы (географическихъ) источниковъ средневѣковаго обычнаго морского права: 1) византійскую: Родосскіе законы (VIII—XV в.), Іерусалимскіе ассизы и, частью, базилики; 2) итальянскую: Амальфитанскіе обычаи X в., Пизанскіе, Генуэзскіе и Венеціанскіе; 3) франко-арагонскую: обычаи городовъ Монпелье, Арля, Марселя, Тортозы, Валенсіи и, въ особенности знаменитый барселонскій сводъ „добрыхъ морскихъ обычаевъ", извѣстный подъ назв. Consolato del mare (XIV в.); 4) франко-голландскую и нѣмецкую: Олеронскіе свитки XII в. и Висбійскіе законы XIV в. Всѣ указанные своды носятъ характеръ автономной кодификаціи обычаевъ, получившихъ м. признаніе.

Но общность интересовъ, подъ дѣйствіемъ которой вырабатывались эти м. нормы торговаго права, существовала въ средніе вѣка лишь у торговаго сословія, которое и было главнымъ факторомъ развитія м. торгов. сношеній. Церковь относилась къ нимъ, какъ и вообще къторговлѣ и всякимъ матеріальнымъ интересамъ, враждебно или по меньей мѣрѣ отрицательно. А государство, почти исчезавшее

за входившими въ его составъ, основанными на сословной исключительности и обособленности соціально-политическими организмами, было безсильно для охраны о б щ е н а р о д н ы х ъ интересовъ. Быть можетъ не столько въ сознаніи всенародной пользы м. торговли, сколько въ матеріальныхъ фискальныхъ интересахъ государей и въ политическомъ значеніи и матеріальной силѣ торговаго сословія, коммунъ и союзовъ торговыхъ городовъ (Ганза), кроется дѣйствительное основаніе охраны, которая оказывалась средневѣковыми государствами и, во главѣ ихъ, императоромъ, м. торговлѣ и иноземному купечеству. Какъ бы то ни было, въ концѣ среднихъ вѣковъ можно считать общепризнанными въ м. практикѣ слѣдующія п о л о ж е н і я:

1) иностранные купцы пользуются правомъ въѣзда, пребыванія и торговли въ чужомъ государствѣ;

2) они пользуются большею охраною личныхъ и имущественныхъ правъ, чѣмъ иностранцы некупечествующіе (напр. относительно droit d'aubaine и droit de naufrage), хотя, правда, въ силу спеціальныхъ договоровъ;

3) имъ предоставляется по договорамъ право непубличнаго отправленія обрядовъ религіи и право нѣкотораго самоуправленія, такъ что ихъ колоніи организуются въ видѣ болѣе или менѣе самостоятельныхъ общинъ, стоящихъ подъ административно-полицейскою, а иногда и судебною властью національныхъ выборныхъ консуловъ, альдерменовъ, байловъ и т. п.

Иногда иностраннымъ купцамъ предоставляются по договорамъ даже особыя привиллегіи предъ туземцами. Но само собою разумѣется, что привиллегированное, сравнительно съ туземцами, положеніе предоставлялось иностранцамъ лишь въ начальномъ періодѣ торговли и притомъ госуд-вами не развившимися еще культурно и экономически до самостоятельной активной торговли.

П е р е х о д ъ о т ъ с р е д н и х ъ в ѣ к о в ъ к ъ н о в о м у в р е м е н и знаменуется образованіемъ сплоченныхъ въ національные организмы государствъ и дальнѣйшее развитіе м. торговли совершается подъ вліяніемъ г о с у д - в е н н а г о в о з д ѣ й с т в і я на нее, преимущественно путемъ м. коммерческихъ трактатовъ.

Открытіе новыхъ странъ свѣта съ одной стороны, богатство и могущество, достигнутое благодаря торговлѣ торговыми госуд-вами (Венеція, Англія, Голландія) съ другой, вызвали сознаніе пользы торговли для г о с у д - в а и соревнованіе госуд-въ въ экономич. области. О томъ, какое важное значеніе получила торговля въ ряду государственныхъ интересовъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя войны между европейскими государствами въ XVII и XVIII в., имѣвшія поводомъ и предметомъ торговлю и колоніальные интересы [1]). Госуд-ва старались либо разорить неудобнаго для себя конкурента, либо выговорить въ свою пользу при заключеніи мира какія либо исключительныя торговыя выгоды. Мало того,

[1]) Цѣли, какія при этомъ преслѣдовались, рельефно выражены въ рѣчи, произнесенной въ 1672 г. въ англійскій палатѣ лордовъ лордомъ-канцлеромъ гр. Шэфтсбэри: „Пришло время,—сказалъ онъ, начать войну съ Нидерландами, ибо обѣимъ сторонамъ нельзя оставаться въ равновѣсіи и если мы не подчинимъ себѣ ихъ торговлю, то они подчинятъ нашу; или они должны уступить, или мы: гдѣ споръ идетъ за всемірную торговлю, тамъ сдѣлки не возможны".

государства стараются подорвать по возможности не только торговлю противника, но даже торговлю нейтральныхъ, не причастныхъ къ войнѣ госуд-въ. Но съ другой стороны, сознаніе важности торговли, какъ интереса госуд-веннаго, вызываетъ противодѣйствіе этимъ разрушительнымъ тенденціямъ воюющихъ состороны нейтральныхъ и наиболѣе яркимъ проявленіемъ этой борьбы мирныхъ интересовъ торговли и солидарности этихъ интересовъ у всѣхъ народовъ противъ своекорыстнаго эгоизма воюющихъ является знаменитый Актъ морского вооруженнаго нейтралитета 1780 г., направленный къ огражденію свободы нейтральной торговли и судоходства во время войны. Провозглашенные Россіею въ этомъ Актѣ принципы становятся краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшей выработки въ XIX в. правъ нейтральной торговли.

Однако, сознаніе государственнаго значенія торговли и соревнованіе госуд-въ въ экономической области выражалось не только въ грубой формѣ насилія, но и въ мирной госуд-венной дѣятельности; направленная на покровительство и развитіе торговли и торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ, она выражалась въ т о р г о в о й п о л и т и к ѣ госуд-въ и въ заключавшихся ими съ этой цѣлью т о р г о в ы х ъ т р а к т а т а х ъ.

Подъ т о р г о в о й п о л и т и к о й (внѣшней) госуд-ва разумѣется дѣятельность его, направленная на споспѣшествованіе экономич. интересамъ народа въ его торговыхъ сношеніяхъ съ другими народами. Торговая политика имѣетъ, слѣд., въ виду не только интересы торговли, но и, главнымъ образомъ, интересы отечественнаго производителя и потребителя. Въ стремленіи урегулировать внѣшнюю торговлю госуд-ва съ преимущественною выгодою для своихъ подданныхъ, европейскія правительства XVII—XVIII в. подчинялись господствовавшей въ то время экономической теоріи,—т. наз. теоріи меркантилизма [1]). Основаніемъ же м е р к а н т и л ь н о й с и с т е м ы служило положеніе, что богатство народа состоитъ въ деньгахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ, а источникомъ для ихъ привлеченія въ страну служитъ внѣшняя торговля. Для этого слѣдуетъ 1) воспрещать вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ, денегъ и сырья, за обработку котораго на мѣстѣ (фабричную и заводскую) можно получить приплату, 2) содѣйствовать вывозу за границу мануфактурныхъ издѣлій, за которыя приходится платить деньгами, и 3) надлежитъ содѣйствовать привозу въ страну сырья (болѣе дешеваго товара) для его переработки на мѣстѣ и перепродажи затѣмъ за большее количество драгоцѣннаго металла за границу. Въ результатѣ всѣхъ такихъ операцій должна получиться выгода въ видѣ накопленія въ странѣ драгоцѣннаго металла вслѣдствіе превышенія его вывоза надъ ввозомъ—выгодный т о р г о в ы й б а л а н с ъ [2]).

[1]) Вся система *внутреннихъ* административныхъ и законодательныхъ мѣръ, выражавшихся въ т. наз. *охранительной и запретительной таможенной системѣ* (система вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ, запрещеній или премій дифференціальныхъ и транзитныхъ пошлинъ, поощренія отечественнаго кораблеплаванія и промышленности облегченія или затрудненія ввоза или вывоза извѣстныхъ иностранныхъ товаровъ смотря потому, въ какой степени то или другое представляется выгоднымъ для отечественнаго производства и потребленія), и *международныя* торговополитическія соглашенія *(договоры)* одинаково носятъ на себѣ отпечатокъ принциповъ меркантилизма.

[2]) Главною цѣлью торговой политики служитъ достиженіе благопріятнаго торговаго баланса. *Торговымъ балансомъ* называется цифровой результатъ обмѣна торговыхъ

Послѣдствіемъ господства меркантильной теоріи были всевозможныя законодательныя и административныя мѣропріятія, направленныя къ огражденію отечественной торговли и промышленности отъ иноземной конкурренціи, каковы: дифференціальныя пошлины, признаніе извѣстныхъ товаровъ заповѣдными, таможенныя стѣсненія для ввоза иностранныхъ товаровъ и, наоборотъ, облегченія для вывоза отечественныхъ.

Дальнѣйшее дополненіе и развитіе положеній меркантильной теоріи мы находимъ: 1) въ колоніальной системѣ и покровительственной торговой политикѣ европейскихъ государствъ въ XVI—XVII в. Колоніальная политика или колоніальная система состояла въ притязаніи метрополіи на исключительное монопольное право эксплуатаціи всего производства и потребленія своихъ колоній съ исключеніемъ участія въ этой эксплуатаціи всякаго посторонняго госуд-ва. Типическимъ явленіемъ этого порядка было изданіе въ Англіи Кромвелемъ извѣстнаго Навигаціоннаго Акта 1651 г. (подтвержденнаго въ 1660 г.), въ силу котораго торговыя сношенія съ англійскими колоніями разрѣшались исключительно однимъ англичанамъ, а ввозъ европейскихъ товаровъ даже въ Англію разрѣшался только на судахъ англичанъ или же того гос-ва, откуда происходили нагруженные на суднѣ товары;

2) въ торговыхъ трактатахъ XVII—XVIII в. При заключеніи этихъ трактатовъ дипломатія того времени задавалось не выясненіемъ и регулированіемъ условій взаимнаго выгоднаго торговаго общенія контрагентовъ, а стремилась къ достиженію при ихъ помощи лишь наибольшихъ исключительныхъ односторонних выгодъ и привиллегій для отечественныхъ купцовъ и ихъ торговли. Цѣлью дипломатіи и торговой политики XVII—XVIII в. являлось заключеніе такихъ трактатовъ, въ силу которыхъ: 1) госуд-во достигало бы уравненія торговыхъ правъ своихъ подданныхъ съ правами подданныхъ контрагента, и 2) получало

цѣнностей между двумя государствами въ теченіи опредѣленаго срока, обыкновенно—годового. Выгоднымъ балансъ считается въ случаѣ превышенія цѣнности вывоза надъ цѣнностью ввоза, - невыгоднымъ же въ обратномъ случаѣ. Но превышеніе вывоза не служитъ безусловнымъ признакомъ благопріятнаго положенія народнаго хозяйства государства и термины выгоднаго и не выгоднаго торговаго баланса въ вышеуказанномъ смыслѣ сохраняются въ наше время болѣе по преданію, такъ какъ они установились на основаніи экономическихъ теорій прежнихъ временъ. Теорія торговаго баланса должна была возникнуть въ тѣ времена, когда съ прекращеніемъ натуральнаго хозяйства и появленіемъ на европейскихъ рынкахъ новыхъ (колоніальныхъ) проявилась сильная потребность въ денежныхъ знакахъ; вслѣдствіе этого старались привлечь въ государство золото и серебро, преувеличивая ихъ значеніе какъ представителей движимаго капитала и полагая, что обмѣнъ товаровъ на возможно большее количество благородныхъ металловъ, т. е. чистыхъ денегъ, а не товаровъ, болѣе всего способствуетъ развитію богатства страны. Этотъ предразсудокъ, коренившійся въ господствѣ меркантильной системы, лежалъ въ основѣ экономической политики всѣхъ европейскихъ государствъ до самаго конца прошлаго вѣка. Послѣдствіемъ его было то особенное значеніе, какое придавалось въ торговой политикѣ достиженію „выгоднаго торговаго баланса“ въ томъ смыслѣ, чтобы за вывезенные изъ государства товары получалось болѣе денегъ, чѣмъ выпускалось за товары привозные; вслѣдствіе этого и внѣшней торговлѣ вообще приписывалось большее значеніе въ смыслѣ фактора, способствующаго народному богатству, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности. Съ паденіемъ меркантильной системы народнаго хозяйства, измѣнились и экономическія понятія о торговомъ балансѣ, хотя и донынѣ превышеніе вывоза надъ ввозомъ товаровъ (по ихъ сравнительной цѣнности) считается желательною цѣлью торговой политики государства.

бы монополію или по меньшей мѣрѣ наиболѣе льготныя условія для ввоза къ другому контрагенту продуктовъ своей обрабатывающей промышленности, съ исключеніемъ или по меньей мѣрѣ затрудненіемъ привоза къ нему этихъ же издѣлій другимъ контрагентомъ.

Но такъ какъ въ торговлѣ одинаково заинтересовались въ это время уже всѣ госуд-ва, то понятно, что предоставленіе особыхъ льготъ въ пользу одного изъ нихъ должно было вызывать со стороны другихъ стремленіе достигнуть такихъ же льготъ и въ свою пользу, а изъ политическихъ соображеній государство, даровавшее такія льготы одному контрагенту, иногда оказывалась вынужденнымъ соглашаться на распространеніе этихъ льготъ и въ пользу другихъ госуд-въ. Отсюда возникновеніе въ торговыхъ трактатахъ (прежде всего въ трактатахъ съ Портою) общеупоребительной въ настоящее время формулы предоставленія контрагенту правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа (traitement de la nation la plus favorisée), т. е. другими словами—предоставленіе другимъ госуд-вамъ тѣхъ же льготныхъ правъ, какія дарованы были раньше только одному, при чемъ формула эта обнимала не только таможенныя права и привиллегіи, но и личныя права и преимущества иностранныхъ купцовъ и подданныхъ. Постепенно эта формула получила еще распространеніе тѣмъ, что контрагенту предоставлялись права народа наиболѣе благопріятствуемаго не только въ моментъ заключенія договора, но и въ будущемъ, такъ что всѣ дополнительныя льготы какія предоставлены были бы въ будущемъ третьему госуд-ву, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были распространиться и на контрагента. Понятно то капитальное первостепенное значеніе, какое имѣло распространеніе этой формулы въ торговыхъ трактатахъ для постепеннаго признанія, расширенія и уравненія правъ иностранцевъ въ цивилизованныхъ госуд-вахъ: льготы, дарованныя подданнымъ одного особенно дружественнаго контрагенту въ данный моментъ госуд-ва и въ большей или меньшей степени приравнивавшія ихъ юридическое положеніе къ положенію туземцевъ, распространялись и на подданныхъ всѣхъ другихъ госуд-въ, съ которыми заключались контрагентомъ торговые договоры.

Первоначальная формула уравненія правъ взаимныхъ подданныхъ выражалась обязательствомъ не подвергать подданныхъ контрагента высшимъ налогамъ и обложеніямъ, чѣмъ тѣ, какимъ подлежатъ отечественные подданные. Что касается обязательства предоставленія подданнымъ контрагента правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа (напр., въ Пиренейскомъ трактатѣ Франціи съ Испаніею 1659 г.), то въ Утрехтскомъ трактатѣ Англіи съ Испаніею 1713 г. оно формулировано такъ: „подданные обѣихъ державъ должны пользоваться всѣми вольностями, преимуществами и выгодами, какія предоставлены или же будутъ предоставлены наиболѣе благопріятствуемымъ народамъ“. (Тоже въ коммерч. договорѣ Россіи съ Англіей 1734 г.).

Принципъ уравненія торговыхъ правъ иностранцевъ съ правами туземныхъ подданныхъ съ одной стороны и принципъ уравненія правъ всѣхъ иностранцевъ въ госуд-вѣ примѣнительно къ правамъ, предоставляемымъ наиболѣе благопріятствуемому народу съ другой, были могучими факторами въ дѣлѣ м. признанія на чужбинѣ правъ личности иностранца вообще.

Такъ какъ въ XVIII в. первенствующею торговою и мореходною державою Европы была Англія, то и торговая политика Англіи давала тонъ въ Европѣ, а эта политика держалась еще тѣхъ же принциповъ, которые господствовали въ ней и въ XVII в., т. е. принциповъ Навигаціоннаго Акта о покровительствѣ англійскому мореходству и принциповъ меркантильной и колоніальной системы. Эти принципы Англія старалась проводить и въ заключавшихся ею торговыхъ трактатахъ. Лишь въ концѣ XVIII в., послѣ того, какъ крайняя эксплуатація американскихъ колоній Англіею привела къ войнѣ за независимость американскихъ штатовъ и, затѣмъ, къ дѣйствительному освобожденію ихъ отъ Англіи, а съ другой стороны, съ паденіемъ меркантильной теоріи политической экономіи, въ торговой политикѣ Англіи и другихъ державъ устанавливаются новые, болѣе либеральные принципы въ смыслѣ проведенія въ торговыхъ трактатахъ в з а и м н а г о признанія интересовъ договаривавшихся сторонъ.

Впрочемъ торговые трактаты XVII и XVIII вв. имѣютъ серіозное общекультурное значеніе въ томъ отношеніи, что договорное признаніе правъ иностранцевъ и выговоренныя въ ихъ пользу договорныя гарантіи являлись почти единственною оградою ихъ отъ все еще остававшагося въ силѣ принципа ихъ безправія. Лишь французской революціи принадлежитъ заслуга п р и н ц и п і а л ь н а г о переворота во взглядахъ европейскихъ законодательствъ на права иностранцевъ; провозглашенные ею принципы и лежащая въ основѣ ихъ мысль, что независимо отъ спеціальныхъ договоровъ, между культурными госуд-вами существуетъ правовое общеніе, въ силу котораго всякое госуд-во обязано предоставлять вступающему въ его предѣлы иностранцу личную и имущественную безопасность, это основное положеніе не замедлило получить признаніе и развитіе во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ XIX вѣка.

Однимъ изъ главныхъ орудій для огражденія интересовъ торговли и подданныхъ госуд-ва въ чужихъ краяхъ въ XVII и XVIII вв. были к о н с у л ы. Признаніе взаимнаго права государствъ назначать своихъ консуловъ мы находимъ въ большинствѣ торговыхъ трактатовъ того времени.

Въ заключеніе обзора торговополитическаго содержанія коммерческихъ трактатовъ XVII—XVIII вв., мы должны нѣсколько остановиться на торговыхъ договорахъ Россіи того же времени. Первые т о р г о в ы е д о г о в о р ы Р о с с і и съ иностранными державами относятся къ XVIII в. До этого времени у насъ торговыхъ договоровъ въ собственномъ смыслѣ этого слова не было, такъ какъ не было активной внѣшней торговли. Политика нашихъ царей, начиная съ половины XVI в., когда впервые прибыли въ Архангельскъ и Москву англійскіе купцы, направлена была лишь къ привлеченію иностранной торговли въ Россію путемъ предоставляемыхъ иностранцамъ привиллегій. Англійскимъ купцамъ, напр., дозволялось вести безпошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи, учреждать здѣсь свои торговыя конторы и товарные склады, споры между русскими и англичанами подлежали рѣшенію самого царя, и т. п. Подобныя же права предоставлялись въ видѣ привиллегіи и купцамъ другихъ государствъ. Многія изъ нихъ сохранились до XVIII в.

Нужно замѣтить, что иногда заключенію торговыхъ договоровъ являлась помѣха въ политическихъ отношеніяхъ и интересахъ. Первымъ торговымъ трактатомъ, заключеннымъ Россіею съ европейскимъ госуд-вомъ, былъ договоръ съ Англіею 1734 года.

По т о р г о в о м у т р а к т а т у 1734 года съ А н г л і е ю обоюднымъ подданнымъ обѣщана была какъ на сухомъ пути, такъ и на водахъ всякая пріязнь и удобовозможное вспоможеніе; имъ разрѣшалась свобода торговли и судоходства во всѣхъ европейскихъ владѣніяхъ контрагентовъ „гдѣ нынѣ навигація и купечество другому которому народу позволены или впредь позволены быть могутъ“, при чемъ обоюдные подданные „какъ н а и л у ч ш е ф а в о р и з о в а н н ы е народы трактованы быть имѣютъ“; англичанамъ обезпечено право ввоза в с я к и х ъ товаровъ въ Россію, а русскимъ—право ввоза въ Р о с с і и ростущихъ или дѣланныхъ товаровъ“ въ Англію; англичане приравниваются къ русскимъ подданнымъ въ платежѣ таможенныхъ пошлинъ; англичанамъ разрѣшена транзитная торговля съ Персіею; обоюднымъ подданнымъ разрѣшается въ военное время торговля съ непріятелемъ воюющаго контрагента за исключеніемъ блокированныхъ мѣстъ и военной контрабанды, состоящей въ оружіи и военныхъ снарядахъ; въ случаѣ войны между контрагентами обоюднымъ подданнымъ предоставляется годичный срокъ для распродажи своихъ товаровъ и выѣзда изъ непріятельской страны съ своимъ имуществомъ; обоюдныхъ подданныхъ запрещается принуждать къ поступленію на службу; въ случаѣ кораблекрушенія имъ оказывается содѣйствіе къ спасенію груза, который и выдается имъ за умѣренное вознагражденіе за учиненное при спасеніи вспоможеніе; обоюднымъ подданнымъ разрѣшается наемъ, покупка и постройка домовъ на правахъ наилучше фаворизованныхъ народовъ, а англійскіе дома въ Петербургѣ, Москвѣ и Архангельскѣ освобождаются отъ постоя; обоюднымъ подданнымъ гарантировано право свободы выѣзда обратно въ отечество; „всѣмъ судебнымъ и инымъ дѣламъ англійскихъ купцовъ въ Россію судимымъ быть въ комерцъ-коллегіи и болѣе ни въ какомъ судѣ (русскіе подданные въ Англіи пользовались въ дѣлѣ суда въ Англіи лишь правами наиболѣе фаворизованныхъ народовъ); имущество англичанъ не подлежитъ экзекуціи или продажѣ, исключая случаевъ банкротства. Вообще: „обѣихъ договаривающихся сторонъ подданные въ ихъ областяхъ всегда яко наилучше фаворизованный народъ трактованы и почитаны быть имѣютъ; и того ради росс. подданные, которые для наукъ всякихъ хитростей и ради купечества въ Англію пріѣзжать будутъ, защищены, фаворизованы и обучены быть имѣютъ“. Относительно таможенныхъ пошлинъ въ трактатѣ опредѣлено было лишь значительное пониженіе ихъ со стороны Россіи для англійскихъ суконъ и фланелей.

По вступленіи на престолъ Екатерины II между Россіею и Англіею открылись переговоры съ цѣлью заключенія новаго договора, при чемъ русское правительство озаботилось устраненіемъ изъ него нѣкоторыхъ невыгодныхъ для Россіи условій; въ этотъ договоръ (1766 г.) внесены нѣкоторыя дополнительныя постановленія. Такъ, оговорено было право Россіи „дѣлать внутри своихъ областей такія особливыя учрежденія, каковыя она за благо изобрѣтетъ къ ободренію и распространенію своего мореплаванія“; оговорена взаимная свобода от-

правленія обоюдными подданными службы Божіей своего вѣроисповѣданія „въ домахъ своихъ и въ опредѣленныхъ къ тому мѣстахъ“, свобода обоюдныхъ подданныхъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ въ случаѣ смерти и т. п.

Затѣмъ, въ 1785 г. заключенъ торговый договоръ съ Австріею. По этому поводу коммиссія о коммерціи представила императрицѣ докладъ, послужившій основаніемъ для русской торговой политики въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Въ этомъ докладѣ мы замѣчаемъ вообще отраженіе тѣхъ же торговополитическихъ и экономическихъ взглядовъ, которые господствовали въ то время и въ зап. Европѣ.—Объявляя о своемъ согласіи заключить торговый трактатъ, австрійское правительство предложило, чтобы въ основаніи его положенъ былъ принципъ, по которому обѣ стороны должны пользоваться правами наиболѣе благопріятствуемыхъ ими націй, и что въ трактатъ должны войти всѣ льготы, какія только могутъ быть допущены для лучшаго развитія торговыхъ сношеній обоюдныхъ подданныхъ. Австрійское правительство указывало также на необходимость отмѣны исключительныхъ преимуществъ, которыми пользуются англійскіе купцы въ Россіи и которыя устраняютъ, ко вреду русскихъ подданныхъ, возможность конкурренціи со стороны другихъ непривиллегированныхъ націй.—Съ своей стороны комиссія о коммерціи представила императрицѣ докладъ (1782 г.), въ которомъ изложены были мнѣнія ея о торговыхъ интересахъ Россіи вообще и въ отношеніи къ Австріи въ частности. По мнѣнію комиссіи, въ виду однообразія продуктовъ Россіи и Австріи, трудно ожидать значительной торговли между этими госуд-вами; но заключеніе торг. трактата между ними можетъ быть полезно, подъ условіемъ чтобы соблюдено было „равенство, которое въ разсужденіи всѣхъ купечествующихъ для общей пользы торга и распространенія онаго наблюдать неотмѣнно должно“. Комиссія предлагала выговорить, чтобы для русскихъ купцовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а австрійскимъ въ Россіи дозволены были всѣ тѣ выгоды, коими пользуются наиболѣе благопріятствуемыя націи. Указывая затѣмъ на возможность сбавки пошлинъ съ венгерскихъ винъ, а также съ большей части товаровъ, привозимыхъ въ Россію черезъ черноморскіе порты, подъ условіемъ предоставленія соотвѣтственныхъ льготъ Австріею въ пользу русскихъ купцовъ, и на необходимость вообще значительнаго пониженія австрійскаго тарифа на нѣкоторые важные предметы вывоза изъ Россіи (икра, кожа, табакъ), коммиссія дѣлаетъ характерную для экономическихъ взглядовъ и торговой политики того времени оговорку, что если бы Австрія стала настаивать на уменьшеніи ввозныхъ пошлинъ съ нѣкоторыхъ ея мануфактурныхъ товаровъ (напр., суконъ, фарфора, полотенъ), то „нимало на такія облегченія согласиться не можно,не только для поддержанія собственныхъ росс. фабрикъ и рукодѣлій, которыя во многомъ уже распространяться начинаютъ, но и для поддержанія самого торга въ равенствѣ и равновѣсіи своемъ“, ибо „прямой и главный предметъ постановленій торговыхъ не иной быть долженъ, какъ уравненіе у себя всѣхъ торгующихъ народовъ, требуя во взаимство онаго такое же уравненіе и для нашихъ торгующихъ въ областяхъ той державы, съ которою постановленіе торговое дѣлается“.—Провозгласивъ начало „уравненія въ Россіи торгующихъ народовъ“, русское правительство тѣмъ самымъ выражало

рѣшимость: 1) отказаться отъ прежней своей торговой политики, дозволявшей привиллегированнымъ народамъ безпошлинную торговлю, различныя монополіи и т. п. исключительныя льготы, а съ другой стороны 2) настоять на своемъ правѣ содѣйствовать ограничительными и запретительными мѣрами, направленными противъ торгующихъ съ Россіей иностранныхъ народовъ, развитію отечественнаго судоходства и промышленности. Затѣмъ комиссія коммерціи ставила еще слѣдующіе основные принципы торговой политики Россіи: 3) оставлять за собою право на предоставленіе большихъ выгодъ тѣмъ народамъ, которые привозятъ собственныя произведенія и на собственныхъ судахъ; 4) не принимать на себя обязательствъ, ограничивающихъ право измѣнять таможенные тарифы; 5) покровительствовать транзитной торговлѣ черезъ Россію; 6) торговлю въ Черномъ морѣ и въ черноморскихъ портахъ допускать только на русскихъ судахъ или на судахъ, получившихъ право плаванія подъ русскимъ флагомъ; 7) взаимность въ выгодахъ, предоставляемыхъ тарифами договаривающихся сторонъ и совершенное равенство въ правахъ и преимуществахъ, наконецъ 8) признаніе принципа свободы морей и нейтральной торговли, провозглашеннаго императрицею 28-го февраля 1780 года.

Докладъ коммиссіи 1782 г. былъ положенъ въ основаніе переговоровъ съ Австріею и послѣдующихъ переговоровъ съ другими государствами при заключеніи съ ними торговыхъ договоровъ и послужилъ основаніемъ для торговой политики Россіи въ концѣ XVIII и отчасти въ XIX в.

Господствовавшая въ XVII в. теорія меркантилизма, въ XVIII в. утрачиваетъ уже свой авторитетъ въ экономической наукѣ и на смѣну ей являются новыя экономическія теоріи (Ад. Смитъ), признававшія свободный трудъ главнымъ источникомъ народнаго богатства и отрицавшія всякое вмѣшательство госуд-ва въ свободную конкурренцію въ сферѣ какъ промышленной дѣятельности, такъ и торговли. Эти новыя теоріи оказали свое вліяніе и на направленіе экономической и торговой политики европейскихъ госуд-въ; это вліяніе выразилось и въ измѣненіи торговополитическаго содержанія коммерческихъ трактатовъ, заключенныхъ западно-европейскими госуд-вами въ XIX вѣкѣ. Основная черта, отличающая ихъ отъ трактатовъ XVII и XVIII вѣковъ,—принципіальное признаніе ими свободы торговли. Они не только систематически проводятъ принципъ о „наиболѣе благопріятствуемомъ народѣ“, распространяющій всякую льготу, предоставленную въ торговлѣ и промышленности одному народу, на подданныхъ всѣхъ другихъ госуд-въ, заключавшихъ трактаты, но кромѣ того они—1) отмѣняютъ или сильно ограничиваютъ право контрагентовъ измѣнять по своему усмотрѣнію свое таможенное законодательство, и 2) стремятся обезпечить полную равноправность за подданными контрагентовъ въ торговлѣ и промышленности и въ платежѣ пошлинъ и сборовъ какъ при ввозѣ, такъ и вывозѣ товаровъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ теорій и окрѣпнувшей національной промышленности и судоходства, Англія уже въ XVIII в. начала отступать отъ покровительственной системы своей прежней торговой политики, а въ XIX в. становится открытою поборницей свободы торговли. Вслѣдъ за Англіею, усвоиваютъ

принципъ свободы торговли и другіе европейскіе народы, за исключеніемъ Франціи и Россіи. Однако и въ торговой политикѣ Франціи съ половины XIX в. наступила новая эра.

Заключенный между Наполеономъ III и извѣстнымъ поборникомъ фритредерства Кобденомъ англофранцузскій торговый договоръ 1860 года послужилъ исходнымъ пунктомъ т. наз. системы западноевропейскихъ торговыхъ трактатовъ, основанныхъ на принципѣ свободной торговли. Инициаторомъ этой новой системы признается Наполеонъ III. Убѣдившись при посѣщеніи первой всемірной промышленной выставки въ Лондонѣ въ превосходствѣ многихъ отраслей французской промышленности, Наполеонъ рѣшилъ отказаться отъ покровительственной и запретительной таможенной системы, какой держалась Франція до этого времени, и уже въ концѣ 50-хъ годовъ отмѣнилъ нѣкоторыя запрещенія по ввозной и вывозной торговлѣ и сбавилъ различныя пошлины, а вслѣдъ за тѣмъ рѣшился заключить трактатъ съ Англіею, коренным образомъ измѣнявшій принципы, господствовавшіе до этого времени въ торговой политикѣ Франціи. Въ силу этого договора Франція обязывалась отмѣнить запрещеніе на ввозъ цѣлаго ряда англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, установивъ для нихъ лишь ввозную пошлину не свыше 30% съ цѣны, а Англія отказывалась отъ покровительственной таможенной системы, сохранивъ ввозныя пошлины лишь для небольшого числа французскихъ товаровъ и объявивъ, что установленныя трактатомъ измѣненія тарифа будутъ имѣть силу не только относительно Франціи, но и относительно другихъ госуд-въ. Различіе въ дальнѣйшемъ примѣненіи принципа свободы торговли Англіею и Франціею выражалось въ томъ, что Англія держалась правила, что права наиболѣе благопріятствуемой націи должны быть предоставляемы всѣмъ народамъ безъ различія и безъ требованія взаимности съ ихъ стороны (принципъ свободы торговли безъ взаимности), а Франція сохранила свой прежній запретительный тарифъ въ видѣ общаго (генеральнаго) тарифа для тѣхъ госуд-въ, которыя отказали бы Франціи въ соотвѣтственномъ пониженіи своихъ тарифовъ (принципъ умѣренной свободы торговли подъ условіемъ взаимности). Путемъ послѣдовательнаго заключенія Франціею тарифныхъ договоровъ съ большинствомъ европейскихъ госуд-въ, которыя съ своей стороны заключали между собою торговые договоры на началѣ „наиболѣе благопріятствуемыхъ народовъ“, въ теченіе 60-хъ годовъ между госуд-вами зап. Европы выработался торговополитическій союзъ, члены котораго связаны были между собою умѣренными конвенціонными (т. е. договорными) тарифами, а относительно другихъ госуд-въ, не приступившихъ къ этой системѣ, ограждались боевыми покровительственными тарифами. Къ системѣ западноевропейскихъ коммерческихъ договоровъ постепенно примкнули Бельгія, Германія, Италія, Швейцарія, Швеція и Австрія. Внѣ этой системы оставались только Россія, Турція и Америка.

Въ послѣдней четверти XIX в. торговая политика европейскихъ госуд-въ, основанная на принципѣ свободы торговли измѣняется. Франція и Германія снова обращаются къ покровительственной систе-

мѣ. Рѣшительный толчокъ въ этомъ направленіи дала Германія, обратившаяся съ 1879 г. къ покровительственному таможенному тарифу и Франція, объявившая, что съ 1 февраля 1892 г. [1]) она отказывается отъ возобновленія заключенныхъ ею торговыхъ договоровъ и обращается къ режиму двойного автономнаго тарифа (максимальнаго и минимальнаго), причемъ примѣненіе максимальнаго или минимальнаго тарифа къ другому госуд-ву ставится въ зависимость отъ соотвѣтственныхъ уступокъ со стороны послѣдняго [2]). Что касается Германіи, то послѣ изданія таможеннаго тарифа 1897 г., она заключала договоры лишь съ предоставленіемъ контрагенту правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа, но безъ существеннаго измѣненія тарифа, цѣлью котораго, по выраженію Бисмарка, было—сохранить германскій рынокъ для національной промышленности.

Если возрожденіе протекціонизма имѣло какъ будто раціональное основаніе въ экономическомъ кризисѣ, разразившемся надъ Европою въ 70-хъ годахъ, то съ другой стороны оно обнаружило и всю м. опасность этой системы. Строгое покровительство національной промышленности возведено было въ систему: госуд-ва усердно ограждали себя отъ ввоза иностранныхъ продуктовъ посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Но закрывая свои границы для произведеній и издѣлій сосѣднихъ странъ, каждое госуд-во этимъ самымъ закрываетъ иностранные рынки для своей національной промышленности, затрудняетъ сбытъ ея продуктовъ и вызываетъ у себя же искусственный кризисъ. А такъ какъ покровит. система господствовала повсюду, то экономическій кризисъ становился хроническимъ и повсемѣстнымъ. Мало того, промышленный антагонизмъ между народами, даже связанными политическимъ союзомъ, подрывалъ основы ихъ политической солидарности [3]). Тарифная война, наносившая удары не только иностранной конкурренціи, но и собственному національному производству, получила характеръ безсмысленнаго проявленія узкаго, замкнутаго націонализма. Протекціонизмъ, доведенный до крайности, впадалъ въ противорѣчіе не только съ самимъ собою, но и съ системою политическихъ союзовъ и съ общими заботами о м. мирѣ. Этому вредному порядку вещей положенъ былъ отчасти конецъ въ значительной части Европы заключеніемъ торговыхъ договоровъ 1891 года между Германіею, Австро-Венгріею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею.

Подъ вліяніемъ политическаго тройственнаго союза Германіи съ Австріей и Италіей заключенъ былъ въ концѣ 1891 г. между этими государствами и торговоэкономическій союзъ путемъ тарифныхъ договоровъ „съ цѣлью создать на достаточно продолжительное время твердую основу для содѣйствія

---

[1]) Къ этому времени истекалъ срокъ огромнаго большинства заключенныхъ между европейскими государствами торговыхъ договоровъ.

[2]) Впрочемъ, минимальный тарифъ примѣняется не въ полномъ составѣ въ пользу контрагента, а при заключеніи договора контрагенту предоставляются лишь нѣкоторыя особенно интересующія его льготныя ставки минимальнаго тарифа въ замѣнъ соотвѣтственныхъ уступокъ контрагента въ его общемъ тарифѣ.

[3]) Такъ, несмотря на политическую солидарность Австро-Венгріи и Германіи, въ 80-хъ годахъ въ Австріи и особенно въ Венгріи замѣчалось сильное раздраженіе по поводу таможенныхъ мѣръ Германіи, направленныхъ противъ ввоза австрійскихъ и венгерскихъ продуктовъ, по поводу „пренебреженія“ Германіи къ интересамъ сосѣдей и союзниковъ.

взаимному обмѣну товаровъ и для соотвѣтственнаго договорнаго урегулированія торговыхъ отношеній контрагентовъ къ другимъ госуд-вамъ". Вслѣдствіе присоединенія къ этому союзу Швейцаріи и Бельгіи образовалась новая „система среднеевропейскихъ торговыхъ договоровъ", вступившая въ силу съ 1 февраля 1892 г. срокомъ на 12 лѣтъ, и имѣвшая цѣлью построить внѣшнюю торговлю союзныхъ державъ на принципѣ протекціонизма, направленнаго противъ госуд-въ, не участвующихъ въ этомъ соглашеніи. Подобно системѣ западноевропейскихъ торг. договоровъ, эта система основана была тоже на двухъ тарифахъ—ковенціоннымъ для членовъ союза и общемъ—относительно постороннихъ государствъ; но она отличается отъ системы зап.-европейскихъ торгов. договоровъ лежащимъ въ основѣ ея покровительственнымъ торговополитическимъ принципомъ по отношенію ко всѣмъ державамъ, не примкнувшимъ къ ней, а также установленіемъ по коллективному соглашенію контрагентовъ общаго одновременнаго срока дѣйствія трактатовъ 1891 г.: въ теченіе 12-лѣтняго срока измѣненія въ этихъ договорахъ не допускаются и по истеченіи его они одновременно должны быть возобновлены опять на такой же срокъ.

Что касается Россіи, то отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе обще-европейскаго поворота къ покровительственной системѣ, ею изданъ былъ новый тарифъ 1891 года, еще болѣе прежняго усиливавшій покровительственыя пошлины. Но и Россія, подобно Германіи, вскорѣ должна была пойти на уступки. Въ силу конвенціи съ Франціею 1893 г. она согласилась на пониженіе тарифныхъ ставокъ для цѣлаго ряда французскихъ товаровъ (на 10—25% и обязалась не возвышать далѣе своего автономнаго тарифа за все время дѣйствія договора, а Франція съ своей стороны согласилась на примѣненіе своего минимальнаго тарифа къ русскимъ минеральнымъ масламъ. Вслѣдъ за этою конвенціею, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ послѣдствій таможенной войны съ Германіею [1]), открыты были переговоры съ послѣднеюотносительно торговаго договора. Переговоры эти увѣнчались успѣхомъ и 29 января (10 февраля) 1894 г. подписанъ былъ русско-германскій трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, въ которомъ обѣ стороны значительно смягчали для торговли своихъ подданныхъ установленные ими таможенные тарифы. Договоръ заключенъ на десятилѣтній срокъ. Это событіе, сочувственно встрѣченное всѣми сторонниками мирнаго развитія м. сношеній, возбудило сильное неудовольствіе лишь среди кружковъ, заинтересованныхъ въ устраненіи или парализованіи иностранной конкуренціи: нѣмецкіе крупные землевладѣльцы (аграріи) энергически протестовали противъ пониженія пошлинъ на русскіеземледѣльческіе продукты, а русскіе фабриканты, съ своей стороны, были недовольны облегченіемъ ввоза нѣмецкихъ фабричныхъ

[1]) Главные моменты таможенной войны Россіи съ Германіею: въ іюнѣ 1893 г. изданъ былъ кромѣ общаго тарифа 1891 года максимальный тарифъ съ примѣненіемъ его къ Германскому ввозу; мѣсяцъ спустя Германія отвѣтила наложеніемъ 50% добавочной пошлины на русскій ввозъ; Россія немедленно наложила 50% добавочной къ ставкамъ максимальнаго тарифа пошлины на сельскохозяйственные и мануфактурные германскіе товары и сверхъ того значительный сборъ съ германскихъ кораблей.

издѣлій. Что катается взглядовъ русскаго правительства въ этомъ вопросѣ, то они выражены были въ оффиціальномъ органѣ нашего министерства финансовъ. „Несомнѣнно,—писалъ Вѣстникъ Финансовъ,—что подписаніе трактата, послѣ упорной и продолжительной борьбы, могло воспослѣдовать лишь при обоюдномъ убѣжденіи договаривающихся сторонъ, что постановленія, въ трактатѣ содержащіяся, выгодны для каждой изъ нихъ. Посему выгодность условій трактата для Германіи ни мало не исключаетъ таковую же выгодность для Россіи и обратно. Было бы вполнѣ ошибочно изъ полезности договора для одной стороны заключать о безвыгодности его для другой. Вообще трактатъ, заключенный на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, можетъ удовлетворять своему назначенію, какъ государственному акту успокоенія и умиротворенія, только въ томъ случаѣ, если онъ обоюдно выгоденъ и полезенъ, а слѣдовательно и не можетъ давать поводовъ къ неудовольствіямъ, дѣйствительно основательнымъ". Обѣ стороны сдѣлали лишь тѣ уступки, безъ которыхъ не могло бы состояться заключеніе договора; а такъ какъ всякій миръ былъ неизмѣримо лучше безысходнаго разлада, результатъ долженъ считаться благопріятнымъ для Россіи и Германіи.

Русско-Германскій трактатъ имѣлъ большое политическое значеніе, независимо отъ возможнаго своего вліянія на промышленность. Въ наше время упроченіе и регулировиніе экономическихъ связей между народами составляютъ вѣрнѣйшую гарантію мира. Когда Германія заключала въ 1891 г. торговый трактатъ съ Австро- Венгріею, то сдѣланныя ею тогда уступки оправдывались политическими соображеніями тройственнаго союза; теперь же всѣ германскія уступки въ пользу австрійцевъ распространялись eo ipso на русскихъ подданныхъ, въ силу признанія за Россіею правъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Получивъ отъ Германіи всѣ тѣ промышленныя и торговыя льготы, которыя предоставлены были ближайшей ея союзницѣ, Австро-Венгріи, мы тѣмъ самымъ вступили въ періодъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ германскою имперіею и вышли изъ положенія изолированности относительно державъ тройственнаго союза.

Лишившись своихъ преимуществъ передъ Россіею въ торговлѣ съ Германіею и не пользуясь правами послѣдней въ сношеніяхъ съ Россіею по ввозу и вывозу товаровъ, Австро-Венгрія оказалась съ своей стороны заинтересованною въ скорѣйшемъ заключеніи такого же трактата съ нашимъ отечествомъ, чтобы не потерпѣть сильнаго ущерба въ своей м. торговлѣ. Дѣйствительно, 6 (18) мая 1894 г. подписана была конвенція съ нею, въ силу которой Австро-Венгрія обязывалась не взимать съ русскихъ зерновыхъ хлѣбовъ иныхъ болѣе высокихъ пошлинъ, чѣмъ тѣ, которыя значились въ дѣйствовавшемъ въ то время общемъ австровенгерскомъ тарифѣ, а Россіи предоставляла австровенгерскимъ товарамъ льготы, установленныя договорамъ ея съ Германіею въ пользу товаровъ германскихъ.

За послѣдующее время положеніе осталось, въ сущности, безъ перемѣнъ. Уступая требованіямъ аграріевъ въ рейхстагѣ, Германія установила новый автономный таможенный тарифъ въ концѣ 1902 г. съ значительнымъ повышеніемъ для ввоза хлѣбовъ и продуктовъ животноводства, а Россія ввела общій новый таможенный тарифъ по европейской границѣ 13. I. 1903 г., вносящій огромное повышеніе (50—100%) промышленныхъ и фискальныхъ пошлинъ и примѣняющійся

къ тѣмъ странамъ, съ которыми не будутъ заключены торговые договоры. При такихъ условіяхъ возобновлены были Россіею торговые договоры съ Германіею 51—28. VII. 1904 г. и съ Франціею 16—29. IX. 1905 г., подъ названіемъ дополнительныхъ конвенцій къ договорамъ 1894 и 1874 г., къ обоимъ приложены новые конвенціонные тарифы для наиболѣе важныхъ товаровъ. При этомъ конвенціонные тарифы съ Германіею содержатъ значительное повышеніе ставокъ (установленныхъ впрочемъ по минимальнымъ ставкамъ герм. тарифа 1902 г.) на ввозъ русскихъ хлѣбовъ и менѣе значительное на сахаръ, лошадей, свиней, птицу и масло, а также повышеніе въ свою очередь ставокъ на нѣкоторые предметы германской промышленности, ввозимые къ намъ. Когда въ рейхстагѣ герм. канцлеръ гр. Бюловъ возвѣстилъ въ началѣ 1901 г. о намѣреніи герм. правительства повысить пошлины на хлѣбъ, то наша официозная „Торг.-Пром. Газета“ въ рѣзкой статьѣ грозила, что „Россія держава и независимая и могущественная никогда не согласится на заключеніе такого договора, при которомъ она должна будетъ подвергать свои сельскохозяйственныя произведенія еще болѣе высокому таможенному обложенію, чѣмъ нынѣ“ (т. е. по договору 1894 г.); она угрожала также закрытіемъ русскаго рынка для герм. промышленности и готовностью Россіи „отвѣтить на каждую репрессалію репрессаліею же“. Завершилось же дѣло заключеніемъ конвенціи 1904 г. ,имѣющей сохранить силу до конца 1917 года. Конвенція эта являлась пораженіемъ Россіи на почвѣ экономическихъ интересовъ: наше правительство не только не добилось умѣренныхъ пошлинъ для русскихъ хлѣбовъ, но не успѣло провести повышенныя ставки нашего тарифа для герм. товаровъ въ томъ видѣ, какъ онѣ установлены были нашимъ автономнымъ тарифомъ 1903 г., служившимъ для насъ основой переговоровъ. Россія отказалась отъ этой главной боевой мѣры, заключавшейся въ этомъ тарифѣ и спеціально направленной противъ Германіи,—отъ дифференціаціи сухопутныхъ (болѣе высокихъ) и морскихъ (пониженныхъ) таможенныхъ пошлинъ, выдвинутой въ тарифѣ въ цѣляхъ затрудненія германскаго ввоза, идущаго, главнымъ образомъ, сухимъ путемъ, и облегченія англійскаго и французскаго морского импорта. Въ результатѣ получилось лишь усиленіе промышленнаго протекціонизма и стѣсненіе сельскохозяйственнаго сбыта.

Заканчивая нашъ историческій очеркъ м. торговыхъ договоровъ, мы должны еще замѣтить, что при широкомъ развитіи всемірной торговли, эгоистичная, своекорыстная торговая политика послѣднихъ вѣковъ была безусловно вредна для интересовъ и госуд-въ, и народовъ, которые ее преслѣдовали. Солидарность торговыхъ интересовъ всѣхъ народовъ становится въ настоящее время главною основою торговыхъ договоровъ. Критеріемъ выгодности торговаго договора мы признаемъ уже не экономическое порабощеніе или парализованіе однимъ государствомъ другого контрагента, а устраненіе или сокращеніе контрагентами тѣхъ тягостей и ограниченій, которыя еще стѣсняютъ торговлю и судоходство въ чужомъ государствѣ, облегченіе взаимной торговли и сношеній на почвѣ согласованія взаимныхъ интересовъ. Торговые трактаты нашего времени являются факторами м. солидарности и общенія болѣе могучими, чѣмъ чисто политическіе договоры, на которыхъ въ прежнія времена создавались искусственные политическіе союзы госуд-въ и народовъ.

Въ отличіе отъ торговой политики современныхъ культурныхъ госуд-въ въ Европѣ,—политики, основанной на принципахъ равноправности и свободной конкуренціи,— въ отношеніи внѣевропейскихъ странъ эти госуд-ва въ своей торговой политикѣ даютъ болѣе простора своему торговополитическому эгоизму. Погоня за рынками для сбыта своихъ мануфактурныхъ издѣлій и ввоза сырья,—таковъ основной мотивъ колоніальной политики относительно азіатскихъ полуцивилизованныхъ госуд-въ и Африки. Вопреки принципамъ о свободной коллективной м. эксплуатаціи внѣевропейскихъ территорій, выраженнымъ въ актахъ Берлинской и Брюссельской конференцій, европейскія госуд-ва, не довольствуясь этою конкурренціею, торопятся раздѣломъ свободныхъ территорій Африки, присвоеніемъ ихъ для болѣе или менѣе исключительной эксплуатаціи ихъ. Эта горячка колоніальныхъ пріобрѣтеній въ Африкѣ вызвала столкновеніе между европейскими госуд-вами и сознаніе въ необходимости размежевыванія между ними. Съ этою цѣлью между ними заключенъ въ девятидесятыхъ годахъ XIX в. цѣлый рядъ взаимныхъ договоровъ относительно размежевыванія не только ихъ колоніальныхъ владѣній, но т. наз. „сферъ ихъ интересовъ“ въ Африкѣ, т. е. такихъ территорій, для освоенія коихъ у нихъ не хватало пока средствъ, но на которыя онѣ уже имѣютъ виды (преимущественно верховья рѣкъ, устья коихъ уже захвачены, и т. наз. Hinterland). Само собою разумѣется, что главная цѣль этихъ соглашеній,—по возможности безпрепятственная экономическая и торговая эксплуатація захваченнаго тѣмъ или инымъ госуд-вомъ колоніальнаго владѣнія или территоріи, входящей въ составъ его „сферы интересовъ“.—Что касается азіатскихъ госуд-въ, то европейскія державы въ своихъ отношеніяхъ съ ними главнымъ образомъ стараются подчинить ихъ своему политическому вліянію и безпрепятственной, по возможности, торгово-экономической ихъ эксплуатаціи. Для понужденія ихъ къ вступленію въ торговыя сношенія съ Европой и къ открытію своимъ подданнымъ болѣе или менѣе свободнаго доступа въ нихъ, европейскія госуд-ва неоднократно прибѣгали даже къ силѣ оружія (напр. относительно Китая). Но достигнувъ этого, европейскія госуд-ва лишь неохотно довольствуются здѣсь свободною конкуренціею и каждое,—въ особенности госуд-во съ развитою промышленностью и торговлею,—старается эксплуатировать азіатское государство въ пользу своей промышленности и торговли, по возможности съ исключеніемъ подобной же эксплуатаціи другими. Наиболѣе рельефный примѣръ такой борьбы за исключительные рынки представляютъ послѣднія событія въ Китаѣ. Опираясь на услуги оказанныя Китаю вовремя послѣдней войны его съ Японіею, Германія, Россія и Франція вынудили Китай въ 1895 г. къ уступкѣ имъ извѣстныхъ портовъ и къ признанію прилегающихъ къ этимъ портамъ, иногда весьма значительныхъ частей имперіи, входящими въ „сферу ихъ интересовъ“. Такую же сферу интересовъ отмежевала себѣ вслѣдъ за ними и Англія, сначала упорно, но безуспѣшно отстаивавшая теорію „свободныхъ воротъ“, т. е. свободный м. конкуренціи въ торгово-экономической эксплуатаціи Китая. Въ настоящее время каждая изъ названныхъ державъ пользуется въ предѣлахъ своей „сферы интересовъ“ въ Китаѣ преимущественнымъ правомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, на разработку мѣстныхъ естественныхъ богатствъ, угольныхъ копей и рудниковъ и т. п.

Содержаніе торговыхъ трактатовъ. Современные торговые договоры обыкновенно заключаютъ въ себѣ три группы постановленій: 1) постановленія, имѣющія своимъ предметомъ собственно свободу торговли; 2) постановленія касательно правъ взаимныхъ подданныхъ въ отношеніи мореплаванія и судоходства, и 3) постановленія, касающіяся вообще правового положенія подданныхъ договаривающихся госуд-въ. Мы уже разсмотрѣли постановленія двухъ послѣднихъ группъ, и потому теперь остановимся лишь на постановленіяхъ о свободѣ торговли. (См. Мелле, Торговые трактаты).

а) Въ новѣйшихъ торгов. договорахъ безусловно устанавливается для подданныхъ договаривающихся сторонъ принципъ *свободы торговыхъ оборотовъ* на началѣ взаимнаго *равенства* контрагентовъ, исключающаго всякія ограниченія съ одной стороны, и исключительныя монополіи съ другой. Обыкновенно первая статья всякаго торговаго договора постановляетъ, что „подданные и суда высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ взаимно пользоваться полною и совершенною свободою (plaine et entiére liberté) торговли и плаванія“ во взаимныхъ владѣніяхъ контрагентовъ (Россія-Франція 1874 г.—Испанія 1887 г.). Но эту свободу торговли не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой придается этому понятію въ политической экономіи; свобода торговли (liberté de commerce, freedom of commerce), гарантируемая всѣми безъ исключенія торгов. трактатами новѣйшаго времени, не означаетъ фритредерства (libre échange, freetrade). Государства, въ силу своего суверенитета, вообще пользуются полною свободою самостоятельно опредѣлять свою торговую и таможенную политику; торговые договоры служатъ лишь къ урегулированію торговыхъ сношеній между ними. Но никакое госуд-во не въ правѣ закрывать свою страну вообще для всякихъ торговыхъ сношеній. Поэтому „свобода“ торговли, въ смыслѣ незапрещенія ввоза, вывоза и транзита товаровъ, является общимъ правиломъ у всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ госуд-въ; но госуд-во въ правѣ установить *условія* этого ввоза, вывоза и транзита и эти условія регулируются заключаемыми имъ торговыми договорами. Так. обр. договорная свобода торговли возможна и при покровительственной системѣ торговой политики госуд-ва; не уничтожая въ принципѣ самостоятельности госуд-ва относительно его таможеннаго законодательства, договорная свобода торговли одинаково совмѣстима и съ автономнымъ, и съ конвенціоннымъ тарифомъ и означаетъ лишь отмѣну таможенныхъ *запрещеній* и разрѣшеніе иностраннымъ товарамъ *свободнаго доступа* (libre accès) на рынки контрагентовъ.

Вопросъ о размѣрахъ таможенныхъ пошлинъ, о покровительственной или просто финансовой таможенной системѣ здѣсь нисколько не предрѣшается. Такъ, государства, держащіяся строго покровительственной системы, каковы Испанія и Россія, все-таки гарантировали другъ другу „полную свободу торговли“ (въ трактатѣ 1887 г.) сохраняя однако свои автономные протекціонистскіе тарифы [1]). Согласно покровительственной системѣ своей таможенной политики, Россія всегда отстаивала независимость своего таможеннаго тарифа и въ своихъ договорахъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ новѣйшихъ торг. договорахъ Россіи указанной формулы мы уже не встрѣчаемъ. Такъ, въ договорѣ Россіи съ Германіею 1894 года вмѣсто провозглашенія свободы торговли говорится: „Договаривающіяся стороны обязуются *не стѣснять* обоюдныхъ торговыхъ сношеній между обѣими странами никакими воспрещеніями по привозу и вывозу“. Въ торг. договорѣ съ Японіею 1907 г. ст. 2: „Подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ могутъ, на какомъ бы то ни было мѣстѣ другой стороны, производить, при соблюденіи мѣстныхъ законовъ, правилъ и предписаній, всякаго рода промыслы и ремесла, торговлю оптовую или розничную всѣми произведеніями, издѣліями промышленности и товарами, торговля коими дозволена, какъ лично, такъ и черезъ своихъ представителей, или одни, или въ обществѣ съ иностранцами или съ подданными страны“. Ст. 1 торг. дог. съ Болгаріею 1905 г. по просту признаетъ равноправность обоюдныхъ подданныхъ съ туземцами по производству торговли и промысловъ.

b) Договорная *свобода ввоза* иностранныхъ товаровъ *ограничивается платежомъ таможенныхъ пошлинъ* въ размѣрѣ, опредѣленномъ внутреннимъ законодательствомъ контрагента (его автономнымъ тарифомъ) или же самимъ договоромъ (договорнымъ или конвенціоннымъ тарифомъ).

Относительно опредѣленія таможенныхъ пошлинъ торговые договоры могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) договоры, содержащіе лишь спеціальныя тарифныя соглашенія, устанавливающія спеціальный для контрагентовъ договорный или конвенціонный тарифъ; 2) договоры, устанавливающіе на ряду съ договорнымъ тарифомъ условіе о наибольшемъ благопріятствованіи, и 3) договоры, ограничивающіеся взаимнымъ предоставленіемъ контрагентами правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ ими народовъ безъ установленія спеціальнаго льготнаго тарифа. Дого-

1) Выгоды конвенціоннаго тарифа выговорены были лишь для торговли между Испаніею и Финляндіею.

ворами первой категоріи контрагентъ обязывается не взимать съ товаровъ другого контрагента болѣе высокихъ пошлинъ, чѣмъ какія установлены въ договорномъ тарифѣ, который является, слѣдовательно, для контрагентовъ максимальнымъ тарифомъ; но здѣсь онъ ограниченъ единственно только относительно своего контрагента, а не третьихъ государствъ. При договорахъ третьей категоріи,—безъ тарифа,—контрагентъ, дарующій права наиболѣе благопріятствуемаго имъ госуд-ва, не лишается права возвысить свой автономный тарифъ, но не имѣетъ права ставить своего контрагента въ положеніе менѣе льготное, чѣмъ какое бы то ни было третье государство. Наконецъ, наибольшимъ ограниченіямъ подвергается госуд-во при заключеніи договора второй категоріи (тарифъ и наибольшее благопріятствованіе). Оно лишается возможности какъ *вообще* возвышать свои пошлины, такъ и умелышать ихъ въ пользу одного какого-либо третьяго государства; но за то контрагенты, договорившись о взаимныхъ максимальныхъ пошлинахъ въ договорномъ тарифѣ, пріобрѣтаютъ увѣренность не только въ невозможности возвышенія этихъ пошлинъ, но и въ невозможности, въ теченіе времени дѣйствія договора, конкурренціи третьяго госуд-ва путемъ разрѣшенія ему контрагентомъ болѣе льготныхъ, понпженныхъ пошлинъ. При такихъ условіяхъ взаимная торговля можетъ пріобрѣсти болѣе устойчивости, такъ какъ при торговыхъ операціяхъ возможенъ болѣе вѣрный и точный разсчетъ всѣхъ возможныхъ выгодъ.

При господствѣ меркантильной и покровительственной системы, торговая политика госуд-ва относительно различныхъ госуд-въ бывала различная, и это различіе выражалось въ цѣлой системѣ т. наз. дифференціальныхъ пошлинъ. Система западноевроп. торговыхъ трактатовъ приняла (по почину, положенному Франціею въ ея договорѣ съ Англіею 1860 г.) за правило примѣненіе однообразнаго льготнаго тарифа для всѣхъ договорныхъ госуд-въ безъ различія и однообразнаго же общаго тарифа для государствъ, не связанныхъ договоромъ. Въ новѣйшихъ трактатахъ въ основу договорнаго тарифа кладется либо общій автономный тарифъ контрагентовъ, въ такомъ случаѣ они ограждаютъ себя отъ возможнаго повышенія этого тарифа,—либо спеціальный „конвенціонный“ тарифъ, дарующій ввозу контрагента особыя льготы по опредѣленнымъ ставкамъ.

Договорный (конвенціонный) тарифъ представляетъ собою рядъ обоюдныхъ сбавокъ въ таможенныхъ ставкахъ, заключающихся въ обоюдныхъ общихъ автономныхъ тарифахъ (примѣръ—трактатъ Россіи съ

Германіею 1894 и 1904 гг.,—съ Франціею 1892 и 1905 гг.), или же контрагенты обязываются взаимно примѣнять льготные (минимальные) тарифы, сполна или лишь въ наиболѣе интересующихъ контрагента ставкахъ), если у нихъ таковые установлены. (Франція примѣняетъ свой автономный минимальный тарифъ взамѣнъ условія о наибольшемъ благопріятствѣ). Помимо сбавокъ въ пошлинахъ, контрагенты обязываются не возвышать своихъ тарифовъ въ теченіе договорнаго срока. Наконецъ, конвенціонный тарифъ можетъ заключать большее или меньшее число товаровъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ послѣдующаго предоставленія однимъ изъ контрагентовъ большихъ льготъ третьему государству, другой контрагентъ, пользующійся правами наиболѣе благопріятствуемаго народа, получаетъ право на этотъ болѣе льготный тарифъ, несмотря на существующій у него съ первымъ контрагентомъ конвенціонный тарифъ.—Иногда вмѣсто пониженія тарифныхъ ставокъ контрагентъ обязуется лишь не возвышать ихъ, взамѣнъ льготъ, предоставляемыхъ ему другимъ контрагентомъ (примѣръ: трактаты С. Штатовъ послѣдняго времени).

Льготный тарифъ предоставляется либо исключительно въ пользу сырыхъ продуктовъ и національныхъ фабрикатовъ контрагента, либо вообще въ пользу сырья и фабрикатовъ, ввозимыхъ контрагентомъ. Въ первомъ случаѣ для пользованія конвенціоннымъ тарифомъ требуется засвидѣтельствованіе *происхожденія товаровъ*, т. е. требуется оффиціальное свидѣтельство въ томъ, что они дѣйствительно продуктъ страны, пользующейся тарифною льготою (напр., русско-румынскій, русско-германскій трактатъ 1894 г.). Во второмъ же случаѣ не дѣлается никакого различія между свидѣтельствомъ о происхожденіи товара изъ извѣстной страны (certificat de provenance) и свидѣтельствомъ о томъ, что товаръ есть продуктъ этой страны (certificat d'origine), такъ что для льготы достаточно, чтобы товаръ, хотя и продуктъ третьей страны, былъ націонализованъ вывозомъ его изъ договорнаго государства. Когда льгота дарується только продуктамъ контрагента, то подъ это понятіе подводятся обыкновенно и товары, сфабрикованные изъ иноземнаго сырья и даже товары иноземнаго происхожденія, но переработанные контрагентомъ (наприм., очищенная иноземная нефть). Обязанность выдачи или по меньшей мѣрѣ засвидѣтельствованіе такого рода удостовѣреній возлагается обыкновенно на консуловъ государства, куда ввозится по льготному тарифу товаръ.

Для торговыхъ сношеній спеціально *пограничныхъ* мѣстностей договаривающихся госуд-въ (Grenzverkehr) обыкновенно устанавливаются спеціальныя таможенныя льготы. „Сопредѣльная полоса“ опредѣляется обыкновенно въ 10—15 и до 50 километровъ шириною. Льготою пользуются обыкновенно въ этомъ случаѣ только сельскохозяйственные предукты и кустарныя (не фабричныя) издѣлія мѣстнаго населенія и притомъ для мѣстнаго потребленія пограничнаго же населенія.

Освобожденіе отъ ввозныхъ пошлинъ разрѣшается также въ пользу товарныхъ *образцовъ* подъ условіемъ обратнаго вывоза ихъ. (Примѣръ: ст. 4 дог. съ Франціею 1905 г.).

Иногда госуд-во требуетъ, чтобы для пользованія договорными льготами товаръ контрагента ввезенъ былъ непосредственно, т. е. не проходя черезъ территорію третьяго госуд-ва. Такъ, во Франціи до настоящаго времени существуетъ добавочная пошлина, т. наз. surtaxe d'entrepôt.

Сравнительно съ ввозными пошлинами *вывозныя* и *транзитныя* (съ проходящихъ черезъ территорію одного контрагента товаровъ другого контрагента) играютъ совершенно второстепенную роль. Транзитныя пошлины въ настоящее время ни въ одномъ, кажется, европейскомъ государствѣ, кромѣ Турціи, не существуютъ. Вывозныя пошлины примѣняются преимущественно къ сырымъ матеріаламъ ради сохраненія ихъ для отечественной обрабатывающей промышленности.

c) Хотя опредѣленіе свободы торговли какъ „полной и совершенной“ должно быть понимаемо какъ недопускающее никакихъ *запрещеній* ввоза, вывоза или транзита товаровъ, но возможны и исключенія изъ этой свободы, только не изъ торгово-политическихъ или экономическихъ соображеній, (напр., случайное паденіе цѣнъ не мож. б. предлогомъ для запрещенія ввоза), а на основаніи финансовыхъ или санитарныхъ и полицейскихъ мотивовъ и изъ соображеній государственной самообороны. Русско-германскій договоръ 1894 г. постановляетъ, что изъятія изъ свободы обоюдныхъ торговыхъ сношеній „допускаются лишь для товаровъ, которые составляютъ или будутъ составлять у одного изъ контрагентовъ предметъ государственной монополіи, а также для нѣкоторыхъ предметовъ, для коихъ въ интересахъ гигіены, ветеринарной полиціи или общественной безопасности или же по инымъ соображеніямъ чрезвычайной важности могутъ потребоваться исключительныя запретительныя мѣры“. Тутъ подразумѣв., напр., ввозъ скота или тряпья изъ мѣстн., гдѣ свирѣпствуетъ эпизоотія или эпидемія. Такая оговорка дѣлается въ большинствѣ трактатовъ. Точно такъ же договорная свобода ввоза и вывоза

не лишаетъ контрагента права запрещать принципіально, а не въ видѣ временной только мѣры, ввозъ или вывозъ *извѣстныхъ опредѣленныхъ товаровъ*,—напр., ввозъ взрывчатыхъ веществъ, низкопробной иностранной монеты, картинъ и изданій опасныхъ для общественной нравственности или существующаго государственнаго и общественнаго строя, вывозъ памятниковъ искусства и древностей и т. п. Необходимое однако условіе правомѣрности такого рода запрещеній,—примѣненіе ихъ ко *всѣмъ* иностранн. госуд-вамъ въ случаѣ, если запрещеніе это принципіальное (и притомъ оно должно быть установлено для всѣхъ одновременно—если оно издается уже при дѣйствіи даннаго трактата), или же *однообразное* примѣненіе запрещенія ко всякому госуд-ву при одинаковыхъ (соотвѣтственныхъ) обстоятельствахъ (напр., при обнаруженіи эпидеміи или эпизоотіи), если оно временное.

d) Торговля съ *колоніями* признается новѣйшими трактатами свободною. Составляя съ метрополіею, въ сущности, одно цѣлое, колоніи часто пользуются, однако, вслѣдствіе особности своихъ торговополитическихъ интересовъ, правомъ на самостоятельный таможенный тарифъ, но въ силу котораго метрополія пользуется большими или меньшими преимуществами передъ посторонними державами. Поэтому въ новѣйшихъ торговыхъ договорахъ торговыя права контрагента либо приравниваются къ правамъ метрополіи, либо контрагенту предоставляются права наиболѣе благопріятствуемаго (метрополіею) народа [1]).

e) Условія *транзитной торговли* устанавливаются обыкновенно по соглашенію контрагентовъ. Обыкновенно транзитъ разрѣшается безпошлинно, но государство можетъ закрыть для него извѣстныя направленія и пути. Транзитные товары освобождаются отъ пошлины независимо отъ того, привозятся ли они прямо или же на пути сгружаются въ склады и вновь нагружаются (примѣръ: Россія-Германія 1894 г.).

f) Къ числу постановленій, касающихся торговли, можно отнести и встрѣчающіяся иногда въ торговыхъ договорахъ особыя постановленія о взаимномъ признаніи акціонерныхъ компаній, объ охранѣ фабричныхъ клеймъ, о мѣрахъ противъ контрабандной торговли и о взаимномъ содѣйствіи въ преслѣдованіи контрабандистовъ, о правахъ консуловъ и т. п.

---

1) Мы уже замѣтили выше, что Англія предоставляетъ своимъ автономнымъ колоніямъ право отказаться отъ принятія торговаго договора, заключеннаго метрополіею. Въ 1898 г. Канада объявила, что она повыситъ ввозныя пошлины на англійскіе товары, такъ какъ она считаетъ не выгоднымъ постановленіе англо-германскаго договора 1865 года, приравнивающее германскій ввозъ и вывозъ въ Канадѣ къ англійскому.

g) *Условіе о „наиболѣе благопріятствуемой націи“*. Предоставленіе госуд-вомъ извѣстныхъ преимуществъ по торговлѣ другому госуд-ву при заключеніи съ нимъ торговаго трактата естественно вызывало въ третьихъ госуд-вахъ желаніе достигнуть подобныхъ же льготъ и въ пользу своихъ подданныхъ, а политическія соображенія нерѣдко заставляли соглашаться на такое требованіе. Отсюда встрѣчаемое уже въ комерческихъ трактатахъ XVII в. условіе о предоставленіи контрагенту „правъ наиболѣе благопріятствуемой націи“ (clause de la nation la plus favorisée, Meistbegnstigungs-clausel [1]). Права наиболѣе благопріятствуемаго народа, предоставляемыя контрагенту мог. касаться: 1) только *личн. и имущественныхъ правъ и преимуществъ* подданн. контрагента и ихъ *правъ по производству торговли и судоходству* [2]) въ предѣлахъ госуд-ва, дарующаго эти права; или же 2) они могутъ обнимать вмѣстѣ съ тѣмъ и *таможенныя льготы* по ввозу и вывозу товаровъ, выговоренныя въ пользу другихъ контрагентовъ госуд-ва. Такъ, ст. 1 договора Россіи съ Германіею 1894 года гласитъ: „Уроженцы одной изъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ на территоріи другой стороны тѣми же правами, преимуществами, льготами и изъятіями, какія дарованы подданнымъ наиболѣе благопріятствуемой державы. И затѣмъ перечисляются эти права. Далѣе, въ ст. 6—9, спеціально опредѣляются права и преимущества обоюдныхъ подданныхъ въ отношеніи платежа таможенныхъ пошлинъ, при чемъ помимо установленныхъ въ этихъ статьяхъ спеціальныхъ взаимныхъ таможенныхъ льготъ конвен-

[1]) Наиболѣе полную и широкую формулировку условія о наибольшемъ благопріятствованіи мы находимъ въ ст. 30 договора Германіи съ Никарагуа 1896 г.: „Обѣ высокія договаривающіяся стороны даруютъ взаимно другъ другу въ дѣлахъ торговли, судоходства и въ консульскихъ дѣлахъ точно такія же права и привиллегіи, какія предоставлены ими или будутъ предоставлены въ будущемъ наиболѣе благопріятствуемой націи; причемъ подъ привиллегіями, льготами, правами и т. п. „наиболѣе благопріятствуемой націи“ понимаются тѣ привиллегіи, льготы, права и т. п., которыя уже предоставлены или будутъ предоставлены другой націи по какому бы то ни было договору или какою бы то ни было конвенціею, все равно, какъ бы они ни назывались,—договоръ о наибольшемъ благопріятствованіи, мирный, о дружбѣ, торговый, консульскій, о взаимности, конвенція о тарифѣ,—каковы бы ни были причины такихъ привиллегій, льготъ уступокъ или пониженій таможенныхъ тарифовъ и т. п., и каковы бы ни были тѣ уступки, которыя были сдѣланы одною или обѣими договаривающимися сторонами съ цѣлью добиться этихъ договорныхъ или конвенціонныхъ соглашеній“.

[2]) Т. е. въ предѣлахъ правъ, предоставляемыхъ торговыми договорами, а не спеціальными конвенціями.—Покойный проф. Мартенсъ, бывшій членомъ Совѣта Минист-ва иностр. дѣлъ, говорилъ мнѣ, что ему неоднократно приходилось давать заключеніе на счетъ формулы наибольшаго благопріятствованія въ этомъ ограничительномъ смыслѣ. Такъ, однажды турецкое правительство, ссылаясь на означенную формулу въ торговомъ трактатѣ 1862 г. съ Россіею, настаивало на распространеніи на своихъ подданныхъ, умершихъ въ Россіи, порядковъ наслѣдованія, установленныхъ конвенціями Россіи съ другими госуд-вами (Германіею 1874, Франціею 1874, Италіею 1875 и др.), Турецкое правительство получило категорическій отказъ.

ціоннаго тарифа, объявляется, что „произведенія почвы и промышленности Россіи, ввозимыя въ Германію и германскія ввозимыя въ Россію, предназначаемыя для употребленія, для оставленія на складѣ, для обратн. ввоза или для транзита, будутъ пользоваться полною равноправностью съ произведеніями наиболѣе благопріятствуемыхъ державъ и не подвергаются взысканію болѣе высокихъ или иныхъ пошлинъ, чѣмъ тѣ, кои оплачиваются сими послѣдними произведеніями; согласно сему, всякая льгота и преимущество, всякое пониженіе ввозныхъ пошлинъ, значащихся въ общемъ или въ договорныхъ тарифахъ, предоставленное одною изъ договаривающихся сторонъ на время или безъ срока третьей державѣ, немедленно и безусловно распространяются на произведенія почвы и промышленности другой стороны“. (То же въ договорахъ съ Австріею 1860 г., съ Италіею 1863 г. и др.).

Условіе о предоставленіи контрагенту правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа обыкновенно установливается *взаимно* обѣими сторонами. При томъ наибольшее благопріятствованіе разумѣется не только въ объемѣ правъ, предоставленныхъ наиболѣе благопріятств. народу въ моментъ заключенія договора контрагентами, а въ объемѣ правъ, какія будутъ предоставлены каждымъ изъ нихъ въ пользу третьей державы *въ теченіи всего договорнаго срока:* на основаніи условія объ уравненіи съ наиб. благоп. народомъ контрагентъ имѣетъ право требовать равенства съ наиболѣе благопр. народомъ въ теченіи всего срока договора.—Условіе о наиб. благопрятствованіи можетъ быть формулировано *положительно* или *отрицательно*. Въ первомъ случаѣ контрагенты обязываются предоставлять взаимно другъ другу „всякое преимущество по торговлѣ и всякую сбавку пошлинъ, предоставленную уже или могущую быть предоставленною въ будущемъ третьему народу“. Во второмъ случаѣ контрагенты обязываются „ не предоставлять третьимъ госудвамъ болѣе выгодныхъ условій торговли“. Обязательству взаимнаго предоставленія нибольшихъ выгодъ соотвѣтствуетъ обязательство уравненія другихъ народовъ съ наиболѣе благопріятствуемымъ контрагентомъ въ случаѣ возможнаго ограниченія его правъ, т. е. они подвергаются тѣмъ же невыгодамъ. Это правило выражается въ формулѣ: „не устанавливать во взаимныхъ отношеніяхъ такихъ пошлинъ или запрещеній по ввозу и вывозу, которыя не распространялись бы вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣ другіе народы“. Впрочемъ это правило касается лишь стѣсненій торговли, устанавливаемыхъ общимъ законодательнымъ порядкомъ, а не для экстреныхъ случаевъ. Какъ мы уже замѣтили выше, запрещенія или

ограниченія торговыхъ сношеній, принимаемыя въ видѣ времен. мѣры, вызванной особыми временными обстоятельствами, распространяются *на всѣ народы* въ томъ только случаѣ, если всѣ эти народы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ; напр., запрещеніе ввоза скота, вызванное санитарно-полицейскими соображеніями относительно госуд-ва, въ которомъ появилась какая-нибудь эпизоотія, не распространяется на другія госуд-ва хотя бы оно состоялось относительно госуд-ва, пользующагося правами наиболѣе благопріятствуемаго народа.

Иногда въ договорахъ условливаются *ограниченія* относительно примѣненія принципа наибольшаго благопріятствованія. Такъ, въ 11 ст. Франкфуртскаго мирнаго договора Франціи съ Германіею 1871 г. постановлено было, что: „Такъ какъ вслѣдствіе войны торговые договоры (Франціи) съ различными германскими госуд-вами прекращены, то въ основаніе своихъ будущихъ торговыхъ сношеній Германія и Франція положатъ правило о наиболѣе благопріятствуемыхъ народахъ. Это правило будетъ обнимать ввозныя и вывозныя пошлины, транзитъ, таможенныя формальности, допущеніе на территорію контрагентовъ и права обоюдныхъ подданныхъ. Но изъ этого правила исключаются льготы, предоставленныя или же которыя будутъ предоставлены въ силу торговыхъ договоровъ однимъ изъ контрагентовъ въ пользу другихъ народовъ, а именно: Англіи, Бельгіи, Нидерландъ, Швейцаріи, Австріи, Россіи". Такъ же въ ст. 3 торговой конвенціи Россіи съ Австріею 1894 г. исключаются изъ наиб. благопріятствованія таможенныя льготы, не примѣняемыя въ Австріи вообще къ странамъ, пользующимся правами наибольшаго благопріятствованія.

Правило наибольшаго благопріятствованія не распространяется на особыя льготы, предоставляемыя обыкновенно сосѣднимъ госуд-вамъ для облегченія торговаго обмѣна въ *сопредѣльной полосѣ* (trafic lokal d'une zone frontiére, Grenzverkehr) извѣстной ширины, на особыя льготы въ торговыхъ сношеніяхъ метрополіи *съ колоніями*, на монополіи казенныя и на право *каботажа* (—оно даруется лишь подъ условіемъ взаимности); сверхъ того Россія въ своихъ трактат. исключаетъ изъ правила наибольшаго благопріятствованія особыя постановленія, касающіяся ея торговли съ Швеціею и Норвегіею по трактату 1838 г. и съ сосѣдними *азіатскими государствами*. Само собою разумѣется, что наибольшее благопріятствованіе не распространяется и на особыя льготы, даруемыя государствомъ другому, съ которымъ оно находится въ *таможенномъ союзѣ*, такъ какъ госуд-ва, находящіяся въ такомъ союзѣ представляютъ по отношенію къ другимъ госуд-вамъ какъ бы единую торговую и торговополитическую территорію. (Примѣръ: сѣверогерманскій таможен. союзъ 1834—1866 г., союзъ Франціи и княжества Монако съ 1865 г., союзъ Австріи и Венгріи съ 1867 г.).

h) Основнымъ принципомъ торговыхъ трактатовъ нашего времени служитъ принципъ *взаимности*. Но какъ понимать и какъ опредѣлить эту взаимность? О взаимности вполнѣ одинаковыхъ правъ чаще всего не можетъ быть и рѣчи вслѣдствіе различія экономическихъ интересовъ, экономическаго положенія и таможенныхъ системъ у контрагентовъ. Поэтому взаимность эта понимается не въ абсолютномъ, а *въ относительномъ смыслѣ*, напр., она можетъ быть выражена сбавкою аграрныхъ пошлинъ со стороны одного контрагента и мануфактурныхъ пошлинъ со стороны другого.. Точно также и взаимное обезпеченіе контрагентами наибольшаго благопріятствованія безъ установки спеціальнаго конвенціоннаго тарифа можетъ представить собою обмѣнъ весьма разнокалиберныхъ величинъ: предполагая случай, что одинъ контрагентъ держится политики фритредерства, а другой—охранительной, то одна сторона этимъ путемъ пріобрѣтаетъ пользованіе фритредерскимъ тарифомъ контрагента, а другая—лишь протекціоннымъ тарифомъ. Но предоставленіе контрагенту правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа можетъ значительно затруднить и взаимную расцѣнку, такъ сказать, обоюдныхъ уступокъ. Это потому, что по общепринятому обыкновенію наибольшее благопріятствованіе обнимаетъ собою не только льготы, какими пользуются наиболѣе благопріятствуемые контрагентомъ народы въ моментъ заключенія договора, но и всѣ тѣ льготы, какія могутъ быть предоставлены третьему госуд-ву въ теченіи всего того срока, на какой заключенъ договоръ. Так. обр. къ разнороднымъ взаимнымъ уступкамъ контрагентовъ въ данный моментъ заключенія трактата могутъ присоединиться впослѣдствіи измѣненія, зависящія отъ односторонней воли одного лишь контрагента и предусмотрѣть которыя со всѣми ихъ послѣдствіями другой контрагентъ не имѣетъ никакой возможности. Мало того, такъ какъ всякая позднѣйшая льгота при существованіи условія о наибольшемъ благопріятствованіи распространяется и на прежнихъ контрагентовъ госуд-ва, дарующаго ихъ, то эта льгота черезъ это утрачиваетъ уже для пріобрѣтающаго ее госуд-ва часть своей цѣнности какъ объекта обмѣна на соотвѣтственную льготу противной стороны. Поэтому-то въ нѣкоторыхъ трактатахъ при дарованіи контрагенту правъ наиболѣе благопріятствуемаго народа дѣлается оговорка, что „договаривающіяся сто-

роны взаимно обѣщаютъ не предоставлять никакому другому госуд-ву никакихъ преимуществъ или льготъ, которыя не были бы равнымъ образомъ и немедленно распространены на обоюдныхъ подданныхъ *безвозмездно, если* дарованіе оныхъ другому госуд-ву послѣдовало безвозмездно (gratuitement), и за тождественное или равносильное *вознагражденіе* (avec compensation), опредѣляемое по взаимному соглашенію, если дарованіе другому госуд-ву было условное". (Дог. Россіи съ Швейцаріею 1872 г. ст. 7,—съ Италіею 1863 г. ст. 22). Такія оговорки въ особенности имѣютъ значеніе при заключеніи долгосрочныхъ договоровъ.—

По мнѣнію проф. Мартенса, когда извѣстная льгота дарована госуд-вомъ в ъ з а м ѣ н ъ другой, то требованіе третьими госуд-вами такой же льготы для себя было бы противно принципу взаимности и равенства торговыхъ обязательствъ. Такое мнѣніе кажется неопровержимымъ. Но противъ него можетъ быть приведено такое соображеніе, что при наличности договорнаго благопріятствованія, каждый изъ контрагентовъ не только обязывается п р е д о с т а в л я т ь наиб. благопріятствованіе ввозу къ себѣ, но и пріобрѣтаетъ право т р е б о в а т ь его для своего вывоза въ другія страны. Предоставляя контрагенту извѣстныя льготы, не оплаченныя, т. сказать, эквивалентными уступками послѣдняго, госуд-во однако и съ своей стороны пріобрѣтаетъ безвозмездно цѣлый рядъ льготъ, которыя при иныхъ условіяхъ потребовали бы соотвѣтственныхъ уступокъ съ его стороны въ пользу контрагента. Система эквивалентности вмѣсто ощутительной выгоды отъ мнимой равноцѣнности взаимныхъ уступокъ, должна привести въ результатѣ лишь къ вѣчной борьбѣ госуд-въ изъ за того, чтобы достигнуть въ свою пользу уступокъ, уже предоставленныхъ третьимъ госуд-вамъ, т. е.—въ концѣ концовъ—изъ за того-же наибольшаго благопріятствованія. Едва ли возможно придумать торговополитическую систему, которая содержала бы въ самой себѣ болѣе поводовъ и зародышей торговополитической вражды и таможенной войны дифференціальными пошлинами, не говоря уже о томъ, что неравенство въ таможенномъ обложеніи ввоза различныхъ госуд-въ и, слѣд., неопредѣленность таможенныхъ условій иностраннаго рынка всегда неблагопріятно отражаются и на торговыхъ сношеніяхъ съ такимъ рынкомъ.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что если въ трактатѣ (съ третьимъ государствомъ) не сдѣлано оговорки относительно эквивалентности и возмездности таможенныхъ уступокъ, то контрагентъ имѣетъ право требовать безвозмездно преимуществъ наиболѣе благопріятствуемаго народа независимо отъ того, даровано ли въ дѣйствительности то или иное преимущество третьему государству за вознагражденіе или же безвозмездно.

Въ торг. договорахъ, заключенныхъ въ новѣйшее время Германіею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею находится обыкновенно постановленіе, въ силу котораго договаривающіеся обязываются передавать на разрѣ-

шеніе третейскаго суда всѣ споры, могущіе возникнуть изъ за примѣненія и толкованія договора и тарифные споры. Это—такъ наз. компромисарное условіе.

М. с о г л а ш е н і я о т н о с и т е л ь н о с р е д с т в ъ м. с о о б щ е н і я и в ъ о б л а с т и э к о н о м и ч е с к и х ъ и н т е р е с о в ъ. Въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 34) нами указаны существующія нынѣ м. организаціи относительно средствъ м. сообщенія, выразившіяся въ м. почтовой, телеграфной и желѣзнодорожной уніяхъ. Теперь намъ слѣдуетъ ознакомиться съ самымъ содержаніемъ м. соглашеній, лежащихъ въ основѣ этихъ уній.

Изъ всѣхъ м. союзовъ, возникшихъ на почвѣ соціально-экономическихъ задачъ, крупнѣйшимъ является *почтовый союзъ*, называемый всемірнымъ. Въ своей исторіи онъ пережилъ три стадіи развитія. Сознаніе важнаго значенія почты для м. сношеній и необходимости поэтому м. соглашеній о взаимныхъ почтовыхъ сношеніяхъ зародилось еще въ XVII в., когда нѣкоторыя отдѣльныя (преимущественно сосѣднія) государства начали заключать между собою договоры въ цѣляхъ облегченія почтовыхъ сношеній и извлеченія изъ нихъ фискальной выгоды. Первая попытка организаціи м. почтоваго союза относится къ 50 гг. XIX вѣка, когда заключенъ былъ договоръ между Австріей и Пруссіей, къ которому вскорѣ присоединились и остальныя нѣмецкія государства. Договоръ этотъ имѣлъ своею цѣлью пониженіе и установленіе однообразія почтовыхъ тарифовъ, а также однообразіе способовъ пересылки въ договаривающихся госуд-вахъ: вмѣстѣ съ тѣмъ была установлена свобода почтоваго транзита. Болѣе широко вопросъ о м. почтовомъ союзѣ былъ поставленъ на Парижской конференціи 1863 г.; но свою организацію почтовый союзъ подъ именемъ *„всеобщаго"* получилъ лишь на *Бернской конференціи 1874 г.*, причемъ въ составъ его сразу вошло 22 государства. Настоящей своей организаціей онъ обязанъ Вѣнскому конгрессу 1891 г., Вашингтонскому 1897 г. и Римскому 1906 г. Съ 1878 г. почтовый союзъ носитъ названіе *„Всемірнаго"*, такъ какъ въ составъ его входятъ государства (и ихъ колоніи) всего міра, кромѣ Китая. Въ основѣ всемірнаго почтоваго союза лежатъ слѣдующія положенія: территоріальныя границы государствъ, членовъ союза, для почтовыхъ сообщеній (письма, произведенія печати, дѣловыя бумаги и образцы товаровъ) представляются какъ бы не существующими: почтовая корреспонденція и почтовыя посылки пользуются полной свободой транзита; м. такса поч-

товая при однообразіи единицы вѣса вездѣ понижена и приведена къ единообразію; способы и формы пересылки тоже вездѣ однообразны. Эти основныя положенія почтоваго союза развиты послѣдующими конгрессами, собирающимися періодически чрезъ каждыя пять лѣтъ (послѣдній конгрессъ имѣлъ мѣсто въ Римѣ въ 1906 г. См. Собр. узак. и расп. Правит. 1907 г. ст. 1148). Россія принимала участіе во всѣхъ почтовыхъ конгрессахъ. Недостатокъ всѣхъ почтовыхъ конвенцій заключается въ томъ, что онѣ обстоятельно регулируя техническую сторону дѣла, мало касаются юридической: напр., вопроса о пререканіяхъ между почтовыми вѣдомствами и частными лицами, обращающимися къ ихъ услугамъ.

Постояннымъ исполнительнымъ органомъ почтоваго союза служитъ м. почтовое *бюро*, имѣющее свою резеденцію въ Бернѣ. На обязанности этого бюро лежитъ собираніе справокъ объ организаціи почтовой службы въ различныхъ госуд-вахъ, собираніе статистич. свѣдѣній и другихъ матеріаловъ по вопросамъ организаціи почтоваго дѣла, сообщеніе свѣдѣній на запросы госуд-въ и т. д. Иногда бюро выступаетъ въ качествѣ консультанта въ случаѣ споровъ между госуд-вами по тому или иному вопросу почтоваго дѣла; но рѣшеніе его не имѣетъ обязательнаго значенія для спорящихъ сторонъ; къ нему можно обращаться впрочемъ и какъ къ третейскому суду.

Вопросы болѣе общаго характера (напр., о реформахъ въ организаціи союза) рѣшаются періодически собирающимися м. *почтовыми конгрессами*, въ составъ которыхъ входятъ представители почтовыхъ управленій различныхъ государствъ. Нѣкоторыя дѣла на этихъ конгрессахъ рѣшаются по большинству голосовъ. Вопросы спеціально техническаго характера обсуждаются особыми административными *конференціями* (на практикѣ впрочемъ эти конференціи не привились). Конгрессы составляютъ особые наказы, регулирующіе подробности м. почтовой службы.

Помимо всемірнаго почтоваго союза, по тѣмъ или инымъ вопросамъ почтоваго дѣла возможны между союзными госуд-вами и отдѣльныя *групповыя соглашенія*. Предѣлы компетенціи этихъ соглашеній и значеніе ихъ для всемірнаго союза опредѣляются указаніями (стр. 35) соображеніями относительно всякаго рода частныхъ соглашеній по вопросамъ, относящимся къ области компетенціи той или иной уніи. Въ 1909 г. существовало шесть такихъ групповыхъ соглашеній, помимо всемірнаго союза (относительно денежныхъ перегодовъ, цѣнныхъ посылокъ, почтовыхъ порученій, наложенныхъ платежей, удостовѣреній личности и т. д.). Россія участвуетъ въ двухъ изъ нихъ: относительно обмѣна пакетовъ и ящиковъ съ объявленной цѣнностью и относительно обмѣна маловѣсныхъ посылокъ. Наконецъ, отдѣльныя государства (особенно пограничныя) имѣютъ сепаратныя соглашенія о льготныхъ правилахъ для взаимныхъ почтовыхъ сношеній. Напр., Россія съ Германіей, Австріей, Швеціей, Норвегіей и Румыніей. Начиная съ 1902 года Россія заключила цѣлый рядъ конвенцій съ отдѣльн. госуд-вами объ обмѣнѣ денежныхъ почтовыхъ переводовъ.

Идея *Телеграфнаго* м. союза возникла и развивалась приблизительно также, какъ и идея почтоваго союза. Первоначально (съ 1849 г.) отдѣльныя госуд-ва заключали между собою договоры о совмѣстномъ урегулированіи телеграфнаго дѣла. Съ 50 гг. прошлаго столѣтія начали возникать уже групповыя соглашенія. Именно, около этого времени было образовано *два телеграфныхъ союза*, въ составъ перваго изъ нихъ входили Австрія, Пруссія и др. нѣмецкія государства (къ нему въ 1854 г. приступила и Россія), а въ составъ второго—Франція, Бельгія и смежныя съ ними страны. Вопросъ объ образованіи всеобщаго м. телеграфнаго союза былъ впервые поставленъ и рѣшенъ лишь *въ 1865 г. на Парижской конференціи*, въ которой принимали участіе 20 госуд-въ. Парижская конвенція признала непрерывность существованія телеграфной уніи, независимо отъ перемѣнъ въ составѣ ея членовъ и отъ частичныхъ или даже общихъ измѣненій въ текстѣ самого договора, сообразно потребностямъ времени и жизни. Унія имѣетъ въ виду содѣйствовать быстротѣ телеграфнаго сообщенія, устранить различныя затрудненія, возникающія при передачѣ телеграммъ изъ одного государства въ другое, установить однообразный для всѣхъ госуд-въ и удешевленный телеграфный тарифъ и т. д. Правила, принятыя Парижской конференціей, подвергались измѣненіямъ и дополненіямъ на послѣдующихъ телеграфныхъ конференціяхъ, изъ которыхъ важнѣйшая въ этомъ отношеніи *Петербургская* 1875 г. и Берлинская 1885 г. (послѣдняя конференція происходила въ Лондонѣ въ 1903 г.). Въ настоящее время въ составъ телеграфной уніи входитъ 47 членовъ (телеграфныхъ управленій), въ томъ числѣ самостоятельныя госуд-ва, колоніи и даже частныя общества, напр., общества подводныхъ кабелей; въ него не вошли, однако, С. Штаты. Въ регулированіи телеграфнаго дѣла всѣ они руководятся одинаковыми правилами въ отношеніи формы и порядка передачи телеграммъ, распредѣленія доходовъ и расходовъ и т. д. Правила эти изложены въ конвенціи, а въ

особомъ исполнительномъ регламентѣ телеграфной уніи изложены правила собственно техническаго характера. Первыя телеграфныя конференціи носили дипломатическій характеръ,—представителями госуд-въ на нихъ были дипломатич. агенты, а съ 1875 года имъ приданъ чисто административный характеръ: представителями госуд-въ на нихъ являются делегаты высшихъ телеграфныхъ управленій (какъ на почтовыхъ конгрессахъ—почтовыхъ управленій), но компетенція этихъ конференцій не идетъ далѣе пересмотра исполнительнаго регламента, не касаясь основныхъ принциповъ уніи, выраженныхъ въ конвенціи (1875 г.). Какъ и въ почтовой уніи, въ телеграфной допускаются отдѣльныя дополнительныя соглашенія между членами уніи (напр., конвенціи 1890 и 1891 гг. Россіи съ Германіею, Австріею и Франціею).

Главныя постановленія союзной телеграфной конвенціи состоятъ въ слѣдующемъ: Каждое госуд-во обязуется предоставить для мѣстныхъ сношеній достаточное количество линій. Въ предѣлахъ союзной территоріи вводятся однообразныя правила относительно техники телеграфнаго дѣла. Но донынѣ не удалось достигнуть соглашенія относительно единаго тарифа (какъ въ почтов. союзѣ), хотя бы только для европейскихъ сношеній. За каждымъ лицомъ признается право пользоваться телеграфомъ. Телеграммы могутъ быть составлены на любомъ изъ языковъ, употребляемыхъ въ предѣлахъ союза и указанныхъ соотвѣтствующими правительствами въ особыхъ спискахъ. Допускается (на извѣстныхъ условіяхъ) употребленіе тайнаго языка въ государственныхъ, служебныхъ и частныхъ депешахъ. Государства обязываются принять мѣры къ сохраненію тайны телеграфной корреспонденціи. (Подобнаго постановленія нѣтъ въ актѣ почтоваго союза,—тайна писемъ не охраняется междун. путемъ). Но госуд-ва не принимаютъ на себя отвѣтственности по отношенію къ м. телеграммамъ, т. е. телеграфныя управленія не отвѣчаютъ ни за замедленіе, ни даже за искаженіе телеграммы. Госуд-ва удерживаютъ за собою право остановить пересылку каждой частной телеграммы, которая показалась бы вредной для безопасности госуд-ва или противной законамъ страны, или общественному порядку, или нравственности. Сверхъ того, каждое государство, подъ условіемъ извѣщенія всѣхъ остальныхъ союзныхъ правительствъ, сохраняетъ за собой право пріостанавливать м. телеграфныя сообщенія на неопредѣленное время, если признаетъ это необходимымъ,—въ видѣ общей мѣры, или только на извѣстныхъ линіяхъ, или для извѣстной категоріи телеграммъ.

Административнымъ постояннымъ органомъ уніи служитъ „бюро телеграфныхъ управленій“, въ Бернѣ.

Существующія телеграфныя конвенціи также, какъ и почтовыя отличаются техническимъ характеромъ; административная сторона дѣла мало ими урегулирована. Особенно слабо разработанъ вопросъ о преступленіяхъ между членами уніи. Кромѣ того, проф. Мартенсъ отмѣчаетъ еще слѣдующіе недостатки въ телеграфныхъ конвенціяхъ: отсутствіе опредѣленныхъ правилъ относительно междун. охраны телеграфовъ и телеграфныхъ учрежденій; неясность (какъ и въ почтовыхъ конвенціяхъ) юридическихъ отношеній между администраціей телеграфа и отправителями и получателями телеграммъ; отсутствіе отвѣтственности телеграфной администраціи за неисправности при передачѣ телеграммъ; неясность способа исчисленія слогъ, и наконецъ, установленное конвенціями дискреціонное право телеграфной администраціи задерживать телеграммы, опасныя, по ея мнѣнію, для общественнаго спокойствія, порядка или нравственности. Эти недостатки отчасти можно объяснить, по мнѣнію Мартенса, тѣмъ обстоятельствомъ, что телеграфное право вообще слишкомъ мало разработано и на практикѣ, и въ теоріи.

Особаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о *междун. охранѣ* телеграфныхъ сооруженій. Въ такой охранѣ наиболѣе нуждаются *подводные морскіе кабели*, какъ въ виду ихъ важнаго значенія для м. телеграфныхъ сообщеній съ заморскими странами, такъ и въ виду дороговизны и трудности ихъ сооруженія. Междун. правовая защита ихъ весьма желательна особенно въ военное время, когда воюющія стороны вообще склонны прибѣгать къ порчѣ телеграфныхъ сооруженій. Впервые Институтъ м. права въ 1879 г. высказалъ пожеланіе въ пользу заключенія общаго м. договора о мѣрахъ совмѣстной охраны морскихъ кабелей и о м. преслѣдованіи порчи ихъ; при этомъ воюющимъ сторонамъ, по мнѣнію Института, могло бы быть предоставлено только право пріостановки пользованія кабелемъ для противника, но съ воспрещеніемъ уничтожать или повреждать его. Затѣмъ на конференціи *1884 г. въ Парижѣ* была подписана (26 государствами) конвенція относительно *охраны кабелей* въ мирное время. Конвенціею установленъ принципъ свободы устройства каждымъ госуд-вомъ и м. охраны морскихъ кабелей, при чемъ державы обязались принять и внутреннія законодательныя мѣры для такой охраны (у насъ—законъ 8. XII. 1886 г., внесенный въ Уст. о нак. (продолжен. 1906 г.) въ видѣ ст. 101^1 и 101^2; ср. также Угол. Улож. ст. 393 и 394). Конвенція имѣетъ силу только въ открытомъ морѣ, такъ какъ въ предѣлахъ береговыхъ водъ охрана кабеля лежитъ на прибрежномъ государствѣ. Виновный судится и наказывается по законамъ своего отечества. Наказуемымъ (по мѣстнымъ законамъ договаривающихся государствъ) признается всякое поврежденіе кабеля, какъ умышленное,

такъ и совершенное по преступной небрежности. Наблюденіе за нарушеніемъ правилъ о неповрежденіи кабелей возлагается на военныя и другія уполномоченныя къ тому госуд-венныя суда договаривающихся госуд-въ Конвенція имѣетъ силу для всѣхъ подводныхъ телеграфн. кабелей, выведенныхъ на берегъ въ предѣлахъ владѣній одной изъ договаривающихся сторонъ; она имѣетъ силу только въ мирное время. Вопросъ объ охранѣ кабелей въ военное время поднимался на Гаагской мирной конференціи 1899 г., но безъ результатовъ. Во время южно-африканской войны 1899 г. Англія закрыла свои кабели для пользованія нейтральными. (См. Учен. зап. Лицея цес. Николая, 1908 г. вып. 2).

Въ 1906 г. въ Берлинѣ 26 госуд-вами подписана м. *радіотелеграфная* конвенція о сообщеніяхъ по безпроволочному телеграфу,—обмѣнъ сообщеній между береговыми и судовыми станціями обязателенъ. Бернскому м. телеграфному бюро порученъ контроль и наблюденіе за радіотелеграфною сѣтью. (См. Собр. Узак. 1909 г. ст. 371).

Франція заключила съ 1892 г., а Германія и Бельгія съ 1895 г. конвенціи съ сосѣдними государствами относительно *телефонныхъ* сообщеній; цѣль конвенцій—установить единство въ опредѣленіи продолжительности разговора и таксы.

Въ 1909 г. въ Парижѣ подписана м. конвенція объ *автомобильныхъ* м. сообщеніяхъ.

Въ 1910 г. въ Парижѣ состоялась конференція по вопросамъ *воздухоплаванія*.

Наиболѣе разумная эксплуатація *желѣзныхъ дорогъ для м. сообщеній* возможна только при междун. способѣ ея регулированія, что само собою вытекаетъ изъ важнаго культурнаго ихъ значенія въ жизни государствъ и отдѣльныхъ лицъ. Поэтому уже съ 50 гг. XIX в. начинается рядъ групповыхъ соглашеній между отдѣльными сопредѣльными государствами по тѣмъ или инымъ вопросамъ жел.-дорожнаго дѣла. (Россія первую желѣзнодорожную конгенцію заключила лишь въ 1875 г. съ Австріей). Тѣмъ не менѣе общей м. жел.-дорожной конвенціи до сихъ поръ нѣтъ. Частныя м. соглашенія между отдѣльными сосѣдними государствами по вопросамъ желѣзнодорожнаго дѣла касаются условій соединенія обоюдныхъ линій, прямого и транзитнаго м. сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, транспортированія грузовъ, санитарнаго и таможеннаго осмотра грузовъ и пассажировъ на пограничныхъ станціяхъ, совмѣстнаго устройства вокзаловъ, соединительныхъ линій, туннелей, техническаго однообразія м. линій и подвижного состава и т. п.

Вслѣдствіе отсутствія общей м. желѣзнодорожной конвенціи, на практикѣ возникаетъ цѣлый рядъ недоразумѣній между различными государствами по тѣмъ или инымъ вопросамъ, въ особенности относительно опредѣленія отвѣтственности желѣзнодорожныхъ обществъ за перевозку грузовъ и опредѣленія подсудности исковъ о вознагражденіи при прохожденіи груза по дорогамъ нѣсколькихъ государствъ. Поэтому попытки образовать м. желѣзнодорожную унію начинаются уже съ 1878 г. (по почину Швейцаріи). Въ 1886 г. въ Бернѣ заключена зап.-европейскими государствами (безъ участія Россіи) конвенція относительно единообразной ширины рельсовыхъ путей и однообразнаго жел.-дорожнаго состава съ цѣлью облегченія прямыхъ м. желѣзнодорожныхъ сообщеній, а въ 1890 г. была подписана *въ Бернѣ* восемью государствами центральной Европы и Россіею желѣзнодорожная *конвенція о перевозкѣ грузовъ* (она перередактирована на Парижской конференціи 1896 года, а въ 1906 г. подписавшія ее державы заключили еще дополнительную къ ней конвенцію). Подписавшія ее государства образуютъ *какъ бы одно желѣзнодорожное общество, отвѣчающее за исправность транспортированія* грузовъ по своимъ желѣзнымъ дорогамъ *круговою порукою*. Лицо потерпѣвшее убытки отъ неисправности жел. дорогъ, имѣетъ право предъявить искъ о вознагражденіи къ *той желѣзной дорогѣ*, которой былъ *сданъ товаръ*, хотя бы не она была виновна въ причиненномъ ущербѣ. Уплатившая убытки дорога (принявшая грузъ) имѣетъ затѣмъ право искать ихъ съ дѣйствительно *виновной* стороны, а въ случая отсутствія опредѣленныхъ доказательствъ въ этомъ смыслѣ, убытки распредѣляются между всѣми желѣзнодорожными обществами. Искъ объ убыткахъ предъявляется или въ томъ государствѣ, въ которомъ находится станція отправленія, или по мѣсту нахожденія виновной дороги. Постановленное на основаніи конвенціи рѣшеніе суда одного государства приводится въ исполненіе и не подлежитъ пересмотру въ другомъ.

Участіе въ желѣзнодорожномъ союзѣ не лишаетъ участниковъ права заключать особыя дополнительныя соглашенія для взаимныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. М. желѣзнодорожное бюро союза находится въ *Бернѣ;* компетенція его сходна съ компетенціей бюро почтоваго и телеграфнаго союза. *Правотворящимъ органомъ союза служатъ періодическія коференціи дипломатическихъ представителей государствъ, а не управленій.*

Не менѣе важно въ интересахъ м. экономическаго оборота объединеніе госуд-въ относительно *единицъ мѣры и вѣса*. Тѣмъ не менѣе единеніе ихъ на этой почвѣ далеко еще не достигнуто, хотя кое что сдѣлано и въ этой области. Въ *1875 г., въ Парижѣ* состоялась конференція, на которой подписана *19* госуд-вами м. *метрическая конвенція*, долженствующая подготовить почву для введенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ во всѣхъ госуд-вахъ м. союза. Въ этихъ видахъ конференція постановила создать особую организацію, которая обезпечивала бы полное единство и ненарушимость прототиповъ измѣренія—междун-ныхъ и принятыхъ въ отдѣльныхъ странахъ. Такими учрежденіями являются теперь *м. комитетъ* и состоящее подъ его надзоромъ и руководствомъ *м. бюро вѣсовъ и мѣръ* въ Парижѣ. На обязанности послѣдняго лежитъ *храненіе прототиповъ* (метра и километра), *провѣрка и разсылка копій съ нихъ, сравненіе съ ними національныхъ единицъ мѣры и вѣса* и т. д. Контролирующимъ и правотворящимъ органомъ служитъ *м. конференція*, въ составъ которой входятъ представители 23 государствъ.

Наконецъ, существуютъ также *попытки* установить *общую* для всѣхъ культурныхъ государствъ *монетную систему*. Однако, какъ это ни важно для облегченія м. экономическ. отношеній, тѣмъ не менѣе въ силу различія экономическихъ условій жизни различныхъ госуд-въ, колебаній въ цѣнности серебра, а также подъ вліяніемъ привычки къ установившимся уже монетнымъ системамъ въ томъ или иномъ госу-дѣ, никакого м. соглашенія на этой почвѣ еще не состоялось. Существуютъ лишь *два частныхъ соглашенія* относительно общей монетной системы Это—основанн. въ 1865 г. *на Парижской* конференціи такъ наз. *латинскій монетный* союзъ, въ составъ котораго входятъ Франція, Бельгія, Италія, Швейцарія и Греція, принявшія за монетную единицу *франкъ* опредѣленнаго типа, вѣса и объема и установившія общія правила относительно размѣровъ пускаемой въ оборотъ суммы денегъ, и *Скандинавскій* союзъ, образовавшійся въ 1873 г. и состоящій изъ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Подобно тому, какъ развитіе м. сообщеній вызвало потребность въ м. регулированіи ихъ въ цѣляхъ ихъ облегченія, точно также развитіе м. торгово-экономическаго оборота и расширеніе торговаго м. рынка вызвало сознаніе въ необходимости м. охраны интересовъ такъ называемой *промышленной собственности*. Въ составъ промышленной собственности входятъ: право изобрѣтателя на патентъ, т. е. на исключительное изготовленіе или примѣненіе сдѣланнаго имъ изобрѣтенія, право промышленника отличать свои произведенія наложеніемъ на нихъ отличительнаго клейма или фабричнаго знака и своего торговаго имени и право художника на размноженіе промышленныхъ рисунковъ и моделей имъ изготовленныхъ. Первоначально мы видимъ договоры, заключаемые *отдѣльными государствами*, находящимися въ живомъ торгово-экономическомъ общеніи, съ цѣлью взаимной защиты и промышленной собственности (т. е. товарныхъ знаковъ и клеймъ, моделей и патентовъ на изобрѣтенія и т. п.) своихъ *взаимныхъ подданныхъ*. Въ 1878 г. по иниціативѣ франц. правительства собралась первая частная м. конференція по вопросу о м. охранѣ промышленной собственности, а вслѣдъ за тѣмъ въ Парижѣ въ 1880 г. собралась первая дипломатическая конференція по этому вопросу съ участіемъ 18 государствъ. Выработанная ею конвенція подписана была 11 государствами *въ Парижѣ въ 1883 г.* Этою конвенціею учрежденъ *междун. союзъ для охраны промышленной собственности*. Въ немъ участвуютъ въ настоящее время 22 государства (Россія, и Австро-Венгрія не участвуютъ въ немъ). Члены союза обязываются взаимно предоставлять подданнымъ союзниковъ тѣ же права относительно защиты промышленной собственности, какія предоставляются, на основаніи внутренняго законодательства, *своимъ собственнымъ* подданнымъ. Такъ, каждый изобрѣтатель можетъ потребовать выдачи ему патента въ каждомъ государствѣ, входящемъ въ составъ союза; фабричное клеймо, зарегистрированное въ одномъ госуд-вѣ, пользуется защитой во всякомъ другомъ государствѣ, входящемъ въ составъ союза и т. п. Тѣ же преимущества распространяются на подданныхъ несоюзныхъ государствъ, если они имѣютъ постоянное мѣстожительство или промышленныя или торговыя учрежденія на территоріи одного изъ государствъ союза. (Ср. Пиленко, Право изобрѣтателя).

Въ дополненіе къ конвенціи 1883 г. и на основаніи ея въ 1890 г. на Мадритской конференціи возникли (соглашеніе 1891 г.) двѣ новыхъ, болѣе ограниченныхъ уній, одна—для противодѣйствія фальшивымъ указаніямъ мѣста происхожденія товаровъ (7 государствъ) и другая—для м. регистраціи торговыхъ и фабричныхъ клеймъ (9 государствъ).

Самая конвенція 1883 г. тоже была подвергнута пересмотру на Брюссельскихъ конференціяхъ 1897 и 1900 гг. Измѣненія, произведенныя въ ней актомъ 1900 г. касаются между прочимъ условій, при которыхъ подданные госуд-въ, не входящихъ въ составъ уніи, могутъ пользоваться защитою наравнѣ съ подданными госуд-въ членовъ уніи. Въ силу конвенціи 1883 г. къ подданнымъ госуд-въ членовъ уніи приравнива-

лись иностранные подданные имѣющіе мѣстожительство или промышленное или торговое предпріятіе на территоріи одного изъ госуд-въ членовъ уніи. Актомъ 1900 г. прибавлено условіе, чтобы такія учрежденія были „дѣйствительныя“, а не фиктивныя, и „значительныя“ (sérieux). Кромѣ того конвенція 1900 г. усилила предусмотрѣнныя конвенціею 1883 г. репрессивныя мѣры противъ ложныхъ показаній происхожденія товаровъ и содержитъ новое постановленіе, ограждающее лицъ, допущенныхъ къ пользованію выгодами конвенціи въ предѣлахъ союза, отъ недобросовѣстной конкурренціи наравнѣ съ мѣстными подданными.

Германія въ 1903 году присоединилась къ союзу. Австрія и Россія —нѣтъ. Но Россія съ 1868 г. заключила рядъ отдѣльныхъ договоровъ („деклараций“) съ С.-А. С. Штатами, съ Германіею, Англіею, Бельгіею, Нидерландами, Италіей, Швейцаріей, Швеціей, Норвегіей и Даніей относительно огражденія фабричныхъ и торговыхъ клеймъ. Въ 8 и 9 отд. статьяхъ торг. конвенціи съ Франціею 1905 г. Россія выразила готовность заключить съ нею особыя соглашенія относительно взаимной защиты фабричныхъ знаковъ, промышленныхъ рисунковъ и моделей, привиллегій на изобрѣтенія, наименованій торговыхъ фирмъ.

Подобный же союзъ заключенъ 13 государствами (въ немъ тоже не участвуютъ Россія и Австрія, *для охраны произведеній литературы и искусства*, т. е. для охраны авторскаго права на произведенія литературы и искусства. Литературныя конвенціи между отдѣльными государствами мы встрѣчаемъ начиная съ 1852 г. Въ нихъ защита лит. собственности (авторскихъ правъ) обоюдныхъ подданныхъ устанавливалась подъ условіемъ взаимности. Желательность установленія однообразныхъ принциповъ въ опредѣленіи и охранѣ лит. собственности послужила поводомъ для м. соглашенія по этому вопросу. По иниціативѣ основанной въ 1878 г. въ Парижѣ м. ассоціаціи литераторовъ въ 1883 году въ Бернѣ собралась частная м. конференція; выработанный ею проектъ былъ затѣмъ предложенъ на разсмотрѣніе собравшейся *въ Бернѣ въ 1884 г. дипломатической конференціи*. Выработанная ею конвенція подписана была 10 государствами *въ 1886 г.* Въ силу этой конвенціи, государства члены союза предоставляютъ авторамъ, принадлежащимъ къ одному изъ союзныхъ государствъ такую же защиту, какая оказывается, на основаніи внутренняго законодательства, собственнымъ подданнымъ. Такая же защита оказывается и издателямъ такихъ произведеній, которыя опубликованы въ одномъ изъ союзныхъ государствъ, хотя бы авторъ состоялъ въ подданствѣ госуд-ва, не вступившаго въ союзъ. Кромѣ того Бернская конвенція касается права перевода, права пользованія извлеченіями, права публичнаго исполненія музыкальныхъ и драматическихъ произведеній, права воспроизведенія, права косвеннаго присвоенія путемъ приспособленія, аранжировки и т. п. Конвенція не препятствуетъ заключенію союзниками особыхъ соглашеній, дающихъ бо́льшую охрану авторскимъ правамъ. Актомъ, подписаннымъ на Парижской конференціи 1896 г., нѣкоторыя статьи соглашенія 1886 г. измѣнены. Между прочимъ авторы и ихъ правопреемники сохраняютъ право перевода въ продолженіи всего времени, пока имъ принадлежитъ право на оригиналъ; но они теряютъ это исключительное право перевода, если въ теченіе 10 лѣтъ со времени перваго появленія въ свѣтъ ихъ произведеній, не будетъ ими, или съ ихъ разрѣшенія, изданъ въ одномъ изъ союзныхъ государствъ переводъ на томъ языкѣ, по поводу котораго они требуютъ защиты своего права.

Союзная конвенція примѣняется также къ тѣмъ литературнымъ и художественнымъ произведеніямъ, издатели коихъ живутъ на территоріи одного изъ государствъ союза, хотя бы авторъ ихъ и не состоялъ въ подданствѣ какого либо изъ союзныхъ государствъ. Авторы, не состоящіе въ подданствѣ одного изъ союзныхъ государствъ, но публикующіе или дающіе публиковать въ первый разъ свои произведенія въ одной изъ союзныхъ странъ, пользуются охраной ихъ правъ относительно этихъ произведеній.

Оба союза—для охраны промышленной собственности и для защиты произведеній литературы и искусства имѣютъ общее бюро въ Бернѣ.

Россія (и Австрія) не участвуетъ въ союзѣ. Въ 1861 и 1862 гг. она заключила конвенціи о защитѣ литерат. и худож. собственности съ Франціею и Бельгіею, но по истеченіи ихъ срока въ 1886 г., воспользовалась своимъ правомъ и объявила о прекращеніи дѣйствія этихъ конвенцій. Новый законъ (еще не утвержденный) объ авторскомъ правѣ предусматриваетъ возможность заключенія Россіею литературныхъ конвенцій, а въ 7 отд. ст. торг. конвенціи съ Франціею 1905 г. Россія выразила готовность вступить въ переговоры съ Франціею относительно заключенія соглашенія о взаимной защитѣ авторскихъ правъ на произведенія литературы, искусства и фотографическія. (Тоже въ торг. договорахъ 1904 и 1905 г. съ Германіею и Австріею). Нужно замѣтить, что у насъ господствуетъ въ особенности среди издателей и у Академіи наукъ, твердое убѣжденіе о необходимости сохраненія за нашимъ отечествомъ права на м. литературное и художественное „пиратство“ по от-

редѣленію проф. Мартенса. Литература по этому вопросу очень обширна: монографія Пиленко, Федорова, Борзенко, Канторовича и др.

Въ 1890 г., по иниціативѣ Швейцаріи и Германіи, въ Берлинѣ созвана была м. конференція 13 державъ для установленія основныхъ принциповъ *м. охраны труда* рабочихъ и его м. регламентаціи. Никакихъ ощутительныхъ и обязательныхъ для державъ результатовъ эта конференція не дала. Но съ начала нынѣшняго вѣка нѣкоторыя госуд-ва начали заключать между собою отдѣльные договоры по этому вопросу. Иниціатива принадлежитъ Франціи и Италіи; конвенція 1904 г. уравниваетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (участіе въ сберегательныхъ кассахъ) права рабочихъ подданныхъ контрагентовъ съ правами туземныхъ рабочихъ подъ условіемъ взаимности и устанавливаетъ принципы урегулированія фабричнаго труда, а конвенція 1906 г.—относительно вознагражденія и страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, на случай старости, инвалидности безработицы. Подобные же договоры Франціи и Германіи съ Бельгіею и Люксембургомъ 1905 и 1906 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1905 и 1906 г. въ Бернѣ собирались конференціи по рабочему вопросу, сдѣлавшія въ конвенціи 1906 г. постановленія по запрещенію ночной работы женщинъ и употребленія бѣлаго фосфора въ спичечномъ производствѣ. Россія въ этихъ конференціяхъ не участвовала. (См. Ященко, Междун. конвенціи объ условіяхъ труда, въ Ж. М. Ю. Юст. 1908 янв. О франкоитальянской конвенціи 1904 г. см. ст. гр. Камаровскаго въ Русск. Мысли 1905 г.).

Въ виду важнаго значенія сахара, какъ одного изъ предметовъ первой необходимости и въ виду тѣхъ спекуляцій, къ которымъ —частью въ фискальныхъ интересахъ, частью въ интересахъ протекціонистскихъ —стали прибѣгать госуд-ва въ своей таможенной политикѣ относительно этого продукта, въ Брюсселѣ весною 1902 г. состоялась м. конференція 9 западноевропейскихъ госуд-въ съ цѣлью урегулировать этотъ вопросъ. Брюссельская конвенція *по сахарному дѣлу* заключена на пятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго она имѣетъ ежегодно возобновляться. Цѣль конвенціи—положить конецъ ненормальному положенію м. сахарнаго рынка, созданному системой прямыхъ и косвенныхъ вывозныхъ премій на сахаръ, усвоенною госуд-вами, въ которыхъ сахарное производство достигло болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ (Франція, Германія, Австрія, Россія). Съ цѣлью покровительства сахарному производству и свекловичной культурѣ, эти госуд-ва охраняли свой внутренній сахарный рынокъ высокими ввозными пошлинами и, наоборотъ, всѣми мѣрами (преміи) поощряли вывозъ своего сахара за границу. Разорительность

такой финансовой системы, обнаружившаяся при вступленіи госуд-въ во взаимное соревнованіе на этомъ пути, а также и противодѣйствіе, оказанное этой системѣ С. Штатами, побудили западныя державы предпочесть дальнѣйшей тарифной войнѣ путь взаимнаго соглашенія, въ основаніе котораго положены слѣд. общія начала: договорныя госуд-ва сохранятъ свой національный рынокъ для національнаго производства и въ этомъ направленіи вольны предоставлять своимъ производителямъ всякія льготы и выгоды, какія имъ заблагорасудится; но они отказываются отъ установленія какихъ либо прямыхъ или косвенныхъ премій за вывозъ сахара и обязываются конкурировать на м. рынкѣ съ тѣми условіями, выгодными или невыгодными какія представляетъ ихъ экономическое положеніе, не измѣняя искусственно эти условія; увеличеніе производства должно имѣть цѣлью только увеличеніе потребленія; дабы обезпечить правильность естественной конкуренціи на м. рынкѣ между договорными госуд-вами, территорія этой сахарной уніи ограждается отъ проникновенія на нее премированнаго сахара гос-гъ, въ союзѣ не участвующихъ, а съ этою цѣлью союзныя госуд-ва обязуются облагать сахаръ, ввозимый къ нимъ изъ госуд-въ, гдѣ существуетъ система премій, пошлинами не меньшими, нежели тѣ преміи, прямыя или косвенныя, какія установлены въ его отечествѣ.

Постояннымъ органомъ сахарной уніи является *бюро*, главная задача котораго—собирать свѣдѣнія о законодательствахъ и вести статистику сахарнаго производства во всѣхъ госуд-вахъ. Но кромѣ бюро, наряду съ нимъ и надъ нимъ, установлена еще т. наз. *постоянная комиссія* изъ делегатовъ отъ каждаго изъ государствъ-союзниковъ, какъ наблюдательный органъ за точнымъ исполненіемъ постановленій Брюссельской конвенціи, съ правомъ дѣлать въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязательныя для союзниковъ постановленія. Въ случаѣ констатированія комиссіею факта существованія въ одномъ изъ союзныхъ госуд-въ преміи за вывозъ или производство сахара, комиссія не принимаетъ никакого рѣшенія, но можетъ быть созвана конференція для обсужденія и разрѣшенія его. Точно такъ же на окончательное рѣшеніе конференціи восходятъ мнѣнія комиссіи по спорнымъ вопросамъ, возникающимъ между союзниками. Но нѣкоторыя постановленія и рѣшенія комиссіи имѣютъ обязательную для союзниковъ силу; напр., относительно опредѣленія minimum'а спеціальной пошлины, которою долженъ облагаться въ союзныхъ государствахъ премированный, ввозимый изъ посторонняго государства сахаръ (эти рѣшенія основываются на имѣющихся у комиссіи данныхъ касательно

существующихъ у несоюзныхъ госуд-въ премій), а также обязательны ея заключенія по вопросу о принятіи въ составъ союза новыхъ членовъ.

Россія вошла съ 1907 г. въ составъ союза, при чемъ обязалась не разрѣшать въ теченіе 6 лѣтъ вывоза сахара съ возвратомъ акциза въ количествѣ свыше 1 милл. тоннъ, т. е. 60 милл. пудовъ. (См. Собр. Узак. и расп. 1908 г. ст. 696—701).

М. охрана правъ человѣческой личности и здоровья. Сюда относятся уже указанныя выше м. соглашенія, направленныя противъ негроторговли и работорговли. Сюда же должна быть отнесена подписанная большинствомъ европейскихъ госуд-въ послѣ собравшейся въ 1902 г. въ Парижѣ конференціи конвенція 1904 г. противъ *торга женщинами* въ цѣляхъ разврата. Вторая конференція по тому же вопросу собиралась въ 1906 г. (См. Дерюжинскаго, Междун. борьба съ торговлей женщинами).

У насъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 29. VI. 1866 года объявлено, что русскіе подданные, которые бы занялись вербовкой и перевозкою китайскихъ эмигрантовъ-рабочихъ (кули), не имѣютъ права разсчитывать на покровительство въ этомъ дѣлѣ русскаго правительства (подобное же постановленіе въ конвенціяхъ Китая съ Франціею и Англіею), такъ какъ означенный промыселъ „составляетъ занятіе неблаговидное и вообще мало отличается отъ торга невольниками-неграми“.

Брюссельскій Актъ о Конго 1885 г. и противоневольничій 1890 г. озабочиваются охраной туземныхъ народовъ центральной Африки, ихъ нравственнаго и матеріальнаго быта ослабленіемъ междоусобныхъ войнъ между ними, искорененіемъ людоѣдства и человѣческихъ жертвоприношеній.

Охрана *вѣротерпимости* и свободы совѣсти служила предметомъ заботы европейскихъ государствъ только относительно азіатскихъ странъ. Въ Турціи и въ христіанскихъ госуд-вахъ Балканскаго полуострова она предписана Берлинскимъ трактатомъ 1878 г., а въ другихъ азіатскихъ госуд-вахъ она установлена въ силу договоровъ съ ними европейскихъ державъ.

Помимо частныхъ соглашеній между отдѣльными, въ особенности пограничными госуд-вами, существуютъ и м. соглашенія съ цѣлью общей *борьбы съ эпидеміями*. Первая санитарная м. конференція собралась въ Парижѣ въ 1852 г. при участіи 12 госуд-въ; на ней подписана была конвенція установившая систему санитарнаго и карантиннаго надзора въ

бассейнѣ Средиземнаго моря для борьбы съ чумой и холерой. Послѣ того заключено нѣсколько конвенцій (Венеціанская 1892—13 государствъ съ Турціей, Дрезденская 1893 г.—14 государствъ безъ Англіи и Парижская 1894 гг.—14 госуд. съ Персіей и Турціей) относительно м. мѣръ противъ занесенія въ Европу и распространенія *холеры;* особые м. наблюдательные органы (Совѣты здравія въ Константинополѣ, Александріи и Бухарестѣ и санитарныя станціи въ Персидскомъ заливѣ и въ Красномъ морѣ) учреждены постепенно, начиная съ 1852 г. Конвенціи касаются санитарнаго надзора за судами въ Красномъ морѣ и Персидскомъ заливѣ, за ихъ пассажирами и грузомъ, порядка запрещенія или разрѣшенія ввоза и транзита опасныхъ заразныхъ предметовъ, ихъ дезинфекціи и т. п. Наблюденіе за исполненіемъ и соблюденіемъ постановленій конвенцій поручено особому Высшему м. совѣту здравія *въ Константинополѣ* (и Санитарному морскому и карантинному совѣту въ Александріи), а судебная инстанція для разбора дѣлъ о нарушеніяхъ—Консульская комиссія въ Константинополѣ. Замѣтимъ, что въ силу Дрезденской конвенціи 1893 г., имѣющей предметомъ борьбу съ распространеніемъ холеры въ самой Европѣ, общее закрытіе сухопутныхъ границъ и учрежденіе общихъ сухопутныхъ карантиновъ не допускается,—задержанію подлежатъ лишь заболѣвшіе пассажиры; а относительно морскихъ сношеній подлежатъ карантину только зараженныя суда, подозрительныя же только дезинфицируются. Товары вообще не признаются проводниками заразы, а только бѣлье, платье, постели и тряпье, не очищенное для промышленныхъ цѣлей.

Борьба противъ занесенія и распространенія *чумы* является предметомъ *Венеціанской* санитарной конвенціи 1897 года и дополнительной къ ней декларации 1900 г. (Собр. Узак. 1900 г., № 79 ст. 1664) (14 госуд-въ съ Персіей, но безъ Турціи). Къ конвенціи приложенъ общій санитарный регламентъ относительно предупрежденія занесенія чумы и дальнѣйшаго ея распространенія“. Регламентъ содержитъ: 1) перечень мѣръ принимаемыхъ внѣ Европы, какова: взаимное увѣдомленіе правительствъ о каждомъ случаѣ чумы и наблюденія за судами, отходящими изъ зараженныхъ мѣстностей и проходящими черезъ Суэцъ; на сушѣ карантины замѣнены дезинфекціею, при чемъ различаются суда зараженныя, подозрительныя и чистыя; въ Красномъ морѣ и Персидскомъ заливѣ учреждаются санитарныя станціи; 2) мѣры принимаемыя въ Европѣ: взаимное увѣдомленіе правительствъ о появленіи чумы и мѣрахъ, принятыхъ для борьбы съ нею; признаніе мѣстности свободною отъ заразы, если въ теченіе 12 дней не произошло ни одного новаго забо-

лѣванія и выполнены требуемыя дезинфекціонныя мѣры; предохранительныя мѣры принимаются только относительно лицъ и вещей, прибывающихъ изъ зараженныхъ мѣстъ; перечисляются предметы, которые, какъ воспринимающіе заразу не должны быть ввозимы или должны подвергаться дезинфекціи; сухопутные карантины не устанавливаются; задержанію подлежатъ только лица подозрѣваемыя въ зачумленіи; установленіе правилъ для пограничныхъ сношеній и водныхъ путей предоставляется заинтересованнымъ государствамъ; относительно морскихъ сношеній—подозрительныя суда подвергаются дезинфекціи, зараженныя задерживаются и дезинфицируются, а пассажиры съ нихъ подвергаются врачебному наблюденію; дается опредѣленіе чистыхъ, подозрительныхъ и зараженныхъ судовъ. Наконецъ, въ регламентѣ указываются техническіе способы производства дезинфекціи и предохранительныя мѣры для судовъ. Надзоръ за соблюденіемъ конвенціи поручается Высшему совѣту здравія въ Константинополѣ и особому комитету.

Парижская санитарная конференція 1903 года резюмировала въ одномъ текстѣ результаты прежнихъ конвенцій, обновила ихъ сообразно интересамъ м. торговли и потребностямъ быстраго сообщенія и съ этою цѣлью воспользовалась послѣдними выводами современн. науки. (Текстъ въ Собр. Узак. и расп. правительства 1907 г. ст. 948). Кромѣ того, конференція рѣшила учредить междун. *бюро здравія*, мѣстопребываніе котораго назначила въ Парижѣ; къ немъ должны сосредоточиваться свѣдѣнія о ходѣ эпидемій и надзоръ за соблюденіемъ м. санитарныхъ постановленій.

Къ числу м. соглашеній, имѣющихъ цѣлью охрану здоровья можно отнести постановленія Брюссельскаго противоневольничьяго Акта 1890 г. существенно ограничивающаго продажу спиртныхъ напитковъ туземнымъ народамъ Африки, и дополнительнаго къ нему договора, подписаннаго въ Брюсселѣ въ 1899 г.

Интересы правосудія въ м. правѣ. Разнообразіе нормъ частнаго права въ національныхъ законодательствахъ и происходящія вслѣдствіе этого на практикѣ затрудненія (коллизія статутовъ), когда нормы частн. права подлежатъ примѣненію къ правоотношеніямъ между лицами различной національности или же къ сдѣлкамъ, исполненіе которыхъ должно осуществиться не въ странѣ ихъ заключенія и т. п., вызываютъ настоятельную желательность выработки общихъ международно-признанныхъ нормъ междун. частнаго права. Но въ Европѣ этотъ

вопросъ донынѣ сдѣлалъ очень незначительные успѣхи на практикѣ. И, наоборотъ, задача м. кодификаціи и обобщенія нормъ частнаго права довольно успѣшно осуществляется госуд-гами южной Америки, начиная съ южноамериканскаго конгресса по вопросамъ частнаго м. права, засѣдавшаго въ Монтевидео въ 1888—1889 г. Что касается Европы, можно указать лишь на м. желѣзнородорожн. конвенцію по перевозкѣ грузовъ 1890 г., постановленія которой могутъ быть разсматриваемы, какъ первые зачатки м. торговаго кодекса и нѣкоторыхъ нормъ гражданскаго процесса; неоднократныя же попытки м. кодификаціи торговаго права (1886, 1888, 1889 и 1905), равно какъ попытки (1878 г., установленія общеевропейскаго вексельнаго устава не имѣли никакихъ послѣдствій. Вообще же интересы правосудія (за исключеніемъ вопроса о выдачѣ преступниковъ) начинаютъ находить себѣ междун. регламентацію лишь со второй половины XIX вѣка, и до настоящаго времени положительное право въ этой области выработало лишь немногіе общіе принципы по вопросамъ преимущественно судопроизводства, а именно—о подсудности извѣстныхъ правонарушеній или тяжбъ, о взаимномъ содѣйствіи государствъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ и, наконецъ, объ исполненіи судебныхъ гражданскихъ рѣшеній и уголовныхъ приговоровъ за границей. Между прочимъ, съ цѣлью установить общія нормы по цѣлому ряду вопросовъ частнаго м. права или, другими словами, съ цѣлью установить договорнымъ путемъ нѣкоторое однообразіе въ національныхъ законодательствахъ по частному и процессуальному праву, въ 1893, 1894, 1900 и 1904 г. по приглашенію Нидерландскаго правительства собирались въ Гаагѣ конференціи изъ представителей различныхъ государствъ. Результатомъ ихъ совѣщаній явилась *Гаагская конвенція 1896 г.*, касающаяся брака, опеки, наслѣдованія, банкротства и нѣкоторыхъ вопросовъ гражданскаго процесса, съ дополнительнымъ протоколомъ 1897 г. Конвенція эта, касающаяся исключительно вопросовъ гражд. процессуальнаго права, вступила въ дѣйствіе съ 1899 г. (Постановленія конвенц. см. въ Собр. Узак. 1899 г. № 62 ст. 861. Статьи объ Гаагскихъ конференціяхъ Камаровскаго въ Ж. Юр. общ. Спб. 1894 1юнь; Никольскаго въ томъ же Ж. 1895 янв.-февр.; Гуссаковскаго въ Ж. М. Ю. 1900 дек; ср. сочиненіе Мандельштама—Гаагскія конференціи о кодификаціи м. частн. права). Въ настоящее время конвенція принята 14 европейскими государствами, въ томъ числѣ—Россіею. Договоръ заключенъ на 5 лѣтъ съ безмолвнымъ продолженіемъ его срока по пятилѣтіямъ. На четвертой конференціи 1904 г. (съ участіемъ Японіи) была между проч. пере-

смотрѣна конвенція 1896 г. о гражданскомъ процессуальномъ правѣ: подробности порядка сообщенія судебныхъ и др. актовъ, судебныхъ порученій, отмѣны обезпеченія исковъ, безплатной судебной помощи (права бѣдности) и о личномъ задержаніи. *Новая конвенція 4—17 VII. 1905 года* ратифицована и Россіею и ратификаціи размѣнены въ 1909 году. (Текстъ см. въ Собр. Узак. 1909 г. ст. 714).

12. VI. 1902. въ Гаагѣ подписаны 11 государствами еще три конвенціи, касающіеяся регулированія конфликтовъ между законодательствами по вопросамъ о бракѣ, о разводѣ и объ опекѣ, а въ конвенціи 1905 г. вновь редактированы постановленія о наслѣдованіи, о брачномъ правѣ (личномъ и имущественномъ), о попечительствѣ надъ взрослыми и о конкурсѣ. Англія въ Гаагскихъ конференціяхъ не участвовала. Россія ратификовала только конвенціи 1896 и 1905 г. по процессуальному праву.

Взаимная судебная помощь м. быть оказываема госуд-вами (и помимо выдачи) какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ. Она выражается напр. въ исполненіи т. назы. судебныхъ порученій. М. содѣйствіе, выражающееся въ исполненіи *судебныхъ порученій* иностранныхъ судебныхъ установленій бываетъ необходимо тогда, когда госуд-во, къ которому обращаются за содѣйствіемъ, само не компетентно рѣшить дѣло, возникшее въ другомъ государствѣ, а въ тоже время обращающееся за помощью компетентное госуд-во не имѣетъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ или иныхъ данныхъ, необходимыхъ для справедливаго рѣшенія дѣла и можетъ добыть ихъ только при процессуальномъ содѣйствіи просимаго государства. (Напр. необходимо допросить свидѣтелей за границей, удостовѣрить законность акта и т. п.). Эта судебная помощь всегда основывалась на особыхъ м. соглашеніяхъ госуд-въ другъ съ другомъ, которыми опредѣлялся и объемъ судебнаго содѣйствія. Дѣйствіе этихъ конвенцій простиралось главнымъ образомъ на пограничные судебные округа и выражалось въ правѣ непосредственнаго сношенія другъ съ другомъ указанныхъ въ конвенціи судебныхъ мѣстъ договаривающихся госуд-въ. Такъ, въ силу конвенцій 1879 и 1883 г. Россіи съ Германіею, суды Варшавскаго округа и пограничные германскіе могли непосредственно обращаться другъ къ другу съ судебными порученіями, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Подобныя же конвенціи о непосредственныхъ сношеніяхъ пограничныхъ судебныхъ мѣстъ заключены были Россіею съ Румыніею (1894 г.) и съ Австріею (1884 г.). Судебныя порученія выражаются въ обращеніи къ иностранному суду

съ т. наз. *вопросными листами* (commissions rogatoires) для допроса свидѣтелей, въ производствѣ дознаній, слѣдственныхъ дѣйствій, допросовъ, выемокъ, экспертизы, медицинскихъ освидѣтельствованій, въ передачѣ вещественыхъ доказательствъ, въ передачѣ судебныхъ повѣстокъ и судебныхъ актовъ, въ приведеніи къ присягѣ, въ сообщеніи разныхъ документовъ, въ засвидѣтельствованіи документовъ и юридическихъ дѣйствій, совершенныхъ на иностранной территоріи. Рос.-Итал. конвенція 1874 г. ограничивалась разрѣшеніемъ судамъ лишь пересылать и передавать судебныя повѣстки и исполнять суд. порученія, сообщенныя дипл. путемъ. При отсутствіи спеціальной конвенціи судебныя порученія передаются и возвращаются дипломатич. порядкомъ.

Гаагскими конвенціями 1896 и 1905 г. приняты слѣдующія общія правила изъ области *гражданскаго процесса:*

a) *Относительно передачи актовъ судебныхъ и внѣсудебныхъ:* По дѣламъ гражданскимъ и торговымъ передача совершается на основаніи требованія лицъ прокурорскаго надзора или судебныхъ мѣстъ одного изъ договаривающихся государствъ, обращеннаго (дипломат. путемъ, если между властями обоихъ государствъ не установлены непосредственныя сношенія) въ подлежащія учрежденія другого госуд-ва. Просьба можетъ быть отклонена только въ томъ случаѣ, если она, по соображеніямъ госуд-ва, въ которомъ имѣетъ быть исполнена, можетъ нарушить его верховныя права или его безопасность, но не въ томъ случаѣ, если она противорѣчитъ внутреннему праву этого госуд-ва. Росписка (засвидѣтельствованная) адресата въ полученіи или удостовѣреніе учрежденія, къ которому была обращена просьба, служитъ доказательствомъ передачи. Допускаются и болѣе упрощенные способы передачи на основаніи спеціальныхъ соглашеній.

b) *относительно судебныхъ порученій.* Судамъ каждаго изъ договаривающихся госуд-въ предоставляется обращаться непосредственно къ подлежащимъ учрежденіямъ другого государства съ судебными порученіями,—о производствѣ разслѣдованія, снятіи показаній, допросѣ свидѣтелей, приводѣ къ присягѣ или иныхъ судебныхъ дѣйствій. Сообщеніе просимыхъ актовъ производится дипломатич. путемъ, если особымъ соглашеніемъ не предусмотрѣны непосредственныя сношенія судовъ. Учрежденіе, въ которое направлена просьба, имѣетъ право отклонить ее лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подлинность документа возбуждаетъ сомнѣнія, когда въ данномъ госуд-вѣ требуемое дѣйствіе не входитъ въ компетенцію судебной власти или когда требуемое дѣйствіе будетъ при-

знаю могущимъ нарушить верховныя права госуд-га или грозитъ его безопасности. Если просьба была направлена въ неподлежащее учрежденіе, то послѣднее должно переслать ее компетентной власти. Судебное мѣсто, въ которое направлена просьба, должно при исполненіи ея соблюдать процессуальные законы своей страны; но по требованію передающаго порученіе учрежденія, при исполненіи его можетъ быть примѣненъ и иной порядокъ, даже не предусмотрѣнный законодательствомъ государства, въ которомъ приводится въ исполненіе судебное порученіе, лишь бы сказанный порядокъ не былъ воспрещенъ мѣстнымъ законодательствомъ. Издержки за исполненіе порученія должны быть возмѣщены.

c) *Относительно судебныхъ издержекъ*, подданные договаривающихся госуд-въ, разъ они живутъ въ одномъ изъ этихъ государствъ, освобождаются отъ обязанности представлять обезпеченіе въ уплатѣ судебныхъ издержекъ (cautio judicatum solvi). Но судебныя опредѣленія, въ силу которыхъ истецъ, освобожденный отъ предварительнаго внесенія обезпеченія или залога, присуждается къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и убытковъ, подлежатъ исполненію во всякомъ изъ договаривающихся госуд-въ согласно мѣстнымъ законамъ. При этомъ, для взысканія этихъ издержекъ, мѣстное учрежденіе ограничивается лишь разсмотрѣніемъ и опредѣленіемъ: 1) представляетъ ли сообщенное опредѣленіе суда всѣ условія, необходимыя для его дѣйствительности, согласно законамъ той страны, гдѣ оно постановлено, и 2) вступило ли по этимъ законамъ данное опредѣленіе въ законную силу.

d) Подданные договаривающихся госуд-въ уравниваются съ туземцами относительно пользованія *правомъ бѣдности*.

Наконецъ, e) *личное задержаніе* допустимо относительно иностраннаго подданнаго одного изъ договаривающихся госуд-въ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно примѣнимо и по отношенію къ туземцамъ.

Постановленія Гаагскихъ конвенцій 1902 и 1905 гг. касаются матеріальнаго частнаго права. Конвенція о брачномъ правѣ постановляетъ, между прочимъ, что право вступленія въ бракъ опредѣляется по подданству каждаго изъ супруговъ, но принимается во вниманіе и законодательство мѣста заключенія брака. Бракъ, признаваемый недѣйствительнымъ въ странѣ заключенія брака вслѣдствіе несоблюденія формы, мож. б. признаваемъ другими госуд-вами дѣйствительнымъ, если соблюдена форма, предписываемая національнымъ правомъ обоихъ супруговъ. Развода можно требовать только въ случаѣ если, какъ національное право супруговъ, такъ и право той страны, гдѣ требованіе предъявляется, вообще допускаетъ разводъ. Опека, начало ея и прекращеніе, опредѣляется національнымъ правомъ малолѣтняго, и т. д. Въ конвенціяхъ сдѣлана оговорка, что

дѣйствіе ихъ простирается только на европейскія территоріи договаривающихся госуд-въ и что присоединиться къ нимъ могутъ госуд-ва, которыя были представлены на соотвѣтственной конференціи, но конвенціи не подписали.

Исполненіе иностр. судебныхъ рѣшеній. Основныя начала м. общенія требуютъ, чтобы судебныя рѣшенія одного госуд-ва признавались и уважались другимъ. Признаніе судебнаго рѣшенія есть обязанность всякаго члена м. союза—также какъ признаніе чужого закона—и подразумѣвается само собою. Поэтому никакое госуд-во не имѣетъ права отмѣнять судебныя рѣшенія другого члена м. союза. Нѣсколько иначе обсуждается вопросъ объ *исполненіи* судебныхъ рѣшеній иностраннаго госуд-ва. Здѣсь принципъ м. общенія вступаетъ въ коллизію съ принципомъ суверенитета, независимости госуд-ва. Поэтому въ нѣкоторыхъ госуд-вахъ совсѣмъ не производится исполненіе рѣшеній иностраннаго гражданскаго суда, въ другихъ—эти рѣшенія исполняются лишь подъ извѣстными условіями—спеціальнаго договора или взаимности. Во Франціи исполненіе гражданскихъ рѣшеній чужихъ судовъ совсѣмъ не допускается (но договоры съ Италіею 1860, Швейцаріею 1869, Бельгіею 1899). Въ Греціи допускается, если судебное рѣшеніе касается иностранцевъ, а не отечественныхъ подданныхъ. Часто условіемъ исполненія чужого судебнаго рѣшенія ставится взаимность; по Бельгійскому законодательству требуется сверхъ того признаніе компетентности иностраннаго суда, постановившаго приговоръ; въ Англіи и С.-А. Соед. Штатахъ кромѣ того требуется, чтобы доказана была безпристрастность рѣшенія; въ Италіи—чтобы приговоръ не противорѣчилъ мѣстному общественному порядку; въ Германіи—подъ условіемъ взаимности и исполнимости рѣшенія по германскимъ законамъ. О томъ, какъ относится къ этому вопросу русское право ни доктрина, ни практика не пришли къ единообразному рѣшенію. По мнѣнію проф. Мартенса, 1273, 1279 и 1281 ст. ст. Уст. Гр. Суд. устанавливаютъ двоякій порядокъ: 1) особый порядокъ исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ на основаніи правилъ, установленныхъ спеціальными о томъ конвенціями—ст. 1273, и 2) формальный порядокъ (если нѣтъ спеціальныхъ конвенцій), согласно которому иностранныя рѣшенія принципіально приводятся въ исполненіе безъ требованія взаимности или иныхъ условій, за исключеніемъ распоряженій, противныхъ общественному порядку или недопускаемыхъ законами Имперіи (ст. 1279) и рѣшеній, касающихся правъ собственности на недвижимыя имущества въ Россіи (1281); такія рѣ-

шенія не приводятся въ исполненіе и не имѣютъ никакой силы въ Имперіи. Такое толкованіе проф. Мартенса несогласно съ буквальнымъ смысломъ закона, который гласитъ: „Рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ госуд-въ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ по тому предмету взаимными трактатами и договорами и договорами; въ тѣхъ случаяхъ, когда *ими* (т. е. очевидно трактатами и договорами) не установлены самыя *правила исполненія*, соблюдается порядокъ, изложенный въ слѣдующихъ статьяхъ“ (т. е. въ ст. 1274—1281), при чемъ ст. 1274 стоитъ въ непосредственной связи съ ст. 1279 и 1281 и ими объясняется, а ст. 1280 опредѣляетъ собственно порядокъ исполненія, а именно—„по общимъ правиламъ объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ въ Имперіи“. Несмотря однако на очевидную неправильность толкованія ст. 1273 въ указанномъ смыслѣ, оно усвоено было сначала и нашею судебною практикою (по дѣлу Теодориди К. Р. 73—1711); но въ 1882 г. (по дѣлу Шипова) Сенатъ пришелъ не только къ отрицанію возможности исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ, но даже и признанія ихъ, что, конечно, крайне неосновательно. Это рѣшеніе Сената немедленно отразилось на отношеніи къ рѣшеніямъ русскихъ судовъ за границей,—именно Германія также перестала признавать и исполнять рѣшенія русскихъ судовъ. Наконецъ, въ 1902 г. Сенатъ по дѣлу Чинизели (рѣш. № 62) высказалъ окончательно свой взглядъ по этому вопросу. Онъ опредѣлилъ, что ст. 1273 и слѣд. имѣютъ въ виду тотъ случай, когда между Россіею и извѣстнымъ государствомъ заключенъ договоръ о взаимномъ исполненіи суд. рѣшеній, но не опредѣлены лишь самыя правила исполненія. Притомъ, эти статьи касаются исполненія въ Россіи не только „рѣшеній“ иностранныхъ судовъ (въ смыслѣ 705 ст. У. Гр. Суд.), но и всѣхъ частныхъ опредѣленій по тѣмъ дѣламъ, по которымъ компетенція иностранныхъ судовъ признана м. договорами Россіи. Сверхъ того, однако и при отсутствіи спеціальнаго договора объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, русскія суд. установленія обязаны приводить въ исполненіе иностранныя суд. рѣшенія по такимъ вопросамъ, которые въ силу какихъ-либо другихъ договоровъ Россіи изъяты изъ общей территоріальной подсудности русскимъ судамъ и признаны подсудными судамъ контрагента. Такъ, въ данномъ случаѣ (Чинизелли) дѣло шло о движимомъ наслѣдственномъ имуществѣ, оставшемся послѣ умершаго въ Россіи итальянскаго подданнаго. Въ силу же ст. 10 заключенной въ 1875 г. между Россіей и Италіей конвенціи о наслѣдствахъ, иски о движимомъ наслѣдственномъ имуществѣ, оставшемся въ одномъ изъ договорившихся госуд-въ послѣ подданнаго другого, изъемлются изъ общей территоріальной подсудности и признаются подсудными отечественному суду умершаго. Поэтому Сенатъ призналъ, что *этимъ постановленіемъ* конвенціи договорившіяся госуд-ва установили взаимное *исполненіе* рѣшеній (итальянскихъ судовъ въ Россіи и наоборотъ) по предметамъ вѣдомства ихъ, опредѣленаго въ 10 статьѣ, ибо иначе пришлось бы признать указаныя дѣла изъятыми отъ всякаго суда и закона такъ какъ они не могутъ подлежать вѣдѣнію мѣстныхъ судовъ; а такъ какъ спеціальной конвенціи объ исполненіи судебныхъ рѣшеній между Россіею и Италіею не заключено, то рѣшенія итальянскихъ судовъ по подобнымъ дѣламъ должны исполняться въ Россіи по правиламъ 1273—1281 ст. У. Гр. Суд. Замѣтимъ, что конвенціи о наслѣдствахъ Россія имѣетъ съ Германіею, Даніею, Испаніею, Италіею, Нидерландами, Франціею и Швеціею. Въ настоящее время существуетъ очень немного спеціальныхъ м. соглашеній объ исполненіи иностр. судебныхъ рѣшеній. Попытки придти къ общему м. соглашенію по этому вопросу, предпринятыя въ послѣднее время, до сихъ поръ не увѣнчалась успѣхомъ..

Сказанное выше относится къ рѣшеніямъ гражданскихъ судовъ.

Въ области уголовн. права принципы м. общенія также требуетъ отъ членовъ м. союза *признанія* вошедшаго въ силу уголовнаго приговора иностраннаго суда. Этого же требуетъ также и общій принципъ уголовнаго права non bis in idem. Нашъ Сенатъ призналъ (рѣш. Касс. Д. С. 1868 г. Никитченко; ср. 1892 Іолко) что иностранн. угол. приговоры даже надъ русск. подданными должны быть признаваемы въ Россіи. Однако въ исполненіе иностранн. уголовные приговоры не производятся, такъ какъ уголовный приговоръ является примѣненіемъ уголовныхъ, слѣд. публично-правовыхъ законовъ данной страны, которые не могутъ по своему публичному характеру распространяться на чужую территорію, а также потому, что исполненіе иностранныхъ угол. приговоровъ можетъ быть несогласно съ требованіями уголовной политики даннаго государства.

Что касается признанія юридическихъ послѣдствій приговора иностранныхъ уголовныхъ судовъ, то здѣсь возможны три комбинаціи: 1) если приговоръ иностраннаго компетентнаго суда касается преступленія, совершеннаго иностранцемъ за границей и не затрогивающаго интересовъ правопорядка даннаго госуд-ва, то такой приговоръ безусловно признается этимъ послѣднимъ и оно можетъ (если признаетъ это нужнымъ) принять по отношенію къ преступнику лишь тѣ или иныя поли-

цейскія мѣры предосторожности (изгнаніе или полицейскій надзоръ); 2) Если преступное дѣяніе направлено было противъ госуд-веннаго порядка того государства, въ которое преступникъ явился послѣ произнесенія надъ нимъ приговора заграницей, то это государство можетъ подвергнуть приговоръ пересмотру. Основаніемъ такого пересмотра служитъ то обстоятельство, что иностранные законы и суды всегда склонны легче карать преступника за дѣянія, направленныя противъ другого госуд-ва. Нашъ Сенатъ, повидимому, не признаетъ этого принципа, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ пересмотра уголовныхъ приговоровъ иностраныхъ судовъ (1892 Іолко). Въ силу п. 2 и 3 ст. 19 Уг. Уложенія учинившій преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи и подлежащій за это отвѣтственности по Уг. Уложенію (въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ въ ст. 9) не подлежитъ отвѣтственности въ Россіи, если онъ былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу, или если онъ полностью отбылъ наказаніе по приговору иностраннаго суда. Но эти постановленія не примѣняются (ст. 11) къ преступнымъ дѣяніямъ, отнесеннымъ въ Уложеніи къ разряду государственныхъ преступленій, а росс. подданный, отбывшій внѣ предѣловъ Россіи полностью наказаніе за преступное дѣяніе, за которое по русскимъ законамъ опредѣлено наказаніе не ниже каторги, по возвращеніи въ Россію подвергается (ст. 12) по приговору суда лишенію правъ, отбывшіе же наказаніе за тяжкія государственныя преступленія—сверхъ лишенія правъ ссылкѣ на поселеніе. 3) Если приговоръ иностр. суда постановленъ за преступное дѣяніе, направленное противъ правъ или интересовъ частныхъ лицъ, то пересмотръ вобще не допускается; но госуд-во можетъ поручить судебной власти опредѣлить, какія послѣдствія въ отношеніи гражданскихъ правъ осужденнаго влечетъ за собой уголовный приговоръ иностраннаго суда. Русскій законъ этого вопроса не рѣшаетъ; Угол. Уложеніе, какъ мы видѣли, опредѣляетъ лишеніе правъ въ Россіи вообще за тяжкія преступленія.

Сенатская практика по разсматриваемому вопросу противорѣчива: въ 1868 г. по дѣлу Никитченко Сенатъ призналъ, что осужденіе за границей влечетъ за собою признаніе юридическихъ послѣдствій приговора (лишеніе или ограниченіе правъ осужденнаго) и въ Россіи; но въ 1871 г. по тому же дѣлу было дано прямо противоположное рѣшеніе на основаніи 14 ст. уст. угол. суд. См. Ивановскаго, Взаимное содѣйствіе государствъ при производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ, 1889; Владиміровъ, Значеніе приговоровъ иностранн. судовъ по дѣламъ уголовнымъ, въ Журн. Гр. и Уг. пр. 1873 сент.

Междун. уголовное право. *Основныя начала.* Каждое госуд-во заботится объ охранѣ внутренняго порядка въ предѣлахъ своей собственной территоріи. Достигается это, между прочимъ, при помощи уголовныхъ законовъ, характеръ которыхъ опредѣляется степенью развитія правосознанія въ данномъ госуд-вѣ и тѣми задачами, которыя преслѣдуются госуд-вомъ въ его внутренней жизни. Ни одно госуд-во не можетъ вмѣшаться во внутреннюю жизнь другого, не нарушая тѣмъ принциповъ м. общенія. Поэтому вопросъ объ уголовной охранѣ внутренняго государственнаго порядка не относится къ числу предметовъ м. права. Но вслѣдствіе единства культуры цивилизованныхъ народовъ, въ ихъ законодательствахъ установилась нѣкоторая солидарность взглядовъ на общія всѣмъ имъ основы общественнаго правопорядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на условія его охраны отъ преступныхъ нарушеній въ предѣлахъ всего м. союза. Поэтому современное м. право цивилизованныхъ народовъ оказываетъ государствамъ, на обязанности коихъ лежитъ преслѣдованіе преступныхъ дѣяній, помощь и содѣйствіе для наказанія преступнаго лица, поскольку эта цѣль не можетъ быть достигнута единичными силами государства и поскольку ея осуществленіе согласуется съ интересами м. правопорядка. Рѣшеніе возможныхъ коллизій между госуд-вами на этой почвѣ должно относиться къ области м. права. Необходимо особое м. уголовное законодательство, которое такъ или иначе разрѣшило бы ихъ. Но такого законодательства до сихъ поръ еще не существуетъ. Недостатокъ этотъ восполнялся отчасти внутреннимъ уголовнымъ законодательствомъ, а отчасти взаимными соглашеніями госуд-въ, главнымъ образомъ о выдачѣ преступниковъ. Цѣль такихъ соглашеній,—опредѣлить условія и предѣлы м. уголовной охраны, т. е. степень и формы содѣйствія однимъ госуд-вомъ другому въ дѣлѣ наказанія преступниковъ. Рѣшеніемъ этого вопроса и занимается м. уголовное право. Такимъ образомъ, *„международное уголовное право заключаетъ въ себѣ совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ условіе м. судебной помощи государствъ другъ другу при осуществленіи ими своей карательной власти въ области м. общенія.* (Мартенсъ, Листъ). Характеръ этихъ нормъ опредѣляется прежде всего общей теоріей уголовнаго права, такъ какъ въ основѣ м. уголовнаго законодательства должны лежать тѣ же общіе научные выводы, которые кладутся теоріей въ основу науки уголовнаго права, когда

она изслѣдуетъ вопросъ объ уголовной охранѣ въ предѣлахъ государства. Высшимъ же критеріемъ м. угол. права долженъ служить принципъ м. общенія. Прежде, когда въ м. отношен. господствовалъ принципъ суверенитета, уголовное правосудіе того или иного государства было строго территоріально, и лишь съ начала XVIII в. госуд-ва начали заключать другъ съ другомъ конвенціи о выдачѣ преступниковъ, но главнымъ образомъ—политическихъ. Вопросъ объ оказаніи м. судебной помощи госуд-гу по общимъ преступленіямъ не регулировался м. соглашеніями. Напротивъ, заботясь объ увеличеніи своего населенія, каждое госуд-во оказывало покровительство и гостепріимство преступникамъ иностранцамъ, искавшимъ въ его предѣлахъ убѣжища. Но со второй половины XVIII в. государства и наука начинаютъ приходить къ сознанію необходимости взаимнаго содѣйствія членовъ м. союза другъ другу въ дѣлѣ поддержанія установленнаго въ госуд-вѣ правопорядка. Съ конца XVIII вѣка появляются уже договоры госуд-въ о выдачѣ виновныхъ въ совершеніи не только политическихъ, но и общихъ преступленій. Съ 30-хъ жо годовъ XIX ст. мы замѣчаемъ новую фазу въ исторіи развитія этого вопроса: выдача за политическія преступленія уже исключается изъ м. договоровъ и въ тоже время соглашенія о выдачѣ за общія преступленія все болѣе и болѣе учащаются и расширяются. Это направленіе соотвѣтствуетъ современному м. правосознанію, которое теперь приходитъ къ тому убѣжденію, что въ охранѣ политическаго строя того или иного госуд-ва можетъ быть заинтересовано только подлежащее государство, но ни въ какомъ случаѣ не м. союзъ.

Обыкновенно принято обозначать терминомъ „м. уголовнаго права“ общее ученіе о пространственномъ дѣйствіи національныхъ уголовно-правовыхъ нормъ; но это невѣрно потому, что по существу этотъ вопросъ разрѣшается автономно каждымъ госуд-вомъ на основаніи его территоріальнаго суверенитета. Вопросъ этотъ выходитъ изъ предѣловъ внутренняго національнаго права лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность госуд-ва въ репрессіи преступныхъ дѣяній выходитъ активно за предѣлы госуд-венной территоріи, а это возможно лишь при наличности м. соглашенія. Но донынѣ подобныя соглашенія вращаются въ сферѣ судебнаго содѣйствія въ уголовныхъ дѣлахъ, но никакъ не имѣютъ предметомъ м. примѣненіе національныхъ уголовно-правовыхъ нормъ одного госуд-ва какимъ либо другимъ, или даже установленія однообразныхъ карательныхъ нормъ для репрессіи преступныхъ дѣяній. Что касается междун. матеріальнаго угол. права, то зачатки его можно усматривать въ нѣкоторыхъ нынѣ уже существующихъ м. институтахъ. Прежде всего въ м. признаніи извѣстныхъ дѣяній вредными или опасными для м. правопорядка или несогласными съ правосознаніемъ культурныхъ народовъ, а потому и преступными съ точки зрѣнія этого м.-правового правопорядка. Таковы, напр., негроторговля, работорговля, морской разбой, нарушеніе м. соглашеній въ области санитарной, относительно морского и рѣчного судоходства и т. д. Ихъ преступность обусловливается м. соглашеніемъ, какъ бы м. признаніемъ, по крайней мѣрѣ со стороны госуд-въ, участвовавшихъ въ соглашеніи, и иногда весьма мало, съ національной точки зрѣнія, заинтересованныхъ въ ихъ репрессіи (напр., Россія, участница конвенціи 1841 г.—въ негроторговлѣ-. Сюда же можно отнести уголовно-правовыя нормы, издаваемыя уполномоченными на то въ силу м. соглашеній органами м. союза (напр., рѣчными. санитарными коммиссіями) съ цѣлью принудительнаго въ случаѣ надобности осуществленія и огражденія интересующихъ м. союзъ установленій. Наконецъ, сюда же можно отнести перечни преступныхъ дѣяній, совершеніе коихъ влечетъ за собою выдачу преступника однимъ госуд-вомъ другому, и помѣщаемые въ м. конвенціяхъ о выдачѣ. По существу эти конвенціи представляютъ собою элементы междун. кодификаціи дѣяній, признаваемыхъ общеопасными и потому общепреступными въ средѣ культурныхъ госуд-въ, но преслѣдованіе ихъ и наказаніе пока предоставляется одному госуд-ву вслѣдствіе соображеній, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Нельзя не отмѣтить въ связи съ разсматриваемымъ нами вопросомъ такихъ явленій въ правовой жизни современныхъ культурныхъ народовъ, какъ дебаты и резолюціи 10-го междун. съѣзда криминалистовъ въ Гамбургѣ въ 1905 г. (объ немъ см. Журн. М. Юст. 1905 г. № 8) по вопросу о мѣрахъ борьбы съ м. преступностью.

Какъ бы то ни было, но существующія м. соглашенія касаются только частныхъ вопросовъ уголовн. права; болѣе полное разсмотрѣніе ихъ мы находимъ только въ наукѣ м. права. Здѣсь изслѣдуются прежде всего вопросъ о правахъ и обязанностяхъ государствъ въ преслѣдованіи уголовныхъ правонарушеній, совершенныхъ за предѣлами ихъ (госуд-въ) территоріи. Вторымъ вопросомъ, подлежащимъ разсмотрѣнію науки м. уголовнаго права, является вопросъ о томъ, на какомъ основаніи и въ какихъ размѣрахъ государства обязаны оказывать другъ другу помощь въ преслѣдованіи уголовныхъ преступленій? Оба эти вопроса теоретиками международнаго и уголовнаго права рѣшаются различно. Существующія на этотъ счетъ воззрѣнія можно свести къ слѣдующимъ четыремъ теоріямъ:

I. На практикѣ до настоящаго времени господствовала теорія, основывающаяся на принципѣ *территоріальнаго дѣйствія* уголовныхъ законовъ. Важнѣйшими представителями этой теоріи въ наукѣ м. права являются, главнымъ образомъ, англійскіе и американскіе ученые. Въ основаніи этой теоріи лежитъ совершенно правильный м.-правовой принципъ, что на основаніи своего террит. суверенитета всякое госуд-во въ правѣ примѣнять свое національное карательное право ко всѣмъ совершеннымъ на его территоріи дѣяніямъ, нарушающимъ установленный

въ немъ правопорядокъ независимо отъ національности виновнаго или пострадавшаго. Такая постановка вопроса объ угол. репрессіи представляетъ значительныя и процессуальныя преимущества—разслѣдованіе и наказаніе на мѣстѣ преступленія. Этимъ объясняется и господство территоріальной системы въ м. практикѣ. Но она совершенно не выдерживаетъ критики при ея исключительномъ примѣненіи, ибо въ такомъ случаѣ придется признать, что уголовно-карательная власть государства и ограничивается предѣлами его территоріи; поэтому наказанію уголовн. законовъ того или другого госуд-ва подлежатъ всѣ преступленія, совершенныя на его террит оріи, но и только они; никакое государство не можетъ наказывать преступленій, совершенныхъ за его предѣлами, хотя бы эти преступленія были совершены его собственными подданными и были направлены противъ него самого или его подданныхъ.—Теорія территоріальной подсудности въ чистомъ ея видѣ построена исключительно на принципѣ территоріальнаго суверенитета; начало м. общенія и солидарности всѣхъ цивилизованныхъ народовъ въ охранѣ правопорядка въ ней оставлено совершенно въ сторонѣ. Отсюда вытекаетъ ея односторонность, а слѣдовательно и несостоятельность. Она не удовлетворяетъ, съ другой стороны, и цѣлямъ безопасности и уголовной охраны правопорядка, оставляя безнаказанными преступниковъ, удалившихся съ территоріи, на которой они совершили преступленіе, ибо выдача преступниковъ логически противорѣчитъ принципу территоріальной подсудности. И дѣйствительно, англо-американскіе юристы въ теоріи не признаютъ обязанности госуд-ва выдавать укрывшагося въ его предѣлахъ преступника; исключенія допускаются ими только для дружественныхъ державъ и притомъ только въ виду особыхъ къ нимъ отношеній.

2. Теорія *личной подсудности* (иначе—теорія субъективной національности) расширяетъ предѣлы судебной юрисдикціи госуд-ва, признавая власть госуд-ва наказывать не только за преступленія, совершенныя на его территоріи, но и внѣ ея, разъ преступленіе совершено его подданнымъ. На этомъ принципѣ основано принятое почти всѣми національными законодательствами правило невыдачи собственныхъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе за границею, для суда и наказанія тому государству, гдѣ преступленіе совершено. Существенный недостатокъ этой теоріи заключается въ томъ, что въ ней извращается самое существо уголовнаго закона, преслѣдующаго преступленіе, какъ таковое, безъ всякаго отношенія къ виновному лицу: данное дѣяніе преступно не потому, что его совершилъ иностра-

нецъ или поддданный госуд-ва, а потому, что оно нарушаетъ основы юридическаго порядка, какъ его понимаетъ госуд-во. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено за предѣлами отечества, возможна коллизія между законами отечественными и законами мѣста совершенія дѣянія и теорія личной подсудности не разрѣшаетъ этой коллизіи, такъ какъ отечественный судъ обязанъ, при логическомъ проведеніи личнаго принципа въ м. отношеніяхъ, наказать обвиняемаго, хотя бы по національнымъ законамъ совершенное имъ дѣяніе не признавалось преступнымъ. Личный принципъ очень послѣдовательно проводится въ консульской и смѣшанной юрисдикціи на дальнемъ Востокѣ (Китай), тамъ имѣются для этого весьма серьезныя основанія, но спеціальные интересы правосудія отъ этого тамъ очень часто страдаютъ.

3. Со второй половины XIX в. получила распространеніе такъ наз. *реальная теорія* (иначе—теорія объективной національности или теорія заинтересованнаго правопорядка), въ значительной степени смягчающая недостатки двухъ предшествующихъ. Такъ какъ основаніе всякаго наказанія кроется въ объектѣ преступнаго посягательства, то, по мнѣнію представителей этой теоріи, преступное дѣяніе противъ благъ или интересовъ, охраняемыхъ уголовн. закономъ госуд-ва подлежитъ наказанію по его законамъ гдѣ бы и кѣмъ бы оно ни было совершено, (Сторонники ея: Фейербахъ, Белингъ, Биндингъ, Гейнце, Роландъ, Вехтеръ) въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, подъ условіемъ выдачи. Здѣсь примиряются, такимъ образомъ, личный и территоріальный принципъ. Тѣмъ не менѣе, реальная теорія принципіально отличается отъ теорій территоріальной и личной подсудности: тогда какъ послѣднія имѣютъ въ виду исключительно субъективную сторону преступленія, первая основывается главнымъ образомъ на объективномъ принципѣ. Недостатокъ ея заключается въ томъ, что она приводитъ къ наказуемости одного и того же дѣянія по законамъ мѣста его совершенія и по законамъ страны, интересы которой нарушены На основаніи реальнаго принципа иностранецъ, совершившій преступленіе за границей не можетъ подлежать отвѣтственности передъ судомъ третьяго госуд-ва, въ которомъ онъ укрылся, потому что онъ не подчиненъ ему ни по праву личнаго суверенитета (какъ иностранецъ), ни территоріальнаго (такъ какъ преступное дѣяніе совершено имъ не на его территоріи), и онъ окажется отвѣтственнымъ за преступленіе, совершенное имъ за границею только въ случаѣ, если оно совершено было противъ самого госуд-ва, въ которомъ онъ теперь пребываетъ или противъ его подданнаго (такъ, преступленіе, совершенное за

границей противъ даннаго госуд-ва карается законодательствами германскимъ, французскимъ, бельгійскимъ, итальянскимъ).

4. Принципу междун. общенія наиболѣе соотвѣтствуетъ *космополитическая* (иначе,—всемірно-правовая или *универсальная)* теорія, нашедшая себѣ выраженіе въ австрійскомъ, венгерскомъ и особенно итальянскомъ законодательствахъ и усвоенная также и нашимъ проектомъ уголовнаго уложенія. Теорія эта намѣчена еще Гуго Гроціемъ; надлежащее же развитіе она получила лишь въ современной наукѣ. Основная идея универ. теоріи: охрана универсальнаго господства права и порядка. осуществленіе правосудія не только ради возможнаго частнаго интереса даннаго госуд-ва въ преслѣдованіи даннаго правонарушенія, но и въ виду солидарности всѣхъ государствъ въ борьбѣ противъ враговъ общественнаго порядка, кто бы они ни были и гдѣ бы и противъ кого бы непосредственно они ни проявили свою дѣятельность. По ученію представителей универсальной теоріи (Гейеръ, Ламмашъ, Мартицъ, Сергѣевскій, отчасти—Таганцевъ), задача м. уголовнаго права состоитъ не въ томъ, чтобы опредѣлить, какое госуд-во должно наказывать и какого преступника, а въ томъ, чтобы ни одно уголовное правонарушеніе не осталось безнаказаннымъ. Каждое госуд-во можетъ и должно наказывать находящагося въ его предѣлахъ нарушителя общаго правопорядка; въ крайнемъ случаѣ оно должно принять мѣры къ тому, чтобы преступленіе не осталось безъ соотвѣтствующаго возмездія. Всякое уголовное правонарушеніе, гдѣ бы оно ни совершилось, должно быть наказано. Такимъ образомъ, универсальная теорія имѣетъ въ виду охрану универсальнаго правопорядка. Несомнѣнно, что только при такой постановкѣ междун. уголовной охраны эта послѣдняя будетъ въ полной мѣрѣ служить цѣлямъ м. общенія. Поэтому основная идея всемірно-правовой теоріи безусловно справедлива. Однако и противъ нея существуютъ довольно серьезныя возраженія. Такъ, по мнѣнію проф. Мартенса, проведенію принциповъ этой теоріи на практикѣ будетъ препятствовать то обстоятельство, что уголовные законы въ различныхъ госуд-вахъ отличаются значительнымъ разнообразіемъ: то, что по законамъ одного госуд-ва преступно, по законамъ другого иной разъ совершенно безразлично съ уголовно-юридической точки зрѣнія; слѣд. по отношенію къ дѣянію этого рода принципъ универсальной теоріи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣненъ. Возраженіе это имѣетъ за собою нѣкоторое основаніе; но нужно имѣть въ виду, что международная уголовная защита обыкновенно сводится къ преслѣдованію лишь наиболѣе важныхъ преступленій, которыя считаются таковыми

(т. е. преступленіями) всѣми культурными госуд-вами. Преслѣдованіе же проступковъ въ порядкѣ международной защиты не имѣетъ соціальной необходимости съ точки зрѣнія принциповъ м. общенія и поэтому не входитъ въ число задачъ м. уголовнаго права; такимъ образомъ въ этомъ отношеніи принципъ универсальной теоріи, собственно говоря, не встрѣчаетъ препятствій при проведеніи его въ жизнь. Далѣе Мартенсъ указываетъ на то, что въ существѣ дѣла нельзя вмѣнить въ обязанность тому или иному госуд-ву наказывать преступниковъ за дѣянія, касающіяся исключительно другого госуд-ва, хотя бы эти дѣянія относились къ категоріи наиболѣе важныхъ преступленій. Но защитники универсальной теоріи и не настаиваютъ на этомъ, такъ какъ содѣйствіе незаинтересованныхъ въ наказаніи преступленія госуд-въ можетъ заключаться не только въ непосредственномъ наказаніи преступника, но въ изгнаніи или простой выдачѣ его тому госуд-ву, для котораго это важно. Третье возраженіе проф. Мартенса, направленное противъ всемірно-правовой теоріи, отправляется отъ того общаго положенія, что никто не въ правѣ оправдываться незнаніемъ законовъ; принципъ этотъ, говоритъ Мартенсъ, можетъ имѣть значеніе только по отношенію къ отечественнымъ такъ какъ невозможно требовать отъ иностранцевъ, чтобы они знали угол. законы того госуд-ва, въ которомъ они имѣютъ случайное мѣстопребываніе; между тѣмъ, универсальная теорія, повидимому, вмѣняетъ въ обязанность знать иностранцамъ законы страны, въ которой они находятся въ данное время. Дѣйствительно вмѣненіе того или иного дѣянія въ преступленіе для совершившаго его возможно только въ томъ случаѣ, если дѣятель по меньшей мѣрѣ зналъ о преступномъ характерѣ совершаемаго имъ; съ другой стороны, вѣрно и то, что отъ иностранцевъ несправедливо было бы требовать знанія чужихъ имъ законовъ. Однако междун. угол. право преслѣдуетъ только тѣ преступленія, которыя считаются таковыми во всѣхъ цивилизованныхъ госуд-вахъ, слѣдовательно, если преступникъ и не зналъ въ точности юрид. квалификаціи совершеннаго имъ дѣянія по законамъ того или иного госуд-ва (вѣдь рѣдкій преступникъ знаетъ это даже относительно своихъ отечественныхъ законовъ), то онъ не могъ не знать преступныхъ свойствъ своего проступка; а этого вполнѣ достаточно для того, чтобы дѣяніе было вмѣнено ему въ вину. Къ тому-же, если иностранецъ находитъ для себя возможнымъ знакомиться съ нормами гражданскаго права чуждаго ему госуд-ва при совершеніи гражданскихъ юрид. сдѣлокъ, то нельзя не вмѣнить ему въ обязанность также ознакомиться и съ каратель-

ными нормами госуд-ва, разъ есть у него основаніе сомнѣваться въ законности своихъ дѣяній. Наконецъ, по мнѣнію Мартенса, примѣненіе принциповъ универсальной теоріи по всякомъ случаѣ необходимо ограничить областью культурныхъ государствъ, такъ какъ не всѣ существующіе на земномъ шарѣ государства и народы находятся между собою въ м. правовомъ общеніи. Это вѣрно, но ограниченіе это должно имѣть временный характеръ: по мѣрѣ пріобщенія къ м. союзу новыхъ еще некультурныхъ странъ, на нихъ также должны быть переносимы и принципы междун. уголовной охраны, иногда съ тѣми или иными измѣненіями, соотвѣтственно особеннымъ условіямъ жизни новаго члена м. союза. Такъ обыкновенно и происходитъ въ дѣйствительности (Россія съ 1866 года).

Какъ бы то ни было, но съ точки зрѣнія доктрины м. союзъ, при осуществленіи м. угол. защиты, долженъ основываться на слѣдующихъ двухъ принципахъ, представляющихъ собою выводъ изъ универсальной теоріи: 1) всѣ члены м. союза содѣйствуютъ взаимно другъ другу въ осуществленіи ими задачъ уголовной охраны признаваемаго ими правопорядка, помимо спеціальныхъ конвенцій и договоровъ на этотъ счетъ; 2) непосредственное право наказанія преступника предоставляется наиболѣе заинтересованному (и слѣдовательно управомоченному) въ этомъ госуд-ву, а другое госуд-во въ случаѣ надобности оказываетъ ему лишь помощь въ этомъ отношеніи (напр., выдачей преступника для суда и наказанія). Въ этомъ случаѣ обязанность суда замѣняется обязанностью выдачи для суда.

Въ пользу универсальнаго принципа высказался и Институтъ м. права: „Всякое государство, законодательство коего признаетъ принципы права христіанскихъ государствъ, имѣя въ своей власти виновнаго, можетъ его судить и наказать, предполагая, разумѣется, что существуютъ вполнѣ достаточныя доказательства учиненія имъ тяжкаго преступленія и его виновности, и если притомъ самое мѣсто учиненія преступнаго дѣянія не можетъ быть констатировано или выдача виновнаго не можетъ быть допущена или же признается опасною".

Независимо отъ перечисленныхъ нами теорій, и въ наукѣ и въ м. практикѣ нѣкоторыя дѣянія, направленныя противъ общихъ интересовъ всѣхъ культурныхъ народовъ, признаются преступными и наказуемыми по законамъ госуд-ва, задержавшаго преступника, независимо отъ мѣста совершенія дѣянія. Къ числу такихъ общихъ интересовъ относятся безопасность м. путей сообщенія, обезпеченіе монетнаго и

денежнаго дѣла, защита противъ злоупотребленія краснымъ крестомъ, защита отъ м. враговъ (hostes generis humani), каковы морскіе разбойники, работорговцы, анархисты-динамитчики и т. п.

Подсудность преступныхъ дѣяній. Вопросъ о подсудности рѣшается національными уставами уголовнаго судопроизводства каждой страны. Но съ точки зрѣнія м. права подсудностью опредѣляется право каждаго госуд-ва наказывать преступныя дѣянія; иначе—подсудностью опредѣляется пространство дѣйствія уголовныхъ законовъ того или другого государства. Такимъ образомъ, рѣшая вопросъ о подсудности съ точки зрѣнія м. права, мы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаемъ вопросъ о предѣлахъ правъ и обязанностей каждаго госуд-ва въ дѣлѣ охраны м. правового порядка.

Вопросъ о подсудности можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какіе изъ изложенныхъ выше принциповъ мы положимъ въ основу рѣшенія его. Въ наукѣ и практикѣ преобладаютъ слѣдующія направленія въ этомъ отношеніи.

1. Подсудность преступныхъ дѣяній тому или иному госуд-ву опредѣляется *территоріей*, на которой оно совершено. Это остатокъ территоріальнаго принципа. Всякое государство въ правѣ охранять свой правопорядокъ, не позволяя вмѣшиваться въ это дѣло постороннему государству. Поэтому оно одно только наказываетъ преступниковъ за дѣянія, совершенныя на его территоріи, независимо отъ того, относится ли преступникъ къ числу его подданныхъ, или онъ иностранецъ. Но въ интересахъ м. оборота въ практикѣ каждаго госуд-ва существуетъ множество исключеній изъ этого правила, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, т.-е. каждое госуд-во а) иногда признаетъ компетенцію иностранныхъ судовъ по преступленіямъ, совершеннымъ на его территоріи, б) иногда же оно въ своей судебной компетенціи выходитъ за предѣлы своей территоріи.

а) ограниченія перваго рода касаются лицъ, пользующихся такъ назыв. правомъ внѣземелности и военныхъ кораблей.

б) Расширеніе территоріальной подсудности представляетъ собою обратную сторону ограниченія ея: всѣ преступленія, неподсудныя мѣстнымъ судебнымъ властямъ въ силу экстерриторіальности или особыхъ правилъ, относящихся, напр., къ иностранн. войскамъ, военн. и купеческимъ кораблямъ, судятся по законамъ своего отечества; такимъ образомъ уголовная юрисдикція послѣдняго въ этихъ случаяхъ простирается за предѣлы его территоріи. Кромѣ того, здѣсь необходимо еще указать на особое исключеніе для европейскихъ подданныхъ, находящихся

на Востокѣ. По общему правилу, они подлежатъ консульской юрисдикціи и судятся не по мѣстнымъ, а по отечественнымъ законамъ (подробности см. выше). Это изъятіе по русскимъ законамъ предусматривается въ 175 ст. ул. о нак. и 2, 3, 4, и 5 прим. къ ней. По 7 и 8 ст. угол. улож. „дѣйствіе сего Уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя россійскими подданными въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Кореѣ или иныхъ странахъ, въ коихъ они неподсудны мѣстной власти, а также на „прест. дѣянія, учиненныя въ Бухарѣ, пребывающими тамъ росс. подданными или иностранцами христіанскихъ вѣроисповѣданій".

Всѣ указанныя здѣсь изъятія изъ принципа территоріальной подсудности касаются не только процессуальной стороны, судопроизводства, но и оцѣнки того или иного дѣянія съ точки зрѣнія матеріальнаго угол. права: т. е. экстерриторіальныя лица за преступныя дѣянія, совершенныя за границей, отвѣчаютъ по отечественнымъ законамъ на томъ же основаніи, какъ если бы такія дѣянія совершены были ими въ отечественномъ государствѣ.

в) При примѣненіи принципа территоріалной подсудности возникаетъ, между прочимъ, вопросъ, обязано ли госуд-во наказывать своего подданнаго или иностранца, совершившаго въ его предѣлахъ преступленіе (не политическое) противъ иностраннаго госуд-ва или противъ иностраннаго подданнаго, находившагося въ моментъ совершенія преступленія на территоріи чужого госуд-га? Вопросъ этотъ рѣшается различно. По англійской системѣ обязанность эта можетъ возникнуть только изъ соображеній политическихъ, въ силу особыхъ дружественныхъ отношеній съ тою или иною державой. Съ точки же зрѣнія м. права и м. правового общенія, такая обязанность несомнѣнно существуетъ, но только въ томъ случаѣ, если данное преступленіе считается таковымъ и по мѣстнымъ законамъ (contra пр. Мартенсъ по дѣлу бельгійца Duchesne; см. „Современное междун. право" пр. Мартенса, изд. 1898 г., т. II, 408). Къ признанію наказуемости такихъ дѣяній склоняется и наша судебная практика (см. касс. рѣш. сената по дѣлу вѣнскаго проф. Іегера съ петербургскимъ проф. Манасеинымъ 92 г., 59). Безусловно невозможно согласиться, однако, съ мнѣніемъ пр. Мартенса, который требуетъ, чтобы мѣстная судебная власть наказывала не только совершенныя, но даже умышляемыя противъ другого госуд-ва преступленія. По меньшей мѣрѣ для установленія права наказанія въ этомъ случаѣ необходимо требовать не только обнаруженія умысла, но и перехода его (умысла) въ стадію приготовленія.

II. Несостоятельность чисто территоріальнаго принципа на практикѣ всегда сознавалась. На основаніи этого принципа, которому особенно строго слѣдуютъ Англія и С. Штаты (тоже Франція до 1866 г.), туземные подданные, находящіеся на чужой территоріи, не подчиняются уголовнымъ законамъ своего отечества и, слѣд., не должны подвергаться наказанію за преступленія, совершенныя ими за границею, по возвращеніи на родину. Так. обр. эта теорія при строгомъ ея примѣненіи и въ виду принятаго въ м. практикѣ принципа невыдачи подданныхъ, создаетъ привиллегію безнаказанности въ пользу подданныхъ, укрывающихся на своей родинѣ отъ преслѣдованія за преступленія, совершенныя въ другомъ государствѣ. Мало того при послѣдовательномъ проведеніи въ жизни этого принципа, государство было бы безсильно бороться даже съ преступленіями, совершаемыми противъ него самого его подданными за границей. Между тѣмъ, необходимость бороться съ такими преступленіями всегда существовала. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства возникла *теорія активной или субъективной національности* или личной подсудности, какъ дополненіе теоріи территоріальной подсудности. На основаніи теоріи субъективной національности, всѣ подданные того или иного государства подсудны его законамъ даже и за преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ своего отечества. Право государства наказывать своихъ подданныхъ за такія преступленія вытекаетъ изъ его верховной власти надъ всѣми подданными, хотя бы они находились за границей. Только Англія и С.-А. С. Штаты, твердо стоя на почвѣ принципа территоріальной подсудности, предпочитаютъ выдачу своихъ подданныхъ-преступниковъ проведенію въ жизнь принципомъ разсматриваемой теоріи. (Это касается главнымъ образомъ, случаевъ, когда англ. или америк. подданный, совершившій преступленіе въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, бѣжитъ въ Англію или Америку). Такой образъ дѣйствія объясняется, впрочемъ, не столько стремленіемъ Англіи оградить свой суверенитетъ, сколько желаніемъ гарантировать преступнику и обществу наиболѣе правильный приговоръ, такъ какъ возможность такового наиболѣе обезпечена при разсмотрѣніи дѣла въ мѣстѣ совершенія преступленія. Тѣмъ не менѣе и въ Англіи допускаются исключенія изъ территоріальнаго принципа, именно: по англійскому праву подлежатъ наказанію подданные, оказавшіеся виновными на чужой территоріи въ измѣнѣ, предумышленномъ убійствѣ и двоеженствѣ. Во всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствахъ территоріальный принципъ комбинируется такъ или иначе съ принципомъ субъективной національ-

ности: подданные, совершившіе преступленіе за границей и возвратившіеся потомъ на родину, не выдаются, *но наказываются* по законамъ отечественнымъ. Этотъ принципъ приводится во всѣхъ конвенціяхъ о выдачѣ. Изъ новѣйшихъ законодательствъ слѣдуетъ указать генгерскій кодексъ и итальянское уложеніе 1888 года, по которому итальянецъ, совершившій за границею преступное дѣяніе, наказуемое по итальянскимъ угол. законамъ, всегда отвѣчаетъ за него по возвращеніи въ отечество. Другія законодательства различаютъ степень тяжести преступнаго дѣянія. По ст. 173 и 174 Улож. о нак. русскіе подданные подлежатъ наказанію по русск. законамъ за совершенныя ими за границей: 1) посягательства на права державной власти или на цѣлость, безопасность или благосостояніе Россіи или на права русскихъ подданныхъ, а также 2) за преступленія противъ верховной власти иностраннаго государства, въ которомъ онъ пребывалъ или противъ иностранныхъ подданныхъ вообще. Угол. улож. въ ст. 9 распространяетъ отвѣтственность русскихъ подданныхъ по русскимъ законамъ на всѣ преступленія, совершенныя заграницей, а также на проступки, наказуемость коихъ, въ случаѣ учиненія ихъ въ иностранномъ государствѣ или, внѣ предѣловъ Россіи, предусмотрѣна заключеннымъ ею м. договоромъ. Этого принципа государства обыкновенно придерживаются при условіи взаимности.

III. Наконецъ, при обсужденіи вопроса о подсудности съ точки зрѣнія м. уголовнаго права, спорятъ также и о томъ, существуетъ ли для государства право и обязанность наказывать *иностранца*, совершившаго преступленіе за его предѣлами и потомъ бѣжавшаго или переселившагося на его территорію. Вопросъ этотъ рѣшается различно и въ теоріи и на практикѣ. Вообще во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе, чтобы мѣсто наказанія совпадало съ мѣстомъ преступленія. По мнѣнію проф. Мартенса, обязанность (или право) наказанія иностранца за дѣяніе, совершенное имъ въ другомъ госуд-вѣ, можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если между госуд-вомъ, куда онъ бѣжалъ и совершеннымъ имъ преступленіемъ существуетъ извѣстное юридическое отношеніе, именно—если иностранецъ совершилъ преступленіе противъ госуд. порядка или подданныхъ той страны, въ которой онъ теперь находится; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ можетъ быть рѣчь только о судебной помощи въ видѣ выдачи преступника, которою осуществляется не карательная власть государства, а лишь его обязанность помогать м. правосудію. При этомъ выдачи могутъ требовать—госуд-во, на территоріи котораго совершено преступленіе и отечественное госуд-во преступника. Если ни то, ни другое не требуютъ выдачи, то—по мнѣнію Мартенса—госуд-во, на территоріи котораго преступникъ укрылся, можетъ прибѣгнуть къ изгнанію его изъ своихъ предѣловъ или къ учрежденію надъ нимъ полицейскаго надзора. Взглядъ этотъ высказанъ еще раньше французскимъ интернаціоналистомъ Рено. Принципъ этотъ господствуетъ и на практикѣ. Только Англія и С. Америка предоставляютъ свои территоріи для убѣжища укрывающимся на нихъ преступникамъ иностранцамъ, допуская исключенія лишь для дружественныхъ державъ, на основаніи особыхъ соглашеній. Онѣ ни въ какомъ случаѣ не признаютъ такихъ иностранцевъ подсудными англійскимъ или американскимъ судамъ. Континентальныя же госуд-ва Европы прибѣгаютъ къ наказанію иностранцевъ за такія преступленія, если между этими преступленіями и государствомъ существуетъ извѣстное юридическое отношеніе. Такое отношеніе они устанавливаютъ въ двухъ случаяхъ: 1) если иностранецъ совершилъ за границей преступленіе противъ госуд-веннаго порядка или публичныхъ интересовъ страны, въ предѣлахъ и во власти которой онъ въ данное время находится, или 2) если преступленіе совершено противъ подданнаго того госуд-ва. Такъ, во Франціи иностранцы наказываются за посягательства противъ безопасности франц. государства, за поддѣлку госуд. печати, франц. денежныхъ знаковъ и банковыхъ билетовъ, хотя бы эти преступленія были совершены за предѣлами Франціи, лишь бы самъ преступникъ появился на ея территоріи. Германія на тѣхъ же основаніяхъ наказываетъ иностранцевъ за посягательства на главу государства и противъ государств. устройства Германіи, за преступленія противъ монетнаго устава и за дипломатическую измѣну. По мнѣнію французскихъ комментаторовъ, во Франціи преслѣдованіе иностранцевъ за преступленія, совершенныя на чужой территоріи, не обязательно, а факультативно; по германскимъ законамъ преслѣдованіе безусловно. Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, юрисдикція мѣстныхъ судовъ не простирается на иностранцевъ, совершившихъ на чужой территоріи преступленіе противъ отдѣльнаго подданнаго этихъ госуд-въ. Въ нашемъ дѣйствующемъ уложеніи отвѣтственность иностранцевъ за преступленія, совершенныя ими за предѣлами Россіи, опредѣляется 172 ст. Ул. о нак., которая предписываетъ уголовное преслѣдованіе иностранца за посягательства ,,на права державной власти въ Россіи или на права одного или нѣсколькихъ росс. подданныхъ, если онъ будетъ потомъ открытъ и задержанъ въ предѣлахъ имперіи, или же правитель-

ствомъ того края, гдѣ имъ учинено сіе преступленіе, или тѣмъ, у коего онъ въ подданныхъ, переданъ для сужденія въ Россіи". Закономъ 1893 года „дѣйствіе сей (172) статьи распространяется и на такія совершенныя внѣ предѣловъ государства преступныя дѣянія иностранныхъ подданныхъ противъ иностранцевъ же, за которыя виновные иностранные подданные подлежатъ суду и наказанію въ Россіи въ силу заключенныхъ съ иностранными государствами м. договоровъ" (прим. I къ 172 ст. по прод. 1895 г.). Здѣсь, очевидно, русское законодательство становится на точку зрѣнія универсальной теоріи. Еще шире этотъ принципъ проведенъ въ (коммиссіонномъ) проектѣ Угол. Уложенія, который провозглашаетъ (ст. 9) наказуемость иностранцевъ по русскимъ законамъ не только за преступленія противъ правъ державной власти въ Россіи и противъ правъ русск. подданныхъ, но и за всѣ преступленія противъ кого бы они ни были совершены (если нѣтъ договора и требованія о выдачѣ), лишь бы наказуемость ихъ признавалась и по законамъ мѣста совершенія ихъ (т. е. дѣяній); проступки же наказываются только въ томъ случаѣ, если они совершены противъ имущественныхъ интересовъ казны или противъ русскихъ подданныхъ. Такая широкая постановка вопроса объ отвѣтственности иностранцевъ въ проектѣ уложенія встрѣтила у насъ возраженія какъ со стороны теоретиковъ, такъ и со стороны практиковъ-криминалистовъ. Изъ иностранныхъ криминалистовъ полное сочувствіе ей выразилъ, между прочимъ, Гайеръ; Гуго Майеръ и Листъ высказались противъ; также проф. Мартенсъ и др. Всѣ они находятъ достаточнымъ примѣненіе къ иностранцу-преступнику полицейскихъ мѣръ,—напр., высылки за границу или учрежденія полицейскаго надзора, такъ какъ фактическая сторона преступленій, совершенныхъ за границею и степень виновности преслѣдуемыхъ лицъ могутъ быть установлены съ полною процессуальною достовѣрностью лишь на мѣстѣ совершенія преступленія; вообще, по ихъ мнѣнію, всякое уклоненіе отъ территоріальнаго принципа, не вызванное настоятельною необходимостью чрезвычайно вредно и способно повести къ коллизіямъ съ иностранными законодательствами. Высказано было также мнѣніе, что юрисдикцію русской судебной власти въ этомъ случаѣ можно было бы ограничить преступленіями, относящимися къ delicta juris gentium (наприм., морского разбоя). См. окончат. редакцію 9 статьи.

Во всякомъ случаѣ *возможность наказанія за преступленія, совершенныя заграницей*, возникаетъ лишь при слѣд. обстоятельствахъ: 1) если совершенное дѣяніе признается преступнымъ какъ по законамъ

мѣста совершенія его, такъ и по законамъ мѣста судебнаго разбирательства; это вытекаетъ изъ субсидіарнаго характера междун. уголовнаго права. Начало это усвоено всѣми законодательствами Европы; въ нашемъ Уложеніи о нак. о немъ прямо не упоминается, но оно вытекаетъ изъ общаго смысла его постановленій (по мнѣнію Таганцева); въ Угол. уложеніи означенное положеніе прямо выражено въ п. 1 ст. 10. Изъятія допускаются лишь въ виду особыхъ государственныхъ соображеній: а) требованій государственной самообороны, когда дѣяніе направлено противъ самого государства и его интересовъ (ст. 11 проекта Уг. Улож.) или б) требованій государственной уголовной политики. Составъ преступленія, его вмѣняемость и наказуемость должны опредѣляться, по мнѣнію пр. Мартенса, не по lege fori, а по lege loci delicti commissi, а по мнѣнію Таганцева наоборотъ: но по нашему законодательству допускается уменьшеніе наказанія, если по законамъ мѣста совершенія полагается наказаніе менѣе строгое (ст. 10 Угол. Улож.).

2) Если преступленіе не погашено оправданіемъ по прошедшему въ силу судебному приговору, отбытіемъ наказанія, помилованіемъ или давностью, (ср. рѣш. Кас. Д. Сен. по д. Іолко 92 г. 36. Угол. Улож. ст. 10 п. 2 и 3). Нѣкоторые кодексы и наше дѣйствующее право (и Угол. Улож. ст. 11) не распространяютъ дѣйствіе этого правила на тяжкія государственныя преступленія. Наше Угол. Улож. (ст. 12) дѣлаетъ также отступленіе отъ указаннаго правила относительно русскихъ подданныхъ, отбывшихъ наказаніе за границею по приговору иностраннаго суда за тяжкія общія преступленія (наказуемыя не ниже каторги) и, слѣдуя примѣру германскаго, венгерскаго и итальянскаго кодексовъ, постановляетъ, что такія лица подвергаются по возвращеніи въ Россію лишенію правъ, а отбывшіе наказаніе за государственныя преступленія подвергаются сверхъ того поселенію.

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительными законодательствами для наказуемости иностранца, совершившаго за границей преступное дѣяніе ставится условіемъ требованіе суда и наказанія со стороны заинтересованнаго иностраннаго государства или частнаго лица. Эта точка зрѣнія усвоена была и составителями проекта Угол. уложенія и даже въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ, именно: въ случаѣ совершенія преступнаго дѣянія противъ иностраннаго государства или противъ иностранцевъ, преслѣдованіе можетъ быть возбуждено только по требованію подлежащей иностранной власти или по жалобѣ потерпѣвшаго частнаго лица.

Какъ мы уже замѣтили, особый разрядъ преступныхъ дѣяній въ сферѣ международной представляютъ собою такъ наз. преступленія международныя (delicta juris gentium): соотвѣтственно ихъ экстратерриторіальному характеру экстратерриторіальна и ихъ подсудность и наказуемость, хотя бы они были совершены и на территоріи государства, входящаго въ составъ м. союза. Такъ, на основаніи конвенцій 1840 и 1890 г. европейскія державы преслѣдуютъ каждая по своимъ законамъ виновныхъ въ торгѣ неграми, гдѣ бы виновный ни былъ захваченъ. Такъ въ силу 1411 ст. Ул. наказвается каторгою торгъ „африканскими неграми", а также прямое или косвенное участіе въ немъ. Такая же м. охрана установлена по отношенію къ пиратамъ или морскимъ разбойникамъ: наказанію подвергается всякій виновный въ учиненіи разбоя въ открытомъ морѣ, независимо отъ его подданства. Далѣе, на основаніи конвенціи 1884 г. объ охранѣ м. телеграфныхъ кабелей, виновный въ поврежденіи такового наказывается ,если поврежденіе совершено и не въ предѣлахъ Россіи, а въ открытомъ морѣ, и притомъ безразлично,—нашимъ подданнымъ или иностранцемъ, на нашемъ суднѣ находящимся. На основаніи той же конвенціи Угол. Ул. (ст. 393, 394) устанавливаетъ наказуемость нарушенія капитаномъ судна, занимавшагося проложеніемъ или исправленіемъ морского кабеля, правилъ о сигнализаціи и наказуемость неисполненія требованій предосторожности лицами, приближающимися къ мѣсту исправленія или проложенія кабеля, хотя бы виновные были въ послѣднемъ случаѣ иностранцы. Аналогичныя постановленія имѣются и въ законодательствахъ другихъ государствъ.

Выдача преступниковъ. Въ силу принциповъ м. права, относительно одного и того же преступленія возможна судебная компетенція нѣсколькихъ госуд-въ, а слѣдовательно возможна и коллизія такихъ компетенцій. Въ такомъ случаѣ теорія угол. права отдаетъ предпочтеніе суду мѣста совершенія преступленія. Въ этомъ смыслѣ высказался и Оксфордскій съѣздъ 1880 г. института м. права, и большинство современныхъ криминалистовъ. Но проведеніе въ жизнь означеннаго принципа возможно только при условіи выдачи преступниковъ въ томъ случаѣ, когда преступленіе совершено иностранцемъ, и притомъ не противъ интересовъ или подданныхъ выдающаго государства и не на его территоріи. Выдача (или экстрадиція) преступниковъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если выдающее госуд-во не заинтересовано въ примѣненіи своей карат. власти къ преступнику, т. е. становясь

на точку зрѣнія не универсальной теоріи, а нынѣшней законодательной практики,—если между выдающимъ госуд-вомъ и преступникомъ или совершеннымъ имъ преступнымъ дѣяніемъ нѣтъ юридическаго отношенія (см. выше). Отсутствіе такого отношенія налагаетъ (въ силу м. общенія) на это государство лишь обязанность оказать другому госуд-ву, непосредственно заинтересованному, судебную помощь въ дѣлѣ уголовнаго преслѣдованія преступника и притомъ прежде всего тому госуд-ву, на территоріи котораго совершено преступленіе. Такимъ образомъ, выдача преступника есть лишь актъ междун. судебной помощи, оказываемой другъ другу госуд-вами въ видахъ осуществленія охраны обоюдно признаваемаго ими правоваго порядка отъ преступн. на него посягательствъ; выдача не есть осуществленіе или суррогатъ права наказанія со стороны выдающаго госуд-ва (оно, строго говоря, съ точки зрѣнія господствующей теоріи, этого права не имѣетъ); она является лишь исполненіемъ обязанности члена м. союза культурныхъ госуд-въ придти на помощь другому госуд-ву, имѣющему это право наказанія; но обязанность эта получаетъ юридич. характеръ только при наличности соотвѣтственнаго формальнаго договорнаго обязательства.

Юридическая постановка вопроса о выдачѣ—какъ права одного госуд-ва требовать ея и обязанности другого—исполнить это требованіе,—такая постановка его является въ наукѣ м. права лишь въ новѣйшее время. Она и невозможна была съ точки зрѣнія господствующихъ теорій м. уг. права. Трудно найти теоретическія юридич. основанія для института выдачи съ точки зрѣнія реальной теоріи; сторонники ея допускаютъ выдачу только иностранцевъ, и притомъ—посягнувшихъ на интересы чужого госуд-ва или на права иностранцевъ; нѣсколько шире опредѣляется объемъ возможной выдачи сторонниками національной теоріи, не допускающими выдачи собственныхъ подданныхъ, и сторонниками территоріальнаго начала, допускающими выдачу всѣхъ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ-за границы, но лишь на основаніи соображеній политики—съ цѣлью имѣть основаніе для требованія взаимности въ этомъ отношеніи.

Развитіе взаимной судебной помощи въ сферѣ м. отношеній идетъ параллельно развитію въ сферѣ уголовн. правосудія сознанія о м. правовомъ общеніи культурныхъ госуд-въ и прямо зависитъ отъ степени однородности ихъ культурно-правовыхъ задачъ и отъ степени ихъ солидарности. Чѣмъ больше правовой и соціально-политическій строй одного госуд-ва соотвѣтствуетъ такому же строю другого госуд-ва, тѣмъ чаще

и полнѣе найдетъ себѣ примѣненіе этими государствами принципъ взаимной судебной помощи и наоборотъ. Это доказывается и исторіей развитія института выдачи преступниковъ. Какъ юридически (а не только политически) обоснованное явленіе въ сферѣ м. отношеній, выдача преступниковъ получаетъ примѣненіе въ жизни европейскихъ госуд-въ лишь съ момента установленія въ нихъ болѣе или менѣе однообразнаго политическаго и правового строя, т. е. съ 40-хъ годовъ XIX ст. Съ этого времени соглашенія о выдачѣ преступниковъ между цивилизованными государствами становятся обычнымъ явленіемъ. Россія до введенія судебной реформы Александра II не имѣла возможности заключать съ другими госуд-вами конвенцій о выдачѣ преступниковъ, вслѣдствіе отсталости ея дореформеннаго судебнаго строя; первая такая конвенція заключена ею съ Даніей въ 1866 г. Теперь Россія имѣетъ картели о выдачѣ преступниковъ со всѣми европейскими госуд-вами, за исключеніемъ Пруссіи, Германск. имперіи, Франціи, Швеціи, Норвегіи, Греціи, Болгаріи и Сербіи; конвенція съ С.-А. С. Штатами 1889 г. ратификована лишь въ 1893 г. Съ Пруссіей у Россіи имѣется договоръ 1885 г. только о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Впрочемъ и относительно государствъ, съ которыми Россія не имѣетъ конвенцій, выдача все-таки практикуется, но лишь по принципу взаимности.

Государство, куда бѣжалъ преступникъ, имѣетъ право выдать его во всякомъ случаѣ, даже и тогда, когда не существуетъ особыхъ договоровъ о выдачѣ,—ибо право убѣжища есть право государства, гдѣ преступникъ скрывается, а не право бѣжавшаго преступника. Но обязаннымъ къ выдачѣ госуд-во является только въ томъ случаѣ, если оно прямо приняло на себя такую обязанность.

По мнѣнію Оксфордскаго съѣзда института м. права „точное и правильное приложеніе выдачи обусловливается лишь существованіемъ трактатовъ и поэтому желательно, чтобы послѣдніе заключались въ возможно большемъ числѣ". Однако въ настоящее время экстрадиція практикуется почти всѣми цивилизованными госуд-вами даже и безъ спеціальныхъ конвенцій, лишь подъ условіемъ взаимности (исключенія: Бельгія, Голландія, отчасти Англія и С. Штаты). Тѣмъ не менѣе, разъ между данными госуд-вами не существуетъ особой конвенціи о выдачѣ преступниковъ, они имѣютъ полное право отказать другъ другу въ таковой.

Увеличеніе числа конвенцій о выдачѣ преступниковъ служитъ несомнѣннымъ признакомъ развитія сознанія и необходимости взаимной

междун. судебной помощи. Другимъ признакомъ развитія такого сознанія является введеніе въ новѣйшихъ законодательствахъ спеціальныхъ *законовъ объ экстрадиціи*. Это явленіе объясняется отчасти спеціальными недостатками, свойственными конвенціямъ. Конвенціи вообще крайне разнообразны по своему содержанію. Самое число преступленій, на которыя простирается конвенціонная экстрадиція, въ высшей степени неустойчиво (въ нашихъ конвенціяхъ,—отъ 7 съ Даніею до 27 съ Англіею). Хотя постепенное возрастаніе количества такихъ перечисляемыхъ въ конвенціяхъ преступленій, несомнѣнно, указываетъ на постепенное развитіе института выдачи, однако это же самое обстоятельство служитъ также очевиднымъ признакомъ неопредѣленности тѣхъ принциповъ, которые полагаются въ основу конвенцій. Съ другой стороны, самыя опредѣленія преступленій, которыхъ касаются конвенціи, при ихъ толкованіи, представляютъ большія затрудненія. Такъ, напр., преступленія, именуемыя въ конвенціяхъ (обыкновенно излагаемыхъ на франц. яз.) по французски assassinat и meurtre (убійство и умервщвленіе) вызываютъ рядъ вопросовъ: относятся ли сюда отравленіе, дѣтоубійство и т. д.? какое различіе между assassinat и meurtre? и т. п. Другой примѣръ: въ конвенціяхъ нерѣдко опредѣляется выдача за „кражу съ отягчающими обстоятельствами", между тѣмъ подъ такой кражей нѣкоторыя законодательства разумѣютъ грабежъ, тогда какъ русское—совсѣмъ иное. Въ виду такихъ неудобствъ конвенціонной системы, и въ теоріи, и въ современныхъ законодательствахъ обнаруживается тенденція установить въ самыхъ законодательствахъ принципы выдачи преступниковъ. Это достигается или путемъ изданія *особыхъ экстрадиціонныхъ законовъ* или путемъ внесенія соотвѣтствующихъ постановленій въ уголовные кодексы. Такіе законы служатъ затѣмъ основаніемъ для спеціальныхъ конвенцій объ экстрадиціи, подобно тому, какъ общій автономный таможенный тарифъ служитъ исходнымъ для договорнаго соглашенія о конвенціонномъ тарифѣ. Но лишь путемъ договоровъ или установленіемъ взаимности такія постановленія внутренняго законодательства получаютъ обязательную силу въ м. отношеніяхъ; такъ что принятіе госуд-вомъ особаго закона о выдачѣ, само по себѣ не обязываетъ его къ выдачѣ такому государству, съ которымъ у него нѣтъ ни договора, ни взаимности,—оно лишь связываетъ его правительство въ установленіи условій выдачи при переговорахъ съ другимъ госуд-вомъ относительно взаимной выдачи преступниковъ, или же при совершеніи выдачи безъ договора.. Особые экстрадиціонные законы существуютъ въ Бель-

гіи, Голландіи, Швейцаріи, Люксембургѣ и Англіи; общія постановленія объ экстрадиціи внесены въ уголовные кодексы Германіи, Венгріи и Италіи. Оксфордскій съѣздъ института тоже призналъ желательнымъ изданіе такихъ экстрадиціонныхъ законовъ, дабы тѣмъ внести желательное единство и твердость въ эту столь важную отрасль междун. отношеній. Наконецъ, этому же движенію подчинилась и наша редакціонная коммиссія по составленію проекта Уголовнаго Уложенія (см. 10 ст. проекта и ст. 10 п. 4 и ст. 13 Угол. Улож.) и въ февралѣ 1911 г. въ Г. Думѣ разсмотрѣнъ внесенный министромъ юстиціи проектъ закона.

Не смотря на несомнѣнную важность института выдачи въ интересахъ осуществленія правосудія въ м. оборотѣ, законодательства не признаютъ его неограниченнаго примѣненія. За необходимость ограниченія въ этой области высказывается также и теорія м. уголовнаго права. Ограниченія эти касаются различныхъ моментовъ экстрадиціи, прежде всего вопроса:

1) о лицахъ, подлежащихъ выдачѣ. Преступленія, по поводу которыхъ можетъ возникнуть вопросъ о выдачѣ, могутъ быть совершены за границею какъ подданными даннаго госуд-ва, такъ и иностранцами. Подлежатъ ли въ этомъ случаѣ выдачѣ подданные госуд-ва? Практика рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Многіе теоретики тоже высказываются за невыдачу. (Изъ новѣйшихъ: Баръ, Гуго Мейеръ, Мартицъ, Биндингъ, Фіоре). Государство и его подданный, разсуждаютъ они, находятся въ извѣстныхъ юридическихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Эти отношенія налагаютъ на госуд-во обязанность всегда и вездѣ оказывать подданному защиту, давать ему гарантію безопасности его личности даже и на чужбинѣ; поэтому госуд-во не исполнило бы своей обязанности, если бы оно выдавало своихъ подданныхъ, хотя бы и совершившихъ преступленіе за границей, иностранной судебной власти. Къ тому же нельзя разсчитывать на то, что иностранное госуд-во отнесется съ полнымъ безпристрастіемъ къ преступнику-иностранцу. Далѣе, возможность выдачи подданнаго иностранному госуд-ву затрудняется, по ихъ мнѣнію, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что самые законы и учрежденія уголовнаго правосудія далеко еще не достигли должнаго однообразія и совершенства даже въ культурныхъ странахъ: различія въ уголовномъ процессѣ, въ мѣрѣ и степени наказанія и т. п. столь еще велики въ различныхъ государствахъ, что въ настоящее время интересы подсудимаго могутъ быть ограждены въ полной мѣрѣ только въ отечественномъ госуд-вѣ преступника. Однако большинство современныхъ теоретиковъ какъ криминалистовъ,

такъ и интернаціоналистовъ признаютъ и вполнѣ справедливо, приведенные доводы противниковъ выдачи подданныхъ совсѣмъ не убѣдительными. Невѣрно, говорятъ они, будто бы государство, выдавая своего подданнаго, нарушаетъ свою обязанность защищать послѣдняго; иначе нужно было бы признать за госуд-овмъ право всегда вмѣшиваться въ дѣла правосудія иностраннаго госуд-ва, если вопросъ касается его подданныхъ. Госуд-во должно лишь слѣдить за тѣмъ, чтобы его подданный не сдѣлался жертвой несправедливости за границей. Въ случаѣ злоупотребленій отечество всегда имѣетъ право вмѣшаться. Госуд-во имѣетъ обязанности не только относительно своихъ гражданъ, но и относительно другихъ государствъ въ смыслѣ содѣйствія преслѣдованію преступныхъ дѣяній совершенныхъ на территоріи иностраннаго госуд-ва. Далѣе, противники выдачи какъ бы исходятъ изъ того принципіальнаго положенія, что иностранные суды организованы хуже, чѣмъ отечественные; но такое предположеніе по меньшей мѣрѣ неосновательно. Ошибочно также утверждать, что выдача не вызывается интересами правосудія: и для преступника, и для общества въ высшей степени важно, чтобы данное дѣло было разсмотрѣно на мѣстѣ преступленія, такъ какъ при этомъ условіи возможны наибольшія гарантіи не только заслуженнаго, но и справедливаго приговора и наказанія. Вообще и теорія и практика согласны, что уголовный законъ долженъ имѣть территоріальный характеръ, т. е. что преступленіе должно судиться по мѣсту совершенія, независимо отъ національности подсудимаго. По общему правилу, госуд-во не имѣетъ права изъять своего подданнаго, совершившаго преступленіе въ иностранномъ госуд-вѣ изъ рукъ иностран. правосудія, а бѣгство—просто случай, а слѣдовательно, оно не можетъ имѣть и рѣшающаго значенія въ вопросѣ о судѣ надъ преступникомъ. Право наказывать своего подданнаго можетъ возникнуть для госуд-ва лишь въ томъ случаѣ, если есть основательное опасеніе за безпристрастность приговора иностраннаго суда. Между культурными государствами такое опасеніе возможно лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ; тѣмъ болѣе, что госуд-во, допустившее такую неисправность, всегда можетъ разсчитывать на взаимность въ этомъ отношеніи. Коль скоро госуд-во настолько довѣряетъ другому, что заключаетъ съ нимъ конвенцію о выдачѣ, то было бы не логично, если бы это довѣріе выражалось на практикѣ лишь выдачей преступниковъ иностранцевъ и прекращалась бы по отношенію къ выдачѣ своихъ подданныхъ. (См. Листъ, Гольцендорфъ, Мартенсъ).

Въ пользу невыдачи отечественныхъ подданныхъ нерѣдко приводятъ положеніе французской конституціи 1814 г., въ силу котораго „никакое лицо не можетъ быть изъято изъ вѣдомства своего естественнаго судьи". Но это положеніе отличается двусмысленнымъ характеромъ. Естественнымъ судьей можно считать какъ отечественнаго судью (ratione personae), такъ и судью по мѣсту совершенія преступленія (ratione materiae). Перваго взгляда держатся противники выдачи отечественныхъ подданныхъ, второго—защитники ея. Оксфордскій съѣздъ института высказался въ пользу выдачи подданныхъ, основываясь на томъ соображеніи, что „между госуд-вами, уголовное законодательство коихъ покоится на тождественныхъ основаніяхъ, и которыя питаютъ взаимное довѣріе къ ихъ судебнымъ установленіямъ, выдача собственныхъ подданныхъ является средствомъ обезпеченія правильнаго отправленія уголовнаго правосудія. такъ какъ весьма желательно, чтобы подсудность всегда имѣла своимъ основаніемъ forum delicti commissi". Въ томъ же смыслѣ высказался брюсельскій тюремный конгрессъ 1900 г.

Въ Россіи не существуетъ опредѣленныхъ постановленій по вопросу о выдачѣ русскихъ подданныхъ; но практика, какъ и въ другихъ континентальныхъ государствахъ, придерживается правила невыдачи. Комиссія по составленію проекта Угол. Уложенія, признавши взглядъ современныхъ теоретиковъ на этотъ вопросъ вполнѣ справедливымъ, не нашла однако возможнымъ провести его въ проектъ Уложенія въ виду того, что всѣ европейскія госуд-ва до сихъ поръ на практикѣ придерживаются прежняго правила невыдачи отечественныхъ преступниковъ. Правила о невыдачѣ даже занесены въ конституціи нѣкоторыхъ госуд-въ (Французской 1814 г., Баденской, Брауншвейгской и др.) и въ новѣйшіе кодексы (Германскій, Венгерскій, Итальянскій, Австрійскій). Въ Голландіи и Бельгіи правило это установлено въ особыхъ экстрадиціонныхъ законахъ. Англія въ послѣднихъ своихъ конвенціяхъ признаетъ невыдачу собственныхъ подданныхъ иностранному госуд-ву, въ которомъ совершено преступленіе, но допускаетъ ее иногда подъ условіемъ взаимности (въ нашемъ договорѣ съ Англіею 1886 г. каждое правительство сохраняетъ за собою право отказать въ выдачѣ собственныхъ подданныхъ; тоже съ Испаніею, Австріею и С. Штатами).

Правило невыдачи подданныхъ принято въ международныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ Россіей. „Слѣдовательно если бы Россія и признала нынѣ принципъ выдачи собственныхъ подданныхъ, то ни по трактатамъ, ни по началу взаимности она не могла бы получить отъ другихъ державъ

согласія на принятіе этого принципа и слѣд. такое постановленіе оставалось бы мертвой буквой или же оно нарушило бы принципъ международной равноправности" (см. объясненія къ ст. 10 проекта Уг. Уложенія и объяснительн. записку министра юстиціи къ его законопроекту).

Во всякомъ случаѣ принципъ выдачи отечественныхъ преступниковъ не можетъ быть проведенъ на практикѣ безусловно. Если въ отечественномъ госуд-вѣ дѣяніе, совершенное заграницею, не считается преступнымъ, или если преступникъ представитъ основательныя соображенія, могущія возбудить серьезное сомнѣніе въ безпристрастіи иностранной судебной власти, то госуд-во имѣетъ полное право отказать въ выдачѣ преступника.

Въ заключеніе два замѣчанія о *натурализованныхъ иностранцахъ*. По нѣкоторымъ конвенціямъ преступникъ, натурализовавшійся на мѣстѣ своего убѣжища послѣ совершенія имъ преступленія въ другой странѣ, подлежитъ выдачѣ въ случаѣ требованія со стороны подлежащаго госуд-ва; въ русскихъ конвенціяхъ не допускается выдача какъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, получившихъ право на натурализацію въ Россіи: такъ по нашимъ конвенціямъ съ Даніею, къ природнымъ подданнымъ причисляются натурализованные подданные и иностранцы, поселившіеся въ странѣ, или имѣющіе въ ней жительство; по конвенціи съ Баваріею—иностранцы, которые по мѣстнымъ законамъ уравнены съ подданными, а также иностранцы, водворившіеся въ странѣ и состоящіе или состоявшіе въ бракѣ съ туземною подданною и имѣющіе отъ нея ребенка, родившагося въ странѣ; тоже по конвенціи съ Гессеномъ; по конвенціи съ Португаліею—натурализованные иностранцы.

2) Случаи, когда *нѣсколько государствъ требуютъ выдачи* одного и того же преступника тоже вызываютъ рядъ сомнѣній. Здѣсь можетъ быть нѣсколько комбинацій: а) если госуд-во, отъ котораго требуютъ выдачи преступника, также имѣетъ право на наказаніе его за совершенное имъ въ его предѣлахъ другое преступленіе, то оно выдаетъ преступника по отбытіи имъ наказанія на мѣстѣ за это послѣднее. Но если въ другомъ госуд-вѣ совершено имъ болѣе тяжкое преступленіе, въ такомъ случаѣ наказанію на мѣстѣ должна предшествовать выдача. Мартенсъ придерживается другого взгляда, но врядъ ли съ нимъ можно согласиться: странно было бы отказать въ выдачѣ тому госуд-ву, въ предѣлахъ котораго совершено преступникомъ ,напр. убійство, только потому, что на мѣстѣ его пребыванія имъ совершена какая нибудь легкая кража;

б) если выдачи требуютъ одновременно отечественное государство преступника и государство, въ которомъ имъ совершено преступленіе, то по мнѣнію нѣкотроыхъ, первому должно быть отдано предпочтеніе; но на основаніи приведенныхъ раньше соображеній и здѣсь нужно предпочесть locum delicti commissi, т. е. преступникъ долженъ быть выданъ госуд-ву, въ которомъ учинено преступное дѣяніе;

в) если въ отечественномъ государствѣ преступника учинено имъ преступленіе, то вопросъ рѣшается въ зависимости отъ той или иной обстановки совершенныхъ преступленій и требованій о выдачѣ. Нѣкоторыя конвенціи отдаютъ предпочтеніе отечеству преступника, другія госуд-ву ранѣе предъявившему требованіе о выдачѣ. Правильнѣе выдавать въ такомъ случаѣ государству, въ которомъ совершено болѣе тяжкое преступленіе. Въ русскихъ конвенціяхъ на этотъ счетъ существуютъ болѣе или менѣе однобразныя правила: преступникъ выдается тому госуд-ву, въ которомъ совершено болѣе тяжкое преступленіе, а въ случаѣ одинаковой тяжести—тому, которое раньше потребовало выдачи.

Вслѣдствіе основнаго правила угол. права—non bis in idem—Угол. Уложеніе (ст. 13) постановляетъ: „выдача допускается, если виновный не былъ въ Россіи за то дѣяніе (по которому она требуется) осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ". Въ противномъ случаѣ требуемый къ выдачѣ можетъ быть или судимъ по нашимъ законамъ (особенно—если онъ русскій подданный), или выданъ. То же правило внесено въ законопроектъ.

3) *Не всякое преступное дѣяніе* даетъ право требовать выдачи преступника. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ объ *условіяхъ наказуемости* преступленія, по которому требуется выдача. Выдача допускается только въ случаѣ, если дѣяніе наказуемо по законамъ обоихъ госуд-въ—требующаго выдачи и того отъ котораго требуется выдача. Это прямо вытекаетъ изъ понятія выдачи, какъ акта судебнаго содѣйствія. Очевидно, госуд-во отъ котораго требуютъ выдачи для суда и наказанія такого лица, которое обвиняется въ дѣяніи, преступность и наказуемость котораго не признается госуд-вомъ, къ которому это требованіе обращено не можетъ согласиться на такой актъ. Здѣсь въ особенности рельефно проявляется главное и необходимое условіе взаимнаго содѣйствія госуд-въ въ области правосудія—обусловленный одинаковымъ уровнемъ культуры одинаковый уровень правосознанія и приблизительно тождественная организація судебной защиты въ смыслѣ судебныхъ гарантій для обвиняемаго или подсудимаго.—Для выдачи требуется кромѣ матеріальной наказуемости дѣянія по которому она требуется, еще и процессуальная его наказуемость. Поэтому, если она напр. прекратилась потому ли, что виновный уже понесъ наказаніе или же относительно инкриминируемаго ему дѣянія уже состоялось рѣшеніе (оправдательное или иное) въ госуд-вѣ отъ котораго требуется выдача, или же потому, что по законамъ этого госуд-ва или же госуд-ва, требующаго выдачи, наказуемость преступнаго дѣянія погашена давностью, то выдача не можетъ, очевидно, имѣть мѣста, какъ не имѣющая юридическаго основанія.

Указанныя общія положенія общепризнаны въ доктринѣ, и въ м. практикѣ. Поэтому совершенно несправедливо и неосновательно мнѣніе проф. Мартенса, что выдача полагается за всѣ дѣянія, которыя признаются преступными по законамъ страны, требующей выдачи. Такое мнѣніе мож. б. оправдано лишь при взглядѣ на выдачу, какъ на дружескую услугу при отправленіи правосудія. Если стоять на точкѣ зрѣнія проф. Мартенса, тогда придется признать юридически обоснованнымъ и требованіе выдачи политическихъ преступниковъ. Между тѣмъ и практика, и теорія уже давно пришли къ убѣжденію, что политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ. Взглядъ этотъ покоится на принципахъ м. права, которое не считаетъ себя призваннымъ охранять внутренній политическій строй того или иного государства, потому что м. союзъ считаетъ одинаково закономѣрными, съ точки зрѣнія м. общенія, самыя разнообразныя формы политическаго существованія госуд-ва. Такимъ образомъ межд. угол. право имѣетъ полное основаніе относиться безразлично къ политическимъ преступленіямъ, несмотря на то, что рубрика политическихъ (госуд-венныхъ) преступленій имѣется во всѣхъ національныхъ законодательствахъ, и что эта категорія преступленій относится обыкновенно къ наиболѣе тяжкимъ. Сюда же должны быть отнесены на тѣхъ же основаніяхъ *религіозныя* преступленія, преступленія *по службѣ*,—какъ военной (дезертирство), такъ и гражданской,—и такія дѣянія, которыя обусловливаются административнымъ и соціальнымъ строемъ даннаго госуд-ва (напр. преступленія „противъ порядка управленія"). Лица, учинившія подобныя дѣянія, какъ и политическіе преступники не должны подлежать выдачѣ, такъ какъ подобнаго рода дѣянія, признаваемыя преступными въ одномъ государствѣ, въ другомъ могутъ считаться совершенно безразличными съ точки зрѣнія угол. права. Между тѣмъ опредѣленіе и признаніе преступности дѣянія, за которое допускается выдача, по законамъ страны, въ которой укрылся преступникъ, юридически безусловно необходимо, ибо только при условіи признанія пре-

ступности дѣянія обоими государствами—требующимъ и совершающимъ выдачу, можетъ быть рѣчь объ интересахъ правосудія въ данномъ вопросѣ. На практикѣ преступленія указанныхъ нами категорій никогда не вносятся въ конвенціи объ экстрадиціи; однако общихъ положеній на этотъ счетъ еще не выработано ни наукой, ни практикой, хотя выработать такія положенія рѣшительно необходимо въ виду того, что въ послѣднее время въ экстрадиц. законахъ замѣчается тенденція, вмѣсто перечня преступленій, за которыя полагается выдача, вообще обозначать лишь категорію такихъ преступленій. Поэтому важно было бы опредѣлить общіе признаки преступныхъ дѣяній, за которыя не допускается выдача.

Обыкновенно выдача полагается за наиболѣе тяжкія преступленія; иной разъ критеріемъ такихъ преступленій служитъ степень наказанія за него. Лица, совершившія преступленія противъ военн. дисциплины, и *дезертиры* никогда не подлежатъ выдачѣ, такъ какъ нѣтъ м. интереса и этическихъ основаній для охраны военнаго строя госуд-въ. Но *бѣглые матросы* какъ съ купеческихъ, такъ и съ военныхъ кораблей всегда выдаются. Междун. союзъ даже оказываетъ содѣйствіе заинтересованному госуд-ву въ поимкѣ такихъ бѣглецовъ. Мотивомъ для такого изъятія служитъ то обстоятельство, что, при отсутствіи соотвѣтствующей междун. репрессіи, матросы могли бы безнаказанно ставить въ безпомощное положеніе оставляемыя ими суда въ чужихъ водахъ.

Выдача за политическія преступленія. Впервые принципъ невыдачи политич. преступниковъ установленъ былъ во времена французской революціи, когда этотъ принципъ внесенъ былъ въ французск. конституцію 1793 г., а европейскія монархическія госуд-ва отказали въ выдачѣ революціонному французскому правительству эмигрантовъ-роялистовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи. Въ качествѣ общаго правила такое отношеніе къ полит. преступникамъ начинаетъ практиковаться лишь съ 30-хъ г. XIX ст., главнымъ образомъ послѣ 1848 г. (Бельгійскій законъ 1833 г. впервые установилъ для заключенія договоровъ о выдачѣ правило и условіе, что выданный не будетъ подвергнутъ преслѣдованію ни за какое политическое преступленіе, предшествовавшее выдачѣ, и ни за какой фактъ, связанный съ подобнымъ преступленіемъ). Съ этого времени въ экстрадиціонныя конвенціи начинаютъ вносить особую оговорку о невыдачѣ политическихъ преступниковъ. Однако въ виду того, что политич. преступленія часто оказываются сопряженными съ тяжкими преступленіями общаго характера, особенно съ покушеніями на жизнь монарховъ и другихъ главъ государствъ, въ послѣднее время сознана необходимость пересмотра вопроса о политич. преступленіяхъ. Въ существѣ дѣла понятіе политическаго преступленія до сихъ поръ еще не выяснено въ наукѣ. Большинство писателей даютъ лишь отрицательныя опредѣленія чисто политическаго преступленія. Въ прежней доктринѣ рѣшающее значеніе придавалось *мотиву* преступленія; въ новѣйшей—его *направленію*. Поэтому политич. преступленіями признаются обыкновенно такія умышленныя преступленія, которыя направлены противъ строя и безопасности отечественнаго или иностраннаго госуд-ва или противъ главъ госуд-ва или членовъ правительства. Но съ точки зрѣнія современной доктрины, какъ мы увидимъ такое опредѣленіе и не достаточно точно и не вполнѣ правильно. Изъ положительныхъ опредѣленій „абсолютно политическихъ“ преступленій особаго вниманія заслуживаетъ опредѣленіе пр. Даневскаго, по которому „подъ политическими преступленіями (чистаго типа) слѣдуетъ понимать такія, въ которыхъ преступникъ, имѣя умыселъ ниспровергнуть или измѣнить существующій государственный или соціальный строй, избираетъ чисто политическій путь къ достиженію намѣченной цѣли и употребляетъ для того всякія средства, хотя и не дозволенныя положит. законодательствомъ страны, но не составляющія такъ называемыхъ преступленій противъ общаго права“. Только за такія преступленія не должно быть выдачи преступниковъ.

Въ пользу невыдачи за чисто политическія преступленія приводятъ различныя соображенія. Наиболѣе вѣскими изъ нихъ должны быть признаны слѣдующія: Для преслѣдованія политическихъ преступленій въ порядкѣ межд. уголовной охраны имъ недостаетъ признака общеопасности и вытекающей отсюда солидарности интересовъ требующаго и выдающаго государствъ. Преступленіе общаго характера (убійство, поджогъ и т. п.) опасно для всего культурнаго міра, тогда какъ чисто политическое представляетъ опасность лишь для извѣстнаго спеціальнаго правопорядка, не имѣющаго ничего общаго съ интересами м. союза. Къ тому же относительно этого рода преступленій всегда возможно сомнѣніе, соотвѣтствуетъ ли его наказаніе даже интересамъ того государства, противъ политическаго строя котораго было направлено преступленіе. Изъ исторіи намъ извѣстно, что ни одна форма правленія не живетъ вѣчно, политическій строй госуд-ва постоянно измѣняется и часто политическій преступникъ является лишь выразителемъ назрѣвшихъ политическихъ потребностей даннаго государства. Часто политическіе преступники борятся за идеалы, которые уже достигнуты или осуществляются въ другихъ госуд-ахъ. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи, когда въ госуд-вѣ

совершится сотвѣствующій переворотъ, дѣлаются наиболѣе видными и полезными общественными дѣятелями (прим.: гр. Андраши въ Австріи). Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ само преслѣдующее госуд-го мало пользы извлекаетъ изъ осуществленія своего права наказанія по отношенію къ тому или иному отдѣльному политическому преступнику, такъ какъ за такимъ преступникомъ обыкновенно стоитъ цѣлая партія его приверженцевъ или послѣдователей одного съ нимъ направленія, и борьба съ отдѣльной личностью здѣсь совершенно безплодна.

Въ виду установившейся практики, и комиссія по составленію нашего Угол. уложенія установила принципъ невыдачи за политическія преступленія, направленныя противъ иностраннаго госуд-ва, причемъ подъ ними подразумѣвала: 1) дѣянія, посягающія на основныя начала госуд-веннаго устройства страны, какъ бунтъ, возстаніе, участіе въ заговорахъ; 2) посягательства на цѣлость и независимость госуд-ва, напр. измѣна и 3) дѣянія, грозящія опасностью для госуд-веннаго спокойствія или подготовляющія госуд-венный переворотъ, какъ составленіе сообществъ, пропаганда, нѣкоторые виды преступленій печати и т. п. При окончательномъ пересмотрѣ и редактированіи проекта въ совѣщаніи при министерствѣ юстиціи, къ этому постановленію первоначальнаго проекта, въ виду сдѣланныхъ по этому предмету указаній министерства иностр. дѣлъ, прибавлена была оговорка: „если по договору или по установившейся взаимности, выдача признается недопустимою“, но затѣмъ, въ редакціи ст. 13, данной Госуд. Совѣтомъ, всякое указаніе на невыдачу политическихъ преступниковъ было исключено, такъ что рѣшеніе этого вопроса на практикѣ у насъ въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ пока отъ договоровъ или отъ установившейся взаимности. Проектъ 1910 г. возвращается къ принципу выдачи, но только по извѣстной категоріи полит. преступленій (см. ниже).

Хотя по мнѣнію германскаго пр. Листа, покушеніе на жизнь монарха есть „наиболѣе политическое“ преступленіе, однако въ практикѣ (съ 1856 г.,—бельгійскій законъ по поводу покушенія Жакэна на Наполеона III) и въ теоріи сложился взглядъ, что на цареубійцъ не простирается правило о невыдачѣ политич. преступниковъ. Принципъ этотъ нельзя не признать правильнымъ: отождествлять монарха съ госуд-вомъ, особенно теперь, когда въ европейскихъ госуд-вахъ господствуетъ конституціонный образъ правленія, нѣтъ никакого основанія; поэтому для лица, движимаго политич. мотивами, личность монарха не можетъ имѣть первенствующаго значенія; притомъ, въ отличіе отъ бунта или революціи,

въ этомъ случаѣ отдѣльное единичное лицо является непризваннымъ рѣшителемъ вопросовъ общегосударственнаго значенія; потому нѣтъ никакихъ основаній исключать монарха изъ общей правовой охраны лишь потому, что онъ носитель высшей власти въ государствѣ; цареубійство прежде всего человѣкоубійство и какъ таковое оно должно быть поставлено на ряду съ другими посягательствами противъ личности, преслѣдуемыми въ порядкѣ междун. уголовно-правовой охраны. Этотъ принципъ усвоенъ въ большинствѣ современныхъ культурныхъ государствъ. Только Швейцарія, Италія и Англія по различнымъ соображеніямъ и на цареубійство распространяютъ принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ; Англія впрочемъ въ послѣднее время склонна стать на противоположную точку зрѣнія. За исключеніемъ означенныхъ странъ, во всѣхъ конвенціяхъ Россіи съ другими госуд-вами цареубійство включено въ число преступленій, по которымъ полагается выдача; конвенціи съ Пруссіей и Баваріей постановляютъ, что выдача производится даже за оскорбленіе монарха.

Бунты и возстанія, т. е. открытая борьба революціонной партіи съ правительствомъ съ цѣлью ниспровергнуть существующій политическій строй госуд-ва, относятся къ категоріи чисто политическихъ преступленій; но какъ разсматривать общія преступленія, совершенныя во время такихъ возстаній, напр. убійство и поджогъ? Этотъ вопросъ рѣшается двумя соображеніями. Во 1-хъ, въ каждомъ данномъ случаѣ нужно изслѣдовать, имѣется ли непосредственная связь между самымъ возстаніемъ и даннымъ общимъ преступленіемъ? Совершено ли послѣднее самостоятельно или оно только является слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ самаго возстанія (напр. возстаніе пригело къ убійству солдатъ, взрыву арсенала, соединившемуся съ гибелью стражи или пожаромъ города и т. п.). Въ послѣднемъ случаѣ такое преступленіе должно быть отнесено къ чисто политическимъ и выдача за него не полагается, такъ какъ открытая борьба немыслима безъ сопротивленія и безъ случайныхъ жертвъ. Во 2-хъ, при оцѣнкѣ такихъ преступленій нужно руководиться правилами войны. Обычаями войны оправдываются такія дѣянія, которыя оправдываются непосредственною цѣлью военныхъ дѣйствій. Тоже и въ данномъ случаѣ.

Нарушеніе этихъ условій или хотя бы одного изъ нихъ, оправдываетъ выдачу. Но такъ какъ самымъ фактомъ выдачи дѣяніе выдаваемаго лица лишается признанія за нимъ политическаго характера со стороны государства выдающаго, ибо фактомъ выдачи послѣднее показываетъ, что

оно не признаетъ инкриминируемое дѣяніе преступленіемъ политическимъ, то этимъ самымъ и на государство требовавшее выдачи возлагается обязанность, и съ своей стороны судить и наказывать выданнаго лишь за общее преступленіе. Поэтому для госуд-ва, которое по разсмотрѣніи требованія о выдачѣ найдетъ нужнымъ исполнить его, является право и даже обязанность потребовать отъ подлежащаго государства, чтобы это послѣднее судило выдаваемаго именно за общее, совершенное имъ преступленіе и не усиливало наказанія за связь его съ политическимъ (см. Заключеніе Института Оксф. сессіи 1880 г.). Это правило принято и въ междун. практикѣ.

Помимо чисто политическихъ существуютъ такъ наз. смѣшанныя или не чисто политическія преступленія, когда общее преступленіе, напр. убійство, причиненіе увѣчья, поджогъ, является *средствомъ* для совершенія чисто политическаго преступленія или для достиженія или осуществленія чисто политической цѣли. Здѣсь возможны двѣ комбинаціи: 1) преступное дѣяніе совершено противъ общаго права подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ, но не во время возстанія (взрывъ Гартманомъ Императорскаго поѣзда подъ Москвой; т. наз. „экспропріаціи“ по якобы политическимъ мотивамъ); какъ разсматривать его? Практика не рѣшаетъ этого вопроса; по мнѣнію же теоретиковъ, такъ какъ цѣль не можетъ служить оправданіемъ всѣхъ пригодныхъ для ея достиженія средствъ и такъ какъ съ юридической точки зрѣнія нѣтъ основаній отличать проявленія политическ. страсти отъ всякой другой страсти, то для такихъ преступниковъ желательно было бы установить компетенцію суда убѣжища. На этомъ основаніи Швейцарскій законъ 1891 г. допускаетъ выдачу по смѣшаннымъ преступленіямъ (даже при посягательствѣ на главу государства) если въ данномъ преступленіи преобладаетъ общій характеръ. 2) Если общее преступное дѣяніе столь тѣсно связано съ политическимъ, что ихъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга, то первое покрывается послѣднимъ; слѣдовательно выдачи здѣсь не должно быть. Такъ рѣшаетъ эти вопросы и Оксфордская сессія Института м. права; Женевская же сессія 1892 г. подъ вліяніемъ сильнаго развитія анархизма за послѣднее время, нѣсколько видоизмѣнила эти правила, именно она нашла возможнымъ, чтобы м. союзъ выступалъ съ своей уголовной охраной въ тѣхъ случаяхъ, когда данное преступленіе направлено вообще противъ основъ всякаго общественнаго устройства, а не противъ даннаго политическаго строя государства; такія преступленія не должны признаваться преступленіями политическими.

Швейцарскій законъ 1894 г. признаетъ анархистскимъ, а не политическимъ такое преступленіе, которое „состоитъ не столько въ посягательствѣ на опредѣленное благо, сколько въ распространеніи ужаса и смятенія въ населеніи, въ ниспроверженіи всякаго человѣческаго общества, при чемъ преступное посягательство на опредѣленное благо является лишь средствомъ для достиженія этой цѣли“. Подъ понятіе анархистскихъ преступленій Швейцарскій федеральный судъ подвелъ убійство итальянскаго короля, австрійской императрицы и отдѣльныхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ. На этомъ основаніи Швейцарія согласилась на заключеніе съ Россіею (дополнительной къ конвенціи о выдачѣ 1873 г.) декларація, подписанной въ Бернѣ 9—22 II 1908 г. о взаимной выдачѣ лицъ, преслѣдуемыхъ за злоупотребленіе взрывчатыми веществами. Въ силу этой декларація выдача имѣетъ мѣсто за изготовленіе, ввозъ храненіе и употребленіе какихъ либо взрывчатыхъ снарядовъ и веществъ (engins ou matières explosibles), безъ разрѣшенія подлежащихъ властей; однако лицу, выданному за одно изъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ настоящемъ пунктѣ, наказаніе не можетъ быть увеличено вслѣдствіе обвиненія въ томъ, что эти дѣянія учинены съ какою либо противною госуд. безопасности или общественному спокойствію цѣлью. Также признается дѣяніемъ, оправдывающимъ выдачу виновнаго, производство какимъ либо способомъ, съ цѣлью причинить вредъ, взрыва въ мѣстѣ, служащемъ для обитанія или для собраній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. (См. Собр. Узак. и расп. 1908 отд. I ст. 393). Такого же содержанія декларація подписаны Россіею съ Даніею 1909 г. и съ княжествомъ Монако 1910 г.

Проектъ Уг. Уложенія допускаетъ выдачу въ случаяхъ смѣшанныхъ преступленій, при чемъ относитъ къ нимъ: 1) дѣянія, вызванныя политическими побужденіями; 2) дѣянія, совершенныя совмѣстно съ политическими преступленіями или въ связи съ ними; и 3) посягательства на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдача допускалась подъ условіемъ, если со стороны госуд-ва, требующаго ея помимо общаго договора о выдачѣ, существуетъ взаимность относительно выдачи данной группы преступниковъ. При разсмотрѣніи проекта въ особомъ совѣщаніи при Госуд. Совѣтѣ, а затѣмъ въ Особомъ присутствіи и въ Общемъ собраніи такой взглядъ признанъ былъ правильнымъ, но самое постановленіе постановлено внести въ дополненіе къ уставу угол. суд. въ такой редакціи: „иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи тяжкое преступленіе или преступленіе, хотя бы вызванное политическими побужденіями, или совершенное совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ м. договорахъ политическимъ, или по поводу такого дѣянія, равно какъ посягавшій на жизнь, здоровье или свободу главы иностранн. государства или членовъ его семьи, подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ государствомъ требующимъ выдачи обвиняемаго или установившейся съ симъ

государствомъ взаимности, если обвиняемый не былъ въ Россіи за учиненное имъ дѣяніе осужденъ, оправданъ, или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ". Это мнѣніе Гос. Совѣта Высоч. утверждено 22. III. 1903 г. (см. Собр. Узак. 1903 г. ст. 416; ср. прим. 2 къ ст. 1033 Уст. Уг. Суд.) и въ этой редакціи соотвѣтственное постановленіе предлагается въ проектѣ экстрадиціоннаго закона (см. ниже).

4) *Порядокъ производства выдачи* преступниковъ распадается на три момента: 1) предъявленіе требованія о выдачѣ; 2) разсмотрѣніе его подлежащимъ госуд-гомъ и 3) осуществленіе выдачи.

Для выдачи необходимо прежде всего формальное требованіе. Требованіе это предъявляется обыкновенно чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, а по нѣкоторымъ конвенціямъ—судебнымъ путемъ. Предъявленіе требованія о выдачѣ влечетъ за собою предварительный арестъ лица, подлежащаго выдачѣ; но этотъ арестъ ограниченъ извѣстнымъ срокомъ; онъ совершается по распоряженію или судебной (въ Англіи и С.-А. С. Штатахъ) или административной (въ большинствѣ госуд-въ) власти. *Разсмотрѣніе* требованія о выдачѣ совершается различно: 1) По англо-американской системѣ единственно компетентнымъ для этого органомъ является судебная власть; только судъ разсматриваетъ, можно ли признать данное требованіе о выдачѣ вполнѣ законнымъ и въ какой степени преступленіе соотвѣтствуетъ условіямъ выдачи. Отрицательное рѣшеніе суда имѣетъ обязательную силу для правительства; въ случаѣ же положительнаго рѣшенія правительство можетъ выдать преступника, но можетъ и отказать въ выдачѣ. 2) По французской системѣ (тоже у насъ и въ Германіи) вопросъ о выдачѣ всецѣло рѣшается правительствомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ поступившее требованіе о выдачѣ передаетъ министру юстиціи, который поручаетъ прокурорскому надзору произвести соотвѣтствующее разслѣдованіе о самоличности преступника и о свойствѣ представленныхъ доказательствъ съ формальной стороны. Потомъ дѣло разсматривается и окончательно рѣшается въ совмѣстномъ обсужденіи его со стороны министра иностранныхъ дѣлъ и министра юстиціи (иногда въ засѣданіи совѣта министровъ). 3) Наконецъ, существуетъ еще смѣшанная система (въ Бельгіи), по которой рѣшеніе суда ни въ какомъ случаѣ не обязательно для правительства: судъ играетъ здѣсь роль лишь совѣщательнаго органа. Наиболѣе цѣлесообразной должна быть признана англо-американская система, ибо только она въ достаточной степени гарантируетъ выдаваемую личность отъ произвола. Съ другой стороны, актъ выдачи является актомъ судебной помощи, а потому и долженъ быть предоставленъ судебной власти. Оксфордская сессія Института м. права стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія (19—20 ст.); по мнѣнію же проф. Мартенса наиболѣе цѣлесообразна смѣшанная система; она принята и проектомъ экстрадиціоннаго закона (см. ниже).

Требованіе о выдачѣ должно быть подкрѣплено достаточными формальными доказательствами основательности его. Они обыкновенно перечисляются въ конвенціяхъ и экстрадиціонныхъ законахъ и касаются: самоличности преступника, компетентности требующаго государства, состава преступленія и санкціи уголовнаго закона. Если требуется выдача лица, еще лишь подлежащаго суду, то требуется доказательство вѣроятности виновности. Въ проектѣ Уст. Уг. суд. предположено постановить: Ст. 1011: „Если съ точностью выяснено, что лицо, привлеченное въ качествѣ обвиняемаго въ преступномъ дѣяніи, находится за границею, въ предѣлахъ какого-либо госуд-ва, то лицо, производящее слѣдствіе, составляетъ особое постановленіе, въ коемъ излагаетъ сущность падающаго на него обвиненія, обстоятельства, изобличающія въ ономъ, и наказаніе, коему онъ можетъ подлежать по закону. Копія этого постановленія, чрезъ прокурора окружнаго суда, препровождается въ министерство юстиціи на предметъ сношенія въ установленномъ порядкѣ относительно выдачи обвиняемаго. Къ постановленію прилагается фотографическая карточка обвиняемаго, а за неимѣніемъ таковой—подробное описаніе его примѣтъ, а равно и имѣющіяся объ немъ антропометрическія данныя; при чемъ все сіе удостовѣряется подписью и печатью производящаго слѣдствіе.—Ст. 1012: „Если обвиняемый скрылся послѣ преданія его суду, то постановленіе, долженствующее служить основаніемъ сношенія о выдачѣ, составляется судомъ".

Выдача влечетъ за собою юридическія послѣдствія для государства, требовавшаго выдачи, и для выданнаго субъекта. Первое получаетъ право суда надъ выданнымъ и его наказанія, но только за преступленіе, означенное въ актѣ выдачи. Возможны исключенія изъ этого правила въ силу особыхъ конвенцій или особыхъ обстоятельствъ дѣла, напр., требовавшее выдачи госуд-во получаетъ право суда и наказанія надъ выданнымъ и за другія преступленія въ томъ случаѣ, если на это согласенъ самъ виновный или выдавшее его государство, если выданный совершитъ преступленіе послѣ выдачи, если по отбытіи суда и наказанія онъ останется въ госуд-вѣ болѣе опредѣленнаго срока, если онъ самъ вернется въ это госуд-во и т. д.

Выданный ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ экстренному или чрезвычайному суду, такъ какъ при всякой выдачѣ подразумѣвается обыкновенный судъ съ соотвѣтствующими гарантіями. Выдача отсрочивается, если о подлежащемъ выдачѣ субъектѣ производится судебное разбирательство.

См. гр. Камаровскаго, Работы Института м. права по вопросу о выдачѣ, въ Рус. Мысли 1884, № 1; Лихачевъ, Договоръ Россіи съ Англіею о выдачѣ, въ Журн. уг. и гр. права 1887 сент.; ст. Казанскаго въ Юр. Вѣстн. 1892, нояб.; Ткаченко, Договоры о выдачѣ, заключенные Россіею въ Ж. М. П. 1902, май; ф. Резонъ, О выдачѣ по русск. праву, въ Ж. М. Юст. 1903 №9; Фейгинъ, Выдача полит. преступниковъ, въ Журн. угол. и гр. права 1884, апр.; Симсонъ, О невыдачѣ собственн. подданныхъ; о томъ же Ж. М. Ю. 1899 № 4 стр. 245; ст. Шалланда въ Вѣстн. права 1899 дек.; О порядкѣ выдачи въ Правѣ 1909 № 43 ст. 2290; Англ. законъ о выдачѣ въ Ж. М. Ю. 1896 № 5 стр. 279.

Въ 1907 г. въ Г. Думу внесенъ былъ министромъ юстиціи законопроектъ „о выдачѣ преступниковъ по требованіямъ иностранныхъ государствъ", долженствующій дополнить раздѣлъ IV кн. II Устава Уг. суд. особою новою 12-ю главою въ видѣ статей 852^1—852^{28}. Правилами, изложенными въ этой (будущей) главѣ, не отмѣняется сила заключенныхъ съ иностранн. госуд-вами договоровъ о выдачѣ, но новые договоры могутъ быть заключаемы не иначе, какъ съ соблюденіемъ этихъ правилъ. Въ основаніи законопроекта положены были постановленіе ст. 13 Угол. Уложенія и однородное съ нимъ постановленіе Выс. утв. 22 III 1903 г. мнѣніе Гос. Совѣта (см. выше стр. 349), а также постановленія имѣющихся у Россіи конвенцій о выдачѣ преступниковъ и, наконецъ, практика зап. госуд-въ по этому вопросу, резолюціи Оксфордской и Женевской сессій Института м. права и Римской м. конвенціи о борьбѣ съ анархизмомъ. Главныя постановленія проекта: Иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи дѣяніе, признаваемое преступнымъ по дѣйствующимъ въ Россіи уголовнымъ законамъ и наказуемое не ниже заключенія въ тюрьмѣ по законамъ госуд-ва, требующаго выдачи его, подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ этимъ госуд-вомъ, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ госуд-вомъ взаимности; выдача можетъ послѣдовать на началахъ взаимности за указанныя преступленія, хотя бы они не были предусмотрѣны въ договорѣ съ госуд-вомъ, требующимъ таковую. Постановленія эти примѣняются и къ наказуемымъ покушенію на указанныя преступленія и соучастіе въ нихъ. Так. обр., законопроектъ отказывается отъ перечневой системы и ограничивается установленіемъ предѣловъ выдачи установленіемъ предѣловъ мѣры наказанія за нихъ, и всякія дальнѣйшія ограниченія, устраняющія примѣненіе начала выдачи по отношенію къ отдѣльнымъ преступнымъ дѣяніямъ должны предусматриваться въ отдѣльныхъ конвенціяхъ или договорахъ. Слѣд. потребовались бы оговорки и особыя соглашенія относительно, напр., религіозныхъ преступленій, дезертирства, госуд. измѣны, бунта, преступленій противъ порядка управленія, законовъ, регулирующихъ полит. права гражданъ (свободу печати, собраній и т. п.), если, конечно, держаться основныхъ общепризнан-

ныхъ нынѣ на Западѣ принциповъ, Швейцарскій экстрадиціонный законъ тоже допускаетъ экстраконвенціонную выдачу, но съ очень важною оговоркою—„если дѣяніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ выдача вообще допускается по швейцарскому закону" (ст. 1). Впрочемъ, редакція указанныхъ постановленій проекта непосредственно заимствована изъ закона 22. III. 1903 г. и прим. 2 къ ст. 1033 Уст. Уг. суд.—Далѣе, по проекту, выдача при указанныхъ условіяхъ допускается, хотя бы преступное дѣяніе было вызвано политическими побужденіями или было совершено совмѣстно съ дѣяніемъ „именуемымъ въ м. договорѣ политическимъ" или по поводу такого дѣянія, или когда обвиняемый посягалъ на жизнь, здоровье или свободу главы иностр. госуд-ва или членовъ его семьи, „а также на честь главы сего госуд-ва". Замѣтимъ прежде всего, что посягательства на „честь" главы иностранн. госуд-ва не предусматриваются абсолютно ни однимъ экстрадиціоннымъ закономъ или договоромъ зап.-европейскихъ госуд-въ и даже Римская м. конференція 1898 г. для выработки мѣръ борьбы съ анархистами постановляетъ лишь, что дѣяніями, дающими основаніе для выдачи должны быть признаваемы посягательства на личность или свободу государя или главы госуд-ва и членовъ ихъ семьи. Единственныя въ мірѣ конвенціи, включающія „оскорбленіе" монарха въ число дѣяній, влекущихъ выдачу,—договоры (ноты) Россіи съ Пруссіею и Баваріею, откуда это постановленіе и перешло очевидно въ разсматриваемый проектъ. О чисто политическихъ преступленіяхъ проектъ умалчиваетъ въ виду неопредѣленности этого термина и говоритъ лишь о преступныхъ дѣяніяхъ, вызванныхъ политическими побужденіями, слѣд. сюда подойдутъ всѣ вообще такъ назыв. государственныя преступленія (напр. измѣна, революціонныя воззванія и т. д.).—Не допускается выдача русскаго подданнаго или лица, принявшаго русское подданство ранѣе поступленія требованія о его выдачѣ. Не допускается она и въ томъ случаѣ, когда виновный въ совершеніи дѣянія былъ въ Россіи за него осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія, или когда противъ него уже возбуждено уголовное преслѣдованіе за это самое дѣяніе, или когда установленные угол. закономъ сроки давности судебнаго преслѣдованія, осужденія или наказанія истекли до полученія требованія о выдачѣ. Срокъ давности исчисляется по нашимъ законамъ (т. е. страны, отъ которой требуется выдача). Если требвоаніе предъявлено относительно лица, состоящаго подъ судомъ или отбывающаго наказаніе въ Россіи по поводу какого либо другого преступленія (не того, по которому требуется выдача), то выдача отсрочивается до окончанія дѣла, т. е до оправданія или до отбытія наказанія. Это въ особенности примѣнимо къ случаямъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 172 Улож. о нак. и въ ст. 9 ч. 2 и ст. 10 Угол. Улож.—Выдача можетъ имѣть мѣсто только при условіи, чтобы требуемое лицо: 1) не было преслѣдуемо, ни подвергнуто наказанію въ госуд-вѣ, которому оно выдано, за какое либо иное, не указанное въ требованіи о выдачѣ, но предшествовавшее ей дѣяніе и 2) чтобы госуд-во, которому лицо выдано, не выдавало его третьему госуд-ву,—въ обоихъ случаяхъ, безъ согласія росс. правительства. При этомъ въ объясненіяхъ министра юстиціи къ проекту мы читаемъ: „что касается политическихъ преступленій, то такъ какъ выдача за сіи дѣянія представляется вообще допустимою, то въ каждомъ дан-

номъ случаѣ отъ правительства будетъ зависѣть согласиться на привлеченіе выданнаго къ отвѣтственности за упомянутыя преступленія, или нѣтъ".—Далѣе, выдача допускается только подъ условіемъ, чтобы выдаваемый былъ преслѣдуемъ и подвергнутъ наказанію не чрезвычайнымъ судомъ, а тѣмъ судомъ, которому по общимъ судопроизводственнымъ законамъ госуд-ва, требовавшаго выдачи, подвѣдомственно преступное дѣяніе, за которое она послѣдовала. Это значитъ, какъ пояснилъ докладчикъ суд. комиссіи Г. Думы, разсматривавшей проектъ, что судопроизводственные законы „особые", напр. такіе, которые употребляются при исключительномъ положеніи, не были бы пріемлемы; но не исключаются суды, существующіе въ качествѣ особыхъ по общему уставу, напр. у насъ судебныя палаты съ сосл. представителями. Повидимому нѣсколько иначе смотритъ на дѣло министръ юстиціи; въ объясненіяхъ къ статьямъ проекта онъ говоритъ, по поводу этого, освященнаго м. обычаями правила: „Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не указать, что если во время учиненія преступнаго дѣянія дѣйствовалъ въ госуд-вѣ delicti commissi какой либо исключительный судъ, предусмотрѣнный для извѣстныхъ случаевъ его процессуальными законами (напр. въ Австріи Standrechtliches Verfahren по австрійскому Уст. угол. суд. ст. 429и слѣд.), то и выданный подлежитъ этому суду". Австрійское и германское Standrecht соотвѣтствуетъ нашему военному или даже осадному положенію, а Standgericht—нашимъ военнымъ судамъ, и примѣняется, напр., относительно мятежниковъ во время вооруженнаго возстанія или, во время войны, относительно непріятельскихъ подданныхъ въ занятой воюющимъ непріятельской территоріи. Случаи учрежденія такихъ судовъ, ихъ составъ и функціонированіе всегда опредѣляются „общимъ" закономъ, но только для чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаевъ, а потому разсматривать такіе суды, какъ обыкновенные на томъ только основаніи, что они предусмотрѣны общимъ закономъ, по меньшей мѣрѣ странно, а тѣмъ болѣе—признавать возможность предаванія такого рода судамъ лицъ выданныхъ, на томъ только основаніи, что они существовали въ моментъ совершенія преступленія выданнымъ лицомъ. Такое толкованіе во всякомъ случаѣ совершенно не согласуется съ „освященнымъ м. обычаями" правиломъ, на которое ссылается нашъ министръ юстиціи.—Министерскій проектъ предлагалъ еще (ст. 852[9]) постановить, что лицо, обвиняемое за дѣяніе, наказуемое по законамъ требующаго госуд-ва смертною казнью, подлежитъ выдачѣ лишь подъ условіемъ непримѣненія къ нему этого наказанія. Эта статья исключена комиссіею Г. Думы и Г. Дума согласилась съ этимъ исключеніемъ, по соображеніямъ „технической трудности" ея примѣненія.—Въ случаѣ предъявленія требованія выдачи по одному преступленію нѣсколькими госуд-вами (но на разныхъ основаніяхъ-, виновный выдается тому, гдѣ совершено преступленіе; если же оно совершено въ нѣсколькихъ госуд-вахъ (длящееся преступленіе), или въ госуд-вѣ, не предъявившемъ требованія, то тому изъ предъявившихъ требованіе, подданнымъ котораго состоитъ требуемый, если же этимъ госуд-вомъ требованіе не предъявлено, то тому, требованіе коего поступило раньше. Если же требованіе заявлено нѣсколькими госудвами за разныя дѣянія, то виновный выдается тому, въ которомъ имъ совершено болѣе тяжкое преступленіе. Во всякомъ случаѣ предпочтеніе, по мнѣнію министра, должно даваться госуд-ву въ которомъ совершено преступленіе передъ госуд-вомъ національнымъ, такъ какъ первое наиболѣе заинтересовано и располагаетъ всѣми средствами возможно справедливаго рѣшенія дѣла.—Требованіе о выдачѣ сообщается дипл. путемъ министерству иностр. дѣлъ, которое препровождаетъ его къ министру юстиціи. При требованіи предъявляются судебный приговоръ или обвинительный актъ или опредѣленіе о преданіи суду или постановленіе о привлеченіи въ слѣдствію съ постановленіемъ о заключеніи подъ стражу или же одно это постановленіе, но мотивированное, составленное компетентными властями и въ установленной законами требующаго госуд-ва формѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ требуется выписка изъ карательныхъ правилъ, относящихся къ дѣлу и доставка свѣдѣній, удостовѣряющихъ личность и примѣты требуемаго лица. Эти требованія проекта соотвѣтствуютъ въ общемъ, современной м. практикѣ, по которой выдающее госуд-во ограничивается чисто формальной оцѣнкой предъявленныхъ документовъ и не входитъ въ разсмотрѣніе и матеріальную оцѣнку силы и значенія приведенныхъ въ этихъ документахъ доказательствъ виновности требуемаго лица. Если министръ юстиціи изъ приведенныхъ документовъ усмотритъ, что требованіе подлежитъ удовлетворенію (т. е., что свѣдѣнія, заключающіяся въ нихъ достаточны и не требуютъ дальнѣйшаго разъясненія), то сообщаетъ о семъ мин-ру внутренн. дѣлъ для распоряженій о розыскѣ, задержаніи и выдачѣ требуемаго лица. Если же требованіе о выдачѣ отклонено министромъ юстиціи, то объ этомъ сообщается дипломатич. путемъ черезъ министерство иностран. дѣлъ иностранному правительству, требовавшему выдачи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ судебныя установленія въ производствѣ дѣла никакого участія не принимаютъ. Если же, наоборотъ, препровожденные документы оказываются неполными, то—по министерскому законопроекту—предварительно разрѣшенія вопроса о выдачѣ, министру юстиціи должно быть предоставлено дополнить дѣло или а) требованіемъ дипл. путемъ чрезъ министерство иностран. дѣлъ необходимыхъ дополнительныхъ свѣдѣній и документовъ отъ иностран. правительства, заявившаго требованіе, или б) возложеніемъ, если необходимыя для разрѣшенія вопроса о выдачѣ свѣдѣнія могутъ быть добыты въ Россіи, собранія ихъ на прокурора того окружн. суда, въ округѣ котораго имѣетъ пребываніе требуемое лицо, или в) предложеніемъ окружн. суду, въ округѣ котораго требуемое лицо имѣетъ пребываніе, постановить „заключеніе по существу требованія о выдачѣ". При этомъ, по проекту, подъ собираніемъ свѣдѣній прокуроромъ разумѣется производство, по его распоряженію, или дознанія, или отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, а относительно производства окружнаго суда,—что судъ постановляетъ свое заключеніе въ распорядительномъ засѣданіи, причемъ требуемое лицо можетъ быть вызвано въ засѣданіе для дачи объясненій, а „въ виду того, что это лицо, какъ иностранецъ, можетъ оказаться незнакомымъ съ нашими судопроизводственными правилами, представляется цѣлесообразнымъ допустить вызовъ въ засѣданіе не только подсудимаго, но и избраннаго имъ защитника" (см. постатейныя объясненія къ проекту). Постановленное окружн. судомъ заключеніе „представляется министру юстиціи, отъ котораго будетъ зависѣть окончательное разрѣшеніе требованія о выдачѣ" (тамъ же). Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ министра юстиціи зависитъ

сообщить министру внутренн. дѣлъ о взятіи требуемаго лица немедленно подъ стражу. Думская комиссія одобрила эти постановленія предварительнаго производства за исключеніемъ пункта в: вмѣсто препорученія министромъ окружн. суду представленія его заключенія „по существу требованія“, она предоставляетъ министру предложить окружн. суду „постановить заключеніе по поводу возникающихъ при выдачѣ вопросовъ“, причемъ и это заключеніе ни въ какой мѣрѣ для министра юстиціи не представляется обязательнымъ. Сдѣланная въ этомъ смыслѣ поправка несомнѣнно существеннымъ образомъ умаляетъ тѣ гарантіи, какія представлялъ для требуемаго къ выдачѣ лица министерскій проектъ. Мотивирована она была съ одной стороны желательностью избѣгнуть „чрезмѣрнаго обремененія“ (!) судовъ, а съ другой тѣмъ, что будто бы „по началамъ м. права судъ *не должен* ъ входить въ оцѣнку существа обвиненія и достаточной его доказанности“ (см. рѣчь докладчика суд. комиссіи кн. Тенишева въ Г. Думѣ). Даже объяснительная записка министра юстиціи приводитъ къ иному заключенію, а современной доктринѣ м. права выставленное кн. Тенишевымъ положеніе, какъ общепризнанное, совершенно незнакомо (судъ *не обязанъ*, а *не должен* ъ входить въ такую оцѣнку). Оно и ненужно для того, чтобы маскировать, какъ въ данномъ случаѣ, скрывающіеся за этою мотивировкою политичсекіе мотивы, о которыхъ, впрочемъ, не умолчали ни министръ въ своей объяснит. запискѣ, ни кн. Тенишевъ въ своей рѣчи въ защиту комисской поправки. Въ этой рѣчи послѣдній мотивировалъ эту поправку и тѣмъ соображеніемъ, что судъ, давая заключеніе по вопросу о выдачѣ, не можетъ руководствоваться ничѣмъ, кромѣ принциповъ м. правового характера, а между тѣмъ выдача есть (прибавимъ: „на практикѣ“) актъ не только судебной м. помощи, но и актъ дипломатическій (скажемъ вѣрнѣе: „политическій“), а дипломатическій актъ весьма часто встрѣчаетъ необходимость усмотрѣнія административнаго характера,—иной разъ не выдать лица, которое подлежало бы выдачѣ (прибавимъ: „а иной разъ—и, пожалуй, чаще—выдать лицо, которое выдачѣ бы не подлежало“); и вотъ, въ дѣлахъ, гдѣ конвенція точно не опредѣляетъ вопроса, а онъ зависитъ отъ взаимности (скажемъ вѣрнѣе: „дружескихъ услугъ“), тамъ, конечно, судъ едва ли компетентенъ и предоставлять ему разрѣшеніе (прибавимъ: „несвойственныхъ ему въ зап. государствахъ“) вопросовъ политическаго характера (или, скажемъ вѣрнѣе: „возможность помѣхи видамъ правительства“), представляется неосновательнымъ (и, прибавимъ,—для правительства неудобнымъ). Также и министръ юстиціи,признавая (въ объяснит. запискѣ), что опытъ законодательства иностран. госуд-въ приводитъ къ убѣжденію въ желательности привлеченія органовъ суд. власти къ участію въ разрѣшеніи возникающихъ при выдачѣ вопросовъ, высказывается за предоставленіе окончательнаго рѣшенія министру юстиціи, по примѣру большинства иностранныхъ законовъ,—„въ томъ вниманіи, что при разрѣшеніи вопроса о выдачѣ должны быть (?) въ равной мѣрѣ соблюдаемы какъ чисто юридическіе, такъ и политическіе интересы, для правильнаго разрѣшенія коихъ въ распоряженіи судебныхъ установленій не всегда могутъ быть необходимыя данныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется вполнѣ послѣдовательнымъ предоставить также министру юстиціи и разрѣшеніе вопроса о томъ,

имѣется ли въ каждомъ данномъ случаѣ наличность сомнѣнія, требующаго обращенія дѣла къ предварительному судебному разсмотрѣнію“.—Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, заключеніе подъ стражу лица, выдача коего требуется, можетъ послѣдовать по распоряженію и усмотрѣнію министра юстиціи и до представленія требующихся документовъ, но лицо, заключенное подъ стражу освобождается, если въ теченіи двухъ (или трехъ) мѣсяцевъ потребовавшее госуд-во не представитъ требующихся документовъ.—Постановленія настоящаго закона, касающіяся условій выдачи, если они не установлены въ договорахъ о выдачѣ, примѣняются лишь въ случаѣ, если госуд-во, требующее выдачи обязалось соблюдать взаимность. Это постановленіе проекта соотвѣтствуетъ ст. 13 Угол. Улож., по которой выдача производится Россіею только согласно договору, заключенному съ госуд-вомъ, требующимъ выдачи, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ государствомъ госуд-вомъ взаимности.—Проектъ разсмотрѣнъ былъ (и измѣненъ согласно указаннымъ нами поправкамъ, предложеннымъ судебною комиссіею) въ 53 засѣданіи Г. Думы 9. II. 1911 г.

Способы мирнаго разрѣшенія м. несогласій. Возстановленіе нарушеннаго права и разрѣшеніе междун. спора можетъ быть достигнуто мирнымъ путемъ или же при помощи физическаго принужденія.

Къ мирнымъ способамъ прежде всего относится *дипломатическое соглашеніе*. Оно достигается либо путемъ непосредственныхъ переговоровъ между спорящими сторонами, либо при содѣйствіи постороннихъ державъ. Это содѣйствіе можетъ выразиться:

1) Учрежденіемъ *междун. слѣдственной коммиссіи*. Этотъ институтъ созданъ Гаагскою мирною конференціею 1899 г. При несогласіяхъ, не затрогивающихъ ни чести, ни существенныхъ интересовъ госуд-въ и имѣющихъ своимъ источникомъ разногласіе въ оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ спорнаго вопроса, конференціи 99 и 907 г. признали „полезнымъ и желательнымъ“, чтобы стороны, не достигшія соглашенія дипломатическимъ путемъ учреждали, насколько позволятъ обстоятельства, междун. слѣдственную коммиссію для выясненія вопросовъ факта, посредствомъ безпристрастнаго и доброовѣстнаго ихъ разслѣдованія“. По мнѣнію конференціи, такимъ безпристрастнымъ разслѣдованіемъ спорнаго и гызвавшаго несогласія факта должно облегчиться разрѣшеніе самаго спора. Установленіемъ, констатированіемъ и выясненіемъ фактовъ, истиннаго положенія дѣла и ограничивается задача такихъ коммиссій, спорящимъ же сторонамъ предоставляется полная свобода дальнѣйшихъ рѣшеній. (См. Конв. 1899 г. ст. 9—14). Конвенція второй Гаагской конференціи 1907 г. (ст. 2—36) нѣсколько подробнѣе опредѣляетъ „рекомендованный“ порядокъ учрежденія и дѣлопроизводства

смѣшанныхъ коммиссій: рекомендуемый обѣими конвенціями порядокъ составленія слѣдственныхъ коммиссій аналогиченъ порядку, установленному конвенціями для учрежденія третейскаго суда (см. ниже). Установленіе слѣдственной м. коммиссіи было примѣнено на практикѣ въ 1904 г. по поводу т. наз. Гулльскаго инцидента (разстрѣла эскадрою адм. Рождественскаго англійскихъ рыболовныхъ судовъ въ Нѣмецкомъ морѣ у Доггербэнка (см. Декларацію 12—25. XI. 1904 г. объ учрежденіи этой коммиссіи).

2) Содѣйствіе постороннихъ державъ можетъ выразиться въ ихъ *дружественномъ вмѣшательствѣ* съ цѣлью примиренія спорящихъ сторонъ. Иниціатива такого вмѣшательства можетъ исходить отъ самихъ постороннихъ державъ, или же къ нему можетъ обратиться одна или обѣ спорящія стороны, при чемъ однако окончательное рѣшеніе сохраняется за послѣдними. Въ договорахъ, заключаемыхъ державами въ новѣйшее время, можно было встрѣтить иногда обязательство контрагентовъ въ случаѣ взаимныхъ несогласій обращаться къ посредничеству дружественныхъ державъ для прекращенія спора, а Парижскій конгрессъ 1856 г. высказалъ (23 протоколъ 14 IV) общее пожеланіе, чтобы державы во всѣхъ несогласіяхъ своихъ, прежде чѣмъ испытывать счастье оружія, обращались къ добрымъ услугамъ какого либо дружественнаго государства. (Соотвѣтственное постановленіе Парижскаго трактата ст. 8 на случай несогласій съ Портою). Также и Гаагскія мирныя конференціи 1899 и 1907 г. постановили (ст. 2—7 соотвѣтственныхъ конвенцій), что участвовавшія въ нихъ державы „соглашаются", прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, обращаться къ добрымъ услугамъ или посредничеству дружественной державы „насколько позволятъ обстоятельства"; но и независимо отъ такого обращенія признается полезнымъ и желательнымъ, чтобы державы, непричастныя столкновенію, предлагали находящимся въ спорѣ государствамъ свои добрыя услуги или свое посредничество, и осуществленіе этого права отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ „дѣйствіе недружелюбное". Принятіе посредничества не препятствуетъ открытію или продолженію военныхъ дѣйствій, такъ какъ добрыя услуги и посредничество „имѣютъ исключительно значеніе совѣта и отнюдь не могутъ почитаться обязательными".

Разсматриваемое нами участіе третьихъ державъ въ примиреніи спорящихъ сторонъ можетъ выразиться въ двоякой формѣ: добрыхъ услугъ или посредничества въ тѣсномъ смыслѣ. Предложеніемъ *добрыхъ услугъ* (bons offices) третье государство принимаетъ на себя иниціативу сближенія спорящихъ сторонъ, напр. предлагаетъ имъ свое содѣйствіе къ веденію переговоровъ о соглашеніи. Предложеніе добрыхъ услугъ возможно и во время уже разгорѣвшейся войны—для склоненія воюющихъ къ заключенію мира. Такое вмѣшательство не создаетъ никакихъ юридическихъ отношеній между спорящими сторонами и третьимъ государствомъ и послѣднее не принимаетъ активнаго участія въ матеріальномъ содержаніи переговоровъ о соглашеніи. Гораздо существеннѣе содѣйствіе въ видѣ *посредничества* въ тѣсномъ смыслѣ (médiation), когда третье государство принимаетъ непосредственное активное участіе въ переговорахъ между спорящими сторонами съ цѣлью ихъ примиренія,—посредникъ отъ себя дѣлаетъ предложенія касательно способовъ примиренія, склоняетъ стороны къ уступкамъ и т. п. (Такова была, наприм., роль „честнаго маклера" кн. Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. между Россіей, Австріей и Англіей). Впрочемъ, его предложенія не имѣютъ обязательной силы для спорящихъ. Гаагская мирная конференція 1899 г., (подтверждено 1907 г.) установила еще особый видъ *„спеціальнаго посредничества"*. Онъ состоитъ въ томъ, что каждая изъ спорящихъ сторонъ избираетъ державу-посредницу; этимъ державамъ-посредницамъ поручается войти въ непосредственныя *между собою* сношенія и переговоры съ цѣлью предупредить нарушеніе мира; въ теченіе дѣйствія этого порученія, срокъ коего не долженъ превышать 30 дней, спорящія державы отказываются отъ всякихъ непосредственныхъ между собою переговоровъ по предмету своего спора, каковой считается переданнымъ исключительно на обсужденіе державъ-посредницъ; если послѣднимъ не удастся достигнуть соглашенія между спорящими сторонами, то послѣднія обращаются къ оружію; впрочемъ и послѣ этого „на посредничествующихъ державахъ продолжаетъ лежать общая для нихъ обязанность пользоваться всякимъ случаемъ для возстановленія мира". „Конференція единогласно рекомендуетъ примѣненіе этого полезнаго и желательнаго способа въ случаѣ, когда то дозволяютъ обстоятельства" (ст. 8).

Третейскій судъ. Мирное рѣшеніе м. несогласій можетъ быть достигнуто и третейскимъ м. судомъ. Третейскій судъ для разрѣшенія м. споровъ практиковался съ давнихъ временъ, но особенно часто онъ сталъ примѣняться лишь съ половины XIX вѣка. Наиболѣе важный случай примѣненія его: рѣшеніе въ 1872 г. т. наз. Алабамскаго спора между Англіею и С. Штатами по поводу допущенія Англіею снаряже-

нія въ англійскихъ портахъ крейсеровъ южанами во время американской гражданской войны; Англ. правительство присуждено къ уплатѣ 15½ мил. долларовъ. Иногда въ договорахъ, заключенныхъ отдѣльными государствами (особенно въ торговыхъ договорахъ Италіи, Бельгіи, Швейцаріи) включается взаимное обязательство контрагентовъ (т. наз. условіе о компромиссѣ) обратиться къ третейскому суду въ случаѣ возникновенія между ними какихъ либо несогласій относительно толкованія или примѣненія договора. Россія до настоящаго времени отказывается включить условія о третейскомъ судѣ въ свои торговые договоры съ иностранными державами. Германія ввела условіе о третейскомъ судѣ по отношенію только къ тарифнымъ спорамъ во всѣ свои новые торговые договоры (съ Бельгіею, Италіею, Австро-Венгріею, Румыніею, Швейцаріею, Болгаріею, Швеціею), но не съ Россіею. Спеціальныя постановленія относительно обязательнаго обращенія къ третейскому разрѣшенію возможныхъ споровъ, возникающихъ изъ договора, мы находимъ въ Брюссельскомъ противоневольническомъ актѣ 1890 г., въ Женевской конвенціи о м. перевозкѣ желѣзнодорожныхъ грузовъ (1890), въ почтовой уніи (1874). Въ почтовой конвенціи 15. VI. 1897 г. третейскій судъ предусматривается (ст. 23) на случай несогласій между двумя или нѣсколькими членами уніи относительно толкованія самой союзной конвенціи или относительно отвѣтственности какого-либо почтоваго управленія вслѣдствіе утраты заказного отправленія. По Бернской желѣзнодорожной конвенціи бюро союза (центральное бюро м. транспортовъ) должно разрѣшать споры, могущіе возникнуть между правленіями различныхъ жел. дорогъ. Такимъ образомъ практикою установилось добровольное обращеніе спорящихъ державъ къ третейскому суду на основаніи соглашенія или же спеціально заключеннаго на сей предметъ договора. Въ этихъ случаяхъ порядокъ третейскаго разбирательства регулируется по усмотрѣнію сторонъ въ силу заключаемой ими по этому предмету спеціальной конвенціи (compromissum).—Однако организованнаго *постояннаго* трет. суда и обязательнаго обращенія къ этому способу рѣшенія м. споровъ не существовало, и первую попытку въ этомъ направленіи представляютъ постановленія *Гаагской мирной конференціи 1899 года*, созванной по почину Императора Николая II съ цѣлью пріисканія способовъ мирнаго разрѣшенія междун. конфликтовъ. Русское правительство, представителемъ котораго на конференціи былъ проф. Мартенсъ, проектировало между прочимъ особое постановленіе, въ силу котораго государства, въ случаѣ несогласій неполитическаго характера должны были обязательно обращаться къ третейскому разбирательству. По проекту пр. Мартенса, представленному конференціи, державы имѣютъ обращаться къ третейскому разбирательству лишь факультативно; но по дѣламъ, не затрогивающимъ жизненн. интересовъ или чести государства и не имѣющимъ политическаго характера, а главнымъ образомъ—по спорамъ, касающимся трактатовъ экономическаго и соціальнаго характера, третейское разбирательство должно было быть обязательнымъ. Однако по настоянію Германіи проектъ этотъ былъ отвергнутъ и въ концѣ концовъ конференція ограничилась въ этомъ отношеніи выраженіемъ азбучной истины, что: „въ вопросахъ юридическаго свойства и преимущественно въ вопросахъ толкованія или примѣненія м. договоровъ, третейскій судъ признается подписавшимися державами самымъ дѣйствительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ справедливымъ средствомъ рѣшенія споровъ, не улаженныхъ дипломатич. путемъ“ (ст. 16). Въ тѣхъ же буквально выраженіяхъ формулирована эта мысль и въ ст. 38 конвенціи 1907 г. Такимъ образомъ, слѣдовательно, обязанности отдавать споры даже по вопросамъ о толкованіи и примѣненіи неполитическихъ договоровъ на третейскій судъ для державъ не существуетъ, и обращеніе къ такому суду оставляется по прежнему на усмотрѣніе спорящихъ сторонъ. Державы по прежнему оставляютъ за собой право заключать особыя соглашенія „съ цѣлью распространенія обязательнаго третейскаго разбирательства на всѣ тѣ дѣла, которыя онѣ признаютъ возможнымъ ему подчинить“ (ст. 19).

Несмотря однако на это, послѣ первой уже Гаагской конференціи между различными державами заключенъ былъ цѣлый рядъ *общихъ*, т. е. не спеціально пріуроченныхъ къ какому либо конкретному конфликту и, слѣд., вызванныхъ не случайными обстоятельствами момента, договоровъ объ обязательномъ обращеніи къ третейскому разрѣшенію возможныхъ между ними несогласій. Первый изъ такого рода договоровъ заключенъ былъ въ 1903 году между Франціею и Англіею и въ немъ,—какъ впрочемъ и во многихъ другихъ договорахъ этого рода между другими державами,—стороны, прямо ссылаясь на ст. 19 Гаагской конвенціи 1899 г., постановляютъ, что „споры правового характера или касающіеся толкованія существующихъ между контрагентами договоровъ, возникающіе между контрагентами, и не поддающіеся разрѣшенію дипл. путемъ, будутъ передаваться на рѣшеніе учрежденной конференціею 1899 г. Постоянной Палаты третейскаго суда въ Гаагѣ, при томъ условіи, если возникшее несогласіе не затрагиваетъ ни жизненныхъ интересовъ,

ни независимости договаривающихся сторонъ, и не касается интересовъ третьихъ державъ". При этомъ лишь точный предметъ спора и объемъ полномочій судей должны опредѣляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ путемъ особаго спеціальнаго на данный случай договора. По этому образцу и примѣру заключенъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ договоровъ и между другими государствами. За время съ 1903 г. ихъ заключено болѣе пятидесяти и число ихъ постоянно возрастаетъ. Одна только Германія не реагируетъ на это всеобщее теченіе. Въ частности Россія заключила конвенціи объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ съ Швеціею и Норвегіею 1904 г. (объ ней см. ст. Кравченко въ Ж. М. Ю. 1905 г., № 6), съ Бельгіею 1905 г., съ Даніей 1905 г., съ Испаніей 1910 г., съ Италіей 1910 г.—Приводимые въ конвенціяхъ случаи, въ которыхъ конвенція должна обязательно примѣняться, не вполнѣ тождественны, и очень немногія,—изъ нихъ первая въ этомъ родѣ конвенція Даніи съ Нидерландами 1904 г.—распространяютъ обязательное обращеніе сторонъ къ третейскому суду на „всѣ несогласія и всѣ споры", не могущіе быть разрѣшенными дипломатич. путемъ.

Какъ мы уже замѣтили, Россія заключила конвенціи объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ (въ хронологич. порядкѣ) съ Швеціей и Норвегіей, Бельгіей, Даніей, Испаніей и Италіей. Эти конвенціи вмѣняютъ договаривающимся сторонамъ въ обязанность представлять Постоянной третейской Палатѣ, учрежденной въ Гаагѣ конвенціею 1899 г. могущія возникнуть между ними несогласія, но съ оговоркой—„насколько таковыя (несогласія) не затрагиваютъ независимости, чести, жизненныхъ интересовъ и осуществленія верховныхъ правъ договаривающихся сторонъ и поскольку полюбовное разрѣшеніе не могло быть достигнуто непосредственными дипл. сношеніями или какимъ либо другимъ способомъ примиренія". Эта первая оговорка усиливается еще второю,—„каждой изъ договаривающихся сторонъ подлежитъ опредѣлять, затрогиваетъ ли возникшее несогласіе ея жизненные интересы, честь, независимость или осуществленіе ея верховныхъ правъ. и потому не принадлежитъ ли это несогласіе по своему существу къ тѣмъ, которыя на основаніи конвенціи, исключаются изъ предметовъ обязательнаго трет. разбирательства". Оба эти постановленія включены во всѣхъ указанныхъ конвенціяхъ, но съ маленькимъ оттѣнкомъ: между тѣмъ какъ въ первыхъ договорахъ Россіи постановленія эти имѣютъ какъ бы принципіальный характеръ, предусматривая обязательность третейскаго разбирательства вообще всѣхъ могущихъ возникнуть между контрагентами несогласій съ указанною лишь оговоркой, новѣйшія конвенціи Россіи съ Испаніей отъ 2. VIII. 1910 г. (см. Собр. Узак. 1910 г. № 198 ст. 2094) и съ Италіей отъ 14—27 X. 1910 г. (см. тамъ же 1911 г. № 25 ст. 238) устанавливаютъ обязательное третейское разбирательство только для вопросовъ, именно поименованныхъ въ конвенціи. При этомъ оказывается совершенно необъяснимое и неразрѣшимое противорѣчіе между 1 и 3 ст. этихъ конвенцій, такъ какъ въ 1-й говорится, что трет. разбирательство будетъ обязательно для сторонъ „въ случаяхъ, перечисленныхъ въ статьѣ 3, поскольку таковые не затрагиваютъ" и т. д., статья же 3, перечисляющая эти случаи, начинается словами: „третейское разбирательство обязательно для высок. договаривающихся сторонъ: 1) въ случаяхъ" (такихъ то)... Что касается остальныхъ конвенцій, то онѣ носятъ болѣе общій и принципіальный характеръ. Но ограничивая общій устанавливаемый ими принципъ упомянутою оговоркою, онѣ затѣмъ перечисляютъ случаи, въ которыхъ третейское разбирательство безусловно обязательно. Сюда относятся: 1) разногласія, касающіяся толкованія или примѣненія всякой конвенціи уже заключенной или имѣющей быть заключенною въ будущемъ между договаривающимися сторонами относительно: а) предметовъ частнаго м. права; б) юридическаго положенія (въ договорѣ съ Испаніею: „условій дѣятельности обществъ") торговыхъ и промышленныхъ обществъ (акціон. компаній) законнымъ образомъ учрежденныхъ въ одной изъ договаривающихся странъ; в) вопросовъ судопроизводства гражданскаго или уголовнаго (въ договорахъ съ Даніею, Испаніею, Италіею: „а также выдачи преступниковъ") и 2) разногласія, касающіяся денежныхъ требованій о возмѣщеніи убытковъ, когда вознагражденіе признано въ принципѣ сторонами. Въ конвенціи съ Испаніею сдѣлана еще оговорка, что не будутъ повергаемы на рѣшеніе трет. суда несогласія по поводу толкованія или примѣненія такихъ конвенцій, въ которыхъ являются участницами третьи державы. Конвенція съ Даніею содержитъ важную оговорку о томъ, что обязательное трет. разбирательство не будетъ примѣняемо къ спорамъ между подданными одного и подданными другого договаривающагося государства или между подданными одного и правительствомъ другого изъ этихъ государствъ, если споры подобнаго рода подсудны судебнымъ установленіямъ того и другого государства сообразно ихъ внутреннему законодательству.—Конвенціи постановляютъ, что относительно избранія судей и судопроизводства будутъ приняты въ руководство правила установленныя на Гаагскихъ мирныхъ конференціяхъ. Предусматриваются третейскія записи сторонъ съ назначеніемъ срока для обмѣна между сторонами документовъ, касающихся предмета спора и срока, въ теченіи котораго трет. рѣшеніе подлежитъ исполненію.

„Желая устранить" вооруженныя между народами столкновенія денежнаго происхожденія, источникомъ коихъ служатъ договорные долги, взыскиваемые *правительствомъ* одной страны съ *правительствомъ* другой страны, *какъ причитающіеся ея подданнымъ*", конференція 1907 г. редактировала „конвенцію (II) объ ограниченіи въ примѣненіи силы при взысканіи по договорнымъ долговымъ обязательствамъ". Указанное постановленіе не обязательно для госуд-въ подписавшихъ конвенцію въ трехъ случаяхъ: 1) если должникъ отвергаетъ или оставляетъ безъ отвѣта предложеніе о третейскомъ разбирательствѣ или 2) въ слу-

чаѣ принятія его, дѣлаетъ невозможнымъ установленіе третейской записи (т. е. соглашенія о выборѣ судей и порядкѣ разбирательства), или 3) послѣ третейскаго разбирательства, уклонится отъ исполненія постановленнаго рѣшенія.

Такимъ образомъ, въ настоящее время договоры о третейскомъ разбирательствѣ, при всемъ различіи ихъ отдѣльныхъ положеній, по лежащей въ нихъ основной идеѣ мог. б. сведены *къ двумъ главнымъ типамъ:* одни имѣютъ въ виду установленіе трет. суда спеціально *для разрѣшенія происшедшаго уже столкновенія*, другія же заключаются на случай *могущихъ произойти въ будущемъ столкновеній*. Так. образомъ въ то время какъ соглашенія перваго рода порождаютъ третейское разбирательство *только для даннаго* конкретнаго спора, соглашенія второго рода ставятъ своей задачей организацію болѣе или менѣе *продолжительно дѣйствующей юрисдикціи для цѣлаго ряда неизвѣстныхъ* пока еще недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть между державами участниками договора о м. трет. судѣ уже *послѣ подписанія* ими этого договора.

Это новое явленіе—введеніе въ м. практику соглашеній относительно обязательнаго трет. суда для разрѣшенія взаимныхъ *будущихъ* конфликтовъ,—предстагляетъ собою само по себѣ значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними соглашеніями, всегда заключавшимися спеціально только для мирнаго разрѣшенія того или другого конкретнаго случая. Въ этихъ новыхъ соглашеніяхъ въ большей степени выражается усиленіе сознанія культурныхъ народовъ относительно солидарности ихъ интересовъ въ дѣлѣ предупрежденія взаимныхъ вооруженныхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи такого рода договоровъ, *заранѣе* предрѣшающихъ судебный порядокъ разрѣшенія конфликта, трет. судъ является учрежденіемъ совершенно случайнаго характера,—учрежденіемъ, самое существованіе котораго находится каждый разъ въ зависимости отъ соглашенія, и притомъ, заключаемаго въ цѣляхъ разрѣшенія только даннаго конкретнаго столкновенія; между тѣмъ при наличности договора объ обязат. трет. судѣ догогаривающіяся госуд-ва заранѣе ограждаютъ себя,—отчасти по крайней мѣрѣ,—отъ увлеченій, могущихъ нарушить между ними миръ и создаютъ напередъ опредѣленный юридическій порядокъ для устраненія и предупрежденія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ поводовъ къ вооруженнымъ между ними столкновеніямъ. Затѣмъ нельзя игнорировать и психологическую, такъ сказ., пользу такихъ договоровъ: обыкновенно госуд-га очень щекотливо

относятся ко всякому постороннему „вмѣшательству“ въ „ихъ“ дѣла и интересы и предоставленіе сужденія о справедливости или несправедливости тѣхъ ил иныхъ ихъ притязаній въ м. области постороннему госуд-ву или установленію считается обычно унизительнымъ для „національной чести и достоинства“. Эту черту въ м. отношеніяхъ правильно оцѣнила Гаагская конференція при учрежденіи Постоянной Палаты трет суда, а договоры объ обязат. трет. судѣ, въ особенности съ включаемымъ въ нихъ изъятіемъ споровъ, затрогивающихъ честь, жизненные интересы и суверенныя права контрагентовъ, при чемъ сами же контрагенты рѣшаютъ вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости его въ каждомъ данномъ случаѣ,—несомнѣнно должны оказать въ томъ же направленіи благотворное дѣйствіе въ смыслѣ признанія госуд-вами возможности отдавать свои споры на судебное разрѣшеніе, не умаляя этимъ свое „національное достоинство“.

Несмотря на обнаружившееся съ 1903 г. широкое движеніе въ пользу признанія обязательности третейскаго разбирательства споровъ между державами, несмотря и на единообразіе вопросовъ, которые онѣ признаютъ возможными подвергать обязательному третейскому рѣшенію, и вторая конференція 1907 г. оставила въ силѣ (ст. 38) и безъ всякихъ измѣненій постановленіе, выраженное въ ст. 16 первой конференціи; она нашла возможнымъ лишь присовокупить къ нему „пожеланіе“, чтобы въ спорахъ по вопросамъ юридич. свойства и преимущественно въ вопросахъ толкованія или примѣненія договоровъ, державы обращались къ третейскому суду, „п о с к о л ь к у т о п о з в о л я т ъ о б с т о я т е л ь с т в а“. Правда, въ „заключительномъ Актѣ“ конференціи формулирована еще „декларація“ о томъ, что она „единогласно: 1) п р и з н а е т ъ н а ч а л о (т. е. принципъ) обязательнаго третейскаго разбирательства, и 2) о б ъ я в л я е т ъ, что нѣкоторые споры, а именно тѣ, которые касаются истолкованія и примѣненія м. договорныхъ постановленій, с п о с о б н ы составлять предметъ обязательнаго трет. разбирательства б е з ъ в с я к и х ъ о г о в о р о к ъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ конференція признала невозможность облечь это единогласное „признаніе“ и „объявленіе“ въ форму обязательной юридич. нормы: „Она е д и н о г л а с н о провозглашаетъ,—такъ оканчивается декларація,—что хотя и не было дано заключить уже теперь конвенцію въ этомъ смыслѣ, но различія мнѣній, которыя обнаружились (по этому вопросу) не выходили за предѣлы юридическаго спора (?) и что, работая здѣсь вмѣстѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, всѣ державы міра не только научились ближе понимать другъ друга и ближе сходиться, но съумѣли вынести изъ этого продолжительнаго сотрудничества возвышенное сознаніе общаго блага человѣчества (!)“. Какое отношеніе этой напыщенной фразы къ вопросу о дѣйствительномъ фактическомъ, а не только бумажномъ признаніи обязательности трет. суда хотя бы въ тѣсной сферѣ вопроса о толкованіи трактатовъ,—понять трудно. За обязательность его высказались на конференціи 32 государства, противъ—12.

Гаагская конференція не только рекомендовала, но и облегчила обращеніе державъ къ третейскому разбирательству своихъ споровъ учрежденіемъ „Постоянной м. палаты третейскаго суда“ (Cour permanente d'arbitrage). Отнынѣ державы, желающія рѣшить спорный вопросъ при помощи третейскаго суда, либо обращаются къ постоянной третейской палатѣ, либо сами организуютъ на извѣстныхъ началахъ (рекомендованныхъконференціею) особую комиссію третейскаго суда по своему выбору. Въ конвенціяхъ объ обязат. трет. судѣ обыкновенно предрѣшается обращеніе къ Гаагской Палатѣ. Во всякомъ случаѣ по этому поводу заключается особый договоръ, обозначенный техническимъ названіемъ: „компромиссъ“, въ которомъ опредѣляется предметъ спора и компетенція судей и дается обязательство подчиниться третейскому рѣшенію. При этомъ державы или напередъ предписываютъ суду тѣ юридическіе принципы, которыми онъ долженъ руководиться при рѣшеніи спора, или предоставляютъ ему здѣсь свободу. Въ первомъ случаѣ третейскій судъ называется арбитражемъ (arbitratio), во второмъ—arbitrium.

Основная цѣль учрежденія Гаагской третейской Палаты—„облегчить возможность обращенія къ третейск. суду“. Но Палата не представляетъ собою постояннаго трибунала,—противъ этого рѣшительно протестовала Германія и протестъ послѣдней уваженъ былъ конференціей. Согласно требованію Германіи, учрежденная конференціею 1899 года и сохраненная въ томъ же видѣ конференціею 1907 г. Палата не есть постоянное организованное установленіе для м. третейскаго судоговоренія, а она состоитъ лишь изъ списка постоянныхъ судей, назначаемыхъ державами, подписавшими конвенцію, каждою въ отдѣльности, на шесть лѣтъ. Палата функціонируетъ лишь въ случаѣ обращенія къ ней спорящихъ государствъ, и, притомъ, въ перемѣнномъ составѣ. Въ заключительномъ Актѣ конференціи 1907 г. формулировано нѣсколько (4) пожеланій по вопросамъ, относительно коихъ на ней не достигнуто соглашенія, и въ числѣ ихъ, конференція рекомендуетъ державамъ сохранивъ нынѣ функціонирующую Палату, учрежденіе еще постоянно дѣйствующей „Судебной третейской палаты“ согласно выработанному уже на конференціи (по предложенію С.-А. С. Штатовъ, поддержанному Англіею и Германіею) проекту, какъ только состоится соглашеніе относительно выбора судей (постоянныхъ) и состава палаты. До настоящаго времени это пожеланіе конференціи 1907 года однако не осуществлено.

Что касается нынѣ функціонирующей Постоянной Палаты, то организація и дѣятельность ея регулированы въ ст. 41—90 подписанной на конференціи 1907 г. I конвенціи „о мирномъ рѣшеніи м. столкновеній“. (Изъ нихъ 23 статьи частью новыхъ, частью измѣненныхъ сравнительно съ постановленіями конвенціи 1899 г.). Каждая держава назначаетъ въ палату не свыше четырехъ лицъ признанныхъ знатоковъ м. права изъ отечественныхъ подданныхъ или изъ иностранцевъ; одно и тоже лицо можетъ быть избрано нѣсколькими державами.—При палатѣ имѣется постоянная канцелярія или *бюро* (постоянная резиденція его—въ Гаагѣ), функціи котораго сходны съ функціями другихъ международныхъ бюро: оно завѣдуетъ канцелярскою и административною распорядительною частью и служитъ центральнымъ справочнымъ мѣстомъ по всѣмъ вопросамъ м. третейскаго разбирательства. Оно является посредникомъ для сообщеній, касающихся созванія Палаты. Въ случаѣ столкновенія между двумя державами, желающая прибѣгнуть къ третейскому суду можетъ обратиться къ м. бюро съ заявленіемъ о своей готовности подвергнуть споръ третейскому разбирательству и бюро должно тотчасъ же довести объ этомъ до свѣдѣнія другой державы. Въ случаѣ желанія сторонъ обратиться къ суду Палаты, онѣ сообщаютъ бюро текстъ своей третейской записи и имена выбранныхъ ими изъ состава Палаты судей для сообщенія записи судьямъ. Дѣятельностью бюро руководитъ и за нею надзираетъ особый административный совѣтъ изъ дипломатич. представителей подписавшихъ конвенцію державъ, пребывающихъ въ Гаагѣ. Этотъ совѣтъ учрежденъ съ тою цѣлью, чтобы дать державамъ возможность постояннаго контроля за дѣятельностью бюро.—Державы, желающія примѣнить третейское разбирательство для рѣшенія своего спора не путемъ спеціальнаго соглашенія, а на основаніи Гаагской конвенціи, организуютъ третейскій трибуналъ изъ лицъ, значащихся въ спискѣ постоянной палаты. Порядокъ учрежденія трибунала можетъ быть опредѣленъ по соглашенію сторонъ, или же послѣднія могутъ примѣнить порядокъ, рекомендуемый Гаагской конвенціею; а именно: каждая сторона избираетъ по два судьи; изъ нихъ только одинъ мож. б. ея подданнымъ или выбраннымъ изъ числа лицъ *ею* назначенныхъ въ члены Палаты. Избранные так. обр. сторонами судьи сообща выбираютъ (пятаго) старшаго судью (суперарбитра). Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, выборъ старшаго судьи ввѣряется третьей державѣ, избранной съ общаго ихъ согласія; если по этому предмету не будетъ достигнуто соглашенія, то каждая сторона избираетъ отдѣльно дер-

жаву и выборъ суперарбитра производится по соглашенію между избранными так. обр. державами; наконецъ, если и этимъ путемъ не достигнуто соглашенія, то каждая изъ этихъ державъ представляетъ двухъ кандидатовъ, взятыхъ изъ списка членовъ Постоянной Палаты (но не изъ членовъ, назначенныхъ въ Палату спорящими сторонами и не принадлежащихъ къ поданнымъ ни одной изъ нихъ) и жребій опредѣляетъ, который изъ кандидатовъ, представленныхъ так. обр., будетъ суперарбитромъ. Объ учрежденіи суда стороны сообщаютъ бюро. Державы, обращающіяся къ трет. суду подписываютъ *третейскую запись* („компромисъ"), въ которой опредѣляются предметъ спора, срокъ для избранія третейскихъ судей, порядокъ ихъ избранія, полномочія суда и т. д. Стороны могутъ препоручить составленіе компромиса Постоянной Палатѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Палатѣ предоставляется право самой составить запись, даже если просьба исходитъ только отъ одной изъ сторонъ (послѣ того какъ не удалось достигнуть соглашенія сторонъ по этому вопросу) а именно, если дѣло идетъ: 1) о спорѣ, предусмотрѣнномъ въ заключенномъ ранѣе договорѣ сторонъ объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ при чемъ въ договорѣ предусмотрѣна для каждаго спора третейская запись, или 2) о спорѣ, проистекающемъ изъ договорныхъ долговъ, взыскиваемыхъ одною державою съ другой въ пользу своихъ подданныхъ, для рѣшенія коего предложеніе о трет. разбирательствѣ было принято. Такого рода записи составляются коммиссіей Постоянной Палаты, состоящей изъ пяти членовъ, избираемыхъ такимъ же порядкомъ, какой установленъ конвенціею 1907 г. для избранія судей. Въ случаѣ установленія записи коммиссіей, коммиссія сама образуетъ изъ себя и третейскій судъ.—Во время исполненія своихъ третейскихъ функцій судьи пользуются неприкосновенностью, подобно дипломатическимъ агентамъ. Толкованіе заключеннаго сторонами компромиса предоставляется суду, безъ вмѣшательства сторонъ. Суду представляются всѣ акты и письменные документы, относящіеся къ спорному вопросу. Стороны могутъ назначить особыхъ агентовъ и адвокатовъ въ качествѣ представителей своихъ интересовъ на судѣ.—Третейское судебное разбирательство состоитъ изъ письменнаго слѣдствія и преній. Письменное слѣдствіе состоитъ въ сообщеніи суду агентами обѣихъ сторонъ памятныхъ записокъ, отвѣтныхъ памятныхъ записокъ, вторичныхъ возраженій. Впрочемъ, судъ можетъ потребовать и устныхъ объясненій отъ агентовъ, экспертовъ и свидѣтелей. Судъ собирается лишь послѣ окончанія слѣдствія, и приступаетъ къ устнымъ судебнымъ пре-

ніямъ. Въ этомъ моментѣ представленіе новыхъ документовъ не допускается; но до его наступленія самъ судъ можетъ потребовать отъ сторонъ новыхъ доказательствъ помимо представленныхъ ими. Послѣ судебныхъ преній происходитъ тайное совѣщаніе суда, рѣшеніе котораго объявляется публично въ присутствіи представителей сторонъ; рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ и должно быть мотивировано. Оно обязательно для сторонъ; апелляціи на него нѣтъ; но въ теченіе извѣстнаго срока возможенъ пересмотръ рѣшенія; поводомъ къ пересмотру можетъ быть только обнаруженіе новыхъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ суда. Требованіе о пересмотрѣ должно быть обращено къ самому суду, который рѣшаетъ—дѣйствительно ли важно вновь открытое обстоятельство; въ случаѣ положительнаго рѣшенія дѣло подвергается пересмотру.—Всякій споръ, который могъ бы возникнуть между сторонами относительно толкованія и исполненія рѣшенія суда, подвергается разсмотрѣнію и разрѣшенію суда, который постановилъ это рѣшеніе.—Третейское рѣшеніе обязательно только для спорящихъ сторонъ. Когда споръ представленный на разсмотрѣніи суда касается толкованія договора, въ которомъ участвовали и другія державы, (кромѣ спорящихъ сторонъ), то каждая изъ этихъ державъ имѣетъ право вступить въ дѣло; въ такомъ случаѣ, для державы, воспользовавшейся этимъ правомъ, содержащееся въ третейскомъ рѣшеніи толкованіе договора является обязательнымъ и для нея.

Кромѣ этого общаго и какъ бы нормальнаго порядка разбирательства, конференція 1907 г. ввела еще другой видъ разбирательства —„суммарнаго" (ст. 86—90). Судъ въ этомъ случаѣ состоитъ только изъ двухъ членовъ по избранію каждой изъ сторонъ; указанные так. образ. двое судей избираютъ старшаго судью. Производство тоже письменное, но упрощенное.

См. Гр. Камаровскій, О междун. судѣ; его же, Гаагская мирная конференція 1899 года; Голубевъ, Междун. третейскіе суды XIX вѣка; Мартенсъ, Гаагская конференція мира, въ Вѣстникѣ Евр. 1900 № 3; Гессенъ, Значеніе Гаагской конференціи, въ Ж. М. Ю. 1900 № 3.

Насильственные способы разрѣшенія м. несогласій. Всякое правонарушеніе въ области м. отношеній, какъ и внутри отдѣльнаго госуд-ва всегда вызываетъ со стороны потерпѣвшаго принужденіе возстановить нарушенные интересы. Подъ *правомъ междун. принужденія въ объективномъ смыслѣ* разумѣется совокупность юридиче-

скихъ нормъ, соблюденіе которыхъ обязательно для каждаго госуд-ва какъ члена м. союза, при охраненіи своихъ законныхъ интересовъ и правъ. *Въ субъективномъ смыслѣ* праго м. принужденія есть право каждаго госуд-ва охранять принадлежащія ему права и защищать свои интересы и интересы своихъ подданныхъ въ области м. отношеній всѣми законными средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи. Носителемъ права принужденія въ области м. отношеній и, слѣдовательно, *субъектомъ* его, можетъ быть *только госуд-во*, какъ юридическое лицо. *Органы* госуд-веннаго права принужденія—войска, флотъ—дѣйствуютъ *отъ имени и подъ отвѣтственностью* своего госуд-ва, которое отвѣтственно и за ихъ дѣйствія въ этой области (VI конв. 1907 г. ст. 3). Отдѣльныя лица ни въ какомъ случаѣ не обладаютъ правомъ м. принужденія (въ случаѣ совершенія м. правонарушенія—они разсматриваются какъ члены того или другого государства и поэтому какъ истцомъ, такъ и отвѣтчикомъ въ области м. права можетъ быть только госуд-во). Объектомъ м. правонарушенія могутъ быть: 1) права госуд-ва основныя и договорныя, а также интересы госуд-ва въ томъ случаѣ, когда они покоятся на юридическихъ основаніяхъ (т. е. имѣютъ признаніе и защиту м. права); 2) права и интересы частныхъ лицъ, поскольку они ограждены м. договорами. Но въ этомъ случаѣ м.-правовымъ истцомъ можетъ быть только государство, подданнымъ котораго состоитъ лицо, потерпѣвшее правонарушеніе, т. к. м. правонарушеніемъ является въ этомъ случаѣ нарушеніе м. договора, обезпечивающаго нарушенныя права частнаго лица, подданнаго госуд-ва. 3) Интересы всего междун. союза. Сюда можно отнести: нарушенія м. нормъ, установленныхъ коллективно; нарушеніе не только положительныхъ договорныхъ нормъ, но даже м.-правовыхъ принциповъ, признаваемыхъ и санкціонированныхъ м. практикою, напр. принципа свободы открытаго моря, которое признается какъ бы м. территоріею; порча межд. путей сообщенія и сооруженій, установленныхъ для облегченія м. общенія (напр. порча подводныхъ кабелей), нарушеніе правъ дипломат. агентовъ и органовъ м. общенія и управленія, отказъ иностранцу въ защитѣ и правосудіи, религіозное гоненіе и т. п.

Право принужденія прекращается возстановленіемъ нарушеннаго права.

Способы возстановленія нарушеннаго права, имѣющіе въ основаніи принципъ принужденія и силы, существуютъ издавна, но въ новѣйшее время они обставлены ограничивающими примѣненіе насилія правилами. Они представляютъ два вида: 1) репрессаліи и 2) войну.

1. Подъ понятіе *репрессалій въ обширномъ смыслѣ* подходитъ всякое дѣйствіе, совершаемое однимъ или нѣсколькими госуд-вами относительно другого съ цѣлью принудить его къ возстановленію нарушенныхъ имъ правъ или интересовъ, но однако безъ вступленія въ войну. Онѣ могутъ проявляться въ видѣ непосредственнаго насилія или въ видѣ косвеннаго принужденія. Репрессаліи представляютъ нѣсколько видовъ: 1) реторсіи и 2) репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ, въ томъ числѣ: эмбарго, мирная блокада и военная окупація.

Реторсія примѣняется въ случаѣ нарушенія однимъ госуд-вомъ *интересовъ* другого, причемъ госуд-во, нарушившее эти интересы, не выходило, однако, изъ предѣловъ своего права: оно совершаетъ *не правонарушеніе*, а несправедливость относительно другого госуд-ва. Напр. госуд-во вводитъ высокія пошлины на продукты другого госуд-ва или издаетъ стѣснительныя мѣры (паспортныя) для его подданныхъ. Реторсія, имѣя въ своемъ основаніи нарушеніе какихъ либо интересовъ, представляется возмездіемъ равнымъ за равное, несправедливостью за несправедливость, съ цѣлью этимъ путемъ косвенно принудить другую сторону къ отказу отъ вызвавшихъ реторсію дѣйствій или мѣръ и въ этомъ случаѣ реторсія является способомъ какъ бы принудительнаго разрѣшенія взаимнаго между двумя госуд-вами конфликта въ области ихъ интересовъ. Въ подобныхъ случаяхъ реторсіонная мѣра можетъ по своему характеру даже не соотвѣтствовать вызвавшей ее мѣрѣ противнаго гос-ва. Напр. во время таможенной войны Россіи съ Германіей 1891—1894 г. Германія исключила русскія гос-венныя бумаги изъ биржевой котировки, т. е. изъ офиціальнаго биржевого оборота. Или очень часто при различныхъ случаяхъ обостренія отношеній между Австріею и Сербіею по торговополитическимъ и экономическимъ вопросамъ Австрія прибѣгала къ затрудненіямъ ввоза скота изъ Сербіи подъ предлогомъ опасности занесенія эпизоотіи (предписывался очень строгій ветеринарный осмотръ, запрещался ввозъ свиней и т. п.). Сюда же относятся вводимыя въ видѣ реторсіонной мѣры стѣснительныя для подданныхъ другого уосуд-ва паспортныя требованія и т. п. Основаніемъ для реторсіи является во всѣхъ подобныхъ случаяхъ,—что госуд-во, противъ котораго она направлена слишкомъ широко пользуется своими правами, нисколько не заботясь о томъ, нарушаетъ оно интересы другого государства или нѣтъ, и этимъ вызываетъ подобное же и соотвѣтственное законодательное или административное возмездіе со стороны послѣдняго. Особенно часто реторсія примѣняется къ сферѣ таможенныхъ отношеній (таможенная война;

напр. между Россіей и Германіей передъ заключеніемъ торговаго договора 1894 г.). Реторсія обыкновенно (но не непремѣнно) бываетъ однородна съ причиной ея возникновенія и направляется противъ соотвѣтственныхъ интересовъ нарушившаго госуд-ва, но, во всякомъ случаѣ, чтобы не переходить въ репрессалію, должна простираться лишь на интересы другого госуд-ва, а не на права и ограничиваться вполнѣ мирными (законодательными или административными) средствами безъ употребленія физическаго принужденія или, вообще, насилія. Но въ м. отношеніяхъ несправедливостью признается и вообще всякое нарушеніе принципа равенства въ этихъ отношеніяхъ, всякое произвольное (не по договору) умаленіе правъ одного государства въ сравненіи съ другими, напр. примѣненіе къ его подданнымъ какихъ либо мѣръ полицейскихъ, таможенныхъ, судопроизводственныхъ, не примѣняемыхъ къ подданнымъ другихъ госуд-въ. *Право* на реторсію въ подобномъ случаѣ прямо признается въ м. практикѣ. Напр. согласно германскому закону о таможенномъ тарифѣ 1902 г., товары идущіе изъ страны, гдѣ герм. суда и товары поставлены (не по договору) въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ суда и товары другихъ странъ, могутъ быть обложены, сверхъ тарифной пошлины, еще добавочной пошлиной до двойного размѣра этой пошлины или до размѣра полной стоимости товара; товары же по тарифу свободные отъ пошлины, могутъ при тѣхъ же условіяхъ быть обложены пошлиной до половины ихъ стоимости. Германское законодательство предусматриваетъ и разрѣшаетъ правительству примѣненіе реторсіонныхъ мѣръ относительно другихъ госуд-въ и въ сферѣ гражд. права, гражд. судопроизводства, конкурснаго производства и законовъ о промышленности. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ реторсія не носитъ непріязненнаго боевого, такъ сказ., характера и основаніемъ ея является основная норма м. права,—принципъ взаимности: только подъ условіемъ соблюденія взаимности госуд-во можетъ претендовать на признаніе за нимъ со стороны другого госуд-ва тѣхъ или иныхъ не обусловленныхъ договоромъ правъ. Реторсія можетъ исходить исключительно отъ госуд-венной власти (по герм. законамъ это право предоставлено имп. канцлеру по соглашенію съ Союзн. Совѣтомъ). Реторсія, какъ средство разрѣшенія несогласій между госуд-вами, не можетъ считаться цѣлесообразной ни съ политической точки зрѣнія, такъ какъ она еще больше раздражаетъ заинтересованныя стороны, не уничтожая самой причины раздора, ни съ юридической—такъ какъ она направлена противъ интересовъ частныхъ лицъ.

Репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ имѣютъ двоякое примѣненіе: 1) въ мирное время и 2) во время войны. Репрессаліи перваго вида отличаются отъ реторсіи тѣмъ: 1) что предполагаютъ нарушеніе не интересовъ, а правъ или правомѣрныхъ интересовъ госуд-ва, а поэтому 2) репрессаліи являются мѣрами болѣе рѣшительными, чѣмъ реторсіи: между тѣмъ какъ реторсія носитъ характеръ преимущественно нравственнаго принужденія и проявляется въ видѣ законодательной и административной борьбы между двумя госуд-вами, репрессаліи носятъ характеръ физическаго принужденія и *насилія* съ нарушеніемъ правомѣрныхъ интересовъ противнаго гос-ва или его подданныхъ. Возникновеніе репрессалій относится къ среднимъ вѣкамъ, когда вслѣдствіе слабости центральной власти, послѣдняя предоставляла гражданамъ самимъ возстановлять свои нарушенныя права выдачею имъ разрѣшенія или „патента“ на репрессаліи (lettres de marque); напр. въ случаѣ отказа въ правосудіи, подданному давалось разрѣшеніе отнять силою у подданныхъ отказавшаго гос-ва такое количество товаровъ или денегъ, какое соотвѣтствовало бы удовлетворенію претензіи потерпѣвшаго. Такимъ образомъ тогда репрессаліи были однимъ изъ видовъ частнаго самоуправства. Съ XVII вѣка репрессаліи принимаютъ государственный характеръ и въ настоящее время право репрессалій принадлежитъ только госуд-ву и относительно госуд-ва, а не частныхъ лицъ. Для того, чтобы репрессалія была правомѣрной, необходимо, чтобы 1) правонарушеніе было дѣйствительно доказано и 2) чтобы потерпѣвшее госуд-во обратилось къ нарушившему съ требованіемъ возстановленія своихъ правъ и чтобы на это послѣдовалъ отказъ. Только въ случаѣ отказа репрессалія правомѣрна. Въ виду неоднократныхъ даже въ новое время примѣровъ примѣненія госуд-вами репрессалій для удовлетворенія денежныхъ требованій къ другимъ госуд-вамъ, (напр. въ знаменитомъ дѣлѣ еврея Пачифико; репрессаліи Германіи, Англіи и Италіи противъ Венецуэлы въ 1902 г.) II Гаагская конвенція воспрещаетъ обращеніе къ вооруженной силѣ для истребованія долговъ, взыскиваемыхъ правительствомъ одной страны съ правительства другой страны, какъ причитающихся ея подданнымъ, если должникъ согласенъ на передачу дѣла третейскому рѣшенію.

Репрессаліи могутъ состоять какъ изъ отдѣльныхъ насильственныхъ дѣйствій, такъ и изъ цѣлой системы таковыхъ. Послѣдній случай представляетъ собой состояніе открытыхъ репрессалій (état de repressailles). Оно, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ состоянія открытой войны. Такъ, въ 1884—5 г. Франція находилась въ состояніи репрессалій про-

тивъ Китая. Она бомбардировала китайскіе города, давала сраженіе китайскимъ войскамъ, иначе говоря, дѣйствовала совершенно такъ, какъ она дѣйствовала бы во время настоящей войны.—Репрессаліи могутъ быть направлены какъ противъ самаго государства, такъ и (въ м. практикѣ) противъ его подданныхъ. Репрессаліи перваго рода выражаются обыкновено въ видѣ т. назыв. военныхъ морскихъ демонстрацій, военнаго занятія части территоріи, блокады, даже бомбардированія. Обращенныя противъ подданныхъ другого госуд-ва, репрессаліи имѣютъ обыкновенно объектомъ не только права, но имущества частныхъ лицъ. А именно, потерпѣвшее госуд-во 1) захватываетъ имущество (чаще всего суда) частныхъ лицъ, подданныхъ совершившаго правонарушенія госуд-ва, но только въ видѣ залога, на удовлетвореніе же убытковъ только въ крайнемъ случаѣ, когда госуд-во—обидчикъ отказывается удовлетворить ихъ. Не подлежатъ захвату капиталы, вложеные въ иностранные банки—это необходимо въ виду поддержки м. кредита. 2) Потерпѣвшее госуд-во запрещаетъ доступъ на свою территорію гражданамъ госуд-ва—обидчика или отмѣняетъ привиллегіи и права, признанныя за поддаными этого госуд-ва. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не долженъ подлежать задержанію или ограниченію правъ представитель госуд-ва, хотя бы онъ являлся нарушителемъ. Впрочемъ въ новѣйшее время все болѣе устанавливается правило, что объектомъ репрессалій должны быть только права и имущества враждебнаго государства. Въ настоящее время въ теоріи и практикѣ выдвинутъ принципъ, что частныя лица не отвѣчаютъ за дѣйствія правительства и, поэтому, ни личность ихъ, ни имущество не должны быть непосредственнымъ объектомъ репрессаліи; какъ субъектомъ, такъ и объектомъ ея можетъ быть только госуд-во и слѣдовательно, захватъ имущества отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть оправданъ. Объектомъ репрессаліи правомѣрно могутъ быть только права или имущество госуд-ва. Само собою разумѣется, что допущеніе, характеръ (соразмѣрность) и продолжительность репрессаліи зависятъ отъ верховной власти и съ полученіемъ удовлетворенія потерпѣвшимъ госуд-омъ она должна прекращаться.

Репрессаліи примѣняются также и въ *военное время*. Онѣ имѣютъ то же самое основаніе, что и репрессаліи мирнаго времени, именно—возстановленіе нарушенныхъ правъ. Примѣняются онѣ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда непріятель нарушаетъ правила войны или проявляетъ жестокость. Въ видахъ регулированія примѣненія репрессалій въ военное время, Россія представила на Брюссельской конференціи 1874 года о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны проектъ, сокращающій границы дѣйствія репрессалій, но этотъ проектъ былъ отвергнутъ конференціей, полагавшей, что фактъ принятія проекта будетъ равнозначителенъ признанію закономѣрности репрессалій. Но нѣсколь лѣтъ спустя, Инст. м. права внесъ въ составленный имъ кодексъ военн. законовъ и русск. проектъ, въ силу котораго 1) репрессаліи должны примѣняться между воюющими только по распоряженію главнокомандующаго 2) онѣ должны быть употребляемы только въ крайн. случ. и не нарушать правилъ человѣколюбія. Такъ, въ отвѣтъ на жестокости башибузуковъ съ нашими плѣнными во время войны 1877 г. (выкалываніе и выжиганіе глазъ) русскіе, чтобы застаѣить турокъ прекратить такое безчеловѣчное обращеніе, прибѣгали къ разстрѣливанію плѣнныхъ турокъ, но только съ разрѣшенія главнокомандующаго.

Эмбарго, какъ одинъ изъ видовъ репрессалій состоитъ въ томъ, что государство налагаетъ арестъ на суда (частныя), грузъ и экипажъ другого государства для обезпеченія предъявленнаго къ нему требованія. Эмбарго примѣняется или въ мирное время, или въ ожиданіи войны. Въ мирное время къ эмбарго прибѣгаютъ съ карантинными или полицейскими цѣлями (во время междоусобій). Въ подобныхъ случаяхъ эмбарго—временное задержаніе и можетъ быть наложено даже безъ совершенія правонарушеній со стороны государства, суда котораго задерживаются. Эмбарго, какъ мѣра военнопринудительная и м. принужденія примѣняется: 1) въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи и возстановленіи нарушенныхъ правъ. Такое эмбарго (англійскіе юристы называютъ его гражданскимъ), имѣвшее цѣлью принудить противника къ уступкамъ, должно прекращаться съ момента полученія удовлетворенія; 2) особенно часто оно примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда натянутыя отношенія между госуд-вами грозили привести къ объявленію войны; въ случаѣ дѣйствительнаго объявленія ея, задержанныя суда конфисковались. Послѣдній примѣръ въ м. практикѣ—въ 1864 г. Данія противъ Пруссіи. Въ этомъ случаѣ цѣль наложенія эмбарго—не возстановленіе правъ, а возмѣщеніе убытковъ, какіе будутъ понесены подданными во время войны. Въ настоящее время эта цѣль эмбарго нѣсколько ограничена въ томъ смыслѣ, что секвестрованныя частныя суда должны быть возвращены по окончаніи войны. Этого правила не признаютъ однако Англія и С.-А. С. Штаты, которые стоятъ за полную конфискацію.

Въ доктринѣ м. права противъ эмбарго, какъ принудительной междугосударственной мѣры, приводится то соображеніе, что мѣра эта направлена противъ частной собственности, которая по новѣйшимъ принципамъ м. права, должна быть охраняема даже въ военное время. Новѣйшіе трак-

таты отчасти усвоили такой взглядъ теоріи м. права въ томъ смыслѣ, что въ торгов. договорахъ иногда включается постановленіе, воспрещающее примѣненіе эмбарго или репрессалій вообще къ частнымъ лицамъ; и въ новѣйшей м. практикѣ государства стали устанавливать льготный срокъ, въ теченіе котораго даже при объявленіи войны непріятельскимъ коммерческимъ кораблямъ предоставляется свободно оставить воды непріязненной державы. Эта практика получила признаніе въ VI Гаагской конвенціи 1907 г. „о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій". „Стремясь оградить безопасность м. торговли отъ неожиданностей войны", державы постановили, что когда торговое судно одной изъ воюющихъ державъ находится при началѣ военныхъ дѣйствій въ непріятельскомъ портѣ, *желательно*, чтобы ему было позволено свободно выйти, немедленно или по истеченіи достаточнаго льготнаго срока, и, по снабженіи его пропускнымъ свидѣтельствомъ, достигнуть прямымъ путемъ порта его назначенія или иного порта, который будетъ ему указанъ".

Блокадой называется морская осада порта или побережья блокируемаго госуд-ва съ цѣлью прекращенія торговыхъ сношеній его или способовъ полученія чрезъ него военныхъ припасовъ или подкрѣпленій. Блокированнымъ признается портъ (или побережье), оцѣпленный военными кораблями блокирующаго государства такимъ образомъ, что постоянное и близкое расположеніе ихъ у блокируемаго пункта дѣлаетъ входъ въ него для постороннихъ судовъ явно опаснымъ. Цѣль мирной блокады, примѣняемой въ видѣ репрессаліи, состоитъ въ пресѣченіи военною морскою силою всякихъ сообщеній съ берегами государства, подвергнутаго блокадѣ. Само собою понятно, что чѣмъ значительнѣе въ торговомъ отношеніи блокируемое мѣсто, тѣмъ болѣе ущерба наноситъ блокада не только государству, подвергнутому такой репрессивной мѣрѣ, но и нейтральнымъ, производящимъ съ нимъ торговлю. Сама по себѣ блокада есть средство чисто военное, и поэтому эпитетъ „мирной" не совмѣстимъ съ понятіемъ блокады. Однако, мирная блокада, какъ одно изъ репрессивныхъ средствъ, существуетъ и въ практикѣ м. отношеній и находитъ себѣ защитниковъ въ литературѣ по этому предмету. Впервые воспользовались этой формой репрессивныхъ мѣръ въ 1827 г. Англія, Франція и Россія противъ Турціи съ цѣлью заставить ее прекратить кровопролитіе въ Греціи по поводу возстанія; чтобы прекратить сообщенія турокъ съ ихъ войсками въ Греціи, союзный флотъ трехъ вышеозначенныхъ державъ блокировалъ греческіе берега, не объявляя однако султану войны.

Несмотря на то, что турецкій флотъ, запертый союзниками въ Наваринской гавани. былъ ими сожженъ, посланники державъ увѣряли Порту, что державы не считаютъ себя состоящими съ нею въ войнѣ. Въ 1897 г. блокируется Критъ и предполагалась блокада Греціи съ цѣлью понудить послѣднюю къ принятію рѣшеній державъ по Критскому вопросу. Любопытный примѣръ представляетъ, наконецъ, блокада въ 1839 г. Англіею и Франціею гаваней Аргентинской республики, продолжавшаяся 9 лѣтъ. Блокада, какъ мирная, такъ и военная, заключается въ томъ, что съ блокируемыми портами или берегами государства прекращаются всякаго рода сношенія. Поэтому доступъ въ блокируемую гавань для кораблей безусловно воспрещается, если же корабль дѣлаетъ попытку прорваться черезъ линію блокирующихъ, то онъ задерживается.—Послѣдствія задержанія—либо конфискація судна, либо арестъ его до снятія блокады. Иногда дѣлается различіе между нейтральными судами и судами блокируемаго государства, одни подвергаются конфискаціи, а другія только арестуются; Англія конфисковала одинаково какъ тѣ, такъ и другія.

Въ литературѣ существуютъ на мирную блокаду два совершенно противоположныхъ взгляда. *Противники* мирной блокады выставляютъ слѣдующіе аргументы противъ нея: мирная блокада по большей части есть начало войны и обыкновенно послѣдствіемъ ея является кровопролитіе. Далѣе, мирная блокада по своему характеру не подходитъ къ понятію репрессалій мирнаго времени: въ принципѣ репрессаліи должны поражать интересы только того госуд-ва, которое дало къ нимъ поводъ, а мирная блокада *поражаетъ и третьи нейтральныя*, совершенно постороннія, непричастныя госуд-ва, такъ какъ блокирующія державы воспрещаютъ нейтральнымъ нарушать блокаду и всякое посягательство на нее наказываютъ арестомъ судовъ. Если же допустить (требуемое Блюнчли) ограниченіе—право захвата кораблей только блокированнаго госуд-ва, то практически цѣль блокады не будетъ достигнута: блокада только тогда и дѣйствительна, когда ее обязаны соблюдать прочія государства. (При блокадѣ Греціи въ 1886 и Крита въ 1897 г. въ критскіе порты не допускались только греческія суда, а изъ нейтральныхъ только нагруженныя провіантомъ или боевыми припасами; суда виновныя въ нарушеніи блокады подвергались лишь временному секвестру). Наконецъ, мирная блокада рѣдко улаживаетъ возникшія между госуд-вами недоразумѣнія, напротивъ, и безъ того натянутыя отношенія она осложняетъ еще болѣе. *Защитники* мирной блокады противъ всѣхъ

этихъ аргументовъ представляютъ слѣдующія возраженія: Если законна война, т. е. сложная система насильственныхъ мѣръ, сопряженныхъ съ кровопролитіемъ, то нѣтъ основанія отрицать законность мирной блокады—мѣры менѣе насильственной и опасной, не сопряженной съ кровопролитіемъ. Если терпимо зло большее (война), то подавно терпимо и зло меньшее, состоящее въ примѣненіи частичной, притомъ локализированной войны. Далѣе, къ слабымъ державамъ примѣнять блокаду гораздо человѣколюбивѣе, нежели прибѣгать противъ нихъ къ войнѣ,—мирная блокада не грозитъ имъ уничтоженіемъ, какъ война. Наконецъ, возможно и ограниченіе послѣдствій мирной блокады въ томъ смыслѣ, чтобы корабли блокируемой страны подвергались лишь временному секвестру, до полученія удовлетворенія, корабли же нейтральныхъ могли бы быть недопускаемы въ блокируемые порты, но не подлежатъ ни задержкѣ, ни конфискаціи. Таковы взгляды на мирную блокаду сторонниковъ ея.—Во всякомъ случаѣ блокада—мѣра настолько принудительная, что выходитъ изъ предѣловъ мирныхъ сношеній и кромѣ того она исполнима для сильныхъ державъ по отношенію къ слабымъ и невозможна для слабыхъ и небольшихъ госуд-въ по отношенію къ великимъ державамъ. Главнымъ же возраженіемъ остается то, что отъ блокады страдаютъ преимущественно частныя, незаинтересованныя лица.

Военное временное занятіе. территоріи госуд-ва, совершившаго правонарушеніе (въ случаѣ отказа его въ удовлетвореніи) или же съ цѣлью принудить его къ исполненію извѣстныхъ требованій; такое занятіе не сопровождается никакими военными дѣйствіями и не создаетъ состоянія войны съ его послѣдствіями (напр. для третьихъ державъ). Примѣръ—занятіе русскими войсками Молдавіи и Валахіи въ 1830 г. Военное занятіе можетъ быть и коллективное. Примѣръ—занятіе вел. державами о. Крита въ 1897 г. и вооруженное вмѣшательство ихъ въ Китаѣ въ 1900 году (занятіе Тянзина).

П. В о й н а. Въ случаѣ, если вышеизложенные мирные способы окажутся недѣйствительными, чтобы уладить возникшія несогласія, государства прибѣгаютъ къ войнѣ. Она всегда и на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества была главнымъ способомъ рѣшенія наиболѣе серьезныхъ м. несогласій и крайнимъ средствомъ для осуществленія госуд-вами дѣйствительнаго или предполагаемаго, но оспариваемаго другимъ государствомъ права или интереса.

Война въ м. правѣ. Разсматриваемая съ внѣшней формальной стороны, какъ внѣшнее явленіе м. жизни, война есть матеріальная физическая борьба между двумя или нѣсколькими госуд-вами, направленная на насильственное осуществленіе какого-либо права или политическаго интереса. Хотя въ этой борьбѣ народъ (госуд-во) участвуетъ всѣми своими не только матеріальными, но и духовными силами, но во внѣ она проявляется и наблюдается преимущественно какъ борьба силъ матеріальныхъ,—вооруженныхъ, организованныхъ силъ госуд-ва (войска, воен. флота), опирающихся прежде всего на матеріальные элементы и рессурсы госуд-ва (количество населенія и организованныхъ вооруженныхъ силъ и средствъ наступленія и обороны, крѣпости, арсеналы,—обширность территоріи, экономическіе рессурсы страны), при чемъ духовныя силы народа—состояніе народнаго образованія, технич. знаній и т. п. проявляются лишь косвенно, какъ скрытые внутренніе элементы народныхъ силъ („прусскій школьный учитель побѣдилъ Францію"). Только въ этомъ своемъ внѣшнемъ проявленіи, какъ матеріальной физической борьбы между народами, война разсматривается м. правомъ и является объектомъ м.-правовой регламентаціи.

Б о г о с л о в ы и к л е р и к а л ы усматриваютъ въ войнѣ кару, ниспосланную на людей Создателемъ за грѣхи ихъ; въ войнѣ они видятъ законъ нравственнаго міроправленія (въ XIX в.—Де-Мэстръ: война есть вѣчное божественное установленіе, благодѣтельно двигающее человѣчество по пути прогресса и не допускающее его погрязнуть въ эгоизмѣ и заботахъ о матеріальномъ благосостояніи). Ф и л о с о ф ы смотрятъ иногда на войну, какъ на неизбѣжное зло, которое даже необходимо для правильнаго теченія жизни человѣчества. Многіе писатели даже поэтизируютъ войну. Гегель говоритъ, что война не абсолютное зло; напротивъ—она „укрѣпляетъ здоровье народовъ", подобно тому; какъ буря предохраняетъ океанъ отъ гніенія и застоя, въ которое онъ впалъ бы отъ вѣчнаго покоя. Подобный же поэтизированный взглядъ на войну, очищающую политическую атмосферу, мы находимъ и у нѣкоторыхъ публицистовъ и даже юристовъ: у Прудона, у Кальво, Лассона, Людера. Этотъ взглядъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, но вообще война ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема такимъ образомъ уже потому, что съ развитіемъ человѣчества взглядъ на условія нравственнаго „здоровья народовъ" мѣняется. Бываютъ, конечно, случаи, когда война оказываетъ благотворное вліяніе на политическую жизнь народа, но такіе случаи свидѣтельствуютъ лишь о ненормальныхъ условіяхъ политическаго и соціальнаго строя народа, а примѣръ послѣдствій, проявившихся въ Германіи въ первыя времена послѣ счастливой для нея войны 1870—71 г. г.—огрубеніе нравовъ, самодовольство ума и милитаризмъ—едва ли могутъ служить аргументомъ благотворнаго вліянія войнъ на прогрессъ цивилизаціи народовъ и на ихъ нравственное оздоровленіе. Примѣнительно къ теоріи

натуралистовъ о законѣ борьбы за существованіе, нѣкоторые смотрятъ на войну, какъ на проявленіе этого закона: она неизбѣжна, какъ одно изъ проявленій борьбы, лежащей въ основѣ всего живущаго: борьба присуща всей жизни природы, она приводитъ къ созданію новаго, болѣе совершеннаго путемъ разрушенія стараго и отжившаго; этому закону природы подчиняется и человѣчество въ своей эволюціи; какъ космическій законъ, война не можетъ, по ихъ мнѣнію, быть названа ни добромъ, ни зломъ; воля людей передъ этимъ закономъ безсильна. Это мнѣніе особенно часто встрѣчается у военныхъ писателей (Мольтке, Рюстовъ). Этотъ взглядъ отчасти справедливъ,—борьба дѣйствительно представляетъ элементъ мірового порядка и служитъ источникомъ всякаго движенія и развитія. Войну, какъ видовое понятіе не слѣдуетъ однако смѣшивать съ борьбою—понятіемъ родовымъ, а видовой признакъ войны—физическое насиліе, совершенно искажаетъ родовую черту—борьбу. Борьба всегда будетъ существовать и въ индивидуальной жизни людей, и въ коллективной, международной, но съ развитіемъ культуры и цивилизаціи она неизбѣжно должна утрачивать свою атавистическую форму физическаго насилія и облекаться въ болѣе отвѣчающую требованіямъ нашего времени форму борьбы духовныхъ силъ. Физическая, матеріальная борьба за существованіе свойственна людямъ на низшихъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія; у цивилизованныхъ народовъ ее замѣняетъ соревнованіе духовныхъ силъ. (Ср. Грабаря, Война и м. право, въ Учен. Зап. Юрьевск. Унив. 1895, № 4).—Взглядъ на войну юристовъ: она не непосредственное и неизбѣжное слѣдствіе несовершенствъ индивидуальной человѣческой природы, не роковой неизмѣнный законъ, подобный явленіямъ физической природы, а результатъ несовершенствъ и недостатковъ общихъ условій культурной, соціальной, экономической и госуд-венной жизни. Исторія показываетъ, что съ измѣненіемъ культурной и государственной организаціи измѣняется и характеръ войны. Слѣдовательно, съ устраненіемъ въ государственномъ строѣ и въ культурѣ человѣчества причинъ, которыя болѣе всего содѣйствуютъ возникновенію войны, случаи такихъ вооруженныхъ международныхъ столкновеній могутъ быть ограничены и быть можетъ даже совершенно устранены. Война—историческій фактъ, при нынѣшнемъ положеніи культуры, экономическаго и политическаго строя и м отношеній неустранимый. Слѣдовательно, безполезно признавать или отрицать ее принципіально съ точки зрѣнія права, т. е. признавать или отрицать ее, какъ законный или незаконный, справедливый или несправедливый, правильный или неправильный способъ разрѣшенія м. несогласій. Почти всѣ новѣйшіе публицисты прямо или косвенно признаютъ войну правомѣрнымъ способомъ рѣшенія для такихъ случаевъ, какъ бы „крайней необходимости“, когда кромѣ силы нѣтъ иного способа найти удовлетвореніе „законнымъ“ требованіямъ, предъявляемымъ однимъ госуд-вомъ другому, причемъ сами спорящіе оцѣниваютъ свои интересы и самостоятельно „суверенно“ рѣшаютъ, съ устраненіемъ всякаго посторонняго „вмѣшательства“, вопросъ о „жизненномъ“ для нихъ значеніи этихъ интересовъ т. е. о томъ стоитъ или не стоитъ изъ за нихъ удовлетворенія рискнуть войной. Поэтому, въ виду безплодности всякихъ стараній объ укорененіи „вѣчнаго мира“ въ м. отношеніяхъ, задача юристовъ должна заключаться въ урегулированіи „законовъ и обычаевъ“ войны, въ установленіи п р а в а в о й н ы.

Являясь искони вѣковъ однимъ изъ (стихійныхъ по мнѣнію многихъ философовъ, богослововъ, юристовъ) способовъ осуществленія государствомъ тѣхъ или иныхъ своихъ цѣлей въ его отношеніяхъ къ другимъ госуд-вамъ въ м. его жизни, война, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ индивидуальной и коллективной жизни людей должна была неизбѣжно стать однимъ изъ объектовъ права, правовой регламентаціи,—и именно —права международнаго.

Стремленіе если не упразднить, то урегулировать, упорядочить этотъ насильственный способъ разрѣшенія м. несогласій, смягчить связанныя съ нимъ бѣдствія и страданія человѣчества встрѣчаемъ съ древнѣйшихъ временъ исторіи человѣчества. Постоянно прибѣгая къ этому способу разрѣшенія м. споровъ, человѣчество всегда сознавало и сознаетъ непригодность голаго насилія, какъ разумнаго средства для этой цѣли. Какъ бы поневолѣ преклоняясь передъ силою и признавая фактическое „право“ сильнаго, человѣчество однако уже при первыхъ проблескахъ культуры начинаетъ стремиться къ ограниченію силы и насилія требованіями гуманности и вноситъ этическій элементъ въ способы примѣненія силы. Войну ради войны, ради одного проявленія своей силы для подчиненія себѣ болѣе слабыхъ, мы встрѣчаемъ лишь на первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры—у дикихъ племенъ, у первобытныхъ народовъ; здѣсь цѣль и результатъ войны—физическое матеріальное подчиненіе, порабощеніе слабаго ради безграничной эксплуатаціи его труда и имущества въ пользу побѣдителя (истребленіе враговъ и, позднѣе, обращеніе покоренныхъ въ рабовъ, уничтоженіе, грабежъ и присвоеніе его имущества). Праву тутъ мѣста нѣтъ, кромѣ такъ называемаго права силы. Смягченія этого безграничнаго „права“ проявляются лишь въ видѣ смягченій, вызываемыхъ мотивами и проявленіями „благородства“ (исконнее требованіе предварительнаго объявленія войны, даже у дикарей; соблюденіе обязательствъ и обѣщаній, данныхъ противнику или обязательствъ, принятыхъ относительно врага; правила добропорядочной войны (bonne guerre), выработанныя средневѣковымъ рыцарствомъ для рыцарской войны,—„великодушія“, иногда гуманности, обусловливаемой либо общечеловѣческими этическими началами, либо религіозными мотивами (христіанства), иногда разумной и дальновидной „политики“ (болѣе прочное замиреніе покореннаго населенія проявленіемъ къ нему мягкости и гуманности). При этомъ наблюдается въ исторіи общее явленіе, что устанавливаемыя обычаемъ правила веденія войны всегда мягче въ отношеніяхъ между народами, стоящими на болѣе близкомъ уровнѣ культуры (напр., различны между собою правила устанавливаемыя Греціей и Римомъ относительно войны между греческ. народами и войны съ варварами; различны принципы *права* войны, высказываемые средневѣковыми богословами и канонистами (даже папами) относительно войны между христіан-

скими народами и войны съ мусульманами и язычниками, таковы, наконецъ, различія въ правилахъ, устанавливаемыхъ мусульманскимъ правомъ (кораномъ) относительно войнъ съ иновѣрцами, (христіанами) и войнъ съ язычниками.—Но всѣ эти попытки регламентаціи правилъ веденія войны, встрѣчаемыя съ древнѣйшихъ временъ (индійскій законодательный кодексъ Ману) ничего общаго съ правомъ не имѣютъ. хотя по названію имъ и придается иногда какъ будто правовой характеръ.—*Впервые* вопросъ *о правѣ войны* ставится въ римской юриспруденціи (феціальное право, позднѣе—Цицеронъ) и у средневѣковыхъ канонистовъ, занявшихся разработкой вопросовъ, касающихся войны—de re bellica въ декретѣ Граціана—и „права" войны—de jure belli—при чемъ высказываются требованія охраны мирн. населенія,—въ частности купцовъ, женщинъ и дѣтей,—запрещеніе отравленнаго оружія и метательныхъ снарядовъ. рекомендуется замѣна обращенія плѣнныхъ въ рабство выкупомъ ихъ и т. п. Юридическій элементъ въ этого рода теоретическихъ трактатахъ и въ м. практикѣ того времени, можно признать лишь въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выдвигается на первый планъ вопросъ о войнѣ, какъ „правомѣрномъ" способѣ разрѣшенія м. несогласій. о правомѣрности примѣненія силы къ ихъ разрѣшенію, при чемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ ставится въ зависимость отъ самаго свойства „причины" войны. отъ характера конфликта правъ или интересовъ, подавшаго поводъ къ войнѣ. Въ этомъ смыслѣ Римская юриспруденція впервые выставляетъ положеніе. что война является правомѣрною (bellum justum) только *для защиты права;* но за то въ правомѣрной, въ этомъ смыслѣ. войнѣ *право побѣдителя* безгранично. Этотъ взглядъ въ обоихъ его направленіяхъ усваивается юристами послѣдующихъ временъ. Такъ, дѣленіе войнъ на правомѣрныя и неправомѣрныя, въ зависимости отъ ихъ цѣли, мы находимъ у средневѣковыхъ юристовъ, при чемъ правомѣрною цѣлью войны признается уже не только защита своего права, но и другія—напр. обращеніе язычниковъ въ христіанство. Установленная юриспруденціею сдержка для примѣненія матеріальной силы, войны, къ разрѣшенію м. несогласій въ видѣ требованія правомѣрныхъ для этого основаній, оказалась однако весьма недостаточною на практикѣ,—она отрицала въ сущности только чисто завоевательныя войны. Обращеніе къ войнѣ воюющіе обычно оправдываютъ необходимостью защиты своего права. Но этотъ критерій правомѣрности, помимо шаткости его основного признака—„право", дѣйствительное или мнимое, произвольно опредѣляемое госуд-емъ,—измѣняется въ зависимости отъ успѣховъ культуры, отъ эволюціи политической мысли и политич. строя народовъ и, наконецъ, отъ эволюціи м. общенія. Нельзя не замѣтить, въ самомъ дѣлѣ, что различнымъ историческимъ эпохамъ свойственны различныя причины войнъ и что съ теченіемъ вѣковъ эти причины войнъ измѣняются соотвѣтственно измѣненію политическихъ и культурныхъ условій жизни человѣчества. Въ исторіи Европы мы можемъ, напр., указать, нѣсколько категорій

такого рода историческихъ, такъ сказать, причинъ войны. Таковы напр. войны феодальныя, характеризующія средне-вѣковый періодъ исторіи Европы, войны религіозныя, раздиравшія Европу даже до XVII в. включительно, войны изъ за экономическихъ и торговыхъ интересовъ (см. стр. 270), войны чисто династическія (за Испанское, за Австрійское, за Баварское наслѣдство), характеризующія въ особенности время полнаго расцвѣта монархическаго абсолютизма въ XVIII в., войны завоевательныя или ради сохраненія т. наз. политическаго равновѣсія и т. п. Въ настоящее время было бы странно услышать оправданіе многихъ изъ такихъ войнъ признававшихся въ свое время правомѣрными. И у современныхъ юристовъ можно найти иногда попытки указанія справедливыхъ, „законныхъ" поводовъ къ войнѣ (оборона, войны за національную независимость и освобожденіе); эта тенденція наблюдается даже въ постановленіяхъ Гаагской конференціи 1899 и 1907 г. Именно конф. 99 г. признала м. третейскій судъ „наиболѣе пригоднымъ" для рѣшенія м. споровъ „по вопросамъ юридическаго свойства и преимущественно—толкованія или примѣненія м. договоровъ" (ст. 16 и ст. 38—1907 г. конвенціи о мирномъ рѣшеніи м. споровъ и заключительный Актъ 1907 г.); она признала также нежелательнымъ примѣненіе войны для принужденія государства къ исполненію его долговыхъ обязательствъ; сверхъ того конференція 1907 г. (въ проектѣ составленномъ въ comité d'examen и принятомъ 32 голосами противъ 9 (въ томъ числѣ главнымъ образомъ Германія) комиссіею для выработки конвенціи о м. третейскомъ судѣ) высказалась вообще за обязательное обращеніе къ суду въ м. спорахъ, не затрагивающихъ „жизненныхъ интересовъ, независимости или чести и правъ суверенитета спорящихъ госуд-въ или касающихся интересовъ третьихъ (неприкосновенныхъ къ спору) госуд-въ". Въ этихъ случаяхъ, слѣд., конференція признаетъ закономѣрность и правомѣрность обращенія къ войнѣ. И дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, въ многочисленныхъ, заключаемыхъ между ними въ послѣднее время договорахъ объ „обязательности" обращенія къ третейскому суду для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ, госуд-ва выговариваютъ себѣ неограниченное право обращаться въ этихъ случаяхъ къ войнѣ, причемъ рѣшеніе вопроса о томъ, затрагиваетъ ли данный споръ жизненные интереса, независимость и честь государства или нѣтъ, разрѣшается, конечно, самими заинтересованными въ спорѣ державами. Очевидно, что и этотъ критерій правомѣрныхъ по своему мотиву войнъ, оказывается совершенно шаткимъ, неюридическимъ и неопредѣленнымъ по существу. Замѣтимъ къ тому же, что даже принявши дѣленіе войнъ на праомѣрныя и неправомѣрныя въ указанномъ смыслѣ вопросъ о „правѣ войны" отъ этого нисколько не выигралъ бы, такъ какъ всѣ войны, независимо отъ ихъ характера, должны подчиняться, въ смыслѣ примѣненія „права войны", однимъ правиламъ и нормамъ (напр. относительно способовъ веденія, юридич. послѣдствій для воюющихъ и нейтральныхъ и т. п.); слѣд. юридическаго значе-

нія разсматриваемая классификація не имѣетъ. Не устраняя практически возможности самыхъ несправедливыхъ войнъ, эта классификація правомѣрныхъ войнъ характеризуетъ лишь (отчасти) взглядъ современныхъ государствъ на правомѣрныя съ ихъ точки зрѣнія причины войны. Для *юридич. конструкціи* права войны и для разрѣшенія многообразныхъ связанныхъ съ ними вопросовъ она совершенно безплодна: мы уже замѣтили, что правомѣрностью войны, т. е. ея причинъ, римскіе юристы и ихъ послѣдователи обуславливали безграничныя „права“ побѣдителя. Эта классификація безплодна и потому еще, что какъ проявленіе государственной „политики“ и стремленія госуд-въ къ осуществленію своихъ политич. задачъ и жизненныхъ цѣлей, въ случаѣ надобности, даже путемъ физической силы, война представляется въ *настоящее* время неотвратимымъ явленіемъ междун. жизни въ виду отсутствія м. *судилища* признаннаго госуд-вами для сужденія объ ихъ спорахъ въ важнѣйшихъ вопросахъ ихъ взаимныхъ отношеній, или *власти* стоящей надъ госуд-вами и обладающей достаточными силами для регулированія м. отношеній, а потому каждое госуд-во (народъ) автономно опредѣляетъ „жизненныя условія“, необходимыя для его существованія и безпрепятственнаго развитія. Притомъ и въ настоящее время экономическій и политическій и соціальный строй общества нерѣдко отражается на войнахъ,—и въ новѣйшее время, не смотря на болѣе или менѣе широкое участіе народа въ управленіи госуд-вомъ, встрѣчаются войны, такъ сказ. правительственныя, вызываемыя соображеніями внутренней политики (для отвлеченія вниманія народовъ отъ внутреннихъ интересовъ—напр. нѣкоторыя войны Наполеона III,—или ради иныхъ политич. цѣлей: напр. франко-прусская война 1870 г., вызванная Бисмаркомъ въ разсчетѣ на объединеніе Германіи [1]). Современная доктрина отказалась поэтому отъ опредѣленія правомѣрныхъ *поводовъ* къ войнѣ и ограничивается формальнымъ опредѣленіемъ ея фактической цѣли и задачъ. *Задачею и цѣлью войны*, по опредѣленію современной доктрины является пріобрѣтеніе, осуществленіе, сохраненіе или возстановленіе спорнаго между двумя госуд-вами публичнаго права или интереса; въ матеріальную оцѣнку этихъ мотивовъ и въ болѣе точную ихъ характеристику доктрина не входитъ. Иногда встрѣчается взглядъ на войну, какъ на *юридическій процессъ* между госуд-вами, какъ на средство возстановленія нарушеннаго

1) Разсматривая вопросъ о причинахъ войны примѣнительно къ нашему времени, можно раздѣлить эти причины на 2 группы: 1) политическія (внѣшнія) причины и 2) культурно-экономическія (внутреннія) причины.—*Политическія причины* наиболѣе подвержены колебаніямъ. Таковы напр. соперничество державъ на Балканскомъ полуостровѣ или, другими словами, восточный вопросъ: отношеніе тройственнаго союза къ Россіи и Франціи; соперничество изъ за колоніальной политики, или изъ-за преобладанія въ африканскихъ государствахъ при Средиземномъ морѣ и на ближнемъ и дальнемъ Востокѣ, и. т. п.—*Внутреннія причины* войны: 1) историческія традиціи (національная враждебность, напр. Франціи и Германіи), 2) экономическая борьба и торговая политика и 3) культурныя (народное воспитаніе, національная исключительность, шовинизмъ и т. п.).

и выясненія спорнаго правоотношенія; и въ практикѣ предпринятая война обычно оправдывается ссылками на совершенное противникомъ *правонарушеніе*. Но такой взглядъ не правиленъ уже потому, что причиною войны далеко не всегда являются *спорныя* правоотношенія; обыкновенно война даже наоборотъ направлена къ разрушенію существующихъ правоотношеній и къ созданію новыхъ соотвѣтственно измѣнившемуся отношенію политическихъ силъ. Можно даже сказать, что въ большинствѣ случаевъ причиною войны являются не правоотношенія, т. е. не интересы госуд-въ, получившіе юридическую охрану, хотя бы въ видѣ м. договора, а интересы, еще такой охраны не имѣющіе. Въ одномъ только отношеніи мож. б. проведена аналогія между войною и суд. процессомъ, это—что *въ результатѣ* войны между воевавшими госуд-вами создается извѣстный комплексъ новыхъ правоотношеній, формулируемыхъ въ *мирномъ договорѣ*. Современная доктрина отказывается отъ опредѣленія и правомѣрныхъ результатовъ войны, какъ и отъ взгляда на войну, какъ на подобіе судебнаго процесса. Только на практикѣ мы иногда встрѣчаемъ, даже въ новѣйшее время, случаи активнаго коллективнаго вмѣшательства постороннихъ (великихъ) державъ для воспрепятствованія войнѣ (напр. Греціи съ Турціею изъ-за Крита) или же вмѣшательства въ установленіе результатовъ войны въ мирныхъ условіяхъ, заключаемыхъ воюющими (напр. Россіи—Турціи въ 1878 г., Японія и Китая 1895 г.). Цѣлью и оправданіемъ такого рода вмѣшательствъ является согласованіе результатовъ войны съ требованіями м. интересовъ или охрана интересовъ м. общенія. Помимо этого современная доктрина и практика ограничиваются *регулированіемъ самаго процесса, способовъ веденія войны и отношеній воюющихъ къ нейтральнымъ*. Этому регулированію значительно способствовало *разграниченіе* въ юриспруденціи *публичнаго права отъ права частнаго* и публично правовыхъ отношеній отъ частноправовыхъ.

Еще въ XVII в. (у Гроція) мы встрѣчаемъ въ доктринѣ дѣленіе войнъ на публичныя—между госуд-вами, частныя—между подданными одного или разныхъ госуд-въ и смѣшанныя—между подданными одного государства и правительствомъ другого. Съ централизаціею правит. власти въ европейскихъ госуд-вахъ устанавливается внутреннее замиреніе госуд-въ (королевскій, земскій миръ) и воспрещеніе частныхъ и смѣшанныхъ войнъ (исключеніе—каперство въ морской войнѣ),—устанавливается взглядъ, что только госуд-во имѣетъ право веденія войны. Но объектомъ этихъ войнъ служилъ непріятель, его владѣнія, имущества публичныя и частныя, населеніе безразлично. Въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются уже первыя попытки различенія и въ этомъ отношеніи, но попытки обосновывавшіяся не юридическими, а болѣе гуманитарными соображеніями (пощада мирнаго населенія и частной собственности). Юридическая конструкція отношеній между воюющими стала возможна лишь по выясне-

ніи основного положенія, что *война есть отношеніе госуд-ва къ госуд-ву*, а не индивидовъ къ индивидамъ, что врагами въ войнѣ являются не частныя лица, а госуд-ва, и что граждане воюющихъ госуд-въ являются врагами лишь въ качествѣ воиновъ. Эти начала, формулированныя на рубежѣ XVШ и XIX вѣковъ *Руссо* и французомъ-юристомъ *Портали-сомъ* и усвоены доктриной. Изъ этого простого положенія вытекаютъ всѣ основныя юридич. нормы *права войны*, т. е. нормы обусловленныхъ войною отношеній между воюющими госуд-вами и ихъ подданными, и—въ частности—нормы, регулирующія способы веденія войны и положеніе частныхъ лицъ и частной собственности во время войны. Такъ, изъ него вытекаетъ выводъ, что орудіемъ и объектомъ войны должны служить лишь организованныя вооруженныя силы госуд-ва (комбатанты), государственныя средства обороны и государственная собственность.

Война съ точки зрѣнія современнаго м. права есть *организованная вооруженная борьба между госуд-вами ради пріобрѣтенія, возстановленія нарушенныхъ или сохраненія или возстановленія спорныхъ публичныхъ правъ или интересовъ, или ради установленія новыхъ правоотношеній путемъ принудительнаго подчиненія воли одной стороны волѣ другой*. Даже вооруженная борьба значительныхъ группъ населенія одного госуд-ва (политич. партій) между собой или съ правительствомъ получаетъ характеръ *войны* со всѣми юридическими отсюда послѣдствіями (возникновеніемъ извѣстныхъ правъ и обязанностей) только въ извѣстныхъ условіяхъ,—м. признанія такой борьбы въ качествѣ междуусобной войны (а не мятежа), а борющейся противъ правительства партіи—воюющей стороной. Признаніе возставшей противъ правительства части населенія (или партіи) воюющею стороной превращаетъ мятежъ, караемый уголовнымъ націон. закономъ, въ правомѣрную съ м. точки зрѣнія войну, со всѣми вытекающими изъ нея для участниковъ и нейтральныхъ правами и обязанностями.

Такъ какъ война есть борьба госуд-въ, то орудіемъ этой борьбы должны служить только *организованныя для этой цѣли* госуд-венныя вооруженныя силы, а не частныя лица, не мирное населеніе. Мирное населеніе принципіально устраняется такимъ образомъ современнымъ правомъ отъ участія въ войнѣ и не только ради сохраненія за войною характера борьбы вооруженныхъ организованныхъ силъ госуд-въ, но и въ виду признанной практической стратегической безполезности такого участія при современныхъ условіяхъ военной техники; возможное тѣмъ не менѣе, участіе мирнаго населенія въ военныхъ дѣйствіяхъ обуслов-

ливается извѣстной регламентаціей, которая уравниваетъ ополченцевъ съ регулярными комбатантами. Но, съ другой стороны, мирное населеніе пользуется охраною своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ (частная собственность въ сухопутной войнѣ) и не во имя произвольныхъ и шаткихъ соображеній и побужденій гуманности, а на основаніи юридическаго принципа, заключающагося въ самомъ м.-правовомъ понятіи войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе вводятся въ надлежащія рамки соображенія „военной необходимости“ (raison de guerre, Kriegsraison), которыми такъ охотно прикрывали военные люди необходимость разрѣшенія воюющимъ полнаго произвола въ способѣ веденія войны (оправданіе запрещеннаго нынѣ права добычи, замѣна насильственныхъ способовъ фуражировки и т. п. платными реквизиціями, воспрещеніе бомбардировки не защищенныхъ мѣстъ и т. п.).

Далѣе, такъ какъ война есть вооруженная борьба, имѣющая цѣлью лишь сломить сопротивленіе непріятеля и заставить его подчиниться требованіямъ побѣдителя (а не наказаніе за правонарушеніе и т. п.), то является не правомѣрною всякая жестокость, не оправдываемая самою цѣлью войны и военною техникою—сломить сопротивленіе непріятеля,—(напр. добиваніе раненыхъ, выбитыхъ изъ строя, просящихъ пощады, плѣнныхъ). Такія требованія, какъ пощада и даже нейтрализація больныхъ и раненыхъ воиновъ пощада сдавшихся и взятыхъ въ плѣнъ; запрещеніе употребленія извѣстнаго рода оружія (разрывн. снаряды) и т. п. являются въ современномъ правѣ войны не въ видѣ обусловленныхъ требованіями религіи или гуманности „смягченій“ *права* войны (какъ у прежнихъ писателей, напр. у Гроція въ его знаменитомъ трактатѣ: „De jure belli ac pacis“ (1625 г.): temperamenta non id quod humanae leges permittunt, sed... quod fas et pium est... humanitatis intuitu), а въ видѣ требованій права. Наконецъ, изъ признанія, что война есть вооруженная борьба между воюющими госуд-вами для разрѣшенія спорнаго между ними отношенія, современное м. право ограждаетъ мирные интересы неприкосновенныхъ спору нейтральныхъ госуд-въ подъ условіемъ ихъ невмѣшательства.

Сама по себѣ война является актомъ политики, происшедшимъ изъ столкновенія интересовъ двухъ госуд-въ, но для него, какъ и для другихъ актовъ внѣшней и внутренней жизни госуд-ва, право ставитъ извѣстныя юридическія нормы, юридическія границы. Задача м. права, конечно, состоитъ въ полной отмѣнѣ войны, ея необходимости, какъ способа рѣшенія несогласій между госуд-вами, но пока эта цѣль не достиг-

нута въ виду извѣстныхъ условій политическаго, экономическаго и соціальнаго строя и культурнаго уровня современныхъ госуд-въ, м. правo должно, съ одной стороны, изыскивать средства для возможно большаго ограниченія случаевъ примѣненія этого средства путемъ изысканія и введенія въ м. практику мирныхъ способовъ разрѣшенія несогласія, а съ другой стороны, м. право должно установить нормы, которыя полагали бы извѣстный предѣлъ неизбѣжнымъ въ силу самой природы человѣка уклоненіямъ воюющихъ отъ требованій справедливости и гуманности. *Законы войны* представляютъ собою совокупность юридич. правилъ, которыми опредѣляются *способы веденія* войны, или, другими словами, степень и мѣра примѣненія силы въ борьбѣ госуд-ва съ непріятелемъ. Вырабатывались и развивались они главнымъ образомъ путемъ обычая, а отчасти—договоровъ, при чемъ нѣкоторые, хотя и насчитываютъ значительное количество участниковъ, но имѣютъ предметомъ лишь единичныя нормы,—напр., Парижская морская декларація 1856 г. (и ея предшественники по содержанію—Акты вооруженнаго морскаго нейтралитета 1780 и 1800 г.) и Петербургская декларація 1868 г. о воспрещеніи разрывныхъ снарядовъ; другіе же—новѣйшаго времени, представляютъ собою кондификацію цѣлыхъ отдѣловъ права и законовъ войны. И въ этомъ, проявляющемся въ особенности въ новѣйшее время настойчивомъ стремленіи культурныхъ госуд-въ, путемъ м. соглашеній не только выяснить и установить, но и кодифицировать нормы какъ *права войны*, т. е. обусловливаемыя войною правовыя отношенія между госуд-вами и ихъ подданными, такъ и *законовъ войны*, т. е. способы ея веденія, и облечь эти нормы юридическою санкціею, т. е. отвѣтственностью за ихъ нарушеніе (Гаага. 1907), нельзя не признать одинъ изъ существенныхъ моментовъ правовой регламентаціи войны. Инициатива такой кодификаціи, если не считать Женевскую конвенцію 1864 г. „объ улучшеніи участи больныхъ и раненыхъ воиновъ“, принадлежитъ ученымъ теоретикамъ (Либеръ, Додлей, Фильдъ, Блюнчли, Доминъ-Петрушевичъ). Составленная въ 1863 г. по порученію президента С.-А. С. Штатовъ Линкольна проф. *Либеромъ „полевая инструкція“* получила законодательную санкцію какъ обязательный для войскъ С. Штатовъ законъ. Въ формѣ кодексовъ составлены были затѣмъ курсы м. права германскаго профессора Блюнчли, американца Додлея Фильда, поляка Доминъ-Петрушевича (всѣ появились почти одновременно въ началѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка). Послѣ франко-прусской войны 1870—71 гг. по иниціативѣ Александра II въ 1874 г. созвана была *Брюссельская конференція* (15 государствъ) съ цѣлью кодификаціи законовъ и обычаевъ сухопутной войны (кодификація нормъ морской войны встрѣтила протестъ со стороны Англіи). Въ основаніе работъ конференціи положенъ былъ проектъ, выработанный проф. Мартенсомъ (см. его—„Восточная война и Брюссельская конференція“). Но выработанная конференціею „декларація“ о законахъ и обычаяхъ войны не была утверждена державами (противъ нея высказались Англія, мелкія госуд-ва и военные, въ особености нѣмецкіе, писатели). Тѣмъ не менѣе, Брюссельская декларація оказала огромное вліяніе въ смыслѣ установленія однообразной военной практики и многія ея положенія очень быстро вошли въ составъ національныхъ военныхъ регламентовъ (Италіи, Сербіи). Указомъ 12. V. 77 г. предписано было русскому военн. начальству „сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ Брюссельскою конференціею 1874 г., насколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенной цѣлью настоящей войны. „На основаніи этого же источника составлено было руководство капитана Піуновскаго: „Законы и правила войны по междун. праву“ (Воен. Сборн. 1877 г. іюнь). Далѣе отмѣтимъ, „Руководство“ (Manuel) Законовъ сухоп. войны, принятое на Оксфордской сессіи Института м. права 1880 г. На первой *Гаагской мирной конференціи* 1899 г. (26 государствъ) подписаны 17. VII: конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны (60 статей), 3 декларации, касающихся военныхъ снарядовъ и конвенція о примѣненіи въ морской войнѣ началъ женевской конвенціи 1864 г. Въ 1906 году пересмотрѣна *женевская конвенція* 1864 г. о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Въ 1907 году *вторая Гаагская мирная конференція* (45 государствъ) пересмотрѣла конвенцію 1899 г. о законахъ и обычаяхъ войны и подписала 11 конвенцій и одну декларацію, касающіяся различныхъ вопросовъ права войны. Наконецъ, на *Лондонской морской конференціи* 1909 г. подписана декларація (71 статья), регулирующая отношенія между воюющими и нейтральными государствами и права послѣднихъ. Так. обр. въ настоящее время имѣется полный международно признанный кодексъ основныхъ нормъ и права войны, и законовъ войны и такъ какъ Гаагскія мирныя конференціи обнаружили тенденцію къ періодическимъ новымъ собраніямъ, то можно ожидать и дальнѣйшаго развитія этой м. кодификаціонной работы.

См. бар. Нольде, Вторая конференція мира, въ Вѣстн. Евр. 1908 № 4; его же, Лондонская декларація о правѣ морской войны, въ Изв. Спб. Полит. Инст., 1910, отд. наукъ экономич. т. XIII; Александренко, Кодификація законовъ и обычаевъ войны, въ Вѣстн. Права 1901 г. № 6.

Признавая войну какъ правомѣрный, хотя и насильственный способъ разрѣшенія м. несогласій, м. право должно разсматривать ее какъ правоотношеніе, т. е. что она порождаетъ извѣстную сумму правъ и обязанностей между воюющими сторонами по отношенію другъ къ другу и между ними и третьими, нейтральными государствами. Нормы, въ которыхъ выражаются эти возникающія изъ состоянія войны правоотношенія, эти взаимныя права и обязанности какъ воюющихъ между собой, такъ и между ними и нейтральными, составляютъ предметъ *права войны*. Субъектами вытекающихъ изъ войны правоотношеній могутъ быть только госуд-ва, какъ носители м.-правовыхъ правомочій и обязанностей, хотя госуд-во можетъ делегировать свое право войны частнымъ лицамъ (колоніальному обществу) или автономной провинціи (колоніи). Какъ мы видѣли выше, мятежная партія въ междуусобной войнѣ можетъ быть признана воюющею стороною, но междуусобная война не есть война въ м. смыслѣ (она не есть борьба двухъ государствъ), поэтому она не поражаетъ интересовъ третьихъ государствъ, она не порождаетъ обязанностей (и правъ) нейтралитета.

Нейтрализованныя государства (напр.. Бельгія, Конго) не имѣютъ права на веденіе войны, за исключеніемъ случаевъ необходимой обороны.

Цѣль войны возстановленіе нарушеннаго права или правомѣрнаго интереса или установленіе новаго, слѣдовательно. *не наказаніе*, не уничтоженіе или порабощеніе противника. Противники находятся юридически въ положеніи полнаго равенства, такъ какъ война замѣняетъ въ м. отношеніяхъ процессъ. соотвѣтствуя одной изъ первобытныхъ формъ его—судебному поединку.

Война *начинается* или фактически, или формальнымъ объявленіемъ извѣстнаго опредѣленнаго момента ея возникновенія (такъ наз., объявленіе войны). Послѣдній способъ безусловно необходимъ; хотя это положеніе не имѣетъ общаго признанія ни въ м. практикѣ, ни въ доктринѣ (у насъ проф. Мартенсъ, проф. Грабарь), но оно обосновывается и этическими, и юридическими соображеніями: если война, т. е. сила и насиліе въ извѣстныхъ случаяхъ средство разрѣшенія м. несогласій, то это не значитъ. что ими можно пользоваться неправомѣрно, разбойнически; строго говоря, если въ моментъ нападенія война не объявлена, а слѣд, мирныя нормальныя отношенія между (хотя бы враждующими) государствами продолжаютъ юридически существовать, то напавшія, хотя бы и государственныя силы должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія м. права какъ вооруженная шайка разбойниковъ, не могущая претендовать на гарантіи, обезпечиваемыя правильнымъ комбатантамъ въ силу м. права войны; наконецъ, фактическое начатіе войны вноситъ хаосъ и неопредѣленность въ м. отношенія. Объявленіемъ войны разумѣется не требованіе церемоніальнаго, торжественнаго извѣщенія, а лишь оффиціальное *объявленіе противнику* дипломатическимъ путемъ о намѣреніи начать войну. Въ послѣднее время объявленіе войны часто замѣняется предъявленіемъ *ультиматума*, т. е. формальнаго дипломатическаго заявленія о томъ, что неисполненіе противникомъ въ извѣстный срокъ опредѣленныхъ требованій равносильно объявленію ему другою стороною войны.

Формальное объявленіе войны можетъ имѣть особенное значеніе для точнаго опредѣленія момента начала войны, такъ какъ съ него вступаетъ въ дѣйствіе состояніе нейтралитета для третьихъ державъ, влекущее за собой извѣстныя юридич. послѣдствія, права и обязанности во взаимныхъ отношеніяхъ нейтральныхъ и воюющихъ государствъ. Оно важно также для исчисленія напр. срока, который дается обыкновенно воюющими купеческимъ судамъ противника для удаленія изъ портовъ. Поэтому мнѣніе проф. Мартенса, что „объявленіе“ войны не представляетъ въ нашъ вѣкъ телеграфа и гласности особенной необходимости, мы считаемъ недостаточно обоснованнымъ.

Что касается м. практики, то въ ней преобладаетъ начатіе военныхъ дѣйствій ранѣе объявленія войны; такъ, Японія объявила войну Китаю 1. VIII. 1894 г., а 25. VII. японскій крейсеръ затопилъ англійское судно, зафрахтованное Китаемъ для перевозки войскъ; въ 1904 г. Японія предъявила Россіи ультиматумъ съ требованіемъ отвѣта безъ опредѣленія срока за 2 дня до ночного нападенія на Портъ Артуръ; тоже наблюдается чаще всего и въ европейскихъ войнахъ. Защитники такого порядка оправдываютъ его тѣмъ, что состояніе войны наступаетъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій вслѣдствіе самого этого *факта*, и только вслѣдствіе его, объявленіе же войны лишь оффиціально *констатируетъ* фактъ открытія войны. Такъ, въ 1898 году 22 IV американскіе крейсеры начали захватывать испанскія суда, и только 25 IV президентъ С. Штатовъ обратился съ посланіемъ къ конгрессу, въ которомъ предлагалъ ему признать состояніе войны съ Испаніею, а конгрессъ отвѣтилъ на него въ тотъ же день резолюціею, признававшею, что состояніе войны между С. Штатами и Испаніею наступило съ 21 IV. Съ точки зрѣнія м. права въ промежутокъ отъ 21 до 25 IV между этими госуд-вами была не война, а состояніе репрессалій.—Въ Гентской своей сессіи 1906

года Институтъ м. права призналъ, что общій м. интересъ требуетъ, чтобы державы не приступали къ военнымъ дѣйствіямъ безъ предварительнаго предупрежденія противной стороны въ формѣ объявленія войны, или же ультиматума. На Гаагской конференціи 1907 г. по иниціативѣ Франціи подписана была III конвенція („объ открытіи военныхъ дѣйствій"), въ которой постановлено, что: „полагая, что для обезпеченія мирныхъ отношеній важно, чтобы военныя дѣйствія не начинались безъ предварительнаго предупрежденія и что важно равнымъ образомъ, чтобы состояніе войны было безъ замедленія оповѣщено нейтральнымъ державамъ, договаривающіяся державы признаютъ, что военныя дѣйствія между ними не должны начинаться безъ предварительнаго и недвусмысленнаго предупрежденія, которое будетъ имѣть или форму мотивированнаго объявленія войны, или форму ультиматума съ условнымъ объявленіемъ войны. Состояніе войны должно быть безъ замедленія оповѣщено нейтральнымъ державамъ и будетъ имѣть для нихъ силу лишь послѣ полученія оповѣщенія, каковое мож. б. сдѣлано даже по телеграфу". Нидерландскіе представители на конференціи предлагали установить 24 часа промежутка между объявленіемъ войны и открытіемъ военныхъ дѣйствій для доставленія возможности нейтральнымъ державамъ предложить свое посредничество для примиренія; это предложеніе было поддержано Россіей, но отклонено конференціею, какъ несогласное съ требованіями военнаго дѣла. Также отклонено было предложеніе Бельгіи, чтобы для нейтральныхъ (особено—имѣющихъ отдаленныя колоніи) юридическія послѣдствія нотификаціи о состояніи войны наступали 48 часовъ спустя послѣ нотификаціи.—Замѣтимъ, впрочемъ, что такъ какъ конвенціею не установлено никакого срока для „предварительнаго предупрежденія" противника, то постановленіе ея на практикѣ можетъ оказаться безполезнымъ, такъ какъ объявленіе войны при такихъ условіяхъ можетъ быть сдѣлано и одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Въ старыя времена объявленіе войны обставлялось особою торжественностью и обрядностью (спеціальные послы, феціалы, герольды); въ новѣйшія времена этого нѣтъ. Требуется лишь, чтобы объявленіе было сдѣлано противнику оффиціально; объявленіе, обращенное только къ собственнымъ подданнымъ или третьимъ госуд-вамъ, но не доведенное оффиціально до свѣдѣнія противника не соотвѣтствуетъ техническому термину „объявленія" войны. Само собой разумѣется, что объявленіе войны можетъ правомѣрно исходить только отъ компетентнаго государ-

ственн. органа и чрезъ посредство компетентнаго органа представительства (министра иностр. дѣлъ или соотвѣтственнаго дипл. агента), причемъ вопросъ о компетенціи разрѣшается на основаніи внутренняго государственнаго права. Въ формальномъ отношеніи необходимо, чтобы объявленіе содержало въ себѣ точное и недвусмысленное заявленіе рѣшенія объявляющаго госуд-ва обратиться къ оружію и войнѣ, а также желательно, въ частности, точное указаніе момента (срока), съ котораго оно рѣшило считать наступленіе состоянія войны; это потому, что состояніе войны порождаетъ извѣстныя особыя правоотношенія, права и обязанности какъ для воюющихъ, такъ и для нейтральныхъ.—Тѣ же требованія примѣняются и къ *ультиматуму*. Подъ нимъ разумѣется условное объявленіе войны, т. е объявленіе противнику, что несовершеніе (или совершеніе) имъ извѣстныхъ дѣйствій или неудовлетвореніе имъ предъявленныхъ ему требованій будетъ признано требующимъ за casus belli (или, какъ принято на дипл. языкѣ—требующій предоставляетъ себѣ свободу дальнѣйшихъ рѣшеній). Ультиматумъ облекается обыкновенно въ форму „ноты" (заявленія), въ которой ясно и точно излагаются категорическія абсолютныя предложенія и требованія по извѣстнымъ точно опредѣленнымъ предметамъ съ требованіемъ столь же точнаго и категорическаго отвѣта въ опредѣленный въ ультиматумѣ срокъ. Пропускъ срока или уклончивый отвѣтъ или отказъ въ принятіи ультиматума разсматриваются, какъ отказъ въ удовлетвореніи требованій. Въ такой формѣ ультиматумъ является вызовомъ на войну и превращается въ формальное объявленіе въ зависимости отъ поведенія адресата. Срокъ для отвѣта назначается, конечно, краткій, не настолько продолжительный, чтобы противникъ могъ воспользоваться имъ для существенныхъ военныхъ приготовленій. Въ 1866 г. Пруссія назначила Ганноверу, Гессену и Саксоніи 24 часа; въ 1898 г. С. Штаты—Испаніи 3 сутокъ; въ 1904 г. Японія не назначила Россіи точнаго срока.

См. Грабарь, Объявленіе войны; бар. Нольде, тоже, въ Правѣ 1904, стр. 425; Овчинниковъ, тоже, въ Морск. Сборн. 1904 № 2.

Съ объявленіемъ войны прекращаются дипломатическія сношенія между воюющими: свой дипломатическій представитель отзывается, а представителю противной стороны вручаются паспорты; обыкновенно отбирается exequatur у консуловъ; защита интересовъ подданныхъ въ странѣ противника препоручается представителямъ одной изъ дружественныхъ державъ.

Война по своимъ цѣлямъ и въ своихъ результатахъ всегда ведетъ къ установленію между воюющими новыхъ политическихъ, юридическихъ, а иногда и экономическихъ отношеній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною войны служило не одно какое-либо конкретное правонарушеніе, а когда причины несогласія коренились разомъ въ нѣсколькихъ сторонахъ взаимныхъ отношеній воюющихъ госуд-въ. Кромѣ того, всякая война отражается тѣми или иными послѣдствіями на экономическомъ, хозяйственномъ и финансовомъ положеніи страны. Этими соображеніями объясняется то, что съ наступленіемъ войны, въ м. практикѣ признаются прекратившими свое дѣйствіе и утратившими силу всѣ не только политическіе, но и неполитическіе договоры и вытекающія изъ нихъ права и обязательства между воюющими госуд-вами (ср. выше стр. 170). Съ другой стороны, во время войны вступаютъ въ силу договоры, заключенные непосредственно между воюющими или же при ихъ прямомъ участіи именно на случай войны, напр., относительно законовъ и обычаевъ войны. Таковы, напр., Парижская морская декларація 1856 г., Женевская конвенція 1864 г. и 1906 г., Гаагскія конвенціи 1899 и 1907 гг.

Объявленіе войны и состояніе войны отражается не только на правовыхъ отношеніяхъ между воюющими госуд-гами и между ними и нейтральными, но и на юридич. положеніи ихъ подданныхъ: подданныхъ противника, живущихъ въ своемъ отечествѣ, подданныхъ противника, живущихъ или временно пребывающихъ на территоріи непріятельскаго госуд-ва и иностранцахъ, подданныхъ нейтральныхъ госуд-въ.

Положеніе иностранцевъ, живущихъ на территоріи воюющаго государства, измѣняется только въ томъ отношеніи, что ихъ торговыя сношенія (сухопутныя) съ другимъ воюющимъ госуд-вомъ приравниваются къ торговымъ сношеніямъ подданныхъ того госуд-ва, въ которомъ они проживаютъ; слѣд., на нихъ можетъ быть распространено запрещеніе такихъ сношеній, если они воспрещены туземцамъ. Они вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняются общимъ правиламъ, существующимъ вообще относительно обязанностей нейтральныхъ госуд-въ и ихъ подданныхъ.

Наконецъ, въ старыя времена иностранецъ подданный госуд-ва, которому объявлена война другимъ госуд-вомъ, въ которомъ онъ пребываетъ, приравнивался къ „непріятелю“ и подвергался военному плѣну (такъ по Гроцію). Во времена Бейнкерсгука (нач. XVIII в.) это право уже „рѣдко практиковалось“, а Ваттель (1758 г.) говоритъ уже, что

нельзя задерживать ни ихъ, ни ихъ имущество, что имъ слѣдуетъ дать достаточный срокъ для выѣзда изъ страны и только въ случаѣ, если они останутся въ странѣ долѣе этого срока, можно поступить съ ними, какъ съ врагами, но вргами безоружными. Такой взглядъ примѣнялся въ особенности къ купцамъ и соотвѣтственныя постановленія можно встрѣтить и въ торговыхъ трактатахъ того времени. Какъ основаніе противъ отпуска ихъ въ отечество приводилось то соображеніе, что они могутъ поступить въ ряды непріятельскаго войска и оказать особыя услуги ему своимъ знакомствомъ съ страной, гдѣ они жили. Въ настоящее время непріятельскіе подданные свободно отпускаются въ отечество; остающіеся же пользуются полицейскою защитою своей безопасности и свободой продолжать обычный мирный промыселъ, но противъ нихъ могутъ быть приняты мѣры предосторожности, напр., имъ можетъ быть воспрещено проживаніе и даже пребываніе въ предѣлахъ и даже въ близости театра военныхъ дѣйствій (Россія—Японія въ 1904 г.). Несомнѣнно противъ отдѣльныхъ непріятельскихъ подданныхъ изъ полицейскихъ соображеній могутъ быть, при достаточномъ къ тому основанію, приняты исключительныя мѣры, напр., воспрещеніе оставаться въ странѣ. Но коллективное, массовое изгнаніе непріятельскихъ подданныхъ можно встрѣтить въ новѣйшей практикѣ лишь въ видѣ исключительнаго явленія (мотивъ: возможность шпіонства, столкновеній съ туземцами, трудности полиц. надзора, нежеланіе распространенія и передачи непріятелю нежелательныхъ свѣдѣній и т. п.). Такого рода исключенія представляетъ массовое изгнаніе нѣмцевъ изъ Франціи въ 1870 г. послѣ 28 VIII въ предвидѣніи осады Парижа (за это Пруссія стребовала съ Франціи при заключеніи мира 100 милл. фр. военнаго вознагражденія за причиненные изгнаннымъ убытки), и изгнаніе въ 1897 г. изъ Турціи всѣхъ греческихъ подданныхъ.—Вышла изъ употребленія въ новое время и практиковавшаяся прежде въ широкихъ размѣрахъ конфискація имущества иностранцевъ, подданныхъ непріятельскаго госуд-га (частное имущество и государственное не различались и непріятельскіе подданные почитались непріятелями). Остаются въ силѣ и долговыя обязательства, даже госуд-венныя, такъ какъ кредиторами госуд-ва (держателями бумагъ) являются частныя лица. Право удаляться изъ непріятельскихъ портовъ въ теченіи извѣстнаго опредѣленнаго срока послѣ обявленія войны предоставлялось въ силу торг. трактатовъ коммерческимъ судамъ противной стороны и въ прежнія времена. Готфель (полов. XIX в.) квалифицировалъ какъ морской разбой всякій захватъ

частнаго судна до объявленія войны. Въ 1854 г. Франція, Англія и Россія, въ 1870 г. Франція и Пруссія, въ 1877 г. Россія безъ всякаго договорнаго обязательства назначили срокъ для свободнаго выхода непріятельскихъ судовъ съ грузомъ, не составляющимъ военной контрабанды. Наконецъ, VI Гаагская конвенція 1907 г. формально воспретила военное эмбарго: признавъ „желательнымъ", чтобы торговымъ судамъ противника, находящимся при началѣ военныхъ дѣйствій въ непріятельскомъ портѣ, было позволено свободно выйти немедленно или по истеченіи достаточнаго льготнаго срока и по снабженіи его пропускнымъ свидѣтельствомъ, и чтобы это же правило соблюдалось и относительно торг. судовъ, вышедшихъ въ море до начала войны и входящихъ въ непріятельскій портъ, не зная о военныхъ дѣйствіяхъ,—конвенція постановляетъ далѣе, что торговое судно, которое, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, не могло бы выйти изъ непріятельскаго порта въ теченіе указаннаго срока или (даже!) которому выходъ не былъ бы разрѣшенъ, *не мож. быть конфисковано*. Воюющій можетъ его только задержать, съ обязательствомъ возвратить его послѣ гойны безъ вознагражденія, а если судно будетъ имъ подвергнуто реквизиціи, то за вознагражденіе. То же и относительно находящагося на такихъ судахъ непріятельскаго груза. Эти гарантіи не распространяются лишь на торговыя суда, коихъ строеніе указываетъ, что они предназначены для обращенія въ суда военныя.

Продолженіе свобсды взаимныхъ торговыхъ сношеній между подданными воюющихъ государствъ находитъ себѣ одинаково и защитниковъ, и противниковъ въ доктринѣ м. права. Замѣтимъ однако, что въ доктринѣ въ настоящее время не существуетъ болѣе сторонниковъ конфискаціи непріятельскаго частнаго груза (кромѣ военной контрабанды) на нейтральныхъ судахъ, и что свобода морской торговли купцовъ съ непріятельскою страною при посредствѣ нейтральныхъ санкціонирована и м. договорами какъ общепризнанная м.-правовая норма. На практикѣ въ прежнее время торговля съ непріятелемъ запрещалась; исключенія изъ этого общаго правила допускались лишь въ видѣ особыхъ разрѣшеній (лицензій) общихъ или спеціальныхъ. Такъ, въ 1860 г. Англія и Франція разрѣшили своимъ подданнымъ морскую торговлю съ Китаемъ, съ которымъ онѣ были въ войнѣ. Англія разрѣшила своимъ подданнымъ въ 1854 г. торговлю съ неблокированными русск. портами, исключая военной контрабандою и только на нейтральныхъ судахъ (чтобы обезопасить англійскіе грузы отъ захвата), а Россія въ томъ же году разрѣ-

шила ввозъ англійскихъ и французскихъ товаровъ. Спеціальныя срочныя лицензіи для ввоза, вывоза и транзита непріятельскихъ товаровъ въ предѣлахъ театра войны выдаются иногда военачальниками. Въ 1904 году Россія и Японія разрѣшили свободу торговыхъ сношеній своимъ подданнымъ.

23 ст. п. з. Гаагскаго Положенія 1907 г. въ числѣ воспрещенныхъ военныхъ средствъ воспрещается „объявлять потерявшими силу, пріостановленными или лишенными судебной защиты права и требованія подданныхъ противной стороны", т. е. всякаго рода претензіи и иски по сдѣлкамъ, заключеннымъ ранѣе объявленія войны. Это постановленіе направлено главнымъ образомъ противъ англо-американской доктрины, опирающейся на томъ соображеніи, что въ силу удовлетворенія иска непріятельскаго подданнаго, послѣднему можетъ быть присуждена денежная сумма, которую онъ можетъ употребить на отечественныя военныя надобности.

Состояніе войны прекращается формальнымъ заключеніемъ мирнаго договора или завоеваніемъ и покореніемъ непріятельской страны. Иногда мирному трактату предшествуетъ заключеніе прелиминарнаго мира, но послѣдній имѣетъ значеніе лишь въ смыслѣ установленія обязательныхъ для сторонъ основныхъ условій примиренія. Съ заключеніемъ мира прекращается состояніе войны для воюющихъ и состояніе нейтралитета для третьихъ державъ и между воюющими возстановляются правильныя мирныя отношенія; дипломатическія сношенія возобновляются взаимнымъ аккредитованіемъ дипломатическихъ (и консульскихъ) агентовъ; обыкновенно въ мирномъ трактатѣ возобновляются договоры, пріостановленные вслѣдствіе войны; плѣнные освобождаются; объявляется амнистія за политическіе и военные проступки, совершенные во время войны лицами населенія уступаемой территоріи противъ пріобрѣтающаго ее государства и къ прежней государственной власти возвращается управленіе частями территоріи, которыя заняты были непріятелемъ.

Окончаніе войны, помимо непосредственной цѣли, съ какою война была начата, ведетъ обыкновенно къ установленію между воюющими новыхъ политическихъ и юридическихъ отношеній. Это бываетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною войны служило не одно какое-нибудь конкретное правонарушеніе, а когда причины несогласія коренились разомъ въ нѣсколькихъ сторонахъ взаимныхъ отношеній воюющихъ государствъ.

Такъ наз. театромъ войны (военныхъ дѣйствій) является сухопутная и водная госуд. территорія воюющихъ госуд-въ и воздушное пространство надъ ними, но метаніе снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ Гаагскою декларацією 1899 г. воспрещено. Онъ обнимаетъ и колоніальныя владѣнія, и автономныя провинціи и подчиненныя воюющимъ полунезависимыя госуд-ва. Онъ распространяется и на территоріи, хотя не принадлежащія госуд-ву, но „занятыя“ имъ въ силу м. договоровъ и „арендованныя“, въ которыхъ оно осуществляетъ верховную власть по м.-правовой делегаціи (Ляодунскій полуостровъ въ 1904—5 г.) Военныя дѣйствія между воюющими производятся и въ открытомъ морѣ, но они не должны противорѣчить основному принципу свободы моря для м. сношеній нейтральныхъ госуд-въ (нельзя признать правомѣрною закладку морскихъ минъ въ открытомъ морѣ). Береговыя воды воюющихъ сторонъ безусловно принадлежатъ къ театру военныхъ дѣйствій. Въ силу особыхъ соглашеній воюющихъ державъ театръ войны можетъ быть ограниченъ путемъ нейтрализаціи отдѣльныхъ частей ихъ территоріи и воспрещенія на нихъ какого бы то ни было рода военныхъ операцій. Само собой разумѣется, что изъ состава театра войны изъемлются и всѣ территоріи, нейтрализованныя въ силу общихъ и постоянныхъ договоровъ. Это касается преимущественно нейтрализованныхъ водныхъ путей сообщенія: м. рѣкъ, Суэцкаго канала, нѣкоторыхъ Іоническихъ острововъ и омывающихъ ихъ водъ, черногорскихъ водъ съ портомъ Антивари и т. п. При этомъ, нужно замѣтить (Листъ) въ частности относительно нейтрализаціи водныхъ путей, нейтрализованныхъ въ силу м. соглашеній, что эта нейтрализація бываетъ двоякаго рода, и соотвѣтственно этому ставитъ ихъ въ двоякое положеніе: 1) возможно, что войскамъ и военнымъ судамъ воюющихъ державъ совершенно запрещенъ доступъ въ нейтрализованную территорію (напр., по договорамъ 1863 и 1864 гг. Іоническіе острова Корфу, Наксосъ и омывающія ихъ воды, по Берлинск. трактату 1878 г. черногорскія воды и Дунай), но возможно, 2) что нейтрализованныя территоріи открыты и во время войны для войскъ и военныхъ судовъ воюющихъ державъ, но безъ права предпринимать здѣсь какія-бы то ни было военныя операціи (напр., по Суэцкому каналу въ силу договора 1888 г., по Панамскому каналу, по Конго и Нигеру; см. выше 257 слѣд.). По мнѣнію Листа, и блокада нейтрализованныхъ рѣкъ или каналовъ должна считаться противною м. праву. Дѣйствительно, въ силу договора 1888 г. она недопустима относительно Суэцкаго канала, а недопустимость ея относительно м. рѣкъ вообще проистекаетъ изъ принципа свободы м. судоходства по нимъ; на нихъ вообще недопустимы никакія военныя предпріятія.

Субъектомъ права войны признается только государство; органомъ госуд-ва при примѣненіи этого права, органомъ, которому дозволяется примѣненіе вооруженной силы и военнаго насилія, признается только войско; слѣд., примѣненіе военной силы допускается только войскомъ и противъ войска. Войскомъ же (арміею) называется вся совокупность организованной вооруженной силы госуд-ва, находящаяся подъ государственнымъ руководствомъ и распознаваемая по опредѣленнымъ внѣшнимъ ясно отличительнымъ знакамъ. Къ арміи причисляются и ополченіе или добровольческіе отряды въ тѣхъ странахъ, гдѣ они составляютъ армію или входятъ въ ея составъ. Въ составъ вооруженныхъ силъ входятъ лица активно участвующія въ военныхъ дѣйствіяхъ (комбатанты) и лица невоюющія (некомбатанты). Комбатанты—это вооруженные воины дѣйствующей арміи, воины запаса и ополченія, призванные на службу и состоящіе въ дѣйствующей арміи и воины иррегулярныхъ но организованныхъ и причисленныхъ къ регулярной арміи войскъ. Лица, которыя не принимаютъ активнаго участія въ войнѣ, но входя въ составъ войскъ служатъ цѣлямъ и успѣшности ея (интенданты, военнополевые чиновники, лица, получившія разрѣшеніе состоять при войскѣ,—иностранные военные агенты, а также маркитанты, поставщики, корреспонденты газетъ) въ случаѣ захвата непріятелемъ подвергаются военному плѣну; употребленіе же оружія какъ имъ, такъ и противъ нихъ запрещается.—Противоположность войску составляетъ мирное населеніе непріятельской страны. Согласно указанному нами выше принципу современнаго м. права мирные жители подданные воюющихъ госуд-въ не разсматриваются какъ непріятели. Въ прокламаціи прусскаго короля Вильгельма къ французамъ 11. VIII. 1870 г. объявлялось: „Я веду войну съ французскими солдатами, а не съ французскими гражданами; эти послѣдніе будутъ поэтому пользоваться полной личной и имущественной безопасностью, пока они сами враждебными дѣйствіями противъ германскихъ войскъ не лишатъ меня права оказывать имъ свою защиту“. Тотъ же принципъ высказывался въ японскихъ прокламаціяхъ, изданныхъ передъ войнами съ Китаемъ 1894 и съ Россіей 1904 г. Такъ какъ война является исключительно борьбою активныхъ вооруженныхъ и организованныхъ силъ воюющихъ госуд-въ, то дѣйствіе ея направлено исключительно противъ этихъ силъ противника и учрежденій, служащихъ для военныхъ цѣлей. Частныя же лица не враги, а становятся вра-

гами лишь въ качествѣ гражданъ, призыгаемыхъ госуд-вомъ къ участію въ выполненіи долга передъ отечествомъ въ качествѣ воиновъ. Так. обр. по отношенію къ мирному населенію примѣненіе вооруженной силы непримѣнимо; но и обратно, активное участіе частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ мирному населенію, въ военныхъ дѣйствіяхъ и вообще всякія враждебныя дѣйствія ихъ противъ войска непріятеля преслѣдуются какъ обыкновенныя преступленія согласно военно-уголовнымъ законамъ и законамъ военнаго времени. Конечно, жители не могутъ равнодушно относиться къ непріятелю, они могутъ также выступать на защиту отечества и военные законы признаютъ такихъ ополченцевъ и волонтеровъ за воюющую сторону, слѣдовательно въ случаѣ захвата непріятелемъ они пользуются правами военноплѣнныхъ и не разстрѣливаются какъ мятежники. Но само собой разумѣется, что защитой м. права не пользуются единичныя выступленія отдѣльныхъ гражданъ и совершаемыя ими враждебныя дѣйствія противъ непріятеля, если только такія лица не принадлежатъ къ составу ополченія или къ добровольческимъ отрядамъ. Что же касается послѣднихъ, то—въ силу 1 ст. Положенія 1899 и 1907 гг.—военные законы, права и обязанности примѣняются не только къ арміи, но также и къ ополченію и добровольческимъ отрядамъ, но подъ условіемъ: 1) чтобы *во главѣ ихъ находилось лицо отвѣтственное* за своихъ подчиненныхъ; 2) чтобы имъ былъ присвоенъ *опредѣленный форменный и при томъ явственно видимый издали отличительный знакъ;* 3) чтобы они *открыто носили оружіе*; 4) чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ они соблюдали *законы и обычаи войны*. Наконецъ, такъ какъ война есть отношеніе государства къ государству, то *правительственное разрѣшеніе* необходимое условіе для всякаго комбатанта (законнаго).—Некомбатантъ, захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, не пользуется защитой м. права.—Въ исторіи войнъ бывали случаи поголовнаго добровольнаго выступленія населенія противъ наступающаго непріятеля. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно не располагающихъ значительными постоянными организованными арміями всенародное ополченіе противъ непріятеля является даже необходимымъ. Поэтому Брюссельская конференція 1874 г. проектировала общее постановленіе, что населеніе не занятой еще непріятелемъ территоріи *поголовно* добровольно вооружившееся въ виду приближающагося непріятеля для защиты отечества, должно быть признано воюющей стороной, если только будетъ соблюдать законы и обычаи войны, хотя бы оно и неуспѣло организоваться, съ оговоркою для такихъ случаевъ, что желательно предупрежденіе непріятеля о поголовномъ возстаніи. Гаагское Положеніе 1907 года (и 1899 г.) постановляетъ: Населеніе не занятой еще непріятелемъ территоріи, которое при приближеніи непріятеля добровольно возьмется за оружіе для борьбы съ вторгающимися войсками и которое не имѣло времени съорганизоваться согласно установленнымъ для ополченій и добровольческихъ отрядовъ правиламъ, будетъ признаваться въ качествѣ воюющаго, если будетъ открыто носить оружіе и будетъ соблюдать законы и обычаи войны. Но вопросъ о возможности или невозможности военно-неорганизованнаго возстанія населенія противъ непріятельскихъ войскъ уже вторгнувшихся и занявшихъ данную территорію, до настоящаго времени остается открытымъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ непріятельская военно-госуд-венная власть фактически замѣняетъ туземную законную власть и такъ какъ правомѣрный „непріятель“, т. е. организованное непріятельское войско, вытѣсненъ изъ занятой территоріи, то оккупантъ всегда имѣетъ основаніе разсматривать такого рода возстаніе съ государственно-правовой точки зрѣнія, т. е. отнестись къ нему какъ къ мятежу и подвергать захваченныхъ имъ участниковъ такого возстанія отвѣтственности по уголовнымъ законамъ военнаго времени какъ мятежниковъ. Такова по крайн. мѣрѣ практика даже новѣйшихъ войнъ.

Основной принципъ, на которомъ построены всѣ эти постановленія тотъ, что непосредственнымъ объектомъ военныхъ дѣйствій должна служить непріятельская армія, т. е. вооруженныя и спеціально для войны организованныя силы воюющаго госуд-ва. Мирное населеніе не имѣетъ права сражаться. Только законные комбатанты и непріятели пользуются охраною военныхъ законовъ и обычаевъ. Некомбатанты имѣютъ право на неприкосновенность жизни во время войны, но подъ условіемъ ненападенія на комбантовъ. Нарушеніе неприкосновенности какъ по отношенію къ мирному населенію со сторны комбатантовъ, такъ и по отношенію къ комб-нтамъ со стороны населенія одинаково признается преступленіемъ, наказуемымъ по военноуголовнымъ законамъ. Ограниченія, постановленныя Гаагскою конференціею для лицъ, добровольно принимающихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, вызваны были необходимостью предупредить анархію и злоупотребленіе какъ со стороны населенія, такъ и армій воюющихъ государствъ, такъ какъ участіе въ военныхъ операціяхъ неорганизованныхъ вооруженныхъ силъ, не принося, при нынѣшнемъ положеніи военной системы и техники, особенной пользы для обороны, компрометируетъ судьбу мирнаго населенія внесеніемъ большей страстности и ожесточенія въ борьбу.

Неприкосновенностью пользуются также *парламентеры*, т. е. лица, которымъ одна изъ воюющихъ сторонъ поручаетъ вести переговоры съ непріятелемъ, а равно и сопровождающія ихъ лица (горнистъ или бара-

банщикъ, переводчикъ и знаменосецъ съ бѣлымъ знаменемъ). Но начальникъ войскъ, къ которому посланъ парламентеръ, не обязанъ принять его при всякихъ обстоятельствахъ; можетъ принять мѣры, необходимыя, чтобы воспрепятствовать парламентеру воспользоваться даннымъ ему порученіемъ для собранія свѣдѣній. Въ случаѣ злоупотребленій со стороны парламентера, онъ можетъ его временно задержать. Парламентеръ теряетъ право на неприкосновенность, если будетъ доказано, что онъ воспользовался своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для подговора къ измѣнѣ или для ея совершенія (32—34 ст. 1907 г.).

Военноплѣнные. Всякій законный непріятель (комбатантъ), обезоруженный противникомъ и попавшій въ его власть, считается военноплѣннымъ. Въ древн. врем. военноплѣнные или подвергались истребленію, или же продавались въ рабство. Въ средніе вѣка сталъ практиковаться выкупъ плѣныхъ. Съ 17-го вѣка стали смягчать ихъ участь, а французская революція отмѣнила принципіально выкупъ и узаконила размѣнъ (обыкновенно —по числу и рангу военноплѣнныхъ); такимъ образомъ военноплѣнный изъ безправной вещи, составляющей собственность взявшаго, становится лицомъ, временно задерживаемымъ государствомъ. Обезоруженный законный непріятель стѣсняется въ личной свободѣ не изъ мщенія и не въ видѣ наказанія, а лишь въ цѣляхъ безопасности, чтобы ослабить численно противника. Поэтому военноплѣнные не заключаются въ мѣста заключенія преступниковъ; они могутъ быть подвергнуты водворенію въ городѣ, крѣпости, лагерѣ или иномъ мѣстѣ съ обязательствомъ не удаляться за извѣстную опредѣленную черту; но собственно заключеніе можетъ быть примѣнимо къ нимъ лишь какъ необходимая мѣра безопасности и исключительно пока существуютъ обстоятельства, вызывающія эту мѣру. Они лишь отсылаются въ отдаленныя отъ центра войны мѣста, гдѣ они пользуются болѣе или менѣе свободой; допускается и отпускъ плѣнныхъ подъ честнымъ словомъ не участвовать болѣе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ нарушеніе даннаго слова влечетъ за собою потерю правъ военнаго плѣна: при вторичномъ захватѣ они подвергаются военн. суду и наказанію (въ Германіи смертной казни). Имущество лично имъ принадлежащее, за исключеніемъ оружія, лошадей и бумагъ военнаго содержанія, не подлежитъ отобранію. Военноплѣнные не могутъ быть принуждаемы къ какимъ либо враждебнымъ дѣйствіямъ противъ своего отечества, или на постройку крѣпостей, или къ какимъ-либо другимъ работамъ изнурительнымъ или унизительнымъ для ихъ военнаго чина. Нижніе чины могутъ быть употребляемы на государственныя, общественныя и частныя работы, не имѣющія никакого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ, съ тѣмъ, что заработанныя ими деньги должны служить средствомъ къ улученію ихъ содержанія, а остатокъ выдается имъ при освобожденіи за вычетомъ расходовъ по ихъ содержанію. Во всякомъ случаѣ содержаніе военноплѣнныхъ въ плѣну (въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ содержанію туземныхъ воинскихъ чиновъ) падаетъ на государственную казну съ правомъ на возмѣщеніе при заключеніи мира. Въ плѣнъ могутъ быть взяты и тѣ лица, которыя, состоя при войскахъ, не входятъ однако въ дѣйствительный составъ ихъ, какъ-то: корреспонденты, маркитанты, поставщики и пр., но только на короткій срокъ, пока не минуетъ опасность, что они перенесутъ противной сторонѣ извѣстія о врагѣ. *Врачебный персоналъ* не долженъ подлежать плѣненію. Военнопленные должны подчиняться мѣстнымъ военнымъ законамъ, а за проступки подлежатъ военному суду. При попыткѣ къ побѣгу дозволяется употребить противъ плѣннаго оружіе; въ случаѣ его поимки онъ подлежитъ дисциплинарному взысканію; но совершенный удачно побѣгъ не влечетъ за собой наказнія. Воюющіе обязаны учредить особыя справочныя бюро относительно военноплѣнныхъ для сообщенія справокъ объ нихъ заинтересованнымъ лицамъ и для храненія имущества военноплѣнныхъ въ случаѣ ихъ смерти. Предусмотрѣны и благотворительныя общества для оказанія помощи военноплѣннымъ. Письма, переводы, деньги и почтовыя посылки, адресуемыя военноплѣннымъ или ими отправляемые, освобождаются отъ почтовыхъ сборовъ, а пожертвованія и вспомоществованія вещами—отъ таможенныхъ сборовъ и отъ провозной платы по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. По заключеніи мира военноплѣнные немедленно освобождаются. Иногда и во время войны производится размѣнъ плѣнныхъ по взаимному соглашенію воюющихъ.

Подъ законы о военноплѣнныхъ не подходятъ шпіоны, мародеры, дезертиры,—такъ какъ они не признаются законными непріятелями. *Дезертиръ* (бѣглый военный) въ случаѣ захвата его въ рядахъ непріятельской арміи, судится какъ измѣнникъ. *Мародеры*, занимающіеся ограбленіемъ мертвыхъ и раненыхъ на поляхъ сраженій, подвергаются смертной казни на мѣстѣ преступленія. Также по давнему обычаю подвергался разстрѣлянію или повѣшенію шпіонъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія. Шпіономъ (лазутчикомъ) называется, лицо, которое *тайнымъ и обманнымъ образомъ*, или подъ *ложными предлогами* собираетъ или старается собрать свѣдѣнія *въ районѣ дѣйствія* непріятеля *съ на-*

мѣреніемъ сообщить эти свѣдѣнія противной сторонѣ. При квалификаціи преступленія, *мотивъ во вниманіе не принимается*. Подъ понятіе шпіоновъ не подходятъ, слѣдовательно, *развѣдчики*, т. е. военные чины, которые въ формѣ (слѣдовательно, не скрывая своего военнаго званія) проникаютъ для собиранія свѣдѣній въ районъ дѣйствій непріятельской арміи; сюда не могутъ быть отнесены и воздухоплаватели, составляющіе военную команду и лица, хотя бы и не воинскаго званія, открыто исполняющія данныя военнымъ начальствомъ порученія, состоящія въ передачѣ депешъ и собщеній въ свою собственную или въ непріятельскую армію. Въ случаѣ захвата такіе развѣдчики подвергаются военному плѣну. Строгое наказаніе, какому подвергаются шпіоны, оправдывается отчасти крайнимъ вредомъ и опасностью ихъ занятія для воюющаго. Гаагскій регламентъ требуетъ однако, чтобы шпіоны предавались военному суду, а не казнились суммарнымъ порядкомъ (29—31 ст. 1907 г.).

Незаконныя средства веденія войны. Хотя война выражается употребленіемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны воюющихъ другъ противъ друга, при чемъ допускается относительно комбатантовъ лишеніе жизни, искалеченіе, а относительно непріятельскихъ имуществъ—поврежденіе и даже истребленіе, но всѣ эти насильственыя мѣры допускаются и признаются законными лишь по стольку, *по скольку они безусловно необходимы для достиженія цѣли войны*, т. е. для того, чтобы сломить сопротивленіе непріятеля, или обуславливаются военною техникой. Поэтому современная военная практика безусловно осуждаетъ, съ одной стороны, *безполезную жестокость* и намѣренное причиненіе безполезныхъ страданій противнику, а съ другой—*средства вѣроломныя и предательскія*.

На этомъ основаніи запрещается: 1) *Употребленіе яда* или отравленнаго оружія (отравленіе колодцевъ). 2) *Вѣроломное убійство* или раненіе лицъ, даже принадлежащихъ къ непріятельской арміи. 3) *Убійство или раненіе беззащитнаго или сдавшагося* непріятеля. 4) *Объявленіе, что* врагу *не будетъ дано пощады*. 5) *Употребленіе разрывныхъ снарядовъ* вѣсомъ менѣе 400 гр. (1 ф.), запрещенное С.-Петербургскою декларацією 1868 г. (ручныя гранаты въ русско-японской войнѣ!) и вообще употребленіе оружія, снарядовъ или веществъ, способныхъ причинить излишнія страданія, а также метаніе снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ и употребленіе „*снарядовъ*, имѣющихъ *единственнымъ* назначеніемъ распространять удушающіе или вредоносные *газы*“. Въ 1868 г. на Петербургской конференціи Пруссія предлагала м. запрещеніе различныхъ метательныхъ снарядовъ, но Англія не согласилась на это; свое несогласіе она мотивировала тѣмъ, что въ виду численной слабости своей арміи, она-де не можетъ пренебрегать возможными компенсаціями въ области изобрѣтеній и усовершенствованій военной техники. 7) Употребленіе „пуль легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболоченыя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника, или имѣютъ нарѣзы“—т. наз. *разрывныя пули*. (По слухамъ, Японцы, несмотря на то, что ихъ правительство подписало 3-ю Гаагскую декларацію 1899 года, содержащую это запрещеніе, употребляли иногда разрывныя пули во время войны 1904—1905 года). 8) *Незаконное пользованіе парламентерскимъ* или національнымъ *флагомъ, женевскимъ крестомъ*, военными знаками или форменной одеждой непріятеля. 9) *Истребленіе или захватъ собственности* непріятеля не вызванные крайнею военною необходимостью, а также разграбленіе, даже взятой приступомъ мѣстности. 10) *Атака и бомбардированіе открытыхъ* и незащищенныхъ военною силою городовъ, жилищъ или строеній и 11) *Подстрекательство населенія къ возстанію* противъ законнаго правительства или принужденіе подданныхъ противной стороны къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ ихъ страны, даже въ томъ случаѣ, если до начала войны они были на службѣ принуждающаго ихъ къ тому госуд-ва.

Бомбардированіе защищенныхъ (т. е. обороняющихся) мѣстъ допускается. Но начальникъ нападающихъ войскъ, прежде чѣмъ приступить къ бомбардированію, за исключеніемъ случаевъ атаки открытою силою (т. е. штурма), долженъ сдѣлать все отъ него зависящее, для предупрежденія объ этомъ мѣстныхъ властей. При осадахъ и бомбардировкахъ должны быть приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, зданія, служащія цѣлямъ науки, искусствъ и благотворительности, историческіе памятники, госпитали и мѣста, гдѣ собраны больные и раненые, подъ условіемъ, чтобы таковыя зданія и мѣста не служили одновременно военнымъ цѣлямъ. (Въ 1870 году отъ бомбардировки пруссаками погибла знаменитая Страсбургская библіотека и пострадалъ соборъ). Осаждаемые обязаны обозначить эти мѣста и зданія особыми видимыми знаками, о которыхъ осаждающіе должны быть заранѣе поставлены въ извѣстность (26 и 27 ст. 1907 года). По случаю осады Парижа пруссаками въ 1870 г. поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи права безпрепятственнаго выѣзда мирнымъ

жителямъ осажденнаго города, въ частности—больнымъ, престарѣлымъ, женщинамъ и дѣтямъ; нѣмцы не согласились на это изъ стратегическихъ соображеній,—въ разсчетѣ на скорѣйшее истощеніе продовольственныхъ запасовъ и на моральное воздѣйствіе страданій населенія на военачальниковъ, могущее побудить ихъ къ скорѣйшей сдачѣ. Пруссаки бомбардировали Парижъ безъ предупрежденія. Не согласился также кн. Бисмаркъ и на требованіе иностранныхъ дипл. представителей въ осажденномъ Парижѣ, чтобы имъ было предоставлено право безпрепятственныхъ сношеній съ ихъ правительствами. Оба эти вопроса остались донынѣ неразрѣшенными и на Гаагскихъ конференціяхъ. Въ 1904 году японцы предлагали свободное удаленіе женщинъ и дѣтей изъ Порт-Артура и предупредили о бомбардированіи.

Недисциплинированность, свирѣпость, жестокости и грабежи, которые позволяли себѣ въ 1870 г. причисленные къ французской арміи тюркосы подали поводъ Брюссельской конференціи 1874 г. рекомендовать воспрещеніе употребленія недисциплинированныхъ дикихъ племенъ въ видѣ вспомогательныхъ войскъ въ войнахъ по крайней мѣрѣ между культурными народами. Поведеніе башибузуковъ и арнаутовъ во время русско-турецкой войны 1877—76 гг. вполнѣ оправдало это предположеніе конференціи. Тѣмъ не менѣе междун. соглашенія въ этомъ смыслѣ донынѣ не состоялось; слѣд., употребленіе дикарей въ войнахъ между культурными госуд-вами слѣдуетъ признать допустимымъ, но за ихъ поведеніе, конечно, отвѣчаетъ въ порядкѣ 3 ст. IV конвенціи 1907 г. госуд-во, пользующееся такого рода вспомогательными военными силами. Впрочемъ, въ войнѣ 1877 г. Россія отвѣчала на жестокости башибузуковъ репрессаліями,—разстрѣломъ ихъ вмѣсто военнаго плѣна.

Военныя хитрости (напр., распространеніе ложныхъ извѣстій) и употребленіе способовъ, необходимыхъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ и мѣстности, считаются дозволенными.

Военною практикою допускаются донынѣ *репрессаліи*, т. е. насильственныя дѣйствія противъ комбатантовъ и даже мирныхъ гражданъ противной стороны въ *возмездіе* за допущенныя противникомъ нарушенія правилъ или законовъ войны. Донынѣ условія и предѣлы примѣненія репрессалій не регулированы никакимъ м. соглашеніемъ и они примѣнялись въ войнахъ XIX вѣка (пруссаками въ 1870—71 г.) съ такою же жестокостью, какъ и въ старыя времена, не смотря на очевидную ихъ несправедливость въ томъ смыслѣ, что „лично ничѣмъ неповинные отдѣльные комбатанты или даже мирные граждане являлись отвѣтственными за дѣйствительныя или даже предполагаемыя нарушенія высшимъ

начальствомъ законовъ и обычаевъ войны, не всегда еще общепризнанныхъ и одинаково истолковываемыхъ“ (Даневскій). *Русскій проектъ Брюссельской декларації* 1874 г. предлагалъ, чтобы право на назначеніе репрессалій принадлежало только главнокомандующему или командиру отдѣльнаго корпуса, чтобы онѣ примѣнялись лишь въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ и несомнѣнныхъ нарушеніяхъ правилъ войны, были всегда соразмѣрны съ вызвавшимъ ихъ правонарушеніемъ и примѣнялись съ соблюденіемъ требованій гуманности. Конференція не приняла этого предложенія дабы не санкціонировать примѣненіе репрессалій на войнѣ; тѣмъ не менѣе русское военное начальство примѣняло эти принципы во время послѣдней турецкой войны, при чемъ практиковалось даже предупрежденіе начальства турецкихъ войскъ о томъ, что въ такомъ то случаѣ будутъ примѣнены репрессаліи. Едва ли возможно впрочемъ возраженіе противъ мнѣнія Мартенса, что виновное въ нарушеніи военныхъ законовъ лицо, захваченное непріятелемъ, не можетъ претендовать на права военнаго плѣна, а подлежитъ военно-полевому суду. какъ уголовный преступникъ.

Частная собственность, движимая и недвижимая мирн. гражданъ въ сухопутной войнѣ неприкосновенна. Нарушеніе этого принципа возможно только въ случаяхъ т. наз. военной необходимости: напр., разрушеніе частныхъ зданій, въ которыхъ укрылся непріятель. Въ прежнія времена подъ предлогомъ военной необходимости допускались самыя вопіющія нарушенія частной собственности въ видѣ безплатныхъ фуражировокъ и реквизицій. Подъ реквизиціями разумѣется принудительная доставка непріятелю натурой извѣстныхъ предметовъ, необходимыхъ для продовольствія людей и животныхъ,—провіанта, фуража. Въ настоящее время реквизиціи оплачиваются или же за нихъ выдаются квитанціи, оплачиваемыя по заключеніи мира. (Объ этомъ см. ниже). О мѣрахъ охраны частной собственности мы уже говорили (см. запрещенные способы военныхъ дѣйствій).

Больные и раненые въ сухопутной войнѣ. Начиная съ XVI в. въ исторіи м. отношеній встрѣчается довольно значительное количество договорныхъ соглашеній между отдѣльными государствами, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе и облегченіе участи раненыхъ. Первое м. соглашеніе по этому вопросу относится къ 1864 г., когда въ Женевѣ подписана была 12 государствами Женевская „конвенція для улучшенія участи раненыхъ и больныхъ въ дѣйствующихъ арміяхъ“. Происхожденіе ея тѣснымъ образомъ связано съ появленіемъ въ свѣтъ сочиненія доктора Дюнана „Un Souvenir de Solferino“ 1862 г. Авторъ былъ очевидцемъ битвы

при Сольферино 1859 г. и живыми красками изобразилъ несчастное положеніе раненыхъ, которые погибали тысячами не столько отъ ранъ, сколько вслѣдствіе недостаточнаго за ними ухода и врачебной помощи. Онъ высказалъ мысль объ организаціи такой помощи; мысль эта нашла поддержку въ Женевскомъ „обществѣ общественной пользы", предсѣдателемъ котораго Густавомъ Муанье былъ организованъ въ 1863 г. международный съѣздъ въ Женевѣ. На съѣздѣ былъ принятъ проектъ устройства въ каждомъ государствѣ частныхъ національныхъ комитетовъ для помощи раненымъ (обществъ Краснаго Креста) съ объединяющимъ ихъ дѣятельность международнымъ Женевскимъ комитетомъ Кр. Креста и было выражено желаніе, чтобы походные лазареты и медицинскій персоналъ были поставлены подъ охрану нейтралитета. Желаніе это могло быть осуществлено только посредствомъ общаго международнаго дипломатическаго соглашенія, которое и было заключено въ 1864 г. на международной конференціи въ Женевѣ, созванной по приглашенію Швейцарскаго союзнаго совѣта. Къ подписавшимъ конвенцію 12 государствамъ постепенно присоединились впослѣдствіи другія, такъ, что къ 1906 г. число ихъ дошло до сорока. Въ 1868 г. въ Женевѣ собралась новая конференція, выработавшая проектъ дополнительныхъ постановленій къ конвенціи 1864 г. Но „дополнительныя постановленія" не были подписаны державами и обязательной силы не получили, хотя въ послѣднихъ войнахъ они отчасти исполнялись. Гаагская конференція 1899 года распространила дѣйствіе Женевской конвенціи и на морскія войны. Это постановленіе подтверждено и въ 1907 г. Что же касается примѣненія Жен. конвенціи въ сухопутной войнѣ то объ Гаагскія конвенціи ограничились (ст. 21 Положенія) постановленіемъ, что „обязанности воюющихъ сторонъ, относящіяся къ уходу за больными и ранеными, опредѣляются Женевскою конвенціею". Въ силу этого постановленія всѣ державы, подписавшія Гаагскія конвенціи, даже въ томъ случаѣ, если онѣ раньше и не присоединились къ Женевской конвенціи, обязаны слѣдовать ей.—(См. Богаевскаго, Красный Крестъ; Ивановскій, Женевская конвенція).

Постановленія Женевской конвенціи 1906 г., подобно конвенціи 1864 г., распространяются только на сухопутную войну; принципы, лежащіе въ основаніи ея распространены на морскую войну Гаагскою конференціею 1899 и X конвенціею 1907 г. (объ этомъ см. ниже). Постановленія ея обязательны лишь для подписавшихъ ее державъ на случай войны между ними и они утрачиваютъ свою обязательность, когда одна изъ воюющихъ державъ не принадлежитъ къ числу подписавшихъ ее. Постановленія ея слѣдующія: Больные и раненые воины и другія, оффиціально состоящія при арміяхъ лица, должны пользоваться безъ различія національности, покровительствомъ и уходомъ со стороны воюющаго, во власти коего они окажутся. Во всякомъ случаѣ воюющая сторона, принужденная оставить непріятелю больныхъ или раненыхъ, должна оставить вмѣстѣ съ ними, насколько то позволятъ военныя обстоятельства, часть своего санитарнаго персонала и снаряженія для содѣйствія уходу за ними. Пользуясь необходимымъ уходомъ со стороны непріятеля, раненые или больные одной арміи, попавшіе во власть другой воюющей стороны, признаются военноплѣнными и къ нимъ примѣняются правила м. права, касающіяся плѣнныхъ. Воюющимъ предоставляется, однако, устанавливать между собою по отношенію къ раненымъ или больнымъ плѣннымъ особыя правила, въ частности: о взаимной передачѣ другъ другу послѣ боя раненыхъ, оставленныхъ на полѣ сраженія; объ отсылкѣ на родину раненыхъ или больныхъ, которыхъ онѣ не пожелаютъ оставить въ качествѣ плѣнныхъ, послѣ того, какъ состояніе ихъ здоровья допуститъ ихъ отправку; о передачѣ раненыхъ или больныхъ непріятеля нейтральному государству, съ согласія послѣдняго и если онъ обяжется содержать ихъ у себя до окончанія военныхъ дѣйствій.—Послѣ каждаго боя сторона, занимающая поле сраженія, должна принять мѣры къ розысканію раненыхъ и къ огражденію, какъ ихъ, такъ и мертвыхъ, отъ ограбленія и дурного обращенія. Она должна озаботиться, чтобы погребенію, или сожженію мертвыхъ предшествовалъ тщательный осмотръ ихъ труповъ. При первой возможности, каждая воюющая сторона, должна препроводить удостовѣряющіе личность военные знаки или документы, найденные на трупахъ, а также поименные списки раненыхъ и больныхъ, ею подобранныхъ властямъ ихъ страны или арміи. Воюющія стороны должны увѣдомлять другъ друга относительно мѣстъ содержанія и перемѣщенія раненыхъ и больныхъ, находящихся въ ихъ власти, равно какъ и о смертныхъ случаяхъ среди нихъ. Онѣ принимаютъ на храненіе всѣ предметы личнаго употребленія, цѣнности, письма и т. д., которыя будутъ найдены на полѣ сраженія или оставлены ранеными или больными, скончавшимися въ санитарныхъ учрежденіяхъ, для доставленія ихъ заинтересованнымъ лицамъ черезъ посредство властей ихъ страны.—Военное начальство можетъ обращаться съ призывомъ къ человѣколюбію мѣстныхъ жителей, предлагая имъ подъ контролемъ военныхъ властей, подбирать раненыхъ и больныхъ, принадлежащихъ къ арміямъ, и ухаживать за ними, предоставляя при этомъ лицамъ, отозвавшимся на призывъ, особое покровительство и нѣкоторыя льготы.—Подвижныя санитарныя учрежденія (т. е. такія, которыя предназначены сопровождать арміи въ походѣ, наприм., полевые лазареты), а также постоянныя санитарныя учрежденія должны пользоваться покровительствомъ и охраной воюющихъ сторонъ. Покровительство санитарнымъ учрежденіямъ прекращается въ случаѣ

пользованія ими во вредъ непріятелю. Но они не лишаются покровительства: 1) Если персоналъ санитарнаго учрежденія вооруженъ и пользуется своимъ оружіемъ для самозащиты или защиты своихъ больныхъ и раненыхъ; 2) Если въ виду отсутствія вооруженныхъ лицъ врачебно-санитарнаго персонала, санитарное учрежденіе охраняется пикетомъ или часовыми, снабженными надлежащимъ удостовѣреніемъ; 3) Если у нихъ находятся оружіе и патроны, снятые съ раненыхъ и не сданные еще по принадлежности.— Лица, предназначенныя исключительно для подбиранія, перевозки и леченія раненыхъ и больныхъ, а также принадлежащія къ администраціи санитарныхъ учрежденій и духовенство, состоящее при арміяхъ, должны пользоваться покровительствомъ при всѣхъ обстоятельствахъ; если они попадутъ въ руки непріятеля, то съ ними не можетъ быть поступлено какъ съ военноплѣнными. Эти постановленія относятся и къ личному составу охраны санитарныхъ учрежденій. Къ санитарному персоналу приравнивается персоналъ обществъ частной помощи, признанныхъ и уполномоченныхъ своимъ правительствомъ, употребляемый для санитарныхъ учрежденій при арміяхъ, подъ условіемъ подчиненія его военнымъ законамъ и постановленіямъ. Каждое государство должно сообщать другому наименованія обществъ, которыя оно уполномочило подъ своей отвѣтственностью оказывать содѣйствіе оффиціальной санит. службѣ. Признанное общество нейтральной страны можетъ предоставить содѣйствіе своего персонала и санитарныхъ учрежденій воюющей сторонѣ не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія своего правительства и съ согласія самой воюющей стороны. Воюющая сторона, принимающая подобную помощь, обязана ранѣе какого-либо пользованія ею извѣстить о томъ своего непріятеля. Если перечисленныя выше лица попадутъ во власть непріятеля, то они должны продолжать исполненіе своихъ обязанностей, согласно его указаніямъ. По минованіи необходимости въ ихъ содѣйствіи, эти лица должны быть возвращаемы къ своимъ арміямъ или на родину въ сроки и по путямъ слѣдованія, согласно военнымъ требованіямъ. При этомъ они имѣютъ право взять съ собою вещи, инструменты, оружіе и лошадей, составляющіе ихъ частную собственность. Непріятель долженъ обезпечить этимъ лицамъ, пока они будутъ состоять въ его власти, то же самое довольствіе и то же жалованіе, какъ и персоналу соотвѣтствующихъ степеней его собственной арміи.—Подвижныя санитарныя учрежденія, въ случаѣ если они попадутъ во власть непріятеля, сохраняютъ свою матеріальную часть, включая сюда и запряжки. Однако, подлежащее военное начальство можетъ пользоваться ими для ухода за ранеными и больными; возвратъ матеріальной части долженъ совершаться на условіяхъ, предусмотрѣнныхъ для санитарнаго персонала, и по возможности въ тотъ же срокъ. Зданія и матеріальная часть постоянныхъ санитарныхъ учрежденій остаются подчиненными дѣйствію законовъ войны, т. е. праву захвата, но не могутъ получать другого назначенія, пока будутъ нужны для раненыхъ и больныхъ. Въ случаѣ, однако, серьезной военной необходимости, начальники дѣйствующихъ отрядовъ могутъ ими располагать, предварительно обезпечивъ участь раненыхъ и больныхъ, тамъ нуждающихся. Матеріальная часть обществъ частной помощи, допущенныхъ къ пользованію преимуществами, установленными конвенціею, разсматриваются какъ частная собственность и въ качествѣ таковой пользуется покровительствомъ при всѣхъ обстоятельствахъ, исключая права реквизиціи, какое признается за воюющими сторонами по законамъ и обычаямъ войны. Съ эвакуаціонными транспортами слѣдуетъ поступать какъ съ подвижными санитарными учрежденіями за исключеніемъ слѣдующихъ особыхъ постановленій: 1) Воюющая сторона, захватившая транспортъ, можетъ распорядиться имъ согласно военной необходимости, но должна при этомъ взять на себя попеченіе о находящихся въ немъ больныхъ и раненыхъ. 2) Въ семъ случаѣ обязанность обратной отсылки санитарнаго персонала, предусмотрѣнная ст. 12, будетъ распространена на весь воинскій персоналъ, предназначенный для сопровожденія или охраны транспорта. Обязательство возврата санитарной матеріальной части относится и къ желѣзнодорожнымъ поѣздамъ, и къ судамъ внутренняго плаванія, спеціально оборудованнымъ для эвакуаціи; равнымъ образомъ и къ предметамъ служащимъ для приспособленія обыкновенныхъ повозокъ, поѣздовъ и судовъ къ санитарной службѣ. Военныя повозки, кромѣ принадлежащихъ санитарной службѣ, могутъ быть захватываемы совмѣстно съ ихъ запряжками. Изъ уваженія къ Швейцаріи геральдическій знакъ Краснаго Креста на бѣломъ полѣ, образуемый путемъ обратнаго расположенія федеральныхъ цвѣтовъ, сохраняется какъ эмблема и отличительный знакъ санитарной службы армій. Эта эмблема должна быть изображена на флагахъ, на нарукавныхъ повязкахъ и на всѣхъ предметахъ, относящихся къ санитарной службѣ. Персоналъ, пользующійся покровительствомъ на основаніи конвенціи, носитъ на лѣвой рукѣ постоянную повязку съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Отличительный флагъ Конвенціи можетъ быть поднятъ только на санитарныхъ учрежденіяхъ, коимъ онъ присваиваетъ покровительство, и притомъ съ согласія военнаго начальства. Вмѣстѣ съ нимъ долженъ быть поднятъ національный флагъ воюю-

щей стороны, которой принадлежитъ данное учрежденіе. Однако, санитарныя учрежденія, попавшія во власть непріятеля, не должны подымать иного флага, кромѣ флага Краснаго Креста, пока будутъ находиться въ его власти. Санитарныя учрежденія нейтральныхъ странъ, допущенныя къ оказанію содѣйствія, должны подымать вмѣстѣ съ флагомъ Конвенціи національный флагъ воюющей стороны, при которой они состоятъ. Эмблема Краснаго Креста на бѣломъ полѣ и слова: „Красный Крестъ“ или „Женевскій Крестъ“ могутъ быть употребляемы какъ въ мирное, такъ и въ военное время, исключительно для покровительства или обозначенія санитарныхъ учрежденій, а также личнаго состава и имущества, покровительствуемыхъ Конвенціею. Главнокомандующіе арміями воюющихъ сторонъ имѣютъ наблюденіе, за исполненіемъ конвенціи, а также разрѣшаютъ не предусмотрѣнные ею случаи. Правительства, подписавшія Конвенцію обязуются принять мѣры для ознакомленія своихъ войскъ и въ особенности покровительствуемаго персонала, съ постановленіями Конвенціи и къ объявленію ихъ всему населенію. Правительства, подписавшія конвенцію, обязуются принять мѣры, необходимыя для воспрепятствованія частнымъ лицамъ или обществамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя на это имѣютъ право въ силу Конвенціи, пользоваться эмблемою или наименованіемъ „Краснаго Креста“ или „Женевскаго Креста“, въ частности въ коммерческихъ цѣляхъ, посредствомъ фабричныхъ или торговыхъ знаковъ. Правительства, подписавшія Конвенцію, обязуются равнымъ образомъ принять или предложить на утвержденіе своихъ законодательныхъ учрежденій, въ случаѣ недостаточности ихъ военно-уголовныхъ законовъ, необходимыя мѣры для преслѣдованія во время войны отдѣльныхъ случаевъ грабежа и дурного обращенія съ ранеными и больными армій, а равнымъ образомъ и къ наказанію злоупотребленія флагомъ и повязкой Краснаго Креста военными или частн. лицами, не состоящими подъ покровительствомъ Конвенціи.

Права оккупанта. Непріятельская армія, занимая часть территоріи противника, получаетъ тамъ извѣстную власть надъ учрежденіями, населеніемъ и имуществомъ. Эта власть можетъ носить либо *фактическій* только, либо *юридическій* характеръ, смотря по свойству военнаго занятія непріятельской территоріи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отличать понятіе о военной окупаціи, о военномъ занятіи отъ понятія о нашествіи и завоеваніи. *Нашествіе* есть преходящее *кратковременное занятіе* непріятельской территоріи и не создаетъ никакихъ юридическихъ отношеній между непріятелемъ и мѣстнымъ населеніемъ и его властью. *Завоеваніе* необходимо предполагаетъ намѣреніе навсегда присоединить фактически занятую область и потому является лишь послѣдствіемъ войны; до окончанія войны власть непріятеля въ занятой имъ территоріи противника чисто фактическая, пока она не будетъ санкціонирована мирнымъ трактатомъ или фактическимъ упраздненіемъ (окончательнымъ) туземной госуд. власти. Среднее положеніе занимаетъ *оккупація,—временное, но длящееся* военное занятіе непріятельской территоріи.

Территорія признается занятою непріятелемъ въ томъ только случаѣ, если она *дѣйствительно подчиняется* его власти; съ другой стороны непріятельское занятіе распространяется только на мѣстности, въ которыхъ непріятельская власть утвердилась и дѣйствуетъ. При этомъ положеніи отечественная власть *фактически* упраздняется, фактическая власть переходитъ въ занятой странѣ къ непріятелю, но юридически отечественная власть вслѣдствіе одного *факта* занятія не можетъ быть упразднена—она лишь вытѣсняется и лишена возможности функціонировать. Съ другой стороны, и оккупантъ не пріобрѣтаетъ правъ государственной власти:—его власть въ занятой имъ странѣ покоится исключительно на правѣ войны и его права ограничиваются *необходимостью сохраненія гражданскаго и общественнаго порядка* въ занятой по праву войны мѣстности, при чемъ его правительственная власть вступаетъ въ права правительственной власти національной. На оккупанта не переходитъ отечественная государственная власть, т. е. политическія права ея относительно территоріи, населенія и учрежденій, а лишь *судебно-административная*, такъ какъ суверенитетъ національной власти не упраздненъ, а лишь пріостановленъ, а на оккупанта онъ не переходитъ, потому что его власть фактически случайная, созданная ходомъ войны и временная. Такимъ образомъ (ради своихъ интересовъ и интересовъ мирнаго населенія) оккупантъ обязанъ охранять гражданскій порядокъ въ занятой области и права мирнаго населенія, а населеніе съ своей стороны обязано подчиняться его судебно-административной власти съ правомъ пользоваться охраной временной власти оккупанта подъ условіемъ воздерживаться отъ враждебныхъ противъ него дѣйствій. Этими началами опредѣляются какъ предѣлы, способы примѣненія и юридическія послѣдствія временнаго занятія вообще, такъ, въ частности, и юридическое положеніе населенія занятой непріятелемъ области.

Такъ какъ власть оккупанта временна и условна, и т. к. суверенитетъ законнаго правит—ва не упраздненъ, то *военное занятіе не должно производить существенныхъ измѣненій въ политическомъ и обще-*

ственномъ строѣ и въ правовыхъ институтахъ занятой мѣстности. Въ регламентѣ 1899 г. и 1907 г. постановлено (ст. 43), что „съ фактическимъ переходомъ власти изъ рукъ законнаго правительства къ занявшему территорію непріятелю, послѣдній (оккупантъ) обязанъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому чтобы насколько возможно возстановить и обезпечить общественный порядокъ и общественную жизнь, уважая существующіе въ странѣ законы, буде къ тому не встрѣтится неодолимыхъ препятствій". Поэтому оккупантъ не долженъ касаться ни политическаго и общественнаго строя, ни политическихъ правъ и обязанностей населенія. Задачи войны и интересы безопасности и порядка въ занятой мѣстности оправдываютъ лишь *временную пріостановку* политическихъ правъ населенія и нѣкоторое видоизмѣненіе мѣстныхъ правовыхъ институтовъ. Такъ, населеніе лишается на время оккупаціи права выбора депутатовъ въ парламентъ, права сходокъ и политическихъ ассоціацій, ограничивается свобода печати, пріостанавливаются обязанности населенія относительно воинской повинности и т. п. Личная и религіозная свобода населенія остаются неприкосновенны, но свобода передвиженія, почтовыхъ и телеграфн. сношеній стѣсняются для пресѣченія возможности вступать въ отечественную армію или доставлять ей свѣдѣнія. Оккупаціонная власть можетъ также принимать всѣ мѣры, необходимыя для безопасности своей арміи (напр. объявить военное положеніе). Вообще мирное населеніе должно б. охраняемо оккупантомъ въ его личныхъ, семейныхъ, религіозныхъ и имущественныхъ правахъ и ограничиваются лишь политическія его права, обусловленныя политическимъ строемъ государства и подданническими отношеніями населенія. Такъ какъ мѣстная государственная власть не упразднена, а лишь временно устранена, то оккупантъ не въ правѣ требовать присяги на вѣрность непріятельской державѣ отъ мирн. жителей, (а по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей—даже отъ должностныхъ лицъ, остающихся на своихъ мѣстахъ во время непріятельской оккупаціи). Онъ не въ правѣ также принуждать жителей ни прямо, ни косвенно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ своего отечества или къ содѣйствію непріятельскимъ военнымъ операціямъ противъ него: напр., быть проводниками непріятельской арміи или давать свѣдѣнія объ отечественной арміи или о средствахъ обороны отечественнаго госуд-ва. Замѣтимъ впрочемъ, что въ числѣ державъ подписавшихъ Гаагское положеніе 1907 г., нѣкоторыя, а именно: Германія, Австрія, Японія, Черногорія и Россія сдѣлали оговорку относительно этого постановленія (ст. 44).

Права законодательства въ области финансовой и экономической оккупантъ имѣть не можетъ, такъ какъ, оно необходимо предполагаетъ верховенство надъ территоріею, а не временное ея занятіе. Но такъ какъ на оккупантѣ лежитъ обязанность администраціи занятой имъ области, то ему предоставляется взимать существующіе въ ней подати и налоги для употребленія ихъ по преимуществу на мѣстныя нужды. Гаагскій регламентъ ст. 48: „Если непріятель взимаетъ въ занятой имъ области установленные въ пользу государства налоги, пошлины и денежные сборы, то онъ обязанъ дѣлать это по возможности сообразуясь съ существующими правилами обложенія и раскладки ихъ, при чемъ на него ложится проистекающая изъ сего обязанность нести расходы по управленію занятою областью въ размѣрахъ, въ какихъ обязано было къ сему законное правительство". — Ст. 49: „Взиманіе непріятелемъ въ занятой имъ области другихъ денежныхъ сборовъ, сверхъ упомянутыхъ въ ст. 48, допускается только на нужды арміи или управленія этой областью". Но оккупантъ въ правѣ препятствовать всякимъ денежнымъ платежамъ населенія національному правительству, т. к. они явились бы подкрѣпленіемъ средствъ сопротивленія врага. Положеніе 1907 г. не поясняетъ какого рода денежные сборы разрѣшаются оккупанту 49 статьей „на нужды арміи" и на какія именно нужды (какъ мы увидимъ, продовольственныя ея нужды удовлетворяются путемъ реквизицій натурою).

По общему правилу мѣстныя *административныя* (особенно низшія) *власти и мѣстные суды*, уголовные и гражданскіе, продолжаютъ свою дѣятельность и во время непріятельской оккупаціи, для защиты правъ и интересовъ мирнаго населенія. Въ виду фактическаго устраненія законной верховной власти они постановляютъ свои приговоры въ безличной формѣ „во имя закона". Оккупантъ въ правѣ учредить и свои *военноуголовные* суды и прилагать къ населенію и свои уголовные законы, но лишь поскольку это вызывается необходимостью особой охраны его войскъ и порядка въ занятой имъ области. Въ такомъ случаѣ онъ объявляетъ жителямъ, какія наказанія угрожаютъ имъ за совершеніе извѣстныхъ преступленій. Такъ, въ войнѣ 1877—78 г. русскіе военно-полевые суды и уголовные законы примѣнялись къ бунту, шпіонству, истребленію и поврежденію колодцевъ, телеграфовъ, путей сообщенія.

Наибольшею свободою обладаетъ оккупантъ, понятно, въ *области администраціи* и охраны безопасности и порядка въ занятой имъ области. Туземный административный персоналъ, особенно низшій, можетъ оставаться на своихъ мѣстахъ,—по справедливому замѣчанію проф. Мартен-

са, въ интересахъ населен. даже желательно, чтобы онъ не покидалъ своей службы. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется покровительствомъ оккупанта, но подъ условіемъ добросовѣстнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, какъ въ отношеніи населенія, такъ и оккупаціонной власти. Мирное и безоружное населеніе въ занятой непріятелемъ мѣстности пользуется неприкосновенностью въ томъ смыслѣ, что противъ него не должны быть направлены военныя операціи и что его гражданскія права должны пользоваться охраною оккупаціонной власти. Но, съ другой стороны, населеніе обязано подчиняться распоряженіямъ и мѣрамъ, установленнымъ послѣднею для охраны своей безопасности и общественнаго порядка. Коллективная отвѣтственность за правонарушенія, возможныя со стороны отдѣльныхъ гражданъ противъ оккупанта, не допускается,—отвѣтственность должна быть личная.

Возстаніе. Практика войнъ XIX в., Либеровская полевая инструкція, Брюссельскій проектъ 1874 г. и большинство писателей признаютъ, что населеніе занятой области, пользуясь подъ властью оккупанта выгодами мира и порядка, въ случаѣ возстанія противъ него, нарушаетъ по отношенію къ оккупанту свои обязанности несопротивленія и поэтому подлежитъ не только законамъ войны, но и военнополевымъ законамъ оккупанта, разсматривающимъ такое возстаніе какъ мятежъ, т. е. какъ преступленіе противъ (фактической) правительствен. власти въ странѣ.

Права оккупанта относительно собственности государственной, общественной и частной. Согласно основному принципу, что война есть вооруженная борьба между государствами, а не частными лицами, *законнымъ предметомъ военной добычи* признается современнымъ обычаемъ войны *только непріятельская движимая государственная собственность* и, притомъ, могущая *непосредственно служить цѣлямъ войны.* Сюда относятся наличные капиталы, фонды и иныя государственныя суммы, войсковыя кассы, склады оружія и провіанта и магазины, перевозочныя средства и вообще всякія правительственныя *движимыя* имущества, могущія служить для военныхъ надобностей. Всѣ они подлежатъ захвату и подвергаются конфискаціи непріятелемъ въ свою пользу. Относительно *недвижимыхъ* госуд. имуществъ,—государственныхъ доменовъ, сельскохозяйственныхъ угодій, зданій, рудниковъ, заводовъ, лѣсовъ и, вообще, недвижимостей оккупантъ пріобрѣтаетъ лишь право пользовладѣнія т. е. пользованія и управленія, извлекая изъ нихъ доходы въ свою пользу, но обязанъ сохранять ихъ основную цѣнность и управлять ими согласно правиламъ пользовладѣнія. Оккупантъ не имѣетъ узуфрукта относительно учрежденій религіозныхъ, благотворительныхъ, художественныхъ, образовательныхъ и ученыхъ, хотя бы они принадлежали госуд-ву. Оккупантъ не имѣетъ узуфрукта и относительно общественной собственности: общинъ, банковъ, кассъ и пр., какъ служащею интересамъ занимаемой имъ мѣстности и ея населенія, *Желѣзныя дороги* и желѣзнодорожные матеріалы какъ государственные и общественные, такъ и частные, *телеграфы*, телефоны, пароходы и т. п. имѣютъ громадную важность для стратегическихъ операцій; поэтому оккупантъ въ правѣ завладѣть ими на все время занятія, эксплуатировать ихъ и доходы брать себѣ. При заключеніи мира онъ долженъ возвратить ихъ и обязанъ вознаградить за убытки, если дороги и подвижной составъ принадлежали обществамъ или частнымъ лицамъ. Ст. 53: „Всѣ средства, приспособленныя для передачи свѣдѣній на сушѣ, на морѣ и по воздуху, для перевозки лицъ и вещей, за исключеніемъ случаевъ, подлежащихъ дѣйствію морского права, могутъ быть захвачены, но подлежатъ возврату, съ возмѣщеніемъ убытковъ, при заключеніи мира.—Ст. 54 (1907 г.): Подводные кабели, соединяющіе занятую территорію съ территоріей нейтральной, захватываются или уничтожаются лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Они должны быть равнымъ образомъ возвращены, а возмѣщеніе убытковъ производится по заключеніи мира.

Что касается частной собственности, то она признается неприкосновенною во время войны: она не подлежитъ конфискаціи и грабежъ безусловно запрещается, (46 и 47 ст. 1907 г.). Но изъ этого общаго правила допускаются нѣкоторыя *исключенія*, именно: 1) для *предметовъ, представляющихъ опасность* для непріятеля и 2) въ случаѣ крайней *необходимости извѣстныхъ предметовъ для арміи воюющаго.* Вслѣдствіе опасности непріятель имѣетъ право отобрать у мирнаго населенія оружіе и предметы, прямо служащіе для войны (боевые запасы), впрочемъ съ обязанностью вознагражденія за нихъ. Что же касается необходимости для воюющаго извѣстныхъ предметовъ натурою (напр., съѣстные припасы, фуражъ, лошади, одежда, перевозочныя средства—подводы, суда), то такіе предметы ему разрѣшается пріобрѣтать путемъ *реквизицій*, т. е. принудительной доставки ихъ мирнымъ населеніемъ *съ правомъ на вознагражденіе* за это. Реквизиціи замѣнили собой практиковавшійся въ прежнія времена грабежъ и основаны на принципѣ: la guerre doit nourrir la guerre. По существу онѣ долгое время оставались тѣмъ же грабежемъ, но только организованнымъ, такъ какъ опредѣле-

ніе предметовъ реквизиціи, „необходимыхъ для потребностей войска“ зависѣло отъ усмотрѣнія воюющаго (требованія, предъявлявшіяся пруссаками во время войны 1870—71 г. достигали анекдотическихъ размѣровъ). Въ настоящее время ихъ оправдываютъ (и соотвѣтственно этому организовываютъ) дѣйствительными насущными потребностями продовольствованія войскъ, которыя по обстоятельствамъ войны не мог. б. удовлетворены обычнымъ въ мирное время интендантскимъ порядкомъ, и соотвѣтственно этому онѣ получаютъ характеръ натуральной, но оплачиваемой повинности, лежащей на всемъ населеніи занятой воюющимъ территоріи, на всѣхъ жителяхъ ея, даже безъ различія ихъ подданства. Неисполненіе такихъ требованій можетъ даже облагаться штрафомъ (по мнѣнію Листа). Степень необходимости примѣненія реквизицій зависитъ конечно отъ степени совершенства организаціи интендантской части въ непріятельской арміи, а т. к. отъ послѣдней въ значительной степени зависитъ успѣхъ военныхъ операцій арміи, то по мѣрѣ усовершенствованія этой организаціи должны постепенно сокращаться случаи крайней необходимости въ реквизиціяхъ. Замѣтимъ, что реквизиціи допускаются только предметныя натурою, а *не денежныя* и должны соотвѣтствовать средствамъ страны. Реквизиціи и повинности (постой для войска, поставка лошадей и подводъ) могутъ назначаться только *по распоряженію командующаго войсками* въ занятой мѣстности, только для нуждъ занявшей область арміи, соотвѣтствовать средствамъ населенія и не налагать на населеніе обязанности принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества; натуральныя повинности должны быть по возможности оплачиваемы наличными деньгами, или же онѣ удостовѣряются росписками (съ указаніемъ рыночной стоимости взятаго) и уплата должныхъ суммъ должна быть произведена возможно скорѣе. Иногда вопросъ о вознагражденіи рѣшается при заключеніи мира. Въ войнѣ 1877—78 г. русское правительство допускало реквизицію только за деньги. Послѣ войны 1870—71 г. французское правительство уплатило 100 мил. фр. на вознагражденіе своихъ подданныхъ за прусскія реквизиціи.

Отъ реквизицій, — натуральныхъ поборовъ, — слѣдуетъ отличать *контрибуціи, т. е. денежныя взысканія*, налагаемыя непріятелемъ на мирное населеніе. Онѣ въ обширныхъ размѣрахъ практиковались во всѣхъ войнахъ, и, между прочимъ во франко-русской 1870—71 г. Въ русско-турецкой 1877—78 г. онѣ, напротивъ, совершенно не примѣнялись. Если многими писателями осуждаются реквизиціи, при которыхъ

все-таки признается обязанность вознагражденія потерпѣвшихъ, то контрибуціи, не подлежащія возврату, не оправдываемыя мотивомъ абсолютной необходимости въ нихъ для непріятеля, и совершенно несовмѣстныя съ принципомъ неприкосновенности частной собственности, не могутъ найти никакого юридическаго оправданія. Гаагскій регламентъ разрѣшаетъ ихъ на нужды арміи и управленія, и въ замѣнъ *натуральныхъ повинностей*. При этомъ регламентъ требуетъ: 1) чтобы онѣ назначались только по письменному распоряженію и подъ отвѣтственностью начальствующаго генерала; 2) чтобы онѣ взимались по возможности съ соблюденіемъ правилъ обложенія и раскладки существующихъ въ данной области налоговъ; 3) чтобы въ нихъ выдавались квитанціи плательщикамъ. Брюссельская декларація 1874 г. допускала взиманіе непріятелемъ контрибуцій въ видѣ пени или штрафа за правонарушенія со стороны населенія во вредъ непріятеля и вообще за нарушеніе обязанностей, возлагаемыхъ на мирное населеніе войною. Но Гаагскій регламентъ постановляетъ (ст. 50), что „никакое общее взысканіе, денежное или иное не можетъ быть налагаемо на все населеніе за тѣ дѣянія единичныхъ лицъ, въ коихъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія“, т. е. его соучастія. Во время войны 1870 г. пруссаки часто налагали взысканія на цѣлыя общины за дѣйствія единичныхъ ихъ членовъ.

Прекращеніе правъ оккупанта. Вытекая исключительно изъ факта завладѣнія непріятельскою территоріею, права оккупанта прекращаются сами собою съ прекращеніемъ этого фактическаго занятія и, въ *силу права постлиминія*, въ освобожденной отъ непріятеля территоріи съ самаго момента прекращенія оккупаціи возстановляются сами собою всѣ юридическія отношенія, порядки и права, принадлежавшія государству и населенію въ предѣлахъ этой территоріи до занятія ея непріятелемъ.

Военные договоры. Воюющіе могутъ вступать въ договоры по поводу надобностей войны, которые обязательны для сторонъ подобно всякому договору. Къ такимъ договорамъ относятся: картели, капитуляціи, перемиріе.

Подъ *картелями* разумѣются соглашенія, касающіяся длящихся отношеній между воюющими, напр., о нейтрализаціи нѣкоторыхъ мѣстностей, о почтовыхъ, телеграфныхъ и парламентерскихъ сношеніяхъ, о порядкѣ размѣна плѣнныхъ. Они мог. б. заключены и въ мирное время, на случай войны, и во время войны. Въ послѣднемъ случаѣ они за-

ключаются военачальниками, не нуждаясь въ послѣдующей ратификаціи. *Капитуляція*—договоръ о сдачѣ города, крѣпости или арміи. Капитуляціи бываютъ 1) почетныя, когда сдавшимся позволяется удалиться съ оружіемъ, знаменами и музыкой, и 2) обыкновенныя, когда сдавшіеся обращаются въ военноплѣнныхъ, оружіе и знамена отбираются. При заключеніи условій капитуляціи должны быть принимаемы во вниманіе правила воинской чести.

Перемирія (пріостановка военныхъ дѣйствій по обоюдному соглашенію воюющихъ, бываютъ общее и частное (мѣстное). Первое пріостанавливаетъ военныя дѣйствія воюющихъ государствъ на всемъ театрѣ войны и заключается главнокомандующими; частная пріостановка военныхъ дѣйствій пріостанавливаетъ ихъ только между извѣстными частями воюющихъ армій на короткое время и въ предѣлахъ извѣстной мѣстности (напр., для погребенія убитыхъ, уборки раненыхъ). Тѣ и другія заключаются обыкновенно на опредѣленный срокъ. Тотчасъ по объявленіи перемирія всѣ военныя дѣйствія должны быть прекращены и воюющія стороны во все время перемирія должны оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застало объявленіе перемирія. Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе и для себя необязательнымъ.

Морская война. Первый м. актъ, направленный къ регулированію морской войны, это—*„Актъ вооруженнаго морского нейтралитета“* 1780 г., заключенный нейтральными госуд-вами по иниціативѣ императрицы Екатерины II и вызванный произволомъ воюющихъ (Англіи, Франціи и Испаніи) по отношенію къ морской торговлѣ нейтральныхъ, не принимающихъ участія въ войнѣ государствъ. Актъ этотъ устанавливалъ: 1) свободу судоходства между портами воюющихъ для нейтральныхъ кораблей съ ихъ грузомъ; 2) неприкосновенность непріятельской собственности на нейтральныхъ (но не нейтральной на непріятельскихъ) корабляхъ, исключая военной контрабанды; 3) военной контрабандой признается оружіе и предметы непосредственно служащіе военнымъ цѣлямъ; 4) блокированнымъ признается только портъ, оцѣпленный военными кораблями, такъ, что постоянное и близкое расположеніе ихъ у порта дѣлаетъ входъ въ него очевидно опаснымъ.

Второй м. актъ, направленный къ ограниченію произвола воюющихъ на морѣ,—*Парижская декларація* 16 Апрѣля 1856 г., составляющая приложеніе къ Парижскому мирному трактату, но представляющая собою совершенно независимый отъ этого трактата м. актъ и заключающая въ себѣ правила морской войны. Парижская декларація провозглашаетъ неприкосновенность нейтральныхъ кораблей съ ихъ грузомъ, исключая военную контрабанду, а также неприкосновенность нейтральнаго груза на корабляхъ воюющихъ государствъ, кромѣ военной контрабанды; ею подтверждено постановленіе акта 1780 г., что блокада должна быть дѣйствительной; наконецъ—и это самое важное—она отмѣняетъ каперство. Каперство заключалось въ томъ, что правительства во время войны давали разрѣшеніе частнымъ лицамъ вооружать корабли и захватывать непріятельскія купеческія суда. Вся цѣль такихъ частныхъ каперовъ была направлена къ захвату частной собственности на морѣ. Парижская декларація отмѣняетъ каперство, хотя проводить эту реформу не вполнѣ: право захвата частной непріятельской собственности оставлено за военными судами. Къ этому акту присоединились почти всѣ культурныя госуд-ва (49; Испанія въ 1908 г.); только Мексика и Америк. С. Штаты формально не присоединились къ нему, хотя С. Штаты объявили, что они охотно бы приступили къ этому акту, если бы имъ установлена была безусловная неприкосновенность всякой (даже непріятельской) частной собственности на морѣ, такъ какъ въ отличіе отъ сухопутныхъ войнъ, въ которыхъ частная собственность непріятельскихъ гражданъ признается неприкосновенною, въ морскихъ войнахъ она донынѣ подвергается захвату и конфискаціи. Однако, съ тѣхъ поръ декларація соблюдалась во всѣхъ морскихъ войнахъ (даже въ войнѣ 1898 г. между С. Штатами и Испаніею).

Изъ новѣйшихъ м. постановленій, касающихся морск. права войны, слѣдуетъ отмѣтить вторую Гаагскую мирную конференцію 1907 г. (VI конвенцію о положеніи непріят. торгов. судовъ при началѣ военн. дѣйствій, VII конвенцію объ обращеніи торговыхъ судовъ въ суда военныя VIII—о постановкѣ подводныхъ минъ, IX—о бомбардированіи морскими силами во время войны, X—о примѣненіи къ морской войнѣ Женевской конвенціи, XI—объ ограниченіяхъ въ пользованіи правомъ захвата въ морской войнѣ,—XII—объ учрежденіи м. призовой палаты) и Лондонскую морскую конференцію 1909 г., имѣвшую впрочемъ въ виду главнымъ образомъ регулированіе правъ и обязанностей нейтральныхъ державъ въ морской войнѣ.

Гаагская конференція 1907 г. постановила между прочимъ учрежденіе м. призовой палаты для разрѣшенія (наиболѣе важныхъ въ морскомъ правѣ войны) вопросовъ о правильности призовъ, т. е. правиль-

ности захватовъ воюющими непріятельскихъ и нейтральныхъ частныхъ судовъ и грузовъ. Она выработала соотвѣтственный проектъ учрежденія такого суда (XII конвенція). Но декретированное конференціею введеніе въ дѣйствіе новаго м.-правового процесса заставило державы озаботиться предварительнымъ выясненіемъ и разрѣшеніемъ многихъ спорныхъ донынѣ положеній м. морского права. *Лондонская конференція* (10 державъ), въ подписанной ею декларации о правѣ морской войны отъ 26 II. 1909 г. и установила въ 71 статьяхъ „общепризнанныя правила м. права“ по этому вопросу.

Въ IV Гаагской конвенціи 1907 г. постановлено, что „воюющая сторона, которая нарушитъ постановленія Положенія, должна будетъ возмѣстить убытки, если къ тому есть основаніе; она будетъ отвѣтственна за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ ея военныхъ силъ“. Такой санкціи не содержатъ ни Гаагскія конвенціи по военно морскому праву, ни Лондонская декларація.

Права и обязанности воюющихъ во время морской войны опредѣляются, въ общемъ, тѣми же правилами, какія установлены и для войны сухопутной. Но правила морской войны тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ собою значительныя отступленія и особенности, объясняющіяся, съ одной стороны, особымъ характеромъ театра морскихъ военныхъ дѣйствій, а съ другой—особымъ характеромъ морской войны, задающейся донынѣ цѣлью не только уничтожить или парализовать военныя силы непріятеля, но и нанести ему непосредственно матерріальный вредъ разстройствомъ его торговли.

Театромъ морской войны, т. е. водною территоріею, на которой совершаются военноморскія операціи, служатъ не только береговыя воды воюющихъ, воды, находящіяся въ ихъ территоріальной власти, поскольку онѣ доступны морскимъ военнымъ судамъ, но и открытое море и связанныя съ нимъ части свободнаго моря, т. е. международная территорія, которая всегда должна (въ принципѣ) оставаться свободною и безопасною для м. судоходства („Океанъ-море—Божья дорога“). Очевидно, слѣд., этотъ м. интересъ долженъ отражаться и на морскомъ правѣ войны, въ смыслѣ, съ одной стороны, охраны его, а съ другой, предоставленія воюющимъ необходимой мѣры свободы ихъ военныхъ операцій. Къ согласованію этихъ, противоположныхъ по существу, интересовъ и сводится морское право войны.

Какъ мы замѣтили, открытое море и вообще открытыя водныя пространства могутъ служить театромъ военныхъ дѣйствій воюющихъ держ-

жавъ, но за исключеніемъ, конечно, нейтрализованныхъ открытыхъ водъ (см. выше; примѣры: Суэцкій и Панамскій каналы, воды Іонич. острововъ, м. рѣки). Далѣе, въ новѣйшее время (въ виду особенностей военноморской техники) становятся необходимы серіозныя мѣры для огражденія безопасности мирнаго м. мореплаванія отъ опасныхъ для него послѣдствій военныхъ операцій воюющихъ. Такъ, Институтъ м. права въ 1906 г. обратилъ вниманіе на опасность закладки въ открытомъ морѣ какъ якорныхъ, такъ и плавучихъ *подводныхъ минъ*, и призналъ ихъ недопустимыми. VIII Гаагская конвенція 1907 г. сдѣлала по этому вопросу далеко не достаточныя постановленія: она воспрещаетъ закладку автоматическихъ контактныхъ (т. е. взрывающихся отъ соприкосновенія) минъ безъ якоря, если онѣ не становятся безопасными часъ спустя послѣ того, какъ утерянъ контроль за ними; закладку минъ на якоряхъ, если онѣ не становятся безопасными послѣ того, какъ сорвались съ якоря; употребленіе минъ-торпедъ, если онѣ, не попавъ въ цѣль, не становятся безопасными, и—наконецъ,—закладку минъ у береговъ и портовъ противника съ исключительной цѣлью прекратить торговое судоходство. Въ частности, при пользованіи минами на якоряхъ предписывается принимать всѣ предосторожности въ интересахъ безопасности мирнаго мореплаванія; опасныя мѣста должны быть сообщены другимъ правительствамъ, какъ только то дозволятъ военныя соображенія, а по окончаніи войны должны быть приняты всѣ мѣры къ удаленію минъ, заложенныхъ какъ у себя, такъ и въ чужихъ водахъ. (Россія не подписала VIII конвенцію).

Въ связи съ безопасностью м. водной территоріи въ смыслѣ пользованія ею для судоходства стоитъ вопросъ о пользованіи ею для м. телеграфныхъ сношеній при помощи *морскихъ кабелей*. Конвенція 1884 г. объ охранѣ морск. кабелей оставила открытымъ вопросъ объ ихъ охранѣ во время войны. Какъ мы видѣли, Положеніе 1907 г. разрѣшаетъ разрушеніе непріятельскаго кабеля, даже если онъ соединяетъ его съ нейтральнымъ госуд-гомъ.

Какъ и въ сухопутной войнѣ, въ морской войнѣ закономѣрными органами государствъ для военныхъ дѣйствій являются военныя суда государственнаго боевого военнаго флота, спеціально предназначенныя для войны, или же приспособленныя заранѣе для военныхъ цѣлей и зачисленныя въ военный флотъ. Къ военному флоту должны быть отнесены и суда, получившія разрѣшеніе отъ правительства на поднятіе военнаго флага, но не входящія въ составъ регулярн. военнаго флота, и не нахо-

дящіяся подъ военнымъ флагомъ (каперы) въ томъ смыслѣ, что они не могутъ претендовать на привиллегію частныхъ судовъ; за выдачу имъ разрѣшенія на каперство отвѣчаетъ государство. Къ государственному флоту принадлежатъ и невоенныя суда, спеціально принятыя на государственную службу на время войны для обслуживанія спеціально военныхъ нуждъ военнаго флота, напр., военныя транспортныя суда; они также принадлежатъ къ организованной морской силѣ. Но отнюдь недопустимо, чтобы одно и тоже судно плавало попеременно, то подъ торговымъ, то подъ военнымъ флагомъ. VII Гаагская конвенція 1907 г. о преобразованіи торговыхъ судовъ въ военныя, постановила, что ни одно торговое судно, обращенное въ военное, не можетъ имѣть правъ и обязанностей, присвоенныхъ военному судну, если оно не поставлено подъ прямую власть, непосредственный контроль и отвѣтственность державы, которой флагъ оно несетъ. Торговыя суда, обращенныя въ военныя, должны: 1) носить внѣшніе отличительные знаки военныхъ судовъ ихъ національности; 2) командиръ долженъ состоять на государственной службѣ, быть назначеннымъ компетентною властью и значиться въ спискахъ офицеровъ военнаго флота, а судно—въ спискѣ судовъ военнаго флота; 3) экипажъ долженъ быть подчиненъ правиламъ воинской дисциплины и 4) торговое судно, обращенное въ военное, обязано соблюдать въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны. Замѣтимъ, что на конференціи державы не могли достигнуть соглашенія по вопросу, можетъ ли обращеніе торговаго судна въ судно военное состояться въ открытомъ морѣ, т. е. по выходѣ судна изъ порта подъ торговымъ флагомъ.

Главное отличіе морской войны отъ сухопутной состоитъ въ томъ, что она задается цѣлью не только уничтожить или парализовать военныя силы непріятеля, но и нанести ему матеріальный вредъ разореніемъ его торговли. Отсюда сохранившійся (въ отличіе отъ сухопутной войны) до нынѣ во время морской войны обычай захвата непріятельской частной собственности на морѣ. Въ прежнія времена онъ совершался даже частными каперами; съ 1856 г. каперство отмѣнено и въ настоящее время для нанесенія вреда непріятельской морской торговлѣ употребляются только военные крейсеры.Вообще нужно замѣтить, что въ примѣненіи къ морскимъ войнамъ признаніе неприкосновенности частной собственности издавна встрѣчало наиболѣе упорное сопротивленіе даже со стороны юристовъ. Объясняется это, конечно, историческими причинами. Подъ вліяніемъ господствовавшей до конца XVIII в. мер-

кантильной и колоніальной системы главною цѣлью морскихъ войнъ ставилось разореніе морской торговли противника (какъ главной основы его морского могущества), а слѣд.,—и захватъ частной собственности. Съ другой стороны, чисто военныя операціи на морѣ не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе достигаются ими въ сухопутной войнѣ,—даже уничтоженіе военнаго флота противника не даетъ иногда рѣшительной побѣды,—а отсюда стремленіе воюющихъ усилить дѣйствіе военныхъ морскихъ операцій нанесеніемъ возможно большаго вреда торговлѣ противника. Исторія представляетъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ отмѣны захвата частной собственности на морѣ (напр., договоръ С. Штатовъ съ Пруссіею 1785 г.; проектъ декрета франц. законодат. собранія 1792 г.; въ войнѣ 1866 г. воюющіе отказались отъ захвата купеческихъ кораблей, договоръ Италіи съ С. Штатами 1871 г.; италіанское морское уложеніе 1877 г.) но все-таки захватъ этотъ остается въ силѣ въ м. практикѣ до настоящаго времени. Вопросъ объ отмѣнѣ захвата частн. собственности поднимался и на Гаагскихъ конференціяхъ 1899 и 1907 гг., но безрезультатно; VI Гаагская конвенція 1907 г. признала лишь „желательность“ предоставленія купеческ. судамъ воюющихъ свободнаго удаленія изъ непріятельскаго порта при объявленіи войны (см. выше стр. 396), но это правилю уже давно установилось въ практикѣ; въ 1898 г. С. Штаты предоставили испанскимъ судамъ мѣсячный срокъ; Россія японскимъ въ 1904 г.—48 часовый. Въ литературѣ м. права число защитниковъ принципа неприкосновенности частной собственности постоянно возрастаетъ Всѣ рѣшительно писатели признаютъ законность захвата непріятельскаго частнаго судна и груза въ тѣхъ только случаяхъ, когда они предназначаются на усиленіе непріятеля, именно—при подвозѣ военной контрабанды и при нарушеніи блокады Захвату подлежатъ, на основаніи Парижской декларації 1856 года только непріятельскія суда и находящійся на нихъ непріятельскій грузъ. Непріятельскій характеръ судна опредѣляется непріятельскимъ флагомъ, который онъ законно имѣетъ право поднять (ст. 57 Лонд. декл.) или, вѣрнѣе сказать,—флагомъ, подъ которымъ оно обязано плавать, независимо отъ національности собственника судна. Измѣненіе національности судна во время войны, напр., вслѣдствіе продажи его подданному нейтральнаго госуд-ва, допускается, но подъ условіемъ добросовѣстнаго характера такой сдѣлки. Что касается груза, то „непріятельскій (или нейтральный) характеръ товаровъ, найденныхъ на непріятельскомъ суднѣ опредѣляется непріятельскимъ или нейтральнымъ характеромъ ихъ

собственника" (ст. 58 Лонд. декл. 1909 г.). Но Лондонская декларація 1909 г. не рѣшаетъ вопроса—чѣмъ опредѣляется непріятельскій характеръ собственника товара—его національностью, или же мѣстожительствомъ (англо-американская доктрина и Японія), поэтому на будущее время за воюющими и за призовыми судами остается еще довольно широкій просторъ для толкованія понятія непріятельскаго груза. Непріятельское судно подлежитъ захвату всегда, за исключеніемъ, когда оно находится въ нейтральныхъ водахъ; непріятельскій же грузъ подлежитъ захвату только въ томъ случаѣ, когда онъ идетъ подъ непріятельскимъ флагомъ. Въ силу Парижской декларації непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ неприкосновенъ, равно какъ и нейтральный подъ непріятельскимъ флагомъ. Право дѣлать захваты наступаетъ съ самаго начала войны или по истеченіи извѣстнаго, опредѣленнаго воюющими срока. Судамъ, которыя по невѣдѣнію о начавшейся войнѣ входятъ въ непріятельскія гавани, долженъ быть данъ срокъ для обратнаго отплытія. *Захватъ* (арестъ) производится только на театрѣ военныхъ дѣйствій, исключительно военными судами воюющихъ.

XI Гаагская конвенція 1907 г. (она не утверждена Россіею; см. Собр. Узак. 1910 г. № 78 ст. 828), „признавая, что для лучшаго обезпеченія справедливаго примѣненія права въ морской войнѣ надлежитъ, отказавшись ко всеобщей пользѣ отъ нѣкоторыхъ прежнихъ обычаевъ, принять въ формѣ общихъ правилъ сводъ гарантій, присвоенныхъ мирной торговлѣ и безвредному труду, установила нѣкоторыя *ограниченія* въ пользованіи правомъ захвата въ морской войнѣ. А именно, она признала неприкосновенность почтовой корреспонденціи воюющихъ (и нейтральныхъ), какъ частной, такъ и оффиціальной, найденной въ открытомъ морѣ, хотя бы и на непріятельскомъ суднѣ; въ случаѣ захвата судна, она досылается взятелемъ; исключеніе—корреспонденція направленная въ блокируемый портъ или отправленная оттуда. Неприкосновенность почтовой корреспонденціи не освобождаетъ однако нейтральные почтовые пароходы отъ осмотра, но только въ случаѣ необходимости. Далѣе, не подлежатъ захвату суда (и ихъ грузъ), исключительно предназначенныя для берегового рыболовства и для потребностей мелкаго мѣстнаго плаванія, пока они прямо или косвенно не принимаютъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, не подлежатъ захвату суда, служащія цѣлямъ миссіонерскимъ, научнымъ или филантропическимъ, въ томъ числѣ суда госпитальныя.—Конвенція регулируетъ также положеніе капитана, офицеровъ и экипажа захваченнаго непріятелемъ

торговаго судна противника. Люди экипажа, подданные нейтральной державы, не подвергаются военному плѣну, а также и капитанъ и офицеры нейтральные подданные, если они формально на письмѣ дадутъ обѣщаніе не служить на непріятельскомъ суднѣ во время войны; капитанъ, офицеры и экипажъ, подданные непріятеля, не подлежатъ военному плѣну при условіи, если письменно обяжутся не поступать во время войны ни на какую службу, имѣющую отношеніе къ военнымъ дѣйствіямъ.

Для осуществленія присвоеннаго имъ права захватывать частную непріятельскую собственность на морѣ, а также и военную контрабанду, хотя бы послѣдняя провозилась нейтральными, воюющіе пользуются *правомъ осмотра*, а въ извѣстныхъ случаяхъ и обыска частныхъ нейтральныхъ судовъ на всемъ театрѣ войны, слѣд. повсюду, за исключеніемъ нейтрализованныхъ и территоріальныхъ нейтральныхъ водъ.

Захваченный, т. е. арестованный воюющимъ, непріятельскій (или нейтральный частный) корабль или грузъ наз. *призомъ*. Призомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова можетъ быть только частное (коммерческое) судно и частная собственность, захваченная на морѣ,—непріятельская на нейтральномъ суднѣ или нейтральная, на непріятельскомъ —такъ какъ государственная непріятельская собственность (напр., нагруженная на частномъ суднѣ) является по своему существу законной военной добычей, такъ же, впрочемъ, какъ и частное непріятельское судно, нагруженное исключительно грузомъ, принадлежащимъ непріятельскимъ подданнымъ. Отъ приза военная добыча отличается тѣмъ, что захватъ ея непосредственно и безъ дальнихъ формальностей влечетъ за собою ея конфискацію въ пользу непріятеля. Призы можно захватывать на всемъ пространствѣ театра войны, слѣд., въ водахъ собственныхъ, или непріятельскихъ, или въ открытомъ морѣ, но не въ нейтральныхъ водахъ. Захваченное судно отводится взятелемъ въ ближайшую гавань своего или союзнаго (не нейтральнаго) государства. Но для окончательнаго завладѣнія судномъ со стороны арестующаго государства необходимо еще, чтобы компетентный *призовой судъ* призналъ законность захвата.

Непріятельское судно, захваченное въ открытомъ морѣ или нейтральное, захваченное за провозъ контрабанды или за нарушеніе блокады, отводится въ одинъ изъ портовъ воюющей блокирующей державы для рѣшенія дѣла о законности захвата *призовымъ судомъ* воюющей державы. До рѣшенія дѣла судомъ, взятель не въ правѣ распорядиться захвачен-

нымъ судномъ и грузомъ. Впрочемъ, онъ можетъ потопить его въ случаѣ сопротивленія захвату или въ случаѣ собственной опасности или если грузъ малоцѣненъ, или если портъ очень отдаленъ. Только такой захватъ непріятельской собственности (судна, груза) или контрабанды признается *законнымъ*, который утвержденъ приговоромъ призового суда; въ такомъ случаѣ захваченная собственность признается законнымъ *призомъ* взятеля, который получаетъ либо весь призъ, либо часть его. Признанное по суду незаконнымъ задержаніе обязываетъ то госуд-во, которому принадлежитъ взятель, вознаградить судовладѣльцевъ за причиненный задержаніемъ ущербъ.

Само собой разумѣется, что если до рѣшенія призового суда воюющему удастся отнять обратно у взятеля задержанное имъ судно (репризъ) или если оно само освободится, то судно и грузъ остаются за прежними собственниками, и что съ заключеніемъ прелиминарнаго мира, прекращается и призовое право, и прекращаются всѣ неоконченныя еще призовыя судебныя дѣла.

Призовые суды учреждаются воюющими государствами самостоятельно на собственной ихъ территоріи или въ предѣлахъ союзныхъ съ ними, но не нейтральныхъ государствъ. Ихъ составъ и порядокъ судопроизводства опредѣляются законодательствомъ внутренне-государственнымъ. Они организуются или исключительно изъ чиновъ судебнаго вѣдомства (въ Англіи) или носятъ смѣшанный судебно-административный характеръ (въ Россіи и нѣкот. др. странахъ).

Подробности см. у Мартенса II (§ 125—126) и у Листа § 41; ср. ф. Резонъ, Призовые суды, въ Ж. М. Ю. 1905 г. № 6 и 9, 1906 г. № 2 и 3 и ст. Грабаря, Призы, въ Энц. Сл. XXV, 179. Нѣкоторыя рѣшенія и производства во Владивостокскомъ и Высшемъ призовомъ судѣ во время русско-японской войны печатались въ П р а в ѣ за 1904—1906 гг. У насъ по Положенію о призахъ 27 III 1895 г. въ качествѣ судовъ первой инстанціи учреждаются суды флагманскіе (при флотѣ, 4 офицера и командиръ отряда) и портовые (смѣшанный составъ—6 членовъ и предсѣдатель. Высшій призовый судъ—въ составѣ адмиралтействъ-совѣта, 2 сенаторовъ и чиновника мин. иностр. дѣлъ. Вѣдомство суда,—вопросы о законности приза, о возмѣщеніи убытковъ за незаконныя задержанія, о репризахъ.

Въ виду неудовлетворительности національной организаціи призовыхъ судовъ и судопроизводства въ смыслѣ безпристрастія и примѣненія правильныхъ правовыхъ принциповъ и нормъ въ ихъ рѣшеніяхъ, особенно при современномъ еще недостаточно разработанномъ положеніи морского м. права и значительныхъ иногда разногласіяхъ въ этой области даже въ доктринѣ, при чемъ и эти разногласія доктрины нерѣдко проистекаютъ изъ чисто политическихъ національныхъ воззрѣній на морскую войну, (напр., своеобразность англо-американскихъ теорій морского м. права),—въ виду всѣхъ этихъ соображеній, и съ цѣлью дать возможность разрѣшенія по справедливости разногласій, возникающихъ нерѣдко во время морскихъ войнъ по поводу рѣшеній національныхъ призовыхъ судовъ, Гаагская конференція 1907 г. по иниціативѣ Англіи занялась этимъ вопросомъ. Она пришла къ заключенію, что нац. призовымъ судамъ надлежитъ продолжать постановлять свои рѣшенія согласно правиламъ производства, предписываемымъ ихъ національ. законодательствами, но что смѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ возможно было ихъ обжалованіе въ условіяхъ, которыя по мѣрѣ возможности согласовали бы и государственные интересы воюющаго и частные интересы привлеченныхъ къ суду лицъ, затрогиваемые во всякомъ призовомъ дѣлѣ. По этому, принимая во вниманіе, что учрежденіе международной призовой Палаты, вѣдомство и производство которой были бы опредѣлены путемъ м. соглашенія, представляется лучшимъ средствомъ для достиженія указанной цѣли и что этимъ путемъ могутъ быть не только смягчены тяжелыя послѣдствія морской войны, но и устранены нерѣдкія происходящія отсюда обостренія въ отношеніяхъ между воюющими и нейтральными, державы, участвовавшія на конференціи подписали особую *конвенцію* объ учрежденіи *Международной призовой Палаты* (57 статей), въ которой подробно регламентируется устройство и судопроизводство этой Палаты въ качествѣ апелляціонной на рѣшенія національныхъ приз. судовъ инстанціи, при чемъ крайнимъ срокомъ для постановленія окончат. рѣшенія нац. судомъ признается 2 года. Въ силу конвенціи апелляція допускается: 1) когда рѣшеніе нац. пр. суда касается нейтральнаго государства или нейтральнаго подданнаго, 2) когда оно касается непріятельской собственности, а именно: а) грузовъ на нейтральномъ суднѣ, б) непріятельскаго судна, задержаннаго въ водахъ нейтральнаго государства, если послѣднее не сдѣлало запроса дипл. путемъ, в) требованія, основаннаго на заявленіи, что захватъ былъ произведенъ съ нарушеніемъ существующаго между воюющими договорнаго постановленія или законодательнаго распоряженія, изданнаго взятелемъ. Въ своихъ постановленіяхъ Палата руководствуется (ст. 7) слѣд. правилами: Если вопросъ права, подлежащій рѣшенію, предусмотрѣнъ конвенціей, дѣйствующей между воюющимъ взятелемъ и державою, которая сама является стороною въ спорѣ или которой подданный является стороною въ спорѣ, или если обжалованіе основано на нарушеніи законодательнаго постановленія, изданнаго воюющимъ взятелемъ, то Палата примѣняетъ постановленія этой конвенціи или это законодат. постановленіе; при отсутствіи такихъ постановленій, Палата примѣняетъ правила м. права; если общепризнанныхъ правилъ нѣтъ, то Палата рѣшаетъ на основаніи общихъ началъ права и справедливости. Палата можетъ не считаться съ постановленіями о процес-

суальной давности, установленными законодательствомъ воюющаго взятеля, если она полагаетъ, что ихъ послѣдствія противны праву и справедливости. Если Палата признаетъ законность приза, то съ нимъ поступаютъ согласно законамъ взятеля; если признана незаконность захвата, то Палата дѣлаетъ распоряженіе о возвратѣ судна или груза и устанавливаетъ, если нужно, размѣры вознагражденія за убытки; если судно или грузъ были проданы или уничтожены, то Палата устанавливаетъ причитающееся собственнику вознагражденіе; если недѣйствительность захвата признана была нац. судомъ, то Палата призвана постановлять лишь о вознагражденіи за убытки.

Глава II конвенціи (ст. 10—27) касается организаціи М. Призовой Палаты. Палата засѣдаетъ въ Гаагѣ и состоитъ изъ судей и судей-замѣстителей (кандидатовъ къ судьямъ), назначаемыхъ госуд-вами, подписавшими конвенцію, на 6 лѣтъ, изъ юристовъ признанныхъ компетентными по вопросамъ морского права. Палата дѣйствуетъ въ составѣ 15 судей; необходимый кворумъ 9 судей. Судьи, назначенные шестью европейскими великими державами, С.-А. С. Штатами и Японіею засѣдаютъ постоянно; остальные судьи входятъ въ составъ суда въ извѣстной напередъ опредѣленной очереди (ст. 15). Если воюющая держава, согласно очереди, не имѣетъ судьи, засѣдающаго въ Палатѣ, то она можетъ потребовать, чтобы назначенный ею судья принялъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, вытекающихъ изъ войны; мѣсто уступается ему однимъ изъ очередныхъ судей по жребію; это исключеніе не можетъ касаться судьи, назначеннаго другимъ воюющимъ. Палата сама избираетъ своего предсѣдателя. Административный Совѣтъ, въ которомъ участвуютъ лишь представители договорныхъ державъ, и Междун. Бюро исполняютъ въ отношеніи Палаты тѣ же функціи, какія они исполняютъ по отношенію къ Постоянной Палатѣ третейскаго суда. Взятель и потерпѣвшая держава (за себя или за своего подданнаго) могутъ быть представлены въ судѣ моряками высшихъ рангов въ качествѣ засѣдателей съ совѣщательн. голосомъ. Кромѣ того, заинтересованныя державы или частныя лица могутъ имѣть своихъ повѣренныхъ.—Глава III (ст. 28—50) посвящена судопроизводству. Срокъ принесенія жалобы на рѣшеніе нац. суда—120 дней. Производство въ главныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ производству въ Постоянной Палатѣ. Слѣдствіе письменное, пренія устныя. Рѣшеніе Палаты должно быть мотивированное. Обвиненная сторона несетъ издержки производства и сотую часть цѣны ихъ. Истецъ-частное лицо обязано обезпечить ихъ. (Россія не приняла еще эту конвенцію).

По общему правилу правильность приза зависитъ отъ рѣшенія призового суда; въ случаѣ признанія приза неправильнымъ, не только судно или грузъ освобождается, но собственникъ захваченнаго (задержаннаго) судна или груза имѣетъ право требовать возмѣщенія ему убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе неправильнаго задержанія. Но на практикѣ

возможны случаи, когда задержанное судно или секвистрованный товаръ не доставляется въ судъ, такъ какъ взятелю въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшается (напр., ст. 21 нашего Положенія о морск. призахъ) ихъ уничтоженіе, т. е. какъ бы не только собственною властью рѣшить вопросъ о правильности приза, но и привести его въ исполненіе въ смыслѣ полнаго распоряженія сдѣланнымъ призомъ. По этому вопросу Лондонская декларація 1909 г. постановляетъ: „Захваченное нейтр. судно не мож. быть уничтожено взятелемъ, но должно быть отведено въ подлежащій портъ, дабы было произнесено правомѣрное рѣшеніе о законности захвата. Но, по исключенію, захваченное и подлежащее конфискаціи нейтр. судно мож. б. уничтожено, если исполненіе вышеуказаннаго правила можетъ быть сопряжено съ опасностью для военнаго судна или для успѣха операцій, коими оно въ то время занято“ (ст. 48 и 49). Точно такъ-же, въ отношеніи груза, „взятель имѣетъ право потребовать передачи подлежащихъ конфискаціи товаровъ или уничтожить ихъ, если эти товары найдены на суднѣ, которое само не подлежитъ конфискаціи и когда обстоятельства таковы, что они оправдывали бы уничтоженіе судна, подлежащаго конфискаціи (ст. 54). Взятель, который уничтожилъ нейтр. судно, или грузъ, долженъ, ранѣе всякаго судебнаго разбирательства о законности захвата, фактически доказать, что онъ дѣйствовалъ лишь въ виду исключительной необходимости; если онъ сего не сдѣлаетъ, то онъ обязанъ къ возмѣщенію убытковъ заинтересованнымъ лицамъ, независимо отъ выясненія вопроса, законенъ или нѣтъ былъ захватъ”.

Въ связи съ практикуемымъ въ морской войнѣ нанесеніемъ вреда не только непріятельскимъ военнымъ силамъ, но и торговлѣ и частной собственности, объясняется и особый характеръ *морской осады* или *блокады*, т. е. закрытіе одною изъ воюющихъ сторонъ части непріятельскаго берега для морскихъ даже мирныхъ торговыхъ сношеній. Въ отличіе отъ осады, цѣль блокады, какъ военнаго средства, заключается не въ томъ, чтобы взять обложенный пунктъ, а въ томъ, чтобы сломить сопротивленіе врага, прекращая торговыя его сношенія и нанося ему так. обр. матеріальный ущербъ. Поэтому въ отличіе отъ осады, блокадѣ могутъ подлежать не только военные или укрѣпленные непріятельскіе порты, но всѣ его порты, берега и устья рѣкъ. Само собой разумѣется, что блокада устьевъ рѣкъ можетъ быть признана законной только когда вся судоходная часть рѣки протекаетъ по непріятельской территоріи. Не допускается блокада нейтрализованныхъ сухопутныхъ и водныхъ про-

странствъ (Суэцкій каналъ), частей открытаго моря и открытыхъ проливовъ.—Блокада признается дѣйствительною и законною въ томъ только случаѣ, если блокирующія суда дѣлаютъ по своему количеству и расположенію доступъ въ блокируемое мѣсто дѣйствительно невозможнымъ (или крайне опаснымъ). Актъ вооруженнаго нейтралитета 1780 года требовалъ, чтобы блокирующія суда были „неподвижны", стояли на якорѣ и „въ достаточной близости", но новѣйшая практика допускаетъ и блокаду посредствомъ крейсирующихъ судовъ. Указаннаго требованія Акта 1780 г. мы не находимъ, впрочемъ, уже и въ Парижской декларации 1856 г. Временное удаленіе блокирующей эскадры вслѣдствіе непогоды не прерываетъ блокады. Съ другой стороны, въ виду, въ особенности, тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія влечетъ за собою нарушеніе блокады (т. е. попытка пройти сквозь блокадную линію) не только для непріятельскихъ, но и для нейтральныхъ судовъ, для м. признанія блокады требуется *предварительное объявленіе* объ ней. Объявленіе это должно быть двоякаго рода: *общее* (дипломатическая нотификація), состоящее въ обнародованіи этой мѣры, съ цѣлью поставить въ извѣстность нейтральныя государства, какіе пункты непріятельскаго берега блокируются и на какомъ пространствѣ, и *спеціальное*, заключающееся въ оповѣщеніи о блокадѣ каждаго приближающагося судна, такъ какъ оно можетъ не знать о существованіи блокады. Въ прежнія времена простое объявленіе о блокадѣ само по себѣ признавалось воюющими достаточнымъ для того, чтобы имѣть право на захватъ въ открытомъ морѣ кораблей, которые направлялись въ блокированное только на бумагѣ мѣсто или выходили изъ него. Такое злоупотребленіе вызвало противодѣйствіе со стороны нейтральныхъ державъ и съ 1780 г. (со времени Акта о вооруженномъ нейтралитетѣ и Парижской морской декларации 1856 г.) *фиктивная* или *кабинетная*, т. е. только объявленная и не поддерживаемая дѣйствительными морскими силами блокада не признается обязательною для нейтральныхъ. *Нарушеніемъ* блокады признается всякая *попытка пройти* сквозь блокадную линію какого бы то ни было судна, (непріятельскаго или нейтральнаго), *знавшаго* о существованіи блокады. Но для того, чтобы считаться нарушителемъ блокады, судно должно быть задержано in delicto, на мѣстѣ преступленія,—одного намѣренія недостаточно. Не считается нарушителемъ блокады нейтральное судно, вошедшее въ блокированный портъ съ цѣлью укрыться отъ непогоды. Послѣдствіе нарушенія блокады, при чемъ за нарушеніе признается не проникновеніе судна въ блокируемый портъ, а уже

самое покушеніе, попытка проникновенія туда или удаленія оттуда,—захватъ судна, его груза блокирующимъ въ качествѣ приза. Удавшееся нарушеніе блокады считается признакомъ, что она не была дѣйствительною, и потому не даетъ блокирующему никакихъ правъ. Въ прежнее время иногда воюющими почиталось за нарушеніе блокады отправленіе судна въ путь по назначенію въ блокируемый портъ (С. Штаты, Англія). Въ настоящее время требуется для этого, чтобы судно находилось въ районѣ дѣйствій блокирующей эскадры и пыталось нарушить блокаду несмотря на сдѣланную ему спеціальную нотификацію о блокадѣ. Лица, принадлежащія къ экипажу задержаннаго за нарушеніе блокады судна не подвергаются военному плѣну, но могутъ быть задержаны до окончанія призового суда.

Кодификацію нынѣ дѣйствующихъ и общепризнанныхъ правилъ о блокадѣ и ея послѣдствіяхъ представляютъ первыя 21 статья Лондонской декларации 1909 г. Декларація не даетъ опредѣленія понятія блокады какъ вполнѣ выясненнаго и объявляетъ лишь (ст. 2) въ согласіи съ Парижскою декларацією 1856 г., что блокада, чтобы быть обязательною, должна быть дѣйствительною, т. е. поддерживаться силою, достаточною для фактическаго воспрепятствованія доступу къ блокируемому мѣсту. Поэтому въ этомъ отношеніи—расположеніе судовъ, количество ихъ и т. п.—„вопросъ о дѣйствительности блокады есть вопросъ факта", (ст. 3), т. е. разрѣшаемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на основаніи конкретной фактической его обстановки. Вторымъ условіемъ дѣйствительности блокады, т. е. ея обязательности, есть ея публичность: „блокада, чтобы быть обязательною, должна быть объявлена и оповѣщена" (ст. 8). Объявленіе о блокадѣ есть актъ компетентной власти (правительства или начальника эскадры) удостовѣряющій, что блокада установлена или имѣетъ быть установлена, при чемъ опредѣляется день начала блокады, географическія границы блокируемаго побережья и срокъ, даваемый нейтральнымъ судамъ для выхода. Такой срокъ обязательно долженъ быть данъ нейтральнымъ. Если блокирующій не сообразовался съ внесенными въ объявленіе указаніями (если его указанія на день начала блокады или опредѣленіе границъ района блокады окажутся неправильными), то объявленіе признается недѣйствительнымъ и для того, чтобы блокада возымѣла законныя послѣдствія, необходимо новое объявленіе. Кромѣ объявленія о блокадѣ декларація требуетъ еще оповѣщенія объ ней, т. е. ряда актовъ, долженствующихъ обезпечить въ частности освѣдомленность о блокадѣ всякаго приближающагося къ блокируемому порту или выходящаго изъ него судна, такъ какъ „возможность захвата нейтр. судна за нарушеніе блокады обусловливается дѣйствительною или предполагаемою освѣдомленностью его о блокадѣ (ст. 14). Объявленіе о блокадѣ оповѣщается (обыкновенно—по телеграфу) нейтральнымъ державамъ (для возможности оповѣщенія ими своихъ подданныхъ) и мѣстнымъ властямъ блокируемаго порта, власти же эти обязаны извѣстить въ возможно скорѣйшемъ времени мѣстныхъ

иностранныхъ консуловъ. Объявленіе и оповѣщеніе требуется и при измѣненіи границъ блокады, при прекращ. ея, а также если послѣ снятія она возобновлена. Освѣдомленность судна идущаго въ портъ о блокадѣ „предполагается при отсутствіи доказательствъ противнаго“, если оно вышло изъ нейтр. порта уже послѣ оповѣщенія о блокадѣ, сдѣланнаго во время той державѣ, отъ которой зависитъ данный портъ. Но если судно, приближающееся къ порту не знало о существованіи блокады, или нельзя предполагать, что оно знало объ ней, то оповѣщеніе должно быть сдѣлано самому судну чрезъ офицера одного изъ блокирующихъ судовъ. Это спеціальное оповѣщеніе заносится въ судовой журналъ. Назначеніе судна или его груза въ блокированный портъ не является доказательствомъ намѣренія нарушить блокаду, если въ данный моментъ оно, хотя бы и оказалось въ районѣ дѣйствія блокирующей эскадры, но не направляется въ блокированный портъ. Захватъ нейтр. судовъ за нарушеніе блокады можетъ быть впрочемъ осуществленъ только въ районѣ дѣйствія военныхъ судовъ, на которыя возложено обезпеченіе дѣйствительности блокады. Судно, въ нарушеніе блокады вышедшее изъ блокированнаго порта или сдѣлавшее попытку войти въ него, остается подлежащимъ захвату до тѣхъ поръ, пока продолжается преслѣдованіе его однимъ изъ судовъ блокирующей силы. Если преслѣдованіе прекращено (т. е. преслѣдующее судно фактически прекратило его, отказалось отъ преслѣдованія) или если блокада снята, то оно захвату не подлежитъ. Судно, признанное виновнымъ въ нарушеніи блокады конфискуется, во всякомъ случаѣ; независимо отъ его національности; также конфискуется и его грузъ, если только не доказано, что въ моментъ его нагрузки, лицо ее производившее, не знало и не могло знать о намѣреніи нарушить блокаду. Если это не доказано, то грузъ конфискуется. Слѣд. при отсутствіи этого послѣдняго условія свободный, по общему правилу, нейтральный грузъ на непріятельскомъ суднѣ конфискуется, а съ другой стороны— при отсутствіи этого условія конфискуется и нейтральный грузъ, по общему правилу вообще не подлежащій захвату.

Въ связи съ блокадой, соотвѣтствующей осадѣ въ сухопутной войнѣ, находится вопросъ о бомбардированіи. Какъ мы видѣли, въ сухопутной войнѣ оно нормировано и, въ частности, оно тамъ воспрещено въ отношеніи мѣстъ незащищенныхъ. Уже на первой Гаагской конференціи поднятъ былъ вопросъ о подчиненіи бомбардированія морскими силами правиламъ, аналогичнымъ съ существующими въ сухопутной войнѣ ради охраны правъ мирнаго населенія. Въ IX конвенціи 1907 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ слѣд. образомъ: Бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селенія, жилища и строенія воспрещается, даже въ томъ случаѣ, если у ихъ береговъ поставлены подводныя автоматическія контактныя мины. Но это воспрещеніе не распространяется на (незащищенныя) военныя укрѣпленія и на (находящіяся въ незащищенныхъ мѣстахъ) военныя или морскія учрежденія, склады оружія

или военныхъ матеріаловъ, мастерскія и приспособленія, могущія быть использованными для нуждъ непріятельскаго флота или арміи и военныя суда, находящіяся въ порту. Начальникъ морской силы, предъявивъ требованіе (объ ихъ уничтоженіи) и давъ достаточный срокъ, можетъ ихъ разрушить артиллеріею, если никакимъ инымъ способомъ это не достижимо и если мѣстныя власти не выполнятъ такого разрушенія въ назначенный срокъ. Въ этомъ случаѣ начальникъ не несетъ никакой отвѣтственности за невольные убытки, которые могли бы быть причинены бомбардировкой. Въ случаѣ вызванной военною необходимостью невозможности предоставленія такого срока начальникъ обязанъ принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы такое поселеніе испытало отъ бомбардировки возможно меньше ущерба. Бомбардированіе незащищенныхъ портовъ, городовъ, селеній, жилищъ, или строеній допускается также, послѣ спеціальнаго оповѣщенія, если мѣстныя власти, предупрежденныя формальнымъ требованіемъ, откажутся подчиниться реквизиціямъ продовольствія или запасовъ, необходимыхъ въ данное время для нуждъ морской силы, находящейся передъ этимъ мѣстомъ. Такія реквизиціи должны соотвѣтствовать средствамъ мѣста; онѣ могутъ быть требуемы лишь съ разрѣшенія начальника морской силы и должны, по возможности, быть оплачиваемы наличными деньгами, или же удостовѣряться расписками. Воспрещается бомбардированіе незащищенныхъ мѣстъ лишь за неуплату денежныхъ контрибуцій. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ конференція очевидно проводила аналогію съ правами оккупанта на сушѣ, несмотря на различіе между оккупантомъ—фактическимъ хозяиномъ занятой непріятельской территоріи и случайно явившеюся передъ незащищеннымъ непріятельскимъ мѣстомъ военною морскою силою. Впрочемъ, на случай бомбардировки военными силами IX конвенція устанавливаетъ такія же правила относительно пощады, „насколько возможно“, извѣстныхъ зданій и мѣстъ и предупрежденія мѣстныхъ властей, „если только военныя соображенія не дѣлаютъ этого невозможнымъ“, какъ IV конвенція относительно сухопутной бомбардировки (см. выше, стр. 401 сл.). Какъ и въ сухопутной войнѣ, воспрещается отдавать на разграбленіе городъ или мѣсто, даже взятые приступомъ.

Въ силу III Гаагской конвенціи мирной конференціи 1899 года на морскую войну распространены начала *Женевской конвенціи* 1864 г. Военно-госпитальными судами признаются суда, которыя построены или приспособлены государствомъ съ спеціальною и единственною цѣлью оказанія помощи раненымъ, больнымъ и погибающимъ и названія ко-

торыхъ были сообщены воюющимъ державамъ ранѣе употребленія ихъ въ дѣло, хотя бы и во время уже войны. Госпитальныя суда, снаряженныя самими воюющими государствами (военно-госпитальныя) или же подданными (частными лицами или оффиціально признанными обществами) воюющаго государства или, наконецъ, подданными нейтральнаго государства и оказывающія помощь раненымъ, больнымъ и погибающимъ, не подвергаются военнымъ дѣйствіямъ и не подлежатъ захвату, но могутъ быть задержаны воюющимъ. Названія этихъ судовъ должны быть заблаговременно сообщены, а снаряженныя частными лицами или обществами—имѣть оффиціальное разрѣшеніе воюющей державы и стоять подъ ея управленіемъ. Эти суда, для отличія, должны имѣть бѣлую окраску съ зеленой или красной продольной каймой и, наряду съ національнымъ флагомъ, поднимаютъ флагъ Женевской конвенціи. Другія нейтральныя суда, кромѣ названныхъ, принявшія раненыхъ, больныхъ или погибающихъ, не подлежатъ захвату за совершеніе этой перевозки, но не освобождаются отъ захвата въ случаѣ нарушенія ими нейтралитета. Госпитальныя суда должны оказывать помощь и попеченіе раненымъ, больнымъ и погибающимъ безъ различія національности. Правительства обязуются не пользоваться этими судами для военныхъ цѣлей, въ противномъ случаѣ они лишаются своихъ привиллегій. Эти суда ни въ чемъ не должны стѣснять движеній сражающихся; во время боя они дѣйствуютъ на собственный страхъ; воюющія стороны имѣютъ надъ ними право надзора и осмотра, могутъ отказаться отъ ихъ услугъ, приказать имъ удалиться, предписать опредѣленный курсъ и посадить на нихъ коммиссара, даже задержать ихъ, „если того потребуютъ важныя обстоятельства“.

Духовныя лица, врачи и лазаретная прислуга захваченныхъ судовъ неприкосновенны и не подлежатъ военному плѣну, а ихъ имущество и хирургич. инструменты составляютъ ихъ частную собственность, однако они должны продолжать (съ сохраненіемъ содержанія) исполненіе своихъ обязанностей, пока это будетъ необходимо и могутъ затѣмъ удалиться, если начальникъ судна признаетъ это возможнымъ.—Раненые и больные, безъ различія національности, находящіеся на захваченномъ госпитальномъ суднѣ, или на морск. транспортѣ, должны пользоваться покровительствомъ и попеченіемъ взятеля. Раненые, больные и погибавшіе, взятые противною стороной, признаются военноплѣнными, хотя бы они находились на остановленномъ госпитальномъ суднѣ. Они могутъ быть задержаны, или же отправлены въ одинъ изъ портовъ взятеля, или

въ нейтральный портъ, или даже въ портъ ихъ государства; въ послѣднемъ случаѣ они не могутъ нести службы во все продолженіе войны.

Нейтралитетъ. Госуд-ва, активно не участвующія въ войнѣ, называются нейтральными. Это неучастіе создаетъ между ними и воюющими державами особое правоотношеніе, называемое нейтралитетомъ. Выработка ученія о нейтралитетѣ принадлежитъ новѣйшему времени. Понятіе о немъ создалось преимущественно въ морской войнѣ, а относительно торговли—уже съ конца среднихъ вѣковъ; только въ концѣ XVIII вѣка оно приняло благодаря иниціативѣ Россіи (актъ вооруженнаго нейтралитета 1780 г.) опредѣленное прогрессивное направленіе. Затѣмъ въ началѣ прошлаго столѣтія, въ Наполеоновскихъ войнахъ, замѣтенъ какъ бы регрессъ на практикѣ, но доктрина все продолжала идти впередъ и Парижская декларація 1856 года санкціонировала нѣкоторыя правила, выработанн. ею относительно нейтр. торговли. Положеніе нейтральныхъ регулировано было въ новѣйшее время на Гаагской конференціи 1907 г. двумя конвенціями: V конвенціею о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ во время сухопутной войны и XIII—о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны. (См. Собр. Узак. 1910 г. № 78 ст. 828).

Виды нейтралитета. Нейтралитетъ бываетъ договорнымъ или обязательнымъ, и добровольнымъ. Нѣкоторыя госуд-ва (Швейцарія съ 1815 г., Бельгія съ 1831 г., Люксембургъ съ 1869 г.) *нейтрализованы* въ силу м. договоровъ и на вѣчныя времена; они обязаны оставаться нейтральными, хотя могутъ отказаться на свою отвѣтственность отъ своего нейтралитета. Госуд-ва также могутъ быть обязаны по договорамъ сохранять свой нейтралитетъ лишь въ опредѣленной войнѣ. Кромѣ такихъ случаевъ, нейтралитетъ для каждаго госуд-ва *добровольенъ;* вообще за исключеніемъ особыхъ соглашеній, каждое госуд-во конечно имѣетъ право, въ случаѣ войны между другими госуд-вами, оставаться нейтральнымъ. Въ этомъ заключается вся разница между простымъ, *добровольнымъ* нейтралитетомъ съ одной стороны и *договорнымъ*, обязательнымъ нейтралитетомъ съ другой.

Нейтралитетъ бываетъ *вооруженный*, если нейтральное государство выставляетъ для его защиты войска, что происходитъ обыкновенно, когда воюющія госуд-ва—сосѣди нейтральнаго. Юридически невѣрно понятіе *доброжелательнаго* нейтралитета. Особенная доброжелательность, симпатія или антипатія, оказываемая одному изъ воюющихъ, пока она не вы-

ражается активнымъ участіемъ для оказанія *матеріальной помощи*, не можетъ считаться нарушеніемъ нейтралитета.

Состояніе нейтралитета со всѣми вытекающими отсюда правами и обязанностями для неучаствующихъ въ войнѣ госуд-въ наступаетъ одновременно съ наступленіемъ состоянія войны между державами, между которыми произошелъ разрывъ. Формально оно наступаетъ съ момента полученія нейтральнымъ оффиціальн. увѣдомленія объ этомъ отъ воюющихъ госуд-въ; „состояніе войны должно быть безъ замедленія оповѣщено нейтральнымъ державамъ и будетъ имѣть для нихъ дѣйствительную силу лишь послѣ полученія оповѣщенія, какое-же можетъ быть сдѣлано даже по телеграфу; однако, нейтральныя державы не могутъ ссылаться на отсутствіе оповѣщенія, если будетъ установлено съ несомнѣнностью, что на дѣлѣ онѣ знали о состояніи войны“ (2 ст. III конвенціи 1907 г.).—Такъ какъ нейтральный является совершенно неучастнымъ спору воюющихъ госуд-въ и такъ какъ вслѣдствіе этого онъ имѣетъ право претендовать на то, чтобы ее интересы не терпѣли ущерба отъ войны другихъ государствъ, то *права* нейтральнаго госуд-ва относительно воюющихъ можно выразить въ общемъ положеніи, что нейтральн. госуд-во имѣетъ право оставаться по возможности незатронутымъ войною, т. е. что оно имѣетъ право отклонить всякое проявленіе послѣдствій состоянія войны между другими госуд-вами въ предѣлахъ своей территоріи, въ отношеніи осуществленія своихъ державныхъ правъ и въ отношеніи мирной дѣятельности своихъ подданныхъ поскольку оно само не ставитъ препятствій осуществленію воюющими (въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ) права осуществленія ими ихъ интересовъ при помощи войны, какъ международнаго, признаннаго способа принужденія.

Хотя нейтралитетъ не участвующихъ въ войнѣ державъ всегда предполагается самъ собою и особаго объявленія о немъ не требуется, но при началѣ войны нейтральныя госуд-ва часто издаютъ деклараціи, въ которыхъ они объявляютъ о фактѣ своего нейтралитета и о правилахъ, которымъ они намѣрены слѣдовать при соблюденіи его. Напр. Германія 13. II. 1904 г. по случаю русско-японской войны (Англійскую декларацію о нейтралитетѣ 1898 г. см. въ Морск. Сборн. 1898 № 7). Въ то же время обыкновенно и воюющіе издаютъ точно также заявленія, которыми они извѣщаютъ нейтральныхъ, какія права они за ними признаютъ и чего, съ другой стороны, они отъ нихъ ожидаютъ.

Такъ въ опубликованномъ при открытіи русско-японской войны II. 1904 г. Высоч. повелѣніи объ утвержденіи правилъ, которыми Россія намѣрена руководствоваться во время войны съ Японіею, указывалось между прочимъ (п. 3), что подданные нейтральныхъ госуд-въ могутъ безпрепятственно продолжать торговыя сношенія съ русскими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія законовъ Имперіи и началъ м. права; относительно нейтральной торговли подтверждались (п. 5) постановленія Парижской декларації 1856 г., и объявлялось (п. 7), что наравнѣ съ торговлей военной контрабандой должны считаться слѣд. недозволенныя дѣйствія: перевозка непріятельскихъ войскъ и непріятельскихъ депешъ, переписка (т. е. фиктивная продажа), поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ и транспортовъ, съ угрозой конфискаціи нейтральныхъ судовъ, застигнутыхъ съ такого рода военною контрабандою.—Державы, подписавшія III конвенцію 1907 г. (о морскомъ нейтралитетѣ) высказали во введеніи къ ней, что онѣ признаютъ желательнымъ, чтобы державы издавали точныя постановленія для опредѣленія послѣдствій ихъ нейтральнаго состоянія, и чтобы эти правила не подвергались произвольно измѣненію нейтральными во время войны.

Вообще *обязаности* нейтральныхъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нейтральное госуд-во должно воздерживаться отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ войну, т. е. оно ни должно оказывать ни тому, ни другому изъ воюющихъ никакой ни прямой, ни косвенной *матеріальной* помощи противъ его противника: не доставлять воюющимъ никакого оружія, *равно какъ и денегъ, военныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ*, не передавать и не продовать имъ военныхъ судовъ и т. п. хотя бы даже оно обязалось къ этому договоромъ, заключеннымъ съ одною изъ воюющихъ сторонъ до начала войны.

Спорнымъ является вопросъ о томъ, обязано ли нейтральное госуд-во отказывать воюющимъ въ заключеніе госуд-веннаго денежнаго займа (Англія не разрѣшила Франціи займа въ 1870 году); во всякомъ случаѣ было бы непозволительно, еслибы одному изъ воюющихъ дали возможность дѣлать заемъ, а другому—нѣтъ. Англія въ 1870 г. разрѣшила своимъ биржамъ открыть подписку на французскій военный заемъ.

2) Нейтральное госуд-во, какъ другъ, или non hostis обоихъ воюющихъ, должно держать себя *безпристрастно*. Нарушеніе безпристрастія выраженіемъ сочувствія частными лицами одной изъ сторонъ въ печати, въ парламентѣ, даже коллективно въ общественныхъ собраніяхъ и всякая иная нравственная поддержка не можетъ быть признана нарушеніемъ нейтралитета, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣтъ со стороны нейтральнаго матеріальной поддрежки воюющаго. Безпристрастіе въ поведеніи нейтральнаго состоитъ лишь въ томъ, чтобы не отказывать одной изъ воюющихъ сторонъ въ томъ, что разрѣшается другой. Такъ по 9 ст. XIII конв.

1907 г. нейтральн. держава должна примѣнять одинаково къ обоимъ воюющимъ условія, ограниченія или воспрещенія, установленныя ею относительно допущенія въ ея порты, рейды или террит. воды военныхъ судовъ воюющ. госуд-въ или ихъ призовъ; но она можетъ воспретить заходъ въ свои порты и свои рейды воюющему судну, которое пренебрегло бы исполненіемъ приказаній и распоряженій изданныхъ ею или которое нарушило бы нейтралитетъ. Такое воспрещеніе, какъ индивидуальное съ карательнымъ характеромъ не являлось бы нарушеніемъ принципа безпристрастія.

3) Нейтральное госуд-во въ правѣ и обязано не допускать *на своей территоріи* никакихъ враждебныхъ дѣйствій или продолженія ихъ со стороны воюющихъ. Нейтральная территорія на сушѣ и водѣ не можетъ быть ни театромъ непріятельскихъ дѣйствій, ни даже исходнымъ или опорнымъ пунктомъ для нихъ. Въ предѣлахъ нейтральной территоріи безусловно запрещаются не только военныя операціи, но и всякія вообще дѣйствія, преслѣдующія военныя цѣли. Нейтральное госуд-во должно защищать неприкосновенность своей территоріи; оно должно заботиться, чтобы его владѣнія уважались воюющими и всякое нарушеніе воюющими неприкосновенности территоріи нейтральнаго уполномачиваетъ послѣдняго на насильственное его отраженіе и требованіе удовлетворенія, а въ случаѣ отказа—на репрессаліи и даже войну, съ нарушеніемъ нейтралитета. 10 ст. V конвенціи 1907 г.: „Не можетъ разсматриваться какъ враждебное дѣйствіе отраженіе нейтральною державою, даже силой, покушеній на ея нейтралитетъ“. Если солдаты воюющихъ вступаютъ въ его территорію намѣренно или ненамѣренно, отдѣльно или цѣлыми отрядами, оно должно ихъ обезоруживать, задерживать и водворять съ примѣненіемъ къ нимъ правилъ военнаго плѣна въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ театра войны. Оно въ правѣ потребовать вознагражденіе за ихъ содержаніе отъ отечественнаго ихъ государства. (Примѣръ—армія ген. Бурбаки въ Швейцаріи въ 1871 г.). Эти же правила примѣнимы въ морской войнѣ относительно военныхъ судовъ,—напр., когда военное судно, преслѣдуемое противникомъ укроется въ нейтральномъ портѣ. Такъ дѣйствительно было поступлено въ 1904 г. съ русскими военными судами въ портѣ Тзиньтау,—они были разоружены.—V Гаагская конвенція постановляетъ въ этомъ отношеніи, что нейтр. держава, принявшая на свою территорію войска, принадлежащія къ воюющимъ арміямъ, обязана водворить ихъ, по возможности, далеко отъ театра войны. Ихъ можно содержать въ лагеряхъ или даже подвергнуть заключенію въ крѣпостяхъ или приспособленныхъ для этой цѣли мѣ-

стахъ. Офицеры могутъ быть оставлены на свободѣ подъ честнымъ словомъ не покидать нейтральную территорію безъ дозволенія. Нейтральный принимаетъ на себя довольствіе водворенныхъ пищею и одеждою и оказываетъ имъ помощь, требуемую человѣколюбіемъ, а произведенные имъ расходы по содержанію водворенныхъ возмѣщаются при заключеніи мира. Недопускается равнымъ образомъ провозъ военныхъ снарядовъ и аммуниціи, а тѣмъ болѣе—войскъ черезъ нейтральную территорію, а насильственный проходъ арміи черезъ нейтральную территорію можетъ быть признанъ нейтральнымъ за casus belli. Нейтральная держава можетъ принять бѣжавшихъ военноплѣнныхъ и оставить ихъ на свободѣ, но можетъ имъ назначить мѣстопребываніе. Нейтр. держава можетъ разрѣшить перевозку по своей территоріи раненыхъ и больныхъ, принадлежащихъ къ воюющимъ арміямъ подъ условіемъ, что везущіе ихъ поѣзда не перевозили бы ни войскъ, ни военныхъ припасовъ; въ этомъ случаѣ нейтр. госуд-во обязано принять необходимыя мѣры предосторожности и надзора. Доставленные при этихъ условіяхъ на нейтральную территорію однимъ изъ воюющихъ раненые и больные, принадлежащіе его противнику, должны быть содержимы нейтр. госуд-вомъ такъ, чтобы они не могли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такія же обязанности лежатъ на ней и по отношенію къ раненымъ и больнымъ другой арміи, ввѣреннымъ ея попеченію. Къ водвореннымъ на нейтр. территоріи больнымъ и раненымъ примѣняется Женевская конвенція.

Гаагскою конференціею 1907 г. (V и XIII конвенція) признано, что территорія нейтральныхъ державъ неприкосновенна для воюющихъ. Воюющіе обязаны уважать верховныя права нейтральныхъ державъ и воздерживаться на нейтр. территоріи или въ нейтральныхъ водахъ отъ всякихъ дѣйствій, допущеніе коихъ со стороны нейтральныхъ явилось бы нарушеніемъ ихъ нейтралитета. Поэтому, въ частности, воюющимъ воспрещается: устраивать на территоріи нейтральной державы станціи безпроволочнаго телеграфа или всякаго рода приспособленія, предназначенныя служить средствомъ сообщенія съ силами воюющихъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и пользоваться въ цѣляхъ исключительно военныхъ всякимъ такого рода сооруженіемъ, установленнымъ ими до войны на территоріи нейтральной державы и не открытымъ для надобностей общаго пользованія. На территоріи нейтральной державы не могутъ быть формируемы въ пользу воюющихъ никакіе военные отряды и открываемы учрежденія для вербовки. Съ своей стороны, нейтральная держава не должна допускать на своей территоріи такихъ дѣйствій, противныхъ нейтралитету и карать ихъ, если они совершены на ея территоріи. Всякія враждебныя дѣйствія, включая захватъ и осуществленіе права осмотра, совершенныя военными судами воюющихъ въ территоріальныхъ водахъ нейтральной державы, составляютъ нарушеніе нейтралитета и строго воспрещаются. Если судно было захвачено въ тер-

реторіальныхъ водахъ нейтральной державы, то послѣдняя должна, если призъ находится еще въ предѣлахъ ея юрисдикціи, употребить зависящія средства, чтобы призъ и его экипажъ съ офицерами былъ отпущены, а экипажъ, посаженный на призъ взятелемъ, подвергнутъ водворенію; если же такой призъ находится внѣ предѣловъ юрисдикціи нейтральной державы, то по требованію послѣдней онъ долженъ быть отпущенъ взятелемъ. Никакой призовый судъ не мож. б. образованъ воюющимъ на нейтральной территоріи или на суднѣ въ нейтральныхъ водахъ. Воспрещается воюющимъ создавать изъ нейтральныхъ портовъ и водъ базу морскихъ операцій противъ своихъ непріятелей, въ частности—устраивать тамъ станціи радіо-телеграфа или всякія приспособленія, предназначенныя служить средствомъ сообщенія съ воюющими силами на сушѣ или на морѣ.

Нейтралитетъ державы не считается нарушеннымъ или затронутымъ простымъ *проходомъ* черезъ ея территоріальн. воды военныхъ судовъ и призовъ воюющихъ. Она можетъ даже предоставить имъ пользоваться ея коронными лоцманами. Но военнымъ судамъ воюющихъ воспрещается оставаться въ нейтральн. портахъ, рейдахъ или террит. водахъ долѣе 24 часовъ, исключая случая аваріи или бури на морѣ, и оно должно уйти, какъ только причина замедленія исчезнетъ. Если держава, получившая извѣстіе о войнѣ узнаетъ, что военное судно воюющаго находится въ ея портѣ, рейдѣ или террит. водахъ, она обязана потребовать удаленія его въ теченіи 24 часовъ или въ теченіи срока, предписаннаго мѣстнымъ закономъ. Правила объ ограниченіи срока пребыванія въ нейтральныхъ портахъ и водахъ не примѣняются къ судамъ, исключительно предназначеннымъ для цѣлей религіозныхъ, научныхъ или филантропическихъ.—При отсутствіи иныхъ особыхъ правилъ въ законодательствѣ нейтральнаго, одновременно въ одномъ изъ его портовъ или рейдовъ можетъ находиться не болѣе трехъ военныхъ судовъ одной и той же воюющей державы. Когда военныя суда обѣихъ воюющихъ сторонъ находятся одновременно въ нейтральномъ портѣ или рейдѣ, должно протечь по крайней мѣрѣ 24 часа между выходомъ судна одного воюющаго и выходомъ судна другого. Очередь выхода опредѣляется очередью прихода, за исключеніемъ случая, когда судно, пришедшее первымъ, находится въ положеніи, при которомъ допускается продленіе законнаго срока пребыванія. Военное судно воюющаго не можетъ покинуть нейтральный портъ или рейдъ ранѣе истеченія 24 часовъ послѣ выхода торговаго судна, носящаго флагъ его противника.—Въ нейтральныхъ портахъ и рейдахъ военныя суда воюющихъ могутъ исправлять свои аваріи лишь въ мѣрѣ, необходимой для безопасности ихъ плаванія и не увеличивая какимъ бы то ни было образомъ свою военную силу. Нейтральная власть удостовѣряется въ свойствахъ необходимыхъ исправленій, которыя должны быть выполнены въ возможной скорости. Военныя суда воюющихъ не могутъ пользоваться нейтральными

портами и террит. водами для возобновленія или увеличенія своихъ военныхъ запасовъ или своего вооруженія, а равно для пополненія своихъ экипажей. Они могутъ снабжаться въ нихъ только для пополненія своего нормальнаго запаса мирнаго времени. Эти суда могутъ равнымъ образомъ брать топливо только для достиженія ближайшаго порта ихъ собственной страны. Они могутъ, однако, брать топливо, необходимое для совершеннаго заполненія своихъ угольныхъ ямъ, когда они находятся въ нейтральныхъ странахъ, которыя приняли этотъ способъ опредѣленія подлежащаго доставленію угля. Военныя суда воюющихъ, которыя взяли топливо въ нейтральномъ портѣ, не могутъ уже въ теченіи ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ вновь возобновить свои запасы въ портѣ той же державы. Призъ можетъ быть приведенъ въ нейтральный портъ лишь по причинѣ неспособности къ плаванію, дурного состоянія моря, недостатка топлива или припасовъ. Онъ долженъ уйти, какъ только причина, которая оправдывала входъ, перестала существовать. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то нейтральная держава обязана дать ему приказаніе немедленно удалиться; въ случаѣ, если бы онъ тому не подчинился, нейтральная держава должна прибѣгнуть къ находящимся въ ея распоряженіи средствамъ для того, чтобы освободить призъ, съ его офицерами и экипажемъ, и подвергнуть водворенію экипажъ, посаженный на судно взятелемъ. Нейтральная держава обязана равнымъ образомъ освободить призъ, который былъ бы приведенъ внѣ предусмотрѣнныхъ выше чрезвычайныхъ условій. Она можетъ дозволить доступъ въ свои порты и рейды призамъ, какъ подъ конвоемъ, такъ и безъ него, когда они приведены туда для того, чтобы оставаться подъ секвестромъ въ ожиданіи рѣшенія призового суда. Если призъ конвоируется военнымъ судномъ, офицеры и нижніе чины, посаженные на призъ взятелемъ, имѣютъ право перейти на конвоирующее судно. Если призъ идетъ одинъ, то личный составъ, посаженный на него взятелемъ, остается на свободѣ.—Если, несмотря на оповѣщеніе со стороны нейтральной державы, военное судно воюющаго не уходитъ изъ порта, въ которомъ оно не имѣетъ права оставаться, нейтральная держава имѣетъ право принять мѣры, какія сочтетъ необходимыми, для того, чтобы сдѣлать судно неспособнымъ выйти въ море въ продолженіе войны, и командиръ судна долженъ облегчить осуществленіе этихъ мѣръ. Когда воюющее судно задерживается нейтральной державою, то равнымъ образомъ задерживаются офицеры и экипажъ; они могутъ быть оставлены на суднѣ или помѣщены на иномъ суднѣ или на берегу; они могутъ быть подвергнуты ограничительнымъ мѣрамъ. Офицеры могутъ быть оставлены на свободѣ подъ честнымъ словомъ не покидать безъ разрѣшенія нейтральную территорію.—Нейтр. держава обязана по мѣрѣ средствъ, коими она располагаетъ, озабочиваться предупрежденіемъ нарушенія постановленій конвенціи въ ея портахъ и водахъ, и осуществленіе ею правъ, опредѣленныхъ конвенціею, никогда не можетъ быть сочтено за дѣйствіе

недружелюбное тѣмъ или другимъ изъ воюющихъ, подписавшихъ конвенцію.

Во время сѣвероамериканской междоусобной войны Англійское правительство допустило снаряженіе въ Англіи крейсеровъ южныхъ штатовъ. Возникшій по этому поводу и получившій по имени одного изъ этихъ крейсеровъ—„Алабамы"—названіе Алабамскаго, споръ между С. Штатами и Англіею былъ переданъ въ 1871 г. спорящими на третейское разбирательство. Англія была присуждена къ 15½ милл. долларовъ. Въ 6 ст. третейскаго договора, заключеннаго между Англіею и С. Штатами въ Вашингтонѣ въ маѣ 1871 г. были между прочимъ формулированы 3 правила, опредѣляющихъ обязанности нейтр. госуд-въ въ предѣлахъ ихъ территоріальныхъ водъ и извѣстныя подъ названіемъ Вашингтонскихъ правилъ. Правила эти формулированы слѣд. образомъ: Нейтральное правительство „обязано прилагать надлежащее стараніе (due diligence), чтобы воспрепятствовать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, снаряженію, вооруженію, или снабженію экипажемъ всякаго судна, относительно котораго имѣется достаточное основаніе предполагать, что оно предназначается для военныхъ операцій противъ государства, пребывающаго съ нимъ въ мирѣ, равнымъ образомъ прилагать подобное же стараніе, чтобы предупредить отправленіе изъ предѣловъ своей юрисдикціи подобнаго рода судовъ; 2) не разрѣшать и не допускать, чтобы одна изъ воюющихъ сторонъ пользовалась его портами и водами, какъ базисомъ для морскихъ операцій противъ другой, либо для возобновленія или увеличенія количества военныхъ припасовъ или оружія, либо для набора войскъ; 3) прилагать должное стараніе, въ собственныхъ портахъ и водахъ, а также въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ въ предѣлахъ его юрисдикціи, чтобы предупредить всякое нарушеніе вышеприведенныхъ обязательствъ и обязанностей". (Вашингтонскія правила приняты были и Институтомъ м. права, Гаага 1875. Изъ постановленнаго судомъ 1872 г. рѣшенія вытекала и санкція этихъ правилъ,— нарушившая ихъ нейтральная держава отвѣчаетъ за всякій вредъ, причиненный воюющему этими судами, если оно сознательно или по неосмотрительности допустило такое нарушеніе нейтралитета.

XIII Гаагская конвенція 1907 года формулируетъ тотъ же принципъ въ ст. 8: „Нейтр. правительство обязано, пользуясь всѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи, препятствовать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, снаряженію и вооруженію всякаго судна, которое оно имѣетъ разумное основаніе считать предназначеннымъ для крейсерства или для содѣйствія военнымъ операціямъ противъ державы, съ которою оно находится въ мирѣ. Оно равнымъ образомъ обязано слѣдить за тѣмъ, чтобы воспрепятствовать выходу изъ предѣловъ его юрисдикціи всякаго судна, которое предназначено для крейсерства или для содѣйствія военнымъ операціямъ и которое было въ цѣломъ или въ части приспособлено, въ предѣлахъ его юрисдикціи, для военныхъ надобностей".

4) Кромѣ нарушеній нейтралитета, связанныхъ съ отношеніями территоріальнаго верховенства государства и выражающихся съ его

стороны активно in faciendo или же пассивно in patiendo, возможны нарушенія нейтралитета въ области проявленія личнаго суверенитета нейтральн. госуд-ва, въ смыслѣ отношенія его къ дѣятельности его подданныхъ въ ихъ отношеніяхъ къ воюющимъ. Несомнѣнно госуд-во и его правительство несутъ сполна всѣ права и обязанности нейтралитета. Государство и его правительство не должно напр. поставлять воюющимъ оружія изъ своихъ арсеналовъ или казенныхъ заводовъ, оно не въ правѣ вообще принимать на себя какія бы то ни было военныя поставки для воюющихъ, напр., продавать или передавать ему суда изъ своего государственнаго флота или построенныя на казенныхъ заводахъ; не должно оно участвовать своими, госуд-венными денежными средствами въ выпускѣ или въ подпискѣ на внѣшній военный заемъ, заключаемый воюющимъ и т. д. Словомъ, госуд-во, какъ таковое, а слѣд. его внѣшніе представительные органы (правительство вообще) обязаны воздерживаться отъ всякаго предоставленія воюющимъ помощи или поддержки своими политическими или хозяйственными рессурсами. Но, спрашивается, обязано ли оно вмѣстѣ съ тѣмъ блюсти за тѣмъ, чтобы такое же воздержаніе и безучастіе къ воюющимъ соблюдали и его подданные, частныя лица? Обязано ли оно, напр., для охраны своего нейтралитета воспрещать и активно не допускать открытія своими подданными—банкирами открытіе подписки, или участіе въ подпискѣ т. наз. финансированіе военнаго займа, заключаемаго воюющимъ или воспретить своимъ частнымъ оружейнымъ заводамъ подряды и поставку оружія для воюющаго? Изъ фактовъ практ. жизни можно заключить, что *въ принципѣ* госуд-ва считаютъ себя обязанными возлагать нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, обязанности нейтралитета и на своихъ подданныхъ. Такъ, Угол. Улож. ст. 137: „Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости". Между тѣмъ въ современной же *междун.* практикѣ можно замѣтить тенденцію какъ будто къ обособленію правъ и обязанностей нейтралитета частныхъ лицъ, подданныхъ нейтр. госуд-въ отъ соотвѣтственныхъ правъ и обязанностей госуд-въ. Такъ напр. по вопросу о военныхъ займахъ,—въ 1904 г. прусскимъ правительствомъ разрѣшено было берлинской биржѣ открыть подписку и на русскій, и на японскій военные займы. Или, сообразно съ практикой многихъ госуд-въ, нейтральное госуд-во можетъ допускать на своей территоріи *вербовку* солдатъ для одного изъ воюющихъ, если оно позволяетъ тоже самое и для другого. Но съ понятіемъ нейтралитета болѣе согласуется запрещеніе

всякихъ такихъ вербовокъ во время войны, хотя бы подобная вербовка допускалась вообще внутреннимъ законодательствомъ страны. Foreign enlistment act американскій 1818 г. и англійскій 1870 г. запрещаютъ вступленіе подданныхъ на службу воюющихъ державъ. V Гаагская конвенція 1907 г. запрещаетъ нейтральному разрѣшать открытіе „учрежденій для вербовки" на своей территоріи (ст. 4); но „отвѣтственность нейтр. держаны не возникаетъ изъ факта, если частныя лица отдѣльно переходятъ границу для поступленія на службу одного изъ воюющихъ" (ст. 6). Слѣдовательно право вступленія отдѣльныхъ частныхъ лицъ, не состоящихъ на службѣ нейтр. госуд-ва, въ военную службу того или другого изъ воюющихъ,—вопросъ внутренняго права. Если нейтральное госуд-во дозволитъ своимъ подданнымъ вступленіе въ войско одного изъ воюющихъ, то оно не можетъ запретить имъ службы въ войскѣ другого. Офицеры и солдаты, состоящіе на службѣ нейтральн. госуд-ва, могутъ вступить подъ знамена воюющихъ лишь выйдя въ отставку, въ противномъ случаѣ является основаніе къ обвиненію ихъ отечества въ нарушеніи нейтралитета. Само собою разумѣется, что отдѣльные подданные нейтральныхъ, вступившіе въ составъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, разсматриваются какъ воюющіе, подлежатъ лично законамъ войны и военнаго плѣна, но ихъ правительство за нихъ не отвѣчаетъ.

Въ V Гаагской конвенціи 1907 г. сдѣлана попытка, не вполнѣ впрочемъ удачная, формулировать обязанности и права не нейтр. госуд-въ, а *„нейтральныхъ лицъ"*, т. е. *„подданныхъ госуд-ва не принимающаго участія въ войнѣ"*. Конвенція постановляетъ: Нейтральный не можетъ ссылаться на свой нейтралитетъ,—а) если онъ совершаетъ дѣйствія *враждебныя* по отношенію къ воюющему; и б) если онъ совершаетъ дѣйствія *въ пользу* воюющаго, а именно—если онъ добровольно поступаетъ на службу въ ряды военныхъ силъ одной изъ сторонъ. Въ такомъ случаѣ нейтральный не долженъ подвергаться болѣе суровому обращенію со стороны воюющаго, во вредъ которому онъ отказался отъ нейтралитета, чѣмъ то, какому подвергся бы за подобное же дѣяніе подданный другого воюющаго госуд-ва (ст. 17). Не будутъ разсматриваться какъ дѣйствія, совершенныя въ пользу одного изъ воюющихъ, въ смыслѣ ст. 17 лит. б: а) поставки или займы, совершенные для одного изъ воюющихъ, если только поставщикъ или заимодавецъ не проживаетъ ни на территоріи другой стороны, ни на территоріи, занятой ею, и поставленные предметы не происходятъ изъ этихъ территорій; и б) услуги, оказанныя въ области полиціи или гражданскаго управленія (ст. 18).—Соотвѣтственно этому

тождественная 7 ст. V и XIII конвенціи 1907 г. постановляетъ: „Нейтральн. держава не обязана препятств. вывозу или транзиту за счетъ того или другого изъ воюющихъ, оружія, боевыхъ припасовъ и вообще всего, что можетъ быть полезно арміи или флоту". Но этимъ разрѣшеніемъ по существу лишь снимается съ нейтральнаго правительства отвѣтственность за дѣйствія его подданныхъ, пот. что если такой купеческій транспортъ попадетъ въ руки не того воюющаго, которому онъ адрессованъ, а его противнику, то онъ подлежитъ конфискаціи какъ военная контрабанда.

Возможны случаи, когда нейтральныя суда въ смыслѣ ихъ юридическаго положенія, сравниваются, *отождествляются съ судами непріятельскими*. Таковы нейтральныя суда: 1) участвующія въ военныхъ дѣйствіяхъ, или 2) силою сопротивляющіяся осмотру, или 3) фиктивно перемѣнившія непріятельскій флагъ на флагъ нейтральный. Лондонская Декларація 1909 г. постановляетъ (ст. 46), что нейтр. судно конфискуется и вообще подвергается тѣмъ послѣдствіямъ, коимъ оно подлежало бы, еслибы было непріятельскимъ торговымъ судномъ: 1) когда оно принимаетъ *прямое* участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; 2) когда оно находится подъ начальствомъ или подъ контролемъ особаго лица, помѣщеннаго на судно непріятельскимъ правительствомъ; 3) когда оно зафрахтовано цѣликомъ непріятельскимъ правительствомъ, и 4) когда оно въ данный моментъ и *исключительно* привлечено или къ перевозкѣ непріятельскихъ войскъ, или къ передачѣ свѣдѣній въ интересахъ непріятеля". Сверхъ того Декларація указываетъ случаи, когда нейтр. судно за оказываемыя имъ услуги воюющему конфискуется, но не приравнивается къ воюющему; эти случаи (ст. 45) мы укажемъ ниже. По существу дѣла, но не въ буквальныхъ выраженіяхъ Декларація приравниваетъ къ непріятельскимъ нейтральныя суда, силою сопротивляющіяся осмотру,—„сопротивленіе, оказанное силою законному осуществленію правъ остановки, осмотра и захвата, влечетъ за собой во всѣхъ случаяхъ конфискацію судна" (ст. 63). Здѣсь судно совершаетъ враждебный актъ и съ этого момента съ нимъ дозволительно обращаться какъ съ непріятельскимъ. И дѣйствительно, „грузъ его подвергается тѣмъ же послѣдствіямъ, коимъ подлежалъ бы грузъ непріятельскаго судна; товары, принадлежащіе капитану или собственнику судна, разсматриваются, какъ товары непріятельскіе" (тамъ же), что же касается остальныхъ нейтральныхъ товаровъ на такомъ суднѣ, то такъ какъ оно утратило привиллегію нейтральн. флага, то ихъ собственники должны искать ихъ вы-

дачи въ порядкѣ призоваго суда, какъ бы они были захвачены на непріятельскомъ суднѣ.

Декларація довольно подробно разсматриваетъ, далѣе, вопросъ *о фиктивной перемѣнѣ флага* въ предвидѣніи и послѣ начала военныхъ дѣйствій между воюющими. Какъ мы уже видѣли, національность судна и его юридическое положеніе опредѣляется флагомъ, которымъ онъ законно пользуется. Въ предвидѣніи возможности случаевъ фиктивнаго пріобрѣтенія, частнымъ судномъ воюющаго, права на нейтральный флагъ ради того, чтобы укрыться подъ нимъ во время войны, Декларація устанавливаетъ рядъ правилъ, по которымъ даже совершенное законно, съ формальной стороны, пріобрѣтеніе нейтральнаго флага, можетъ быть оспорено и даже отвергнуто во время войны воюющимъ и призовою юстиціею. Перемѣна флага непріятельскаго на флагъ нейтральный признается ничтожною, „если переходъ былъ совершенъ съ цѣлью избѣжать послѣдствій, кои вызываются характеромъ непріятельск. судна (ст. 55, 56). Для опредѣленія этой цѣли декларація дѣлитъ всѣ переходы подъ нейтр. флагъ на совершенные до войны и совершенные послѣ начала войны и для обоихъ случаевъ устанавливаетъ самостоятельную систему доказательствъ и презумпцій добросовѣстности или недобросовѣстности. Перемѣна, совершенная *послѣ начала войны* предполагается не добросовѣстной и переходъ—ничтожнымъ, пока противное не будетъ доказано судномъ, т. е. отвѣтчикомъ. Эта презумпція превращается въ безусловную, не допускающую доказательствъ противнаго (praesumptio juris et de jure) въ трехъ случаяхъ: 1) если переходъ былъ совершенъ въ то время, когда судно находилось въ плаваніи или въ блокированномъ портѣ; 2) если онъ совершенъ съ оговоркой права обратнаго выкупа или требованія возврата и 3) если условія, коимъ подчинено право поднятіе флага, по законодательству носимаго флага, не были выполнены, т. е. не были вполнѣ соблюдены. Недобросовѣстность перемѣны флага, совершенной *до начала войны*, доказывается взятелемъ и, пока доказательства не представлено, переходъ признается дѣйствительнымъ. Но презумпція добросовѣстности отпадаетъ и обязанность доказать противное переходитъ на судно, если переходъ совершенъ былъ менѣе, чѣмъ за 60 дней до начала войны и если акта перехода нѣтъ на суднѣ (ст. 55, ч. 1); за то, съ другой стороны, общая презумпція превращается въ безусловную, не допускающую доказательства противнаго, если переходъ, совершившійся ранѣе 30 дней до открытія военныхъ дѣйствій является „абсолютнымъ, полнымъ, согласнымъ съ законодательствомъ подлежащихъ странъ, и если

онъ имѣетъ то послѣдствіе, что распоряженіе судномъ и прибыль съ него не остаются въ тѣхъ же рукахъ, что и до перехода (ст. 55 ч. 2). Недобросовѣстный переходъ, разъ онъ доказанъ въ порядкѣ ст. 55 и 56 декларації, даетъ право отождествить нейтр. судно съ непріятельскимъ, т. е. подвергнуть его захвату.

Вытекающія изъ нейтралитета права и обязанности въ общемъ одинаковы, идетъ ли дѣло о нейтрализованныхъ госуд-вахъ, или о такихъ, которыя нейтральны добровольно. Если нейтральное госуд-во окажется виновнымъ въ нарушеніи возложенной на него обязанности нейтралитета, то воюющая сторона, потерпѣвшая отъ этого, мож. потребовать отъ него вознагражденія, или же объявить, что она не считаетъ для себя обязательнымъ нейтралитетъ, который нейтральное госуд-во не сумѣло сохранить, и съ своей стороны также можетъ нарушить нейтралитетъ, который не былъ соблюденъ самимъ нейтральнымъ.

Нейтральная собственность на морѣ. Относительно нейтральной собственности на морѣ Consolato del mare по принципу Suum cuique установилъ неприкосновенность нейтральной собственности на непріятельскомъ суднѣ и конфискацію непріятельской на нейтральномъ. Этотъ принципъ усвоенъ былъ англійскою практикою, между тѣмъ какъ Голландія отстаивала правило, что нейтральный флагъ покрываетъ и непріятельскій грузъ и что на нейтральномъ суднѣ можетъ быть конфискована только военная контрабанда. Этотъ послѣдній принципъ, основанный на отождествленіи нейтральнаго судна съ нейтральн. территоріею, принятъ былъ и Актомъ воор. нейтралитета 1780 г. По нынѣ дѣйствующему м. праву непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ неприкосновененъ, за исключеніемъ военной контрабанды, равно какъ и нейтральный подъ непріятельскимъ, съ тѣмъ же исключеніемъ.

Нейтральная торговля. Нейтральное госуд-во имѣетъ неотъемлемое право на продолженіе во время войны мирныхъ сношеній съ воюющими странами, на сколько это фактически возможно. Въ особенности война не прекращаетъ сама по себѣ, права нейтральнаго госуд-ва и его подданныхъ на торговыя сношенія съ воюющими, и *только блокада*, законнымъ образомъ установленная, *и запрещеніе военной контрабанды* ограничиваютъ въ этомъ отношеніи свободу нейтральныхъ. Правиломъ все-таки остается *свобода торговли*. Поэтому нейтральное правительство не обязано запрещать своимъ подданнымъ опредѣленной, даже вредной для одного изъ воюющихъ торговли и неотвѣтственно, если они производятъ таковую на свой собственный рискъ; но каждый воюющій, съ своей сто-

роны, имѣетъ право воспрепятствовать этой вредной ему торговлѣ, равно какъ и всякой торговлѣ съ мѣстами, которыя онъ блокируетъ. Англійское правительство держится того мнѣнія, что хотя англійскимъ подданнымъ и запрещается заниматься военной контрабандой, но отвѣтственность за нарушеніе этого запрещенія лежитъ на самихъ виновныхъ, которые лишаются своей собственности въ случаѣ захвата; наказывать же ихъ за это въ Англіи нѣтъ основаній, такъ какъ они не совершаютъ никакого преступленія противъ своего отечества.

Сообразно съ этимъ, какъ мы видѣли (7 ст. V и XIII Гаагскихъ конвенцій 1907 г.), по дѣйствующему м. праву вообще не воспрещается подданнымъ нейтральныхъ государствъ продавать *оружіе и боевые снаряды* воюющему, если только допускается продажа и другому. Но посылаемые подданными нейтральнаго госуд-ва, оружіе и военные припасы, могутъ быть конфискованы воюющимъ, какъ военная контрабанда, и нейтральное правительство не въ правѣ въ этомъ случаѣ вступиться за своихъ подданныхъ. Тѣже правила относятся и къ *найму* судовъ для *перевозки военнаго матеріала*.

Военной контрабандой называются товары, которые особенно употребляются для военныхъ дѣйствій и способны увеличить собой военныя или боевыя силы воюющихъ (Пиринейскій миръ 1659 г., Утрехтскій 1713 г., Актъ 1780 г.), а практика распространяетъ это понятіе на всѣ вообще предметы, предназначенные для военныхъ силъ воюющихъ или пригодные для изготовленія боевыхъ снарядовъ. Само собою ясно, что нейтральное правительство не выполнило бы своихъ обязанностей, если бы само стало доставлять такіе предметы одному изъ воюющихъ. Военную контрабанду составляютъ прежде всего предметы, служащіе *прямо непосредственно войнѣ* (оружіе, боевые снаряды, мины, торпеды, динамитъ), сюда же причисляются обыкновенно войска, перевозимыя для воюющихъ, ихъ военные агенты и переписка (см. 2 ст. IX конференціи 1907 г.). Всѣ эти предметы безусловно подлежатъ конфискаціи.— Далѣе слѣдуютъ вещи, *косвенно* могущія служить для военныхъ цѣлей: каменный уголь, машины для судовъ, рельсы, канаты, паруса, смола, деготь, перевозочныя средства, лошади, желѣзнодорожныя, телеграфныя и телефонныя принадлежности. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, основанному на практикѣ нѣкоторыхъ государствъ (Англіи), такіе предметы „двоякаго употребленія“ (res ancipitis usus, по опредѣленію Гроція), подлежатъ конфискаціи только тогда, когда обстоятельства показываютъ намѣреніе увеличить ими военныя средства против-

ника. (Съ этимъ мнѣніемъ однако не соглашается Институтъ м. права, Венеція 1896). Въ виду отсутствія до новѣйшаго времени (1907 г.) общепризнанной правовой нормы, воюющіе обыкновенно объявляютъ, какіе предметы они будутъ признавать контрабандою (см. напр. русскій регламентъ о контрабандѣ 1904 г. въ собр. Узак. 1904 № 26 ст. 184). Рѣшительное значеніе для состава преступленія доставки военной контрабанды имѣетъ назначеніе судна съ военной контрабандою въ непріятельскій портъ, хотя бы окольнымъ путемъ (т. наз. теорія непрерывнаго плаванія), т. е. когда судно идетъ не прямо въ одинъ портъ (воюющаго), а въ разные порты и, въ томъ числѣ,—воюющаго. Поэтому для захвата и конфискаціи необходимо, чтобы нейтральный былъ застигнутъ съ запрещеннымъ грузомъ въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющаго и чтобы грузъ этотъ предназначался въ порты воюющаго. По мнѣнію Института м. права (Венеція 1896) „назначеніе груза для воюющаго предполагается въ случаѣ, если онъ направлется въ одинъ изъ его портовъ или хотя и въ нейтральный, но лишь попутно, такъ что этотъ заходъ въ нейтральный портъ служитъ лишь этапомъ одной и той же торговой операціи“. По мнѣнію англійскихъ юристовъ рѣшающее значеніе должно давать не порту назначенія судна, а конечному мѣсту назначенія самаго груза. По *совершеніи* акта доставки контрабанды судно не подлежитъ отвѣтственности передъ воюющимъ. Спорные вопросы и самый вопросъ о законности захвата рѣшаются призовымъ судомъ, при чемъ onus probandi возлагается на собственника груза и шкипера. Въ случаѣ захвата судна съ контрабандою, можетъ быть конфисковано и судно, и грузъ. Судно конфискуется (по русскому Полож. о призахъ) въ томъ только случаѣ, если собственникъ его зналъ о составѣ груза и его назначеніи или если контрабанда составляетъ болѣе половины всего груза или, наконецъ, если предметомъ ея является военная команда, огнестрѣльные или боевые снаряды. Также и грузъ конфискуется сполна только въ томъ случаѣ, если контрабанда составляетъ ½ цѣнности всего груза или если весь грузъ принадлеж. одному лицу. Предметы двоякаго употребленія не конфискуются, а либо арестуются на время войны, либо отбираются съ вознагражденіемъ собственника (это послѣднее правило признано Институтомъ м. права, Венеція 1896 г.).—Правовыя нормы, касающіяся военной контрабанды примѣняются только къ морской войнѣ. Поэтому онѣ непримѣнимы, напр., къ желѣзнодорожнымъ перевозкамъ.

Постановленія Лондонской конференціи 1908—1909 гг. въ значительной степени устраняютъ господствовавшій ранѣе произволъ и неопредѣленность въ опредѣленіи военной контрабанды.

Право воюющаго препятствовать перевозкѣ в. контрабанды нейтральными выражается прежде всего и непосредственно по отношенію къ предметамъ этой категоріи тѣмъ, что грузы, подходящіе подъ понятіе в. контрабанды, если они встрѣчены воюющимъ въ морѣ на иностранномъ суднѣ,—непріятельскомъ или нейтральномъ, безразлично—подлежатъ конфискаціи въ пользу воюющаго, хотя бы они принадлежали нейтральному собственнику. Мало того, въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ право конфискаціи распространяется, кромѣ груза, и на перегозящее такой грузъ судно; въ этихъ случаяхъ грузъ придаетъ какъ бы враждебный непріятельскій характеръ судну, и нейтральное судно отождествляется съ непріятельскимъ въ силу предполагаемаго служенія его интересамъ воюющаго.

И Лондонская декларація сохраняетъ сполна право воюющихъ относительно в. контрабанды: „Предметы контрабанды подлежатъ конфискаціи“ (ст. 39). Но мало этого, декларація признаетъ не только запрещенность, но даже какъ бы наказуемость перевозки контрабанды нейтральнымъ. Это видно изъ того, что по ст. 42 конфискаціи подлежитъ не только контрабанда, найденная на суднѣ, но и другіе „товары, принадлежащіе *собственнику* контрабанды и находящіеся на одномъ съ нею суднѣ“. Неблагопріятныя послѣдствія влечетъ за собою и перевозка контрабанды: въ извѣстныхъ случаяхъ она влечетъ за собою конфискацію судна, во всѣхъ другихъ она влечетъ весьма существенные убытки для судовладѣльца. Именно: 1) захватитель во всякомъ случаѣ имѣетъ право отвести перевозящее контрабанду судно въ отечественный портъ для призового суда. Освобожденіе судна вполнѣ зависитъ отъ взятеля. По ст. 44, перевозящему контрабанду судну *можетъ быть* дозволено, *смотря по обстоятельствамъ*, продолжать путь, если капитанъ согласится передать контрабанду на судно воюющаго. Такіе случаи возможны лишь въ случаѣ крайней незначительности контрабаднаго груза (напр., ящикъ съ оружіемъ) и однако даже для такихъ случаевъ конференція не нашла возможнымъ предоставить нейтральному *право* продолжать свой путь по передачѣ предметовъ контрабанды взятелю, который съ своей стороны не могъ бы отказаться отъ принятія ихъ иначе, какъ по достаточнымъ основаніямъ. Избавиться отъ убытковъ, сопряженныхъ съ уклоненіемъ судна отъ пути и задержаніемъ его на время судебнаго слѣдствія, судно можетъ слѣд. даже въ подобныхъ случаяхъ только изъ милости взятеля. Не установлено также никакого срока для слѣдственнаго производства, а слѣд. и для задержанія судна въ призо-

вомъ портѣ,—это задержаніе можетъ длиться до рѣшенія призового суда, которымъ опредѣляется, должно ли быть отпущено захваченное судно или оно и само подлежитъ конфискаціи (ст. 41). Но мало всего этого, даже при освобожденіи судна отъ конфискаціи судовладѣлецъ несетъ всѣ расходы, причиненные *взятелю* „производствомъ въ приз. судѣ. равно какъ и сохраненіемъ судна и его груза во время слѣдствія“,—другими словами, вопреки основному правилу всякаго процессуальнаго права, возмѣщеніе судебн. издержекъ возлагается во всякомъ случаѣ на нейтральнаго, хотя бы онъ и былъ стороною, выигравшею процессъ. Это мнимое „возмѣщеніе судебныхъ расходовъ“ есть по существу ни что иное, какъ штрафъ за перевозку недозволенныхъ грузовъ; и разсматриваемое постановленіе ст. 41 явилось лишь видоизмѣненіемъ предложенія, сдѣланнаго на конференціи Россіею,—для случаевъ, когда само судно конфискаціи не подвергается, установить денежный штрафъ въ размѣрѣ, превышающемъ въ пять разъ стоимость контрабаднаго груза. Самая мысль о наложеніи денежной пени за перевозку контрабанды признана была основательною, но конференція предпочла косвенный путь, ничего по существу не измѣняющій, такъ какъ оцѣнка судебн. издержекъ и стоимости привода всегда будетъ принадлежать государству взятелю.—Что же касается случаевъ *конфискаціи судна*, перевозящаго контрабанду, то по ст. 40: „Конфискація судна, перевозящаго контрабанду, допускается, если сія послѣдняя составляетъ *либо* по стоимости, *либо* по вѣсу, *либо* по объему, *либо* по цѣнѣ фрахта, *болѣе половины* груза“. Хотя такая альтернатива даетъ возможность воюющему выбрать наиболѣе выгодный для себя, т. е. открывающій возможность конфискаціи судна, признакъ, но она точно также даетъ возможность нейтральному избѣжать конфискацію судна, избѣгая нагрузки судна контрабандою выше указаннаго размѣра по наименѣе выгодному признаку.

Вслѣдствіе противоположности интересовъ воюющихъ—стѣснить свободу нейтральныхъ въ доставкѣ товаровъ непріятелю, и нейтральнаго—охранить эту свободу въ наибольшихъ размѣрахъ,толкованіе понятія военной контрабанды всегда служило предметомъ нескончаемыхъ споровъ не только на практикѣ, но и въ теоріи. Въ то время какъ защитники свободы нейтральныхъ старались установить такія опредѣленія контрабанды, которыя не позволяли бы чрезмѣрно расширять списокъ подлежащихъ захвату товаровъ, защитники интересовъ воюющихъ, наоборотъ, давали понятію контрабанды возможно широкое толкованіе. Между тѣмъ какъ Актъ вооруженнаго нейтралитета 1780 г., составленный въ интере-

сахъ нейтральныхъ, вполнѣ опредѣленно подводилъ подъ понятіе контрабанды только предметы непосредственно употребляемые для военныхъ цѣлей. Парижская морская декларація 1856 г., имѣвшая цѣлью устранить порождающую „прискорбные споры", „серьезныя затрудненія и даже столкновенія" „неопредѣленность правъ и обязанности" нейтральныхъ и воюющихъ въ морской войнѣ, устанавливаетъ лишь, что нейтральный флагъ покрываетъ (т. е. дѣлаетъ неприкосновеннымъ для воюющаго) непріятельскій грузъ, за исключеніемъ в. контрабанды, и что нейтральный грузъ, за исключеніемъ в. контрабанды, не подлежитъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ (т. е. на непріятельскомъ суднѣ). Самое же понятіе в. контрабанды оставлено было Декларацією 1856 г. безъ опредѣленія.

По существу постановленія Лондонской декларації 1909 г. не вносятъ ничего новаго въ опредѣленіе понятія в. контрабанды. Они лишь придаютъ ему бо́льшую опредѣленность съ точки зрѣнія оперированія этимъ понятіемъ на практикѣ. И въ этомъ отношеніи прежде всего важно принципіальное опредѣленіе конференціею 1908—1909 г. предметовъ *не контрабандныхъ:* „Предметы и матеріалы неспособные служить для военныхъ надобностей, не могутъ быть объявлены военною контрабандою".—27 ст. декларації, не внося ничего новаго въ это опредѣленіе, издавна принятое традиціонною доктриною и даже практикою, но недостаточное для практическаго разрѣшенія возможныхъ споровъ, такъ какъ при желаніи всякій товаръ можетъ быть признанъ пригоднымъ для военныхъ надобностей, декларація даетъ ему значительную опредѣленность, иллюстрируя его въ т. наз. „свободномъ спискѣ" товаровъ *немогущихъ* быть в. контрабандою. Ст. 28: „Не могутъ быть объявляемы военною контрабандою нижеслѣдующіе предметы: 1) хлопокъ-сырецъ, сырые: шелкъ, шерсть, джутъ, ленъ конопля и проч. *сырые матеріалы* прядильной промышленности, равно какъ ихъ *пряжа;* 2) орѣхи и маслянистыя сѣмена, копра; 3) каучукъ, резина, лакъ, хмель; 4) сырыя кожи, рога, кость; 5) удобреніе естественное и искусственное для земледѣлія; 6) руды; 7) глина, известь, мѣлъ, камень (мраморъ), кирпичъ, черепица; 8) фарфоръ и стекло; 9) бумага и масса для ея выдѣлки; 10) мыла, краски, матеріалы для ихъ производства, политура; 11) известковый хлоритъ, сода, амміакъ, окись мѣди; 12) машины для земледѣлія, рудного дѣла, прядильныя и печатныя; 13) драгоцѣнные камни; 14) часы всякіе, за исключеніемъ хронометровъ; 15) предметы моды и роскоши; 16) перья, волосъ и щетина, и 17) предметы меблировки или убранства, конторскія принадлежности".

Коль скоро, по смыслу ст. 27, неконтрабандными товарами являются тѣ, которые „неспособны служитъ для военныхъ надобностей", то контрабандою являются всѣ предметы, „способные" служить для этой надобности. И въ этомъ опредѣленіи декларація санкціонируетъ традиціонную доктрину такъ же, какъ и въ дальнѣйшихъ своихъ постановленіяхъ по этому вопросу. Но опять-таки и здѣсь она въ значительной степени сокращаетъ свободу воюющихъ для толкованія доктрины въ направленіи исключительно благопріятномъ для себя. Такъ, прежде всего, она не ограничивается опредѣленіемъ контрабанды по свойству товаровъ (какъ Актъ 1780 г.). По буквальному смыслу даже деклараціи 1856 г., контрабандный товаръ, найденный воюющимъ на нейтральномъ суднѣ, подлежалъ конфискаціи независимо отъ его назначенія. Между тѣмъ самое понятіе в. контрабанды логически не допускаетъ такого толкованія. Оно предполагаетъ торговлю не нейтральныхъ между собою, а нейтральныхъ съ воюющими и характеръ *военной* контрабанды товаръ (даже оружіе) можетъ пріобрѣсти исключительно только при предназначеніи его для воюющаго, а не для нейтральнаго,—торговля между нейтральными абсолютно свободна и война ихъ взаимныхъ отношеній не касается; незаконною съ точки зрѣнія м. права войны является исключительно только торговля предметами в. контрабанды въ отношеніи непріятеля и отъ нея воюющій, интересы коего этимъ нарушаются, можетъ оградить себя мѣрами, допускаемыми м. правомъ. Такъ. образ слѣдовательно опредѣленіе в. контрабанды только по свойству товаровъ было бы одностороннимъ: извѣстный товаръ самъ по себѣ, а именно товаръ, обладающій способностью служить для военныхъ надобностей, получаетъ характеръ в. контрабанды лишь при условіи опредѣленнаго его назначенія; лишь оба признака—*свойство товара и его назначеніе*—въ своей совокупности и нераздѣльности даютъ товару характеръ в. контрабанды. Поэтому взятые въ отдѣльности въ каждомъ конкретномъ случаѣ они могутъ привести къ неправильнымъ заключеніямъ. Такъ какъ исторія представляетъ безчисленные примѣры споровъ на этой почвѣ, то Лондонская декларація устанавливаетъ здѣсь болѣе точные критеріи. Относительно свойства товаровъ „способныхъ служить для военныхъ надобностей" она сохраняетъ традиціонное раздѣленіе ихъ на предметы контрабанды *абсолютной*,—предметы, служащіе исключительно для войны, —и контрабанды условной или *относительной*—могущіе служить какъ для военныхъ, такъ и для мирныхъ надобностей (res ancipitis usus). Тѣ и другіе получаютъ характеръ в. контрабанды при назначеніи ихъ для

воюющаго, но съ нѣкоторымъ различіемъ, а именно: первые—когда они направляются вообще по непріятельскому назначенію; вторые же только когда они предназначены для непріятельскихъ военныхъ силъ или непріятельскаго правительства (его правительственныхъ управленій). Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація даетъ примѣрные списки того и другого рода товаровъ. Установивъ списокъ предметовъ контрабанды, въ особенности относительной, декларація ограждаетъ интересы воюющихъ, ограждая ихъ отъ возможности споровъ и недоразумѣній съ непріятелями.

Ст. 22 декларації 1909 г. гласитъ: „Почитаются, по праву, в. контрабандою нижеслѣдующіе предметы и матеріалы, именуемые контрабандой абсолютной: 1) всякаго рода оружіе, *включая и охотничье*, а также и отдѣльныя къ нему части; 2) снаряды, заряды и патроны всякаго рода и отдѣльныя къ нимъ части; 3) порохъ и взрывчатыя вещества, спеціально употребляемыя на войнѣ; 4) пушечные станки, ящики, передки, фургоны, полевыя кузницы и отдѣльныя части къ нимъ; 5) предметы, спеціально относящіеся къ военному обмундированію и снаряженію; 6) спеціально военная упряжь; 7) верховыя, обозныя и вьючныя животныя, *могущія* служить для войны; 8) предметы лагернаго снаряженія; 9) брони; 10) военныя суда и шлюпки и отдѣльныя ихъ части, по своимъ особенностямъ не могущія быть использованными иначе, какъ на военномъ суднѣ, и 11) инструменты и приборы, исключительно предназначенные для изготовленія боевыхъ припасовъ, оружія и предметовъ военнаго снаряженія". Въ предвидѣніи новыхъ военныхъ изобрѣтеній, не нашедшихъ себѣ мѣсто въ общ. спискѣ декларації, ст. 23 дозволяется воюющимъ прибавлять къ этому списку предметовъ абсолютной контрабанды и другіе предметы „исключительно служащіе для войны". Какъ мы уже замѣтили, для того, чтобы всѣ эти предметы могли быть признаны в. контрабандой, требуется, чтобы они шли по непріятельскому назначенію, а *въ отношеніи ихъ* такимъ назначеніемъ признается „непріятельская территорія или территорія имъ занятая или его военныя силы" (ст. 30). Ст. 45 декларації приравниваетъ къ перевозкѣ абсолютной контрабанды завѣдомую перевозку военныхъ непріятельскихъ отрядовъ или отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ непріятеля или лицъ, кои во время плаванія оказываютъ прямое содѣйствіе операціямъ непріятеля.

Предметы *относительной* контрабанды перечислены въ ст. 24 декларації: „Почитаются, по праву, военной контрабандою предметы и матеріалы, могущіе служить какъ для военныхъ, такъ и для мирныхъ надобностей и именуемые условной контрабандой: 1) съѣстные припасы; 2) фуражъ и злаки, годные для питанія животныхъ; 3) платье и ткани для одежды и обувь, годные для военныхъ надобностей; 4) золото и серебро въ монетахъ и слиткахъ, и денежные бумажные знаки; 5) повозки всякаго рода, могущія служить для войны, и отдѣльныя ихъ части; 7) желѣзнодорожный матеріалъ, матеріалы для телеграфовъ, радіотелеграфовъ и телефоновъ; 8) аэростаты и приборы для воздухоплаванія, принадлежности и матеріалы, опредѣленно назначенные для воздухоплаванія; 9) топливо, смазочныя вещества; 10) порохъ и взрывчатыя вещества, употребляемыя не исключительно на войнѣ; 11) колючая проволока и инструменты, служащіе для ея укрѣпленія и срѣзыванія; 12) подковы и кузнечный матеріалъ; 13) предметы упряжи и сѣдельныя принадлежности, и 14) бинокли, зрительныя трубы, хронометры и различные мореходные инструменты". Какъ и относительно списка предметовъ абсолютной контрабанды, воюющимъ предоставляется, по силѣ ст. 23, объявлять особымъ актомъ, въ качествѣ добавленія къ этому списку, предметами условной контрабанды и другіе предметы того же рода. Съ другой стороны, какъ и относительно предметовъ абсолютной контрабанды предметы условной контрабанды признаются таковыми лишь въ зависимости отъ ихъ назначенія, при чемъ послѣднее соотвѣтственно двойственному, не чисто военному характеру этихъ предметовъ, должно быть такого, чтобы именно на основаніи его возможно было предположеніе о спеціально военномъ ихъ назначеніи, а слѣд. и о ихъ военно-контрабандномъ характерѣ. По ст. 33: „Предметы условной контрабанды подлежатъ захвату, если установлено, что они предназначены для военныхъ силъ или управленій непріятельскаго госуд-ва, развѣ только въ семъ послѣднемъ случаѣ обстоятельства доказываютъ, что, въ дѣйствительности, данные предметы не могутъ быть использованы въ происходящей войнѣ; эта послѣдняя оговорка не имѣетъ примѣненія къ предметамъ, обозначеннымъ въ п. 4 ст. 24 (деньги)". Такое ограниченіе мѣстъ назначенія предметовъ условной контрабанды вполнѣ оправдывается ихъ двойнымъ характеромъ, такъ какъ при иныхъ условіяхъ могли бы быть признаны недозволенными перевозки, по существу, чисто мирныя,—напр. съѣстные припасы, одежда, уголь для отопленія частныхъ жилищъ и заводовъ, суда для торговаго и пассажирскаго судоходства и т. п.

Условія, которыя ставятся декларацією для захвата контрабанды различны для абсолютной и для относительной контрабанды. Именно,

дѣлается различіе въ способѣ доставки обусловливающемъ захватъ: при провозѣ абсолютной контрабанды „безразлично, совершается ли онъ прямо, или онъ сопряженъ съ перегрузкой или съ перевозкой сухимъ путемъ“ (ст. 30); здѣсь вопросъ о захватѣ рѣшается мѣстомъ назначенія груза, а не судна. Относительно же контрабанды условной 35 ст. постановляетъ: „Предметы условной контрабанды подлежатъ захвату не иначе, какъ на суднѣ, которое направляется въ мѣстность, принадлежащую непріятелю или имъ занятую, или же къ его военнымъ силамъ, и которое (судно) при этомъ не должно выгрузить сказанные предметы въ какомъ-либо промежуточномъ нейтральномъ портѣ“. Слѣд. здѣсь вопросъ о правѣ захвата разрѣшается не только мѣстомъ назначенія груза, но и непосредственностью его доставки, т. е. мѣстомъ назначенія судна. Но декларація почему-то не дѣлаетъ подобнаго же различенія въ вопросѣ о наказуемости судна за перевозку контрабанды: ст. 37 говоритъ: „судно, перевозящее предметы, подлежащіе захвату въ качествѣ абсолютной или относительной контрабанды, мож. быть захвачено въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющихъ сторонъ въ продолженіе всего путешествія, хотя бы даже оно имѣло намѣреніе зайти въ промежуточный портъ, прежде чѣмъ достигнутъ непріятельскаго назначенія“. Здѣсь очевидная тенденція покарать перевозчика во всякомъ возможномъ случаѣ. Къ абсолютной контрабандѣ приравниваются декларацією непріятельскіе военные отряды, отдѣльные непріятельскіе воины и нѣкоторыя другія лица, спеціально дѣйствующія въ интересахъ непріятеля. Такой взглядъ, оправдывающійся и м. практикою и доктриною, хотя и не высказывается въ декларации прямо, но вытекаетъ изъ того, что нѣкоторыя „услуги воюющему“ приравниваются декларацією, по своимъ послѣдствіямъ, къ перевозкѣ контрабанды, и притомъ, абсолютной. Ст. 45: Нейтральное судно конфискуется и вообще подвергается тѣмъ послѣдствіямъ, коимъ подлежало бы нейтр. судно, могущее быть конфисковано за военную контрабанду: 1) когда оно совершаетъ плаваніе спеціально для перевозки отдѣльныхъ пассажировъ, входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ непріятеля, или для передачи свѣдѣній въ интересахъ непріятеля, и 2) когда *завѣдомо* для собственника или для лица, зафрахтовавшаго судно въ цѣломъ, или для капитана, оно перевозитъ непріятельскій военный отрядъ или одно или нѣсколько лицъ, кои во время плаванія оказываютъ прямое содѣйствіе операціямъ непріятеля.

Нарушеніе блокады. Нейтральнымъ судамъ, проникшимъ въ портъ до объявленія блокады, разрѣшается свободный выходъ изъ него съ грузомъ или безъ него; обыкновенно это право ограничивается извѣстнымъ срокомъ (отъ 1 до 6 недѣль). *Каждое нейтральное судно*, которое несмотря на *дѣйствительную* блокаду, надлежащимъ образомъ объявленную и *ему извѣстную*, старается хитростью или насиліемъ проникнуть въ блокированное мѣсто, дѣлается виновнымъ въ *нарушеніи блокады;* за это оно захватывается, отводится затѣмъ къ призовому суду, который, въ случаѣ признанія захвата правильнымъ, присуждаетъ судно къ конфискаціи. Грузъ, состоящій изъ военной контрабанды, конфискуется. Прочіе товары конфискуются лишь смотря по тому, было ли извѣстно владѣльцу намѣреніе шкипера, причемъ отъ владѣльца требуютъ доказательства, что назначеніе судна ему было неизвѣстно.—Не подлежитъ захвату судно, загнанное бурей или иною force majeure въ сферу блокирующей эскадры.

Право осмотра. Для воспрепятствованія нейтральнымъ заниматься запрещенною торговлею (военной контрабандой), для удостовѣренія, не направляется-ли нейтральное судно въ блокированный портъ и не везетъ ли оно военной контрабанды, и для удостовѣренія въ дѣйствительной принадлежности судна нейтральному госуд-ву, военнымъ судамъ воюющихъ госуд-въ присвоивается право *осмотра* нейтральныхъ судовъ въ открытомъ морѣ и въ водахъ воюющихъ (но не нейтральныхъ) державъ. Осмотръ состоитъ въ провѣркѣ корабельныхъ бумагъ и допросѣ экипажа. Въ случаѣ недостаточности документовъ или подозрѣнія въ подложности ихъ или невѣрномъ показаніи экипажа, дозволяется *обыскъ* нейтральнаго корабля. Не подлежатъ осмотру нейтральныя военныя суда и коммерческія суда, идущія подъ конвоемъ военнаго судна. Въ этомъ случаѣ „командиръ конвоя даетъ письменно, по просьбѣ командира военнаго судна воюющаго, всѣ тѣ свѣдѣнія относительно характера конвоируемыхъ имъ судовъ и ихъ груза, которыя могли бы быть получены путемъ осмотра“. Если командиръ судна воюющаго имѣетъ основаніе подозрѣвать, что командиръ конвоя былъ введенъ въ заблужденіе, онъ сообщаетъ ему свои подозрѣнія. Командиру конвоя одному принадлежитъ въ этомъ случаѣ производство провѣрки, результаты которой сообщаются офицеру военнаго судна. Если установленныя такимъ путемъ обстоятельства оправдываютъ, по мнѣнію командира конвоя, захватъ одного или нѣсколькихъ судовъ, то послѣднія должны быть лишены охраны конвоя“ (ст. 62 Лонд. декл. 1909 г.). Въ силу 2 ст. XI конвенціи 1907 года нейтральные почтовые пароходы не освобождаются отъ осмотра, но „осмотръ ихъ долженъ имѣть мѣсто только въ

случаѣ необходимости, со всею возможною осмотрительностью и быстротою". (См. ф. Резонъ, Объ остановкѣ, осмотрѣ и задержаніи торговыхъ судовъ). „Сопротивленіе, оказанное силою законному осуществленію правъ остановки, осмотра и захвата, влечетъ за собой во всѣхъ случаяхъ конфискацію судна" (ст. 63 Лонд. декл.).

ДОБАВЛЕНІЕ.

Къ стр. 300: Въ октябрѣ 1909 г. въ Парижѣ собиралась м. конференція 16 европейскихъ госуд-въ по вопросу объ облегченіи м. передвиженія автомобилей, а въ П. 1909 г. подписана конвенція по этому вопросу (см. Собр. Узак. 1911 г. № 16 ст. 155). Всякій автомобиль, чтобы быть допущеннымъ къ м. передвиженію по общественнымъ дорогамъ, долженъ быть признанъ пригоднымъ для движенія надлежащими властями, или принадлежитъ къ опредѣленному допущенному типу. Кнвенція опредѣляетъ обязательныя части механизма, условія, коимъ должны удовлетворять лица, управляющія автомобилями, форму м. дорожныхъ свидѣтельствъ, расположеніе нумерныхъ національныхъ знаковъ на автомобиляхъ и однообразный способъ обязательнаго расположенія по дорогамъ для указанія опасныхъ мѣстъ только знакевъ, изображенныхъ въ приложеніи къ конвенціи.